Bibliotheca Baltoslavica Budapestiensis

В. А. Федосов

Русский язык в Венгрии

Научные исследования

BBB IV.

Русский язык в Венгрии

Памяти профессора Йожефа Крекича

Bibliotheca Baltoslavica Budapestiensis
IV.

Redigit
Andreas Zoltán

В. А. Федосов

Русский язык в Венгрии
Научные исследования

Tolsztoj Társaság — Argumentum
Budapest, 2015

В. А. ФЕДОСОВ

Русский язык в Венгрии
Научные исследования

Tolsztoj Társaság — Argumentum
Budapest, 2015

A könyv megjelenését
az Alapítvány a Kelet- és Közép-európai Kutatásért és Képzésért
támogatta

A könyv illusztrált változata elektronikus formában elérhető
a Tolsztoj Társaság honlapján (http://www.tolsztojtarsasag.hu/)

Lektorálták

JÁSZAY LÁSZLÓ

ZOLTÁN ANDRÁS

Technikai szerkesztő

BOGDÁN ZSOMBOR

Borítóterv

HAN ANNA

A borítón
a római Szent Kelemen székesegyház kupoláját díszítő mozaik részletei láthatók

© Федосов, Виктор Александрович (szerző), 2015

© Zoltán András (sorozatszerkesztő), 2015

HU ISSN 1787-3665
ISBN 978-963-12-3118-2

Предисловие

Русистика – это не только наука о русском языке (как принято считать в венгерской и русской традиции), но и преподавание русского языка, причем на первом месте стоит преподавание, обусловливающее научное изучение. Как известно, сначала люди измеряли землю, а потом появилась геометрия. Разумеется, к русистике относится и русская литература, и русская культура.

В данной книге венгерская русистика описывается только как **наука о русском языке**. Преподавание русского языка в Венгрии излагается в другой книге автора: «Русский язык в Венгрии. Преподавание языка» (Федосов 2015).

Книга получилась большая, но не всё, что было в Венгрии в области научного исследования русского языка, удалось в ней поместить. Кое-что осталось вне книги. Однако всё главное, что было в венгерских научных исследованиях русского языка, в книге все-таки, по нашему мнению, представлено. Все главные работы в области науки о русском языке – проанализированы, все известные венгерские русисты – названы. В соответствующих разделах книги помещены портреты венгерских русистов и копии обложек их работ (почти все фотографии – автора книги).

Книга состоит из 7-ми глав, подразделяющихся на разделы. Каждая глава начинается с тезисов.

Автор книги долгое время был тесно связан с Венгрией, с ее русистикой, с ее русистами. С 1980 года по 1984 год работал деканом, а затем, с 1984 года, – заведующим кафедрой русского языка на Венгерском отделении Владимирского педагогического института в России, где проходили включенное обучение венгерские студенты (свыше 200 студентов сразу в семестр). На кафедре издавались русско-венгерские сборники по вопросам преподавания русского языка в венгерской учебной аудитории (редактором сборников был автор). Затем, после «смены системы», когда включенное обучение венгерских студентов прекратилось, автор в течение 18 лет, с 1991 по 2009 год, преподавал русский язык в Венгрии – работал лектором в Ньиредьхазском педагогическом институте. Одновременно приходилось быть и активным научным работником: писать рецензии на книги своих венгерских коллег (со всей Венгрии), составлять отзывы на их диссертации, выступать на многочисленных конференциях, защитах диссертаций, публиковать статьи в венгерских журналах и т. д. В итоге у автора собралось много материала по венгерской русистике, которые он и решил изложить в данной книге.

Библиография венгерской литературы по русскому языку помещается не в конце книги (как обычно), а после каждого отдельного раздела или даже внутри раздела, в котором она рассматривается.

Литература

Федосов В. А. Русский язык в Венгрии. Преподавание языка. Saarbrücken, Palmarium Academic Publishing 2015. 560 с.

Введение

Венгерская русистика. В энциклопедии о русистике сказано, что русистика «имеет двоякое содержание. В широком понимании русистика – это область филологии, занимающаяся русским языком, литературой и словесным фольклором; в узком смысле слова русистика – наука о русском языке в его истории и современном состоянии» (Лингвистический энциклопедический словарь 1990, с. 425). Венгерская русистика – это русистика в широком понимании этого слова: это не только изучение русского языка, но также и изучение русской литературы. При этом работ (книг и статей), опубликованных на тему литературоведческой русистики в Венгрии оказывается столько же, сколько и работ на тему языковедческой русистики. Об этом свидетельствует, например, библиография: A szlavisztika 50 éve… 1999. Есть в названой библиографии еще (около ста публикаций) по культуроведческой русистике, о которой в вышеназванной энциклопедии ничего не сказано. Получается, что венгерская русистика – это 1) научное и учебное изучение русского языка (узкое понимание русистки), 2) научное и учебное изучение также и русской литературы (широкое понимание), 3) изучение также и русской культуры (наиболее широкое понимание). В настоящей книге, повторяем, венгерская русистика берется в самом узком смысле этого слова: это **наука о русском языке,** в том числе и о языке русской литературы (но не о самой литературе).

Русистика в Венгрии достигла наибольших успехов во 2-ой половине XX века. Русистика в это время была «систематической». Русский язык преподавался в каждой школе. В каждом вузе была самостоятельная кафедра русского языка. Русский язык описывался во всех аспектах – как практических, так и теоретических, во всех разделах русского языка (фонетика, грамматика, лексикология и др.).

До названного периода русистика в Венгрии была «эпизодической» (XIX век–1-ая половина XX века): русский язык преподавался в основном только на славянской кафедре Будапештского университета. «Эпизодической» же стала русистика в Венгрии и к началу XXI века. Ниже речь пойдет о венгерской русистике применительно ко второму ее периоду.

Итак, русистика в Венгрии – это исследования русского языка, русской литературы, русской культуры, осуществляемые учеными-венграми, для которых русский язык, русская литература, русская культура не являются родными. В какой мере эти исследования могут быть глубокими, ценными для науки? Может ли лингвист, исследуя неродной для него язык, сказать новое слово в науке об этом языке?

Такой вопрос (точно в такой формулировке) поставил академик Ференц Папп, начиная свой доклад на международной конференции 18 апре-

ля 1993 года в Российском культурном центре в Будапеште. В зале присутствовали преподаватели русского языка, работавшие в вузах, школах и гимназиях Венгрии, были также русисты из других стран, в том числе и автор этих строк (см. об этом: Федосов 2000). Для всех них этот вопрос был злободневным.

Ф. Папп сказал тогда, что, исследуя неродной язык, лингвист вполне может сделать важный вклад в науку об этом языке, но – добавил – для этого он должен правильно выбрать методы своего исследования. К таким методам Ф. Папп отнес: 1) объективные методы, 2) сравнительно-сопоставительный метод.

Изучение русского языка объективными методами. Под объективными методами Ф. Папп имел в виду прежде всего применение компьютеров в исследовании языка. В качестве примера успешного изучения русского языка с помощью объективных методов Ф. Папп называл «Частотный словарь русского языка», составленный с использованием компьютеров в США Г. Г. Джоссельсоном (Josselson 1953) – задолго до того (заметил Ф. Папп), как составили такой словарь, причем вручную, без использования компьютеров, в Советском Союзе (Штейнфельдт 1963). Поскольку частотные словари для каждого языка имеют важное значение (после толковых словарей) – как в научном, так и в практическом аспектах, то, говорил Ф. Папп, нетрудно понять важность работы Г. Г. Джоссельсона, которая была осуществлена в другой стране и исследователем – носителем другого языка.

Далее Ф. Папп назвал еще один словарь русского языка, составленный с помощью компьютеров, – «Словообразовательный словарь русского языка» Д. С. Ворта (Worth и др. 1970). Этот прорыв, как квалифицировал этот словарь Ф. Папп, в объективном изучении русского словообразования тоже был сделан не в России, а в США, где русский язык, конечно же, не является родным, даже для самого Д. С. Ворта.

Ф. Папп рассказал о проводившемся в Венгрии, в Дебреценском университете, анализе текстов «Евгения Онегина» А. С. Пушкина с помощью компьютера (Лацик 1980). Такой работой в России тоже не занимались. Ф. Папп подчеркнул, что речь идет не просто о том, что описывается то, что раньше не описывалось, – речь идет о новых принципах описания, осуществленных с помощью объективного, компьютерного анализа. Впрочем, сам по себе факт описания того, что раньше не описывалось, тоже (говорил Ф. Папп) имеет важное для науки значение.

Ф. Папп отметил консерватизм российских лингвистов в отношении компьютерных методов изучения русского языка. В связи с этим Ф. Папп долго и тепло говорил о А. А. Зализняке, о его «Грамматическом словаре» (Зализняк 1977), о важности этого словаря для науки, о его ценности для практики и т. д. Но ведь этот словарь, сказал Ф. Папп, составлен

А. А. Зализняком вручную, хотя подобную работу с успехом можно было выполнить с помощью компьютера. Для компьютера – составление обратного словаря, как и словаря алфавитного, – одна из самых простых, тривиальных задач. Более того, заметил Ф. Папп, когда он, который в это время пребывал в Москве, в Институте языкознания, а также другие молодые русские лингвисты, захотели перевести этот словарь на перфокарты (тогда компьютеры работали на перфокартах), то А. А. Зализняк не проявил к этому никакого интереса и никак этому не способствовал. Даже тогда, когда молодые ученые все-таки перевели этот словарь на перфокарты, то ни А. А. Зализняк и никто другой в Институте языкознания не поинтересовались этим мероприятием. Перфокарты долго лежали ненужным грузом – до тех пор, пока финский русист А. Мустайоки не взял их из Института. В Институте были даже рады тому, что освободились от них. А. Мустайоки на этом материале организовал в Финляндии выпуск целой серии «тетрадей»: «Слова с беглыми гласными в русском языке», «Слова с чередованием звуков», «Слова с суффиксами», «Слова без суффиксов» др. Это ведь тоже, сказал Ф. Папп, описание русского языка, и тоже очень нужное, не только научно-ценное, но и практически необходимое. И опять-таки, подчеркнул Ф. Папп, осуществлено это описание не в России, а за ее пределами.

Ф. Папп сделал вывод, что при использовании объективных методов при исследовании языка, в частности при применении компьютеров, удается посмотреть на язык «со стороны». При прочих равных условиях, этот взгляд может быть более свежим, может помочь увидеть в языке принципиально новые вещи, чем если смотреть на язык «изнутри», как это делают специалисты, для которых исследуемый язык является родным.

Изучение русского языка сравнительно-сопоставительными методами. Эти методы, говорил Ф. Папп в своем докладе, тоже позволяют посмотреть на исследуемый язык «со стороны» – и, вполне возможно, сформулировать более глубокие истины, чем при взгляде на язык «изнутри». В качестве примера Ф. Папп назвал венгерско-русский и русско-венгерский переводные словари (Hadrovics, Gáldi 1981), явившиеся, по его оценке, фундаментальными трудами по лексикографии. Подобную работу, сказал Ф. Папп, невозможно было осуществить в России. В настоящее время, продолжал Ф. Папп, в Венгрии проводятся новые исследования в области русско-венгерской переводной лексикографии – на таком уровне, который в России недостижим.

Вообще, все сравнительно-сопоставительные исследования, а не только составление переводных словарей, с успехом могут проводить специалисты, для которых русский язык не является родным. Венгерские лингвисты, сравнивая русский язык со своим родным языком, могут таким образом добиваться больших успехов, чем русские лингвисты. Венгерские

лингвисты в этом случае имеют больше оснований для глубоких сопоставительных исследований русского и венгерского языков, чем русские лингвисты. Неслучайно именно в Венгрии появилось основное количество сопоставительных русско-венгерских работ. Сопоставление присутствует даже в работах, предметом которых является только русский язык, например: Papp 2006, все книги из цикла «Современный русский язык», написанные И. Пете, и мн. др. Сугубо сопоставительные работы оказались возможными только в Венгрии, например: Дежё 1984, Шальга 1984, Яношка 1984 и др.

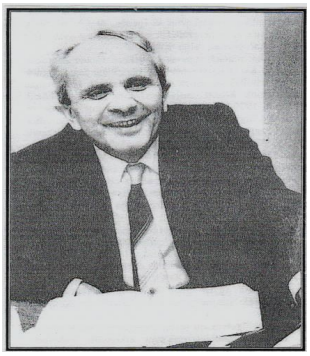
Итак, возвращаясь к вопросу, поставленному Ф. Паппом, – лингвист, исследуя неродной для него язык, вполне может сказать новое слово в науке об этом языке – при условии, если правильно выберет область и методы исследования, если, например, он 1) будет изучать этот язык объективными методами; 2) будет использовать сопоставительные методы, сравнивая изучаемый неродной язык с родным языком.

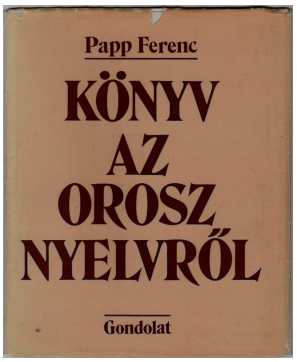
Академик Ференц Папп. Ф. Папп – выдающийся русист Венгрии (см. список его трудов, его биографию: Papp 2006). Работы Ф. Паппа по русскому языку известны не только в Венгрии и России, но и в других странах. Некоторые из этих работ представляют собой не просто научный вклад в русистику, но являются пионерскими по своему характеру – открывают в русистике новые направления. К таким работам надо отнести, в частности, его публикации (на этот раз уже не по компьютерной лингвистике) по теме «Паралингвистические средства русского языка». Его работы по русскому речевому этикету, к которому он подходил «со стороны» венгерского речевого этикета и видел в русском этикете больше, чем мог увидеть тогда носитель русского языка, – появились уже в 60-ых годах (например, Папп 1964). Новизна широко известного в Венгрии (и в России) университетского «Курса современного русского языка» (Болла, Палл, Папп 1968), состояла также и в том, что «Курс» содержал написанный Ф. Паппом раздел «Паралингвистические факты. Этикет и язык», который был затем перепечатан в России в специальном сборнике «Современная зарубежная русистика» (см. Новое в зарубежной лингвистике 1985), как представляющий важный вклад в науку зарубежных исследований русского языка. О русском речевом этикете есть глава также и в книге: Papp 1979. Известные работы по русскому речевому этикету А. А. Акишиной и Н. И. Формановской, в том числе и в сопоставлении с венгерским речевым этикетом (Формановская, Сепеши 1986) появились уже после работ Ф. Паппа.

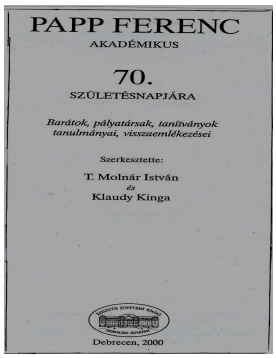
Что касается объективных методов, используемых Ф. Паппом при изучении им русского языка (или под его руководством), то им посвящено, если судить по библиографии его работ, почти половина его научных публикаций. Ф. Папп в течение многих лет руководил (сначала в Акаде-

мии наук Венгрии, а затем в Дебреценском университете) лабораторией по исследованию с помощью компьютеров статистических, грамматических и лексических свойств русского и венгерского языков (см. в частности: Папп 1969). Выше уже был упомянут «Обратный конкорданс к роману в стихах А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Назовем еще одну работу: «Обратный конкорданс к комедии А. П. Чехова «Вишневый сад» (Лацик 1989). См. книгу Ф. Паппа «Дебреценские конкордансы» (Papp 2000).

По итогам своих «компьютерных» исследований, в которых объективный метод изучения русского языка соединялся со сравнительным изучением двух языков, Ф. Папп регулярно выступал в лингвистических журналах различных стран, с докладами на научных конференциях. Пишущий эти строки слушал, в частности, его доклад под названием «Компьютеры в лингвистических разысканиях», с которым Ф. Папп выступил 29 января 1992 года во время международных «Дней русистики», проводимых регулярно в Дебреценском университете. Ф. Папп демонстрировал тогда программы автоматического распознавания сложных слов в русском и венгерском языках. Применительно к русскому языку эта проблема решалась у него проще, чем применительно к венгерскому языку, в котором сложные слова очень длинны – в русском языке они соответствуют словосочетаниям. Напротив, задача распознавания падежа существительного по заданной форме, а также задача синтезирования формы по заданному падежу проще решалась у него применительно к венгерскому языку, в котором морфологические формы присоединяются к основе слова относительно свободно (усложняет дело только сингармонизм), чем применительно к русскому языку, где между основой и флексией почти всегда появляется «фузия».

Академик Ференц Папп

Помню также доклад Ф. Паппа под названием «Зализняк на машине» (Папп 1996), прочитанный им 29 апреля 1996 года на международной

конференции «Славянские языки: теория и преподавание» в Печском университете. В докладе он говорил об исследованной им на компьютерах русской морфологии «в свете» венгерской морфологии, – вспоминая русского академика А. А. Зализняка (и его «Грамматический словарь») той поры (60–70-ые годы), когда, как заметил Ф. Папп, А. А. Зализняк еще не был академиком, но уже был Зализняком.

К началу XXI века русистика в Венгрии перестала быть «систематической», снова стала «эпизодической». В школах русский язык почти перестал преподаваться; в университетах его стали преподавать как один из славянских языков. Почти прекратились и научные исследования в области русского языка. Ушли из активной деятельности известные венгерские русисты, а некоторые из них – ушли и из жизни, в том числе и акад. Ф. Папп (в 2001 г.). Вечная ему память!

Литература

Болла К., Палл Э., Папп Ф. Курс современного русского языка. Под ред. Ф. Паппа. Изд. 4-ое. Budapest, Tankönyvkiadó, 1968.

Дежё Л. Типологическая характеристика русской грамматики в сопоставлении с венгерской. Будапешт, 1984.

Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка. Словоизменение. Москва, 1977.

Йонаш Э., Федосов В. А. Памяти академика Ференца Паппа. Slavica XXXI. Debrecen, 2001. pp. 237–238. См. также: Памяти академика Ференца Паппа. – Тезисы докладов на VII Международной научно-методической конференции «Современный русский язык». Будапешт, 2002, с. 6–8.

Лацик М. (сост.). Обратный конкорданс к роману в стихах А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Под ред. Ф. Паппа. Дебрецен, 1980.

Лацик М. (сост.). Обратный конкорданс к комедии А. П. Чехова «Вишневый сад». Под ред. Ф. Паппа. Ньиредьхаза, 1989.

Лингвистический энциклопедический словарь. Ред. В. Н. Ярцева. Москва, Наука. 1990.

Новое в зарубежной лингвистке. Выпуск 15. Москва. 1985.

Папп Ф. Этикет и язык. «Русский язык в национальной школе». 1. 1964. с. 74–77.

Папп Ф. Совместные исследования в области автоматической обработки русских и венгерских текстов. Slavica IX. Debrecen,1969. Стр. 65–69.

Папп Ф. Зализняк на машине. In: Lendvai Endre (szerk.). Slavica Quinqueecclesiensia II. Pécs,: Krónika Kiadó. 1996. с. 13–23.

Федосов В. А. Может ли лингвист, исследуя неродной язык, сказать новое слово в науке? – Сб. Papp Ferenc akadémikus 70. születésnapjára. [К 70-летию акад. Ф. Паппа].Debrecen, 2000, p. 17–22.

Формановская Н., Сепеши Э. Русский речевой этикет в зеркале венгерского языка. Москва, Русский язык. – Budapest: Tankönykiadó, 1986.

Шальга А. Венгерский язык в зеркале русского языка. Будапешт, 1984.

Штейнфельдт Э. А. Частотный словарь современного русского литературного языка. Таллин: Просвещение, 1963.

Яношка Ш. Сопоставление русских и венгерских сложных предложений. Budapest, 1984.

A szlavisztika 50 éve a Kossuth Lajos Tudományegyetemen 1949–1999. [50 лет славистики в Дебреценском университете]. Szerk. Agyagási Klára. Debrecen, 1999.

Bihari József, H. Tóth Imre. Bevezetés a russzisztikába. Budapest, 1976.

Hadrovics László, Gáldi László (szerk.). Magyar–orosz szótár. 1-2. Orosz–magyar szótár. 1-2. Hatodik, változatlan kiadás.[Русско-венгерский словарь. Венгерско-русский словарь]. Budapest, Akadémiai Kiadó, 1981.

Josselson H. H. 1953. The Russian Word Count and Frequency Analysis of Grammatical Categories of Standard Literary Russian Detroit: Wayne University Press, 1953.

Nyomárkay István szerk. A magyarországi szláv nyelvtudomány bibliográfiája 1985-ig. [Библиография венгерской славистики до 1985 г.] Budapest, 1990.

Papp Ferenc. Könyv az orosz nyelvről. [Книга о русском языке] Budapest, 1979.

Papp Ferenc. A debreceni thészaurusz [Дебреценский тезаурус]. Budapest, 2000. (Linguistica Series C Relationes 11).

Papp Ferenc olvasókönyv. [Ф. Папп, Избранные труды]. Szerk. Klaudy Kinga. Budapest, 2006.

Worth D. S., Kozak A. S., Jonson D. B. 1970. Russian Derivational Dictionary. New York, 1970.

Глава 1
Морфология русского языка

1.1. Морфология имени в русском языке (Т. И. Мольнар)

Свою книгу Т. И. Мольнар начинает со следующего определения (вслед за Ф. Паппом): морфология – это грамматический подавтомат, который порождает и анализирует словоформы» (Мольнар 1994, с. 9). Но описываются имя и наречие в книге так же, как они описываются в традиционной русской академической грамматике (например: Русская грамматика 1980): форма описывается со значением вместе.

1.2. Морфология русского глагола: значение глагола (Й. Крекич)

Й. Крекич в трех своих книгах о русском глаголе (Крекич 1983, 1993, 1997) описывает русский глагол в единстве его формы и значения. Однако больше внимания уделяет значению глагола. В качестве формы часто называется лексика в ее возможных тематических группах. Например, значение побуждения (императив глагола) выражается в разных группах перформативной лексики: просьба, совет, предупреждение, разрешение и др. Анализирует Й. Крекич и значение русского глагольного вида: «вид», «способ действия» и др.

1.3. Значение русского глагольного вида (Л. Ясаи)

Л. Ясаи в своих книгах (Ясаи 1993, 2005) и множестве статей характеризует проблемы русского глагольного вида и обсуждает возможные способы их решения. Проблемы эти следующие: определение глагольного вида, место глагольного вида среди других значений глагольного действия, лексическое и грамматическое в значении глагольного вида, корреляции и инварианты в системе глагольного вида, проблемы преподавания русского глагольного вида венгерским студентам.

1.4. Варианты выражения значения русского глагола (Л. Ясаи, Ю. Лёринц)

В книге Ясаи, Лёринц 2001 описываются прежде всего морфологические варианты, выражающие значение глагола при словоизменении (Ю. Лёринц). У многих глаголов этих вариантов нет. Имеющиеся же варианты часто различаются также и стилистически, и лексически, например: *брызжу – брызгаю*. Варианты

при выражении значения глагольного вида (Л. Ясаи) ведут себя более сложно. Например, у глагола несовершенного вида имеются варианты в суффиксах: *а - ыва*, например: *прилагать – прикладывать*, которые различаются и лексически. Проблема вариантов сложна не только теоретически (неслучайно она имеет большую литературу), но и практически: при изучении русского языка венгерские студенты трудно усваивают всякие варианты.

Морфология – раздел грамматики (наряду с синтаксисом) имеет следующие составные части: 1) **грамматические значения** (например, значения 1, 2, 3 лица глагола); 2) **грамматические категории**, образующиеся из этих значений (например, категория лица, образующаяся из 1, 2, и 3 лица); 3) **грамматические формы**, выражающие данные грамматические категории (например, личные окончания глагола); 4) формируются и соответствующие **части речи** (например, глагол).

Предметом морфологического описания в венгерской русистике являются именно эти составные части морфологии. Но особое внимание уделяется грамматическому значению глагола, прежде всего грамматическому значению глагольного вида. Целые монографии в венгерской русистике посвящаются значению русского глагольного вида (Л. Ясаи).

1.1. Морфология имени в русском языке (Т. И. Мольнар)

Рассмотрим морфологию имени, представленную в учебнике для венгерских студентов профессора Дебреценского университета Т. Иштвана Мольнара:

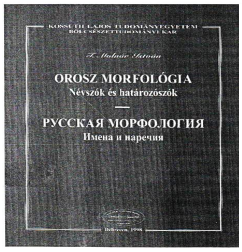
T. Molnár István. Orosz morfológia. Névszók és határozószók. [Русская морфология. Имена и наречия]. Debrecen, 1998.

И. Т. Мольнар начинает свою книгу с того, что выделяет в языке 1) словарь и 2) грамматику. Последняя – это «автомат», который работает от смысла к тексту (порождение текста) или от текста к смыслу (восприятие текста).

Этот автомат состоит из двух «подавтоматов», которые создают и анализируют 1) словоформы (морфология) и 2) предложения (синтаксис). И. Т. Мольнар рисует схему работы этих двух «подавтоматов» (с. 8), из которых синтаксический «подавтомат» напоминает схемы Н. Хомского и Ф. Паппа (Болла, Палл, Папп 1968, с. 440 и т. д.). Главным «подавтоматом» является синтаксический, морфологический же создает требующиеся для синтаксиса формы.

На основе приведенного разъяснения И. Т. Мольнар определяет морфологию – предмет своей книги – следующим образом: «Морфология – это подавтомат действующей грамматики, который обрабатывает (порождает и анализирует) словоформы» (с. 9).

После такого определения у читателя появляется надежда, что студенты наконец-то получили в своих руки учебник, который будет учить их непосредственно тому, как надо лексемы превращать в словоформы для использования их при построении и распознавании предложения: с чего при этом надо начинать, чем продолжать, как заканчивать.

Проф. Т. Иштван Мольнар (в центре, среди русистов Венгрии)

Однако в аннотации к книге И. Т. Мольнар пишет, что его книга «опирается прежде всего на научные положения, описанные в академической «Русской грамматике» (Русская грамматика 1980, с. 2). Но данная грамматика не является порождающей; это академическая, описательная, классификационная грамматика, в которой классификации производятся вовсе не с учетом того, как создается и распознается предложение в речи; используются в классификациях признаки не обязательно те, которые нужны для порождения и анализа словоформ, – в той их комбинации и последовательности, которая может и не соответствовать тому, как эти признаки применяются в практике речи:

И действительно, И. Т. Мольнар описывает русскую морфологию на основе названной академической, классификационной грамматики (а не на основе порождающей грамматики). Все дело в том, что, несмотря на то, что о порождающей грамматике было очень много сказано, она не породила ни одного предложения. Для того, чтобы порождать предложения, надо использовать лексику с определенными значениями. Порождающая же грамматика – это формальная грамматика.

Существительное. Определяет существительное Т. И. Мольнар следующим образом (в целом, так же, как и Русская грамматика 1980): «это класс самостоятельных и изменяемых слов, обладающих двумя классификационными и двумя словоизменительными категориями. Классифи-

кационные категории у них – одушевленность–неодушевленность и род, а словоизменительными у них являются число и падеж» (с. 61). Такое определение Т. И. Мольнар считает «вполне достаточным» – в том смысле, что с использованием названных признаков можно отличать существительное от других частей речи, например от прилагательного, которое изменяется не только по числам и падежам, но и по родам.

Но студент при распознавании и порождении существительного пользуется прежде всего семантическим признаком: существительное обозначает предмет, а прилагательное – признак, глагол – действие и т. д. Т. И. Мольнар, вслед за: Русская грамматика 1980 (с. 460), считает, что понятие предмета «в широком смысле» (*свежесть, молодость* и т. д.) трудно себе представить. Но подавляющее большинство существительных обозначает вполне конкретные предметы: *стол, Иван, страна* и т. д. Да и предмет «в широком смысле», добавим, студенты (и говорящие) распознают легко посредством вопросов: *Свежесть. – Что?* (значит, существительное), *Свежий. Какой*? (значит, прилагательное).

Исключив «значение» (обозначение предмета) из дефиниции существительного, Т. И. Мольнар, тем не менее, использует этот признак при классификации существительных: 1) нарицательные *(город)* – собственные *(Любовь)*, 2) конкретные *(стол)* – абстрактные *(любовь)*, 3) единичные *(студент)* – собирательные *(студенчество)*, 4) вещественные *(жир)*. Эти лексические классы по-разному маркируются падежными окончаниями ед. и мн. числа, распределяясь в соответствии с этими окончаниями на три группы: 1) сущ. ед. и мн. ч.; 2) сущ. только ед. ч.; 3) сущ. только мн. ч. К 1-ой группе относятся существительные конкретные (счетные), ко 2-ой и 3-ей группам – вещественные, собирательные, собственные.

Категорию числа И. Т. Мольнар определяет как словоизменительную категорию, полагая, что *стол – столы* – одна и та же лексема в двух формах. Т. И. Мольнар утверждает, что ед. ч. указывает на «единичный предмет», а мн. ч. – на «совокупность одинаковых предметов» (с. 84). Не означает ли это, что категория числа скорее всего категория лексическая, а не морфологическая, в пользу чего свидетельствует и тот факт, что при построении высказывания студент «выбирает» число существительного заранее, оно у него не появляется в зависимости от сочетания с другими словами высказывания, как, например, у прилагательного? Однако этот вопрос Т. И. Мольнар специально не обсуждает.

Для определения категории рода Т. И. Мольнар предлагает: «надо взять словоформу им. п. ед. ч… и добавить к ней какое-нибудь согласованное определение… Род у существительного определяется на основе того, какое окончание выступает в словоформе согласованного определения…» (с.71–72); если у согласованного определения – окончания *-ой,*

-ый, -ий, то данное существительное – муж. р.; если *-ая, -яя,* то – жен. р.; если *-ое, -ее*, то – ср. р.

Несомненно, что окончания прилагательного, которые согласуются с существительным *(-ый, -ая, -ое)*, являются яркими выразителями рода существительного. Но этим средством можно пользоваться только при восприятии речи (при чтении, при слушании). При говорении же студенты должны заранее знать, какого рода данное существительное, – чтобы правильно согласовать его с прилагательным. Усваивают же они род существительных «лексическим способом» – вместе с усвоением каждого конкретного существительного.

Дело осложняется еще и тем, что у существительных имеется не три рода, а больше. Т. И. Мольнар устанавливает пять родов, добавляя к общеизвестным трем родам (муж., жен., ср.) «парный род», «слова общего рода» (с. 71–75). В соответствии с каждым из этих пяти родов в книге Т. И. Мольнар даются образцы склонения – с полным набором окончаний.

Категория одушевленности-неодушевленности – категория прежде всего лексическая: в речи од. сущ. отвечают на вопрос *кто*?, а неод. сущ. – на вопрос *что?* Но различия в лексике отражаются в морфологии: у од. сущ. омонимичны флексии им. и род. п. во мн. ч., а у неод. сущ. – им. и вин. п. в ед. ч. Поэтому эта категория и называется лексико-грамматической.

Т. И. Мольнар посвящает несколько страниц описанию того, какие лексемы относятся к од. классу, а какие – к неод. классу (*микробы, бациллы* и т. п. могут входить в оба класса), какие конкретно окончания они имеют в вин. п. ед. или мн. ч. (с. 64–70).

Категорию падежа Т. И. Мольнар считает «чистой» морфологической категорией: каждое отдельное существительное изменяется по падежам, оставаясь лексически неизменной, ср. в ед. ч.: *стен-а* (им. п.) – *стен-ой* (тв. п.).

Т. И. Мольнар пишет, что, относя существительное к тому или другому типу склонения, не следует руководствоваться принадлежностью существительного к тому или иному роду, как это делается обычно в учебной аудитории, так как строго соответствия между родом и типом склонения нет. Т. И. Мольнар предлагает студентам обращать внимание – на какую букву оканчивается существительное. Если словарная форма существительного оканчивается на согласную букву, то это склонение 1А (муж. р.). Если в конце словоформы стоит мягкий знак, то надо учесть и род существительного: если – муж. р., то это склонение 1А *(олень)*, а если – жен. р., то – 3-е склонение. Если, далее, в конце стоят буквы *-о, -ё,* то это 4-ое склонение (ср. р.). Если в конце – буквы *-а, -я*, то 2-ое склонение. Если существительное парного рода *(ворота)*, то склонение 1Б. Если существительное оканчивается на буквы *-ы, -и* (парный род: *каникулы*), тогда

по окончаниям трудно определить тип склонения. Эта рекомендация означает, что надо определять его «лексическим способом»: запоминая существительное, надо сразу же запоминать и род существительного.

Кроме стандартных окончаний в каждом из типов склонения, Т. И. Мольнар выделяет и нестандартные окончания, например в склонении 1А в род. п. ед. ч. вместо окончания *-а (из дом-а)* может быть окончание *-у (из дом-у)* и т. д. Т. И. Мольнар систематизирует эти нестандартные окончания и обстоятельно их описывает.

Но при склонении существительных часто изменяются не только их окончания, но и их основы. Все изменения основы Т. И. Мольнар сначала подразделяет на стандартные и нестандартные. Затем стандартные делятся у него на два вида: 1) смягчение согласного в основе перед флексиями *-е, -и (стол – на столе)*, 2) беглые гласные *(лев – льва)*. Очень разнообразными оказываются нестандартные изменения основы: 1) расширение основы *(небо – небеса),* 2) сокращение основы *(судно – суда),* 3) исторические изменения в основе *(ухо – уши)* и мн. др. Внутри каждого из этих изменений отмечаются дополнительные, более частные изменения. Все это Т. И. Мольнар описывает, – присоединяя каждое из этих изменений основ к соответствующим четырем склонениям.

Прилагательное. Определяя прилагательное, Т. И. Мольнар пишет, что оно обозначает непроцессуальный признак (ср. *работающий* – это процессуальный признак, поэтому это не прилагательное) и изменяется по родам, числам и падежам, согласуясь при этом с существительным, признак которого данное прилагательное называет (с. 159–160). В качестве примеров прилагательного приводятся слова: *важный* (собственно признак), *железный* (признак относительно неод. предмета)*, отцов* (признак относительно од. предмета). Все другие слова со значением относительного признака, которые точно так же изменяются по родам, числам и падежам, к прилагательным Т. И. Мольнар не относит*: работающий* (признак – действие)*, второй* (признак – количество), *мой, этот* (признак – указание). Но у слов типа *второй, мой* – тоже непроцессуальный признак, как и у слов типа *важный, железный, отцов,* включенных в прилагательное. Студент, будучи последовательным в применении вышеприведенной дефиниции прилагательного, может относить эти слова тоже к прилагательным, так как они 1) обозначают непроцессуальный признак и 2) изменяются по родам, числам и падежам.

Т. И. Мольнар выделяет два лексико-морфологических класса прилагательных: 1) собственно прилагательные (непроизводные), 2) прилагательные, производные от существительных. Класс прилагательных-существительных подразделяется еще на два подкласса: 1) притяжательные прилагательные – образованные от од. сущ. (в диалоге отвечают на вопрос *чей*?), 2) непритяжательные – образованные от неод. сущ. (отве-

чают в диалоге на вопрос *какой*?, как и собственно прилагательные). В итоге прилагательные делятся у Т. И. Мольнара на три лексико-грамматического класса: качественные, относительные, притяжательные.

Числительное. При определении числительного И. Т. Мольнар следует традиции – учитывает только лексическое значение: числительное обозначает количество (*ноль, два, тысяча, много* и др.) или порядок при счете (*второй, тысячный* и т. д.) (с. 213–215). Однако классифицирует он числительные с учетом морфологических признаков: 1) числительные-существительные (*ноль, половина, треть, миллион* и др.), 2) числительные-прилагательные (*первый, сотый* и др.), 3) числительные *два, оба, полтора, полторы* (имеют род и падеж), 4) все остальные (имеют только падеж): *три, сто, много, столько* и др. (с. 214–215).

Предлагается и следующая лексико-морфологическая классификация числительных: 1) с четырьмя признаками существительных (род, число, падеж, одушевленность): *нуль, половина, четверть, тысяча* и др.; 2) с тремя признаками прилагательного (род, число, падеж): *один, первый, сотый* и др.; 3) с двумя признаками (род, падеж): *два, оба, полтора* (всего 3 слова); 4) с одним признаком (падеж): *три, четыре* и др. (с. 214–215). Однако при распределении числительных по склонению используется традиционный подход – учитывается значение: 1) количественные числительные, 2) порядковые, 3) собирательные, 4) дробные. Внутри каждой из этих лексических классов формулируются подклассы с морфологическими особенностями.

Количественные числительные с учетом их значения у И. Т. Мольнара подразделяются на традиционные 1) определенно-количественные (*два, пять* др.) и 2) неопределенно-количественные (*мало, сколько* и др.). С учетом синтаксического признака числительные делятся на 1) обозначающие признак предмета – в сочетании с существительными *(пять учеников)* и 2) обозначающие отвлеченное количество – без сочетания с существительными *(пять)* (с. 215–216). Термин «признак предмета» применительно к числительному в сочетании с существительным типа *пять учеников* (см. то же самое: Русская грамматика 1980, с. 573), на наш взгляд, не является точным («признак предмета» обозначается в сочетании типа *пятый ученик*). Более точным является традиционное: «количество предметов» – в сопоставлении с термином «отвлеченное (от предметов) количество», ср. *пять столов плюс десять стульев – пять плюс десять*.

Далее у И. Т. Мольнара, в соответствии с традицией, количественные числительные подразделяются на 1) простые (*один, два, сто* и др.), 2) сложные (*пятьдесят, пятьсот* и др.) и 3) составные (*двадцать пять* и др.). Аналогичное подразделение имеет место и у порядковых числительных: 1) простые *(первый),* 2) сложные *(пятидесятый),* 3) составные *(двадцать пятый).*

Что касается сочетания числительных с существительными, то И. Т. Мольнар объясняет следующие особенности этого сочетания (с. 230–238): 1) сочетание числительных с различными лексическими классами существительных – счетными, несчетными, вещественными, собирательными и т. д. (*два стола*, но нельзя: «*два железа*»); 2) особенности выражения одушевленности у существительного в сочетании с числительным (ср. *вижу одного человека – вижу пять человек*); 3) сочетание числительного с существительным при участии прилагательного (ср. *четыре черных карандаша – пять черных карандашей*); 4) сочетание дробных числительных с существительными (*одна сотая часть – одна сотая*); 5) сочетание составных числительных с существительными в разных падежах (ср. *сто двадцать книг – нет ста двадцати книг*); 6) сочетание числительных с существительными типа *штука, литр, грамм* и т. д.

Местоимение. Традиционно применяется две классификации местоимений: 1) с учетом лексических особенностей; 2) с учетом морфологических особенностей – соотношения местоимений с частями речи (местоимения-существительные, местоимения-прилагательные и др.). И. Т. Мольнар использует первую классификацию, внося в нее подразделения: 1) личные местоимения (собственно личные*: я, ты, он*; притяжательные: *мой, твой, его*); 2) возвратные (собственно возвратное: *себя*; взаимно возвратное: *друг друга*); 3) указательные (собственно указательные: *тот, такой, тогда*; относительно указательные: *кто, какой, когда*); неопределенно указательные: *кое-кто, какой-нибудь, куда-либо*); 4) определительные: *каждый, весь, всякий* и т. д.

В этой классификации личные местоимения объединяются вместе с притяжательными. В речи именно такие ассоциации имеют место: *я – мой, ты – твой, он – ее* и т. д. Расширен состав возвратных местоимений – добавлено: *друг друга*. В разряд указательных местоимений включены вопросительно-относительные *(кто? – кто),* отрицательные *(некто, нечто)*, неопределенные местоимения *(кто-то).* Эти местоимения тоже в речи образуют соотношения: *тот – кто? – кто – кто-то*. Уточняется состав определительных местоимений. Местоименные наречия *(где – там)* И. Т. Мольнар тоже включает в состав местоимений, разнося их по соответствующим рубрикам. Но нет традиционных определительных местоименных наречий: *всегда, всюду, везде*; традиционных указательных *(там),* вопросительно-относительных *(где? – когда)* и т. д.

Каждый из вышеназванных лексико-морфологических классов местоимений И. Т. Мольнар характеризует очень подробно, имея в виду, что для венгерских студентов русские местоимения (и с точки зрения значения, и с точки зрения словоизменения) очень сложны; при этом И. Т. Мольнар проводит сравнения с венгерским языком. Так, в разделе собственно личных местоимений *(я, ты, он)* И. Т. Мольнар обстоятельно объ-

ясняет супплетивизм. В связи с притяжательно-личными местоимениями *(мой, твой)* пишет об отсутствии в русском языке, в отличие от венгерского языка, притяжательного местоимения для 3-го лица – об использовании с этой целью личного местоимения *он* в род. п.: *его.*

Много пишет И. Т. Мольнар об особенностях склонения местоимений, например об отсутствии имен. п. у местоимения *себя*, об изменяемости только второй части местоимения *друг друга*, об употреблении предлогов с этим местоимением: *друг для друга, навстречу друг другу* и т. д. Пишет и о том. что местоимение *свой*, в отличие от венгерского языка, употребляется не только в значении 3-го лица *(он любит своих детей)*, но и в значении 1-го и 2-го лица *(я люблю своих детей).*

В связи с неопределенными местоимениями И. Т. Мольнар пишет 1) о полной неопределенности (*кто-либо, кто-нибудь* и др.) и 2) неполной определенности (*кто-то, кое-то* и др.), подробно объясняя это различие для венгерских студентов. Говорит Т. И. Мольнар и об особенностях склонения наиболее частотного местоимения *весь*, о его употреблении в предложении, о близком к нему по значению местоимения *целый* (в сравнении с венгерским языком), о синонимах в области местоимений: *всякий = каждый = любой; другой = иной*; о полисемии местоимения *самый* и др.

Наречие. И. Т. Мольнар определяет наречие следующим образом: «Наречия – это самостоятельные слова, зависящие в предложении от глаголов, прилагательных, также и от других наречий, и образующие вместе с этими словами словосочетания на уровне примыкания» (с. 282). Приводимые далее примеры: *говорит тихо, очень красивый* и др., – вполне ориентируют студента на то, какие слова ему надо считать наречием. Но сама дефиниция наречия для студента сложная. В дефиниции используются синтаксические признаки наречия: 1) «самостоятельные» слова, 2) «зависят» от всех других самостоятельных слов, 3) участвует в «подчинительном» словосочетании, 4) со связью «примыкания». Если студент еще не изучал синтаксиса (синтаксис изучается в вузах после морфологии), то он вряд ли сможет руководствоваться этими дефинициями при распознавании и порождении наречий (найти наречие в предложении, «придумать» предложение с наречием).

В своем определении наречия И. Т. Мольнар не использует признак «значение», который используется им при определении почти всех других частей речи. Классифицируя дальше наречия с учетом их частных значений, он, таким образом, оставил без разъяснения (в дефиниции) общее, инвариантное значение наречия, каковым обычно считается значение: «признак признака».

С учетом значения, И. Т. Мольнар предлагает следующую классификацию наречий: 1) образа действия *(быстро)*, 2) степени *(очень)*, 3) обсто-

ятельства *(вокруг)* – с подразделением на обстоятельство места *(далеко),* времени *(теперь)* и т. д. (с. 283–284).

И. Т. Мольнар классифицирует наречия и с точки зрения словообразования: 1) первообразные наречия *(вчера),* 2) образованные от существительных *(утро – утром)*, 3) от прилагательных *(быстрый – быстро)*, 4) от числительных *(два – дважды)* и др. (с. 285–295), – чего традиционно не принято делать. Впрочем, и сам И. Т. Мольнар, при описании всех других частей речи, словообразование не описывает, – делает исключение только для наречия.

Специальное внимание уделяется небольшой части лексической группы наречий со значением способа действия, – той, которая имеет степени сравнения: 1) положительная степень *(интересно),* 2) сравнительная степень *(интереснее)*, 3) превосходная *(всех интересней)*. Об этих трех степенях наречий И. Т. Мольнар пишет как о формах одного и того же наречия, т. е. как о словоизменении наречия, – подобно тому, как это имеет место у прилагательных *(интересный – интереснее – всех интереснее).*

Предикативы. И. Т. Мольнар, вслед за некоторыми лингвистами (Л. В. Щерба, В. В. Виноградов и др.), выделяет лексемы типа *весело, грустно, пора* в особую часть речи, отличающуюся от наречий, прилагательных и существительных тем, что «они могут выступать в роли главного члена предложения. В другой синтаксической функции они не употребляются. Оттуда и название для них, они называются предикативами» (с. 296).

Назвав синтаксический признак предикативов, И. Т. Мольнар указывает и на морфологический признак: «значительная часть их представлена неизменяемыми словами» (с. 297). Далее И. Т. Мольнар замечает, что некоторые предикативы так же, как и прилагательные и наречия, изменяются по степеням сравнения: *грустно – грустнее* (с. 297). Называет он и семантический признак: «характерным семантическим признаком у них является какое-либо состояние» (с. 298). Таким образом (если собрать вместе эти признаки в одной дефиниции), то предикативы – это слова, которые 1) выражают главный член безличного предложения (синтаксис), 2) являются неизменяемыми словами (морфология), 3) обозначают состояние (значение). Обычно при определении частей речи названные признаки используются в обратном порядке: 1) значение, 2) морфология, 3) синтаксис. И. Т. Мольнар во вводной части к своей книге пишет: «синтаксическая функция может играть только маловажную роль при распределении словоформ на классы» (с. 58). Однако для предикативов И. Т. Мольнар, как видим, делает исключение, впрочем, как и другие грамматисты, которые выделяют предикативы в особую часть речи, – отступая от общепринятого понимания части речи, как лексико-морфологического класса.

Итак, русская морфология (именные части речи и наречие), которую И. Т. Мольнар предлагает студентам, несомненно является морфологией классификационной, описательной, – как и во всех других вузовских учебниках по русскому языку, изданных в России и Венгрии. Порождающую морфологию русского языка, о которой можно было подумать при чтении первых страниц учебника И. Т. Мольнара, студенты не получили. Однако требовать от автора выполнения этой задачи нет оснований. Такой морфологии, тем более представленной в полном виде, никто еще не написал. Н. Хомский, как известно, разрабатывал только общие принципы порождающей грамматики. Ф. Папп в своей «Морфологии» (см. Болла, Палл, Папп 1968, с. 209, 214, 385, 387) дает только фрагменты «программированной» морфологии – дискретной, подходящей больше машине, чем студентам, которые такие программы запоминают трудно (человек использует язык иначе, – применяя «размытые», «непрерывные» понятия).

В итоге И. Т. Мольнар предлагает студентам еще одну классификационную морфологию, – с тем только отличием (в положительную сторону), что в большей степени учитывается адресат – студенты, изучающие русский язык как иностранный, а именно венгерские студенты. Автор предлагает им более подробные классификации тех морфологических категорий, которые являются трудными для студентов, из-за того, что в венгерском языке эти категории представлены иначе (предлагается в этих местах и сравнение с венгерским языком).

Фонематический состав морфем. В аннотации к своей книге И. Т. Мольнар пишет, что, в отношении содержания, его монография опирается на теоретические положения Русской грамматики 1980, прежде всего в той их части, которая касается выражения морфем на фонематическом уровне. И. Т. Мольнар пишет: «Этот вполне последовательный «морфофонематический» подход представляет собой тот основной и ведущий принцип, которым данное пособие отличается от других учебных материалов по русской морфологии, которые издавались в Венгрии» (с. 2). Надо добавить: не только в Венгрии, но и в России, где вообще не принято в вузовских курсах по морфологии давать морфемы в фонетическом виде (исключение составлял учебник А. Н. Гвоздева, в котором в таблицах склонения рядом с письменной формой морфемы приводилась и устная форма). Объясняется это тем, что пособия в России адресуются студентам с родным русским языком, которые знают произношение морфем. В венгерской же аудитории, конечно же, надо давать студентам рядом с письменной формой также и ее устную форму.

Это одно из требований акад. Ф. Паппа, которые он предъявлял к составителям учебных курсов «Современный русский язык» в Венгрии.

Акад. Ф. Папп в своей «Морфологии», входившей в вышеназванный «Курс современного русского языка», рядом с письменной формой мор-

фемы дает и устную форму, причем последнюю тоже в двух формах: 1) в фонетической транскрипции (выражают действительное произношение морфемы), 2) в фонематической транскрипции (фонематический состав морфемы – в соответствии с принципами московской фонологической школы), которая произношение морфем не передает. Поскольку в «Курсе», в разделе «Фонетика – Фонология», излагается московская фонологическая школа, то студенты вполне могут разбираться не только в фонетической (так надо произносить), но и фонематической транскрипции морфем (так не надо произносить).

Надо сказать, что И. Т. Мольнар в своей «Русской морфологии» более последователен в передаче фонемного состава морфем, чем сам акад. Ф. Папп. Если акад. Ф. Папп в некоторых разделах морфологии обходится, все-таки, без фонематической транскрипции морфем, то И. Т. Мольнар использует ее во всех разделах морфологии (исключая разделы о наречиях и предикативах, у которых нет флексий), – выстраивая строгие соответствия между орфографическими и фонематическими вариантами морфем, иногда давая морфемы в системе только фонематических вариантов. Более последователен И. Т. Мольнар, чем и академическая «Русская грамматика», на которую он в этом отношении равняется. В «Русской грамматике» только в некоторых частях каждого из морфологических разделов приводится фонематическая транскрипция морфем.

Как уже замечено выше, акад. Ф. Папп фонематическую запись морфем сопровождал фонетической записью, выражающей конкретное произношение морфемы, что очень важно для студентов с практической точки зрения, например: *рыб-ы* (письменная форма морфемы) – [*рыб-ы*] (произношение морфемы) – */rib-i/* (фонемный состав морфемы). И. Т. Мольнар, следуя академической «Русской грамматике» записывает морфемы только в двух разновидностях – письменной и фонематической. По нашему мнению, в учебном пособии для студентов, для которых русский язык не является родным, фонетическая запись морфемы, передающая произношение, должна обязательно присутствовать. Студенты должны знать не только написание, но и произношение морфемы. Академическая «Русская грамматика» в этом случае не может быть примером: она не адресуется непосредственно студентам, тем более иностранным.

Выбор фонологии для записи морфем. Главное, в чем трудно согласиться с автором рассматриваемого учебного пособия, это то, что для выражения фонемного состава морфем используются принципы московской фонологической школы. Конечно, студенты, предварительно изучившие русскую фонологию в этой версии, например по другой книге: Мольнар 1994, вполне могут разбираться в фонематическом составе морфем – в соответствии с тем, как это следует из принципов данной фонологической школы.

Но представляется, что эта концепция русской фонологии в аудитории с другим родным языком уводит студентов от того, когда изучаемая ими теория становится базой для практического использования языка. В этом случае более подходящей была бы для студентов русская фонология в версии так называемой ленинградской фонологической школы, в которой фонемы рассматриваются как «звуковые типы». Если при этом студентов ориентировать не на все стили (темпы) русской речи (быстрый, средний, медленный), а прежде всего на медленный стиль, используемый, в частности, и в преподавании русского языка в аудитории с другим языком (стиль речи, в котором отсутствуют редуцированные звуки типа [ъ]), – то фонетическая и фонологическая транскрипция русских морфем будет совпадать, – и тогда студенты будут иметь дело точно с тем самым, о чем утверждает акад. Ф. Папп: с двумя разновидностями русского языка – письменной и устной.

Сделанное замечание ни в коей мере не умаляет достоинств книги И. Т. Мольнара. Это замечание – отражение дискуссии, которая давно ведется в русистике: какую фонологию лучше использовать в учебных пособиях для студентов. Каждый составитель пособия выбирает ту фонологию, которую он считает более подходящей для своего случая. Если в России примерно одинаково распределяются по учебным пособиям названные выше две фонологические концепции, то в Венгрии предпочтение отдается московской фонологической школе, возможно – под влиянием авторитета акад. Ф. Паппа, который признавал именно эту фонологию, реализовав ее и в своей морфологии (Болла, Палл, Папп 1968, с. 189–424). Учеником акад. Ф. Паппа является автор рассматриваемой книги, – и он следовал за своим учителем. Специальных дискуссий в венгерской русистике о том, какая фонология лучше в венгерских условиях преподавания русской морфологии по сути дела не было. Против московской фонологии в венгерской русистике резко выступал только проф. М. Петер. Но он, к сожалению, не писал учебников по фонологии и морфологии для курса «Современный русский язык» и поэтому не мог повлиять на складывавшуюся венгерскую традицию. Практические же курсы по русской фонетике в Венгрии, конечно же, основывались на фонологии «звуковых типов». Студенты могут осваивать произношение русских звуков только с ориентацией на «типы» этих звуков.

Таким образом, своеобразие «Русской морфологии» И. Т. Мольнара состоит в том, что в ней русские морфемы представлены последовательно в двух разновидностях – в письменной и фонематической, а в устной разновидности не представлены. При любых условиях (какая бы фонология ни использовалась для передачи фонемного состава морфем) книга И. Т. Мольнара приобретает особое место в системе учебных пособий по курсу «Современный русский язык» для вузов – не только в Венгрии, но и в Рос-

сии, где, как уже замечено, изложение морфологии в двух разновидностях – совсем редкое дело.

Книга И. Т. Мольнара может быть рассмотрена не только как учебное пособие, но и как научная монография, в которой русское словоизменение описывается с точки зрения его фонемного состава (но не фонетического) – в принципах московской фонологической школы.

В заключение надо сказать, что И. Т. Мольнар, среди венгерских русистов, в своей «Русской морфологии», наиболее последователен в реализации трех вышеназванных критериев, которые сформулировал акад. Ф. Папп в отношении вузовских учебных курсов «Современный русский язык». Правда, И. Т. Мольнару не удалась реализация русской морфологии в виде действующей грамматики-автомата, как не удалась она и у Ф. Паппа. Дело в том, что данная проблема в целом еще не разработана в лингвистике. Зато последовательно представлена морфология в двух ее разновидностях – письменной и фонематической (но не фонетической). И конечно, уместными и точными являются у И. Т. Мольнара русско-венгерские параллели (сделано это в меру, чтобы не превращать русскую морфологию в сопоставительную русско-венгерскую морфологию). Другие венгерские авторы русской морфологии (например: Pete 1997) обычно реализовывали только один из трех критериев акад. Ф. Паппа, – учитывали родной язык студентов.

Литература

Болла К., Палл Э., Папп Ф. Курс современного русского языка. Ред. Ф Папп. Budapest, 1968.

Русская грамматика. Том 1. Ред. Н. Ю. Шведова. Москва, 1980.

Пете И. Морфология русского языка (для русистов-иностранцев). Т. 2. Имена и наречие. 5-ое изд. Szeged, 2005.

Пете И. Морфология русского языка (для русистов-иностранцев). Т. 1. Глагол. 5-ое изд. Szeged, 2005.

Федосов В. А. Рец.: T. Molnár István. Русская морфология. Имена и наречия. Debrecen, 1998. – Slavica Szegediensia, VI. Szeged, 2008. p. 256–261.

Федосов В. А. О новой книге по русской морфологии. (T. Molnár István. Русская морфология. Имена и наречия. Debrecen, 1998). – «Вестник» № 22. Рос. Культ. Центр. Будапешт, 2008. с. 164–168.

Jászay László. Рец. T. Molnár István. Orosz morfológia. Névszók és határozószók. (Русская морфология. Имена и наречия). Debrecen, 1988. – Studia Russica XVII, 1999. pp. 428–429.

Molnár István. Звуки, фонемы, буквы. Debrecen, 1994.

Pete István. Морфология русского языка. Szeged, 1997.

1.2. Морфология русского глагола: значение глагола (Й. Крекич)

Педагогическая грамматика. Профессор Сегедского университета Йожеф Крекич известен как специалист в области русского глагола, русского глагольного вида – той части русской грамматики, для исследования которой требуется тонкое языковое чутье, высокое мастерство лингвистического анализа, изобретательность в терминотворчестве при назывании открываемых в глаголе значений и их оттенков.

Наблюдая за тем, как трудно дается русский глагольный вид венгерским студентам, изучающим русский язык, как нелегко бывает и венгерским преподавателям (обычно прекрасно владеющим русским языком) при объяснении семантики глагольного вида своим студентам, – приходится восхищаться талантом Й. Крекича (для которого, кстати, русский язык не является родным) распознавать в глаголе самые тонкие значения, умело и смело их анализировать, последовательно классифицировать. Этот талант обнаруживается у Й. Крекича во всех его книгах о русском глаголе.

Если в первых двух книгах Й. Крекича: «Семантика и прагматика временно-предельных глаголов» (Крекич 1989), «Побудительные перформативные высказывания» (Крекич 1993) – Й. Крекич рассматривает русский глагол «сам по себе», специально не привлекая для обсуждения вопросы методов описания глагола, способов изложения глагольного материала (в частности, для такого читателя, каким являются студенты, изучающие глагол), – то в третьей книге (Крекич 1997) автор надстраивает над глаголом как над языковым предметом целую метаязыковую область. Вот эти три книги Й. Крекича:

Крекич Й. Семантика и прагматика временно-предельных глаголов. Budapest, 1989.

Крекич Й. Побудительно-перформативные высказывания. Szeged, 1993.

Крекич Й. Педагогическая грамматика русского глагола. Семантика и прагматика. Szeged, 1997.

Й. Крекич ставит вопрос о способе формулирования сведений о глаголе, о форме изложения этих сведений не только для научных работников, но и для студентов, которые должны при этом не просто сами разбираться в глагольных значениях чужого для них языка, но и уметь использовать глагольные значения в своей речи на русском языке. Короче, Й. Крекич излагает в этом случае не просто грамматику русского глагола, а **педагогическую** грамматику русского глагола.

Й. Крекич работает в тесном контакте с другими педагогическими грамматиками русского языка, написанными в России в качестве учебников для студентов по русскому языку, в которых научные идеи тесно связываются с практикой их преподавания, с практикой анализа языковых фактов, с практикой использования этих идей студентами при построении и распознавании ими речи. Правда,. в России эти грамматики не называются «педагогическими» – это были просто учебники для вузов. Но надо признать, что введенный Й. Крекичем термин не является лишним, ср. три способа изложения теории и практики: 1) теория излагается вместе с практикой (учебник для вузов – педагогическая грамматика), 2) излагается только теория, практика может даже не подразумеваться (научные работы, академическая грамматика), 3) излагается только практика, теория может и не подразумеваться (школьный учебник). Книга Й. Крекича, являясь педагогической грамматикой (вузовским учебником) предполагает тесную связь теории и практики.

Й. Крекич имел все основания браться за решение такой задачи. Автор в течение многих лет преподавал венгерским студентам русскую грамматику, грамматику русского глагола. Очевидно, что не только данная книга, но и вышедшие ранее две его книги о глаголе, родились в процессе преподавания – чтения лекций о глаголе, проведения семинарских занятий со студентами и т. д. Преподавательская работа, как известно, создает благоприятные условия для размышления, для появления новых идей, а самое главное – и для практической проверки этих идей. В дополнение к названным трем монографиям назовем еще некоторые работы Й. Крекича о значении глагола:

Крекич Й. Семантическое влияние внутренних и внешних факторов на лексическое значение начинательных глаголов с приставками *за-* и *по-*. Diss. Slavicae, XII, Szeged, 1977. pp. 125–146.

Крекич Й. Соотношение трех семантических компонентов глаголов совершенного вида в значении так наз. финитных глаголов с приставкой *от-*. Diss. Slavicae, XIII, 1978. pp. 113–130.

Крекич Й. Отношения пересечения делимитативных глаголов. Studia Russica, VII, 1984. pp. 35–50.

Крекич Й. Что такое результативность? Studia Slavica Hung., 1985. pp. 347–356.

Крекич Й. К вопросу об общем значении глаголов совершенного вида. Diss. Slavicae, XVII, 1985, pp. 47–57.

Крекич Й. Влияние прагматического значения на отношение пересечения делимитатиных глаголов. – «Русский язык за рубежом», 1, 1986. с. 73–79.

Крекич Й. Прагматика и семантика отрицательных форм императива. «Русский язык за рубежом», 1988 № 6. с. 60–66.

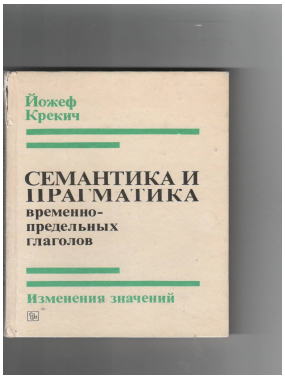
Крекич Й. Отношение пересечения точечно-начинательных глаголов. Studia Russica, XII, 1989. pp. 48–60.

Крекич Й. Перформативные высказывания разрешения. – Studia Slavica Hung. 40, 1995. pp. 331–342.

Крекич Й. Взаимодействие семантики видов глагола и текста. – Slavica Quinqueecclesiensia II, 1996, pp. 109–117.

Krékits József: Lexikai és grammatikai jelentésváltozások a delimitativ történésminőségű orosz igekben. [Лексические и грамматические изменения в делимитативных глаголах]. – Acta Acad. Paedagog. Szegediensis. Szeged, 1979. pp. 83–92.

Krékits József. A felszólító igealakok használatának pragmatikai és szemantikai megközelítése. [Прагматический и семантический подход к использованию побудительных глагольных форм]. Szeged, 1986, 3. pp. 128–139.

Проф. Йожеф Крекич
(Сегедский университет)

Чтобы обеспечить тесную связь теории с практикой, педагогическую грамматику сразу надо строить таким образом, чтобы теория «стремилась» к практике, а практика «требовала» бы теорию. Если, например, теория будет формальной (описывать только форму в языке), то практика при такой теории не возможна. В теории форма должна сразу же описываться вместе со значением, а значение – вместе с формой, При этом начинать такое описание можно как с формы, так и со значения.

Как подчеркивает Й. Крекич во Введении к своей книге, его описание «преследует цель сформулировать правила употребления языка» (Крекич 1997, с. 5), при этом правила эти ориентируются не на формально-структурные особенности глагола, а на его значения, на его содержание, на его функционирование в высказывании. Иначе говоря, автор ставит задачу построения функционально-семантической грамматики русского

глагола. Располагая такой грамматикой, говорящий, например студент, для которого данный язык является иностранным, может строить высказывания.

«Педагогическая грамматика русского глагола» Й. Крекича является едва ли не синонимом «педагогической грамматик» русского языка вообще, так как, по мнению Й. Крекича, глагол является центром предложения, он связан с каждым членом предложения, поэтому формулировка функционально-семантических правил употребления глагола по сути дела является формулировкой функционально-семантических правил употребления предложения в целом, всего высказывания.

При создании «педагогической грамматики» остро встает вопрос метаязыка описания, состава терминологии, с помощью которой можно объяснять грамматические правила, объясняться заодно и со студентами по поводу грамматических правил и их применения. Если в сугубо научном исследовании проблема метаязыка состоит в создании такой терминологии, в построении таких дефиниций, которые – всего лишь – могли бы обеспечить непротиворечивость описания, доказательность, получение новых истин, то в «педагогической грамматике» эта терминология, эти дефиниции – кроме того – должны быть еще и такими, чтобы были доступны восприятию и пониманию студентов, не являющихся профессионалами в области лингвистики. Писать, таким образом, «педагогическую грамматику» значительно труднее, чем «научную грамматику». «Научную грамматику» можно заключить следующим образом: «вопрос требует дальнейшего рассмотрения»; в «научной грамматике» вопрос можно решать только «теоретически», оставив «практическое» решение вопроса другим. В «педагогической грамматике» все надо делать самому, с начала до конца, теорию надо соединять с практикой.

«Педагогическая грамматика» должна быть, таким образом, функциональной грамматикой – представлять собой отношения, которые устанавливаются между грамматическими значениями – с одной стороны, и грамматическими формами – с другой, в данном случае между глагольными значениями и глагольными формами, причем излагать функциональную грамматику надо, считает Й. Крекч, начиная со значений.

Й. Крекич справедливо полагает, что формальные средства глагола неплохо описаны в структурных грамматиках (как научного, так и учебного характера), и не считает нужным описывать их еще раз подробно (спряжение глагола, суффиксальное и префиксальное образование глагольного вида, императива, инфинитива и др.). Главное внимание Й. Крекич уделяет глагольным значениям, их соотношению друг с другом.

Соотношение глагольных значений. Формулируемые Й. Крекичем функционально-семантические категории глагола, предназначенные для «педагогической грамматики», имеют в своем составе не только соб-

ственно «семантические» компоненты, например различные «способы действия», но и «прагматические» компоненты, выражающие разные «иллокутивные качества акта». Так, при описании временных значений глагола в главах «Способы глагольного действия (прошедшее время)», «Настоящее время», «Будущее время» на первом месте оказываются «семантические» компоненты в глагольном значении, а при описании таких значений, как конъюнктив, инфинитив, императив в главах «Инфинитив», «Сослагательное наклонение», «Императив» много формулировок в книге касается «прагматических» компонентов в значении глагола. Так что подзаголовок у книги «Семантика и прагматика» вполне оправдывается.

В книге есть важная глава «Аспектуальность в русском и венгерском языках», из которой можно узнать, что все различия между значениями русского глагола, в том числе и различия между «видами действия» («совершенный вид – несовершенный вид»), вполне можно передать средствами венгерского глагола.

Традиционно в литературе, посвященной русскому глаголу, дискуссионным вопросом является вопрос о взаимоотношении между значениями «вида действия» и значениями «способов действия». Этот вопрос обсуждается почти в каждой книге и каждой статье, посвященной глагольному виду. Этот вопрос находит себе место также и в книге Й. Крекича. Этому вопросу посвящается специальная глава под соответствующим названием: «Взаимоотношение видов и способов глагольного действия».

Глаголы со значением «совершенного вида действия» (это значение Й. Крекич называет «предельным действием») в книге подразделяются на три группы со значениями: 1) «временно-предельного действия», 2) «количественно-предельного действия», 3) «качественно-предельного действия». Каждое из полученных «действий» подразделяется на более частные «действия» («способы действия»).

Трехуровневая иерархия глагольных значений, построенная Й. Крекичем, отражает диалектику трех частей: «общее – особенное – частное». «Интегрально-предельное действие» – это общее значение (1): «временно-», «количественно-» и «качественно-предельное действие» – это особенные значения (2), различные «способы действия» – это частные значения глагола (3).

Исторически развитие глагольных значений в русском языке начиналось со «способов действия», которые выражались посредством различных приставок. Постепенно значения многих приставок «опустошались», их временные, пространственные и другие значения утрачивались. Они стали указывать только на «совершенный вид действия»; соответствующие же глаголы без приставок стали обозначать «несовершенный вид действия». Но в синхронии, в современном русском языке, «способы действия» и «виды действия» оказались в одной плоскости, вследствие чего

их можно стало систематизировать по-разному. Главное, чтобы эта систематизация была 1) логически непротиворечивой, 2) по возможности простой и 3) охватывала (объясняла) больше глагольного материала. А если эту систематизацию адресовать учащимся, т. е. излагать в «педагогической грамматике», то 4) метаязык должен быть понятен учащимся.

В литературе, посвященной русскому глаголу, распространенными оказались три способа систематизации глагольных значений, в зависимости от того, что считалось общим значением: «вид действия» или «способ действия»:

1-ый способ систематизации глагольных значений начинается с «видов действия»; каждый из которых («совершенный вид», «несовершенный вид») подразделяется на разные «способы действия» (возможны, конечно, и промежуточные звенья по принципу «общее – особенное – частное»).

2-ой способ систематизации значений начинается со «способов действия», подразделяясь затем на «виды действия» (здесь тоже могут быть промежуточные звенья).

3-ий способ систематизации предполагает разделение всех глагольных значений на 1) значения «вида действия» и 2) значения «способа действия», а затем каждое из этих общих значений подразделяется на частные значения. Так, «вид действия» подразделяется на «совершенный вид» и «несовершенный вид», а «способ действия» – на разные «способы действия».

Й. Крекич описывает 1-ый способ систематизации глагольных значений. Значения «вида действия» являются для него тем общим, что объединяет более частные значения «способа действия». «Совершенный вид» должен подразделяться на одни «способы действия», а «несовершенный вид» – на другие. Й. Крекич описывает «способы действия» только одного «совершенного вида действия» (по терминологии автора – «предельного вида действия»). Но представляется, что в основном «виды действия» подразделяются на одни и те же «способы действия». Так, «финитный способ действия» вполне может быть частным значением не только «предельного вида действия», а именно «временно-предельного», но и «непредельного (несовершенного) вида», ср.: *уже отсеялись – уже отсеивались*. Таких пар много обнаруживается в связи с «количественным способом действия», ср.: *допился до горячки – допивался до горячки* и т. д.

Что касается 2-ого способа систематизации глагольных значений, то он является традиционным. Он используется в большинстве «педагогических грамматик», ориентированных на преподавание глагола. Здесь «способ действия» – это общее значение глаголов, значение же «вида действия» – частное значение «способа действия», причем настолько частное значение, что может рассматриваться уже не как собственно значение (лексическое), а как форма (грамматическая).

В последние годы в «научных грамматиках» усиленно разрабатывается 3-ий способ систематизации глагольных значений. Значения «вида действия» сразу же, в самом начале классификации, отделяются от значения «способа действия», с тем чтобы затем в каждом из этих отделений установить более частные значения. «Вид действия» подразделяется на «совершенный вид» и «несовершенный вид», между которыми различия уже перестают быть различиями в значении (лексическом), становятся различиями в форме (грамматической). «Способ действия» тоже получает свои подразделения, в которых, однако, значения сохраняют свой статус значений (лексических). Но разграничение «вида действия» и «способа действия» оказалось сложной проблемой. В поисках критерия разграничения этих значений и разворачиваются в настоящее время основные дискуссии в области русского глагола, которые, как кажется, могут не завершиться успехом, слишком уж неясным является этот критерий. На наш взгляд, 3-ий способ систематизации глагольных значений в наименьшей мере подходит для «педагогической грамматики», хотя он туда и предлагается настойчиво. Если уж сами ученые-лингвисты пока не могут убедительно разграничить «вид действия» и «способ действия», то учащимся, тем более тем учащимся, для которых русский язык является иностранным, вовсе трудно в этом разобраться.

Избранный Й. Крекичем 1-ый способ систематизации глагольных значений не является традиционным, он поэтому менее разработанный. Исследование, проведенное Й. Крекичем в этой области, интересное и, повидимому, перспективное. Полагаем, что разрабатываемый Й. Крекичем способ систематизации глагольных значений может действительно оказаться наиболее применимым в «педагогических грамматиках».

Й. Крекич подробно описывает не только значения глагольного вида и способов действия, но и значение времени глагола (настоящего, прошедшего, будущего), а также значения (прагматику) наклонения (сослагательного, повелительного, неопределенного).

Значение вида глагола. Значение вида русского глагола, как оно излагается в педагогических грамматиках, всегда было сложно для студентов. Эта сложность возникала еще и потому, что традиционно словообразование глагола оказалось в сфере морфологии глагола (как и все словообразование – в морфологии). В результате словообразовательные (лексические) значения глагола стали рассматриваться как грамматические значения, которые, в отличие от «настоящих» грамматических значений (спряжение, наклонение глагола), не является строго системными.

В самом начале в русской традиции вид рассматривался целиком как грамматическая категория и включался в систему глагольного спряжения (см. восемь времен в «Грамматике» М. В. Ломоносова и первых русских академических грамматиках). Затем у некоторых лингвистов, например у

Ф. Ф. Фортунатова, классификация по «видам» рассматривалась как лексическая классификация (см. историю вопроса: Виноградов 1986).

Однако независимо от того, какими считались видовые значения глагола, грамматическими или лексическими, они всегда выстраивались в одну ступенчатую классификацию: сверху были два самых общих значения глагола – совершенного и несовершенного действия, а ниже последовательно располагались более частные значения. Эта классификация глаголов по «видам» отражала не только генезис видов глагола (от неопределенных по значению бесприставочных глаголов образовывались определенные по значению приставочные глаголы), но и само грамматическое мышление – от абстрактного к конкретному и от конкретного к абстрактному. Иерархическая классификация видов глагола была одновременно и своеобразной моделью использования глагольного вида в речи. Например, студент при порождении конкретного глагола в своей речи начинает с одного из двух абстрактных его значений – законченного или незаконченного действия, а при распознавании конкретного значения глагола в речи – заканчивает одним из этих абстрактных значений.

В 1947 году В. В. Виноградов расчленил единую классификацию глаголов по «видам» на две части – грамматическую и лексическую. Виноградов писал: «Соотносительные парные формы совершенного и несовершенного вида – при отсутствия различия в лексических значениях – являются формами одного и того же глагола…» (Виноградов 1986, с. 410). Остальное в сфере глагольного вида Виноградов отнес к сфере лексического словообразования глаголов.

В 60-е годы в лингвистике утвердился структурализм, который исключает из системного рассмотрения фактор времени (фактор последовательности лингвистических единиц при их использовании в речи). Иерархия глагольных классов (видов), до этого напоминавшая собой объемную пирамиду, у структуралистов превратилась в плоскость – в «семантическое поле», на котором определяются ядро и периферия. К ядру были отнесены семантические классы (виды) глагола, которые находятся в регулярном соотношении друг с другом *(сделать – делать)*. Эти корреляции были названы собственно глагольным видом и включены в грамматику (морфологию), – что означало, что внутри корреляции глагол изменяется по виду как грамматическая категория (не изменяя своего лексического значения). К периферии были отнесены те классы (виды) глагола, которые не образовывали названных корреляций *(являться; стоять)*, либо, образуя их, при переходе от совершенного к несовершенному виду, изменяли свое лексическое значение *(переделать – делать)*. Данные глаголы подводились уже под лексическую категорию – со значением различны «способов действия». Ядро и периферия, объединенные вместе, давали «аспект»

глагола: о каждом из глаголов можно было утверждать – совершенного он или несовершенного вида.

Вообще говоря, получалась тоже иерархия классов: глагол со значением «аспекта» подразделялся на «вид» действия (грамматический уровень языка) и «способ» действия (лексический уровень), каждый из которых в свою очередь разделялся далее – на «частные» значения вида и «разновидности» способа действия. Однако эта классификация, разносящая глаголы по двум уровням языка, уже не отражает ни генезиса глагольного вида, ни, тем более, его использования в речи. Например, в соответствии с этим подходом за исходное принимается совершенный вид глагола, как маркируемый положительно приставкой. В действительности же, как уже замечено, генезис имел другое направление: от бесприставочных глаголов к приставочным. При использовании глагольного вида в речи студент (как показывают наблюдения), при необходимости употребить глагол совершенного действия, начинает, тем не менее, с глагола несовершенного действия, подбирая к нему (иногда очень мучительно и долго, если, например, это студент-иностранец) нужную приставку.

Структуралистское описание видов глагола, по сути дела начавшееся с В. В. Виноградова, подробно представлено в книге А. В. Исаченко (Исаченко 1960). Первой педагогической грамматикой, в которой для студентов была изложена концепция А. В. Исаченко, была грамматика: Галкина-Федорук, ред. 1964. А. В. Бондарко основывается на положениях А. В. Исаченко не только в своих научных исследованиях глагольного вида, но и в своих педагогических грамматиках: Бондарко, Буланин 1967, Бондарко 1971.

Все другие педагогические грамматики в своем большинстве тоже излагают концепцию А. В. Исаченко и А. В. Бондарко: глагольный вид – это категория грамматики, даже в тех случаях, когда к глаголу одного вида не удается «подобрать» глагол другого вида. Однако в некоторых педагогических грамматиках содержится критика такого подхода. Глагольный вид в них рассматривается как лексическая (словообразовательная) категория, хотя и излагается по-прежнему в морфологии, даже не в словообразовании. См. об этом: Гвоздев 1, 1973; Белошапкова, ред. 1981; Милославский 1981.

Положение изменилось в 70–80-ые годы, когда широкое распространение получило преподавание русского языка в иностранной аудитории. В педагогических грамматиках, адресованных иностранным студентам, стала излагаться старая, ступенчатая классификация глаголов: вверху – значения совершенного и несовершенного действия, внизу – частные значения каждого из этих двух значений, с подразделением каждого из этих последних еще на более частные значения. См., например: Шведова, Трофимова 1987, – где значение совершенного вида подразделяется на под-

значения единичного действия, начала, конца действия и т. п., а значение несовершенного действия – на подзначения длительного, повторяющегося и др. действия. Специально вопрос о том, какие это значения и подзначения, грамматические или лексические, не обсуждается. Для студентов важно только то, что ступенчатая классификация помогает им в использовании значений глагольного вида в речи. При построении речи студент начинает с самого общего глагольного значения – совершенного или несовершенного действия – и заканчивает частным значением, например: «совершенное действие» > единичное (конкретное) действие» > *я вошел*. При распознавании же речи – он начинает с частного значения конкретного глагола и приходит к одному из двух общих значений – законченного или незаконченного действия, например*: я вошел* > «единичное (конкретное) действие» > «совершенное действие».

Надо, однако, отметить, что не сразу утвердилось подобное преподавание глагольного вида. Сначала иностранным студентам по традиции предлагалось то же самое, что и русским студентам: половина глаголов изменяется по видам (как одна лексема), а половина – заменяется (как разные лексемы), см. Пулькина, Захава-Некрасова 1977. Однако иностранным студентам, которые, в отличие от русских студентов, не владеют интуитивно глагольным видом, правила приходилось формулировать более строго, чтобы обеспечить им практику использования глагольного вида. Стремление строже сформулировать эти правила обнаруживало противоречия в традиционных рассуждениях о глагольном виде, когда, например, с одной стороны – утверждалось, что видовые приставки не вносят изменения в значения глаголов, а с другой стороны, оказывалось, – вносят, например значение конца действия *(писать – написать)*.

Й. Крекич в своей педагогической грамматике представляет семантику глагольного вида (специально не обсуждая, какая это семантика – грамматическая или лексическая) в виде ступенчатой (иерархической) классификации, – настаивая при этом на необходимости руководствоваться общелогическим понятием «общего – особенного – частного». Так, общее значение совершенного вида определяется им как «целостно-предельное» действие, которое конкретизируется: «качественно-предельное», «количественно-предельное» и «временно-предельное». У каждого из этих последних значений имеется еще несколько «частных» значений.

Несомненно, что использование принципа «общее – особенное – частное» при построении иерархии значений глагольного вида – очень важно. Это помогает не только лингвисту быть последовательным в осуществлении ступенчатой классификации, но и студенту – чтобы «держать в уме» эту классификацию при использовании ее при порождении и распознавании глагольного вида в речи.

В заключение добавим, что в школьных педагогических грамматиках, в отличие от вузовских, всегда утверждалось, что глаголы совершенного и несовершенного вида – это разные слова (лексемы), находящиеся в отношении словообразования (как и, например, возвратные и невозвратные глаголы). Морфологический анализ глагола уже в начальных классах предполагает отмечать у глагола два вида признаков 1) неизменяемые признаки, куда, наряду с возвратностью и типом спряжения, относится и вид; 2) изменяемые признаки: число, время, лицо (для настоящего времени), род (в прошедшем времени). Пример анализа глагола: *качались* – глагол, неизменяемые признаки – несовершенный вид, возвратный, 1-го спряжения; стоит в форме единственного числа прошедшего времени (Узорова, Нефедова 2001).

Соответствующим образом определяется глагольный вид и в начальной школе: «Совершенный вид (действие уже закончено или будет закончено) – *Что делает? (напишет)*. Несовершенный вид (действие не закончено) – *Что сделает*? *(пишет)*. Глаголы настоящего времени не могут быть совершенного вида (там же, с. 24). Конечно, операция на подстановку вопроса при распознавании вида (построение соответствующего диалога: *Что делает? – Пишет* не доступна тем иностранным студентам, которые интуитивно еще не владеют языком.

Значение способа глагольного действия. Как уже сказано, «вид» и «способы глагольного действия» в структурном истолковании – составляют отдельные классификации: «вид» – это грамматическая классификация, а «способы глагольного действия» – лексическая классификация (см., например: Русская грамматика 1, 1980).

Й. Крекич соединяет вместе эти независимые классификации, специально не обсуждая, какая классификация получается – грамматическая или лексическая. Й. Крекич пишет: «Между категорией вида и частными лексико-семантическими значениями (способами действия) располагаются временно-предельные, количественно-предельные и результативно-предельные значения, которые представляют собой между общим и частным «особенное» (определенно-общее)» (Крекич 1997, с. 24). Таким образом, классификация Й. Крекича начинается с «общих» значений глагольного вида, затем следуют «особенные» значения, наконец – «частные» значения под названием «способы глагольного действия» (Й. Крекич дает классификацию только глаголов совершенного вида).

По сути дела, Й. Крекич возвращается к тем ступенчатым классификациям значений глагольного вида, которые имели место в ранних педагогических грамматиках. В классификации Й. Крекича снова присутствует фактор последовательности языковых единиц при их использовании в речи (фактор времени). Студент при порождении речи начинает с «общего» значения глагола и через «особенное» значение приходит к «част-

ному» значению глагола, например: «целостный предел» > «временный предел» > «семельфактивный способ действия» > «прототипическое значение» > *крикнул*. При восприятии «частного» значения глагола *крикнул* студент идет в обратном направлении через «особенное» значение к «общему».

Вероятнее всего, что студент, все-таки, иначе порождает и воспринимает значения глаголов. Во всяком случае, студент не употребляет лингвистической терминологии. Но до того, пока лингвистика не открыла истинные процессы порождения и восприятия речи, она вполне может удовлетворяться современными своими построениями, которые, надо надеяться, приближают ее к истинным процессам. Во всяком случае, наличие фактора времени в этих построениях свидетельствует об этом. Неслучайно такой огромной популярностью в лингвистике пользовалась порождающая грамматика, в которой был введен фактор времени (последовательность) единиц при описании, несмотря на то. что сама эта последовательность, не всегда точно отражала языковую реальность.

Что касается способов глагольного действия, то в разных педагогических грамматиках содержатся разные их классификации с использованием различной терминологии. Поскольку грамматика Й. Крекича появилась позже многих других педагогических грамматик, то надо полагать, что в ней учитывался опыт предшествующих грамматик как в области классификации «способов» глагольного действия, так и в области терминологии.

Значение прошедшего времени глагола. В педагогической грамматике Й. Крекича прошедшее время глагола совершенного вида имеет несколько значений: 1) значение «новой ситуации» (сочетается со словами *вдруг, тотчас, неожиданно* и т. д., например: *неожиданно упал*); 2) значение «последовательности действий» (в ряду лексически однородных глаголов, например: *упал и лежал*); 3) перфективное значение (с результатом в настоящем времени, например: *упал и лежит*); 4) аористическое значение (без результата в настоящем времени: *однажды упал*).

Традиционно, в других педагогических грамматиках, у глаголов прошедшего времени совершенного вида – обычно отмечалось только два значения: перфективное и аористическое.

Глаголы прошедшего времени несовершенного вида у Й. Крекича имеют следующие значения: 1) «процесса» (при лексической сочетаемости со словами *именно, как раз, долго, медленно* и др.: *долго лежал*); 2) «продолжительного действия» (при сочетаемости со словами *всегда, долго, два года* и др.: *долго лежал*); 3) «обобщенного факта» (при сочетаемости со словами *однажды, уже, давно* и др.: *давно лежал*); 4) «повторяющегося действия» (при сочетаемости со словами *иногда, каждый день, ежедневно* и др.: *иногда лежал*). Те же значения, только в другой терминологии, формулируются и в других педагогических грамматиках, в том

числе и в работах А. В. Бондарко (см. Бондарко 1971, Русская грамматика 1, 1980).

Надо заметить, что в более ранних педагогических грамматиках формулируется меньше значений у глаголов прошедшего времени, зато – с опорой на более определенные, морфологические средства. У глаголов несовершенного вида отмечались значения: 1) давнопрошедшего действия (с суффиксами *-ива-, -ыва: говаривал*); 2) отдаленно прошедшего действия (частица *бывало: бывало говаривал*); 3) начатого, но прерванного действия (с частицей *было: хотел было*). У глаголов совершенного вида отмечалось значение мгновенного действия: *А слезы кап-кап* (междометные глаголы), см., например: Галкина-Федорук, ред. 1964, Гвоздев 1, 1973).

Добавим, что во всех педагогических и академических грамматиках, при описании глаголов того или другого времени «вид» подчиняется «времени» – представляет собой частное значение «времени». В иерархии видовременных значений сначала, таким образом, идет «время», затем (как разновидности «времени») – «вид», после – различные значения «вида».

Значение настоящего времени глагола. О значении глаголов настоящего времени существует большая научная литература (А. В. Бондарко, М. Я. Гловинская, Л. Ясаи и др.). Й. Крекич в своей педагогической грамматике кратко подводит итоги исследований в этой области, предлагает свою классификацию, в своей терминологии. Глаголы настоящего времени у него обозначает: 1) «актуальное» действие *(сейчас пишу)*; 2) «обобщенное» действие *(больше пишу)*; 3) «длительное» действие *(всегда пишу)*; 5) «потенциальное» действие *(всегда пишу)*; 4) «повторяющееся» действие *(всегда пишу)*; 5) «потенциальное» действие *(хорошо пишу)*; 6) «профетическое» действие *(завтра пишу)*. У каждого из этих частных значений Й. Крекич отмечает и дополнительные частные значения.

Специальных, морфологических средств, маркирующих все эти значения настоящего времени, у глаголов нет. Во всех случаях употребляются одни и те же окончания. В качестве выразителей этих частных значений, как можно видеть выше, Й. Крекич называет лексику, с которой сочетаются (могут сочетаться) глаголы. Так, частное значение «актуального» действия имеет индикаторы: *сейчас, в данный момент, смотри, вот* и др. У значения «обобщенного факта» Й. Крекич отмечает индикатор *больше*; значение «длительного» действия имеет индикаторы: *всегда, постоянно, второй год, целый год* и др. Те же индикаторы имеет значение «повторяющегося» действия. Индикаторами «потенциального» действия выступают качественные наречия*: хорошо, плохо, отлично* и т. д., а «профетического» действия – наречия времени*: завтра, в пятницу, вечером. через год* и т. д.

Возникает вопрос: не являются ли эти индикаторы сами непосредственными выразителями частных значений; глагол же никакого частного значения в этом случае не выражает – он выражает просто действие. Как кажется, именно это и доказывает проведенный выше эксперимент, ср. еще раз: *сейчас пишу* (актуальное действие) – *всегда пишу* (длительное действие) – *завтра пишу* (профетическое действие). Как можно видеть, глагол – один и тот же, изменяются – слова при глаголе, а вместе с ними и их значения – «актуально-настоящее», «длительное», «профетическое». Точнее было бы писать не о значении глагола *(пишу)*, а о значении глагольных словосочетаний (*сейчас пишу, всегда пишу* и т. д.).

В других педагогических грамматиках тоже называются разные значения глаголов настоящего времени, но уже – без указания на средства их выражения в виде лексики, с которой они сочетаются. Так, в учебнике Белошапкова, ред. 1981. называются значения «собственно» настоящего и «несобственно» настоящего; последнее подразделяется на значения «расширенного», «постоянного» и «абстрактного» действия. См. то же Милославский 1981. Надо полагать, что составители этих грамматик «держали в уме» ту лексику, с которой сочетаются глаголы (см. эту лексику у Й. Крекича), которая и выражает приписываемые глаголу значения: «актуальное» *(сейчас)*, «длительное» *(всегда)*, «профетическое» *(завтра)*, – сочетаясь с глаголами, обозначающими просто действие – любого времени *(сейчас – пишу, писал, буду писать)*, любого наклонения *(сейчас пишу, писал бы, пиши)* и т. д.

Характерно, что, по сравнению с тем, что писал А. В. Бондарко раньше о значении глаголов настоящего времени (Бондарко 1971), позже, в академической Русской грамматике 1 1980, в которой он написал раздел «Глагол», он многое изменил, в том числе и терминологию. Например, значение «постоянного» действия *(жизнь не стоит на месте)* он выделил из «актуального» значения и включил его в «неактуальное» значение.

Эти расхождения надо объяснять тем, что форма выражения значений глаголов настоящего времени в виде лексической сочетаемости глаголов с разными наречиями – не является определенной. Да и выражают ли эти наречия значения глаголов? Они выражают свое собственное значение.

Кроме того, если лингвист в одном случае «чувствует» различия в значении глаголов (и пишет о них), а в других случаях – не «чувствует» (и не пишет), то причиной этого может быть также и нерелевантность этих различий. К сожалению, понятие релевантности-нерелевантности в грамматике (и семантике) глагола до сих пор остается неразработанным.

Значение будущего времени глагола. При описании значений будущего простого времени *(я скажу)* Й. Крекич обнаруживает большое разнообразие: «конкретно-фактическое» значение, значение «целостного факта», «точечно-начинательное» и др. значения. У глаголов сложно-

го будущего времени *(я буду говорить)* Й. Крекич тоже отмечает много значений: «удостоверительно-вопросительное» *(ты будешь говорить?)*; «будущее гипотетическое» *(если будешь говорить, то…)*; «абсолютно-отрицательное» *(я не буду говорить)*. В значении «предстоящего» действия выделяются подзначения: «процесса» *(я буду говорить кратко),* «длительного процесса» *(я всегда буду говорить)*, повторения действия» *(каждый день я буду говорить)*.

Явно, что у самого глагола будущего времени нет морфологических средств для выражения всего этого многообразия значений. Й. Крекич находит эти средства 1) вне глагола: а) в синтаксической конструкции, в которой употребляется глагол будущего времени (вопросительная, условная и др. конструкции), б) в лексике, с которой сочетается глагол (*всегда, каждый день* и т. д.); 2) в лексическом значении глагола *(обедать – говорить)*.

В большинстве педагогических грамматик, изданных в России (а также в Венгрии, например: Болла, Палл, Папп 1977, Pete 1984) о значении глаголов будущего времени утверждается только то, что непосредственно связывается с морфологией глагола: 1) длительное действие (сложное будущее время несовершенного вида), 2) результативное действие (простое время совершенного вида), см. также: Розенталь, ред. 1979; Белошапкова, ред.1981. В некоторых педагогических грамматиках называются и те значения будущего времени, о которых пишет Й. Крекич, только в меньшем количестве и в другой терминологии, например: Галкина-Федорук, ред. 1964, Шанский, Тихонов 1987 и др.

В академической Грамматике русского языка 1, 1953 значения глаголов будущего времени называются без указания на языковые средства их выражения: «возможность» *(В избу войдет)*, «неизбежность» *(Как войдет, так и выйдет)*, «повторяемость» *(То войдет, то выйдет)* (с. 486–489). Раздел «Будущее время» в академической Русской грамматике 1, 1980 написан А. В. Бондарко – с изложением всего того многообразия значений, о которых он писал ранее (Бондарко 1971).

Как можно видеть, при описании семантики глагола будущего времени в педагогических и академических грамматиках установилась традиция: относить к данной семантике и то, что непосредственно в данной морфологической категории не выражается. Поэтому заслуживает внимания другое мнение: «…существуют временные значения разного типа, которые возникают в результате: а) воздействия лексических значений глаголов; б) конкретной соотнесенности предложения с ситуацией; в) особенностей синтаксических конструкций. Все эти значения следует отделять от значений собственно морфологической категории… Приписывание морфологической категории тех номинативных элементов значения, которые выражены другими средствами, не способствует прогрессу в

представлениях об устройстве русского языка». (Милославский 1981, с. 211–212).

Значение инфинитива глагола. Й. Крекич пишет, что интерес к русскому инфинитиву обусловлен практикой преподавания русского языка иностранным студентам. Дело в том, что в других языках инфинитив имеет иные характеристики, что затрудняет усвоение русского инфинитива. Например, в венгерском языке инфинитив более разнообразен, чем в русском языке как по значению, так и в средствах выражения (Болла, Палл, Папп 1977, Pete 1984).

В своей педагогической грамматике Й. Крекич излагает тему русского инфинитива, идя, как обычно, от его значений – ставя эти значения в соответствия с той лексикой, с которой он сочетается в высказывании.

Например, фазовое значение выражается в словах *начинать, продолжать, заканчивать* и др. Сам инфинитив, который сочетается с этой лексикой *(уходить),* фазового значения не имеет. Однако Й. Крекич считает необходимым говорить также и о фазовом значении инфинитива *(продолжаю уходить)*. Значение возможности выражается в лексике *можно, могу* и т. д. Й. Крекич утверждает, что и инфинитив, сочетающийся с этой лексикой, тоже имеет значение возможности *(могу уходить)*. Сочетаясь с лексикой со значением необходимости *надо, нужно, должен* и т. д., инфинитив, соответственно, приобретает значение необходимости *(надо уходить).* На таком же основании, по Й. Крекичу, инфинитив имеет также значение желательности *(желаю уходить)*.

В других педагогических грамматиках утверждается только о морфологии инфинитива – о его морфологической неопределенности. В синтаксических разделах описывается: 1) независимый инфинитив *(Уходить!),* 2) зависимый инфинитив – от всех частей речи (*надо уходить, задача уходить* и др.). Эта семантическая (не)зависимость в данном случае строго выражается в грамматической (не)зависимости, оформляясь определенными морфологическими средствами (Гвоздев 2, 1973, Розенталь, ред. 2, 1979, Русская грамматика 2, 1980, Бабайцева, Максимов 1987).

Как можно видеть, в большинстве педагогических грамматик инфинитив описывается со стороны его грамматической формы, в соответствии с которой описывается и его семантика. В некоторых же грамматика (например: Крекич 1997) описание инфинитива идет от семантики к форме, понимаемой очень широко. Первый подход соответствует восприятию инфинитива студентами, второй – его порождению.

Значение сослагательного наклонения глагола. Говоря об употреблении сослагательного наклонения, Й. Крекич в своей педагогической грамматике подразумевает следующее значение этих глаголов: 1) условно-гипотетическое, 2) гипотетико-желательное, 3) побудительно-желательное. У каждого из этих значений Й. Крекич обнаруживает част-

ные значения. Например, побудительно-желательное значение имеет подзначения побуждения, просьбы, желательного предположения, подчеркнуто-вежливого совета, рекомендации. В соответствии с каждым из этих значений ставится выражающая его форма, ядром которой является глагол в прошедшем времени с частицей *бы (опоздал бы)*. В дополнение к этой форме, при выражении вышеназванных значений, Й. Крекич называет и другие средства, находящиеся вне глагола, в том числе и лексику, с которой сочетается глагол. Так, при выражении значения предостережения Й. Крекич указывает на слова: *смотри, боюсь, опасаюсь* и т. д. *(смотри не опоздал бы)*.

В других педагогических грамматиках излагается, в целом, та же система значений и форм сослагательного наклонения, что и у Й. Крекича, – при расхождении в терминологии и при распределении средств выражения по значениям, ср. Гвоздев 1, 1973, Розенталь, ред. 1979 и др.

Получается, что определить то или иное значение глагола сослагательного наклонения можно только в контексте всего высказывания. Поэтому в академической Русской грамматике 2, 1980 сослагательное наклонение рассматривается в синтаксисе. Отмечается три значения ирреального наклонения: 1) собственно сослагательное наклонение (возможность: *читал бы*), 2) условное наклонение (обусловленная возможность: *если бы читал, то*…), 3) желательное наклонение *(хоть бы читал)*.

Й. Крекич специально пишет об употреблении глагольного вида в сослагательном наклонении, делает вывод, что это употребление повторяет употребление вида в индикативе. Именно поэтому, наверное, в других педагогических грамматиках о виде глагола сослагательного наклонения ничего не говорится.

Значение императива глагола. Морфология русского императива бедная. Посредством морфологических средств выражается только 2-ое лицо ед. и мн. числа *(иди – идите)*. Между тем, значений у императива в педагогических грамматиках всегда отмечается много. В качестве выражения различных значений побуждения привлекаются средства изъявительного наклонения настоящего времени (1-ое лицо мн. числа: *идемте*), 3-е лицо ед. и мн. числа: *пусть идет, пусть идут*); прошедшего времени ед. и мн. числа *(Пошел! Пошли!),* инфинитива *(Идти!),* падежных форм *(В школу!)*.

Всегда на первое место среди выразителей оттенков побуждения в педагогических грамматиках ставится интонация. Однако сама интонация при этом не описывается. Впервые об интонации побуждения, в отличие от интонации утверждения и вопроса, написано в учебнике для иностранных студентов: Брызгунова 1977.

Во всех педагогических грамматиках в качестве средств выражения различной степени побуждения называются служебные слова и частицы,

которые употребляются при глаголе повелительного наклонения, усиливая или ослабляя побуждение. Так, частица *-ка (Идите-ка!),* по мнению большинства авторов педагогических грамматик, ослабляет побуждение (Галкина-Федорук, ред. 1964; Бондарко, Буланин 1967; Гвоздев 1, 1973; Pete 1984; Шанский, Тихонов 1987). Однако другие авторы педагогических грамматик считают, что частица *-ка*, напротив, усиливает побуждение (Аникина, Калинина 1983, Крекич 1997).

Многие местоимения, употребляющиеся при глаголе повелительного наклонения *(Ты иди!),* с точки зрения одних авторов – усиливают побуждение (Бондарко, Буланин 1967 и др.), с точки зрения других – ослабляют (Лопатин, Милославский, Шелякин 1989), а с точки зрения третьих – то усиливают, то ослабляют, в зависимости от места по отношению к глаголу: *Ты иди! Иди ты!*

В качестве средства выражения силы побуждения называется и вид глагола. В большинстве педагогических грамматик утверждается, что совершенный вид усиливает побуждение, а несовершенный вид – ослабляет (Гвоздев 1, 1973; Розенталь, ред. 1979; Русская грамматика 1, 1980; Шанский, Тихонов 1987 и др.). Другие авторы пишут в этом случае о конкуренции видов: все зависит от особенностей контекста, ситуации (Крекич 1997). В. В. Виноградов считает, что если при глаголе есть объект, то такой глагол выступает в форме совершенного вида – и выражает категорический приказ; если же при глаголе нет объекта, то употребляется несовершенный вид, который выражает слабое побуждение (Виноградов 1986). Авторы академической Русской грамматики 1, 1980 пишут, что вид глагола в этом случае никакой роли не играет: «Различие в значении форм повелительного наклонения глаголов совершенного и несовершенного вида не относится к области устойчивых и строгих правил» (с. 623).

Как можно заметить, рекомендации педагогических грамматик в отношении средств выражения различной степени побуждения в русском языке – расходятся. Как быть в таком случае студентам, изучающим по этим учебникам, русское повелительное наклонение?

В учебниках для студентов-иностранцев излагаются только те значения побуждения, которые имеют достаточно строгие средства выражения. Во-первых – это морфологические средства (например, 1-ое лицо изъявительного наклонения выражает побуждение к совместному действию: *Пойдемте*!, а инфинитив – категорический приказ: *Идти!*). Во-вторых – это модальные частицы, которые усиливают (или ослабляют) побуждение: *-ка, давай, же* и др. (*Иди же!*), см. Аникина, Калинина 1983.

Й. Крекич в своей педагогической грамматике в качестве индикаторов силы побуждения называет перформативную лексику (глаголы речи, мысли и т. д.), которая употребляется в одной конструкции с императивом *(Он сказал: «Идите!»)*. Исходя из «теории речевых актов» (Дж. Остин,

Дж. Серль и др.), вслед за Ю. Д. Апресяном, Й. Крекич выстраивает побудительные высказывания (от слабого побуждения к сильному) в следующем порядке – указывая и соответствующую перформативную лексику и некоторые другие слова и модальные частицы (Крекич 1997, с. 139–179): 1) для выражения просьбы – в высказывании употребляются слова: *прошу, советую, сделай милость, пожалуйста* и т. д., частицы *-ка, же, ну, ну-ка* и др. *(Прошу: уходи!)*; 2) для выражения совета, рекомендации – используется лексика: *советую, лучше, смотрите, если хотите, (не) надо* и т. д., частицы *только, даже, же, ну, ну-ка* и др. *(Советую лучше уходите!);* 3) на значение предостережения и предупреждения указывают слова *боюсь, опасаюсь, смотри(те), гляди(те)* и др., частицы *только, же, да* и др. *(Смотрите, только не уходите)*; 4) в высказывании со значением требования, приказа, поручения – употребляются слова *вам говорят, приказываю, немедленно, сейчас же, кому сказано*, частицы *а ну, ну-ка* и др. *(Кому сказано: немедленно уходи!)*; 5) для выражения разрешения и запрещения – употребляются слова: *запрещаю, не смей, смотрите, нельзя* и др. частицы *(ну) что же, ну (и)* и др. *(Ну что же, уходи!)*.

Другие авторы педагогических грамматик о глаголах речи, мысли, восприятия и т. д. (о перформативах), в том числе и в связи с императивом, пишут в синтаксических разделах грамматики (разделы: «Прямая речь», «Сложноподчиненные изъяснительные предложения»).

Необходимо заключить, что императив как морфологическая категория выражает просто побуждение. Сила же побуждения выражается 1) в лексическом значении глагола, ср. *уходите – убирайтесь*; 2) в соседней лексике, с которой данный глагол сочетается, ср. *пожалуйста, уходите* (просьба) – *лучше уходите* (рекомендация) – *немедленно уходите* (приказ); 3) в перформативах, которые употребляются в одном высказывании с императивом, ср. *Советую: уходите* (совет) – *Приказываю: уходите* (приказ).

Надо ли в разделе «Морфология (императив)» писать обо всех этих выразителях силы побуждения? Мы полагаем, что обо всем этом надо писать в разделах «Фонетика» (интонация как выразитель любого побуждения), «Лексика» (тематическая классификация перформативов, модальных слов и др.), «Синтаксис» (конструкции с побуждением). Наконец, все это может оставить особый, отдельный раздел «Семантики» под названием: «Выражение побуждения в русском языке», – в котором можно писать и об императиве, и об интонации, и о лексике и ее сочетаемости, и о синтаксических конструкциях и др. Впрочем, таким именно и получается раздел об императиве в педагогических грамматиках, в том числе и в грамматике: Крекич 1997.

Для студентов, которые учатся использованию языка, необходим раздел «Выражение побуждения в языке», в котором с одной стороны вы-

страиваются степени побуждения, а с другой – соответствующие им формы выражения. При говорении студент начинает с выбора степени (силы) побуждения, а при слушании – с заданной (услышанной) формы.

В заключение остается сказать, что книга Й. Крекича, посвященная значению глагола, чрезвычайно богата рассуждениями. Эти рассуждения доступны не только научным работникам и вузовским преподавателям, но и (в соответствии с жанром «педагогической грамматики»), русистам – студентам-филологам. Но надо заметить, что с точки зрения студенческого восприятия книга Й. Крекича более трудная, чем педагогические грамматики (вузовские учебники), изданные в России. Такого же мнения придерживается и Л. Ясаи (Ясаи 1999).

Ниже «Литература» представляет собой по сути дела список «педагогических грамматик», изданных в России и Венгрии, иначе – вузовские учебники. См. также «академические грамматики», которые «педагогическими грамматиками» не являются. Это научные грамматики, изданные Академией наук, в которых подводятся итоги научного изучения грамматики на данный период времени. Студенты-филологи, используя «педагогические грамматики», в качестве дополнительного материала могут использовать и «академические грамматики, в которых материал находится на том же научном уровне, что и в педагогических грамматиках.

Литература

Аникин А. Б., Калинина И. К. Современный русский язык. Морфология. Пособие для студентов-иностранцев. М., 1983.

Бабайцева Н. И., Максимов Л. Ю. Современный русский язык. Часть 2. Учебник для педвузов. М., 1987.

Белошапкова В. А., ред. Современный русский язык. Учебник для университетов. Москва. 1981.

Болла К., Палл Э., Папп Ф. Курс современного русского языка. Под ред. Ф. Паппа. 4-ое изд. Budapest.

Бондарко А. В. Вид и время русского глагола (значение и употребление). Пособие для студентов. Москва, 1971.

Бондарко А. В., Буланин Л. Л. Русский глагол. Пособие для студентов и учителей. Ленинград, 1967.

Брызгунова Е. А. Звуки и интонация русской речи. 3-е изд. М., 1977.

Виноградов В. В. Русский язык. (Грамматическое учение о слове). 3-е изд. Учебное пособие для университетов. Москва, 1986.

Галкина-Федорук Е. М., ред. Современный русский язык. Часть 2. Учебное пособие. Москва, 1964.

Гвоздев А. Н. Современный русский литературный язык. Часть 1-2. 4-ое изд. Учебник для пединститутов. Москва, 1973.

Исаченко А. В. Грамматический строй русого языка в сопоставлении со словацким. Братислава, 1960.

Лопатин В. В., Милославский И. Г., Шелякин М. А. Современный русский язык. Теоретический курс. Словообразование, Морфология. Учебник для студентов-иностранцев. Москва, 1989.

Милославский И. Г. Морфологические категории современного русского языка. Учебное пособие по спецкурсу для педвузов. Москва, 1981.

Пулькина И. М., Захава-Некрасова Е. Б. Учебник русского языка. Практическая грамматика с упражнениями. Учебное пособие для студентов-иностранцев. Изд. 6-ое. Москва, 1977.

Розенталь Д. Э., ред. Современный русский язык. Часть 1. Изд. 3-е. Учебник для вузов. Москва, 1979.

Русская грамматика. Т. 1-2. Ред. Н. Ю. Шведова. Москва, 1980.

Узорова О. В., Нефедова Е. А. Глагол. Учебное пособие для учащихся 1-4 классов. Москва, 2001.

Шанский Н. М., Тихонов А. А. Современный русский язык. Словообразование. Морфология. Учебник для педвузов. Изд. 4-ое. Москва, 1987.

Шведова Л. Н., Трофимова Т. Г. Пособие по употреблению видов глагола для работы с филологами-русистами. Изд. 2-ое. Москва, 1987.

Ясаи Л. Рец.: Йожеф Крекич. Семантика и прагматика временно-предельных глаголов. Изменение значений. Будапешт, 1986. – Studia Russica XIV–XV. Budapest, 1990–1994. pp. 185–189.

Ясаи Л. Рец.: Крекич Й. Педагогическая грамматика. Семантика и прагматика. Szeged, 1997. – Studia Russica XVII, 1999. pp. 425–428.

Pete István. Orosz-magyar egybevető alaktan. Budapest, 1984.

1.3. Значение русского глагольного вида (Л. Ясаи)

Проблемы русского глагольного вида

У русского глагольного вида очень много проблем. Неслучайно категория русского глагольного вида имеет огромную литературу – как в России, так и в Венгрии. Многие из этих проблем до сих пор не получили окончательного разрешения. Проф. Будапештского университета Ласло Ясаи специально рассматривает эти проблемы (как проблемы), решенные и нерешенные, в том числе и в книге:

Ясаи Л. Лекции по глагольному виду. Специальный курс для студентов-русистов. Budapest, 1993.

Назовем и некоторые статьи Л. Ясаи, относящиеся к этой теме:

Ясаи Л. Видовая пара по отношению к лексеме. – Studia Russica VII. Budapest, 1984. pp. 21–34.

Ясаи Л. Компонент неподконтрольности действия как семантический маркер в функционировании видов. Nemzetközi Szlavisztikai Napok 4, Szerk. Gadányi K. Szombathely, 1991. pp. 315–320.

Ясаи Л. Заметки об одном типе видовых троек русского глагола. Studia Slavica Hung. 37. 1991. pp. 415–423.

Ясаи Л. Заметки о видовой парности. «Русский язык за рубежом» 1993, 4., Москва, с. 62–66.

Ясаи Л. Проблема формы слова и тождества лексического значения при выделении видовой пары. – Сб. Языковые категории и единицы: синтагматический аспект. Гл. ред. М. В. Пименова. Владимир, 2013. с. 685–688.

Ясаи Л. Видовая пара и ее разные трактовки. – Studia Slavica Hung., 58/ 2, 2013. pp. 377–385.

Jászay László. A meghatározott mozgást kifejező igék szemléletpárkepzésének sajátosságai. [Глагольные пары со значением движения]. – A korszerűbb orosznyelv-oktatásért. Pécs, 1984. pp. 42–61.

Jászay László. Gondolatok az orosz igeszemlélet kerdéseiről – oktatási nezőpontból. – Könyv Papp Ferencnek. Tanulmánygyűjtemény Papp Ferenc 60. születésnapjára. Debrecen, 1991. pp. 45–54.

Названная выше книга представляет собой изложение спецкурса, который ее автор читал студентам, изучавшим русский язык. Книга основывается на научных исследованиях того времени, на исследованиях самого

автора – поэтому представляет интерес не только для студентов, но и для специалистов по русскому глагольному виду.

Своеобразие и ценность книги состоит в том, что ее автору – в условиях преподавания – пришлось говорить о категории вида кратко и просто, без использования сложных, обычных для этой темы формулировок, пришлось говорить с привлечением выразительных примеров, построенных по методу лингвистического эксперимента, с опорой на материал опроса информантов. Более того, о русском глагольном виде автору пришлось говорить не русским студентам (которые, не понимая многое в современных теориях вида, тем не менее интуитивно все-таки чувствуют видовые различия в речи), а венгерским студентам, которые, не всегда понимая в теориях, одновременно в большинстве случаев не чувствуют видовых различий в русской речи и поэтому нуждаются в четких рекомендациях. Автору в таких условиях пришлось излагать русский глагольный вид в сопоставлении с венгерским глагольным аспектом, выявляя сходство и различие, анализируя ошибки венгерских студентов в употреблении русского глагольного вида и т. д. под влиянием венгерского языка.

Обо всем этом Л. Ясаи пишет, опираясь по возможности (насколько позволяет сама проблема) на объективные критерии, рассуждая честно, не скрывая неясностей и противоречий, которых в этой проблеме немало, – в результате чего ему удается обнажить многие вопросы, скрывающиеся иногда под терминологией, поставить эти вопросы снова на обсуждение. Книга Л. Ясаи предлагает любому читателю благодатный материал для размышления.

Проблема определения глагольного вида. Существует много дефиниций глагольного вида. Л. Ясаи кратко их обобщает в первых главах своей книги: «Аспектуальность» (глава 1) и «Значение вида» (глава 2). Обычно утверждается, что содержанием глагольного вида является «характер протекания действия», при этом действие СВ квалифицируется как действие, которое имеет «предел», а действие НСВ – как действие, которое не имеет «предела». Но что такое «предел», посредством чего одно действие (СВ) отличается от другого (НСВ)?

Понятие «действия» можно принять и без определения, как исходное. Но чтобы определить СВ и НСВ, понятие «предела» должно быть каким-то образом выведено из первичного понятия по правилам некоторой логики. К сожалению, понятие «предела» в книгах по глагольному виду ниоткуда не выводится, а разъясняется с использованием бытового значения этого слова. Однако в повседневном языке слово «предел» обозначает то же самое, что «совершенный, завершенный», в результате чего дефиниция «Действие совершенного вида – это действие, имеющее «предел» означает то же самое, что и «Действие совершенного вида – это действие совершенного вида». Тавтология обычно не замечается потому, что в дефини-

ции используется синонимия. Если использовать интернациональный термин, например лат. terminative, или нем. Grenzbezogenheit, или венг. határpontos cselekvés, то тогда дефиниция выглядит не только научно, но даже респектабельно, например: «Глагол совершенного вида обозначает хотарпонтош челеквеш». Однако и в этом случае необходимо обращаться к выяснению бытового значения слова – к словарю, на этот раз уже не к толковому, а переводному, иначе распознавание вида невозможно. Вывод состоит в том, что разъяснять подобным образом понятия, конечно, можно, но полагать, что эти разъяснения составляют научные дефиниции, научную теорию, по-видимому, все-таки нельзя.

Категорию вида, как нам представляется, вполне можно определить, избегая тавтологии. Так, если за исходное понятие принять «действие» (1), то вполне можно допустить (это не будет противоречить логике) и «не-действие» (2), которое наступает после того, как прекращается «действие». Отсюда логически возможно и «отграничение действия», которое представляет собой «действие», вслед за которым сразу же идет «не-действие» (3). При этом следует подчеркнуть целостность «действия» и «не-действия». Именно на понятии целостности действия настаивает Л. Ясаи в своей дефиниции совершенного вида. Но из каких составных частей складывается эта целостность? Ведь в самом начале целого не бывает. Целое – это результат синтеза частей, в данном случае – действия и отсутствия этого действия. Понятие целостности – синтеза «действия» и «не-действия» (4) логически тоже обусловлено: соединяются не два действия, а по сути дела одно действие – со своим отсутствием.

В соответствии со сказанным категорию СВ можно бы определить так: СВ обозначает действие, образующее единое целое с наступившим после него не-действием. Возможны и другие варианты определения, но во всех случаях должны, по-видимому, присутствовать: «действие», «не-действие» и «синтез» того и другого. Что касается НСВ, то он скорее всего обозначает просто «действие». Заметим, что категория глагольного действия – это не только категория вида (аспекта), но также и категория времени, категория диатезы и др., которые несомненно взаимодействуют друг с другом, – о чем вслед за В. А. Бондарко говорит и Л. Ясаи в своей книге.

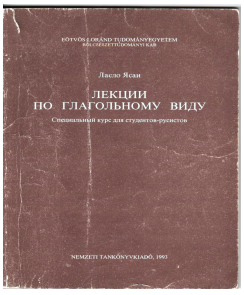
Лексическое и грамматическое в категории вида. Основная проблема, которая встает в связи с категорией глагольного вида: является ли эта категория лексической или грамматической?

Всё, что надо выразить в языке, можно выразить посредством лексики, лексической группировки слов. Однако лексика, лексические классы маркируются грамматическими средствами (суффиксами, служебными словами, порядком слов и др.), – в таком случае выражение смысла происходит быстрее, точнее. И распознавание тоже – при наличии грамматической маркировки – идет быстрее и точнее. Лексические классы в системе

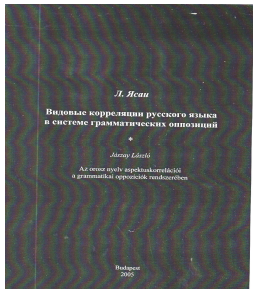
глагольного вида (глаголы неопределенного, многократного, СВ, НСВ и другого действия) – достаточно крупные и вполне заслуживают того, чтобы в языке для них были выработаны грамматические указатели. В качестве таких указателей при изучении глагольного вида аспектологи замечают приставки и суффиксы. Так, глаголы СВ отличаются от глаголов НСВ приставками *(петь – спеть)*, а глаголы НСВ вида от глаголов СВ – суффиксами *(спеть – спевать)*. Отмечается, что СВ и НСВ различаются грамматически, что глагольный вид – грамматическая категория, что лексических различий в глагольных парах нет. Однако вскоре обнаружилось, что эти пары различаются и лексически. Тем не менее, все-таки были выделены «видовые пары», относительно которых было сказано, что внутри них глаголы различаются только грамматически. Постепенно все-таки обнаружилось, что и «видовые пары» имеют лексические различия. Вся эта «история вопроса» излагается в книге Л. Ясаи.

На вопрос о том «Можно ли считать вид чисто грамматической категорией?» (так называется в книге глава 8), автор отвечает отрицательно. На протяжении всей книге и в специально посвященной этому вопросу главе 6 («Соотношение видов с лексическим значением глагола») автор приводит примеры, иллюстрирующие, что каждая видовая пара содержит лексическое различие. В главе 4 «Проблемы видовой парности» автор выделяет пять типов лексических расхождений между глаголами внутри видовых пар, – начиная с незначительного расхождения и кончая совершено явным. Автор в связи с этим считает необходимым заменить грамматическое понятие «видовой пары» по сути дела лексическим понятием «видовой парности» и делает вывод, что вид – это не грамматическая, а лексико-грамматическая категория.

В последнее время аспектологи больше внимания уделяют лексическому содержанию категории вида, что, по-видимому, надо расценивать как движение вперед в изучении глагольного вида. Книга Л. Ясаи «Лекции по глагольному виду» принадлежит к этому направлению.

Проф. Ласло Ясаи (Будапештский университет)

Во всяком случае, когда категория русского глагольного вида изучается иностранцами, то пары слов, относящиеся к виду глагола *(делать – сделать)* усваиваются ими, как разные слова, как разные лексемы. Автор этих строк спрашивает однажды венгерскую студентку: «Жужа, вы *делали* домашнюю работу?» Жужа отвечает: «Нет, я ее *сделала*». Явно, что в этом случае Жужа воспринимает пару слов *делать – сделать* как разные слова. Но если бы такой вопрос был задан русской студентке, то ответ обязательно был бы следующий: «Да, я *сделала* работу». В этом случае глаголы *делать – сделать* выступают, как одно и то же слово – с одним значением. Складывается вывод, что в некоторых парах глаголов – применительно к носителям русского языка – глагольный вид существует как грамматическая категория: лексически эти глаголы не различаются – различаются только грамматической формой. Надо бы собрать эти пары глаголов (типа *делать – сделать*), составить из них список и объявить, что в этом списке глаголы внутри глагольных пар представляют собой грамматическую (словоизменительную) категорию, а во всех остальных парах (находящихся вне этого списка) типа *делать – подделать* глаголы не образуют грамматической (словоизменительной) категории вида – представляют собой разные лексемы. Что же касается носителей других языков (для которых русский язык не является родным), то для них в русском языке во всех глагольных парах со значеием совершенного и несовершенного действия – существуют только разные лексемы: усваиваются эти глаголы независимо друг от друга, даже в разное время. Это сигнализирует о том. что в русском языке нет такой грамматической категории, как вид глагола. На одной конференции в России, во Владимирском университете, проф. Л. Ясаи излагал в своем докладе концепцю грамматического глагольного вида. Закончив свой доклад, он поднял голову от текста доклада и сказал в зал, что глаголы в видовой паре – это все-таки разные лексемы, так как (продолжал Л. Ясаи) иностранцы используют их как разные слова (ср. Ясаи 2013). Нельзя ли в связи с этим при описании видовых глагольных пар применять два подхода: один – с ориентацией на тех, кто использует видовые пары глаголов как одну лексему (для кого, в частности, русский язык является родным), другой подход – с ориентацией на тех, кто использует видовые пары как разные лексемы (для кого русский язык является, например, чужим)?

Корреляции и инварианты в системе глагольного вида Как бы ни решать ту или иную проблему в системе глагольного вида, в рамках синхронической лингвистки приходится иметь дело с двумя важными понятиями: 1) «корреляция» («взаимосвязь и обусловленность языковых элементов») и 2) «инвариант» («одна и та же сущность в отвлечении от ее модификаций – вариантов» (ЛЭС 1990, с. 243–244, с. 80–81). Именно эти

понятия применительно к глагольному виду обсуждает Л. Ясаи в другой своей книге:

Ясаи Л. Видовые корреляции в системе грамматических оппозиций. Budapest, 2005.

Отнесем сюда также и некоторые статьи Л. Ясаи:

Ясаи Л. Проблематичные случаи образования приставочных видовых корреляций в процессе перфективации. – Studia Russica VI, Budapest, 1983. pp. 37–52.

Ясаи Л. К уточнению понятия видовой парности. «Русский язык за рубежом», 4. М., 1993. с. 62–66.

Ясаи Л. К критике и защите семантического инварианта в зеркале обучения видам. – Slavica Quinqueecclesiensia, 1. Pécs, 1995. pp. 209–219.

Ясаи Л. О принципах выделения видовой пары в русском языке. – «Вопросы языкознания», 4. 1997. с. 70–84.

Ясаи Л. Некоторые вопросы обучения видам глагола (В книге В. А. Федосова «Венгерско-русские языковые контакты»). – Вестник Филиала Института русского языка им. Пушкина. № 12. Будапешт, 1999. с. 148–152.

Ясаи Л. К истолкованию понятия «конкуренция видов» в русском языке. Slavica Quinqueecclesiensia. Pécs, 2000. pp. 282–287.

Ясаи Л. О специфике вторичных императивов видовых корреляций. – Сб. Исследования по языкознанию. К 70-летию А. В. Бондарко. СПб., 2001.

Ясаи Л. Видовая пара и проблема лексического тождества ее членов. – Русское слово в мировой культуре. X Конгресс МАПРЯЛ. СПб., 2002. С. 340–346.

Ясаи Л. О двух подходах при изучении видовых противопоставлений. – Сб. Между языками и культурами. Ред. Э. Ч. Йонаш. Nyíregyháza, 2007.

Jászay László. К дискуссии видовой оппозиции (привативность или эквиполентность).– Nyelv, stílus, irodalom. Köszöntő könyv Péter Mihály 70. születésnapjára. Budapest, 1998. pp. 270–275.

Jászay László. Видовые корреляции при двувидовых глаголах. Studia Russica, 17. Budapest, 1999. pp. 169–177.

Jászay László. Nyelvészeti szempontú megjegyzések a vid-használat tanításának kérdéséhez. [К лингвистическим основам преподавания глагольного вида]. – Studia Slavica Savariesia 1-2. Szerk. Gadányi K. 2013, pp. 224–236.

Основу названной книги Л. Ясаи, которую по охвату материала, по систематизации этого материала можно назвать энциклопедией русского глагольного вида, составила диссертация, которую автор защитил в Венгерской Академии наук как «большую» докторскую диссертацию.

В своей книге Л. Ясаи подвел итоги исследованиям русского глагольного вида в России, в Венгрии и других странах. Л. Ясаи обобщил в книге и собственные исследования в области русского глагольного вида, опубликованные в книгах, например: Ясаи 1993, Jászay, Tóth 1987, Jászay, Lőrincz 2001 и множестве своих статей.

Но главное – Л. Ясаи в свой книге на основе большого проанализированного им материала сформулировал новые свои идеи о глагольном виде – по следующим вопросам: форма и значение у глагольного вида, инвариант в значениях глагольного вида, понятие коррелятивной глагольной пары и др. Всё это Л. Ясаи представил в системе, в единстве, в последовательности. Идеи, из которых исходил Л. Ясаи в создании своей концепции, – это прежде всего идеи русских лингвистов. Л. Ясаи, в частности, пишет: «…наиболее стимулирующими для формирования и развития нашей концепции оказались классические труды Ю. С. Маслова, исследования тех аспектологов, которые в каком-либо направлении развивали дальше его учение, прежде всего труды его выдающегося последователя А. В. Бондарко, а также работы ведущих представителей современного направления в исследовании глагольного вида («московской школы») Е. В. Падучевой и М. Я. Гловинской.

Монография Л. Ясаи состоит из двух частей: 1) «Общие вопросы вида и проблемы его типологии» (с. 7–58), 2) «Вопросы коррелятивности вида в русском языке» (с. 59–186). 1-ую часть Л. Ясаи определяет как «подробное введение» во 2-ую часть. В 1-ой части обсуждаются такие теоретические вопросы, как понятие корреляции в категории вида; инвариант в оппозиции, составляющей глагольный вид; вид как семантическая универсалия. В этой же части Л. Ясаи дает дефиницию русскому глагольному виду. Во 2-ой части подробно излагается вид как корреляция в ее формальном и семантическом содержании.

Определение глагольного вида. Прежде, чем дать свое определение глагольному виду, Л. Ясаи анализирует определения у предшествующих авторов. Например, А. М. Пешковский так определяет глагольный вид: «Вид обозначает, как протекает во времени или распределяется во времени тот процесс, который обозначен в основе глагола» (цит. по: Ясаи 2005, с. 13). В этом определении в качестве родового понятия выступает понятие «процесс», которое, вообще говоря, не является лингвистическим (оно отсутствует в лингвистических словарях). В бытовом же языке (см. толковый словарь) «процесс» – это «мировой процесс», «воспалительный процесс», «судебный процесс» и т. д. В данном случае можно было бы в качестве родового понятия использовать понятие «действие» («действие» – значение глагола, «предмет» – значение существительного, «признак» – значение прилагательного и т. д.). Еще более неясными в определении А. М. Пешковского являются видовые понятия: процесс «протекает», про-

цесс «распределяется во времени». Что такое «протекает», что такое «распределяется»? В лингвистических словарях, в грамматиках эти термины тоже отсутствуют Последующие лингвисты сразу же стали критиковать дефиницию А. М. Пешковского. Например, польский лингвист С. Каролак пишет, что эта дефиниция «…содержит обороты «как протекает» и «как распределяется», которые допускают разные толкования» (цит. по: Ясаи 2005, с. 14). Но сам С. Каролак предлагает определение совершенного вида такого же рода: «…изображение действия в его неделимой целостности, как замкнутого целого» (там же). Что такое «неделимая целостность», «замкнутое целое»? По отдельности слова «замкнуть», «делить», «целый» можно понять – в их бытовом смысле (см. толковый словарь). Но сочетания «замкнутое целое», «неделимая целостность» понять все-таки трудно. Надо ли определять известное понятие «совершенный вид», которое употребляется во всех грамматиках и лингвистических словарях (даже в толковом словаре одно из значений слова «совершенный» – это «совершенный вид»)? Однако, к сожалению, определение известного через неизвестное при описании русского глагольного вида стало традицией.

Л. Ясаи приводит еще определения подобного рода (Б. Комри, Ф. Киефер, М. А. Шелякин и др.), например: «если внутреннее время (действия, предложения, ситуации) представлено как открытая структура – мы имеем дело с НСВ, если оно представлено как закрытая структура – с СВ» (цит. по Ясаи 2005, с. 14). Здесь известные понятия «совершенного» и «несовершенного» вида определяются через неизвестные: «открытая» и «закрытая структура».

Традиция использовать в дефинициях глагольного вида неизвестные понятия установилась настолько прочной, что ей следуют и В. В. Виноградов, и А. В. Бондарко, например: если имеет место «ограниченность действия пределом», то это – СВ, а если – «неограниченность действия пределом», то это – НСВ» (цит. по Ясаи 2005, с. 16). Здесь тоже: что такое «ограниченность действия пределом»? В толковом словаре «предел» – это «предел земли», «предел жизни» и т. д. (в лингвистическом словаре этого слова нет).

Л. Ясаи приводит и некоторые другие определения глагольного вида, указывая на их недостатки, но не на логические недостатки, а на лингвистические. В этих дефинициях, пишет Л. Ясаи, не различаются глагольный «вид» и «аспектуальность», а также не учитывается то, что в русском и славянских языках эта категория – морфологическая, а в других языках – лексическая» (с. 16). В своей дефиниции глагольного вида Л. Ясаи преодолевает эти недостатки, однако что касается логики, то в этом отношении Л. Ясаи, к сожалению, следует установившейся традиции.

Вот как определяет русский глагольный вид Л. Ясаи: «…русский вид является семантической категорией, формирующейся морфологическими

и синтаксическими средствами, которая характеризует протекание действия во времени изнутри с отношением к его пределу, и способна выражать в рамках одного лексического значения формальное противопоставление двух рядов форм по признаку наличия-отсутствия ограниченного пределом целостного действия» (с. 17). Здесь при определении глагольного вида в качестве родового понятия используется понятие «семантическая категория», а в качестве видовых понятий, отличающих данную «семантическую категорию» от других – несколько понятий: «протекание действия», «время изнутри», «отношение к пределу», «наличие-отсутствие ограниченного пределом целостного действия» и нек. др.

Если, однако, учесть, что Л. Ясаи, анализируя дефиниции глагольного вида у предшествующих авторов, объяснил почти все понятия, которые сам употребил в своей дефиниции в качестве родового и видового понятий; если к тому же учесть, что после своей дефиниции Л. Ясаи дополнительно объясняет некоторые понятия, употребленные в его дефиниции (с. 17–18), то можно полагать, что родовое и видовые понятия в дефиниции глагольного вида у Л. Ясаи являются достаточно ясными. Внимательный читатель, надо полагать, вполне поймет из предложенного ему определения, что такое – русский глагольный вид.

Понятие корреляции. Главным понятием в книге Л. Ясаи является понятие корреляции. Неслучайно этот термин Л. Ясаи ввел и в заглавие своей книги. О корреляции Л. Ясаи пишет как о «ключевом» понятии лингвистики: «Корреляция пронизывает язык во всех его сферах» (с. 7).

Действительно, корреляция является центральным понятием синхронической лингвистики, описывающей язык в пространстве, в отвлечении от времени – от развития, от языковой личности, движущей это развитие и т. д. Синхроническое описание складывается из двух этапов: 1) расчленение целого на части и 2) характеристика одной части в сопоставлении с другой частью с точки зрения их тождества и различия – как в плане содержания, так и в плане выражения. Форма, выражающая значение этих двух частей, – маркирует эти значения, эти две части (см. в толковом словаре: маркировать – от «марка, клеймо на к.-л. товаре, изделии»). Бывает и так, когда форма маркирует значение только одного члена корреляции, – в таком случае значение другого члена выражается посредством отсутствия у него формы первой части. Такая корреляция (оппозиция) называется привативной, например: *делать – с-делать,* где значение совершенного действия маркируется приставкой *с-*, а значение несовершенного действия – отсутствием этой приставки. Ср.: *дать – да-ва-ть*, где, напротив, маркируется (суффиксом *-ва-)* значение несовершенного действия, а значение совершенного действия – маркируется отсутствием этого суффикса. Наличие формы (маркировки) у обоих значений может составлять эквиполентную оппозицию, например: *указ-а-ть – указ-ыва-ть*, где каждое из значе-

ний имеет свою собственную (положительную) маркировку в виде суффиксов. Л. Ясаи подробно характеризует эти два вида корреляции глагольного вида.

Л. Ясаи так подытоживает историю изучения всего этого вопроса: «Многолетние споры по проблеме привативного или эквиполентного характера видовой оппозиции свидетельствуют о том, что… сторонники той или иной трактовки похоже «устали» от дискуссий» (с. 19).

Л. Ясаи предлагает следующий выход из положения: не форма маркирует значение, а значение маркирует форму. Л. Ясаи пишет: «…в нашем случае речь идет о маркированности значением, а не формой, например в паре *дать – давать* формально маркированным является глагол НСВ, имеющий суффикс имперфективации, тогда как формально не маркированный глагол *дать* характеризуется отсутствием этого показателя. Тем не менее семантическая маркированность при привативной оппозиции вида здесь безотносительна к формальной маркированности данного противопоставления, и в этом случае его положительным членом квалифицируется формально не маркированный член СВ» (с. 19). И далее: «…мы должны считать противопоставление по видам привативной оппозицией» (там же), т. е. маркированным членом всегда является СВ. Получается, что в значении СВ присутствует некоторый добавок в виде «совершенного действия», который и маркирует СВ; этот добавок отсутствует в значении НСВ, который в таком случае становится немаркированным членом корреляции.

Л. Ясаи не является первым, кто так решает вопрос. До него многие известные лингвисты писали точно так же, например: НСВ – это «аспектуальный нуль» (Ю. С. Маслов и др.); у СВ – нет «видового значения» (А. А. Спагис и др.) и т. д. Л. Ясаи, анализируя эту литературу, в целом положительно ее оценивает (с. 19–25).

В лингвистике всегда утверждалось, что форма выражает значение и тем самым маркирует соответствующий член оппозиции. Но затем для глагольного вида стали делать исключение: здесь член оппозиции маркируется не формой, а значением. Эти два подхода (один – обычный, другой – применительно к глагольному виду) стали фиксироваться в лингвистических словарях и грамматиках, например: «Маркированный – имеющий положительное языковое выражение (фонологическое, грамматическое) …Предложный падеж, как падеж, употребляющийся всегда с предлогом, является маркированным по сопоставлению с падежом именительным, всегда беспредложным (немаркированным). Совершенный вид, выражающий внутренний предел действия, является маркированным по сопоставлению с несовершенным видом, лишенным этого значения (немаркированным)» (Розенталь, Теленкова 1976, с. 169–170).

На наш взгляд, формальную маркировку членов видовой оппозиции вполне можно обнаружить, если изучить лексико-грамматическую сочетаемость глаголов в этих двух лексических классах – «совершенного» и «несовершенного действия». Но лингвистика никогда не занималась изучением лексико-грамматической сочетаемости в классах более частных, чем лексические классы со значением «предмета» (сущ.), «действия» (глаг.), «признака» (прил.). Этим вынуждены заниматься только преподаватели иностранных языков, чтобы научить учащихся использовать язык, преподаватель дает учащимся вполне определенные, небольшие лексические классы с соответствующими лексико-грамматическими конструкциями. В «Методическом руководстве» (Костомаров, Митрофанова 1984, с. 69–75) специально предлагаются пути образования лексических классов (внутри классов «сущ.». «глаг.», прил.» и др.) с их лексико-грамматической сочетаемостью: «предметный» путь, «глагольный» путь, «ситуативный» путь. Впрочем, и тематические группы лексики типа «Школа», «Семья» и т. д. тоже создаются для того, чтобы в этих группах сформулировать лексико-грамматические правила сочетаемости – и предложить эти правила учащимся. Если бы и научная лингвистика изучала лексико-грамматическую сочетаемость слов, то и она могла бы для лексических классов со значением «совершенного» и «несовершенного» действия найти формальную маркировку (не только в виде приставок и суффиксов, но и в виде сочетаемости с определенными лексическими классами). Ведь если эти значения осознаются носителями языка, значит, это осознание опирается на какие-то материальные формы, в первую очередь – на классы лексики, с которыми члены этой глагольной пары сочетаются.

Инвариант в значениях видов глагола. Каждый из двух лексических классов, образующих видовое противопоставление, имеет много значений, обнаруживаемых лингвистами интуитивно, а не на основе изучения конкретной лексической сочетаемости глаголов этих классов; у каждого из этих двух множеств значений должно быть общее значение – инвариант. У разных лингвистов эти инварианты оказываются различными.

Л. Ясаи пишет: «Вопрос об общем значении видов является не просто одним из центральных вопросов…, но и вечных вопросов, дискутируемых в литературе уже полтора века…» (с. 26). Для большинства авторов, пишет Л. Ясаи, общим значением для СВ является значение «предела». Так, у А. В. Бондарко (о котором Л. Ясаи замечает, что в его работах проблема предельности является «всесторонне описанной и фактически решенной») инвариант «предел» реализуется следующим образом: предел бывает внутренним или внешним, реальным или потенциальным, эксплицитным или имплицитным, абсолютным или относительным, тендентивным или нетендентивным и т. д. (с. 29–30). Подытожив полувековую дискуссию об

инварианте значений СВ, Л. Ясаи так определяет свой инвариант: «СВ обозначает целостное действие, ограниченное реальным пределом и способное выступать в секвентной связи по отношению к другим действиям для выражения временной последовательности (смена ситуаций) в прошедшем или будущем времени» (с. 33). Определяет Л. Ясаи и инвариант значений НСВ. Проанализировав «историю вопроса», в которой, по мнению Л. Ясаи, главную роль сыграл тоже А. В. Бондарко, указавший, что инвариантом у значений НСВ является «срединная фаза действия», Л. Ясаи формулирует свой инвариант для значений НСВ. По его мнению, этот инвариант состоит из двух семантических компонентов: «достижение результата» и «многократность» (с. 40–41).

Может возникнуть возражение. Выше в книге Л. Ясаи (с. 19–25) было сказано, что корреляция СВ – НСВ является привативной оппозицией (с маркированным членом – СВ). Теперь же оказывается, что у каждого из глагольных видов имеется свой инвариант в значениях. Получается, что корреляция СВ – НСВ становится эквиполентной. Л. Ясаи видит эту несогласованность, но не считает ее принципиальной, утверждая, что корреляция СВ-НСВ, с одной стороны, может быт привативной, а с другой – эквиполентной.

Кажется, есть более простое решение вопроса об инвариантах в значениях СВ и НСВ. Вся лексика со значением «действия» (все глаголы) подразделяются на два больших массива: 1) лексика со значением «совершенного» действия (СВ) и 2) лексика со значением «несовершенного действия (НСВ). Каждый из этих двух лексических массивов подразделяется на более частные группы лексики. Так, лексика со значением «совершенного» действия имеет группы (см. об этом, например: Розенталь, Теленкова 1976, с. 53–54): лексика со значением «начинательности», лексика со значением «результативности» и др., а лексика со значением «несовершенного» действия имеет группы со значением «состояния», со значением «движения» (если у глагола нет приставки) и др. В свою очередь глаголы каждой из последних групп делятся, в соответствии с их значениями, на более мелкие подгруппы. В итоге получается дерево, у которого вершина означает «действие», а самое первое разветвление – «совершенное» и «несовершенное» действие. И если спросить у того же студента, который изучает русский язык как иностранный, какое значение является общим (инвариантным) для всех значений, расположенных на первой ветке (для СВ), то он ответит: значение «совершенного» действия. Соответственно, для всех значений глагольного действия, расположенных на второй ветке (НСВ), общим (инвариантным) значением является, скажет студент, значение «несовершенного» действия. В самом деле, инвариант – это «единица в отвлечении от ее конкретных реализаций» (Розенталь, Теленкова 1976, с. 128).

Глагольный вид в разных языках. Эта глава в книге (с. 42–57) очень важная. В ней говорится о сущности глагольного вида применительно к языкам различной типологии – с привлечением наиболее известных исследований. Сначала Л. Ясаи характеризует языки, в которых завершенность-незавершенность глагольного действия выражается с высокой степенью маркированности. Л. Ясаи выделяет в этом случае два способа маркировки. Первый способ: совершенность и несовершенность действия выражаются в грамматической системе времени. Но эти два действия в этом случае не соотносятся друг с другом – не образуют видовой пары. Это имеет место в английском языке. Второй способ: совершенное и несовершенное действие, входя в грамматическую систему времени (в настоящем времени проявляется только несовершенное действие, а в прошедшем времени – оба эти действия), сориентированы друг на друга с использованием дополнительной маркировки – приставок и суффиксов, благодаря чему образуется корреляция. Это имеет место в русском языке.

Затем Л. Ясаи характеризует языки, в которых совершенное и несовершенное действие имеет меньшую степень маркировки». Примером такого выражения видовых значений может служить венгерский язык» (с. 51). Л. Ясаи перечисляет средства, которые указывают на совершенное и несовершенное действие в венгерском языке (приставки, суффиксы, контекст и др., всего – 10 средств). Но эти два действия, подчеркивает Л. Ясаи, не соотносятся друг с другом – не образуют корреляции. Л. Ясаи отмечает заслугу в исследовании этого вопроса венгерских лингвистов (русистов) Л. Дежё (Дежё 1984, с. 67–80), И. Пете, Б. Вахи, Ф. Кифера, которые в этом случае сопоставляют венгерский язык с русским.

Наконец, Л. Ясаи характеризует языки, в которых совершенное и несовершенное действие выражается с помощью самого бедного набора средств, в основном – с помощью контекста. Вслед за В. С. Храковским, описавшим этот вопрос в арабских языках, Л. Ясаи выдвигает гипотезу, что когда-нибудь и в арабских языках выработаются формальные средства для выражения значения совершенного и несовершенного действия.

Л. Ясаи делает следующий вывод: «…вид, так же как, например, и категория времени, следует считать универсальной категорией в языках мира… Вид – это такая же семантическая категория, которая в одних языках (хотя и в неодинаковой мере и разными средствами) грамматикализовалась, в других нет» (с. 57). В большей мере оформилась эта категория в русском языке, в меньшей степени – в венгерском языке, и совсем недостаточно – в арабских языках.

Форма и значение у русского глагольного вида. Л. Ясаи пишет, что в качестве формы при образовании СВ от НСВ используются приставки: *у-, вз-, от-, раз-, из-* и др., а при образовании НСВ от СВ – суффиксы: *-ыва-, -ва-, -а-* и др. Выбор той или иной приставки или суффикса за-

висит от соотношения лексических (семантических) классов, к которым принадлежат эти глаголы, например таких классов, как: «попытка – успех» *(ловить – поймать)*, «чувственное восприятие – переживание» *(слышать – услышать)*, «начинаться – начаться» *(появляться – появиться)*, «действовать с целью – цель реализована» *(ловить – поймать)* и др. Л. Ясаи анализирует эти классы, сформулированные другими лингвистами, прежде всего Ю. С. Масловым и М. Я. Гловинской, а затем на основе их классификации предлагает свои соотношения лексических классов, например: «предельный процесс – результат этого процесса» *(делать – сделать)*, «многократное достижение предела – достижение предела» *(замечать – заметить)* и др.

При описании образования видов глагола Л. Ясаи использует большой фактический материал. Однако это не сплошной массив глаголов, взятых подряд, например, из толкового или какого-либо частотного словаря, а специально подобранные примеры, чтобы проиллюстрировать формулируемые соотношения лексических классов. Точно так же поступают и предшественники Л. Ясаи (Ю. С. Маслов, М. Я. Гловинская и др.). Надо бы изучить всю лексику, всю лексическую сочетаемость в языке, но – всякого страшит огромное количество лексики в языке и еще большее количество лексических сочетаний.

Из многообразия глагольных пар Л. Ясаи выделяет те пары, которые составляют корреляцию. Это «объединенные в пару глаголы не различаются лексическим значением, их отличие заключается лишь в значении вида» (с. 113). Например, коррелятивная пара *умирает* (еще жив) – *умер* (уже мертв) имеет одно и то же лексическое значение, различающееся грамматическим видом. Л. Ясаи, таким образом, полагает (как и другие аспектологи), что глаголы в такой паре – это одна и та же лексема. Это такая же пара, как, например, и грамматическое соотношение «ед. – мн. число» существительных *(стол – стол-ы)*.

Существует ли какая-нибудь процедура, с помощью которой можно определять, какие глаголы в паре СВ – НСВ имеют одно лексическое значение, а какие – разные значения. Л. Ясаи пишет о возможности использования метода субституции (подстановки): если в некоторой позиции в некоторой конструкции глаголы заменяют друг друга, то эти глаголы – одного лексического значения; если же они не заменяют друг друга, то это – разные глаголы (с разным значением). Но определять, заменяют ли глаголы друг друга или нет, приходится с опорой на языковое чутье лингвиста (информантов). Л. Ясаи заключает, что в подобном методе определения лексического тождества много субъективизма. Этот метод можно использовать, замечает Л. Ясаи, только при условии, если видовую пару понимать в «самом широком смысле» (с. 135–136), т. е. приблизительно. В таком случае, считает Л. Ясаи, надо применять «семантическое поле»

А. В. Бондарко: размещать ближе к центру этого поля те пары СВ – НСВ, в которых глаголы кажутся близкими по значению, и дальше от центра (на периферии поля) те пары, в которых глаголы не кажутся очень близкими по значению.

Вообще говоря, глаголы, входящие в соотношение СВ – НСВ, даже в том случае, когда они образуют корреляцию, – это часто разные по значению глаголы, представляют собой разные слова. В словаре (Apreszjan, Páll 1982) в русской части словаря глаголы СВ и НСВ подаются вместе, как одно слово (как имеющие одно и то же значение), однако в венгерской части словаря эти СВ и НСВ переводятся разными словами, см, например, словарную статью *делать – сделать* (в 1-ом значении этих слов). Глагол *делать* в предложении *Он всё делал охотно* переводится посредством венгерского слова *(el)végzett,* а глагол *сделать* в предложении *Я ничего не сделал* – посредством *(sem) csináltam*. Если бы *делать – сделать* имели одно значение, то почему бы их не перевести одним и тем же словом?

Для того, чтобы доказать, что глаголы в паре СВ – НСВ имеют одно или разные значения, требуется, по нашему мнению, изучение их сплошной лексической сочетаемости применительно к большому массиву лексики. При одинаковой лексической сочетаемости пара СВ – НСВ будет с одинаковым лексическим значением, при разной сочетаемости – с разным значением. В таком случае оказывается, что даже такие глаголы, как *делать – сделать*, которые принято считать «чистой» видовой парой, могут иметь разную лексическую сочетаемость, а значит – разные лексические значения (быть разными словами). Ср. *Длинные ноги делали девушку красивой – *Длинные ноги сделали девушку красивой* (второе предложение неправильное: «так не говорят»). Значит, в конструкции лексических классов: «часть тела» (*ноги, руки, глаза, волос* и др.) с соответствующим определительным классом (*длинный, короткий, красивый* и т. д.) + «одуш.» (*мужчина, женщина, девушка, учительница* и т. д.) с соответствующим определительным классом (*красивый, страшный, милый* и т. д.) – употребляется только НСВ вид глагола *(делать),* а глагол СВ *(сделать)* не употребляется.

Во второй части своей книги Л. Ясаи производит подробные наблюдения за формой и значением глагольного вида с привлечением большого конкретного языкового материала – глаголами, составляющими соотношение СВ – НСВ, – с учетом разных аспектов: отношение видовой пары к словоизменению; сравнение видовой пары с грамматической парой «ед. – мн. ч.» существительного; варианты видовой пары; первичный и вторичный НСВ в паре СВ – НСВ; особенности переходных и непереходных глаголов НСВ; двувидовые глаголы; конкуренция видов и др.

Л. Ясаи пишет, что в русской традиции сложилось три направления: 1) видовая пара – это чисто грамматическая словоизменительная катего-

рия; 2) видовая пара является результатом словообразования; 3) видовая пара – отчасти словоизменение, отчасти словообразование. Подытоживает свою книгу о глагольном виде в русском языке Л. Ясаи следующим образом: «… трудно категорически высказаться по вопросу о том, представляют ли видовые пары словоизменение или словообразование глагола. Приставочные пары характеризуются скорее признаками словообразования…, суффиксальные пары обладают и признаками словоизменения, и признаками словообразования…» (с. 192–193). Во всяком случае, утверждает Л. Ясаи, это сугубо теоретический вопрос с практической же точки зрения, например в практике преподавания русского языка как иностранного, этот вопрос не имеет принципиального значения. Добавим: потому не имеет, что усваиваются глаголы СВ и НСВ учащимися, особенно на начальном этапе изучения русского языка, как совершенно разные лексемы, а на продвинутом этапе – как находящиеся в отношении словообразования (одно слово образуется от другого слова), – усваиваются, по-видимому, примерно так же, как усваивали бы русские учащиеся венгерские пары глаголов *csinál – megcsinál (делать – сделать), ír – megír (писать – написать)*, выражающие соответственно «несовершенное – совершенное» действие.

Необходимо отметить, что в своих наблюдениях над фактическим материалом по русскому языку Л. Ясаи обнаруживает высокое чувство русского языка.

Заключение. После знакомства с книгой Л. Ясаи создается впечатление, что о русском глагольном виде уже нечего писать. Всё уже написано. Л. Ясаи показал это и вширь, и вглубь. Написать что-нибудь еще, конечно, можно, но это будет повторением написанного, с возможным добавлением новой терминологии типа «протекание». В книге Л. Ясаи названо много имен, прежде всего русских лингвистов, исследовавших русский глагольный вид, из которых Л. Ясаи выделяет Ю. С. Маслова, А. В. Бондарко, Е. В. Падучеву, М. Я. Гловинскую и др. Названо много имен венгерских лингвистов: Ф. Папп, Л. Дежё, Ф. Киефер, Й. Крекич, Э. Палл, И. Пете, Л. Хуняди, Й. Бихари, Л. Тот, Ю. Лёринц, Б, Ваха и др., – внесших свой клад в изучение этой трудной темы. Названы также имена из других стран. Библиография в книге очень большая.

Л. Ясаи проанализировал все понятия, употреблявшиеся в разное время при исследовании значения глагольного вида: «протекание действия», «протекание изнутри», «неделимая целостность», «замкнутое целое», «закрытая» и «открытая» структура и мн. др. Все это Л. Ясаи обстоятельно объяснил, проявив большое терпене, вызывая и в этом отношении уважение у своего читателя.

Книга Л. Ясаи заслуживает высокой оценки. Это не просто монография о русском глагольном виде (в толковом словаре: монография – «научный труд, посвященный изучению одной темы»); это не просто энцикло-

педия русского глагольного вида (энциклопедия – «научное справочное пособие по всем отраслям данного знания»). Это такая монография, такая энциклопедия, в которой тема глагольного вида во всех своих направлениях представлена исчерпывающим образом – со всеми своими достижениями и недостатками. Создается впечатление, что дальше идти уже некуда. Чтобы идти дальше, требуется новая лингвистическая методология.

Литература

Дежё Л. Типологическая характеристика русской грамматики в сопоставлении с венгерской. Будапешт,1984.

Дейши Э. Рец.: Ясаи Л. Лекции по глагольному виду. Спецкурс для студентов-русистов. Будапешт, 1993. – Studia Slavica Hung. 39, 1994. pp. 392–395.

Костомаров В. Г., Митрофанова О. Д. Методическое руководство для преподавателей русского языка иностранцам. 3-изд. Москва, 1984.

ЛЭС 1990. Лингвистический энциклопедический словарь. Ред. Ярцева В. А. М., 1990.

Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. Пособие для учителей. 2-изд., Москва, 1976.

Федосов В. А. Русский глагольный вид: проблемы и решения (в связи с книгой Л. Ясаи «Лекции по глагольному виду». Будапешт, 1993). – Slavica Quinqueeclesiensia № 1, Pécs, 1995. с. 383–393.

Федосов В. А. О некоторых трудных вопросах семантики русского глагольного вида. – Сб. Русистика на рубеже веков. Rzeszów (Польша), 2009. с. 164–174.

Apreszjan J. D., Páll Erna. Orosz ige – magyar ige. Vonzatok és kapcsolódások. 1-2. Budapest, 1982.

Jászay László, Lőrincz Julianna. Variancia az orosz ige paradigmájában. Eger, 2001.

Jászay László, Tóth László. Az orosz igeaspektusról magyar szemmel. Budapest, 1987.

Krékits József, Jászay László. Szláv igeaspektus. Különös tekintettel az orosz nyelvre. [Вид глагола в славянских языках преимущественно в русском языке]. Budapest, 2008.

1.4. Варианты выражения значения русского глагола (Л. Ясаи, Ю. Лёринц)

Л. Ясаи и Ю. Лёринц пишут, что использование языка, особенно литературного, предполагает богатство возможных вариантов для выбора при выражении одного и того же значения глагола. Поэтому очень важно, утверждают авторы, описать эти варианты – фонетические, морфологические, синтаксические, семантические, фразеологические, – чему и посвящают свою книгу:

Jászay László, Lőrincz Julianna. Variancia az orosz ige paradigmájában. [Варианты в парадигме русского глагола]. Eger, 2001.

Конкретно в книге описываются морфологические варианты в сфере наиболее сложной части речи – глагола, в парадигме форм русского глагола.

Варианты рассматриваются в книге как расширение парадигмы. Помимо выбора одной из форм парадигмы, при использовании значения глагола в речи, говорящему приходится выбирать и один из вариантов этой формы – который в наибольшей мере подходят для данного случая, в данной ситуации. При описании вариантов глагольных форм в книге используется традиционное понятие значения, применительно к глаголу – значения действия, характера действия, отношения говорящего к действию. Один из вариантов формы принимается авторами за центральный (основной), а другой – за периферийный (ср. понятие семантического поля, где принято выделять центр и периферию).

Книга состоит из трех частей, которые можно называть главами: 1) теоретическая глава, 2) глава о вариантах форм словоизменения глагола при выражении его значения, 3) специальная глава о вариантах форм значения глагольного вида. Первую и вторую главы написала Юлия Лёринц, третью главу – Ласло Ясаи.

Теоретические основы. Ю. Лёринц пишет, что варианты присущи любой знаковой системе; без вариантов система по сути дела не может функционировать. Варианты предполагают инварианты – общее, что их объединяет. Язык – развивается, а развитие как раз и состоит в том, что для выражения некоторого значения появляются новые формы, которые конкурируют со старыми формами, образуя с ними варианты, – до тех пор, пока новые формы не вытеснят старые.

История изучения вариативности в языке (сначала применительно к фонологии) начинается, по мнению Ю. Лёринц, с работ членов Пражского лингвистического кружка (20-ые годы XX века). Затем главную роль в

разработке этой проблемы сыграли структуралисты (60-ые годы), которые «языковую компетенцию» во многом понимали как умение выбирать варианты в соответствии с заданным смыслом. Когда варианты стали рассматриваться в связи с нормами литературного языка (60-ые годы), проблема приобрела социолингвистический характер: выбор варианта языковой формы обусловливается не только значением этой формы, но и принадлежностью говорящего к определенному социальному слою общества. Стилистические и эмоциональные оттенки в значении, вслед за недавней традицией в терминологии, Ю. Лёринц именует прагматическими значениями.

Назовем некоторые статьи Ю. Лёринц о глагольных вариантах:

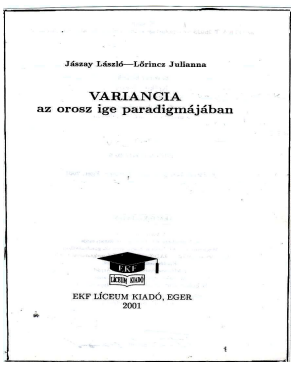
Лёринц Ю. Семантические значения глагольных вариантов и их употребление в русском языке. – Вестник ФИРЯП, № 13. Будапешт, 2000-a. с. 46–54.

Лёринц Ю. Варианты и норма. (Варианты повелительного наклонения глагола) – Вестник ФИРЯП № 14. Будапешт, 2000-b, с. 33–45.

Лёринц Ю. Глагольно-именные словосочетания как варианты (на материале русского и венгерского языков). – «Вестник ФИРЯП»: РКЦ, 15, Будапешт, 2001-a. с. 50–56.

Поскольку в книге исследуется материал русского языка (а также потому, что в теорию вариантов большой вклад сделал русские ученые), Ю. Лёринц анализирует теоретические работы, изданные в России (60–90-ые годы). Специально она рассматривает работы О. С. Ахмановой, В. Г. Гака, В. М. Солнцева, К. С. Горбачевича, А. В. Бондарко, Л. К. Граудиной и др. Ю. Лёринц отмечает, что в этих работах вариативность понимается как очень важная проблема языкознания – заслуживающая специальной, отдельной науки для ее изучения; что вариативность в этих работах тесно связывается с развитием языка, в том числе с конкретной его историей, вследствие чего она изучается не только в синхронии, но и в диахронии. Ю. Лёринц пишет, что в названных работах формулируется характер соотношения между понятиями варианта и инварианта; при этом вариант, по примеру фонологии, часто отождествляется с типическим вариантом – с прототипом. Излагается типология языковых вариантов (их классификация) – классификация их в зависимости от языкового уровня: плана выражения – фонетические, морфологические и т. п., плана содержания – семантические, стилистические и др. варианты.

Д-р Юлия Лёринц (Эгер) и проф. Ласло Ясаи (Будапешт)

Ю. Лёринц пишет, что авторы книги в своем анализе фактического материала русского языка и в своих теоретических выводах из этого фактического материала основываются в основном на теории вариативности как она сложилась в русском языкознании 60–90-ых годов. В одной из своих статей, опубликованном уже после появления данной книги Ю. Лёринц дает следующее объяснение понятий «вариант» и «инвариант» (ссылаясь на дефиниции вышеназванных русских лингвистов).

Варианты – это регулярно воспроизводимые фонетические или морфологические видоизменения формы при сохранении ее семантического тождества. Инвариант – «глубинный» вариант, обобщающий и проявляющийся в конкретных, «поверхностных» вариантах, один из которых, наиболее типический, называется прототипом (Лёринц 2001, с. 50–51).

Ю. Лёринц отмечает, что теория вариативности в русском языкознании сложилась в тесной связи с понятием нормы – предполагающей одни варианты «правильными», а другие – «неправильными». Действительно, теория вариантов в русском языкознании выросла из практики кодификации русского литературного языка 60–70-ых годов, когда составлялись многочисленные «Словари правильности», «Словари трудностей» и другие справочники по словоупотреблению и произношению, адресованные средней и высшей школе, населению. Тот факт, что теория рождалась в практике, предназначалась для ее обслуживания, а значит, и проверялась в практике, – действительно заслуживает внимания: такая теория обязательно должна содержать рациональное зерно.

Ю. Лёринц анализирует также теорию вариантивности, сложившуюся (независимо) в Венгрии, в частности – в работах Ф. Кифера (Kiefer 1996, 1996-a), Г. Н. Толчваи и др. Насколько мы можем судить, в венгерской традиции понятия вариантов-инвариантов излагаются в более тесной связи с понятиями синонимии-полисемии – этих фундаментальных категорий языка, – в связи с чем варьирование языковой единицы в венгерской тра-

диции, как нам кажется, «допускается» в более широком диапазоне («абсолютных синонимов не бывает»), чем в русской традиции. Венгерские лингвисты, в частности, более смело формулируют лексические варианты грамматических форм, чем их русские коллеги, – что, на наш взгляд, характерно и для авторов настоящей книги.

Морфологические варианты глагольных форм. Так называется вторая глава книги. Ю. Лёринц рассматривает в ней варианты глагольных форм словоизменения, исключая, однако, аналитические формы типа *пусть пойдет – пускай пойдет – да пойдет,* а также, добавим, варианты глагольно-именных сочетаний типа *помогать – оказать помощь*, о которых Ю. Лёринц пишет в отдельной, уже упомянутой статье (Лёринц 2001). Используется материал «Частотно-стилистического словаря вариантов» (составители Л. К. Граудина и др. 1976), а также собственный языковой материал, полученный в результате специального опроса информантов – носителей русского языка.

Выводы в этой главе делаются следующие.

Варьирование форм не охватывает всех категорий глагола. Так, в продуктивном спряжении глаголов типа *рисовал – рисую* варьирование глагольных форм отсутствует; новые глаголы, появляющиеся вследствие словообразования и заимствования, спрягаются точно по образцу *(телеграфировал – телеграфирую)*. Варианты существуют у форм глаголов непродуктивных классов с основой «гласный – нуль» *(стонали – стонут)*. При этом охватывает это варьирование не всю парадигму данного вида спряжения, а только ее часть.

Различие в вариантах у подавляющего большинства глагольных форм имеет стилистический характер. Однако обнаруживаются и лексические различия в вариантах форм (они почти всегда регистрируются в толковых словарях). Например, у вариантов *брызжу – брызгаю* имеются следующие различия – соответственно: «рассеивать брызги – кропить, опрыскивать». Ю. Лёринц отмечает, что подобного рода соединения стилистического и лексического различия характерны для приставочных форм глагола, ср. *набрызгать – обрызгать*.

Стилистические (прагматические) значения вариантов глагольных форм являются исторически подвижными. На протяжении полстолетия происходит смена этих значений, даже не один раз. Ю. Лёринц прослеживает этот процесс на основе изучения стилистических помет в словарях русского языка, относящихся к разным эпохам, и отмечает, что на протяжении недолгой истории изменялась даже принадлежность глаголов к типу спряжения.

Отметим наличие в данной главе книги большого количества языковых примеров. Глаголы даются иногда целыми списками, часто – исчер-

пывающего характера, что, конечно, повышает значимость сделанных автором выводов.

Варианты в системе двувидовых глаголов. В начале данного раздела Л. Ясаи пишет о том, что теория описания всех грамматических вариантов, относящихся к глаголу, должна быть общей, единой. Варианты в сфере глагола расширяют глагольную парадигму. Назовем некоторые статьи Л. Ясаи о вариантности:

Ясаи Л. Характер вариативности бесприставочных и приставочных инхоативных глаголов несовершенного вида. – Russistik, 2. Berlin, pp. 54–63.

Ясаи Л. Об одном типе синтаксической вариативности. – Вестник ФИРЯП. № 8, Будапешт, 1998. с. 50–55.

Jászay László. Variativitás az orosz ige paradigmájában. [Вариативность в парадигматике русского глагола]. – Hungaro-Slavica 2001. Budapest, pp. 79–84.

В отличие от вариантов в сфере спряжения, варианты в области глагольного вида, ведут себя сложнее, – выражаясь то в чередовании звуков, например *о – а (обусловливать – обуславливать)*, то, более последовательно, с использованием морфем *(колонизовать – колонизировать)*; есть и вовсе нерегулярные варианты: *езжай – поезжай – ехай*. Но самое главное, значения внутри одного и того же вида иногда настолько расходятся, что трудно бывает их «удержать» в рамках одной грамматической формы.

В современном русском языке, применительно к глаголам несовершенного вида, варианты, различающиеся *а – ыва,* с элементом *-а-* являются непродуктивными и стилистически архаичными, в то время как с суффиксом *-ыва-* – продуктивными и стилистически нейтральными: *одарять – одаривать*. Некоторые из последних вариантов НСВ имеют лексические отличия, что выражается в их различной лексической сочетаемости (в контексте)*: прилагать справку – прикладывать руку к сердцу.*

Что касается вариантов СВ, то, выражающиеся суффиксами, они являются обычно дублетами – не различаются ни стилистически, ни лексически: *прочитаю – прочту*; при выражении же приставками – они различаются или стилистически *(похоронить – схоронить)* или, главным образом, лексически, – обнаруживаясь в различной лексической сочетаемости: *похоронить – захоронить радиоактивные отходы*.

Л. Ясаи подробно рассматривает варианты в связи с двувидовыми глаголами типа *организовать*, *иллюстрировать*. Одно из значений вида этих двувидовых глаголов вступает в вариантное отношение с производным от данного глагола словом. В случае использования при словопроизводстве суффикса – образуются варианты НСВ, например: *организовать* (СВ) – *организовывать* (НСВ); а в случае использования при словообразо-

вании приставки – образуются варианты СВ, например: *иллюстрировать* (НСВ) – *проиллюстрировать* (СВ).

Сначала Л. Ясаи описывает варианты в связи с приставочными глаголами; характеризует степень продуктивности отдельных приставочных образований (с приставками *про-, по-, за-, с-* и др.), составляющих план выражения глагольных вариантов СВ. Однако главное внимание уделяет значению этих вариантов – их плану содержания (делаются ссылки на соответствующую литературу – словари и грамматики русского языка, теоретические работы).

Л. Ясаи отмечает, что приставочный вариант глагола СВ более содержателен, более определен по значению, чем бесприставочный. О большей определенности значения СВ приставочного варианта глагола свидетельствует и тот факт, что он более тесно связан с контекстом. Контекст более точно «диагностирует» значение СВ. Относительно же бесприставочного варианта (как показывает приводимый Л. Ясаи материал) информант часто ведет себя неуверенно; ср., например: *За это время исследователь анализировал (?) все данные эксперимента* (правильно: *проанализировал*) (с. 86). В отношении правильности употребления глагола *анализировать* в заданном контексте – информант сомневается, в то время как употребление в этом контексте глагола с приставкой *проанализировать* является для него несомненно правильным.

В тексте, диагностирующем глаголы СВ, как можно видеть из конкретного материала, обычно присутствуют лексемы типа *за это время, потом, все, всех, вчера, завтра* и т. п., с которыми приставочный вариант глагола СВ находится в лексическом согласовании, – в то время как бесприставочный вариант глагола СВ, в роли которого выступает двувидовой глагол выступает не вполне определенно.

По сути дела так же ведет себя двувидовой глагол в роли бессуффиксального варианта НСВ в контексте, диагностирующем его суффиксальный вариант НСВ, в котором обычно употребляются слова *часто, постоянно, ежедневно, будет, перестает, начинает* и т. п., например: *Правительство будет реализовать (5,5) – реализовывать (27) свои планы*. Как показывают статистические характеристики ответов информантов, второй вариант НСВ (с суффиксом *-овы-*) в большей мере подходит для данного контекста, чем первый вариант – *реализовать*, вне контекста являющийся двувидовым. Этот факт Л. Ясаи объясняет тем, что двувидовые глаголы являются более архаичными и постепенно вытесняются из употребления одновидовыми глаголами, в данном случае – с продуктивным суффиксом *-овы-,* а в вышерассмотренном случае – с приставками.

Варианты в системе глаголов несовершенного вида. Данный вопрос конкретизируется так: «Конкуренция основных и производных глаголов НСВ». Имеется в виду следующее.

От глагола с грамматическим значением НСВ *читать* с помощью приставки *про-* образуется глагол с грамматическим значением СВ *прочитать*. В результате этого словообразования появляется синхроническое противопоставление грамматических значений НСВ – СВ, выражающееся в противопоставлении форм: нуль – приставка *про-*. В свою очередь от глагола с грамматическим значением СВ *прочитать* образуется с помощью элемента *-ыв-* новый глагол: *прочитывать* с грамматическим значением НСВ. Данное противопоставление в синхронии выражается противопоставлением значений глаголов СВ – НСВ с помощью сопоставления форм: *-а- -ыва-*. В общем итоге при одном глаголе СВ вида, существует два глагола НСВ: *читать – прочитывать,* которые Л. Ясаи рассматривает как два варианта одного и того же грамматического значения НСВ. Один из этих вариантов имеет основу на *-а,* а другой – приставку *про-* + основу на *-ыва-*.

Однако у глаголов типа *читать – прочитать* имеются различия не только в грамматическом, но и в лексико-семантическом значении. Так, глагол *прочитывать* более конкретен в своем обозначении действия (о чем сигнализирует и наличие у глагола приставки и суффикса), чем глагол *читать* (у которого нет специальных морфологических способов конкретизации значения).

Возникает вопрос: остается ли это различие у двух названных глаголов в пределах грамматического значения НСВ или оно, все-таки, выходит за эти пределы?

Поскольку система глагольного вида традиционно строится из двух (и только двух) элементов (СВ и НСВ) и поскольку постулируется, что изменение значения НСВ не превращает это значение в значение СВ, – надо заключать, что изменение значения НСВ либо 1) остается в рамках НСВ вида, т. е. образуются варианты этого грамматического значения, либо 2) ведет к новому лексическому значению – к значению нового глагола.

Л. Ясаи обсуждает эту проблему в первом направлении. Глаголы типа *учить – выучивать* – одна глагольная лексема с грамматическим значением НСВ, которая противопоставляется грамматическому значению СВ *выучить.* Поскольку СВ и НСВ –две формы одного глагола, то вся тройка глаголов *учить – выучить – выучивать* тоже представляют собой формы одной и той же глагольной лексемы, прототипом (типическим вариантом) которой является слово *учить*.

Однако различия в значении глаголов типа *учить – выучивать* иногда настолько расходятся, что их трудно бывает «держать» в рамках одного и того же лексического значения, более того – в рамках одного из двух грамматических значений данной глагольной лексемы. Материалы, которые анализирует Л. Ясаи, на наш взгляд, вполне это подтверждает.

Анализируемый материал Л. Ясаи подразделяет на две части: 1) варианты в сфере переходных глаголов типа *читать – прочитывать*, 2) варианты в сфере глаголов состояния типа *слабеть – ослабевать*. Почти во всех случаях Л. Ясаи при рассмотрении глагольных пар НСВ учитывает и «промежуточный» глагол с грамматическим значением СВ, вовлекая, таким образом, в анализ все формы данной глагольной лексемы, например: *слабеть – (ослабеть) – ослабевать*, – что вполне оправданно, так как в таком случае точнее выявляются различия в глагольных значениях.

Анализируя варианты грамматического значения НСВ в сфере переходных глаголов, Л. Ясаи отмечает, что исходный вариант может употребляться без слова-объекта, в то время как вторичный вариант – всегда со словом-объектом. Значение производного глагола, таким образом, более конкретно, чем значение исходного глагола. В отличие от «неопределенного процесса», обозначаемого, например, глаголом *читать*, глагол *прочитывать* обозначает «определенный процесс», а именно: «многократное достижение предела» (в литературе эти глаголы называются «глаголами достижения»). Аналитически последнее значение глагола и выражается обязательной сочетаемостью с лексемой, называющей объект действия. Но в глаголах типа *прочитывать* имеются и синтетические (морфологические) средства выражения этого действия: приставка *про-* указывает на «достижение предела» действия, а суффикс *-ыва-* – на «многократность» этого достижения. Что касается глагола *читать*, то он не обозначает ни «предела», ни «многократности»; нет у него и форм, указывающих на эти значения. Потенциальное наличие при нем слова-объекта тоже не выражает этих значений. Глагол *читать* действительно во всех этих отношениях является неопределенным.

Л. Ясаи, отмечая различия между глаголами типа *читать – прочитывать,* делает вывод, что данные глаголы имеют то общее в значении, что обозначают «процесс» – являются глаголами НСВ. Отличие производного глагола *прочитывать* состоит только в том, что его значение представляет собой лишь «интерпретацию» значения глагола *читать* – значения процесса вообще. В итоге перед нами – не две разные глагольные лексемы, а варианты грамматического значения НСВ одной и той же глагольной лексемы. Аналогично трактуются и пары глаголов НСВ со значением состояния, типа *слабеть – (ослабеть) – ослабевать*. Здесь тоже исходный глагол обозначает состояние вообще, а производный глагол (дважды производный) – более конкретное состояние, а именно изменяющееся состояние.

Л. Ясаи пишет, что у одних глагольных пар изменение состояния выступает как непрерывное *(гас – погасал)*, у других – как дискретное *(сох – высыхал),* у третьих – связано с множеством субъектов состояния *(гибнуть – погибать)*, у четвертых – с множеством частей целого: *неметь – онеметь*, у пятых – с множеством степеней изменяющегося состояния *(мерз-*

нуть – замерзать) и т. д. Л. Ясаи отмечает и некоторые другие лексико-семантические различия у пар глаголов типа *слабеть – ослабевать* – с выводом о том, что все эти глаголы, в целом, не выходят за рамки лексического значения глагольной пары, более того – за рамки одной из грамматических форм данной глагольной лексемы, а именно – грамматического значения НСВ, – составляя варианты этого грамматического значения.

Надо отметить в качестве положительного факта то, что Л. Ясаи уделяет особое внимание работе с языковым материалом. Обычно исследователи русского глагола, с родным русским языком, – ограничиваются использованием в качестве информанта только самих себя, либо приводят цитаты из художественной литературы, полагая, что писатель «всегда прав». Но дело в том, что автор в качестве собственного информанта – лишь один информант, другой информант вполне может дать другие показания; писатель же употребляет язык не всегда в узуальном аспекте (непосредственный предмет исследования лингвиста), а часто в окказиональном смысле (метафоры, метонимия и т. п.), при этом с использованием сразу самых различных стилей.

При анализе материала Л. Ясаи применяет метод лингвистического эксперимента, опрос информантов, сопоставление контекстов, в которые ставятся исследуемые глаголы, – формулируя на такой основе объективные (морфологические, контекстуальные) средства, указывающие на различия и сходство глаголов по значению.

Выводы, сделанные авторами книги, логически вытекают из анализа фактического материала, из разделяемой ими теоретической концепции, – концепции в основном традиционной, но в которую авторы вносят свой вклад. Надо отдать должное авторам книги, которые взяли на себя смелость обобщить наиболее сложные проблемы вариантов-инвариантов в грамматике применительно к наиболее трудному значению, каковым является значение русского глагола, в особенности значение его видовой системы, – обнаружив высокую научную эрудицию, подготовку, опыт, чувство русского языка.

Литература

Граудина Л. К., Ицкович В. А., Катлинская Л. П. Частотно-стилистический словарь вариантов. Москва, 1976.

Федосов В. А. Рец.: Jászay László, Lőrincz Julianna. Variancia az orosz ige paradigmájában. Eger, 2001. [Варианты в парадигме русского глагола]. – Вестник МАПРЯЛ, № 38. Москва, 2003. с. 55–59.

Kiefer Ferenc. Az igeaspektus areális-tipológiai szempontból. [Вид глагола в апеальном и типологическом аспектах] Budapest, 1996.

Kiefer Ferenc. Jelentéselmélet. [Теория значения] Budapest, 1996-a.

Глава 2
Синтаксис русского языка

2.1. Традиционный синтаксис русского языка (М. Эрдеи, Ш. Чути, З. Лендьел, И. Пете)

В традиционном синтаксисе единицами являются: 1) сочетание слов и 2) предложение, – отграниченные друг от друга. Сочетание слов, как и слово, объявляется номинативной единицей, а предложение – речевым сообщением, которым оно становится благодаря таинственному свойству «предикативности». В книге Эрдеи и др. 1984 излагается последовательно традиционный синтаксис, а в книгах Пете 1991, 1994 – традиционный синтаксис с некоторой модификацией этой традиции.

2.2. Формальный синтаксис русского языка (Ф. Папп)

Формальный синтаксис излагается Ф. Паппом в «Курсе современного русского языка» (Болла, Палл, Папп 1977) – с учетом формы, взятой без значения, например: предложение – это «линейный ряд форм, грамматически связанных между собой» (с. 425). Формы – это флексия, суффикс и др. Описывая только форму предложения и словосочетания, Ф, Папп употребляет, однако, традиционную терминологию: «члены предложения» («главные» и «второстепенные»), «согласование», «управление», «примыкание» и т. д. В традиционной грамматике все эти понятия представляют собой единство формы и значения. Ф. Папп же берет только форму в этих понятиях. Исходит при этом Ф. Папп из порождающего (формального) синтаксиса Н. Хомского.

2.3. Семантический синтаксис русского языка (Э. Палл, И. Пете)

В семантическом синтаксисе значение надо описываться в отвлечении от формы, см. когнитивную лингвистику. Тот семантический синтаксис, который представлен в «Курсе» (Э. Палл) – традиционный: словосочетания со значениями «времени» и «способа действия» описываются вместе с грамматической формой их выражения. Именно благодаря этому единству формы и значения возможно применение подобного описания при распознавании (форма → значение) и порождении (значение → форма) этих словосочетаний, – на что как раз и надеялся Ф. Папп, понимая, что его формальный синтаксис для практики речи не годится.

К сожалению, «время» и «способ действия» – это всего лишь два значения из большого их количества в русском языке. И. Пете описывает семантику целого предложения – с ориентацией на субъект и предикат в предложении.

2.4. Побудительные перформативные высказывания в русском языке (Й. Крекич)

Побудительные высказывания Й. Крекич исследует на большом фактическом материале в единстве их формы и значения (Крекич 1993). Описываются побудительные высказывания со значениями: просьба, предложение, совет, рекомендация, приглашение, призыв, вызов, предупреждение, предостережение, требование, поручение, приказ, запрещение, разрешение. Форма выражения этих значений, пишет Й. Крекич, очень разнообразная: может быть эксплицитной (в предложении употребляется соответствующий глагол, например в предложении со значением просьбы глагол *прошу*) и имплицитной, когда такого глагола в предложении нет, когда участвуют в выражении значения другие лексические средства *(пойди сделай)*.

2.5. Бытийные и локативные предложения в русском языке (Б. Леваи)

Бытие и место бытия связаны друг с другом. Связаны и формы выражения этих значений. Б. Леваи при описании значения этих предложений использует компонентный анализ, а при описании формы – порождающую грамматику (которая является формальной грамматикой). Связь между значением и формой обнаруживаться во время порождения предложения.

2.1. Традиционный синтаксис русского языка (М. Эрдеи, Ш. Чути, З. Лендьел, И. Пете)

Последовательно традиционный синтаксис (М. Эрдеи, Ш. Чути, З. Лендьел)

В качестве примера последовательно традиционного синтаксиса русского языка назовем синтаксис в учебнике для венгерских вузов, составленный преподавателями педагогических институтов Венгрии:

Erdélyi Mihály, Csuti Sándor, Lengyel Zoltánné. Orosz nyelvtan. Mondattan. [Русская грамматика. Предложение]. Szerk. Lengyel Zoltánné. Budapest, 1983.

Составлен этот учебник с учетом учебников по синтаксису, которые издавались в России, в частности: Бабайцева 1979, Белошапкова 1977, Воробьева и др. 1975, Галкина-Федорук 1957 и др. (на эти учебники делаются ссылки). По теоретической концепции, по терминологии, по содержанию – рассматриваемый венгерский учебник в основном такой же, как и названные российские учебники. Нужно сказать, что учебник Эрдеи и др. 1983 – это лучший в Венгрии учебник по синтаксису русского языка для венгерских студентов-русистов, лучший вследствие своей последовательной традиционности, по отбору синтаксического материала, терминов, по методике изложения материала (минимизация, классификация и др.). Вообще говоря, учебники и должны быть только традиционными – с адаптированным, устоявшимся теоретическим материалом.

Предмет синтаксиса. Авторы названного учебника начинают свой учебник так: «Синтаксис, как и морфология, является составной частью грамматики и рассматривает функционирование слова в связной речи» (с. 3). В самом деле, если морфология маркирует отдельные лексемы, представляя их как «части речи», то синтаксис маркирует связи между лексемами (с использованием «частеречных» указателей). Авторы учебника пишут, что «сочетаемость слов зависит от принадлежности слов к определенной части речи (глаголы не сочетаются с прилагательными); от принадлежности к той или другой морфологической категории…» (с. 3). Морфология, маркируя слова, помогает говорящим и слушателям ориентироваться в отдельных лексемах, а синтаксис – в сочетаниях лексем, маркируя создаваемые и воспринимаемые лексические сочетания в речи.

Д-р Шандор Чути, д-р Людмила Лендьелне, д-р Михай Эрдеи – и их учебник

Традиционный синтаксис имеет дело прежде всего с грамматической маркировкой, саму же лексическую связь (как связь определенных лексических классов) традиционный синтаксис описывает на уровне самых

крупных лексических классов: «предмет», «признак», «действие» (части речи). Иногда принимаются во внимание и более мелкие лексические классы, например: «Ср. *Он читал книгу с интересом* и *Он читал книгу с другом.* В первом примере второстепенный член имеет определенно-обстоятельственной значение, во втором примере – объективное значение» (с. 4). Действительно, в первом примере лексема *интерес* относится к лексическому классу «неодуш. предмет (абстр.)», во втором примере лексема *друг* – относится к лексическому классу «одуш. предмет», в связи с чем и получается различие в значении синтаксических членов предложения и их сочетаемости.

Авторы рассматриваемого учебника пишут: «Для преподавателей русского языка наиболее целесообразным представляется структурно-семантический подход в объяснении синтаксических явлений…» (с. 4). В основном это, конечно, структурный, формальный подход, но в нем применяется также и семантический, лексический подход, непосредственно обеспечивающий практическую направленность традиционного синтаксиса.

Итак, предмет традиционного синтаксиса, который излагается и в рассматриваемом учебнике, – это грамматическая сочетаемость слов, как сочетаемость словоформ, с учетом сочетаемости также и самых крупных лексических классов слов: «предмет», «действие» и др. (части речи), с вовлечением в описание и некоторых более мелких лексических классов: «одуш. пред.», «неодуш. пред.», «конкр. пред.», «абстр. пред..» и т. д.

Но если говорить точнее о предмете синтаксиса – то это, во-первых, лексическая сочетаемость слов, относящихся к определенным лексическим классам. И только во-вторых – это грамматическая сочетаемость слов: грамматическая маркировка лексической сочетаемости.

Из-за того, что традиционный синтаксис описывает в основном грамматическую связь слов в речи, то создается впечатление, что синтаксис – это и есть грамматическая маркировка лексической сочетаемости, но не сама эта лексическая сочетаемость, лексика же всего лишь «наполняет» (утверждается в традиционном синтаксисе) структурную схему. В действительности же предложение создается прежде всего из лексики путем ее сочетаний. И воспринимается предложение благодаря восприятию лексики и ее сочетаний. Грамматика вторична во всех этих процессах. Неслучайно достигать целей общения можно с использованием только одной – не маркированной грамматикой – лексики: **Читать книга* (Кто-то читает книгу). Об этом свидетельствует вся практика преподавания иностранных языков (впрочем, и овладение родным языком): учащийся, начиная говорить, начинает с лексики, оформляя ее затем, постепенно, грамматикой по мере усвоения этой грамматики.

Единицы синтаксиса. В учебнике читаем: «…синтаксические единицы: словоформа, слово, **словосочетание, предложение,** сложное предложение сложное синтаксическое целое (текст)» (с. 3). Заметим, что словоформа – это все-таки не синтаксическая единица, а морфологическая. Слово – это лексема, лексическая единица. Сложное предложение, сложное синтаксическое целое (текст) – это количественное объединение предложений – на основе общего для них сообщения. В качествесинтаксических единиц остаются, таким образом, только словосочетание и предложение. Впрочем, именно эти единицы и выделены в учебнике жирным шрифтом. Что же касается слова и словоформы, то авторы учебника пишут: «Объектом синтаксиса являются слово и форма слова, но они составляют объекты синтаксиса не сами по себе и не во всех своих свойствах, а лишь со стороны их связей с другими формами слов и их функций в составе синтаксических единиц, в которые они входят как их компоненты» (с. 17). Действительно, взятые отдельно слово и словоформа, как сказано выше, единицами синтаксиса не являются: как отдельные единицы они описываются в лексикологии и морфологии. В синтаксисе же они описываются как составляющие лексическую и грамматическую связь в словосочетании и предложении на основе их лексических и грамматических свойств. Так, предложение образуется не просто из словосочетаний, а из слов (словоформ) и словосочетаний, даже можно сказать о следующей последовательности этих единиц синтаксиса: слово > словосочетание > предложение. В итоге непосредственными единицами синтаксиса являются словосочетание и предложение. Лексемы же и словоформы вовлекаются в единицы синтаксиса как составляющие эти целостные единицы – словосочетание и предложение.

Как соотносятся друг с другом основные единицы синтаксиса – словосочетание и предложение? Традиционно (в истории синтаксиса) рассматривались следующие варианты этого соотношения.

1. Единицей синтаксиса является только словосочетание, некоторые же словосочетания, например типа *ученик читает,* называются предложениями (Ф. Ф. Фортунатов, Н. С. Петерсон, А. М. Пешковский и др.): подход от словосочетания к предложению.

2. Единицей синтаксиса является только предложение, словосочетание же входит в предложение (см. об этом: Гвоздев 1973, с. 5, 19): подход от предложения к словосочетанию.

3. Единицами синтаксиса являются и словосочетание, и предложение, рассматриваемые, однако, независимо друг от друга (см. все вузовские и школьные учебники в России, а также академические грамматики). Словосочетание – номинативная единица, а предложение – коммуникативная единица.

4. Единицами синтаксиса являются и словосочетание, и предложение, но главной единицей считается предложение. А. Н. Гвоздев пишет: «В связи с тем, что речевое общение протекает в виде обмена мыслями, основной единицей является предложение» (Гвоздев 1973, с. 5). Сам А. Н. Гвоздев придерживается именно этой точки зрения, доказывая вторичность словосочетания: «Изучение соединения слов в предложении привело к становлению второй синтаксической единицы – словосочетания» (Гвоздев 1973, с. 19). В таком именно направлении (предложение > словосочетание) эти две синтаксические единицы осваиваются ребенком при овладении родным языком. А. Н. Гвоздев пишет: «Первичность предложения и формирование словосочетаний на основе употребления предложений разной структуры отчетливо сказывается на усвоении языка детьми» (Гвоздев 1973, с. 19). Добавим, что в такой же последовательности осваиваются синтаксические единицы и при изучении иностранного языка. Эта же последовательность проявляется и в каждом акте восприятия речи (при слушании, при чтении): сначала воспринимается предложение, затем и сочетания слов в предложении, благодаря которым и понимается предложение. Предложение – это единица речи; словосочетание же (и слово), представляющие собой, по А. Н. Гвоздеву, структуру предложения, являются единицей языка.

5. Когда учащийся научится открывать в предложении его структуру – правила соединения слов в словосочетании (в языке), он становится способным и создавать предложения (создавать речь). Первичными в этом случае становятся у него сочетания слов (структура языка), а вторичным – предложение (речь): сочетание слов > предложение. Этот вариант не отрицает и А. Н. Гвоздев: «…без грамматически оформленного сочетания слов не может быть и предложения» (Гвоздев 1973, с. 19). Этот вариант соотношения словосочетания и предложения означает, что предметом синтаксиса являются и словосочетание, и предложение, но главной единицей является словосочетание.

Все пять вариантов в соотношении словосочетания и предложения – использовались в традиционном синтаксисе. При этом использовались обычно так, что при выборе одного из вариантов остальные варианты отбрасывались, комбинирование, смешение вариантов не допускалось.

Какой из этих 5-ти вариантов используется в рассматриваемом венгерском учебнике? Используется тот, который применяется во всех современных российских вузовских и академических грамматиках, а именно 3-ий вариант: единицами синтаксиса являются и словосочетание, и предложение, – взятые, однако, независимо друг от друга. Исходным принципом является: «Последовательное разграничение словосочетания и предложения…» (Русский язык 1979, с. 310). Авторы рассматриваемого венгерского учебника добавляют свои утверждения о независимости сло-

восочетания и предложения: «…образцы словосочетаний существуют в языке независимо от предложений…» (с. 22).

Средства связи слов в синтаксических единицах. В названном учебнике, в соответствии с традицией, утверждается, что самая главная маркировка лексической связи осуществляется посредством **морфологических форм** слов (флексий) с определенной их соотнесенностью друг с другом, например: *втор-ой курс-* (лексическая сочетаемость «предмет + признак» маркируется соотношением нулевой флексии существительного имен. пад. и флексии прилагательного *-ой* в имен. пад.) (примеры из учебника).

На втором месте (традиционно и в данном учебнике) находится маркировка лексической сочетаемости посредством **служебных слов** – предлогов *(леж-ит **на** книг-е)*, союзов *(куп-и ручк-у **и** карандаш-)*, частиц *(экзамен-ы **не** начал-и-сь)*. Служебные слова как средства связи между лексемами вторичны – после морфологических средств связи.

Дополнительным к морфологическим средствам связи является и такое средство связи, как **порядок слов,** например: *верхн-ие помещении-я*, где лексическое отношение «признак + предмет» маркируется не только средствами морфологии, но и порядком слов: лексема, относящаяся к лексическому классу «признак», ставится в русском языке обычно впереди лексемы лексического класса «предмет».

Отмечаются традиционно (и в учебнике) в качестве грамматического средства связи в лексических сочетаниях и **местоимения** – относительные и указательные, например: ***ту** земл-ю, **которую** любил-и.* Но это средство связи уже третьестепенно – используется после морфологической связи и служебных слов.

Интонация – еще одно средство связи, ср. интонацию сочинительного и подчинительного словосочетания.

Авторы учебника пишут: «Элементы словосочетаний и предложений находятся между собой в определенных смысловых отношениях, выраженных языковыми средствами – синтаксическими связями» (с. 9). Прежде всего и надо бы описать эти «определенные смысловые отношения», а именно: в сочинительных лексических сочетаниях лексемы относятся к одному лексическому классу, например: *брат и сестра* (класс «родственники»), а в подчинительных словосочетаниях – к разным лексическим классам, например: *славный мальчик* («признак + одуш. предмет»). Однако описываются в учебнике эти два вида сочетаний только учетом их грамматической маркировки, например: сочинительная связь – это связь «грамматически **равноценных**» членов предложения (с. 9). «Грамматическая **равноценность** (выделено нами – В. Ф.)…характеризуется тем, что, входя в сочинительную конструкцию,… формы слов не **претерпевают** никаких грамматических изменений» (с. 9). Напротив, «подчинительная связь

представляет собой связь грамматически **неравноценных** компонентов словосочетания… проявляется в том, что один из компонентов грамматически независимый, тогда как другой имеет грамматически зависимый характер…» (с. 10). Как видим, упомянутые выше «определенные смысловые отношения» (лексическая связь) авторами учебника не характеризуется. Речь идет только о грамматической связи, с использованием очень неясной терминологии: грамматическая «неравноценность», формы слов «претерпевают» (или «не претерпевают») грамматические изменения и т. д.

С использованием подобной терминологии характеризуются в учебнике и различные виды подчинительной связи между словами: 1) согласование: «окончание главного слова **вызывает** определенные окончания зависимого слова (с. 11), 2) управление: «имя существительное выражает свою **зависимость** от других частей речи» (с. 12), 3) примыкание: «главное слово **не вызывает** у зависимого слова определенной грамматической формы» (с. 13). После этих исходных определений (с использованием слов «вызывают», «не вызывают» и др.) данные три вида лексической связи характеризуются с точки зрения принадлежности к частям речи: к какой части речи относится главное слово, к какой – зависимое слово.

Поскольку традиционно словосочетание отграничено от предложения, то в предложении оказываются иные виды подчинительной связи, чем в словосочетании, а именно: 1) предикативная связь – отражает «отношение между подлежащим и сказуемым» (с. 13–14): *Я читаю*; 2) координация – «двусторонняя синтаксическая связь главных членов предложения, при котором происходит полное или частичное уподобление словоформ» (с. 14): *Сестра – врач;* 3) полупредикативная связь – «связь между обособленным второстепенным членом и тем словом…, к которому относится обособленный член» (с. 14–15): *Стояло несколько повозок, запряженных гуськом;* 4) детерминант – «распространитель всего предложения…*У пассажира возле ног стоял чемодан*» (с. 15). Подчинительные лексические связи характеризуются в учебнике также и с точки зрения принадлежности к частям речи: какой частью речи выражается главное слово, какой – зависимое слово.

Словосочетание. Авторы учебника так начинают раздел «Словосочетание»: «Синтаксис изучает, с одной стороны, **правила** связывания слов и форм слов, а с другой стороны, те единства, в составе которых эти единства **реализуются**» (с. 17). «Правила связывания» слов (лексем) и форм слов (грамматическая маркировка лексем) представлены в словосочетании, а «реализация» этих правил происходит в предложении (высказывании), которое, используя эти правила, сообщает о действительности. Главная функция словосочетания состоит в том, чтобы словосочетание «служило материалом для предложения» (с. 21). Однако в дальнейшем это

правильное начало (см. выше 5-ый вариант в соотношении словосочетания и предложения) не учитывается. Словосочетание описывается отдельно от предложения. Отдельно описывается у словосочетания значение и форма (см. 3-ий вариант в соотношении словосочетания и предложения).

Значение описывается на уровне «частей речи»: предмет (сущ.), действие (глагол), признак (прилагательное и др.), более конкретные лексические классы почти не принимаются во внимание. Так, по значению словосочетания подразделяются в учебнике на 1) определительные («предмет + признак»), из которых одни являются собственно определительные *(отцовский дом)*, другие обстоятельно-определительные *(парк у озера)*, третьи – субъектно-определительные *(приезд отца)*; 2) объектные словосочетания («действие + предмет-объект»: *писать письмо*); 3) словосочетания, находящиеся в иной плоскости классификации, – это «информативно-достаточные» словосочетания (*гулять в парке* – глагол можно употребить отдельно) и «информативно-недостаточные» (*находиться в парке* – глагол нельзя употребить отдельно) (с. 22–27).

С точки зрения грамматической маркировки лексического состава словосочетания предлагается следующая классификация: 1) с учетом главного слова в словосочетании – глагольное словосочетание *(увидеть друга)*, именное словосочетание субстантивное (*рубка леса)*, адъективное *(полный мыслей)*, адвербиальное *(вчера вечером)* и нек. др.; 2) с учетом зависимого слова – согласование *(новый дом)*, управление *(строить дом)*, примыкание *(идти пешком)*. В иной классификационной плоскости оказываются следующие подразделения словосочетаний: 1) простое словосочетание (состоит из двух слов), 2) комбинированное словосочетание (подчинительные связи исходят их одного стержневого слова: *взять письмо со стола*; из разных стержневых слов: *читать интересную книгу)* (с. 27–39).

Описываемое таким способом словосочетание традиционно находится в независимом положении от предложения. Предложение же описывается тоже независимо от словосочетания. Традиционно в предложении появляются сочетания слов, которых нет среди словосочетаний: это так называемые предикативные словосочетания *(город спит)* и сочинительные сочетания слов *(город и деревня)*.

Предложение. Предложение в учебнике определяется как «коммуникативная единица», сообщающая о действительности (с. 39). В зависимости от характера сообщения, предложения бывают повествовательные, вопросительные, восклицательные, утвердительные, отрицательные – реального или нереального содержания, настоящего, прошедшего или будущего времени (с. 39–53). «Грамматической формой предложения является структурная схема (или отвлеченный образец), по которой может быть построено самостоятельное сообщение» (с. 42).

Но в действительности «структурная схема» – это область словосочетания (структуры языка); это не категория предложения (единицы речи), облеченного в интонацию. «Структурная схема предложения лишена интонации… Конкретные высказывания приобретают вполне конкретное интонационное оформление» (с. 44). Словосочетание бывает не только двучленным – с подчинительной связью (как утверждается на с. 43), но и многочленным – сложным, комбинированным и т. д. (см. описание этих многочленных словосочетаний на с. 27–29), а значит, словосочетание может существовать и в виде «структурной схемы», приготовленной для того, чтобы с его помощью построить предложение. Говорящий начинает со «структурной схемы» словосочетания, «отвлеченной» от предложения, и заканчивает конкретным предложением, реализующим структурную схему словосочетания (структурная схема словосочетания > предложение). Слушатель, напротив, начинает с конкретного предложения и заканчивает «структурной схемой» словосочетания, посредством которой он осознает, воспринимает предложение (предложение > структурная схема словосочетания).

Но при традиционно независимом рассмотрении словосочетания и предложения названные взаимопереходы словосочетания и предложения не признаются, в связи с чем становится неясным появление предложения, сообщающего об объективной действительности, с локализацией этой действительности в пространстве и времени. В традиционном синтаксисе используется в этом случае отвлеченное понятие «предикативность». Авторы учебника пишут: «Отвлеченным грамматическим значением предложения является предикативность, которая соотносит содержание предложения с действительностью, т. е. представляет сообщение как реальное…или нереальное (с. 40). И далее: «Предикативность – это общее грамматическое значение всех предложений» (с. 42). Предложение появляется в речи, благодаря именно этой «предикативности», а словосочетание здесь непричем.

Авторы учебника пишут, что «словосочетание, являясь «распространенным» словом, не предназначено для того, чтобы выражать сообщение. В отличие от словосочетания, предложение предназначено именно для того, чтобы выражать сообщение, быть коммуникативной единицей» (с. 18).

Осложненное предложение. В традиционном синтаксисе, в том варианте, когда словосочетание и предложение берутся независимо друг от друга, появление осложненного предложения с целью сообщения – объясняется появлением в нем «дополнительной» предикативности – полупредикативности. Авторы пишут: «Полупредикативные обособленные члены…содержат дополнительное сообщение,…соотносительны с придаточными предложениями или самостоятельными предложениями»

(с. 117). Традиционно к осложненным предложениям относятся и предложения с вводными словами и обращениями (с. 125–129).

Сложное предложение. Сложное предложение – это количественное объединение простых предложений, а не новая синтаксическая единица; сложному предложению традиционно не присваивается чудесное свойство предикативности; предикативностью по-прежнему обладают только простые предложения, входящие в сложное. Вот как определяется сложное предложение в рассматриваемом учебнике: «Сложным предложением называют сочетание двух или нескольких предикативных единиц…» (с. 131).

В традиционном синтаксисе в качестве главного признака при классификации сложных предложений используются союзы. Сначала все сложные предложения делятся на союзные и бессоюзные, затем союзные предложения делятся на сложносочиненные и сложноподчиненные с использованием союзов – сочинительных и подчинительных. См. классификационную схему в учебнике на с. 140.

Получается, что в бессоюзных сложных предложениях нет сложносочиненных и сложноподчиненных предложений. Перед нами – последовательно формалистический подход с главным его недостатком: смысловое (семантическое) содержание описываемого предмета остается без внимания, хотя это содержание вполне замечается, например авторы пишут: «Значение сложных предложений составляют смысловые отношения между частями их. Эти отношения в некотором роде аналогичны отношениям между членами предложения или «компонентами словосочетания» (с. 137). И надо было бы поэтому сложные предложения сначала разделить в соответствии со «смысловым» соотношением их составных частей, а затем – и по союзам. Однако это противоречит формальной традиции, которой следуют авторы учебника.

Кратко в учебнике описываются и более сложные объединения предложений: монологическая и диалогическая речь. «Основными формами объединения предложений в монологической речи называют «сложное синтаксическое целое», а в диалогической речи – «диалогическое единство» (с. 222). Синтаксическими единицами сложное синтаксическое целое и диалогическое единство не являются. В традиционной грамматике синтаксическими единицами являются, повторяем, только 1) сочетание слов и 2) предложение.

Традиционный синтаксис в модификации И. Пете

Предмет синтаксиса. Сделав краткий обзор разнообразных синтаксических теорий, И. Пете в двух своих основных книгах по русскому синтаксису:

Пете И. Синтаксис русского языка для венгерских студентов-русистов. Будапешт, 1991.

Pete István. Orosz-magyar egybevető szintaxis. [Синтаксис современного русского языка в сопоставлении с венгерским языком]. Első rész. 5. változatlan kiadás. Budapest, 1994.

Заключает о том, что «синтаксис может обозначать всё, что угодно» (Пете 1994, с. 3). Далее И. Пете все-таки дает свое понимание синтаксиса: «В нашем понимании синтаксис – это учение о системе синтаксических единиц, которые имеют свою форму, функцию, значение, информативное содержание и иерархию связей между собой» (там же). Что касается непосредственно синтаксических единиц, то И. Пете пишет: «В нашем курсе синтаксиса выделяются следующие синтаксические единицы: словосочетание, предложение (простое, простое осложненное, сложное), единство нескольких предложений и текст» (Пете 1994, с. 3–4). Слово (лексема) и словоформа (лексема в грамматической маркировке) И. Пете к синтаксическим единицам не относит.

Вопросы синтаксиса И. Пете рассматривает также и в некоторых своих статьях, например:

Пете И. Типы синтаксической модальности в русском языке. Studia Slavica Hung. Budapest, 1970. XVI, pp. 36–50.

Пете И. Видовое противопоставление глаголов в повелительном наклонении. «Русский язык в национальной школе», Москва, 1976. с. 72.

Пете И. Количественные вопросительные предложения в русском языке. Studia Russica, V. Budapest, 1982. pp. 45–52.

Пете И. Местоимение *ничто* в позиции подлежащего и сказуемого. Russica. In memoriam Emilii Baleczky. Budapest, 1983. pp. 61–66.

Пете И. Синонимичность утвердительных и отрицательных предложений. Сб. Шестой международный симпозиум МАПРЯЛ 1994, Велико-Тырново, с. 61–63.

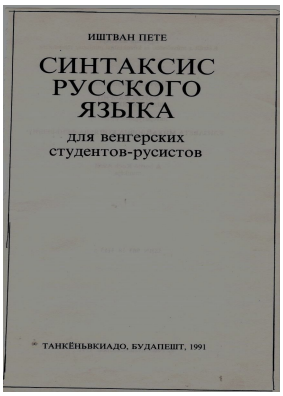
Pete István. Az orosz igeszemléleti formák használata az imperativus második személyében. [Употребление 2-ого лица императива в формах русского глагольного вида]. Modern Nyelvoktatás, 1968. VI. évf. 1–2. sz. pp. 91–99.

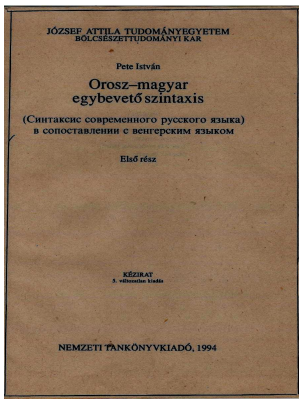
И. Пете следующим образом характеризует свойства синтаксических единиц: «Форма синтаксических единиц – это организация их средств строения по определенной моделям… Функция синтаксических единиц – это позиция и роль каждого элемента внутри синтаксических единиц и целевое назначение отдельных синтаксических единиц внутри синтаксической единицы более высокого уровня… Значение – это связь синтаксических единиц с категориями логики и с явлениями существующей или воображаемой действительности… Информативное содержание связано с осведомленностью участников речевого единицах более высокого уровня и их пересечение» (Пете 1994, с. 4–8).

Надо признать, что не всё в вышеприведенных определениях свойств синтаксических единиц (форма, функция, значение, информативное содержание, логика, действие, иерархия) достаточно ясно, тем более – для студентов. Однако можно полагать, что сами синтаксические единицы (являющиеся в основном традиционными) будут студентам понятны, тем более – после обстоятельного их описания в соответствующих разделах: синтаксис словосочетания, синтаксис предложения (простого, осложненного, сложного). Такие единицы, как «единство нескольких предложений» и «текст», И. Пете называет в своих учебниках по синтаксису, но не описывает.

Словосочетание. И. Пете пишет, что словосочетание может рассматриваться: 1) «снизу вверх» – от слова к словосочетанию и 2) «сверху вниз» – от предложения к словосочетанию. Если словосочетание рассматривается «снизу вверх», то оно, пишет И. Пете, бывает только подчинительным *(читаю книгу)*. Если же словосочетание рассматривается «сверху вниз», то оно бывает не только подчинительным, но и предикативным *(ученик читает)*, а также и сочинительным *(читает и пишет)*. В разделе «Словосочетание» И. Пете описывает только подчинительные словосочетания (см. Пете 1994, с. 12–23). А в разделе «Предложение» – также предикативные и сочинительные. Правда, в некоторых изданиях своего «Синтаксиса» И. Пете описывает сочинительные словосочетания также и в разделе «Словосочетание» (Пете 1991, с. 37).

Подчинительные словосочетания, пишет И. Пете, всегда двучленные (бинарные): одно слово – главное, другое – зависимое. Главное – то, от которого (пишет И. Пете) ставится вопрос, а зависимое – то, которое отвечает на этот вопрос, например: *Какой учебник? – Новый учебник*. (*учебник* – главное слово, а *новый* – зависимое слово) (Пете 1994, с. 12). Но вопрос – это местоимение, функция которого – заменять в речи знаменательное слово – как главное, так и зависимое. Вопрос можно поставить и от зависимого слова, например: *Что новый? – Учебник*. Главное слово здесь – *новый,* а зависимое – *учебник*.

Проф. Ишгван Пете
(Сегедский университет)

В соответствии с традицией, И. Пете классифицирует подчинительные словосочетания по грамматической маркировке главного слова: словосочетания глагольные, именные, наречные; по грамматической маркировке зависимого слова: согласование (прилагательное), управление (существительное), примыкание (наречие). Дает И. Пете и семантическую классификацию: определительное словосочетание *(новый дом, дом отца, дом налево),* дополнительное словосочетание *(просить помощь, просьба о помощи)*, обстоятельственные словосочетания *(сидение на стуле, войти в зал, утром рано)*. Эти виды словосочетания зависят от соотношения (от сочетаемости) лексических классов: «неод. пред. + одуш. пред.» *(дом отца)*, «предмет + место» *(дом налево)*, «действие + место» *(войти в зал)* и т. д. Однако с лексической точки зрения И. Пете словосочетания не описывает (поступая в соответствии с традицией).

В соответствии с традицией, различает И. Пете 1) двухчленные *(читать книгу)* и сложные *(читать интересную книгу)* подчинительные словосочетания; 2) словосочетания свободные, устойчивые и фразеологические. Пишет И. Пете и о порядке слов в подчинительных словосочетаниях (в зависимости от принадлежности к частям речи): «прил.1 + сущ.2» *(новый дом)*, «глагол 1 + сущ. 2» *(читать книгу)* и т. д.

Как можно видеть, И. Пете излагает в основном традиционный синтаксис в области словосочетания, но иногда делает некоторые отступления от традиции.

Предложение. И. Пете прав в том, что на протяжении истории языкознания предложение получало множество разных определений, из которых ни одно не стало общепринятым (Пете 1994, с. 25). Объяснить это можно тем, что предложение (высказывание) – настолько массовидное и

очевидное явление, что трудно найти более простое понятие, с помощью которого можно (по законам логики) определить понятие предложения. Дефиниция И. Пете: «Предложение – это наименьшая коммуникативная единица» (Пете 1994, с. 25) тоже не является дефиницией в строгом смысле этого слова. Что такое «коммуникативная» единица, под которое подводится понятие предложения. Что такое «наименьшая» коммуникативная единица? Точно так же нельзя считать строгой дефиницией и другое определение И. Пете: «Предложение – это интонационно оформленная единица» (Пете 1994, с. 25). Что такое «интонация»? Если уж говорить о звуковой материи предложения, то прежде всего надо бы говорить о «звуках речи», из которых складывается и интонация предложения. Но в таком случае можно говорить также о «графическом» предложении.

Наиболее распространенной дефиницией предложения в традиционной грамматике является следующее определение, которое тоже использует И. Пете: «Предложение – это предикативная единица» (Пете 1994, с. 28). Предложение тем отличается от словосочетания, что в предложении есть «предикативность», отсутствующая в словосочетании, даже в предикативном словосочетании: *ученик читает*. Чтобы избежать противоречий, словосочетания типа *ученик читает* традиционно исключается из числа словосочетаний. Это же делает и И. Пете. Правда, в разделе «Предложение» И. Пете пишет о предикативных словосочетаниях, связывая именно с ними предикативность предложения.

Традиционно предикативность объясняется часто как отношение «субъект + предикат» («то, о чем говориться в предложении, + то, что утверждается о субъекте») В переводе на русский язык это означает: «подлежащее + сказуемое». Получается, что предикативность – это «сказуемость», а предложение – это единица со сказуемым. Таинственная предикативность сводится, таким образом, к грамматическому оформлению одного из главных членов предложения – сказуемого. Если и далее употреблять русскую, а не латинскую терминологию, то приходится утверждать, что у предикативности есть формы лица, времени, наклонения. Но такое (формальное) решение вопроса (сведение предикативности к глаголу-сказуемому) обычно не устраивает лингвистов, в том числе и И. Пете.

Когда физики и химики не знали, почему происходит горение, то объясняли это тем, что из горящего вещества выделяется флогистон, который и горит. Предикативность – это тоже своего рода флогистон: предикативность будет использоваться до тех пор, пока не прояснится дело с предложением, пока предложение не будет рассматриваться в сопоставлении со словосочетанием – структурой языка, посредством которой создается предложение – единица речи.

Казалось бы, что предикативность должна быть одна (в одном количестве) в предложении: две предикативности должны обусловливать су-

ществование двух предложений и т. д. Но как быть со сложным предложением, состоящим из двух предложений? И. Пете считает, что несмотря на то, что в сложном предложении две предикативности, это, тем не менее, одно предложение. В осложненном предложении – 1,5 предикативности (Пете 1994, с. 40), но несмотря на это, и осложненное предложение – это тоже одно предложение, причем простое, а не сложное.

И. Пете, описывая предикативность, характеризует прежде всего сказуемое, а вместе с ним и подлежащее: «Подлежащее и сказуемое…образуют ядро грамматической предикативности, которая присуща всему предложению в целом» (Пете 1994, с. 28). Классифицируя виды предикативности, И. Пете подразумевает при этом подлежащее и сказуемое в их грамматическом (морфологическом) оформлении.

Предложения, с точки зрения выражения в них подлежащего и сказуемого (предикативности), бывают (пишет И. Пете) следующими: 1) членимые, двусоставные (подлежащее + сказуемое), 2) нечленимые, односоставные предложения (сказуемое или подлежащее), 3) есть еще предложения, в которых нет ни подлежащего, ни сказуемого (*Да, Спасибо*! и др.). С точки зрения наличия второстепенных членов предложения (пишет И. Пете) предложения бывают: 1) нераспространенные – нет второстепенных членов и 2) распространенные – есть второстепенные члены: дополнение, определение, обстоятельство, приложение. Если сказуемое не является простым, то И. Пете его называет сказуемым с модификатором: это традиционные составные (именные и глагольные) сказуемые. И. Пете возражает против того, чтобы в предложении находить детерминант, относящийся к подлежащему и сказуемому вместе.

Подробно классифицирует И. Пете предикативность (подлежащее + сказуемое) с точки зрения выражения ее в залоговых формах глагола: 1) предложение выражает действие *(Отец читает)*, 2) состояние *(Отец болен)*; 3) собственно и взаимно-возвратное действие *(Он умывается, Они целуются)*, 4) пассивное и каузативное действие *(Обед приготовлен хозяйкой, Хозяйка приготовила обед)* и др.

Таким образом, предикативность сводится у И. Пете к подлежащему и сказуемому, в результате чего она теряет свою таинственность. Но «подлежащее + сказуемое» – это форма предложения, а не его лексический состав.

Лингвисты-теоретики пока еще не в состоянии сформулировать лексические правила предложения – описать синтаксис лексической сочетаемости, поэтому и занимаются до сих пор синтаксисом сочетаемости грамматических маркеров лексики. И. Пете тоже находится в этом состоянии. Для оправдания подобного состояния лингвисты-теоретики создали соответствующую теорию: существуют «язык» и «речь», «язык» состоит из грамматических схем (моделей), которые в «речи» наполняются лексикой.

В частности, И. Пете пишет: «Языку предложение принадлежит как структурная схема, как модель построения, а речи – как лексическое наполнение структурной схемы» (Пете 1994, с. 29) и приводит пример: грамматическая схема «сущ. им. пад. + возврат. глагол 3 лица + сущ. творит. пад.» в речи может быть наполнена лексикой: *Клара интересуется литературой*, а в другой раз – лексикой: *Мужчина интересуется женщинами,* а в третий раз – *Человек увлекается делом* и т. д. (Пете 1994, с. 29). Если бы обратиться к изучению всей лексики, наполняющей данную структурную схему, – и сформулировать лексические классы этой лексики (лексическую схему предложения), которые в таком случае будут уже не наполнять грамматическую структурную схему, а требовать эту грамматическую структурную схему для своей грамматической маркировки. Однако синтаксисты в изучении лексического состава предложения, можно сказать, не идут пока дальше приведения отдельных примеров.

В традиционном языкознании анализ предложения – это прежде всего анализ его грамматических схем. Анализ лексического состава предложения во внимание не принимается. И. Пете описывает сначала грамматический анализ как анализ предложения по грамматическим членам предложения. Затем он описывает появившийся позже грамматический анализ «по непосредственно составляющим» (по НС), затем – «зависимостный» грамматический анализ, затем – грамматический анализ в соответствием с принципом «порождающей грамматики» (Пете 1994, с. 31–39). Каждый последующий грамматический анализ сложнее предшествующего анализа. Например, в порождающей грамматике учитывается фактор времени: в какой последовательности появляются грамматические члены предложения при порождении предложения. Все эти анализы касаются только грамматической маркировки лексики в ее сочетаемости, но не самой лексики и ее сочетаемости. Непосредственно лексический состав предложения, с которого начинается каждое предложение, пока в лингвистике не описывается. И. Пете в своем учебнике (Пете 1991) следует этой традиции: анализирует только грамматическую маркировку сочетаемости наиболее крупных лексических классов: «предмет», «действие», «признак», – составляющих (вместе с их грамматической маркировкой) сочетаемость «частей речи».

Осложненное предложение. Традиционно в школьных и вузовских учебниках такой раздел, как «Осложненное предложение», обычно отсутствует. Такие понятия, как однородные члены предложения, обособленные члены, вводные слова, обращения и др. описываются в разделе «Простое предложение», без употребления термина «осложненное предложение» (Бабайцева, Максимов 1987, Гвоздев 1973). В некоторых учебниках и научных монографиях (Прияткина 1990) осложненные предложения выделяются в третий раздел синтаксиса, занимающий промежу-

точное положение между простым и сложным предложением. И. Пете осложненные предложения не выделяет в третий вид предложения. И. Пете располагает этот вид предложения внутри простого предложения, называя его «простым осложненным предложением»: это простые предложения с однородными членами, с обособленными членами, с вводным словами, с обращениями, со сравнительными и целевыми оборотами, с междометиями» (Пете 1991, с. 93–103, Пете 1994, с. 111–123).

Однако осложненным предложениям и в традиционном синтаксисе часто придается особое значение: не являясь третьим видом предложения, они образуют зону переходности между простым и сложным предложением (Бабайцева, Максимов 1987, с. 139). И. Пете присоединяется к этой точке зрения и пишет о переходности между простым и сложным предложением в виде осложненного предложения: «Типы простых осложненных предложений занимают промежуточное положение между простыми и сложными предложениями. Предложения с однородными и присоединительными членами приближаются, как правило, к простым предложениям, точнее являются периферийными для простого предложения. Предложения со сравнительными и целевыми оборотами, с междометиями и обращениями приближаются к сложным предложениям или же являются периферийными для сложных предложений… (осложненные предложения с междометиям или обращениями можно отнести и к сложным предложениям)» (Пете 1991, с. 94). Однако предложения со сравнительными и целевыми оборотами, с междометиями, с обращениями, составляющие периферию сложных предложений, этими сложными предложениями у И. Пете не становится. Не являются они и третьим видом (между простым и сложным) предложения. И. Пете считает их всех простыми осложненными предложениями.

В. В. Бабайцева пишет о том, что, в отличие от простого предложения, у которого предикативность равняется единице (1), в отличие от сложного предложения, у которого предикативность исчисляется двумя единицами (2), осложненное предложение имеет полторы предикативности (1,5) (Бабайцева, Максимов 1987, с. 139). Получается, что если осложненное предложение не выделять в отдельный тип, его надо относить либо к простому предложению, либо к сложному. В. В. Бабайцева пишет, что «полупредикативность – это дополнительное к основному высказыванию сообщение», т. е. 1+0,5 =1,5, а значит, осложненное предложение – это простое предложение. Можно, конечно, осложненное предложение сориентировать и на сложное предложение: 2 - 0,5 = 1,5, – и тогда осложненное предложение надо квалифицировать как сложное предложение. Кстати, для отнесения осложненного предложения к сложному имеются серьезные основания. Так, все трансформации, вся синонимиика осложненных предложений ведет именно к сложному предложению, например: *Стоят липы*

– *величавые = Стоят липы, которые величавые*. Приходится делать вывод, что осложненное и сложное предложение, таким образом, составляют одну и ту же область. Кстати, во многих (не русских) национальных грамматиках некоторые виды осложненных предложений рассматриваются (в отличие от И. Пете) как сложные предложения. Например, в чешских грамматиках предложения с однородными глагольными сказуемыми *(Липы стоят, не качаются)* считаются сложными предложениями. И. Пете указывает, что однородные сказуемые, которые в случае их распространения, в грамматиках венгерского языка тоже рассматриваются как сложные предложения, тем более если однородные члены предложения разделяются запятыми: *Она получила письмо, и обрадовалась*. Впрочем, недавно и в русских грамматиках предложения с однородными глагольными сказуемыми тоже стали квалифицироваться как сложные предложения. – на том основании, что у каждого глагола есть своя предикативность, модальность, темпоральность (см. Русская грамматика 1980, с. 461–462).

Таким образом, осложненные предложения в русском языке вполне можно считать сложными предложениями. Но И. Пете относит их все-таки к простому предложению. В доказательство того, что осложненное предложение – это простое предложение, И. Пете использует понятие «дополнительной предикативности». Он пишет: «Простое предложение имеет одно предикативное ядро (оно этим отличается от сложного предложения), осложнение связывается с особым синтаксическим значением, которое образует в пределах простого предложения… дополнительную предикативность» (Пете 1994, с. 111–112). Однако дальше И. Пете пишет, что в отличие от обычного распространения *(Сестра читает + книгу)*, которое не добавляет предложению нового состава, снабженного дополнительной предикативностью, осложнение создает в предложении новый, третий состав членов предложения: *Сестра читает, + не уставая.* Свою мысль о третьем составе членов предложения И. Пете, к сожалению, не развивает. Более того, высказывает он эту мысль с осторожностью: не «третий состав», а «как бы третий состав» (Пете 1994, с. 112). Развитие мысли о «как бы третьем составе» в предложении, тем более если при описании предложения учитывать фактор времени, т. е. учитывать, как развертывается предложение в речи, – то в таком случае осложненное предложение надо бы выделять в особый, третий вид предложения: простое предложение > осложненное > сложное. Пример И. Пете: *Пришли дети > Пришли дети и их отец > Пришли дети, и их отец пришел.* Как можно видеть, в простом предложении имеется два состава членов предложения, в осложненном – три состава, а в сложном предложении – четыре состава. И. Пете, таким образом, наметил решение вопроса о составе предложения, но не решил его. Причина здесь – в традиции. Традиционная грамматика – это синхронная грамматика. Осложненное предложение – это не второй этап в

развертывании предложения на пути к третьему этапу – сложному предложению, а то же самое простое предложение: сложное предложение теперь уже не развивается, а синхронно членится на простые предложения.

Сложное предложение. Сложное предложение И. Пете описывает тоже в соответствии с традицией, установившейся в грамматиках в России, точнее – с последней из этих традиций. Так, ранее в русских грамматиках утверждалось, что сложное предложение состоит из «простых предложений». После стало утверждаться, что сложное предложение состоит из «предикативных единиц», так как простые предложения в составе сложного, хотя и имеют предикативность, но не обладают смысловой и интонационной самостоятельностью (см. Бабайцева, Максимов 1987, с. 167). Можно было бы сказать, что отдельные простые предложения обладают самостоятельностью, но в составе сложного предложения, – не обладают, – и было бы это достаточно (см. Гвоздев 1973, с. 202 и далее). Однако опять используется эта «предикативность», на основе которой определяется не только отдельное простое предложение, но и предложения в составе сложного.

И. Пете пишет: «Сложным называется предложение, которое состоит из двух и более предикативных единиц (Пете 1994, с 150), при этом предикативность И. Пете сводит к формально-грамматическому аспекту: «подлежащее + сказуемое». Именно на этой основе И. Пете сопоставляет 1) простое предложение, 2) осложненное предложение и 3) сложное предложение – как три структурных типа: 1) *Ева обрадовалась* (двусоставное предложение), 2) *Ева обрадовалась, получив письмо* (трехсоставное предложение), 3) *Ева обрадовалась, потому что она получила письмо* (четырехсоставное предложение).

И. Пете пишет далее: «Смысловое содержание сложного предложения обычно богаче, чем совокупное содержание простых предложений» (Пете 1994, с. 151). Но лексика в составе предложения, простого или сложного, традиционно специально не изучается, поэтому объяснять, в чем проявляется сложность «смыслового содержания» сложного предложения по сравнению с простым предложением на основе традиции невозможно.

И. Пете классифицирует сложные предложения с учетом следующих признаков: 1) порядок следования предикативных частей внутри сложного предложения (можно изменять этот порядок или нельзя); 2) потенциальное количество предикативных частей внутри сложного (открытая или закрытая структура); 3) средство связи предикативных частей внутри сложного предложения (союзная связь или бессоюзная); 4) синтаксическое отношение между предикативными частями внутри сложного (сочинительные или подчинительные сложные предложения); 5) количество предикативных частей внутри сложного предложения (двучленное сложное

предложение или многочленное). Во всех случаях при описании каждой из этих классификаций И. Пете употребляет терминологию не «простое предложение», а «предикативная единица», иногда, правда, оговариваясь, называет главную часть сложноподчиненного предложения – «главным предложением», а зависимую часть – «зависимым предложением». Употребляются также и термины: «часть» сложного предложения, «компонент» предложения и т. д.

Классификация сложных предложений у И. Пете в основном традиционная. Осуществляет И. Пете эту классификацию четко, последовательно, в строгом соответствии с классификационными признаками. Главное подразделение сложных предложений – это, конечно, деление их на сложносочиненные и сложноподчиненные предложения. Из традиционных сложносочиненных предложений И. Пете выделяет присоединительные сложные предложения: *Ева приехала, и это обрадовало его*, а из традиционных сложноподчиненных предложений выделяет взаимоподчиненные сложные предложения: *Ева приехала тогда, когда ее не ждали.* В итоге получается у И. Пете вместо двух видов традиционных сложных предложений четыре вида.

Сложносочиненные предложения, далее, у И. Пете делятся на 5 видов: традиционные соединительные, разделительные, противительные, а также еще (нетрадиционные): сложносочиненные предложения вывода *(Ева приехала, и это обрадовало его)* и пояснения: *Это обрадовало его: Ева приехала*.

Сложноподчиненные предложения, несмотря на то, что уже название этого типа предложений говорит о содержательной стороне связи простых предложений внутри сложного, И. Пете подразделяет прежде всего с точки зрения формально-грамматической. Если придаточное предложение относится к одному слову в главном предложении, то это: 1) определительное придаточное – относится к существительному в главном предложении, 2) дополнительное придаточное – относится к глаголу в главном. Если придаточное относится ко всему главному предложению, – то это (пишет И. Пете) прифразовое придаточное предложение: места, времени, условия, цели, уступки, сравнения, образа действия.

Как уже замечено, в качестве самостоятельного вида сложного предложения И. Пете, отступая от традиции, выделяет предложение со «взаимоподчинением» частей: каждая из двух частей сложного предложения является одновременно и главным предложением, и придаточным *(Льстят тем, кого боятся)*. Это те предложения, в которых традиционно находятся два показателя связи: *тот – кто, тогда – когда* и др. у которых указательное местоимение находится в главной части, а относительное – в зависимой части. И. Пете считает, что здесь «ни одна из взаимоподчиненных частей не может быть пропущена таким образом, чтобы остающаяся

часть оказалась правильным простым предложением» (Пете 1994, с. 72). Но дело в том, что в соответствии с определением сложного предложения (см. Пете 1994, с. 150), в любом сложном предложении простые предложения утрачивают свою самостоятельность – и их отдельно употреблять нельзя: они становятся неправильными. В другой книге по синтаксису (Пете 1991) «взаимоподчинение» в сложных предложениях у И. Пете отсутствует. Здесь И. Пете соблюдает традицию: существует только два вида сложноподчиненных предложений – сочинительные и подчинительные.

Предложения по цели высказывания. Именно так традиционно называется классификация предложений – с выделением повествовательных, побудительных, вопросительных и нек. др. предложений. Эта классификация традиционно размещается в самом начале синтаксиса – сразу после введения понятия «предложения». И. Пете называет эту классификацию «функциональной» и помещает в конце курса синтаксиса – после сложного предложения.

Традиционно предложения по цели высказывания размещаются в одной плоскости. Но И. Пете противопоставляет вопросительные предложения всем остальным предложениям – повествовательным, побудительным, восклицательным, желательным, так как вопросительное предложение, по мнению И. Пете, ничего не сообщает, в то время как все остальные предложения представляют собой сообщение. И. Пете пишет: «По целевому назначению могут быть противопоставлены друг другу сообщающие и вопросительные предложения» (Пете 1991, с. 143, Пете 1994, с. 181). Получается, что вопросительное предложение не является предложением, так как, по определению, всякое предложение есть коммуникативная единица – обязательно что-то сообщает. Впрочем, и вопросительное предложение – тоже «сообщает»: в ответ часто требуется всего лишь подтвердить или отрицать это сообщение: *Ты пойдешь в кино? – Да* (или *Нет*); *Ты куда пойдешь? – В кино* (о том, что он *пойдет*, сообщено в вопросе). Об этом, собственно говоря, пишет и И. Пете, поэтому его утверждение о том, что вопросительное предложение – это «не сообщающее» предложение, по меньшей мере, непоследовательно.

Несмотря на то, что побудительные предложения у И. Пете тоже «функциональные», описываются они с точки зрения формально-грамматических признаков: эти предложения являются именными и глагольными, а глагольные – в форме повелительного, изъявительного или сослагательного наклонения, а также в форме инфинитива.

Нетрадиционным является у И. Пете описание употребления у сказуемого в побудительном наклонении глагольного вида. Русский глагольный вид для венгерских студентов – сложная категория. К тому же в побудительных предложениях имеется своеобразие в употреблении глагольного вида, на что в курсах «Современный русский язык» в Венгрии обращается

внимания. И. Пете пишет об особенностях употребления глагольного вида 1) в утвердительных побудительных предложениях: *Уходи!*, 2) в отрицательных побудительных предложениях: *Не уходи!* Так, несовершенный вид употребляется в утвердительных предложениях при приглашении, пожелании, при переходных глаголах без дополнения, при побуждении к началу или продолжению действия. Пишет И. Пете и о конкуренции видов: в военных и спортивных командах с дополнением употребляется совершенный вид: *Положить руки на..!,* а без дополнения – несовершенный вид: *Ложись*! И. Пете пишет также и о глаголах движения в побудительных предложениях. Например, в утвердительных побудительных предложениях – обычно однонаправленное движение: *Иди в кино*!, а в отрицательных – разнонаправленное движение: *Не ходи в кино*! И т. д.

В целом И. Пете излагает традиционный синтаксис русского языка, но часто делает отступления от традиции, что проявляется у него во введении новых понятий, новых классификаций.

Добавим, что при каждой своей классификации И. Пете приводит много русских примеров с переводом их на венгерский язык; дает схемы, таблицы – делает синтаксический материал наглядным, доступным для венгерских студентов-русистов. К сожалению, затем, в последних изданиях своих учебников, И. Пете адресует свой учебник по синтаксису неким «студентам-русистам-иностранцам» – с переводом русских терминов и языковых примеров не на венгерский, а на английский и немецкий языки, сравнивая синтаксические категории русского языка с аналогичными категориями не венгерского, а английского и немецкого языков (см. Пете 2004).

Заканчивая раздел о традиционном синтаксисе русского языка, еще раз сформулируем особенности этого синтаксиса.

Единицами традиционного синтаксиса являются словосочетание и предложение. Эти две единицы традиционно соотносятся друг с другом следующим образом: 1) предметом синтаксиса является только словосочетание, а предложение – одним из видов словосочетания; 2) предметом синтаксиса является только предложение, а словосочетание входит в предложение; 3) предметом синтаксиса являются и словосочетание, и предложение, рассматриваемые независимо друг от друга; 4) предметом синтаксиса являются и словосочетание, и предложение, рассматриваемые вместе в соответствии с тем, как порождается предложение в речи, начинаясь с его структуры – со словосочетания (язык > речь); 5) предметом синтаксиса являются и словосочетание, и предложение в направлении от предложения к словосочетанию, в соответствии с тем, как распознается предложение в речи, начинаясь с речевой единицы (предложения) и заканчиваясь его структурой – словосочетанием (речь > язык). Разумеется, последние две возможности (совместного рассмотрения словосочетания и

предложения) должны объединяться вместе, так как построение и распознавание предложения посредством сочетания слов – составляют две стороны одного и того же процесса использования языка: говорения и слушания; однако в традиционном синтаксисе этого не делается.

В современных российских и венгерских вузовских и школьных учебниках по синтаксису, в том числе и в рассмотренных выше венгерских учебниках Эрдеи и др. 1984, Пете 1991, 1994, – реализуется 3-ий вариант соотношения словосочетания и предложения: предметом синтаксиса являются и словосочетание, и предложение, существующие в отграниченном друг от друга виде. Структура языка (сочетание слов) отделяется от речи (предложения). Объявляется, что сочетание слов, как и слово, предназначено для того, чтобы быть номинативной единицей. Непонятным становится и появление предложения: откуда у него возникает свойство быть единицей сообщения о действительности? Объясняется это в традиционном синтаксисе тем, что в предложении заключена чудодейственная сила – «предикативность». Нужно сказать, что 3-ий вариант в соотношении словосочетания и предложения – является не самым лучшим их всех 5-ти вариантов. К сожалению, именно он стал самым распространенным в традиционном описании синтаксиса как в России, так и в Венгрии.

Литература

Бабайцева В. В. Русский синтаксис и пунктуация. Москва, 1979.

Бабайцева В. В., Максимов Л. Ю. Современный русский язык. Часть 3. Синтаксис и пунктуация. 2-ое изд. Москва, 1987.

Бабайцева В. В., Чеснокова Л. Д. Русский язык Учебник для 4-8 классов. Москва, 1982.

Белошапкова В. А. Современный русский язык. Синтаксис. Москва, 1977.

Валгина Н. С. Синтаксис современного русского языка. Москва, 1973.

Виноградов В. В. Русский язык. (Грамматическое учение о слове). Москва, 1972.

Воробьева К. Ф., Панющева М. С., Толстой И. В. Современный русский язык. Синтаксис. Москва, 1975.

Галкина-Федорук Е. М. Современный русский язык. Москва, 1957.

Гвоздев А. Н. Современный русский литературный язык. Часть 2. Синтаксис. 3-ое изд. Москва, 1973.

Дерибас Л. А. Русский язык. Учебное пособие для иностранных студентов-филологов. Москва, 1977.

Дерибас Л. А. Мишина К. И. Типы предложений в русском языке. Учебное пособие для вузов. Москва, 1981.

Пете И. Синтаксическая семантика и прагматика русского языка (для студентов-русистов-иностранцев). 4-ое перераб издание. Сегед, 2004.

Прияткина А. Ф. Русский язык. Синтаксис осложненного предложения. Учебное пособие для филологических вузов. Москва, 1990.

Распопов И. П. Строение простого предложения в современном русском языке. Москва, 1970.

Русская грамматика. Том 2. Синтаксис. Ред. Н. Ю. Шведова. Москва: АН СССР, 1980.

Русский язык. Энциклопедия. Ред. Ф. П. Филин. Москва, 1979.

Скобликова Е. С. Современный русский язык. Синтаксис простого предложения. Учебное пособие для студентов педвузов. Москва, 1979.

2.2. Формальный синтаксис русского языка (Ф. Папп)

Грамматика и синтаксис. Н. Хомский в своей работе «Синтаксические структуры», ставя своей задачей создание механизма порождения предложения, не описывал ни лексику, ни фонетику, ни морфологию. В результате его синтаксис становился тем же самым, что и грамматика. Он так и пишет: «целью синтаксического исследования данного языка является построение грамматики» (Хомский 1962, с.412).

Московские последователи Н. Хомского соотношение грамматики и синтаксиса рассматривали так же, как и Н. Хомский, – отождествляя их друг с другом, употребляя, однако, из этих двух синонимов термин «синтаксис». Свои работы они называли «синтаксическими», а не «грамматическими», см., например: Мельчук 1964, Иорданская 1967 и др. Н. Хомский при описании синтаксиса не принимал во внимание морфологию, считал, что синтаксический уровень предложения можно построить и без нижних уровней, в том числе и без морфологии: Он писал: «…мнение, будто синтаксическая теория должна ожидать решение проблем фонологии и морфологии, совершенно несостоятельно…» (Хомский 1962, с. 468). Н. Хомского надо понять, ведь он занимался вопросами не конкретного порождения предложения конкретного языка, а общими, теоретическими вопросами, при обсуждении которых, как оказывается, вполне можно было обходиться только одним синтаксисом, без морфологи.

В отличие от Н. Хомского, И. А. Мельчук и Ф. Папп в своих синтаксических работах ставили задачей описание конкретных предложений конкретного русского языка. А это значит, что без морфологии они уже не могли обойтись: «Вся система автоматического синтаксического анализа в целом включает в себя, помимо самого алгоритма синтаксического анализа…алгоритм морфологического анализа» (Мельчук 1964, с. 10). Таким образом, морфология не противопоставляется синтаксису, а включается в синтаксис. Описывая вместе и синтаксис, и морфологию, структуралисты называли все это не грамматикой, а синтаксисом, отождествляя таким образом синтаксис и грамматику.

Ф. Папп, следуя в целом за Н. Хомским, за И. А. Мельчуком и др., в построении порождающей грамматики (или, как он ее называл: грамматик-автомат), был более последовательным в использовании терминов «грамматика – синтаксис», – благодаря тому, что был ближе к традиционному пониманию этого вопроса: «грамматика = морфология + синтаксис». Во Введении к «Курсу современного русского языка» (Болла, Палл, Папп 1977) Ф. Папп пишет: «…в морфологии описывается автомат, порождающий и анализирующий слова (словоформы), а в синтаксисе – автомат, порождающий и анализирующий предложения» (с. 7). Единицы, не имею-

щие значения – фонемы – описываются в фонетике (фонологии), в разделе, предшествующем грамматике. Соответственно – традиционно – строится и весь «Курс современного русского языка»: фонетика > грамматика (морфология > синтаксис). Сам Ф. Папп стал автором раздела о грамматике, в котором подраздел «Синтаксис» описал в духе порождающей грамматики Н. Хомского, – описал как синтаксис, который порождает русские грамматически правильные предложения (лексически они могут быть и неправильные).

Синтаксис и семантика. Н. Хомский высказывается категорически против какой-либо связи синтаксиса и семантики. О традиционных грамматистах, описывающих синтаксис в связи с семантикой, Н. Хомский отзывается резко отрицательно: «…исследователи, изучающие связь синтаксиса с семантикой, занимаются чаще всего посторонними проблемами и неправильно решают поставленные вопросы (Хомский 1962, с. 505). Ф. Папп тоже, следуя за Н. Хомским, пишет, что ссылки на «смысл», на «мысль», на «отражение действительности» и т. д. нецелесообразны при определении сущности предложения (Курс, с. 426). Раздел о синтаксисе в «Курсе» так и называется: «Формальный синтаксис». Это значит, что в этом разделе описываются только формы: словоформы, сочетания словоформ, правильные только формально, типа *глокая куздра*.

Акад. Ференц Папп
(Дебреценский университет)

Однако, в отличие от Н. Хомского, Ф. Папп признает, что рядом с формальным синтаксисом существует также и семантический синтаксис. Более того, Ф. Папп считает, что семантический синтаксис находится в более тесной связи с практикой использования языка – с практикой порождения конкретных предложений (с. 561). Однако о том, как конкретно

соотносятся друг с другом формальный и семантический синтаксис, Ф. Папп не объясняет.

Н. Хомский позже уже признает, что синтаксис и семантика все-таки связаны друг с другом, что охарактеризовать синтаксис без семантики невозможно, но семантику он понимает своеобразно. В названной работе Н. Хомский пишет, что символы NP, VP, N, V в формальном синтаксисе имеют семантические функции «субъекта», «предиката» и др. Например, «субъект» это такой NP, который непосредственно подчиняется символу предложения S (S > NP); соответственно предикат – это S > VP и т. д. Однако данные семантические категории вводятся Н. Хомским не как обязательная составная часть порождающего процесса, а тоже как интерпретация формальных символов, вследствие чего семантика у Н. Хомского является не настоящей, а всего лишь «интерпретационной». Ф. Папп символы S, NP, VP, N, V называет «смысловыми», которые переходят в конкретные словоформы.

Ф. Папп употребляет понятия типа «члены предложения», «подлежащее», «сказуемое» и др. (с. 429–431), однако при этом он не называет их понятиями семантики. Это, по его мнению, функции элементов формального синтаксиса. И они не являются составной частью его синтаксиса-автомата, не участвуют в порождении предложения. Они не являются у Ф. Паппа даже интерпретацией элементов его синтаксиса-автомата. Дело в том, что, как пишет Ф. Папп: «…понятия, выражаемые этими членами, неудобны для формального синтаксиса» (с. 430). Употребляет же Ф. Папп термины «подлежащее», «сказуемое» и др., как оказывается, только по педагогическим соображениям. Перекидывая мостик между формальным и традиционным синтаксисом, Ф. Папп дает возможность студентам, знакомым с традиционной (школьной) грамматикой, «войти» в нетрадиционный формальный синтаксис. Если Н. Хомский, как чистый теоретик, мог писать, о чем хотел, то Ф. Папп находился в более трудном положении: перед ним сидели студенты, которым надо было сказать нечто более конкретное и определенное, чем позволял формальный синтаксис. Ф. Папп пишет, что термины «подлежащее», «сказуемое» и др. «надо знать хотя бы потому, что в существующих венгерских грамматиках в настоящее время господствуют еще эти понятия, а также потому, что и в самой русской лингвистической литературе очень много ценных мыслей изложены с помощью этих понятий и терминов» (с. 430).

То, что наряду с формальным синтаксисом Ф. Папп признает также и семантический синтаксис, – является определенным его теоретическим достижением, по сравнению с теорией Н. Хомского, отрицающей эту связь. Но как конкретно взаимоействует формальный синтаксис с семантическим, – Ф. Папп, к сожалению, не объясняет. Раздел «Семантический синтаксис» в «Курсе» написан другим автором (Э. Палл). Описывается в

этом разделе только два значения – «времени» и «способа действия», которые вместе семантической системы русского языка не составляют. Характеризуются эти значения вне какой-либо связи с формальными конструкциями Ф. Паппа. Описываются эти два значения с употреблением традиционной терминологии: «словосочетание», «предложное словосочетание», «существительное», «глагол», «родительный падеж» и т. д. Даже если бы Э. Палл употребляла также и термины формального синтаксиса, как она обещала в самом начале своего раздела (Курс, с. 562): «ядерные предложения», NP, VP и др., – то и в этом случае ничего не изменилось бы. Семантический синтаксис остался бы у ней традиционным, существующим совершенно отдельно от формального синтаксиса Ф. Паппа.

О том, как формальный и семантический синтаксис объединяются вместе, создавая единую систему-автомат, можно прочитать в работах московских лингвистов, построивших так называемую модель «Смысл – текст». И. А. Мельчук пишет: «Смыслы должны фиксироваться посредством специального семантического языка – в виде смысловой записи…» (Мельчук 1964, с. 11) В таком случае порождение текста будет представлять собой перевод с искусственного семантического языка на естественный формальный: «Смысл – текст», а анализ текста будет обратным переводом с естественного формального языка на искусственный семантический язык. Именно так представляли себе названные лингвисты и лингвистический перевод текста: компьютер переводит сначала входнойестественный текст на семантический язык, а затем с семантического языка – на выходной естественный язык (более подробно см. Мельчук 1965).

Таким образом, синтаксис в структурной лингвистике прошел следующие этапы своего развития: 1) Н. Хомский утверждал, что синтаксис может быть только формальный; 2) Ф. Папп допускал рядом с формальным синтаксисом также и семантический синтаксис; 3) И. А. Мельчук доказывал, что формальный и семантический синтаксис связаны друг с другом посредством семантического языка; порождение текста начинается с его смысла, выраженного на семантическом языке, а распознавание текста заканчивается смыслом, выраженным на семантическом языке.

Трансформационный синтаксис русского языка. Трансформация – это преобразование одной синтаксической конструкции в другую Преобразования потребовались в целях расширения возможностей формального синтаксиса при описании языка (текста). Но замена одной грамматической конструкции другой предполагает инвариант у этих двух конструкций, который оказывается ничем иным, как общим для этих двух конструкций **значением**. Например, трансформация *Пение артистов – Артисты поют* – правильная, так как значение этой конструкции (действие субъекта) осталось неизменным. Напротив, трансформация *Пение артистов – Петь*

за артистов – неправильная, так как значение конструкции изменилось: вместо значения субъекта появилось значение объекта (косвенного, а не прямого). Таким образом, применение трансформаций выводит формальный синтаксис в значение – в семантический синтаксис: обязывает описывать не только форму синтаксической конструкции, но и в единстве с формой также и значение.

Разные трансформации предполагают разное лексическое наполнение трансформируемых конструкций. Этот факт замечали все структуралисты, кто стал применять трансформационный метод, но выход из этого неприятного для них положения получался разный. А выход этот обязательно надо было искать, так как метода непосредственно составляющих (НС), который использовался для описания формы предложения, было недостаточно (даже для описания только формы). Но применять трансформационный метод – это значит описывать значение предложения (описывать лексику в предложении), а значит, отступать от принципов формального синтаксиса.

Наиболее решительным был в рассмотрении этого вопроса Н. Хомский, который требовал не обращать никакого внимания на значение, на лексику. Н. Хомский писал: «Я думаю, что мы принуждены сделать вывод, что грамматика автономна и независима от значения» (Хомский 1962, с. 421). Однако основоположники трансформационной синтаксиса в американской лингвистке З. С. Харрис и Д. С. Уорс были более осмотрительны. Обходясь при описании трансформаций без привлечения лексического наполнения этих конструкций, З. С. Харрис, тем не менее, писал: «Необходимо принять во внимание фактор значения, потому что при трансформации некоторый основной элемент значения остается неизменным» (Харрис 1962, с. 540). Д. С. Уорс, производя трансформационный анализ конструкций с творительным падежом в русском языке, тоже отмечал: «Две фразы, из которой одна является трансформом другой, соотносятся друг с другом как по форме, так и по значению» (Уорс 1962, с. 665). Однако и Д. С. Уорс, применяя свои трансфрмации не обращался к их значению (к лексике).

Ф. Папп тоже видел, что синтаксические трансформации зависят от лексического состава трансформируемых конструкций. Однако если описывать этот лексический состав, – значит, отступать от принципов формального синтаксиса, и кроме того: лексики очень много, и если заняться ее описанием с точки зрения ее участия в предложении, то потребуется много времени, а самое главное – потребуются новые принципы – принципы семантического синтаксиса. Поэтому Ф. Папп лексическими значениями при трансформации русских конструкций и не стал заниматься (Папп 1961).

Ф. Папп предлагал следующий выход из положения: «…наложить некоторые ограничения на само понятие трансформации и считать трансформацией только такие преобразования данной структуры в предложение иной структуры, при которых сохраняются лексемы…, участвующие в исходном предложении…несамостоятельные элементы (предлоги, союзы и др.) могут и добавляться, и исключаться» (с. 445–446). Так, если трансформы состоят из одних и тех же лексем, – значит (утверждает Ф. Папп) трансформация произведена правильно, например: *Хор поет – Пение хора*. Ср., однако: *Хор поет – Пение артистов* – лексический состав трансформ изменился, – значит. трансформация произведена неправильно. Ср. еще: *Пение артистов – Пение для артистов*. По определению Ф. Паппа, здесь трансформация правильная, так как предлог *для* – это служебное слово. Но дело в том, что здесь при трансформации изменилось изначение конструкций (чего не должно бы быть): значение субъекта заменилось на значение объекта. Однако представители трансформационного синтаксиса не хотели заниматься значениями при трансформации, в том числе и Ф. Папп, – который критикует за это дело традиционную (академическую) грамматику русского языка, которая форму при трансформациях описывала по возможности в единстве со значением в этих конструкциях (Грамматика 1960). См. эту критику: Папп 1961, с. 3–6, 29–31).

В «Курсе современного русского языка» Ф. Папп описывает прежде всего такие трансформации, в которых лексический состав при трансформациях сохраняется, а изменяется только грамматическая маркировка в конструкции, например: 1) трансформация отрицания: *Мальчик читает – Мальчик не читает*; 2) вопросительная трансформация: *Мальчик читает – Мальчик читает*? 3) побудительная трансформация: *Мальчик читает – Пусть мальчик читает*; 4) замена местоимением: *Мальчик читает – Он читает*. и т. д. (Болла, Палл, Папп 1977, с. 450–453).

Но при исключении лексики из трансформационного анализа трансформации утрачивают способность обобщать синтаксические конструкции (при их анализе и порождении), ради чего, собственно и вводился трансформационный анализ.

Ср., как описываются синтаксические конструкции с использованием трансформаций в традиционной грамматике (Грамматика 1960, с. 232–239):

1. Отношение субъекта: главное слово – существительное «действия», а зависимое слово – существительное «лица» *(Распоряжение начальника)* → главное слово – глагол (действие), а зависимое слово – существительное «лица» *(Начальник распорядился)*; еще пример: *Упреки матери* → *Мать упрекает*.

2. Отношение объекта: главное слово – существительное «действия», а зависимое слово – существительное «любого предмета» *(Защита отече-*

ства) → главное слово глагол («действие»), а зависимое – существительное «любой предмет» *(Защищать отечество)*; еще пример: *Поиск квартиры → Искать квартиру.* И т. д. (Грамматика 1960, с. 232–239).

Когда Ф. Папп обратился к трансформационному анализу сплошного языкового материала (Папп 1961), он вынужден был употреблять традиционные лексические, семантические понятия, например: 1) *крики дам → дамы кричат*, *царствование Петра → Петр царствует.* Ф. Папп пишет: «Как видно, в эту группу входят случаи так. наз. родительного субъекта и только они» (Папп 1961, с. 26); 2) *чтение романа → читать роман, чувство любви → чувствовать любовь*: …в эту группу входят случаи так. наз. родительного объекта и только они» (там же). И т. д. Тем нее менее, Ф. Папп, преданный формальному синтаксису, убежденный в том, что «при трансформационном анализе есть возможность не опираться на смысл тех или иных конструкций» (с. 31), тем более если этот анализ адресовать для использования в компьютере, который «в смысле ничего не смыслит». Но дело в том, что компьютер тоже способен понимать смысл, если его научить этому, если формализовать лексический состав предложения. Складывается убеждение, что представители трансформационного синтаксиса (Н. Хомский, З. С. Хэррис, Д. С. Уорс, Ф. Папп и др.) еще не дошли до того, чтобы при описании трансформаций вместе с грамматической формой предложения описывать и смысл предложения (лексическую сочетаемость). Трансформационный метод, таким образом, получается, «губит» формальный синтаксис: возвращает его к традиционному синтаксису, в котором форма и значение описываются применительно к конкретным формам и значениям.

Лингвистическая деятельность Ф. Паппа приходится на период кризиса формального синтаксиса, в связи с чем в его описаниях формального синтаксиса обнаруживается непоследовательность. Например, Ф. Папп, с одной стороны, рассуждает: «…процесс построения предложения, т. е. процесс перехода от смысла к форме, называется синтезом отдельных предложений.. Процесс понимания предложений, т. е. процесс перехода от языковой формы к содержанию, называется анализом предложений» (Папп 1977, с. 438). Но, во-первых, представитель формального синтаксиса не может допускать в своих рассуждениях никаких «смыслов», никакого «содержания» ни при порождении предложения, ни при его распознавании. А, во-вторых, символы S, NP, VP, N, V и др., о которых говорит Ф. Папп как о смыслах, – это не смысловые символы, а формальные. Ф. Папп пишет: «Покажем на примере, как работает автоматическое устройство, создающее предложение. Подается некий символ S – символ предложения, этот символ переписывается как NP и VP – именная группа и глагольная группа, т. е. символы двух НС предложения. Символ NP переписывается в A и N, символ VP – как VP и DD… Наконец, каждый из

полученных таким образом символов может быть уже заменен какой-нибудь одной конкретной словоформой. Пусть будет A – *хорошо*, N – *ученик*, V – *говорит*, AD – *по-русски*. Тогда порождено предложение: *Хороший ученик говорит по-русски*… См. рисунок (с. 440).

Ясно, что на основе описанной схемы, позаимствованной у Н. Хомского, а точнее – из традиционной грамматики, можно создавать и бессмысленные предложения, например: *Хороший стол говорит по-русски* (с. 440–442). Аналогично тому, как проводится синтез, осуществляется и анализ предложения (путем свертывания конструкции), в том числе и бессмысленных предложений типа *Глокая куздра*…, например*: Хороший* + *стол* → NP*, говорит* + *по-русски* → VP, NP + VP → S.

Символы S, NP, VP и т. д., переходы типа S → NP + VP и др. никакого отношения к смыслу предложения не имеют. Это сугубо формальная процедура (использованная еще Н. Хомским), которая позволяет цепочку словоформ, исходя из их грамматической маркировки (*-ий, -ит* и т. д.), свести к непосредственно составляющим (НС) эту цепочку. В этом и заключается весь формальный синтаксический анализ предложения по НС (кстати, очень бедный анализ), к которому затем вынуждены были добавить трансформационный анализ): некоторые НС словоформ разрешалось заменять другими НС. Однако оказалось, что эти две трансформируемые друг в друга цепочки словоформ имеют инвариант в виде значения, который требовалось заранее – при описании трансформаций – тоже описывать, чего, однако, в соответствии с формальным синтаксисом, не полагалось (да и невозможно было) делать.

Конечно, вся практика использования языка показывала, что порождение предложения начинается с его смысла, но этим смыслом не являются формально-грамматические цепочки и т. д. Смысл – это, по крайней мере, лексический состав предложения, отношение в предложении между лексическими классами, – от чего при последовательно формальном синтаксическом анализе требовалось отказываться.

Вывод состоит в том (и это понимал Ф. Папп), что трансформационный метод выводит синтаксический анализ из формального синтаксиса и приводит к семантическому синтаксису – к семантическому анализу, к анализу лексического состава словосочетаний и предложения на уровне уже не только грамматических классов («частей речи»), но и лексических классов.

Литература

Болла К., Палл Э., Папп Ф. Курс современного русского языка. Под ред. Ф. Паппа Изд. 4-ое. Будапешт, 1977.

Грамматика русского языка. Часть 2. Москва: АН СССР, 1960.

Жолковский А. К., Мельчук И. А. О системе семантического синтеза. Проблемы кибернетики в. 19. М., 1967. с. 177–238.

Иорданская Л. Н. Автоматический синтаксический анализ. Т. 2. Межсегментный синтаксический анализ. Новосибирск, 1967.

Мельчук И. А. Автоматический синтаксический анализ. Т. 1. Общие принципы. Новосибирск, 1964.

Папп Ф. Трансформационный анализ русских присубстантивных конструкций с зависимой частью – существительным. Debrecen, 1961.

Ревзин И. И. Современная структурная лингвистика. Проблемы и методы. М., 1977.

Ревзин И., Ревзина О. Краткий словарь терминов структурной лингвистики. – Русский язык в национальной школе. 1966, 5, с. 81–86.

Уорс Д. С. Трансформационный анализ конструкций с творительным падежом в русском языка. – Новое в лингвистике. Вып. 2. Сост. В. А. Звегинцев. М., 1962. с.637–683.

Хомский Н. Синтаксические структуры. Перев. с англ.– Новое в лингвистике. Вып 2. Сост. В. А. Звегинцев. М., 1962. с. 412–527.

Хэррис З. С. Совместная встречаемость и трансформация в языковой структуре. Перев. с англ. – Новое в лингвистике. Вып. 2. Сост. В. А. Звегинцев. М., 1962. с. 528–636.

2.3. Семантический синтаксис русского языка (Э. Палл, И. Пете)

Синтаксис – это сочетание лексики друг с другом в речи. Сочетание с учетом только формы лексики – это формальный синтаксис, а сочетание с учетом только лексического значения – это семантический синтаксис (синтаксическая семантика). Для описания синтаксиса в целом – требуется, кроме описания формального и семантического синтаксиса, описание также и соответствия между тем и другим.

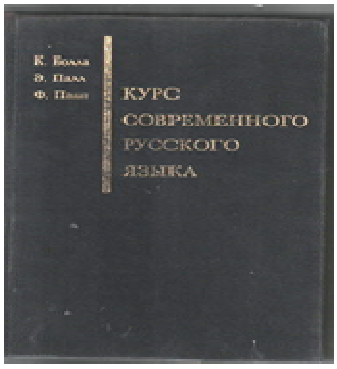
Форма лексических сочетаний – материальна, ее, к тому же, не очень много, – и описать формальный синтаксис сравнительно просто. Лексическое же значение – идеально, оно не очевидно, требует для своего описания дополнительную форму – метаязык. Кроме того, лексических значений очень много. Поэтому описание семантического синтаксиса – трудная задача, которая до сих пор не решена в лингвистике.

Семантический синтаксис в описании Э. Палл. В учебнике «Современный русский язык» (Болла, Палл, Папп 1977) формальный синтаксис описал Ф. Папп. Семантический же синтаксис должна была описать Э. Палл. Но она сразу же переформулировала свою задачу: «Настоящий раздел учебника ставит перед собой практическую цель… как используются описанные в формальном синтаксисе структуры на практике. Как ими передаются отдельные смысловые отношения» (с. 561). Получается, что свою задачу Э. Палл определила не как описание семантического синтаксиса в отвлечении от формального синтаксиса (для чего надо было создавать семантический язык), а в **соотношении** с формальным синтаксисом, точно так же, как это делается в традиционной грамматике: называется значение, например: «время предшествования», и указывается его форма, например: «*перед* + творит. пад. сущ.», приводится пример: *волноваться перед экзаменом* (семантический синтаксис). Или наоборот: называется форма, например «*до* + род. пад. сущ.» и указывается ее значение, например: «время предшествования», приводится пример: *встретиться до экзамена* (синтаксическая семантика). Обычно Э. Палл начинает со значения, а не с формы – получается описание семантического синтаксиса. Э. Палл выбрала для описания только два значения: «время» и «способ действия» и называет различные формы, в которых выражаются эти два значения в русском языке: в простом предложении – это падежи, предлоги, части речи, в сложном предложении – это также и союзы. Однако это не те формы, которые описаны в «Формальном синтаксисе» у Ф. Паппа. Если бы надо было описывать семантический синтаксис, то надо было бы формировать лексические классы, «наполняющие» формальные конструкции. Но Э. Палл ограничилась (как это и принято в тра-

диционной грамматике) только приведением отдельных примеров с данным значением, например: *волноваться перед экзаменом* («время предшествования»), не формулируя классы лексики, допустим: «действие + действие»; ср. примеры, которые «подходят» под данную форму, но относятся к другим лексическим классам (например: «действие + предмет»): *стоять перед учителем, играть перед домом* и т. д. и, следовательно, не выражают значения предшествования.

Проф. Эрна Палл
(Будапештский университет)

Более подробно описал лексические классы, как средство выражения семантики И. Пете в своей книге «Синтаксическая семантика и прагматика русского языка» (Pete 2004).

Синтаксическая семантика в описании И. Пете. И. Пете при формулировании синтаксической семантики русского языка, при образовании лексических классов, создающих эту семантику, – ориентировался на предложение. Предложение – главная единица синтаксиса; предложение помогает установить все главные значения в языке, причем в их системном соотношении. И. Пете часто называет и форму (формальный синтаксис), которая выражает описываемый семантический синтаксис, однако главное внимание уделяет значению, вследствие чего вполне можно говорить, что предметом его описания является семантический синтаксис.

Описывая семантический синтаксис, И. Пете не ограничивается отдельными примерами лексических сочетаний, как это делается в традиционной грамматике (как это делала и Э. Палл). И. Пете дает почти полные списки (классы) лексики, участвующей в создании того или другого значения предложения.

И. Пете описывает следующие семантические типы предложения, внутри которых имеются более частные типы: 1) предложение со значени-

ем, ориентированным на значение субъекта (одуш. сущ., название предметов и др.): бытийное значение, значение называния, значение классификации, экспликации, смерти и гибели, статальное значение и др.; 2) предложение со значением, ориентированным на значение предиката: значение восприятия, ментальности, речи и молчания, движения и колебания света, активного и пассивного действия, личного и безличного действия и др.; 3) предложение со значением, ориентированным на значение одновременно субъекта и предиката предложения: значение тождества, атрибута, притяжательности, поссесивности, сравнения, соответствия и др.; 4) предложение со значением, ориентированным на значение объекта: значение воздействия, начала и прекращения действия, перемещения объекта, значение адресата, аблатива, руководства, питания, использования, поправки, чистки и др.; 5) предложение со значением конкретизатора: инструментальное значение, социативное, ограничительное, пространственное, значение происхождения, локализации, замещения, времени, условия, причины, следствия, интенсивности, количества и др. В итоге получается семантический синтаксис, состоящий из значений, охватывающих едва ли не весь язык (Pete 2004, с. 26–230).

Вслед за многими лингвистами И. Пете, далее, полагает, что кроме формального и семантического синтаксиса, существует еще и прагматический синтаксис, – и описывает его в специальном разделе своего учебника. Прагматика – это отношение говорящего к лексическому сочетанию, составляющему семантику предложения: модальность, эмоциональность, и т. п.; это отношение говорящего к адресату речи: повествование, побуждение, вопрос и т. д. (Pete 2004, с. 231–174).

И. Пете представил все основные значения, образующие семантический синтаксис русского языка (об этом см. подробнее ниже в главе «Семантика русского языка»).

Литература

Болла К., Палл Э., Папп Ф., Курс современного русского языка. ред. Ф. Папп. Изд. 4-ое. Budapest, 1977.

Pete István. Синтаксическая семантика и прагматика русского языка. (Для студентов-русистов-иностранцев). 5-ое изд., испр., дополн. Szeged, 2004.

2.4. Побудительные перформативные высказывания в русском языке (Й. Крекич)

Побуждение – одно из множества значений семантического синтаксиса языка. Значение это – сложное: просьба, совет, рекомендация, предложение, вызов, требование, приказ, запрещение и др. Все эти виды побуждения и описывает Й. Крекич в своей книге с аналогичным названием:

Крекич Й. Побудительные перформативные высказывания. Szeged, 1993.

Описывает Й. Крекич побудительные высказывания достаточно подробно, формируя классы лексики, создающие побудительное значение: прежде всего это перформативная лексика. По этой теме Й. Крекич написал и защитил (в 1993 г.) «большую» докторскую диссертацию.

Назовем еще некоторые статьи Й. Крекича по этой теме:

Крекич Й. Иллокутивное воздействие императива на адресата. Будапешт, Вопросы изучения и преподавания русского языка и литературы в ВНР, часть 1. 1986. с. 95–106.

Крекич Й. Пермиссивные побудительные высказывания в русском языке. Szeged. Dissertaciones Slavicae. XX, 1988. pp. 103–111.

Крекич Й. Разрешительные побудительные высказывания в русском языке. – VII Международный конгресс преподавателей русского языка и литературы. «Русский язык и литература в общении народов мира». Москва, 1990. с. 169–170.

Крекич Й. Перформативные высказывания просьбы. Сегед. Dissertationes Slavicae XXII. 1991. pp. 51–73.

Крекич Й. Перформативные высказывания разрешения. – Studia Slavica Hung. 39. Budapest, 1995. pp. 5–15.

Крекич Й. К проблеме перформативов предписания в Библии. Типология видов: проблемы, поиски, решения. Тезисы международной конференции. Москва: МГУ, 1997. с. 41–42.

Krékits József. A felszólító módú igealakok használatának pragmatikai és szemantikai megközelítése. [Прагматика и семантика при использовании побудительных глаголов]. Szeged: Módszertani közlemények, 1986, 3. sz. 128–139.

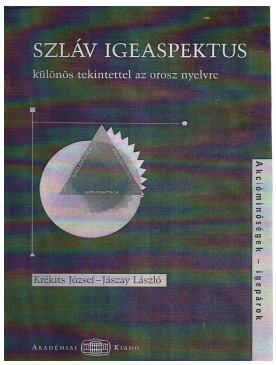
Krékits József. A „kér”, „megkér” és „felkér” igék performativ használatáról. [Об использовании перформативных глаголов «просить» и «попросить»]. Békési Imre köszöntése. Szeged, 1996. pp. 197–206.

Перформативное – означает наличие в высказываниях глаголов речи, мысли, восприятия и т. п.: *говорить, советовать, просить, приказывать* и т. д., – которые могут вводить в высказывание любую информацию: сооб-

щение *(Я полагаю, что он приедет),* этикет *(Приветствую тебя с приездом)*, побуждение *(Советую тебе приехать)* и др. В книге описываются только те высказывания в русском языке, в которых перформативы вводят в высказывание информацию побуждения собеседника к действию (перформативы могут вводить и другие значения).

Проф. Йжеф Крекич
(Сегедский университет)

Как подсчитал Ю. Д. Апресян, из 15 групп перформативов в русском языке 5 групп – это перформативы побуждения (Апресян 1986). Именно эти пять значений побуждения и составляют предмет описания в книге Й. Крекича: перформативные побудительные высказывания. В заголовок книги надо бы добавить – русского языка, так как никакой другой язык в книге не описывается. Традиционно то, что Й. Крекич называет перформативными высказываниями, описывалось обычно в двух разделах синтаксиса: 1) предложения с прямой речью *(Прошу тебя: «Приезжай!)*, 2) сложноподчиненные предложения с косвенной речью *(Прошу тебя, чтобы ты приехал).* Но в книге Й. Крекича описываются не только эти два вида перформативных высказываний (эксплицитные), но и высказывания, в которых перформативы отсутствуют, однако из контекста можно «догадываться» об их присутствии, например: *Приезжай!* – как реплика диалога (имплицитные перформативные высказывания). И в этом случае Й. Крекич ограничивает круг описываемых перформативных высказываний только значением побуждения.

Теория описания. При описании своего предмета (перформативные побудительные высказывания в русском языке) Й. Крекич основывается на «теории речевых актов», разработанной Дж. Остином, Дж. Сёрлем и др., см. специальный сборник этих работ: Новое в зарубежной лингвистике XVII, 1986.

В соответствии с «теорией речевых актов», каждое высказывание складывается из трех актов: 1) локутивный акт – передается какая-нибудь информация (локуция, традиционно: семантика), 2) иллокутивный акт – выражается намерение говорящего (иллокуция, традиционно: прагматика), 3) перлокутивный акт – реакция собеседника (перлокуция), см. Остин 1986, с. 92–93. Так, в высказывании *Советую тебе приехать*, – локуцией является информация о приезде собеседника *(тебе приехать)*; иллокуцией – побуждение говорящего к приезду *(советую)*, прелокуцией – реакция собеседника, вербальная или в виде поступка, который выражается в последующем высказывании или вообще в контексте.

Все эти три акта в одном высказывании тесно связаны друг с другом, однако эта связь идет в направлении от локуции к иллокуции, а затем к перлокуции. Иллокуция надстраивается над локуцией, а перлокуция обусловливается локуцией (Остин 1986, с. 116–117). Характерно, что именно об этом направлении свидетельствует сама история лингвистики. Как известно, традиционная лингвистика, когда описывает семантику, всегда описывает локуцию (семантику) высказывания, в меньшей мере – иллокуцию (прагматику) и совсем не описывает перлокуцию (поведение собеседника).

В задачу Й. Крекича входит – описать высказывания сразу в трех аспектах, обращая, однако, особое внимание на иллокуцию, в связи с чем он и избирает в качестве своего предмета перформативные побудительные высказывания, в которых и значение, и форма иллокутивного акта выступает наиболее очевидно.

Материал исследования. В качестве языкового материала Й. Крекич использует тексты русской художественной литературы. Несомненно, что этот материал очень ценный в том отношении, что представляет собой употребление языка мастерами слова. Этот материал зафиксирован в опубликованных текстах – к нему можно обращаться неоднократно.

Но с другой стороны, при исследовании узуальных, общеупотребительных, нормативных явлений языка, материал художественной литературы не является, все-таки, самым подходящим, тем более – при изучении семантики этих явлений. Дело в том, что писатель часто употребляет метафоры – необычные сочетания слов, составляющие его индивидуальное использование языка. Тексты художественной литературы поэтому – прекрасный материал для исследования окказионального употребления языка. В задачу Й. Крекича, как надо полагать, входит описание узуса в употреблении побудительных высказываний. А с этой точки зрения более подходящим источником материала были бы «рядовые» информанты, с которыми, к тому же, можно проводить и лингвистические эксперименты, – получая в итоге «подвижный», «живой» языковой материал, который позволяет, как нам представляется, делать более глубокие наблюдения над

предметом исследования, чем может позволить «неподвижный» материал текстов художественной литературы.

Надо заметить, что почти все исследования в русистике (исключая работы по разговорной речи и диалектологии) до самого последнего времени в России и Венгрии проводились на материале текстов художественной литературы, в том числе и исследования по семантике. При изучении узуальной семантики использовалась обычно проза, а не поэзия, так как в прозе меньше метафорических словосочетаний и выражений, тем более – в диалогах, которые всегда содержатся в прозаических текстах. Й. Крекич цитирует в основном драмы и сценарии, которые целиком представляют собой диалоги. Поэтому нет оснований сомневаться в том, что монография Й. Крекича – это описание именно узуального, а не окказионального употребления перформативных побудительных высказываний.

Ниже вкратце рассматрим, как на основе «теории речевых актов» описывается в книге Й. Крекича каждый из видов перформативных побудительных высказываний.

Просьба. В случае просьбы, пишет Й. Крекич, говорящий и адресат выступают обычно в одинаковом статусе. В эксплицитных высказываниях присутствуют перформативные глаголы *просить, умолять* и нек. др. *(Прошу прийти)*. Иллокутивная сила воздействия говорящего на адресата выражается не только в интонации (которая никем еще применительно к данному предмету не описывалась), но и в соответствующей лексике, прежде всего посредством основного, локутивного глагола, ср. значения глаголов: *Прошу прийти – Прошу явиться*. Й. Крекич специально пишет о словах *очень, убедительно, настоятельно* и т. д., которые сопровождают перформативы и усиливают иллокутивную силу высказывания просьбы, а также о словосочетаниях *могу ли я просить вас, нельзя ли вас попросить* и т. п., которые ослабляют силу иллокуции, ср. *Убедительно прошу вас прийти. – Нельзя ли вас попросить прийти?*

В имплицитных высказываниях просьбы отсутствуют перформативные глаголы: *Приходите.* Модальные слова и частицы типа *пожалйста, же, -ка, ну-ка* и т. д., а также местоимения *ты, вы* – усиливают иллокуцию совета: *Приди же! Ты приди!*

Чаще всего, пишет Й. Крекич, просьба выражается глаголами совершенного вида. В таком случае просьба имеет значение «ожидаемого конкретного факта»: *Приди*! Глаголы совершенного вида выражают просьбу со значениями 1) «политемпорального действия» (постоянное, повторяющееся, продолжительное, локализованное), часто в сопровождении слов *всегда, часто* и т. д.: *Всегда приходите*; 2) «обобщенного факта»: *Приходите.*

Й. Крекич рассматривает и перлокуцию высказывания просьбы – возможные ответы адресата на данный вид побуждения, которые могут

быть либо в виде конкретного поступка, либо словесного ответа (*ну, хорошо, ладно* и др.). В художественной литературе ответная реакция адресата почти всегда описывается.

Предложение, совет, рекомендация, приглашение, призыв и вызов. Различия в значении названных высказываний побуждения Й. Крекич обсуждает, вступая в дискуссию с другими лингвистами, которые находят здесь другие различия. Дело в том, что эти значения не имеют строгого выражения в языковых средствах.

Точно можно утверждать о значении эксплицитного высказывания **предложения**, когда оно содержит перформативные слова *предлагать, предложение (Предлагаю остаться)*. При отсутствии перформативов – Й. Крекич пишет о самых различных средствах выражения этого значения. В большинстве случаев – это глагол повелительного наклонения: *Оставайся!* Выражает ли данный императив предложение, или приказ, или совет и т. д., – зависит от контекста, сформулировать который для этого случая очень трудно.

Й. Крекич пишет о силе иллокуции в высказывании предложения, которая зависит от того, говорящий предлагает – «советуя» или «приказывая». Но специально о языковых средствах выражения этой силы, а также о перлокуции высказывания (о реакции адресата) Й. Крекич в этом разделе не пишет.

В эксплицитных высказываниях **совета** присутствуют перформативный глагол *(по)советовать* в изъявительном или сослагательном наклонении, существительное *совет*, например: *Советую (советовал бы, мой совет) тебе остаться*. Иллокутивная сила совета, как и в высказывании предложения, зависит от социального статуса собеседников, что часто выражается и в дополнительной лексике, ср. *Советую остаться – Советую немедленно остаться*.

Имплицитное высказывание совета (без перформативов) выражается с помощью императива, сослагательного наклонения, лексики долженствования, ср.: *Останься – Остался бы – Остаться бы тебе – Тебе надо остаться*.

Й. Крекич пишет, что имплицитные высказывания совета чаще всего имеет форму императива, в основном – несовершенного вида: *Оставайся.* При отрицании часто употребляются местоимения *ты, вы* и частицы *только, даже, же, да*, которые усиливают иллокуцию совета: *Ты только не оставайся!* Сила иллокуции зависит и от вида совета – «конативного», «увещевательного и др.

Перлокуция совета выражается в контексте данного высказывания, не имея строгих языковых средств выражения.

Высказывание **рекомендации** в эксплицитном виде содержит перформативы *(по)рекомендовать, предлагать (по)советовать*, например: *Рекомендую отдых*.

Рекомендация по своему значению предполагает выбор, поэтому в таком высказывании часто употребляется слово *лучше* – вместе с перформативом *(Рекомендую лучше отдых)* либо без него *(Вам лучше отдых)*. Основной, локутивный глагол при имплицитной иллокции обычно выступает в императиве *(Отдохните)*, сослагательном наклонении *(Отдохнули бы)*, инфинитиве *(Отдохнуть!)*. Й. Крекич пишет и о роли совершенного и несовершенного вида: первый чаще всего оформляет значение «рекомендательного» совета *(Одохните)*, а второй – значение «рекомендации не делать чего-либо» *(Не отдыхайте)*.

О перлокуции в высказывании рекомендации Й. Крекич пишет, что в этом случае характерны ответные реплики адресата, выражающие согласие или несогласие, например в диалоге: *Отдохните. – Хорошо*.

Эксплицитное высказывание **приглашения** содержит перформативы *приглашать, просить, предлагать*. Как можно было видеть выше, перформатив *просить* указывает прежде всего на значение просьбы, а перформатив *предлагать* – на значение предложения. Разграничить эти значения трудно. Й. Крекич пишет, что в случае перформатива *приглашать,* адресатом является не только собеседник, но и сам говорящий: *Приглашаю садиться*, а в случае совета – только собеседник: *Советую садиться*.

Перформатив *приглашать* часто сочетается с модальными словами *хотеть, желать, разрешите* и др.: *Разрешите пригласить*.

Сила иллокуции в высказывании приглашения, как и в других высказываниях, зависит прежде всего от статуса собеседника. Этой силы больше, когда приглашает, например, начальник, ее меньше, если приглашает подчиненный. Имеются и языковые средства, которые выражают усиление или ослабление иллокуции, например словосочетания *не могу ли, осмелюсь ли, нельзя ли* ослабляют иллокуцию: *Не могу ли я пригласить вас сесть?*

Усиливают иллокуцию употребление локутивного глагола в императиве: *Садитесь*, тем более – в совершенном виде: *Сядьте!* Значение приглашения может быть усилено и употреблением частиц *-ка, ну-ка, да, же* и т. д.: *Ну-ка сядьте».*

Перлокуция этих высказываний зависит от силы иллокуции: положительная реакция адресата более вероятна при сильной иллокуции.

Эксплицитным средством выражения значений **призыва и вызова** являются перформативы *призывать, взывать: Призываю к порядку*. Но чаще всего эти высказывания употребляются без перформативов – как имплицитные высказывания: *Соблюдайте порядок*! Й. Крекич пишет о

трудностях отграничения данных значений от значений совета, просьбы, рекомендации, предложения, требования.

Трудно выделяется высказывание со значением **вызова**, если в высказывании нет перформатива *вызывать*, ср. *Вызываю на соревнование – На соревнование!* Й. Крекич пишет о возможности усиления или ослабления силы иллокуции призыва и вызова. О перлокуции данных высказываний Й. Крекич замечает, что она – такая же, как и у других высказываний, с которыми данное высказывание «пересекается» по значению.

Предупреждение и предостережение. В связи с данными высказываниями (как и в связи с высказываниями иных значений), Й. Крекич вступает в полемику с другими лингвистами. Дело в том, что значения, отмечаемые лингвистами, часто «пересекаются». Один лингвист «чувствует» одно значение, другой – другое. Дело в том, что языковые средства, на которые можно было бы однозначно опереться при формулировании значений, чаще всего в высказывании отсутствуют, особенно в случае имплицитных высказываний, когда нет соответствующих перформативных глаголов *предупреждаю, предостерегаю*.

Й. Крекич пишет, что имплицитные высказывания предупреждения и предостережения обычно содержат локутивные глаголы «неконтролируемого субъектом действия»: *влюбиться, заболеть, забыть* и т. д. (свыше 20 глаголов), которые обычно выступают в отрицательной форм императива совершенного вида: *Не влюбись!* Если глаголы сопровождаются словами *смотри(те), гляди(те), только, же, да*, то выражается сильная иллокуция: *Смотри не влюбись!* Поскольку действие не контролируется субъектом, перлокуция в данных высказываниях обычно отрицательная: адресат не может положительно среагировать на побуждение говорящего.

Требование, поручение и приказ. При описании высказываний с данными значениями Й. Крекичу тоже приходится обсуждать многочисленные случаи «пересечения» этих значений – друг с другом и со значениями иных высказываний. Языковой формой этих значений обычно является контекст, ситуация, интонация и т. д., которые при описании трудно сформулировать.

Эксплицитные высказывания **требования** содержат глаголы: *требовать, предлагать, просить* и нек. др., например: *Требую: уходите!* При наличии в высказывании слов *категорически, слышите, немедленно, сейчас же, сию минуту* и т. п. иллокуция усиливается: *Требую: немедленно уходить!* Иллокуция еще более усиливается при наличии в высказывании модальных частиц: *да, ну, же,* например: *Требую: немедленно же уходите!*

Усилительные слова и частицы присутствуют и в мплиицитных высказываниях требования, когда иллокутивный (перформативный) глагол отсутствует, а локутивный глагол выступает в форме императива или ин-

финитива: *Немедленно же уходите! Немедленно уходить!* Перлокуция в данном высказывании такова, что собеседник должен сразу реагировать.

Эксплицитные высказывания **поручения** содержат иллокутивные слова: *поручать(ся), поручение*, например: *Поручаю написать*, а эксплицитные высказывания приказа – слова*: велеть, приказать, приказ, требую, требование* и др., например: *Приказываю написать!* Основной, локутивный глагол в обоих высказываниях, также как и в высказываниях требования, выступает в императиве или инфинитиве, при этом – как в эксплицитных, так и в имплицитных высказываниях: *Написать! Напишите!* Слова типа *а ну, ну-ка, немедленно* и т. д. усиливают иллокуцию: *А ну-ка напишите!* Й. Крекич подробно характеризует высказывания, содержащие военные команды *(Шагом марш!),* гимнастические команды *(Руки в сторону!)* и др.

Перлокуция в рассматриваемых высказываниях состоит обычно в ответном действии, но часто – и в словесной реакции: *да, понятно, хорошо, понял* и т. п. Перлокуция выражается обычно в последующем высказывании, например в следующей реплике диалога: *Напишите! – Хорошо.*

Запрещение и разрешение. Эксплицитные высказывания с данными значениями содержат глаголы *запрещать, разрешать, позволять* и нек. др.: *Запрещаю работать! Разрешите работать.* Данные значения высказываний тоже «пересекаются» со значениями других высказываний, например – приказа, требования, ср. *Приказываю работать. – Требую работать*. Й. Крекич обсуждает все эти сложные вопросы.

Высказывание **запрещения** побуждает адресата не делать что-либо: *Не разрешается работать.* В случае имплицитных высказываний перформатив *запрещать* не употребляется – используется императив и инфинитив, часто с дополнительными словами *перестань, больше не, нельзя,* с частицей *не* и др.: *Не работай!.* Обычно в этом случае глагол употребляется в несовершенном виде: *Нельзя работать!*

Й. Крекич обнаруживает несколько значений у высказывания запрещения, выражающихся 1) дополнительными отрицательными местоимениями и наречиями: *Никогда не работай!* 2) со словами *смотри не, не смей* и др.: *Не смей работать!* 3) со словами *перестань, брось*: *Брось работать!* 4) со словом *больше,* например: *Больше не работай!* Для каждого из этих значений Й. Крекич создает терминологию.

Локутивный глагол у высказываний **разрешения** выражается в форме несовершенного вида, при «слабом» разрешении – с добавлением к глаголу словосочетаний: *если хотите, что угодно, ну что же, ну* и т. п.: *Ну что же, работай!*, а при «сильном» разрешении – в основном без добавления специальных слов: *Работай!* Каждое из этих двух разрешений имеет разновидности. Й. Крекич формулирует их, создавая соответствующую терминологию: «разрешение-предложение», «разрешение-приглашение»,

«разрешение-просьба» и др., указывая также и на слова, которые сопровождают локутивный глагол. По-видимому, в этом случае разновидности значения разрешения зависят прежде всего от лексических значений самих глаголов. Языковым средством выражения этих значений могло бы быть принадлежность соответствующим лексическим классам (спискам) глаголов. Крекич эти классы не формирует.

Говоря о перлокуции высказываний разрешения, Й. Крекич указывает на то, как она передается в художественном тексте: 1) либо в ответной реплике адресата: *Разрешите проводить? – Разрешаю*; 2) либо в описании ответного действия: *Разрешите проводить? (Они уходят)*.

Метод описания. О методе описания перформативных побудительных высказываний Й. Крекич пишет в заключительной части своей монографии. Й. Крекич использует понятие **семантического поля,** в соответствии с которым побудительные высказывания распределяются по двум группам: ядерные высказывания и периферийные. В каждом из разделов своей книги, описывая тот или другой вид побуждения, Й. Крекич обязательно характеризует его с точки зрения наличия у него центральных и периферийных значений. О центральном значении свидетельствует перформативный глагол в высказывании (например, о значении совета – глагол *советую*), который делает это высказывание эксплицитным. В имплицитных высказываниях появляются периферийные значения побуждения, вследствие взаимодействия со значениями других высказываний побуждения (например, значение совета «пересекается» со значением предложения и др.).

Метод семантического поля, с помощью которого распределяются единицы описания на главные и второстепенные, у Й. Крекича готовит более полное, **структурное** описание единиц – с формированием набора дифференциальных признаков, маркирующих положительно или отрицательно эти единицы в системе их противопоставления друг с другом. Специально такое описание побудительных высказываний (с исчислением дифференциальных признаков, с различением и отождествлением с их помощью единиц побуждения) Й. Крекич не предпринимает. Он идет дальше.

Структурный метод (и метод семантического поля, как подготовительный метод) обеспечивает плоскостное, двумерное представление предмета описания. Третье измерение – фактор времени, фактор временной последовательности единиц при их использовании в речи, при структурном подходе не учитывается. И хотя лингвист в это время может утверждать, что он создает функциональную грамматику, – никакого функционирования языка его описание не дает. Конечно, двумерное представление единицы, например как состоящей из значения и формы, тоже можно истолковывать во временном аспекте: при говорении единица ис-

пользуется в направлении от значения к форме, а при слушании – от формы к значению. Но в языке – не одна единица, а множество, образующих систему. Для «настоящей» функциональной грамматики недостаточно только сориентировать эти единицы в отношении их значения и формы – необходимо обо всех единицах указывать и то, в какой временной последовательности они следуют друг за другом, когда используются в речи.

Самый первый подход в построении такой функциональной грамматики – это **иерархическая классификация** единиц с учетом их значений. Классификация начинается с самых общих значений, каждое их которых подразделяется на менее общие; эти последние делятся на частные значения и т. д.; завершается классификация указанием на конкретные единицы, которые реализуют эти значения и которые в таком случае выступают как представители этих значений. Такая классификация моделирует порождение в речи описываемых единиц – от самого общего их значения до их конкретных предтавителей. Используемая в обратном направлении, классификация моделирует распознавание в заданной конкретной единице речи последовательности ее значений вплоть до самого общего значения.

Именно в таком виде (как классификация значений языковых единиц от общего к частному, заканчивающаяся конкретными единицами языка) и была построена порождающая грамматика Н. Хомского, – имевшая большой успех в лингвистике потому, что представляла собой трехмерное описание языка – с учетом фактора времени, присущего функционированию языка.

Й. Крекич в своей монографии 1) обстоятельно описывает побудительные высказывания на основе понятия **семантического поля** (используя также и графические изображения этого поля, с указанием в нем ядра и периферии побудительных высказываний; 2) кратко, в общих чертах, характеризует **структуру** побудительных высказываний (специально не формируя списка дифференциальных элементов и строго не противопоставляя с их помощью значения, а также значения – и форму); 3) намечает, в общем виде, **иерархическую классификацию** значений побудительных высказываний, которую, в частности, можно передать следующим образом (к сожалению, сам автор в этом случае ни к каким графическим схемам не прибегает).

Между тем, эти схемы могли бы быть выражением порождающай грамматики побудительных высказываний. При порождении этих высказываний говорящий начинает с самого общего значения побуждения (например, он кого-то хочет побудить к учебе), которое конкретизируется в одном их пяти видов побуждения, например – как просьба (в порождающей грамматике причины, обусловливающие выбор ветки иерархического дерева, не описываются). «Просьба», далее, конкретизируется как «просьба обобщенного факта» (не «конкретного факта», ср. *Выучи!*),

затем – как «имплицитная просьба», с точным указанием на то, что это именно просьба, а не приказ и т .д.. Наконец, говорящий произносит конкретное, соответствующее этому значению высказывание*: Прошу (тебя) учиться*. Получается цепочка: «побуждение» → «просьба» → «просьба обобщенного факта» → «эксплицитная просьба» → *Прошу (тебя) учиться*. Распознавание этого высказывания (с помощью той же порождающей грамматики) происходит в обратном направлении: *Прошу (тебя) учиться* → «эксплицитное высказывание» → «обобщенного факта» → «просьба» → «побуждение».

Повторяем, иерархическая классификация побудительных высказываний у Й. Крекича только намечена, но подробно не осуществлена. Причина в том, что побудительные высказывания как структура в монографии, в целом, не описываются. Причина эта больше объективная, чем субъективная. Применительно к семантике в лингвистике до сих пор отсутствует критерий релевантности-нерелевантности лексических единиц, по меньшей мере – в той степени, в какой он присутствует, например, в фонетике-фонологии.

Когда читаешь книгу Й. Крекича, часто восхищаешься тем, какие тонкие значения у побудительных высказываний он замечает и формулирует, давая им названия. Но одновременно встает вопрос: в какой степени эти значения существенны, релевантны? Не являются ли они всего лишь вариантами некоторого другого значения, а вовсе не самостоятельными значениями?

В описании таких сложных единиц языка, как высказывания, лингвистика пока находится на уровне, когда семантика единицы формируются до того, как точно указываются формы выражения этой семантики. Когда лингвистика начнет, последовательно различая семантику и форму высказываний, в качестве предмета иметь единство семантики и формы (ср. звуки речи в единстве с их смыслоразличением – как фонемы), тогда лингвистика сможет последовательно формулировать критерий релевантности – применительно к высказыванию (предложению).

Без всякого сомнения, монография Й. Крекича – большое событие не только в венгерской русистике, но и в русистике вообще. В ней на большом фактическом материале (с формулируемыми классами лексики) рассматриваются: 1) центральные и периферийные значения высказываний побуждения, 2) формы выражения этих значений, 3) возможные соответствия между значениями и формой в высказываниях. Исследование Й. Крекича приближает лингвистику к тому, чтобы применительно к такой сложной единице, как выказывание (предложение) выработать строгий критерий релевантности: какие признаки высказывания (предложения) являются существенными (так сказать, «фонологическими»), какие – вариативными («фонетическими»).

Литература

Апресян Ю. Д. Перформативы в грамматике и словаре. – Известия АН СССР. Сер. литературы и языка. т. 45. Москва. с. 208–223.

Остин Дж. Л., Серль Дж. Слово как действие. – Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. Теория речевых актов. Ред. Б. Ю. Городецкий. Переводы с английского. Москва, 1986.

Федосов В. А. Некоторые замечания по философии глагола. – Сб. Nyelv, aspektus, irodalom. Köszöntő könyv Krékits József 70. születésnapjára. Szerk. Györke Zoltán. Szeged, 2000.

2.5. Бытийные и локативные предложения в русском языке (Б. Леваи)

В этом случае описывается сразу два значения семантического синтаксиса: бытие (экзистенция) и место (локатив), безусловно связанные друг с другом, так как бытие совершается в каком-нибудь месте. Описывается эта взаимосвязь в книге проф. Дебреценского университета Белы Леваи:

Lévai Béla. Egzisztenciális és lokális mondatok az angol és az orosz nyelvben. [Экзистенциональные и локальные предложения в английском и русском языках]. Debrecen, 2000.

Есть у Б. Леваи и статьи, посвященные этой теме, например:

Lévai Béla. Az ige jelentésszerkezete és valenciája [Глагольная структура и ее валентность]. – Debreceni szlavisztikai füzetek, № 4, Debrecen. 1996. c. 52–59.

Lévai Béla. Заметки об экзистенциальной пропозиции. – Studia Russica, XVI, Budapest, 1997. c. 113–116.

Функциональная грамматика как основа для описания семантического синтаксиса. Б. Леваи дает обзор лингвистической литературы, в которой описываются вопросы семантики предложения. Вся эта литература подразделяется им на две части. С одной стороны – это работы по «падежной грамматике», идущие от работ Ч. Филлмора, с другой стороны – небольшое число публикаций, идущих от «порождающей грамматики» Н. Хомского. Не обсуждая специально разницу между этими двумя направлениями (а она состоит в том, что в «падежной грамматике» элементы предложения описываются в двумерном пространстве, а в «порождающей грамматике» – в трехмерном, с учетом также и фактора времени – последовательности использования элементов при построении предложения), – Б. Леваи выбирает первое направление. Бытийные и локативные предложения (как в их взаимном соотношении, так и в отношениях их внутренних частей) он рассматривает как структуру, в которой элементы «маркируются» с учетом их внутреннего состава («семантические компоненты»).

Б. Леваи основывается в своем описании русских бытийных и локативных предложений на принципах функциональной грамматики (о чем он специально говорит), которая, как известно, тем отличается от формальной грамматики, что прежде всего включает эту последнюю в себя.

Очень важно, что в функциональной грамматике вводится самое первое отношение времени – между формой предложения (с одной стороны) и семантикой предложения (с другой). – при условии, когда специально указывается на то, что порождение предложения идет от его семантики к его форме, а распознавание – от формы к семантике.

Компонентный анализ бытийных глаголов. В своем «компонентном анализе» бытийных глаголов Б. Леваи исходит в основном из работ: Кузнецов 1977, Гайсина 1982, Шведова 1989.

Применительно к каждому значению многозначного глагола *быть* Б. Леваи дает набор семантических компонентов, помещая здесь же и другие бытийные глаголы с соответствующим значением, отличающимся от глагола *быть* каким-нибудь отдельным семантическим компонентом. Описывает в этом случае Б. Леваи только английский глагол to be, привлекая русский бытийный глагол *быть* в основном в целях перевода, как и венгерский бытийный глагол *van*.

Проиллюстрируем этот компонентный анализ и его возможности на русском материале. В русском толковом словаре С. И. Ожегова глагол *быть–бывать* описывается следующим образом. Порядок значений – начинается с самого характерного для этого глагола значения, а именно со значения «бытия» (exist), и заканчивается наименее характерным значением, а именно значением «действия» (action). У Б. Леваи (как и в работе Кузнецов 1977) значения располагаются в обратном порядке – от менее существенного значения, для которого даже трудно подыскать пример («действие» action), к наиболее существенному («бытие» exist). Вместе со значениями приведем из толкового словаря Ожегова также и примеры: 1) «бытие exist» *(Не было свободного времени; Быть беде; Не быть этому; Бывают странные случаи)*; 2) «местоположение posicion», «местонахождение state» *(Быть на приеме)*; 3) «процесс» *(Вчера была гроза);* 4) «действие action» *(По вечерам он бывает в клубе)*. Значения «местоположения» и «местонахождения», которые выделяются у Б. Леваи различаются, по-видимому, только тем, что один глагол сочетается с одушевленным субъектом *(Быть на приеме)*, а другой – с неодушевленным *(Книга была на полке)*. Непосредственно сами глаголы, скорее всего, по значению не различаются. Во всяком случае, в словаре Ожегова эти два значения, как отдельные, как самостоятельные, не выделяются. Впрочем, и сам Б. Леваи в своем анализе эти два значения глагола *быть* затем объединяет вместе.

Глаголы, которые в том или другом отдельном значении близки к глаголу *быть–бывать* в словаре Ожегова следующие: 1) в значении «бытия»: *быть, существовать, иметься;* 2) в значении «местоположения»: *быть, присутствовать, находиться, пребывать, иметься* и др.; 3) в значении «процесса»: *быть, происходить, случаться, совершаться, возни-*

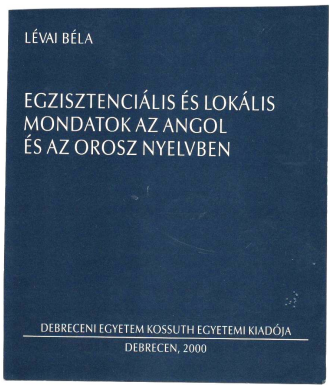
кать, родиться, появляться, оказаться, обнаружиться и др.; 4) в значении «действия»: *быть, бывать, случаться, происходить, совершаться, приходиться, оказываться, обнаруживаться очутиться* и др. Так как «действие» – это тоже «процесс», отличающееся, очевидно, тем что действие более конкретно, чем процесс, то для выражения этих двух значений используются, если судить по словарю Ожегова, в основном одинаковые глаголы.

Четыре значения глагола *быть* в толковом словаре описываются посредством указания на ближайшие к нему по значению глаголы (дефиниция посредством подбора синонимов), например: 1) «бытие»*: быть = существовать, иметься,* 2) «местоположение»: *быть = присутствовать, находиться*, 3) «процесс»: *быть = происходить, случаться*. 4) «действие»: *быть = бывать, быть часто*. К метаязыку «семантических компонентов», авторы толковых словарей не прибегают. Надо полагать, что точно так же оперируют значениями слов и «рядовые» говорящие – все, кто знает данный язык: глагол *быть* конкретизируется другим глаголом, употребляясь 1) либо **вместе** с *быть*, 2) либо **вместо** *быть*.

Порождающая грамматика как основа для описания бытийных и локативных предложений. В отдельном разделе своей книги Б. Леваи, говоря о тесной связи между бытийными и локативными предложениями, высказывает мысль о том, что эта связь имеет «диахронический (генетический)» характер (Lévai 2000, с. 123). Например, бытийные глаголы в своей истории дают конкретные локальные отношения, примером чего может быть история английской конструкции с *there*. Локатив, появляясь в предложении, «ослабляет» бытийный глагол *быть*; «опустошает» даже такие глаголы, как *находиться, случаться* и т. п., делая их по сути дела такими же, как глагол *быть*. Неслучайно лингвисты в последнее время все эти глаголы, объединяя их вместе, стали называть их – бытийными глаголами. Ср. бытийное предложение *В зоопарке есть слон* (ремой здесь является *слон*) и локативное предложение *Слон находится в зоопарке* (ремой является локатив, а бытие субъекта отодвигается на задний план).

Явно, что конструкция с локативом производна по отношению к бытийной конструкции. При этом Б. Леваи подчеркивает, что, из-за появления локативных конструкций, бытийные конструкции не исчезают из языка. Они по-прежнему могут употребляться и без локатива, ср. *Слон есть; Есть слон*. Появляются и дополнительные бытийные глаголы, например: *Слон существует; Существует слон.*

Если в соответствии с этой идеей, которую высказал Б. Леваи, строить для описания бытийных и локативных предложений порождающую грамматику, то она будет выглядеть следующим образом.

Проф. Бела Леваи
(Дебреценский университет)

Говорящему, например студенту, изучающему русский язык как иностранный, при построении любого предложения 1) надо начинать с наименования предмета ситуации, которую он хочет структурировать, например: *Слон*; 2) затем студент утверждает прежде всего то, что этот предмет в ситуации существует (или не существует), например: *Слон есть;* 3) если студенту надо назвать место бытия слона в ситуации, то он продолжает данное предложение, например: *Слон есть в зоопарке*, при этом глагол *есть* отодвигается на задний план – «ослабляется» в своем значении. Если, однако, с точки зрения студента, важно, все-таки, не место, а существование слона в названном месте, то студент может модифицировать свое предложение – с помощью логического ударения или перестановки слов, например: *Слон в зоопарке есть*. Если студенту попрежнему остается важным тот предмет, с которого он начал свое предложение, то и при указании на место существования предмета в ситуации этот предмет тоже можно сделать центром предложения: *В зоопарке есть – слон*.

Итак, если в описание бытийных и локативных предложений вводить третье – временное – измерение, то порождающая грамматика будет иметь следующий вид:

1. N 2. $N + V_{exist}$ 3. $N + V_{exist} + N_{loc.}$

Порождающая грамматика необязательно должна в точности отражать диахронию (генезис) появления бытийных и локативных предложений в истории языка, хотя, по-видимому, при построении порождающей грамматики историю языка (если эта история хорошо известна) необходимо учитывать, так как это может обеспечивать соответствие данной грамматики действительности языка. Но в принципе порождающая граммати-

ка, в том числе и при описании бытийных и локативных предложений, можно построить и без обращения к истории языка, а – в процессе наблюдения за тем, как эти предложения употребляются в речи, прибегая в том числе и к лингвистическому эксперименту.

Бытийное предложение в порождающей грамматике. Бытийное предложение представляет собой ту конструкцию, с которой начинается порождение любого предложения, а не только локативного. На этот счет есть замечание у Б. Леваи в заключительном разделе его книги (с. 124). Б. Леваи, кратко обобщая историю исследования бытийных предложений в лингвистике, пишет, что со значением «бытия» связываются не только значения «действия», «процесса», «места» и др., но и значение «атрибутива», в связи с которым бытийный глагол *быть* настолько делексикализуется, что превращается в «пустую» грамматическую связку. Получается, что (в порождающей грамматике), построив бытийное предложение, говорящий (например, студент) прежде всего «заботится» не о том, чтобы получить локативное предложение, а о том, чтобы получить атрибутивное предложение, – присвоить предмету (о котором уже сказано, что этот предмет – существует в ситуации) некоторый отличительный признак:

$N + V_{exist} + V_{atrib}$ *(Слон был большой)*.

Именно этим можно объяснить то (полагает Б. Леваи), что, в случае атрибутивного предложения глагол *быть* (от первоочередности употребления) полностью делексикализуется (превращается в грамматическую связку), – в то время как в локативном предложении (от второочередности употребления) он делексикализуется только наполовину. Неслучайно предложения типа *Слон в зоопарке* лингвисты называют неполными предложениями – с пропущенным бытийным глаголом, а не предложениями с нулевой грамматической связкой).

В связи с вышесказанным, следует различать: 1) **собственно бытийные** предложения, состоящие из имени предмета и глагола бытия *быть (Слон был)*, возможно – с отнесением сюда и той конкретизации бытия предмета, которая создает атрибутивное предложение *(Слон был большой)*; и 2) **несобственно бытийные** предложения, представляющие собой конкретизацию собственно бытийного предложения, чаще всего – конкретизацию в отношении места бытия предмета получается локативное предложение *(Слон был большой в зоопарке)*.

Локативное предложение в порождающей грамматике. О локативных предложениях приходится говорить особо еще и потому, что обычно порождение предложения завершается данной конкретизацией бытия, в том числе и тогда, когда перед этим глагол *быть* конкретизирован (заменен) глаголами действия, процесса, состояния и т. д. Об этом, например, пишут Арутюнова, Ширяев 1983, приводя на двух страницах (с. 6–7) тексты, состоящие целиком из бытийных предложений, завершен-

ных (конкретизированных) прежде всего указанием на место этого бытия (локативные предложения).

Для того, чтобы представить себе общую картину порождения предложения, которое начинается с бытийного типа и кончается как предложение локативного типа, – необходимо все типы предложения рассмотреть в их взаимосвязи. К сожалению, в упомянутой выше книге Арутюнова, Ширяев 1983 бытийное предложение сразу же отграничивается от таких предложений, как предложения тождества, характеристики *(Слон большой; Слон – животное),* которые, как отмечалось выше, является в большей степени бытийными (глагол *быть* до того часто в них употреблялся, что превращается в грамматическую связку), чем сами бытийные предложения, которые, по мнению авторов книги, обязательно состоят из трех компонентов: 1) локализатор, 2) бытующий предмет, 3) бытийный глагол, например (соответственно): *В зоопарке – слон – есть* (см. главу 1, с. 14–52).

Такое бытийное предложение одновременно является и локативным предложением. Однако авторы строго настаивают на разграничении этих двух типов предложения: в бытийном предложении темой коммуникации является место, а ремой в коммуникации – предмет: *В зоопарке есть – слон*, а в локативном дело обстоит наоборот: тема – предмет, рема – место: *Слон есть – в зоопарке* (с. 12). Мы полагаем, что здесь не учитывается понятие «релевантности» (которое, как известно, является обязательным в фонологии и морфологии). Варьирование предложения в зависимости от темы-ремы – это именно варьирование **(варианты),** а не изменение лексико-грамматического **типа** предложения. Если об этом типе утверждать без учета фактора времени, то это – «локативное предложение»: *Слон есть в зоопарке.* Если же его характеризовать в трехмерном измерении, то перед нами – «бытийное предложение, конкретизированное как локативное предложение»: *Слон есть → Слон есть в зоопарке*. При этом последняя конкретизация на уровне темы-ремы (надстраивающейся над лексико-грамматическим уровнем) может варьировать. Впрочем, варианты могут быть и у конкретизируемой (предшествующей) части: *Слон – есть; Есть – слон*.

Завершая наш разбор возможностей функциональной и порождающей грамматик при описании бытийных и локативных предложений, надо подчеркнуть, что этих возможностей больше у порождающей грамматики. Другое дело, что принципы порождающей грамматики еще недостаточно разработаны.

Монография Б. Леваи о бытийных и локативных предложениях, построенная на принципах функциональной грамматики, одновременно подводит лингвистику к неизбежности рассмотрения этих типов с точки зрения трехмерной лингвистики, учитывающей при описании предложений

также и фактор времени. Время – это прежде всего **использование** языка, которое конечно же предполагает временную последовательность используемых элементов, а не история (диахрония) языка, хотя эта последняя, надо полагать, и «откладывает» в себе использование языка.

Книга Б. Леваи вызывает читателя-лингвиста на размышления по самым важным теоретическим вопросам лингвистики предложения, для решения которых, как справедливо утверждает Б. Леваи в последних строках своей книги (см. с 124), требуются исследования не только в области конкретных языков – русского, венгерского, английского, суахили и др., но и в области языковых универсалий.

Литература

Арутюнова Н. Д., Ширяев Е. Н. Русское предложение. Бытийный тип. Москва: Рус. язык, 1983.

Гайсина Р. М. К семантической типологии предикатов в русском языке. – Сб. Семантические типы предикатов. Москва, 1982.

Кузнецов А. М. Глагол to be и его лексико-семантические эквиваленты в современном английском языке. – В сб. Категория бытия и обладания. Сб. под ред. В. Н. Ярцевой. Москва, 1977.

Федосов В. А. Рец.: Lévai Béla. Egzisztenciális és lokális mondatok az angol és az orosz nyelvben. [Экзистенциональные и локативные предложения в английском и русском языках]. Debrecen, 2000. В сб. с. 119–127.

Шведова Н. Ю. Русские бытийные глаголы и их субъекты. – Сб. Слово и грамматические законы языка. Глагол. Ред. Н. Ю. Шведова. Москва, 1989.

Глава 3
Лексика русского языка

3.1. Русская разговорная лексика (Э. Саламин, Д. Репаши)

Э. Саламин возглавляла целый коллектив в Сегедском университете по исследованию русской разговорной речи – в сопоставлении с венгерским языком. Д. Репаши тоже исследовала русскую лексику: в 70-ые годы – разговорную лексику в художественной литературе (Чехов, Шукшин и др.), в 80-ые годы – неологизмы в экономическом и политическом языке, в 90-ые годы – словообразование новейшей лексики.

3.2. Русская сленговая лексика (И. Феньвеши)

Русскую сленговую лексику (вместе с венгерской сленговой лексикой) описал И. Феньвеши в большом Русско-венгерском и венгерско-русском словаре (Fenyvesi 2001) (19 000 лексических единиц – слов и фразеологизмов). Феньвеши дает определение сленгу, которое в целом совпадает с определением, которое обычно дается жаргону: это ненормативная лексика. Источником русской части словаря у И. Феньвеши были русские словари сленга и русская художественная литература. Каждая сленговая единица имеет в словаре грамматические, социологические и стилистические пометы; значение русских сленговых единиц толкуется с помощью перевода на венгерский язык.

3.3. Венгерская лексика в русском языке (А. Холлош, И. Хорват)

Венгерские сова (хунгаризмы) обычно попадали в русский язык через язык-посредник, который обязательно указывается в словарях, описывающих хунгаризмы в русском языке. Началась разрабатываться эта тема в Венгрии с описания «гусарской» лексики в русском языке. Затем А. Холлош в своем словаре описал 175 венгерских заимствований в русском языке (исключая собственные имена), а И. Хорват описал 317 заимствований.

3.4. Венгерская культурологическая лексика на русском языке (И. Барт)

Из хунгаризмов можно выделить слова, которые обозначают культурологические реалии Венгрии. Сделано это в словаре Барт 2005. Но наряду с хунгариз-

мами в словаре описывается и та венгерская культурологическая лексика, которая не заимствована русским языком (задача словаря – культурологическая лексика, а не заимствованные слова). Вся эта лексика в словаре сначала переводится на русский язык, а затем описывается подобно тому, как описываются значения слов в энциклопедических словарях.

3.5. Венгерские топонимы в русском языке (Л. Хайзер)

Топонимы – это названия географических мест, в данном случае – в Венгрии. Словарная статья в двух словарях Л. Хайзера (Hajzer 1993, 1997) состоит из следующих частей: 1) русский топоним-заимствование *(Дебрецен)*, 2) венгерский источник (Debrecen), 3) значение («город»), 4) русские дериваты *(дебреценец)*, 5) пример употребления в русском тексте.

Лексика – это множество слов, объединенных с учетом каких-либо их признаков, например: 1) русская разговорная лексика; 2) русская сленговая лексика; 3) русская лексика, являющаяся по происхождению венгерской; 4) венгерская культурологическая лексика; 5) венгерские топонимы в русском языке. Именно эти группировки русской лексики и рассматриваются ниже – как они описывались в венгерской русистике.

Основным средством описания лексики является словарь.

3.1. Русская разговорная лексика (Э. Саламин, Д. Репаши)

Изучение русской разговорной речи в Венгрии. Русская разговорная речь была предметом активного изучения в Венгрии, прежде всего в Сегедском университете. Проф. Эдит Саламин организовала целый коллектив для изучения русской разговорной речи с привлечением ведущих специалистов по этому вопросу из России (О. А Лаптева, О. Б. Сиротинина, Е. А. Земская и др.). См. совместную венгерско-русскую монографию: Laptyeva, Szalamin, Fábricz 1990 и совместную венгерско-русскую рецензию на эту монографию: Бархударова, Куглер 1994. Из работ самой Э. Саламин, в том числе и изданных в Москве, назовем следующие:

Саламин Э. Некоторые синтаксические конструкции русской разговорной речи в зеркале венгерского языка. – В кн. Лингвистика, литературоведение, методика. Под ред. Ф. Паппа. Будапешт, 1986.

Саламин Э. Об одной синтаксической конструкции русской разговорной речи в зеркале венгерской. – «Русский язык за рубежом». 1989, 3. с. 69–72.

Szalamin E. Orosz és magyar beszélt nyelvi kutatások. [Исследование русской и венгерской разговорной лексики]. – Nyelv, stílus, irodalom. Köszöntő könyv Péter Mihály 70. születésnapjára. Szerk. Zoltán András. Budapest, 1998. pp. 503–509.

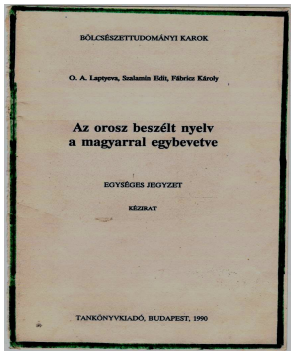
Русская разговорная речь изучалась в Венгрии в сопоставлении с венгерской разговорной речью. Формулировались признаки разговорной речи (РР), в отличие от признаков русского кодифицированного литературного языка (КЛЯ) – с точки зрения проявления их в русском и венгерском языках. Отмечалось, в частности, что в русском языке различия между РР и КЛЯ более существенные, чем в венгерском языке. Сравнивались синтаксические конструкции РР в русском и венгерском языках. См. обобщение этих исследований и соответствующую библиографию в статье: Szalamin 1998.

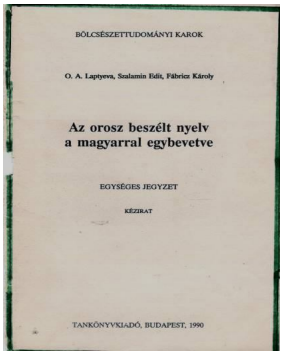
Не без влияния со стороны исследований русской разговорной речи складывалось убеждение: не преподавать ли в школе вместо нормативного, кодифицированного русского языка (КЛЯ) русскую разговорную речь (РР), ведь РР непосредственно связана с жизнью, и кроме того, она проще. Это вопрос разъяснял М. Петер в статье: Петер 1983. Он писал, что, несмотря на кажущееся «свободное поведение» при построении разговорной речи (будто бы и обучаться разговорной речи не надо), разговорная речь является производной, вторичной по отношению к кодифицированному языку. Сначала надо выучить литературный язык, например его «структурные схемы» предложения с достаточно жестким составом и порядком своих элементов, а уж затем переставлять или опускать эти элементы из высказывания при построении разговорной речи, при этом надо делать обязательно так, чтобы слушатель понимал тебя.

Различие между кодифицированным литературным языком и разговорной речью заметно прежде всего в области синтаксиса (синтаксических конструкций). Возможно, что именно поэтому в Венгрии, в Сегеде, и изучался прежде всего синтаксис русской разговорной речи – в том числе и в сравнении с синтаксисом венгерского языка.

Проф. Эдит Саламин
(Сегедский университет)

Но различия в области лексики между КЛЯ и РР более существенны, прежде всего в области лексических значений, которые не лежат на поверхности. Венгерскому исследователю труднее описывать лексико-семантические различия не только «внутри» русского языка, но и «между» русским и венгерским языками. Тем не менее, русская разговорная лексика, в том числе и в сравнении с венгерской разговорной лексикой, тоже была предметом исследования в Венгрии (в Ньиредьхазском педагогическом институте). Ей посвятила свои две книги проф. Д. Репаши:

Répási Györgyné. Főnevek az orosz beszélt nyelvben. [Существительные в русской разговорной речи]. Nyíregyháza, 1990. 158 p.

Répási Györgyné. Szavak a beszédben, szavak a nyelvben. [Слова в речи, слова в языке]. Nyíregyháza, 1999. 247 p.

Названные две книги Д. Репаши связаны друг с другом не только темой исследования, но и материалом. Во второй книге использованы лексические матералы (словарь) первой книги. Кроме того, вторая книга обобщает некоторые результаты исследования автора в области русской разговорной лексики, содержащиеся в отдельно опубликованных статьях. Со списком публикаций автора, связанных с русской разговорной лексикой, читатель может познакомиться, обратившись к библиографии второй книги. Назовем основные статьи:

Репаши Д. Сопоставительный анализ способов и результатов компрессивного словообразования в русской и венгерской разговорной речи. Тез. докл. на VII Конгрессе МАПРЯЛ. В кн. Рус. язык и лит-ра в общении народов мира. 1. Москва, 1990. с. 218–219.

Репаши Д. Порча языка или меткое красивое слово? – Вестник Филиала Института русского языка им. Пушкина. 3. Будапешт, 1996. с. 40–46.

Репаши Д. К вопросу об усилительных словосочетаниях в русской разговорной речи. – Вестник Филиала института русского языка им. Пушкина. 9, Будапешт, 1998. С. 69–76.

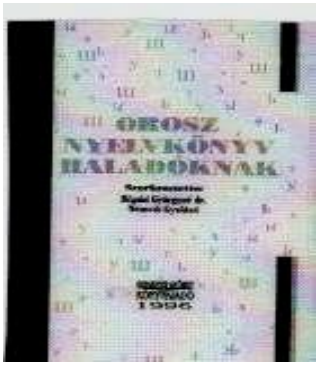
Répási Gy. Kicsinyítő-becező képzés a mai orosz beszélt nyelvben. [Образование уменьшительно-ласкательных имен в русском языке]. – Studia Russica, 12. Budapest, 1988. pp. 353–357.

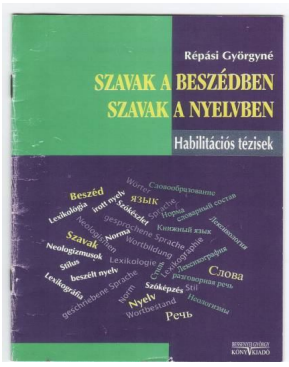
Répási Gy. A szemantikai tömörítés eszközei a mai orosz beszélt nyelvben. [Семантические средства современного русского разговорного языка]. – Idegen Nyelvek Tanítása. 1989. pp. 64–69.

Répási Gy. Az orosz beszélt nyelvi szóképzés-szóalkotás kérdéséhez. [К вопросу о слово- и фомообразовании в русской разговорной лексике]. – Acta Academiae Paedagogicae Nyíregyháziensis, t. 12/C, 1990, pp. 113–127.

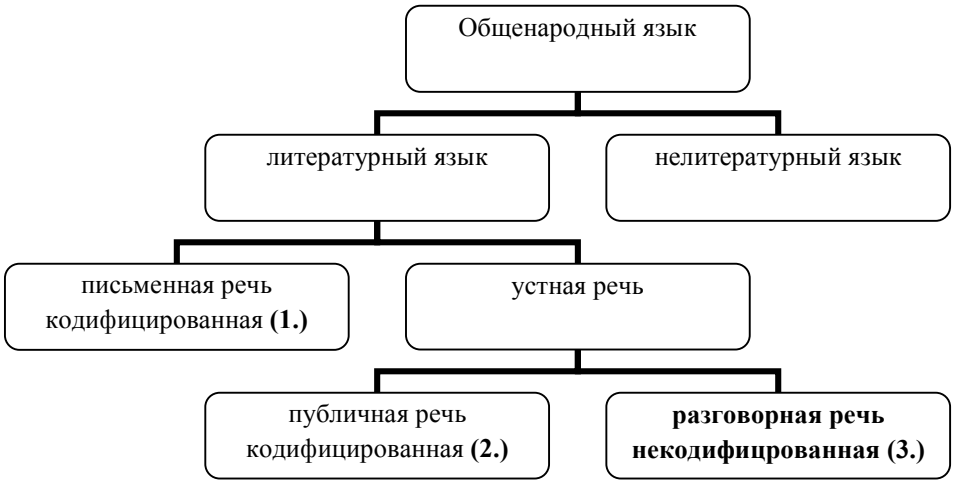
Предмет разговорной речи. В книге (Répási 1990, стр. 5) помещена схема, изображающая место «разговорной речи» среди других разновидностей литературного языка. Если не стремиться охватывать весь «общенародный» язык, как это делается в книге, а ограничиться только «литературным» языком, к которому почти единодушно лингвисты относят «разговорную речь», то в пределах литературного языка «разговорная речь» занимает следующее место:

Проф. Эржебет Репашине (Высшая школа в Ньиредьхазе)

«Общенародный» и «литературный» языки называются «языком», а все его разновидности – «речью», в соответствии с методологической дихотомией «язык – речь», в которой «язык» рассматривается как система (код), а «речь» – как реализация системы (кода).

Необходимо обратить внимание на то, что при определении понятия «разговорной речи» (и соотносящихся с ним других понятий) используются три дифференциальных признака: 1) «литературный – нелитературный», 2) «устный – письменный», 3) «кодифицированный – некодифицированный». Понятие «разговорной речи» определяется как набор признаков, расположенных на схеме сверху вниз по 3-ей ветке: это литературная «устная некодефицированная речь».

Что касается терминологии, то в русском языкознании, на протяжении всего периода изучения разговорной речи, начиная с 20-ых годов (Л. П. Якубинский, Б. А. Ларин), было опробовано несколько терминов: «устная речь», «непосредственно разговорная речь», «устно-разговорная разновидность литературного языка», «спонтанная устная речь» и др. Однако после работ 70–80-ых годов (Е. А. Земская О. Б. Сиротинина, О. А. Лаптева и др.) утвердился термин «разговорная речь», несмотря на то, что между разными исследователями при изучении разговорной речи имеются расхождения. Но независимо от того, как они квалифицируют «разговорную» речь – как «разновидность» литературного языка (О. А. Лаптева) или как особый «стиль» литературной речи (О. Б. Сиротинина) – всем им приходится говорить о фонетических, грамматических и лексических особенностях «разговорной» речи, отличающих ее от особенностей кодифицированной литературной (письменной и устной) речи, зафиксированных в академических и школьных грамматиках. Это значит, что при установле-

нии различий между «разновидностями» (или «стилями») русского литературного языка (см. схему) признак «кодифицированный – некодифицированный» (наряду с признаком «письменный – устный») действительно является важным. Он поэтому обязательно используется при разграничении литературной «публичной речи» (как речи кодифицированной) и литературной «разговорной речи» (как речи «некодифицированной) (Е. А. Земская).

В венгерском языкознании, описывающем русскую разговорную речь, см. в том числе и в названных книгах Д. Репаши, вопрос терминологии, по-видимому, тоже не до конца решен. В венгерском языкознании тоже опробовано несколько терминов: *élőbeszéd* (живая речь), *társalgási nyelv* (разговорный язык), *köznyelv* (общий язык, разговорный литературный язык) и нек. др. Д. Репаши применительно к русской разговорной речи употребляет в своих книгах термин *beszélt nyelv* (устная речь, букв. «разговорный язык»).

Материал для изучения разговорной лексики. В России русская разговорная лексика изучается, как правило, в ее естественном виде – не по художественным текстам и даже уже не по газетным страницам, а по «живым» магнитофонным записям: записываются разговоры на улице, телефонные разговоры, разговоры на рабочих местах, в семейном кругу и т. д.

Само собой разумеется, исследователи русской разговорной лексики, постоянно находящиеся в Венгрии, не имеют возможности работать с магнитофоном или хотя бы с карандашом в руке – непосредственно записывать то, какие слова говорят русские люди на улице, в семейном кругу и т. д., – чтобы затем подвергнуть это исследованию. Приходится им пользоваться материалом, который собран и опубликован в России. Так, в качестве источника русской разговорной лексики Д. Репаши использовала следующие издания: «Новые слова и значения» (словарь-справочник, под ред. Н. З. Котеловой, Москва, 1973, 1984), «Новое в русской лексике» (словарные материалы, под ред. Н. З. Котеловой, Москва, 1980, 1981, 1982, 1984, 1986, 1986-а, 1987), «Русская разговорная речь. Тексты» (ред. Е. А. Земская и Л. А. Капанидзе, Москва, 1978).

Д. Репаши в качестве источника своего материала называет также словарь Koester, Rom 1985. Значение этого словаря, как отмечает Д. Репаши, состоит в том, что он – первый словарь, в котором русские разговорные слова переводятся на иностранный язык. Задача такого перевода несомненно трудная. В большинстве случаев найти эквиваленты для русских разговорных слов в иностранном языке, с той же стилистической (разговорной) окраской, очень трудно. Поэтому перевод обычно осуществляется описательным способом.

Русско-венгерский словарь разговорной лексики. Заслуга Д. Репаши в изучении русской разговорной лексики состоит прежде всего в том, что она составила первый русско-венгерский словарь, в котором слова русской разговорной речи переводятся на венгерский язык. Словарь называется: «Существительные в русской разговорной речи» (см. Répási 1990).

В словаре описываются не все существительные русской разговорной речи, а только те, которые образованы (мотивированы) на основе словосочетания «прилагательное + существительное» например: *аморалка ← аморальное дело; попутка ← попутная машина; продленка ← продленный день, продленная смена; вечерка ← вечерняя газета, вечерняя смена* и т. д. (характерная словообразовательная модель разговорной лексики, отражающая тенденцию компрессии средств выражения, реализующая «закон экономии» лексических средств).

Пример словарной статьи из названного словаря Д. Репаши (1):

ВЕРНЯК fn. hn. ROM
(верное дело)
ir.: -
besz.: 1. Tuti, biztos dolog
Да чем вы рискуете? Дело-то ведь верняк.
. Ugyan mit kockáztat(tok)? Hiszen ez tuti.

Как можно видеть, после заглавного слова *(верняк)* указываются 1) его морфологические характеристики (сущ., муж. род), 2) источник, откуда взято слово (Словарь Koester, Rom 1985); 3) дается толкование слова *(верное дело)* посредством словосочетания (нейтрального, кодифицированного), от которого образовалось данное слово (разговорное, некодифицированное); 4) отмечается, что это слово отсутствует в литературном (письменном) языке (ir.: -), в частности – в большом русско-венгерском переводном словаре, а значит, употребляется только как разговорное слово (beszéd.); 5) со значением, которое толкуется на венгерском языке путем перевода словосочетания *верное дело* (Tuti, biztos dolog), 6) дается иллюстрация употребления слова в русской разговорной речи; 7) предлагается перевод этой иллюстрации на венгерский язык.

Слова в словаре Д. Репаши располагаются в алфавитном порядке. В словарь можно было бы сделать и второй «вход» – семантический (тематический), в соответствии с тематической классификацией слов, выражающейся с помощью системы помет, употребляющихся в словаре: «спец», «воен.», «зоол.», «техн.», «мед.» т. п.

Значение своего словаря Д. Репаши видит в том, что он отражает активные процессы в русской разговорной речи в России, которые, в свою очередь, свидетельствуют об активных процессах в русском обществе – в экономике, культуре и др. Появление новых слов, новых значений у старых слов в области разговорной речи пока, как замечает Д. Репаши, не находят себе места в толковых и переводных словарях, например в русско-венгерском словаре, хотя многие из этих слов уже получили широкое распространение – и с пометой «разг.» вполне могли бы включаться в эти словари, приобретая постепенно статус кодифицированных слов.

Д. Репаши отмечает важность описания русской разговорной лексики для преподавания русского языка как иностранного, в частности – в венгерских условиях; важность для преподавателей русского языка, для студентов, изучающих русский язык, для переводчиков, гидов, для специалистов в сфере производства и в сфере обслуживания.

Таким образом, готовя материал для исследования русской разговорной речи, Д. Репаши «попутно» составила русско-венгерский переводной словарь русских разговорных слов, исследовав оптимальную структуру соответствующей словарной статьи, – выполнила работу, которую в России при изучении русской разговорной речи, никто выполнить не может – из-за отсутствия специалистов в области венгерского языка. Д. Репаши составила не просто 1) переводной словарь, а 2) переводной словарь синонимических пар, в которых одно слово – «разговорное», а другое (именное словосочетание) – нейтральное; более того – она составила 3) словообразовательный словарь, в котором описывается одна из продуктивных моделей образования слов разговорной речи («компрессивное» словообразование).

«Компрессивное» словообразование. Эта проблема – основная во второй книге Д. Репаши (Répási 1999). Данный тип словообразования, как показывает и его название, обозначает сокращение (компрессию) различных видов номинативных словосочетаний в одно слово. Компрессия осуществляется 1) путём семантической и формальной компрессии 2) путём только формальной компрессии. Семантическая и формальная компрессия включает в себя (пишет Д. Репаши) следующие модели словообразования: 1) суффиксацию (напр.: *курилка ← курительная комната*), 2) усечение (напр.: *декрет ← декретный отпуск*), 3) субстантивацию (напр.: *декретный ← декретный отпуск*), 3) аббревиацию (напр.: *СНС ← старший научный сотрудник*). Посредством только формальной конденсации образуются типично разговорные слова – вида: *маг ← магнитофон*

Сопоставляя анализ морфологического механизма компрессивного словообразования русского и венгерского языка, автор отмечает, что сходные жизненные условия, подобный общественный и социальный фон в обоих языках приводят к одинаковым типичным разговорным образова-

ниям в лексике. Автор считает важным моментом осуществления языковой экономии тот факт, что языковые изменения характеризуются тенденцией целесообразности, простоты, компактности (краткости), скорости.

В рассматриваемой книге автор описывает и тематическое разнообразие пополнения словарного состава русского языка наших дней, в частности – лексические изменения в следующих сферах: 1) в лексике, связанной с социальной сферой, 2) в названиях некоторых видов «теневой» деятельности, 3) административная лексика наших дней, 4) новые или «возобновлённые» слова в сфере обучения и культуры, 5) «возобновление» церковной терминологии 6) лексика менеджмента, рекламы, Подчёркиваются универсальность тенденций, характерных для русского, венгерского и других европейских языков, свидетельствующая об общих интенсивных общественно–политических изменениях.

Другие аспекты описания разговорной лексики. В книге Répási 1999 на материале прежде всего словаря (1), описываются процессы, происходящие в лексике русской разговорной речи в последнее десятилетие XX века, по возможности – указывается на процессы, происходящие в обществе и вызывающие процессы в лексике. Автор пишет: «Целью настоящей книги является проследить и проанализировать динамические лексические изменения, связанные с общественно-политическими изменениями» (Répási 1999, стр. 208). Ср. словарь, изданный в России: Скляревская 1998.

Лексика описывается не «вширь» с охватом всей возможной лексики (эта задача трудно выполнима для автора, живущего вдали от России), а «вглубь» – с обращением внимания на структурные взаимоотношения а) между старой и новой лексикой (диахрония), б) между словом-основой и его дериватом (словообразование), в) между дериватами друг с другом (синхрония).

Основное внимание уделяется второму виду отношений между словами – словообразованию, с описанием морфологического и семантического аспектов, чему посвящена 2-ая глава рассматриваемой книги – самая большая (настолько большая по отношению к другим главам, что можно сказать, что она – и есть вся книга). Вопросы диахронии и синхронии рассматриваются в книге в аспекте тематической классификации лексики, причем – не только разговорной. Этому вопросу посвящены небольшие 3-я и 4-ая главы. Лексики привлекается столько, чтобы было достаточно проиллюстрировать структурное (формальное и семантическое) явление. Какая-либо статистика, проценты, свидетельствующие о том, сколько лексики «приходится» на тот или иной способ словообразования, на ту или иную тему, насколько продуктивен (или не продуктивен) данный способ словообразования, насколько широка (или не широка) данная тематическая группа слов и т. д., – в книге отсутствуют. Как уже замечено, автор, в

силу своего положения, не мог рассматривать лексику во всем ее объеме. В конце книги помещен список слов, проанализированных в книге. Их около 1050 – сравнительно небольшое количество по сравнению с тем количеством, которое употребляется «в жизни», но вполне достаточное для того, чтобы проиллюстрировать структурные процессы.

В 1-ой главе второй книги (Répási 1999) излагается проблематика, связанная с понятием «разговорной речи», в частности – как эта проблематика выступает в русском и венгерском языкознании. Излагается и «история вопроса». Поскольку предметом книги является русская разговорная речь, постольку главное внимание уделяется русской «истории вопроса», а вместе с ней – и русской «литературе вопроса», с анализом работ О. Б. Сиротининой, Е. А. Земской, О. А. Лаптевой и др. В книге имеется достаточно подробная «Библиография» русской и венгерской литературы, посвященной разговорной речи в двух языках. В тексте второй книги постоянно, при анализе конкретного лексического материала, встречаются ссылки на соответствующие библиографические источники. Это не только способствует доказательности рассуждений автора, но и характеризует автора как специалиста, хорошо осведомленного в истории и литературе вопроса.

Вторая книга (Répási 1999) имеет все основания считаться монографией на тему о новой русской разговорной лексике – в контексте новой литературной лексики вообще. Книга состоит из частей, характерных для монографии: 1) вводная часть («история вопроса», постановка проблемы, формулирование предмета и др.), 2) основная часть – с описанием а) словообразования в области разговорной лексики (наиболее характерной «компрессивной» модели), б) тематической классификации новой лексики, 3) заключительная часть – с подведением итогов исследования, со списком проанализированных слов, с предметным указателем, с библиографией.

Эта книга может служить и учебным пособием по русской разговорной лексике, даже шире – по новой русской лексике, – для студентов-филологов, изучающих русский язык.

Если судить по публикациям, то можно сделать вывод, что Д. Репаши долго шла к своей второй книге, вобравшей в себя основные выводы ее предшествующих исследований. В 70-ые годы автора интересовало употребление разговорной лексики в художественной литературе – как средства характеристики героев (Чехов, Шукшин и др.). В публикациях этого периода рассматривались слова русской разговорной речи в аспекте их отличия (в словообразовании, в употреблении) от слов кодифицированного литературного языка. В 80-ые годы в центре внимания автора были русские неологизмы новых (обновленных) сфер употребления языка – в экономике, политике и т. д. В 90-ые годы автор продолжал исследовать

наиболее интересные процессы в лексике современного русского языка, прежде всего в самой подвижной ее части – в разговорной речи. В это время у автора в венгерской и российской печати появилось несколько интересных статей, см. библиографию в книге: Répási 1999.

Литература

Бархударова Е. Л., Куглер К. Рец.: Лаптева О. А., Саламин Э., Фабриц К. Русская устная литературная речь в сопоставлении с венгерской. – Studia Slavica Hung., 39. Budapest, 1994. с. 388–390.

Земская Е. А., Капанидзе Л. А. Русская разговорная речь. Тексты. Москва, 1978.

Котелова Н. З. Новые слова и значения. Словарь-справочник. Москва, 1973, 1984.

Котелова Н. З. Новые слова и значения. Словарь-справочник. М., 1980, 1981, 1982, 1984, 1986, 1986-а.

Петер М. Нужно ли изучать нерусским русскую разговорную речь? – Сб. Russica: In memoriam E. Baleczky. Budapest, 1983. с. 67–76.

Скляревская Г. Н., ред. Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения. СПб., 1998.

Koester S., Rom E. Wörterbuch der modernen russischen Umgangssprache. München, 1985.

Lapteva A., Szalamin Edit, Fábricz Károly. Az orosz beszélt nyelv a magyarral egybevetve. [Русская разговорная лексика в сопоставлении с венгерской]. Budapest, 1990.

3.2. Русская сленговая лексика (И. Феньвеши)

Русская сленговая лексика в венгерской русистике описывается прежде всего в словаре И. Феньвеши:

Fenyvesi István. Orosz–magyar és magyar–orosz szlengszótár. [Русско-венгерский и венгерско-русский словарь]. Budapest, 2001.

Кроме того, о русском и венгерском сленге И. Феньвеши написал много статей, в частности:

Феньвеши И. Современные словари русского сленга. – Studia Slavica Savariensia. Szombathely, 1996, 1-2. c. 189–205.

Феньвеши И. Русский сленг как языковая игра. – Papp Ferenc akadémikus 70. születésnapjára. Debrecen, 2000. c. 291–298.

Феньвеши И. Сленг в русской литературе и его венгерский перевод (частотно-семантический анализ инвариантных компонентов). – Diss. Slav.: Ling. XXV. Szeged 2001. pp. 91–100.

Fenyvesi István. Az orosz szleng és kutatása. [Русский сленг и его исследование]. – Szlengkutatás 1. Sorozatszerk. Kiss Tamás. Debrecen, 1997. pp. 185–235.

Fenyvesi István. Работа над русско-венгерским словарем сленга. Проблемы эквивалентности. – Nyelv, stílus, irodalom. Köszöntő könyv Péter Mihály 70. születésnapjára. Budapest 1998. pp 127–132.

Fenyvesi István. Szleng és irodalom [Сленг и литература]. – Сб. Dolce Filologia. Budapest, 1998-a, pp. 365–374.

Fenyvesi István. О русско-венгерском и венгерско-русском словаре сленга. Общая характеристика. – Nyelvpolitika és nyelvoktatás. Szerk. Cs. Jónás Erzsébet. Nyíregyháza, 1999. pp. 119–123.

Fenyvesi István. Проблемы венгерского перевода русского сленга (Л. Габышев: Одлян или глоток свободы). – Nyelv, aspektus, irodalom. Köszöntő könyv Krékits József 70. születésnapjára. Szeged 2000. pp 79–89.

Fenyvesi István. «Язык не дверь в историю, а сама история». Cirill és Metód példáját követve… Tanulmányok H. Tóth Imre 70. születésnapjára. Szeged 2002. pp. 91–104.

Понятие «русского сленга». Из названия словаря видно, что перед нами словарь сленга двух языков. Однако это прежде всего словарь русского сленга, так как венгерские сленговые единицы в словаре следуют за русскими единицами.
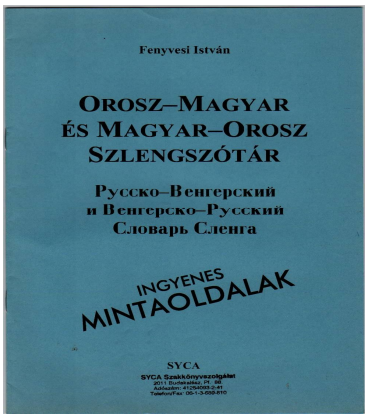
В Предисловии к своему Словарю И. Феньвеши определяет понятие «русского сленга» (с. 6). Мы воспользуемся русским вариантом этой дефиниции, помещенной в другом месте (Феньвеши 1996, с. 189), выделив в дефиниции, посредством нумерации, основные признака этого понятия.

И. Феньвеши пишет: «Русский сленг в нашем понимании – это лексика 1) с высокой степенью непринужденности, 2) относящаяся к области нонстандарта, 3) которая состоит из случайно или намеренно измененных, переосмысленных или вновь созданных слов и выражений, усечений, аббревиатур, заимствованных из языка улицы, из городского просторечия, из арго, жаргонов, а также из других языков. 4) Сленг не брезгует и обращением к словам грубым, а то и обсценным. 5) В сленг входят также и слова разговорного языка, не нашедшие еще кодификации в толковых словарях. 6) Для сленга характерно пристрастие к свежим, экспрессивным, часто ироническим словам и выражениям. 7) Сленговой лексике присуща постоянная изменчивость».

Из дефиниции И. Феньвеши прежде всего видно, что русский сленг – это **лексика**, а не грамматика, и не лексика вместе с грамматикой, в чем дефиниция И. Феньвеши сходится с определениями, дававшимися раньше в русской лингвистике сленгу, жаргону, арго и т. д., у которых не признавалось наличия собственной языковой системы (Большая советская энциклопедия 1976). Впрочем, И. Феньвеши о грамматике не говорит еще и потому, что имеет дело только со словарем – с лексикой.

Русский сленг, далее, – это нонстандартная, не нормативная лексика, ее нет в русских толковых словарях (см. пункт 2-й дефиниции).

Однако русский сленг (как мы понимаем 3-ий пункт дефиниции И. Феньвеши) – это общая лексика, т. е. известная всем говорящим на русском языке, – формирующаяся в результате переработки, переосмысления языка улицы, городского просторечия, узко групповой жаргонной, лагерной, уголовной и т. д. лексики.

Проф. Иштван Феньвеши
(Сегедский университет)

В соответствии с 4-ым признаком, русский сленг «обращается» и к грубым, обсценным словам. Если «обращается» понимать как то, что эти слова входят в состав сленга, то это заключение не является общепринятым, например сквернословие и сленг – разные величины: сленг выражает антикультуру, а сквернословие – бескультурье» (Петер 2003, с. 464).

То же самое можно сказать и о разговорных словах русского языка (см. 5-ой признак дефиниции И. Феньвеши): входят ли они в сленг или только временно в нем используются. Обсценная лексика включается в словарь, по-видимому, вся, так как все корневые и производные слова этой лексики и очень многие выражения с этими словами – присутствуют в словаре. Что касается разговорных слов, то об их составе в словаре – судить трудно. В отличие от обсценных слов, о которых информант отвечает точно, что это «нецензурные» слова (они для него давно кодифицированы: «так нельзя говорить»), – о разговорных словах у информанта что-либо определенное узнать трудно.

Русский сленг, далее (см. 6-ой пункт дефиниции), обладает свойством «экспрессивности». Можно добавить, что часто сленг – это не просто «экспрессивные» слова и выражения, но и откровенно «грубо экспрессивные».

Не вызывает сомнения 7-ой признак дефиниции: русский сленг действительно быстро изменяется; наиболее употребительные его слова становятся нормативными.

Что собой представляет признак, выдвинутый И. Феньвеши на 1-ое место: «высокая степень непринужденности» русского сленга? Точнее это надо было бы сказать не о сленге, а о носителе сленга, который, используя сленг, ведет себя «с высокой степенью непринужденности». Непринуж-

денный в общении человек (см. толковый словарь) – это свободный, лишенный натянутости, не скованный нормами, этикетом в общении человек, с ослабленным (добавим) внутренним контролем, склонный к грубости, даже к агрессии и т. д. В литературе по сленгу мало исследовался вопрос о том, что собой представляют с психолингвистической точки зрения представители сленговых сообществ (о них писали в основном только писатели, например в «лагерной литературе»).

Однако некоторые наблюдения все-таки имеются. С лингвистической точки зрения, сленг в наименьшей мере является средством коммуникации. Это больше «языковая игра» (Феньвеши 2000), «смеховая культура», в комедиях сленг – это язык дураков (Елистратов 2001). Во всех этих случаях сленг употребляется не столько как средство общения, сколько просто так – как птички чирикуют (Lutz 1999, c. 279).

С психологической точки зрения, носитель сленга, как пишут некоторые исследователи, – неуравновешенный человек, со склонностью оскорбить собеседника. Сленг помогает ему «разрядиться» и в этом отношении является для него лечебным средством (Charman 1999, c. 276–279). В газетах иногда можно прочитать о том, что в некоторых учреждениях разрешается использовать, при определенных условиях, ненормативные слова – для «снятия напряженности», возникающей в отношениях между сотрудниками, издаются даже соответствующие инструкции о том, какие слова в это время можно употреблять, как их употребить.

Итак: «русский сленг» – это ненормативная лексика, которую употребляют русские люди «с высокой степенью непринужденности»; лексика. являющаяся по происхождению языком улицы, арго, жаргонизмами, но становящаяся общеупотребительной. См. в Большой советской энциклопедии: «**Сленг** – экспрессивно и эмоционально окрашенная лексика **разговорной речи**, отклоняющаяся от принятой **литературной нормы** (т. 32, с. 1661). Т. е. сленг входит в разговорную речь, но не является литературной нормой.

Но поскольку словарь И. Феньвеши – не только русского языка, но также и венгерского языка, то закономерно поставить вопрос и о том, что такое «венгерский сленг»? Скорее всего, между этими двумя сленгами нет различия, так как сленг – это все-таки не национальная, а универсальная категория? Но если это так, тогда зачем отдельно определять «русский сленг»? Ведь можно определить «сленг» вообще. См. подборку статей с определением «сленга» вообще (а также понятия «жаргон», «арго» и др.) в сборнике: Szlengkutatás 1-3. Sorozatszerk. Kiss Tamás. – Debrecen, 1999.

Термин «сленг». В русской лингвистической традиции термин «сленг» употребляется прежде всего в качестве названия узких групповых языков – как синоним терминам «жаргон», «арго», см. в Лингвистическом энциклопедическом словаре: жаргон «разновидность речи отдельной со-

циальной группы, объединяющей людей по признаку профессии, положения в обществе, интересов (с. 151); арго – «язык профессиональной или социальной группы» (с. 43); сленг – «то же, что жаргон» (с. 461). Использование термина «сленг» для обозначения также и общеупотребительной ненормативной лексики, общей для всех жаргонов, сленгов, арго, добавляет термину второе значение. По-видимому, в этом случае надо было бы ввести новый термин. Однако И. Феньвеши употребляет старый термин «сленг».

Заметим, что В. Елистратов, описывая в своем словаре в принципе тот же самый предмет, что и И. Феньвеши, в общем значении употребляет термин «арго», который одновременно, как известно, обозначает и узкий, даже тайный групповой язык. В. Елистратов ссылается при этом только на традицию в выборе термина: «арго» – франкоязычная традиция, «сленг» – англоязычная (Елистратов 2001, с. 577). Таким образом, И. Феньвеши, называя общеупотребительную ненормативную лексику «сленгом», следует англоязычной традиции, а В. Елистратов – франкоязычной. Переводя монографию В. Елистратова «Арго и культура» на венгерский язык, И. Феньвеши, соответствующим образом переводит и терминологию: «Сленг и культура» (Jelisztratov 1998). Добавим, что для обозначения общеупотребительной ненормативной лексики употребляется также и термин «жаргон», хотя обычно этот термин обозначает узко употребительную, групповую лексику, см. словарь: Ермакова и др.1999.

Получается, что термины «сленг», «жаргон», «арго» употребляются в лингвистике даже в трех значениях: 1) **общая** для всех сленгов, жаргонов, арго ненормативная лексика, 2) **отдельная** лексика, присущая только отдельному данному сленгу, жаргону, арго – с исключением общей лексики, 3) **вся** лексика данного отдельного сленга, жаргона, арго – общая и частная вместе. Коммуникация может происходить только при 3-ем условии. 1-ое и 2-ое условия – это позиции для лингвистического анализа. Получается, что И. Феньвеши употребляет термин «сленг» в 1-ом его значении: общая для всех сленгов, жаргонов, арго лексика.

Собственно говоря, а не является ли термин «сленг» в англоязычной традиции только в 1-ом значении, – в то время как термин «жаргон» («арго»), который с самого начала в европейской традиции обычно употребляется во 2-ом значении? Характерно, что в 1-ом и во 2-ом случае отражается позиция лингвистов, но не «рядовых» говорящих, которые, чтобы использовать в общении сленг, жаргон, арго, должны использовать вместе и общую, и отличительные его части (в 3-ем значении).

В отличие от «сленга», «жаргона», «арго», понятие «просторечие» всегда употреблялось в 1-ом, лингвистическом значении: «просторечие, в отличие от говоров и жаргонов, – общепонятная для носителей нацио-

нального языка речь» (Лингвистический энциклопедический словарь 1990, с. 402).

Короче, у рассмотренных выше понятий не всё до конца ясно. И. Феньвеши описывает понятие сленга в соответствии с англоязычной традицией: это общая для вех отдельных сленгов, жаргонов, арго лексика. Обсценная лексика тоже является общепонятной для всех русских, поэтому она тоже входит в сленг.

Источники словаря. Первая мысль, которая приходит, когда берешь в руки объемистый словарь русского сленга, составленный И. Феньвеши, – это мысль о том, может ли автор, для которого русский язык не является родным и который не проживает в России, описать все это многообразие, весь этот поток жаргонных, арготических и прочих ненормативных слов самого разного происхождения, захлестнувших в настоящее время весь русский язык, всю современную Россию?

Но с другой стороны: перед нами ведь не только словарь русского сленга, но одновременно и словарь венгерского сленга. Более того – это переводной словарь, когда надо сделать больше, чем просто независимо описать два сленга двух языков. Необходимо однозначно сопоставить сленговые единицы двух языков, выразив их сходство-различие не только в предметной, но и в стилистической, оценочной и др. семантике. Несомненно, что это может сделать только специалист, счастливо сочетающий в себе знания двух языков. И не просто двух литературных языков, но языков во всем их разговорном, просторечном, сленговом разнообразии. И приходишь к выводу, что на двух территориях, России и Венгрии, в настоящее время есть только один такой специалист, а именно венгерский русист Иштван Феньвеши, – который и реализовал эту свою счастливую возможность в виде данного словаря.

А что касается возможных неточностей в отборе для словаря русских сленговых единиц, из-за того, что автор словаря сам непосредственно не собирал их на улице, в других общественных местах, не работал постоянно с информантами – носителями сленга и т. д.; что касается возможных неточностей в квалификации этих единиц и т. д., – то эти неточности предупреждаются автором словаря, благодаря следующим используемым им источникам.

Во-первых, И. Феньвеши включает в свой словарь прежде всего те сленговые единицы русского языка, которые уже зафиксированы в русских сленговых словарях, составленных в России авторами с родным русским языком, осведомленными в тех процессах, которые происходят а современном русском языке. В Предисловии к своему словарю И. Феньвеши называет около 40 таких словарей, в которых описываются самые различные по происхождению сленговые единицы. Среди этих словарей есть и очень полные, составленные известными специалистами, например

словари: Ермакова и др. 1999, Елистратов 2000 и др. В другом месте, в отдельных публикациях, И. Феньвеши специально характеризует все современные словари русского сленга, оценивая их достаточно высоко (Феньвеши 1996, Fenyvesi 1997).

Другим источником русско-венгерского словаря (точнее – его русской части), составленного И. Феньвеши, являются тексты художественных и публицистических произведений, в которых часто употребляется ненормативная, сленговая лексика. В Предисловии к словарю называется свыше 760 авторов этих произведений. Среди них на первом месте находится так называемая «лагерная литература». Без всякого сомнения, контекст употребления того или иного сленгового слова помогает автору словаря сформулировать не только предметное значение данного слова, но и его стилистический, эмоциональный и др. оттенок, что позволяет автору словаря преодолеть возможные неточности в квалификации русских сленговых единиц в отношении их грамматики и семантики.

Таким образом, принимая во внимание такие источники словаря, как словари, составленные русскими авторами в России, русские тексты с употреблением в них сленга, – можно делать вывод, что мы держим в руках вполне надежный словарь русского сленга, в котором возможные неточности в квалификации русских сленговых единиц, – сокращаются до минимума.

Впрочем, есть и еще один, третий источник у словаря – **носители русского языка** (для которых русский язык является родным), с которыми автор словаря имел возможность непосредственно общаться, получать и уточнять информацию.

Обсценная лексика. Помимо сленговой лексики в состав словаря включена, как уже замечено, и обсценная лексика. Впервые в венгерской русистике переведена на венгерский язык вся эта лексика (русский мат). Она занимает в словаре И. Феньвеши много места; соответствующие словарные статьи в словаре являются полными, содержательными. Безусловно, тот, кто говорит на сленге, употребляет и обсценные слова (о соотношении сленга и обсценных слов см. также: Péter 1999, с. 32–33, Петер 2003, с. 464).

В отличие от сленговой лексики, которая **еще** не кодифицирована (она пока только претендует на эту кодификацию), обсценная лексика **уже** кодифицирована – со следующим результатом: названия органов испражнения, самого испражнения и его продуктов, а вместе с ними и названия половых органов и связанных с ними действий, – **нельзя** употреблять в общении, потому, в частности, что эти названия оскорбляют собеседника. Не важно, что эта кодификация не является письменной, а только устной. Ведь и обычная, нейтральная лексика тоже не вся зафиксирована в толковых словарях. Язык – это прежде всего устная кодификация (в языковом

опыте, в традиции говорящих), а уж затем и письменная кодификация (которой говорящие могут даже и не пользоваться).

Обсценная лексика обычно оценивается как «нецензурная». Именно такой она выступает в уголовном кодексе. Когда человек, оскорбленный обсценными словами, подает на собеседника в суд (в последнее время, в связи с широким распространением сленга, а вместе с ним и «ругательных» слов, это происходит часто), то в суде не возникает проблем в связи с тем, оскорбительны эти слова или нет, и суд однозначно решает дело в пользу истца.

«Кодификация» лексики имеет прежде всего два исхода: 1) «так можно говорить» (обычная нормативная лексика), 2) «так нельзя говорить» – обсценные слова (а также лексика с пометой «грубое» в толковых словарях). Напротив, «некодифицированная» лексика – это лексика, еще не получившая ни одной из этих двух кодификаций. Обычно это новая лексика, только что пришедшая в общее употребление, например из сленга или другого языка. Термин «ненормативный» означает «не соответствующий норме (употребления, поведения, этикета)», в связи с чем обсценная лексика, конечно же, является «ненормативной».

Короче, в словаре сленга, описывающем некодифицированную лексику, возможно, и не должно бы быть кодифицированной обсценной лексики. Однако нет оснований для того, чтобы критиковать словарь за то, что в нем оказалась обсценная лексика. Именно носители сленга эту лексику прежде всего и употребляют. Если уж поэтому и включать эту лексику в какой-либо словарь, то более уместно включать ее именно в словарь сленга, хотя она может описываться и отдельно, – не для «широкой публики», а, например, в «научных целях».

Что касается всей остальной лексики, образующей состав обсуждаемого словаря, то она, в целом, насколько мы можем судить, вполне отвечает названию словаря – является сленговой лексикой, общей для всех отдельных групповых сленгов, жаргонов, арго.

Состав словаря. Как сказано в Предисловии, в словаре имеется около 13 тысяч словарных статей с описанием в них около 16 тысяч слов и более 3 тысяч фразеологизмов. Все русские слова, со всеми их возможными (выделенными в словарной статье) значениями, переводятся на венгерский язык, по меньшей мере посредством нормативных венгерских слов, но в большинстве случаев также и посредством венгерских сленговых слов. Несомненно, что перед нами фундаментальное исследование русского сленга и в соответствии с русским – также и венгерского сленга, выполненное применительно к данным двум языкам впервые в мировой лексикографии.

В 90% случаев (утверждает автор словаря) описывается сленг, относящийся к последним двум десятилетиям (80–90-ые годы), даже (подчер-

кивает автор) – к последним полутора десяткам лет, начиная с 1985 года, когда в России и Венгрии, в связи со сменой общественно-экономического строя, активизировалась лагерная, уголовная, воровская и другая лексика из узких социальных и профессиональных групп, – оформляясь в общеупотребительный сленг и претендуя на кодификацию (см. об этих изменениях: Péter 1997). Заметим, что сленг всегда, в большей или меньшей мере, сопутствует истории общества, и на его материале можно даже писать историю этого государства, см. Fenyvesi 2002 (ср.: русская история на материале русских анекдотов – другой, не менее развитой разновидности русского народного творчества, см., в частности: Lendvai 1996).

Описание русского сленга в словаре. Каждая русская сленговая единица, помимо ударения и грамматической характеристики, получает в словаре, в большинстве случаев, также социологическую и стилистическую характеристику. Обязательным является толкование ее значения – на венгерском языке, что, собственно говоря, и составляет перевод ее на венгерский язык, сначала – на нейтральный венгерский язык, затем, если есть венгерский эквивалент, и на венгерский сленг. Таким же способом объясняются (и переводятся) и фразеологические единицы. Ценной частью словарной статьи является иллюстрация употребления сленговой единицы в тексте, что дополнительно проясняет читателю и значение данного слова. Чаще всего это цитаты из художественной литературы. В конце словарной статьи иногда дается и этимология (например, словообразование) сленгового слова, объясняющая его значение. Приведем пример одной словарной статьи:

Мани fn nem rag *alv* PÉNZ, máni. – *Мани делаю. – Это в смысле титимити*? (Богд.).

Как можно видеть, кроме сленгового слова *мани,* с указанием его ударения и грамматики (несклоняемое существительное общего рода – fn nem rag) следует указание на происхождение этого слова (социологическая помета) – из «языка преступного мира» *(alv),* после чего на венгерском языке толкуется значение этого слова («деньги»), сначала – посредством нейтрального венгерского слова (pénz), а затем и посредством венгерского сленгового слова (máni). В заключение приводится цитата из русского художественного текста с употреблением данного сленгового слова. Стилистическая помета у слова *мани* отсутствует, что должно означать, что это слово в данном отношении «нейтрально». Надо понимать – нейтрально внутри сленга, а не по отношению к литературным словам, в связи с которыми, оно, по определению, является экспрессивным, как и все сленговые слова.

Социологические пометы в словарной статье очень многообразны, например: «язык преступного мира», «лагерный язык», «жаргон проституток», «употребление наркоманов» и т. д. Всего таких помет – свыше 30-ти.

Есть в словаре и «ареальные» пометы, например: «южнорусское», «ленинградское», «санкт-петербургское», «одесское» и др., – указывающие, однако, не на территориальные народные говоры, а на городское просторечие, т. е. по сути дела имеющие тоже социологический характер.

Надо, однако, подчеркнуть, что хотя, как уже замечено, в словаре много слов, еще не вошедших в общее употребление, в целом словарь является словарем общеупотребительного сленга. В таком случае социологические пометы указывают уже не на принадлежность слова к той или другой узкой социальной группе, а на **происхождение** этих слов. Другое дело: надо ли в общем словаре синхронического характера расставлять пометы диахронического характера? Как известно, в обычных толковых словарях указание на происхождение толкуемых слов отсутствуют.

Мы полагаем, что социологические пометы (диахронического содержания) в общих синхронических словарях сленга, все-таки, должны иметь место. Во-первых – потому, что сленговые слова в этих словарях еще не «остыли» от своего узко группового употребления. А во-вторых – потому, что эти слова, в отличие от слов в толковых словарях, еще не кодифицированы. Указание на происхождение этих слов может оказаться полезным при возможной их кодификации. Так, слова с происхождением «жаргон музыкантов», «язык школьников» и т. п. скорее всего могут получить позитивную кодификацию, а слова с происхождением «язык воров», «тюремный жаргон» и т. п. – негативную кодификацию, будучи, например, снабженными пометой «груб.».

В итоге, расставляя социологические пометы, автор сленгового словаря работает как бы уже на будущее – подсказывает будущим кодификаторам сленга возможные стилистические (уже не социологические) пометы (при условии, конечно, если эти сленговые слова когда-нибудь попадут в литературный язык).

Стилистические пометы в словаре. Стилистические пометы в словаре И. Феньвеши менее разнообразны, чем социологические. Дело в том, что с этой точки зрения труднее квалифицировать сленговые единицы. По сути дела, составитель словаря в этом случае берет на себя задачу предложить будущим кодификаторам сленга возможную стилистическую квалификацию этих слов, на случай их возможного вхождения в нормативную лексику. Стилистические пометы в словаре сленга тоже, таким образом, как и социологические пометы, имеют диахронический характер. В самом сленге такие нормативы, как «разг.», «простор.», «ирон.» и т. д. вряд ли могут иметь места, даже если и считать, что сленг образует строгую систему (ср. Péter 1997: 32–32).

Используемые в словаре И. Феньвеши пометы (по аналогии с тем, как это делается с пометами литературного языка) можно расположить в порядке – начиная с совершенно «невинных» стилистических оттенков («прост.», «разг.», «шуточное», «ирония») и кончая стилистическими оттенками, которые уже оскорбляют собеседника: «пренебр.», «грубое», «ругат.». В последнем случае стилистические оттенки тоже в разной степени оскорбительны. Так, слова с оттенком «ругат.» (обсценные слова) настолько грубые, что в кодифицированной речи, как известно, их нельзя ни произносить, ни писать. Слова с оттенком «грубое» тоже оскорбительны. За их публичное употребление тоже иногда подают в суд на собеседника.

В отличие от социологических помет, характеризующих прошлое (происхождение) общеупотребительного сленга, являющихся достаточно точными и определенными, – стилистические пометы, характеризующие будущее общеупотребительных сленговых слов (если они войдут в нормативный язык) не могут быть точными. В самом деле, что значит в сленговом словаре помета «простор.», если весь общеупотребительный сленг – это, по сути дела, просторечие (или даже вовсе не просторечье)? Что значит помета «разг.», свидетельствующая о нормативности данного слова, если сленг вообще не является нормативной лексикой? Что значит в сленговом словаре отсутствие стилистических помет? Как известно, в нормативном словаре это означает нейтральность слова в стилистическом отношении. Но в сленге каждое слово по определению (см. выше дефиницию сленга) «экспрессивное», а значит – не может быть нейтральным в стилистическом отношении. Кроме того, нейтральная помета (отсутствие пометы – нулевой знак) имеет смысл только тогда, когда лексика в стилистическом отношении представляет собой систему. Вряд ли о сленге можно сказать, как о строгом системном образовании в стилистическом аспекте.

Стилистика – это категория нормативного, исторически сложившегося литературного языка (Лингвистический энциклопедический словарь 1990). Стилистические пометы в словаре ненормативного сленга имеют смысл как «предложения на будущее» – на случай, если некоторые сленговые слова войдут в литературный язык.

Словарь русского сленга – это словарь слов, находящихся в настоящее время после долгих лет «герметики» («скрытого» состояния: 30–70-ые годы и сравнительно недолгих лет «кинетики» («раскрытия», благодаря прежде всего «лагерной литературы»: 80-ые годы), в очень бурном современном состоянии «раблезианского комплекса» (Елистратов 2000). С лингвистической точки зрения, это означает **развитие** современного сленга – с очень выраженными в нем диахроническими осями: 1) **из прошлого** в настоящее – что описывается в словаре сленга посредством социологических помет (в принципе уже потерявших свое прямое, социоло-

гическое содержание); 2) из настоящего в **будущее** – что описывается в словаре стилистическими пометами, которые, однако, еще не приобрели своей актуальности, являются еще гипотетическими.

Приведем пример, выразительно свидетельствующий о том, что в настоящее время русский сленг действительно, широко употребляясь, активно претендует на кодификацию – чтобы стать нормативной лексикой.

В журнале «Вестник МАПРЯЛ» (2003, 4, с. 64–65) было опубликовано сообщение о том, что в одном городе сотрудники милиции обратились в суд на журналистов, употреблявших в газете слово *мент*, которое, по мнению милиционеров, оскорбляет их честь и достоинство. Суд, однако, признал, что это слово оскорбительным уже не является и отклонил иск милиционеров. В качестве экспертов в суде выступали профессора-филологи, одни из которых заключали, что слово *мент* давно стало нейтральным, а другие – связывали стилистическое значение данного слова с условиями его употребления. Так, в определенном контексте это слово вполне может быть нейтральным (именно в таком контексте, утверждали эксперты-филологи, употребляли это слово журналисты), но вне контекста – оно чаще всего оскорбительно, как это и помечено в русских словарях сленга (в том числе и в словаре И. Феньвеши): «из воровского жаргона».

Таким образом, претендуя на кодификацию, проходя эту кодификацию, сленговые слова не сразу таковыми (кодифицированными) становятся. Сначала они приобретают кодификацию при наличии определенных контекстов употребления, а затем могут получить кодификацию и в любом контексте (т. е. и вне контекста).

В целом же, в отношении кодификации, лексика всего национального языка, по-видимому, может быть систематизирована следующим образом:

Тенденция здесь следующая. Некодифицированный сленг из группового (социального, профессионального и др.) становится общеупотребительным сленгом, претендуя на кодификацию. Кодифицируясь, он становится либо нормативной лексикой (приобретая оценочные, стилистические нормативы: «груб.», «разг.», ирон.», «нейтр.» и др.), либо ненормативной, не допустимой в употреблении, например сленговые слова и выражения, образованные от ненормативных, обсценных слов).

В заключение, в отношении стилистических помет «прост.», «разг.», «ругат.», «нейтр.» (отсутствие пометы) – нельзя сказать, что они в сленговых словарях, в том числе и в словаре И. Феньвеши, используются точно. Причина здесь совершенно объективная. Составители сленговых словарей имеют дело с таким материалом, который в принципе невозможно точно квалифицировать, тем более в стилистическом аспекте.

Перевод на венгерский язык. Перевод сленга с одного языка на другой представляет собой невероятно сложную задачу. Однако имеется небольшой круг понятий (наиболее употребительных), которые в двух языках имеют точные эквиваленты, например некоторые понятия из воровского жаргона: *пушка* (пистолет) – ágyú, *телятник* (вагон для перевозки заключенных) – bocipullman и др. Эквивалентны сленговые слова и тогда, когда они в обоих языках представляют собой заимствования из одного и того же, например английского, языка, например: *мани* (деньги) – máni.

Но если русский сленг обозначает реалии, которые отсутствуют в венгерской действительности, то перевод этих слов на венгерский язык посредством одних лишь сленговых слов невозможен. Поэтому автор словаря переводит такие слова посредством нейтральных венгерских слов, часто с пространным описание русских реалий, например: *ампула* (поллитровка водки) – félliteres üveg vodka; *закусить рукавом, закусить мануфактурой* (из-за отсутствия закуски, ограничиться тем, что – вытереть губы рукавом) – ital-korty után falatozás helyett csak a kabátujját szagolja meg v. abba törli bele a száját.

Однако и при наличии общей понятийной основы в двух языках тоже трудно бывает во втором языке найти эквиваленты. И. Феньвеши объясняет это (см. Fenyvesi 1998. 131), во-первых, недостаточной изученностью венгерского сленга по сравнению с русским сленгом.

Во-вторых, даже при наличии общего для двух языков сленгового «поля» понятий, эквивалентный перевод не всегда возможен, из-за несовпадения значений сленговых слов, «покрывающих» это поле в двух языках. Так, в русском языке есть целый набор сленговых слов, «покрывающих» понятие «портвейн» *(порт, портвагин, портвейнгеноссе, портвейчок, портвешок, портвик, портик, портогаз, портвяга, портягя)*. И. Феньвеши пришлось переводить эти слова все сразу путем описания понятия с помощью дефиниции: rosszminőségű, olcsó és erős vörös desszertbor (низкокачественное, дешевое и крепкое десертное красное вино). Разумеется, в таком случае вся экспрессивная «надстройка» над семантическим понятием русских слов со значением «портвейна» остается не переданной на венгерском языке. Эту «надстройку» могут почувствовать только те венгерские пользователи словаря, которые уже вполне владеют русским языком. Они извлекут эту экспрессивную информацию из словообразовательного состава русских сленговых слов, а также из иллюстрации употребления этих слов в тексте, которая дается здесь же в словарной статье.

В другом месте (Fenyvesi 1998-a. 131) И. Феньвеши замечает, что в венгерском языке есть аналогичное «поле» со значением «вино», тоже называемое целым набором венгерских сленговых единиц (nagyfröccs,

házmester, hosszúlépés). Однако поставить эти венгерские слова в соответствии с вышеперечисленными русскими словами (считает И. Феньвеши) невозможно, так как в венгерском языке они характеризует алкогольный напиток несколько в другом аспекте («вино, разбавленное водой»).

В-третьих, трудно дать сленговые эквиваленты при переводе бывает еще и потому, что вся сленговая лексика, относящаяся к определенной сфере употребления, оказывается в двух языках в «неравных условиях»: 1) либо по причине неизученности ее в одном из языков (например, русский солдатский сленг изучен хуже, чем венгерский; напротив, русский сленг наркоманов изучен лучше венгерского, и т. д.); 2) либо по причине большого количества сленга в одном языке и меньшего количества – в другом. К последнему случаю относится обсценная лексика, которая активно используется в повседневной коммуникации русских (Fenyvesi 1998, с.128), вследствие чего ее оказывается больше, чем в венгерском языке (впрочем, венгерский мат специально, как кажется, еще не описан). В результате точные переводы этой русской лексики на венгерский язык затруднены, за исключением сравнительно небольшого числа корневых слов.

Задача перевода сленга с одного языка на другой сложна даже тогда, когда перевод осуществляется с использованием нейтральных слов, ведь и в этом случае переводчику надо точно знать значение переводимой им сленговой единицы.

Насколько мы можем судить, автор рассматриваемого переводного словаря, переводя русский сленг на венгерский язык, максимально реализовал свои субъективные и объективные возможности. Три четверти сленговых единиц И. Феньвеши перевел на венгерский язык с использованием не только венгерских нейтральных слов, но одновременно и венгерских сленговых единиц (см. об этом: Феньвеши 1996, с. 202). На наш взгляд, это очень высокий показатель для переводных сленговых словарей.

Обратный перевод на русский язык. Обратный, венгерско-русский словарь, составленный И. Феньвеши, представляет собой дополнение к прямому, русско-венгерскому словарю. Это индекс венгерских нормативных слов (с опущением всех ненормативных, в том числе и обсценных венгерских слов), которым в соответствии поставлены списки всех русских ненормативных, в том числе и обсценных слов, с общим значением, выраженным посредством венгерского заглавного слова.

Венгерский пользователь словаря, быстро найдя русские сленговые слова по их значению (по значению венгерского слова), в случае необходимости, может сразу же обращаться к прямому, русско-венгерскому словарю – и получать там всю необходимую информацию о русских сленговых словах, узнав о каждом из них 1) его происхождение,

2) его стилистическое значение, 3) его употребление в соответствующем контексте, 4) его этимологию (во многих случаях).

Обратный, венгерско-русский словарь сленга, составленный И. Феньвеши, представляет собой не что иное, как русский синонимический словарь сленга – с объяснением слов (а также и фразеологизмов), входящих в образовавшиеся синонимические ряды, на венгерском языке. Например:

> Pénz – *аржанты*, *бабашки*, *балоны*, *башли*…; bűnös eredetű pénz - *грязные деньги*…И т. д.

Если в таком словаре венгерское слово, возглавляющее синонимический ряд русских сленговых слов, заменить на русское слово, такое же нейтральное (и если опустить перевод на венгерский язык русских сленговых фразеологизмов), – то получим чисто русский синонимический словарь сленга, в котором значение синонимических рядов уже формулируются с использованием русских нормативных слов, например:

> **Деньги –** *аржанты*, *бабашки*, *бабки*, *бабульки*, *балоны*, *башли*…; *грязные деньги*… И т. д.

Синонимы, входящие в подобные синонимические ряды, можно снабдить социологическими и стилистическими пометами, указав тем самым на происхождение данного члена сленгового синонимического ряда, а также на его возможную характеристику, если это слово (часто используясь в общем употреблении), подвергнется кодификации. Все эти пометы уже имеются в русско-венгерской части словаря – их остается только перенести в образовавшиеся во второй, венгерско-русской части синонимические ряды. Получается русский синонимический словарь сленга – с описанием в нем синонимов в соответствии со всеми лексикографическими правилами составления синонимических словарей. По-видимому, это будет первый в лексикографической практике русский **синонимический** словарь сленга.

Помогло И. Феньвеши выйти на этот словарь та счастливая возможность, что ему, переводя венгерские слова на русский язык сленга, пришлось переводить венгерское слово не одним русским словом, а целым множеством этих слов, оказавшихся, в результате, с одним общим значением, выраженным посредством одного венгерского слова.

Сомневаемся, что на такую счастливую возможность (составление русского синонимического словаря сленга) можно так же быстро выйти – не выходя из русского языка в другой язык. Потребовалось бы сразу толковать значение синонимического ряда – «переводить» его на тот же

самый русский язык, что совсем не так удобно, чем – предварительно перевести этот синонимический ряд на другой язык. Полагаем, что И. Феньвеши следует довести начатое дело до конца – составить (в Венгрии, а не в России) первый русский синонимический словарь сленга.

Практическое значение словаря. Когда сленг из узко группового средства общения превращается в общенациональное средство, как это имеет место в настоящее время в России и Венгрии, – он становится предметом активного лингвистического исследования.

На **первом этапе** это исследование представляет собой составление словарей сленга применительно к каждому отдельному национальному языку. Можно отметить появление большого количества сленговых словарей русского языка в России (см. об этом: Феньвеши 1996); появление сленговых словарей венгерского языка (см. об этом: Szlengkutatás 1 (1997), 3 (1999). Практическое значение этих словарей состоит в том, что они знакомят широкую публику с точными значениями общеупотребительного сленга, см., например, словарь: Ермакова и др.1999.

На **втором этапе** описания сленга – появляются переводные словари, которые перекидывают мостики от сленга одного национального языка к сленгу другого национального языка (подобно тому как подобные мосты строили составители нормативных словарей). Словарь И. Феньвеши находится на втором этапе описания русского сленга. И. Феньвеши идет дальше, чем составители словарей одного русского сленга, одного венгерского сленга, – он ставит в соответствие эти два сленга, по возможности, в однозначное, эквивалентное соответствие.

В какой мере словарь И. Феньвеши охватывает весь сленг русского языка (а также и венгерского языка) судить точно трудно. Даже о самых больших сленговых словарях одного русского языка трудно сказать, в какой мере они приближаются к пределу, называемому «весь сленг». Ведь помимо общеупотребительных сленговых слов, в таких словарях, даже если специально ставится цель не допускать в эти словари узко употребительные сленговые слова, – эти последние все равно оказываются в словаре. Отграничить общеупотребительную лексику от узко употребительной крайне трудно. Однако надо утверждать, что словарь И. Феньвеши – достаточно полный словарь русского сленга. В самом деле, 16 тысяч слов и 3 тысячи фразеологизмов – это действительно большой объем.

Как переводной – словарь И. Феньвеши предназначен выполнять, в целом, те же самые функции, которые выполняют обычные переводные словари – обеспечивать перевод текстов с русского языка на венгерский и с венгерского на русский в той области перевода, которая приходится на сленговую по происхождению русскую лексику. Словарь И. Феньвеши поможет переводить на венгерский язык, например, современную русскую

художественную и публицистическую литературу, «переполненную» сленговыми словами и выражениями.

Осуществляемые до сих пор подобные переводы этой литературы на венгерский язык (как показывает анализ самого И. Феньвеши: Fenyvesi 2000, Феньвеши 2002), не всегда удовлетворительны. Многие русские сленговые слова либо оставались непереведенными на венгерский язык, либо переводились неправильно, либо если и переводились правильно – то с помощью нейтральной венгерской лексики; эквивалентные же переводы (когда русское сленговое слово переводится венгерским сленговым словом) представляли собой редкое явление. Теперь же, при наличии словаря И. Феньвеши, венгерские переводчики вполне могут выходить из затруднительного положения, так как большинство русских сленговых слов они найдут в этом словаре.

Так, взяв сборник стихов В. Высоцкого (этот автор активно переводится в Венгрии уже вторым поколением переводчиков), найдя в нем сленговые лексемы (*вышка, врезали, чинарик, умотал* и др.), – мы для подавляющего большинства этих лексем нашли перевод в словаре И. Феньвеши.

Вывод состоит в том, что словарь И. Феньвеши – достаточно полный сленговый словарь, благодаря чему он сможет оказать большую практическую помощь венгерским переводчикам с русского языка, а также и в подготовке венгерских переводчиков (Йонаш 2004). Несомненно, что этот словарь уже поэтому – важное событие в венгерской русистике. Но это большое событие также и в теоретическом аспекте. При составлении словаря автору пришлось решать целый ряд теоретических вопросов: понятие сленга, принципы описания сленга в словаре, проблемы перевода на второй язык и т. д.

В связи с нашей рецензией на словарь И. Феньвеши (Федосов 2004), между рецензентом и автором словаря произошел разговор (в письмах), который касался прежде всего разграничения понятий «разговорная речь», «просторечье», «сленг» и «обсценная лексика»: исключают ли друг друга эти понятия или последовательно включают друг в друга. Ср.: 1) каждое предшествующее понятие включает в себя последующее понятие; 2) каждое последующее понятие исключается из предшествующего понятия:

1. Разг. (прост. (сленг (обсцен.))).
2. Разг. (прост.) (сленг) (обсцен.).

В 1-ом случае сленг включает в себя обсценную лексику; именно такой сленг описывается в словаре И. Феньвеши. Во 2-ом случае обсценная лексика исключается из сленга. Именно на этом настаивает проф. М. Пе-

тер. Впрочем, аналогичное можно утверждать и о просторечье: включает ли оно в себя сленг или исключает? Входит ли само просторечие в разговорную речь или нет? При лингвистическом подходе все эти понятия рассматриваются независимо. Но «рядовые» говорящие, осуществляя коммуникацию, так не могут поступать: употребляя просторечие, они используют и сленг; да и сленг в коммуникации невозможно использовать вне просторечия.

Словарь сленга, составленный И. Феньвеши, привлек к себе внимание как венгерской, так и русской общественности, о чем свидетельствует множество рецензий на этот словарь. В Российском культурном центре в Будапеште состоялось (18 февраля 2006 года) широкое обсуждение этого словаря. Докладчиками выступали М. Петер и автор настоящих строк. М. Петер говорил об актуальности проблемы сленга после «смены системы» – в период общего снижения литературного стандарта; говорил об основных чертах сленга: общая распространенность, экспрессивность, нонконформизм. Подробно остановился М. Петер на необходимости отграничения сленга от обсценной лексики. Второй докладчик непосредственно характеризовал словарь И. Феньвеши. Этот словарь – настолько обстоятельное описание сленговой лексики, что после такого описания может встать задача описания и сленговой грамматики. Когда-то, описывая просторечье, лингвисты полагали, что просторечье – это только лексика. Но в дальнейшем оказалось, что у просторечья есть и синтаксис. Надо полагать, что и у сленга есть «грамматическая система», которая составляет дальнейшую задачу в исследовании сленга.

Литература

Бельчиков Ю. А. Просторечие. – Лингвистический энциклопедический словарь. Ред В. Н. Ярцева. Москва 1990. с. 402–402.

Большая советская энциклопедия. Статьи: «арго» (т.2), «жаргон» (т.9), «сленг» (т. 32). Москва 1976.

Вестник МАПРЯЛ. Вестник Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы. Москва, № 4, 2000.

Елистратов В. С. Словарь русского арго. Материалы 1980–1990 гг. Послесловие (с. 574–692): Арго и культура. Москва, 2001.

Ермакова О. П., Земская Е. А., Розина Р. И. Слова, с которыми мы все встречались. Толковый словарь общего русского жаргона. Рук. Р. И. Розина. Москва, 1999.

Йонаш Э. Работа венгерских студентов с «Руско-венгерским и венгерско-русским словарем сленга». – Вестник Филиала института русского языка им. Пушкина. Будапешт, 2004. с. 125–145.

Карпова Е. В. Рец. Fenyvesi István. Orosz–magyar és magyar–orosz szlengszótár. Budapest, 2000. – Slavica Segediensia 5. – Ред. Й. Крекич. Сегед, 2005. с. 303–306.

Лингвистический энциклопедический словарь. Ред. В. Н. Ярцева. Москва, 1990.

Петер М. Рец. И. Феньвеши. Русско-венгерский и венгерско-русский словарь сленга. Budapest, 2001. – Studia Slavica Hung. 48, 2003. pp. 461–464.

Степанов Ю. С. Стилистика. Стиль. – Лингвистический энциклопедический словарь. Ред В. Н. Ярцева. Москва, 1990. с. 492–495.

Федосов В. А. Проблемы описания русского сленга (в русско-венгерском и венгерско-русском словаре сленга» И. Феньвеши. Будапешт, 2001). – Slavica XXXIII. – Debrecen, 2004. pp. 71–87.

Budai Júlia. Rec. Fenyvesi István. Orosz–magyar és magyar–orosz szlengszótár. Budapest, 2001. Studia Russica XXII. Budapest, 2015. pp. 313–315.

Chapman, R. L. Mi a szleng?. Перевод с англ. – Szlengkutatás 3. Sorozatszerk. Kiss Tamás. Debrecen 1999. pp. 273–279.

Domasnyev, A. Társalgási nyelv, szleng, zsargon. [Русский язык, сленг, жаргон]. – Szlengkutatás 3. Sorozatszerk. Kiss Tamás. Debrecen, 1997. pp. 492–495.

Jelisztratov Vlagyimir. Szleng és kultúra. [Сленг и культура]. Fordította Fenyvesi István. – Szlengkutatás 2. Sorozatszerk. Kiss Tamás. Debrecen, 1996.

Lendvai Endre. Közelkép a verbális humorról (orosz–magyar–angol) [Взгляд на вербальный юмор]. Budapest, 1996.

Lutz, D. W. Zsargon. Перевод с англ.– Szlengkutatás 3. Sorozatszerk. Kiss Tamás. Debrecen, 1999. pp. 273–279.

Péter Mihály. Húsz év múlva. Régebbi és újabb gondolatok a szlengről. [Сленг через двадцать лет. Старые и новые мысли о сленге]. – Szlengkutatás 3. Sorozatszerk. Kiss Tamás. Debrecen, 1997. pp. 25–39.

Szlengkutatás 1. (Исследования по сленгу). (1997), 2 (1998), 3 (1999). Sorozatszerk. Kiss Tamás. Debrecen.

3.3. Венгерская лексика в русском языке (А. Холлош, И. Хорват)

Исследования А. Холлоша

Венгерская лексика в русском языке описана прежде всего в книге проф. Будапештского университета Аттилы Холлоша:

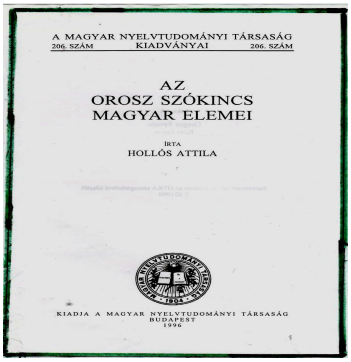
Hollós Attila. Az orosz szókincs magyar elemei. [Венгерские элементы в русском словарном составе]. – A Magyar Nyelvtudományi Társaság Kiadványai, 206. szám. Budapest, 1996. pp. 1–114.

В предисловии к своей книге А. Холлош пишет, что над ней он работал более 30 лет. С благодарностью отзывается автор об одном из самых известных специалистов в этой области – проф. Э. Балецком, оказавшем ему неоценимую помощь. С большим уважением пишет А. Холлош о профессорах Ленинградского университета И. И. Лаврове и А. И. Попове, от которых он получал советы относительно источников материала.

А. Холлош признает, что тема его исследования чрезвычайно сложная. Прежде всего – в **сборе материала**. Дело в том, что венгерские слова напрямую, непосредственно обычно не попадали в русский язык. Они приходили в русский язык окольными путями, предварительно «пострaнствовав» по другим языкам, прежде всего славянским. Иногда эти слова снова возвращались в венгерский язык, принося с собой новые оттенки в своих значениях (*гусар, паприка* и др.). Автор отмечает, что закономерности опосредованного, непрямого заимствования слов из одного языка в другой, вопросы определения **языка-посредника** остаются до сих пор малоисследованными. А. Холлош – один из немногих, кому пришлось идти по этому трудному пути и сделать очень многое.

История вопроса. История изучения в Венгрии темы «Венгерские слова в русском языке», к сожалению, не очень обширная (не смешивать с другой темой, более обширной: «Русские слова в венгерском языке», например: Erdődi 1949, 1953, 1955, Rot 1973, Cac 1973, Zoltán 1993 и др.). Пионером в области изучения венгерских слов в русском языке А. Холлош считает Я. Мелиха, который в 1899 году по командировке венгерского министерства учился полгода в России, а вернувшись, описал русскую «гусарскую» лексику: *ментик, венгерка* и др. Однако основными, даже обобщающими работами по теме «Венгерские слова в русском языке» А. Холлош считает работы Й. Эрдёди, опубликованные значительно поз-

же: Erdődi 1952, 1953. Называет А. Холлош и работы других венгерских авторов: Э. Трочани (Trócsányi 1951), Л. Кишш, Э. Урхеди.

A MAGYAR NYELVTUDOMÁNYI TÁRSASÁG
206. SZÁM KIADVÁNYAI 206. SZÁM

AZ
OROSZ SZÓKINCS
MAGYAR ELEMEI

ÍRTA
HOLLÓS ATTILA

KIADJA A MAGYAR NYELVTUDOMÁNYI TÁRSASÁG
BUDAPEST
1990

Проф. Аттила Холлош,
Будапештский университет

Необходимо добавить, что главной в этом ряду венгерских исследований по теме «Венгерские слова в русском языке» является, конечно, книга А. Холлоша, выделяющаяся среди других работ не только своим объемом, но и качеством исследования, обусловленным прежде всего большим количеством использованных источников, делающих работу научно аргументированной.

А. Холлош пишет, что он начал собирать русские слова, являющиеся венгерскими заимствованиями, еще в 1963 году, когда учился в Москве и Ленинграде. Уже тогда он нашел около 60 таких слов. Затем было несколько дополнительных командировок в Москву, где автор имел возможность обстоятельно изучить наиболее объемистые русские словари: 17-томный словарь русского литературного языка, 15-томный исторический словарь русского языка, 26-томный словарь русских народных говоров и др. Словарные материалы автор проверял по источникам, на которые ссылались словари. Расширял цитаты, в которых употреблялись слова – венгерские заимствования в русском языке. Использовались и другие, независимые от словарей печатные источники. Последние изучались автором уже не только в Москве, но и затем в Будапеште. Так, уже в Будапеште автор обнаружил, что в русском языке употребляются и такие венгерские заимствования, как *гомб* (пуговицы на плечевом шнурке гусарской одежды), *шейтаж* (шнуры разных цветов для украшения пижамы, а также женской одежды) и др. Большую работу по уточнению состава венгерских

заимствований в русском языке автор провел во время написания и подготовки к защите своих двух диссертаций.

Заметим, что из всех источников изучения венгерских заимствований в русском языке – самыми надежными являются, конечно, **словари.** Наличие слова в словаре означает. что это слово уже вошло в русский язык, что оно уже является русским словом. Присутствие слова в **тексте,** например русской художественной литературы или какого-либо исторического сочинения, еще не означает, что данное слово является русским словом – венгерским заимствованием. Не подтвержденное наличием в словаре, это слово может оказаться венгерской цитатой (вкраплением) в русском тексте. Поэтому особой ценностью обладают те словарные статьи в книге А. Холлоша, в которых делаются ссылки на словари. И таких словарных статей в книге А. Холлоша – подавляющее большинство.

Предмет описания. А. Холлош в своей книге описал 175 венгерских **заимствований** в русском языке, обстоятельно проследив пути проникновения заимствования этих слов из венгерского языка в русский, сформулировав значения этих заимствований, охарактеризовав одновременно все производные слова, которые появились уже на русской почве, оформив гнезда таких слов, объединив эти гнезда в отдельные словарные статьи, в которых наиболее ценную часть составляют цитаты с употреблением слов – с указанием источников, откуда взяты эти цитаты.

А. Холлош не описывает в своей книге **собственные** венгерские имена, употребляющиеся в русском языке: личные имена *(Иштван)* и географические названия *(Балатон)*, – утверждая, что эти слова имеют специфику – составляют особую область употребления в русском языке, а следовательно, особый предмет для описания (ср. специальное описание венгерских топонимов и их дериватов в русском языке: Hajzer 1999). При этом, конечно, А. Холлош последовательно различает омонимию типа: 1) *Токай* – географическое место в Венгрии (такие слова А. Холлош не описывает), 2) *токай* – сорт венгерского вина (такие слова входят в предмет описания у А. Холлоша).

Исключает из своего описания А. Холлош и те венгерские слова, которые являются **окказиональными** в русской речи (в русских текстах), слова, которые у других лингвистов называются «варваризмами», «экзотизмами» «вкраплениями», «словами-цитатами». В качестве примера А. Холлош приводит слово-цитату *соронгаш* (теснота, тесная одежда) из русскоязычной газеты, издающейся в Будапеште (см. ниже работу Хорват 2000, в которой описываются в основном именно такие слова-цитаты).

Венгерские слова в русском языке, без различения, какие из них являются словами-цитатами, какие – венгерскими собственными именами, а какие – уже вполне русскими словами, – описываются, например, в кни-

гах: Гундель 1999, Барт 2005, – с дифференциацией венгерских слов (и не только собственно венгерских слов) уже по тематическому признаку.

Итак, предметом описания в книге А. Холлоша являются не окказиональные венгерские слова в русском языке, не собственные имена (личные и географические), а – «настоящие» слова-заимствования.

Добавим, что заимствоваться из одного языка в другой могут не только слова в целом, но и части слова – морфемы, фонемы, значения слов. Но контакты русского языка с венгерским не были столь интенсивными, как, например, контакты с немецким, французским, английским языками, поэтому морфемы, тем более – фонемы из венгерского языка в русский не заимствовались. Не заимствовались и значения венгерских слов. Например, такая венгерская реалия, как лечо, при ее заимствовании, не была названа русским словом *перец*, а использовалась вместе с ее венгерским названием – *лечо*. Получается, что и в этом случае заимствовалось слово в целом (значение вместе со звучанием).

В словарной статье А. Холлош описывает не только исходное слово, которое было заимствовано русским языком, но и все производные слова, образовавшиеся уже на русской почве, например: *гарцевать* (сражаться; танец с лошадью) – исходное слово; производные слова: *погарцевать* (совершенный вид), *гарцование* (существительное-действие). Получается, что венгерским здесь является не слово в целом, а только корень слова: *гарц-*, сопровождаемый в русском языке обязательно какими-нибудь аффиксом – суффиксом, приставкой. Значит, заимствованием здесь является не слово, а элемент слова – корень (основа). Даже в случае такого слова, как *гуляш* (существительное) приходится говорить о заимствовании не слова, а элемента слова – корня (основы): *гуляш-* (нулевое окончание)*, гуляш-а, гуляш-у* и т. д.

Что касается фонем, то тоже можно утверждать если не о заимствовании фонем, то, во всяком случае, о таком чередовании русских фонем в заимствованном слове, причиной которого (чередования) стал состав фонем венгерского слова. Так, слово *гуляш* в русском языке в разное время и в разных местах произносилось в двух вариантах: *гуляш – гулаш.* Причиной является то, что в русском языке нет «среднего» <л>. Его приходилось передавать то мягким, то твердым <л>. Эти последние две фонемы, конечно, не являются венгерскими элементами в русском языке, но вызваны эти фонемы в русском языке несомненно венгерским фонетическим элементом.

Таким образом, название книги А. Холлоша «Венгерские элементы в русском словарном запасе» является вполне правильным. Оно отражает предмет описания в книге – венгерские слова-заимствования, заимствованные элементы русских слов (корень, основа слова, чередования фонем в слове).

Однако автор книги, а вслед за ним и рецензент (Федосов 1996), обсуждая венгерские заимствования в русском языке, обычно говорят не о заимствовании корней, основ и других элементов слова, а о заимствовании слов – о венгерских словах в русском языке. Понятно, что это отождествление слов с их элементами делается ради краткости, под «словами» обязательно подразумеваются «элементы слов», хотя, конечно, подобные выражения не являются точными.

Время и тематика заимствований. Заимствование венгерских слов (элементов слов) началось еще в древнерусском языке. Тогда венгры жили по соседству с восточными славянами и общались с ними. Это было в середине VII века. Именно в это время в древнерусском языке стали употребляться слова: *хата, корд* (короткий меч), *сабля, выжля* (легавая собака).

Многие лингвисты считают, что эти слова, тюркские по происхождению, вошли в русский язык не из тюркского языка, а из венгерского и поэтому являются венгерскими заимствованиями в русском языке (тюрк. > **венг. > рус**.). А. Холлош полагает такое мнение ошибочным и в своей книге относит эти слова в отдельный раздел под названием «Слова, ошибочно считающиеся венгерскими заимствованиями» (Hollós 1996, с. 73–80). А. Холлош пишет: если слова одновременно употреблялись и в тюркском, и в венгерском языках, то в таком случае трудно определить, какой язык сыграл роль посредника. Однако в отношении слова *шалаш* А. Холлош эту трудность решает в пользу венгерского языка: слово *шалаш* является в русском языке венгерским заимствованием. А. Холлош пишет также, что такие слова, как *шатер, чапрак* (покрывало на лошадь) пришли в русский язык из тюркского языка через венгерский, а значит, их надо считать венгерскими, а не тюркскими заимствованиями в русском языке (тюрк. > **венг. > рус**.).

Первым непосредственным заимствованием из венгерского языка в русский является слово *бан* (губернатор), широко употреблявшееся в древнерусском языке. А. Холлош приводит цитаты из Ипатьевской и Лавретьевской летописей: *бан, бановна* (дочь бана). В словарной статье, посвященной слову *бан*, А. Холлош добавляет, что это слово в венгерском языке является сербским по происхождению (серб. > **венг.** > **рус**.).

Только в XV веке, считает А. Холлош, появляются возможность для точного датирования венгерских заимствований в русском языке. Именно в XV веке в русский язык из венгерского вошли слова: *бирев* (судья), *херчег* (герцог). В XV веке сыграли посредническую роль пастухи из Валахии (Румынии), которые пасли свои стада на юге Украины и России. Они-то и принесли в русский язык из венгерского языка также и такие, например, слова, как *валах, кулеш,* сохранившиеся в южнорусских диалектах в

различных фонетических вариантах. В этом случае картина следующая: **венг.** > рум. > **рус.** (румынский язык является языком-посредником).

Самое большое количество венгерских слов принесли в русский язык венгерские солдаты. Первый большой пласт этих слов вошел в русский язык при посредстве польского и белорусского языков в XVI–XVII веках, в том числе и очень употребительных слов: *гусар, гайдук, табор, палаш, шишак* и нек. др. (**венг.** > польск. **> рус.).**

Второе большое заимствование было в XVIII веке, когда венгерские гусары (этнические сербы), служившие на юге Венгрии, переходили на службу в русские войска. В 1701 год в русской армии впервые появилась легкая кавалерия, которую составили 100 венгров (сербов и валахов). Это и были гусары. В 1711 году на службу к Петру I перешли венгры-куруцы, воевавшие против Австрии, но, потерпевшие поражение и не пожелавшие сдаваться австрийцам. Петру I понравился этот род войск, и он захотел создать целую бригаду гусар. Ракоци помог ему, направив к нему гусарского полковника, который и организовал эту бригаду – из 6 полков. Постепенно в русский язык вошли слова, называющие одежду гусар: *доломан* (вид одежды), *ментик* (гусарская мантия), *серсам* (сбруя), *шипош* (свисток) и др., а также экипировку для лошадей, которую, кстати, закупали в Венгрии: *гомб* (пуговица)*, шейтаж* (галун), *ментишкет* (ментик) и др. Эти «гусарские» термины стали широко употребляться в русском языке во время войны 1812 года, см. эти слова в сочинениях русского гусарского офицера Дениса Давыдова. Позже «гусарская» мода появилась и у женщин, например пальто-*доломан*.

Вместе с венгерскими названиями одежды через венгерский язык приходили в русский язык (пишет А. Холлош) и польские названия одежды: *бекеша, венгерка* (куртка, а также танец *чардаш*). Такие слова, по мнению А. Холлоша, тоже надо считать венгерскими, а не польскими заимствованиями в русском языке (пол. > **венг. > рус.**).

Проникали в русский язык венгерские слова и из области виноделия. Такие слова появились уже в XVI веке, но особенно их стало много в XVIII веке, когда в Токае работала комиссия по закупке вина, посланная из Петербурга от императорского двора. В это время в русский язык вошло, например, название бочки (и единицы измерения) вина – *антал.*

Русская кухня (утверждает А. Холлош) мало подверглась влиянию венгерской кухни. Венгерских слов в этой области в русском языке не очень много, например: *гуляш.* В советское время, благодаря большому импорту в СССР венгерских фруктов и овощей, в том числе и консервированных, в русском языке прочно укрепилось венгерское слово *лечо*.

Есть в русском языке венгерские названия пород собак*: командор, кувас, пули, пуми;* венгерские названия музыкальных инструментов:

канастюлёк, тарогото, тилинко. В этом случае венгерские заимствования приходили в русский язык без языков-посредников.

Как можно видеть, **время** венгерских заимствований в русском языке было очень продолжительное (с VII по XX век), **тематика** заимствований – очень разнообразная, **языков-посредников** – было много. Самый сложный из этих трех вопросов – конечно, вопрос о языках-посредниках. Даже тогда, когда язык-посредник как будто бы известен, не все оказывается ясно с языком –источником заимствования. Особенно осложняется этот вопрос, когда заимствование происходит повторно.

Повторные заимствования. А. Холлош пишет, что большинство венгерских заимствований в русском языке – это слова, предварительно побывавшие в других языках Европы. В подобных случаях определить, какой язык является для русского языка языком-источником, а какой – языком-посредником, чрезвычайно трудно. Чтобы проиллюстривать проблему, А. Холлош снова возвращается к слову *шалаш.* Благодаря валашским пастухам (пишет А. Холлош), это слово вошло в языки всех народов, с которыми валахи соприкасались, вплоть до турецкого языка. Другое венгерское слово *табор* обнаруживается в русском языке в самых разных фонетических вариантах потому. что проникало в русский язык через разные языки. Вариант *табары* вошел в русский язык через польский, вариант *табуры (табыры)* – через турецкий. И все же для всех случаев языком-источником для таких русских заимствований А. Холлош считает венгерский язык, – сылаясь на авторитет Будапештской этимологической школы (З. Гомбоц, Я. Мелих, Г. Барци, И. Книежа, Л. Хадрович), а также на Э. Балецкого, который непосредственно просмотрел историю слов, представленную в книге А. Холлоша. Языки же польский, румынский, украинский, тюркские были во всех этих заимствованиях языками-посредниками (**венг**. > др. яз. > **рус.**).

В XVIII веке активным языком-посредником стал сербский язык, когда венгерские (сербские) гусары служили на русских границах, селились на русских землях. Несомненно, что и сербские слова входили тогда в русский язык, например слово *гунцы* (кафтан), но чаще всего сербский язык был языком-посредником, в том числе и при таких «длинных» заимствованиях, как «**нем**. > венг. > серб. **> *рус.***», например: *герцог.*

В отношении слов *чардаш, гуляш, гонвед, кочи* (телега, коляска)*, шипош* (свисток), *лечо, шалаш* и др. являющимися в венгерском языке тюркскими по происхождению, имеет место дискуссия между тюркологами Венгрии и других стран. Иностранные тюркологи считают эти слова тюркскими заимствованиями в русском языке (несмотря на то, что пришли эти слова в русский язык из венгерского языка (**тюрк.** > венг. > **рус.**). А. Холлош же включает эти слова в свой словарь венгерских заимствований в русском языке (тюрк. > **венг.** > **рус**.), несмотря на то, что. как он

замечает, некоторые из этих слов, например *шалаш*, вошли в русский язык не напрямую, а через тюркские языки – через язык крымских татар (тюрк. > **венг.** > тюрк. **> рус.**).

Можно видеть, что вопрос о языке-посреднике (и языке-источнике) при заимствовании является сложным. Несомненно, что при разрешении этого вопроса надо учитывать некоторые дополнительные факторы, не только языковые, но и внеязыковые. Например, надо учитывать, как происходило заимствование самой реалии (понятия) из одного языка в другой, чья эта реалия, какого народа. Так, реалия под названием *табор*, скорее всего, – венгерская реалия, пришедшая к русским через посредство поляков. Следовательно, и название этой реалии – слово *табор* – надо считать в русском языке не польским, а венгерским словом (как это и полагает А. Холлош).

Хотя А. Холлош специально и не обсуждает роли внеязыкового фактора при определении языка-посредника (и языка-источника) при заимствовании, несомненно, что он этот фактор учитывает, тем более в случаях повторных заимствований.

Этапы заимствования. Об этапах вхождения венгерских слов в русский язык А. Холлош пишет специально. Сначала венгерское слово цитируется в русском тексте, причем в самом начале – латинскими буквами, а затем и русскими. После этого, при условии частого употребления, слово становится заимствованным. Иллюстрирует эти фазы заимствования А. Холлош на примере слова *драбант* (телохранитель; спутник; тренировочная лошадь), которое в XVI–XVII веках употреблялось в русском языке как слово-цитата *(травант, тровант, брабань)*, но во время Петра I. стало венгерским заимствованием в русском языке. Как уже сказано, А. Холлош в своей книге описывает только те венгерские слова в русском языке, которые уже стали заимствованными, однако применительно ко многим словам он указывает на их предварительную фазу – цитирование в русском тексте. Если же венгерское слово употребляется в русском языке на предварительной фазе – только как слово-цитата, например: *ур* (господин), *пинцер* (официант) и др., то эти слова А. Холлош, повторяем, в предмет своего описания не включает.

Надо заметить, что иногда непросто установить, к какой фазе относится то или другое слово в русском языке. Например, А. Холлош считает, что слово *людовикаш* (курсант военной академии в бывшей Венгрии) является заимствованным словом в русском языке – и включает его в свой словарь. Однако заимствованное слово обычно регистрируется в русских словарях – общих, диалектных, специальных. А. Холлош всегда в своих словарных статьях делает ссылки на эти словари. В случае же со словом *людовикаш* такой ссылки нет. А. Холлош ограничивается только приведением цитаты из «Венгерских рассказов» одного русского писателя, кото-

рый употребил это слово в кавычках, выделив его. к тому же, курсивом, – именно так, как обозначают в тексте слова-цитаты (вкрапления).

Без всякого сомнения, А. Холлош знает свой материал лучше, чем его рецензент, но представляется, что и «взгляд со стороны» (со стороны русского языка, а не только венгерского), тоже может иметь какое-то основание. Нам представляется, что *людовикаш* не является, все-таки, заимствованием в русском языке (это слово-цитата). Как кажется, и слово *лочолаш* (венгерский обычай, когда юноши на пасху опрыскивают водой девушек) тоже, на «взгляд со стороны», является в русском языке не заимствованием, а – лишь словом-цитатой в тексте перевода на русский язык повести венгерского писателя К. Миксата. Неслучайно, ссылки на русские словари у А. Холлоша в этом случае тоже отсутствуют.

В связи с употреблением иностранных слов стилисты часто пишут не только об обогащении речи иностранными словами, сколько о ее засорении. Представляется, что это засорение чаще всего приходится на употребление иностранных слов в фазе их цитирования (употребление варваризмов, экзотизмов, вкраплений и т. д.), но не в фазе их полного заимствования.

Проблема заимствования – это проблема диахронии языка. В синхронии эта проблема не существует. Для «рядовых» говорящих, например русских, вопрос решается просто: слово либо русское, либо не русское. Например. слово *шатер* – русское, а *соронгаш* – не русское. Вопрос о заимствовании существует, таким образом, не для рядовых говорящих, а для специалистов-лингвистов, которые, рассматривая его. переводят его в аспект истории языка. Если при этом учитываются только лингвистические критерии, то говорят о происхождении (этимологии) слова, а если учитывают также и внеязыковые критерии, например контакты между двумя народами, то говорят – и о заимствовании слова из одного языка в другой. Так, слово *шатер* в русском языке – тюркского происхождения, но заимствование – венгерское. Таким образом, понятия происхождения и заимствования являются разными понятиями (опираются на разные признаки).

Однако эти два понятия применительно к одному и тому же слову могут «встречаться» друг с другом. Если эта «встреча» случается в первый раз, то понятия «происхождения» и «заимствования» оказываются тождественными. Например, о слове *гусар* можно сказать, что оно в русском языке – венгерское как по происхождению, так по заимствованию. Но признак «языкового контакта» в отношении одного и того же слова может повториться – с другим языком, и тогда понятия «происхождения» и «заимствования» «расходятся». Например, как уже говорилось, слово *шатер* в русском языке – тюркского происхождения, но заимствование – венгерское (тюрк. > **венг**. **> рус.**). В этом случае, в связи с понятием заимствования появляется дополнительное понятие – «языка-посредника». В только

что приведенном примере нет языка-посредника. Но в примере со словом *шалаш* (см. выше: тюрк. > **венг.** > тюрк. **> рус**.) такой язык есть – тюркский язык (второй).

Нельзя ли ставить вопрос об обратном процессе? Не переходит ли заимствованное слово, перестав употребляться в языке, снова в фазу цитирования? Не стали ли таковыми многие «гусарские» слова, активно употреблявшиеся в XVIII веке в русском языке как слова заимствованные (и зарегистрированные в русских словарях), а в XX веке – словами-цитатами (в русских исторических романах, в переводах венгерских текстов на русский язык)? Надо сказать, что время необратимо. «Гусарские» слова остались в русском языке навсегда, лингвисты теперь их называют **историзмами** – словами, которые вышли из употребления в связи с выходом из употребления соответствующих реалий *(доломан)*. Если же реалии остались, а из употребления вышли только слова, их именующие, то такие слова в лингвистике называются **архаизмами,** например венгерское заимствование *бан,* уступившее в русском языке место немецкому заимствованию (латинского происхождения) – *губернатор*.

А. Холлош проблему заимствования и связанную с ней проблему языка-посредника специально, в теоретическом аспекте, не обсуждает. Решает он эти проблемы конкретно – в связи с каждым конкретным словом. Лингвистам остается выразить сожаление, что А. Холлош не воспользовался венгерско-русским материалом, по-видимому очень благоприятным для этих целей, не воспользовался своим богатым опытом работы с этим материалом – и не сформулировал общие закономерности, позволяющие точнее определять и фазы заимствования слова, и язык-посредник при заимствовании и др.

Описание заимствований. Основная часть книги А. Холлоша – это словарь венгерских заимствований в русском языке (175 слов). Каждая словарная статья состоит из 4-х частей.

Первая часть – это цитаты из разных источников (исторической, художественной литературы, словарей), содержащие данное слово. Так, слово *палаш* встречается в русских текстах, датированных 1608–1610 годами (время польской интервенции на Москву). Несомненно, что контексты слова – очень важная часть характеристики слова. Из контекста узнается о значении слова, об оттенках этого значения в разные исторические периоды. У слова *палаш* это значение в основном не изменялось. Здесь же, в текстах, можно проследить и фонетические (графические) варианты слова, часто в зависимости от географического места распространения слова (*палаш* – южнорусское*, полаш* – севернорусское). В словарной статье можно увидеть и разные грамматические формы слова: *палашей, с палашами, палашу* и др. Более того: называются слова, производные от данного слова: *палашник, палашный, палашик, палашевый* и др. Каждая грамма-

тическая форма, каждое производное слово сопровождается в словаре А. Холлоша указанием на источник и время его появления.

Во второй части словарной статьи формулируются значения данного слова, часто – очень разные в связи с разными текстами, с разным временем. Но предмет, называемый словом *палаш*, не изменялся в течение веков, поэтому слово оставалось однозначным: «обоюдоострый, широкий, длинный меч у конника».

В третьей части словарной статьи сообщается об истории слова в других, соседних языках, тоже с указанием источников, с точной датировкой этого источника. Прежде всего называются славянские языки, потом – румынский, затем немецкий, французский, английский и т. д. Так, слово *палаш* употребляется почти во всех славянских языках – восточных, западных, южных. Употребляется это слово и в румынском и некоторых западных языках. При этом слово в таких случаях записывается в том виде, как оно употребляется в соответствующем языке.

В последней, четвертой части словарной статьи описывается происхождение (этимология) данного слова. – как оно представляется автору словаря, с сообщением, однако, и других точек зрения (если они имеются). Так, о слове *палаш* сказано, что оно по происхождению является венгерским; и заимствованием оно тоже является венгерским, хотя некоторую роль языка-посредника сыграл польский язык. Некоторые другие лингвисты считают, что это слово в русском языке является польским заимствованием. По всей вероятности, считает А. Холлош, это слово тюркского происхождения, и поэтому имеет место цепочка: тюрк. > **венг.** > пол. **> рус.**

Как можно видеть, информация в словаре А. Холлоша о каждом венгерском заимствовании в русском языке очень богатая: 1) контексты слова в разные исторические периоды; 2) соответствующие значения слов; 3) фонетические (графические) и грамматические варианты слова в русском языке; 4) дериваты слова в русском языке; 5) история слова в языках, с которыми русский язык имел контакты; 6) происхождение слова. Ценность этой информации состоит еще и в том, что она отражает современное состояние лингвистической науки по этому вопросу.

Употребление венгерских заимствований. В русском языке не все венгерские заимствования потребляются широко. С этой точки зрения их можно разделить на две части. **Употребительные** заимствования – те, которые известны «рядовым» носителям русского языка, реагирующим на эти слова (когда их спрашивают об этих словах) двояким образом: 1) «знаю такое слово, знаю и его значение» (*гусар, гуляш, лечо* и др.); 2) «слышал такое слово, но не знаю его значения» (*гайдук, гонвед, атилла* и др.). **Неупотребительные** венгерские заимствования в русском языке –

те, на которые информанты реагируют: 3) «не слышал о таком слове» (*ако, бир, антал* и др.).

Некоторые венгерские заимствования омонимичны русским словам, и русские информанты реагируют на венгерские слова, как на соответствующие русские (узнают в них русские слова): *петак – пятак, пули – пули, пуста – пусто, угрин – угорь, чеваш – чуваш* и др. Но омонимы – это, как известно, разные слова, и отождествление вышеприведенных пар слов не является оправданным. Такие реакции информантов надо квалифицировать, как «не слышал о таком слове».

Ниже приводится список всех венгерских заимствований в русском языке, «опознанных» информантами (исключая, понятно, случаи омонимии). Все эти слова потому, в частности, узнавались информантами, что относятся к русскому литературному языку. К книге А. Холлоша в конце приложен общий список, в котором есть и слова, которые он не считает венгерскими заимствованиями в русском языке, но другие лингвисты считают их венгерскими. Всех слов, описанных в книге, 210.

Итак, употребительные в русском языке венгерские заимствования следующие (информант, по меньшей мере, «слышал» о них): *атилла, бекеш, бекешка, венгр, венгерка, венгерский, венгерское, витезь (витязь), гайдук, гарцевать, гонвед, гуляш, гусар, кенез (князь), крайцар, куны, куруцы, лечо, мадьяр, палаш, палинка, паприка, сабля, секей, сервус, табор, токай, угорский, филер, форинт, хата, хольд, хутор, чарда, чардаш, шалаш, шаровары, шатер, шеренга, шишак.*

Как видим, из 210 венгерских слов, заимствованных русским языком, только около 40 слов являются употребительными (для всех русских). Почти все эти слова – существительные (только один глагол – *гарцевать*). Прилагательные типа *гусарский, токайский, венгерский* можно не отделять от соответствующих существительных: *гусар, токай, венгр* и т. д. (у А. Холлоша они описываются в одной словарной статье вместе с существительными) Тематически существительные подразделяются на 1) военные термины (*гусар, гайдук, гонвед, палаш, сабля, шеренга* и др.); 2) названия продуктов: *гуляш, лечо, палинка, токай, паприка* и др.; 3) названия народностей (*венгр, мадьяр, кун, секей* и др.); 4) названия единиц счета, единиц измерения (*крайцер, хольд, форинт* и др.); 5) названия одежды (*бекеша, шаровары* и др.); 6) другие названия (*хутор, хата, чардаш* и др.).

Если тематическая классификация – одна и та же для двух языков (венгерского и русского), то классификация по грамматическим родам – это уже только русская классификация (в венгерском языке нет категории рода): 1) муж. род: *гусар, палаш, табор, куруц* и др.; 2) жен. род: *сабля, паприка, палинка* и др.; 3) сред. род: лечо. Точно так же грамматическая классификация по числам имеет место только в русском языке: 1) сущ. ед.

и мн. числа *(гусар – гусары)*; 2) сущ. только ед. числа *(лечо)*; 3) сущ. только мн. числа *(шаровары)*. Подразделение на одушевленные и неодушевленные существительные можно произвести и в венгерском языке, но в русском языке – это грамматическое подразделение: одуш. сущ. *(гайдук)*, неодуш сущ. *(хутор)*. Разумеется, в русском языке существительные склоняются – изменяются по падежам и числам, присоединяя к себе соответствующие флексии, в венгерском же языке эти слова не изменяются.

Все это свидетельствует о том, что в русском языке венгерские слова оказываются не в целом, а в своих частях, которые в русском языке называются корнем слова. основой слова. Поэтому с точки зрения русского языка заимствуются не слова, а части слова – элементы слов. А. Холлош, называя свою книгу «Венгерские **элементы** в русской лексике», имел в виду русский язык. С учетом же венгерского языка книгу можно было назвать проще: «Венгерские **слова** в русской лексике».

Венгерские заимствования в русских диалектах. Многие венгерские заимствования в русском языке, зарегистрированные в словаре А. Холлоша употребляются, в большинстве своем, не в литературном языке, а в диалектах. Именно поэтому, в первую очередь, эти слова не «признавались» нашими информантами. А. Холлош в таких случаях дает ссылки на диалектные словари, на словарь В. Даля, в котором указывается место употребления диалектного слова.

Пишущий эти строки является носителем одного из русских диалектов, а именно донских говоров (родился и вырос в деревне). Из детства помнит, например, следующую группу слов, представленную в словаре А. Холлоша как венгерские заимствования в русском языке: *волох* (цыган), *валух, валушок* (кастрированный баранчик). Помнится и такая детская песенка, обращенная к цыганам: *Цыгане-волохи, почем ваши блохи?* Несомненно, что слова *валух, валушок* находятся друг к другу в отношении словообразования, которое произошло уже в русском языке, но *волох – валух* – это разные понятия. Волохи – это, как отмечает А. Холлош, румынские (молдаване) пастухи, которые пасли на юге России свои стада, в том числе и овец, называя себя венгерским словом. Этих пастухов так же называли и русские, заимствуя данное слово в русский язык. По имени этих пастухов русские назвали и такое понятие, как кастрированный баран *(валух, валушок)*, заимствуя это понятие от пастухов – волохов.

Из детства помнится еще одно диалектное слово, отмеченное в словаре А. Холлоша: *катанки* (валенки). По мнению автора словаря, это слово в значении «валенки» не является венгерским заимствованием в русском языке, так как оно образовано от русского глагола *катать*, в том числе и в значении «катать, валять валенки». Слово *катанки* только тогда надо считать венгерским заимствованием, когда оно обозначает совсем другое

понятие: «короткий кафтан, собранный в талии». В таком значении, заметим, слово *катанки* в нашем говоре не употребляется.

Венгерское заимствование *хутор* в русском языке уже не является только диалектным словом – оно вошло в литературный язык. Например, место рождения пишущего эти строки в его паспорте указывается: *хутор* Муковнин. Языком-посредником в заимствовании слова *хутор* выступает (считает А. Холлош) украинский язык (**венг**. > укр. > **рус.**).

Надо полагать, что заимствование слова *хутор* из венгерского языка в русский произошло еще в то время, когда это слово имело значение «обособленный земельный участок с усадьбой владельца *(выселиться на хутор)*» В Донской области основные поселения располагались по берегу Дона – назывались они: *станицы*. Поселки же с названием *хутор* образовывались в стороне от реки. Позже слово *хутор* стало употребляться только в одном значении: «небольшой крестьянский поселок».

Слово *хата* тоже диалектное, но тоже, как и *хутор*, вошло в литературный язык. На Дону оно обозначает не любой крестьянский дом, а – плетеный (из веток кустарника) и обмазанный глиной, или сделанный из самана – не обоженного крупного кирпича. Другое название хаты – *мазанка* (от глагола *мазать*: снаружи хату мазали глиной и белили). В южнорусских степях не было дерева – поэтому хата не могла быть деревянной, как в Венгрии. Однако это слово, являющееся в русском языке венгерским по происхождению, венгерским по заимствовании не является, – считает А. Холлош. Это слово пришло в русский язык из украинского языка вместе с реалией – в XVIII веке, и поэтому является украинским заимствованием (венг. > **укр. > рус**.).

Как уже говорилось выше, при выяснении языка-посредника может помогать внеязыковой критерий: от какого народа непосредственно пришла вещь, называемая данным словом. Такая реалия, как хата, заимствована русскими от украинцев; следовательно, и слово *хата* является украинским заимствованием в русском языке, хотя по происхождению это слово венгерское. Что касается реалии, называемой словом *хутор* (отдельный земельный участок с усадьбой), то эта реалия вполне могла прийти к южнорусскому населению от венгров, вследствие чего слово *хутор* (считает А. Холлош) является венгерским заимствованием в русском языке.

Примеры со словами *хата, хутор* еще раз свидетельствуют о том, что и при использовании внеязыкового критерия определение языка-посредника (и языка-источника) при заимствовании слова – представляет собой трудную задачу.

В **заключение** сделаем следующие замечания об исследовании А. Холлоша.

1. А. Холлош не пишет о **причинах** заимствования русским языком венгерских слов. Применительно к венгерскому языку эта причина была

одна и та же – внеязыковая: контакты между двумя народами, заимствование от венгров русскими новых реалий, а вместе с ними – и новых слов. Во всех этих случаях массового венгерско-русского двуязычия, как кажется, никогда нигде, все-таки, не возникало, вследствие чего не было у А. Холлоша оснований искать собственно лингвистические причины венгерских заимствований в русском языке: устранение омонимии, полисемии в русском языке, пополнение экспрессивных средств. Например, венгерское слово *лечо* потому заимствовалось русским языком, что к русским от венгров пришла соответствующая реалия (консервированная в томате паприка). В советское время у русских лечо было всегда на столе – в качестве популярной холодной закуски. Именно этот внеязыковой критерий и свидетельствует, что в цепочке: «**венг. > рус**.» – венгерский язык является языком заимствования, но ни в коем случае не языком-посредником.

2. А. Холлош, как никто другой из изучавших проблему **языка-посредника** при заимствовании слов, имел дело с очень благоприятным материалом. Тем не менее, он был осторожен в том, чтобы сформулировать эту проблему как общую закономерность, касающуюся всех языков. А. Холлош ограничивался только конкретными выводами относительно конкретных фактов, касающихся только двух языков – венгерского и русского, причем только в одном направлении – от венгерского языка к русскому.

3. Выяснению вопросов заимствования слов из одного языка в другой способствует учет не только собственно языковых критериев, но и **внеязыковых** критериев, например изучение контактов между соответствующими народами, в частности между русскими и венграми, между ними и третьими народами, контактов в области торговли, культуры и т. д. А. Холлош специально, тем более теоретически, не пишет об этих внеязыковых критериях, об их взаимодействии с собственно языковыми, но несомненно, что в каждом конкретном случае он внеязыковые критерии учитывал.

4. Книга А. Холлоша насыщена большим количеством **информации,** – информацией высокого качества, датированной во времени, сориентированной в пространстве (с указанием языков, географических мест и т. д.). Надо полагать, что книга долгое время будет оставаться современной. Осуществить такую работу, которую провел автор в течение более 30 лет, вряд ли кому-либо в ближайшее время удастся.

Книга А. Холлоша опубликована на венгерском языке. Но ее надо бы опубликовать и на **русском** языке. Она интересна не только для венгерского читателя («венгерские слова…»), но и для русского читателя («…слова в русском языке»). Книгу с интересом читают в Венгрии не только специалисты, но и «рядовые» читатели. Несомненно, что с интере-

сом прочитали бы эту книгу (будь она переведена на русский язык) и русские читатели.

Исследования И. Хорвата

Д-р Иван Хорват тоже долго, как и А. Холлош, изучал венгерские слова в русском языке. И описал их в двух своих статьях:

Хорват И. Венгерские заимствования в русском языке. – VII Конгресс МАПРЯЛ. Тез. докл. и сообщений. Москва, 1990. с. 249–250.

Хорват И. Венгерские слова в русском языке. – Studia Slavica Savariensia 1, Szombathely, 2000. pp. 3–63.

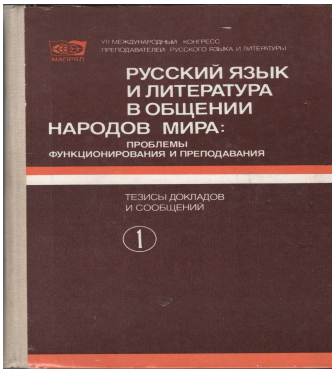
В 1990 году в Москве на VII Международном конгрессе МАПРЯЛ выступил с докладом: «Венгерские элементы в русском языке». И. Хорват сказал, что хунгаризмы стали проникать в русский язык с XVIII века, фиксируясь в книгах путешественников, писателей, журналистов. Основными причинами венгерских заимствований в русском языке являются: а) «отсутствие русских эквивалентов (так называемая безэквивалентная лексика); б) несовпадение лексических фонов русского и венгерского языков; в) необходимость передать своеобразный национальный колорит…» (Хорват 1990, с. 250).

И. Хорват отмечает различную продолжительность жизни хунгаризмов в русском языке: одни из них, попав в русский язык, сразу же выходили из него (*шюллё* «маленький судак» и др.), другие оставались надолго: *гусар, доломань, ментик* и др. В 1990 году И. Хорват описал около 250 хунгаризмов, через 10 лет – уже 317. В 2000 году И. Хорват опубликовал большую статью (Хорват 2000, около 60 стр.), в которой описал эти хунгаризмы. Описание представляет собой словарь, в котором словарная статья состоит из венгерского слова и ряда цитат из русской литературы, в которой это венгерское слово употребляется как русское слово, например:

PAPRIKA. «Гордость венгров и неизменная приправа к любому блюду – *паприка*. Это перец» (Герасимов-Герасимова).

В предисловии к словарю И. Хорват объясняет свою задачу: «Мы не преследовали своей целью глубоко и детально описать проникновение венгерских элементов в русский язык, их этимологию и адаптацию, как это делает Аттила Холлош в своей монографии…Мы пытались представить новые данные, показав, какие еще, помимо уже отмеченных, слова

встречаются в произведениях авторов, ранее не цитировавшихся» (Хорват 2000, с. 3).

Д-р Иван Хорват

Все хунгаризмы И. Хорват подразделяет на две группы: 1) заимствования и 2) вкрапления. Среди заимствований выделяются собственно заимствования (их немного: *гусар, паприка* и др.); слова, пришедшие в русский язык через языки-посредники: нарицательные существительные (*черкес, герцог* и др.), этнонимы (*цыган, кун* и др.), географические названия *(Балатон)*, личные имена *(Аттила)* и др. Вкрапления – это венгерские слова, словосочетания, целые тексты (на венгерском языке), используемые в качестве цитаты русскими писателями, журналистами в своих книгах, репортажах о Венгрии, в основном в советское время. Называется 25 источников: К. А. Бакланов, В. М. и Г. А. Герасимовы, Л. Тер-Григорян и др. Начинается словарь такими словами, как *ABC* (продмаг), *Adáshiba* (название пьесы), *Alföld* (территория Венгрии) и т. д., а заканчиваются словами: *Viszontlátásra* (До свидания), *Vöröskő* (Красный камень), *Vörös Újság* («Красная газета») и т. д.

В работе Horváth 2000 есть замечания из области русско-венгерской сопоставительной фонетики: как русскими воспринимаются венгерские звуки речи в венгерских словах. Например, венгерский краткий гласный [a] в кратком своем варианте при заимствовании венгерского слова воспринимается обычно как [о]: *зарсам[о]даш,* а в долгом варианте – воспринимается как [а]: *Арп[а]д*. Венгерский согласный звук [cs], по сравнению с мягким русским [ч], произносится твердо, – и в венгерских заимствованных словах в русском языке произносится тоже твердо: па[тш]е. Но твердого [ч] в русском языке нет, поэтому чаще всего в заимствованных венгерских словах русские произносят этот звук мягко: *[ч]арда*. И т. д. (см. с. 7).

И. Хорват пишет о русских авторах: «Наиболее интересный и существенный вывод, который можно делать,…заключается в том, что все без исключения авторы пишут о Венгрии и ее народе с большой любовью и теплотой…» (Хорват 2000, с. 11).

Литература.

Гундель К. Малая венгерская поваренная книга. Перев. с венгерского: М. Погань-Редеи, Н. Аретанская. Сомбатхей, 1999.

Сас С. Русский-венгерский. О заимствованиях русской общественно-политической лексики венгерским языком. – «Русская речь», 3, 1973.

Удвари И. Рец.: Hollós Attila. Az orosz szókincs magyar elemei. Budapest, 1996. – Slavica XXVIII, Debrecen, 1997. pp 242–244.

Федосов В. А. Венгерские слова в русском языке. - Translatologia Pannonica. A PTE BTK Fordítástudományi Kutatóközpont elektronikus folyóirata, 1. évfolyam, 1. szám. Pécs, 2007. pp. 185–193.

Erdődi József. Magyar szavak az orosz nyelvben. [Венгерские слова в русском языке].– Magyar Nyelvőr 76, Budapest, 1952. 224–227.

Erdődi József. Magyar eredetű vándorszavak az orosz nyelvben. [Венгерские заимствования в русском языке]. – Magyar Nyelvőr 77, Budapest, 1953. pp 125–129.

Erdődi József. Orosz eredetű szavainkhoz [К вопросу о венгерских словах русского происхождения]. Magyar Nyelvőr 73. Budapest, 1949. 95–96.

Erdődi József. Magyar szavak az orosz nyelvben [Венгерские слова в русском языке]. Magyar Nyelvőr 76. Budapest, 1952. 224–227.

Erdődi József. Az orosz nyelv hatása a magyarra 1945 óta [Влияние русского языка на венгерский с 1945 г.]. Magyar Nyelvőr 77. Budapest, 1953. 295–300, 449–455; 78. Budapest, 1954. 75–78, 220–225, 382–392; 79. Budapest, 1955. 97–91, 220–222.

Erdődi József, Trócsányi Zoltán. Még néhány magyar szó az orosz nyelvben. [Еще несколько венгерских слов в русском языке].– Magyar Nyelvőr 75, 1952. pp 357–358.

Hajzer Lajos. A magyar helynevekből képzett orosz derivátumok szótára. [Словарь русских дериватов, образованных от венгерских топонимов]. Pécs, 1998. См. рец.: Федосов В. А. Slavica Quinqueecclesiensia 3 (2). Pécs, 1999.

Rot Sándor. Венгерско-восточнославянские языковые контакты. Budapest, 1973. 572 с.

Trócsányi Zoltán. Még egy magyar szó az orosz nyelvben. [Еще одно венгерское слово в русском языке]. – Magyar Nyelvőr 75, 1951. p. 217.

Zoltán András. Wpływ języka rosyjskiego na język węgierski w latach 1944-1991. In: Gajda S. red. Języki słowiańskie wobec współczesnych przemian w krajach Europy Środkowej i Wschodniej. Opole, 1993. p. 149–

3.4. Венгерская культурологическая лексика на русском языке (И. Барт)

Культурологическая лексика – это лексика, которая в своем значении отражает культуру, историю народа – носителя данного языка. Если речь идет о венгерской культурологической лексике, то это значит, что данная лексика в своем значении свидетельствует о культуре и истории Венгрии, например: *csárdás, pálinka, Buda* и др., тем более, если снабдить эти слова объяснениями их значений. Если перевести эту лексику на русский язык, тем более – перевести вместе с объяснениями значений, то о венгерской культуре и истории могут узнать и русские: *чардаш, палинка, Буда* и др. Именно таким – переводным – венгерско-русским словарем является культурологический словарь, составленный И. Бартом и переведенной на русский язык Т. Воронкиной: (словарь переведен также и на английский язык):

Барт И. Русским о венграх. Культурологический словарь. Перев. Т. Воронкиной. Москва, 2005.

Состав культурологической лексики в словаре. О количественном составе лексики в словаре не сообщается. Но читатель может посчитать: на каждой странице – около 4 словарных статей, всего страниц в словаре, отведенных под словарь, – 200; значит, в словаре около 800 культурологических терминов. Это достаточно большой словарь.

С точки зрения качественного состава, словарь охватывает культурологическую лексику из всех сфер ее употребления. В словаре много географических названий – венгерских городов (*Будапешт, Эгер, Дебрецен* и др.), природных мест Венгрии (*Дунай, Тисса, Балатон* и др.); есть названия тех венгерских исторических мест, которые находятся теперь вне территории Венгрии (*Коложвар, Верецке, Секейфёльд* и др.). Объясняются понятия, относящиеся к климату Венгрии (*пуста, делибаб* и др.), к животным (*кабан, овца, собака* и др.), растительному миру (*паприка, джонатан, тыква, мак* и др.).

Понятия, относящиеся непосредственно к культуре, можно разделить на понятия «профессиональной» культуры (*Корвина, Академия, Петёфи, Эркел* и др.) и народной культуры (*чардаш, свадьба, «Гей, гей, цыган…»* и др.). Имеются понятия венгерской мифологии (*леший, турил, олениха* и др.), религиозные понятия (*реформат, Микулаш, Карачонь* и др.).

Богата терминология, относящаяся к венгерской материальной культуре: названия одежды (*венгерка, фуфайка* и др.), напитков (*палинка, то-*

кайское, кадарка и др.) венгерской кухни (*гуляш, лечо, салами* и др.), мест приема пищи (*чарда, корчма, «Гундель»* и др.).

Словарь И. Барта, переведнный на русский и английский языки

Имеются в словаре и понятия из венгерской этнографии (*мадьяр, нация наездников, секей, кун* и др.), личные венгерские названия (*Иштван, Тюнде, Аттила* и др.), названия других народов, с которыми венгры были в тесных культурных связях (*цыган, немец, русские* и др.). Есть понятия из области венгерской национальной психологии: *пессимизм, самоубийство* и др. Много терминов, связанных с венгерским языком, с венгерским речевым этикетом*: господин, госпожа, товарищ* и др. с языковой политикой: *обновление языка, венгеризация имен* и др.

Описываются исторические термины: имена исторических деятелей (*Арпад, Иштван, Эржебет, Кошут* и др.), названия исторических событий (*обретение родины, революция, смена режима* и др.), мест исторических событий (*Арад, Мохач* и др.), других историзмов (*жандарм, куруц, гайдук* и др.). При этом на долю послевоенной истории 1948–1989 гг. приходится едва ли не половина всех исторических понятий (*социализм, товарищ, золотая команда* и др.). Есть в словаре понятия, относящиеся к самому последнему периоду истории Венгрии (*менеджер, предприниматель, мафия* и др.).

Систематизация лексики в культурологическом словаре. Как известно, у каждой лексемы есть форма (звучание, написание) и значение. Соответственно, и систематизация лексики может производиться с учетом 1) либо формы (алфавитные словари), 2) либо значения (тематические, идеографические словари). Лексика в рассматриваемом словаре распола-

гается по алфавиту, в том порядке, который, к сожалению, не имеет никакого отношения к культурологическому значению. Правда, в словарных статьях имеются отсылки к «родственным» словарным статьям, и читатель может таким образом видеть некоторые предметные связи.

В предметном, понятийном словаре, каковым является и культурологический словарь, главное – это содержание термина, его значение, а не форма – звучание, написание. Поэтому и упорядочивать эту лексику надо бы с учетом прежде всего значения. К словарю можно приложить алфавитный список слов с указанием страницы в словаре, где это слово описывается, и тем самым обеспечить нахождение в словаре заданного слова также и по алфавиту. Расположение лексики в тематической систематизации способствовало бы более глубокому раскрытию значения этой лексики, ведь в таком случае слово оказывается рядом с «родственными» словами, которые создают ему парадигматический контекст – дают ему дополнительную характеристику.

Тематический словарь можно читать, как монографию по культурологии, применять его как учебное пособие. Тематическое расположение лексики в учебных целях давно используется при изучении иностранного языка (не изучать же лексику в алфавитном порядке). При этом в учебных пособиях, составляемых в разных частях мира, выделяются, в целом, одни и те же темы: «Еда», «Одежда», «Квартира», «Семья», «Здоровье» и т. д. (см., например, учебное пособие по венгерскому языку для иностранцев: Bence 1995). При формировании тематики для культурологического словаря, конечно, можно пойти по этому проверенному пути.

Однако задача систематизации лексики, охватывающей всю культурологическую область, более трудная. Принцип ее общей классификации пока еще, можно сказать, не разработан. Выше, говоря о том, какая лексика описывается в обсуждаемом словаре, мы приводили примеры в соответствии с их тематической группировкой. Тематическая группировка используется в словаре: Мальцева 1997, см. также другие лингвострановедческие словари: Веденина 1997, Муравлева 1997, Рум 1998, Томахин 1999). Однако тематическая группировка культурологической лексики в 25 крупных тематических групп, в произвольном порядке, тоже не является совершенной.

Полагаем, что прежде всего всю лексику, которая в рецензируемом словаре, без всякого внутреннего ее различения, названа культурологической, распределяется прежде всего в соответствии со следующими областями: 1) собственно культура, 2) цивилизация, 3) история. По проблеме различения культуры и цивилизации написано очень много: цивилизация – это материальное бытие, культура – это духовный мир человека (см., например: Есин 1999, с. 12). Понятия из области истории страны (события, исторические личности и т. д.), которые в рецензируемом словаре тоже

названы культурологическими, к культуре, все-таки, не относятся. «История культуры», «история цивилизации» – это тоже не история, а культура или цивилизация, рассматриваемые в диахронии (а не в синхронии).

В словарях, посвященных одной тематической группе, задача классификации решается проще, см., например, классификацию в словаре: Гундель 1999: «Супы», «Холодные закуски», «Горячие закуски» и т. д. Впрочем, в узко тематическом словаре можно обходиться и без тематической классификации, располагая культурологическую лексику по алфавиту, например: Денисова 1983, Чернявская 1984.

Таким образом, при дальнейшей работе над словарем, охватывающем большой массив лексики, автор может, вместо алфавитного расположения лексики, предложить читателю тематическую ее систематизацию, выделив в словаре прежде всего три больших раздела: «Цивилизация Венгрии», «Культура Венгрии», «История Венгрии».

Венгерско-русский культурологический словарь. Именно так надо определить жанр рассматриваемой книги. Конечно, это не обычный венгерско-русский переводной словарь, в котором указывается только на «ближайшее» значение венгерского слова. Перед нами – предметный, понятийный, а именно культурологический словарь, в котором после указания на «ближайшее» значение венгерского слова, известного всем венграм, – описывается и «дальнейшее» его значение, которое не обязательно должно быть известно каждому венгру, – описывается на русском языке, для русских, чтобы, переведя венгерское слово на русский язык, русские одновременно могли познакомиться и с «дальнейшим» значением этого венгерского слова (термины «ближайшее» и «дальнейшее» значение ввел в употреблении еще в XIX веке А. А. Потебня).

«Ближайшее» значение слов формулируется в толковых словарях. В переводных словарях «ближайшее» значение переводимого слова специально не формулируется: оно в двух языках обычно одинаковое. Тот, кто пользуется переводным словарем, знает об этом. Так, русский, найдя в венгерско-русском переводном словаре перевод: *oroszok* – *русские*, – заключает, что значение переводимого венгерского слова такое же, как и значение русского слова.

Совсем другое дело – «дальнейшее» значение слова, о котором из обычных переводных словарей узнать нельзя. Описывается это значение в предметных, понятийных, в том числе и в культурологических словарях.

Ср., как описывается «ближайшее» значение слова *русские* в русском толковом словаре (1), как переводится венгерское слово *oroszok* на русский язык в обычном венгерско-русском словаре (2) и в рассматриваемом венгерско-русском культурологическом словаре (3):

(1) *Русские* – восточнославянский народ, составляющий основное население России.

(2) *Oroszok* – русские.

(3) *Oroszok* – русские; в ходе истории XX века венгры имели возможность соприкасаться со всеми слоями русского народа; сотни тысяч венгерских солдат во время обеих мировых войн сражались на Украине и в России, венгерские военнопленные отбывали трудовую повинность в сибирских лагерях, а части Красной Армии «временно» (в течение 40 лет) находились на территории Венгрии, десятки тысяч венгерских студентов обучались в советских вузах и обзаводились не только дипломами, но и русскими женами; поэтому отношения обоих народов вполне можно назвать, если не любовными, то, во всяком случае, интимными, наложившими отпечаток и на личные человеческие контакты, хотя всегда было принято разграничивать советскую власть с ее страшным государственным механизмом и обычных советских граждан.

«Дальнейшее» значение венгерского слова *oroszok* (как понимают это слово венгры), конечно же, отличается от «дальнейшего» значения слова *русские* (как понимают это слово русские).

Таким образом, рецензируемый словарь по своему жанру, несомненно, переводной венгерско-русский специальный, а именно культурологический, словарь. Однако, в отличие от других специальных словарей (экономических, технических, сельскохозяйственных и др.), данный словарь имеет ту особенность, что он не просто переводной: в нем не только указывается на «ближайшее» значение переводимого слова, но описывается и «дальнейшее» значение. Необходимость такого описания применительно к культурологической тематике объясняется тем, что в области культуры понятия в двух языках обычно не совпадают (в отличие от экономических, математических, физических и других понятий, которые в двух языках сходные).

Перевод «ближайшего» значения культурологической лексики. Перевод культурологической лексики с одного языка на другой, в частности с венгерского языка на русский, во многих случаях представляет собой сложную проблему. Применительно к рецензируемому словарю, легко переводятся собственные имена *Ady Endre – Ади Эндре, Alföld – Альфёльд* и др. В этом случае требуется только правильная транслитерация. Нетрудно переводится эквивалентная по «ближайшему» значению лексика (различающаяся по «дальнейшему» значению)*: lakás – квартира, albérlő – квартирант* и др., лексика, общая для двух языков: *kása – каша, csárdás – чардаш* и др., в том числе и интернациональная лексика: *szocializmus – социализм, disszidens – диссидент* и др.

Но существует много венгерских культурологических понятий, которые отсутствуют в русском языке. В таком случае специалисты в области

перевода неэквивалентной лексики рекомендуют (см. Верещагин, Костомаров 1983, с. 51–79): 1) переводить термин посредством описания, 2) либо давать термин без перевода (транслитерация).

Так, в рецензируемом словаре венгерское заглавное слово *kalapkúra* переводится: *лечение шляпой*. Этот венгерско-русский перевод является вполне допустимым, так как этот перевод можно «перевернуть» – сделать русско-венгерским переводом: *лечение шляпой – kalapkúra.* Выражение *лечение шляпой* вполне может представлять в русском языке понятие (оно, например, краткое).

К сожалению, во многих случаях описательный венгерско-русский перевод, допускаемый в рецензируемом словаре, не может представлять в русском языке венгерское понятие. Так, в рецензируемом словаре дается следующий венгерско-русский перевод: *disznótor – пир по случаю забоя свиньи.* Можно сказать, что это – хорошее объяснение на русском языке венгерского понятия, но это не вполне хороший русский термин, чтобы представлять в русском языке венгерское понятие. Приведенный венгерско-русский перевод термина нельзя «перевернуть» – сделать русско-венгерским переводом. Выражение *пир по случаю забоя свиньи* громоздкое – не может быть терминологическим выражением. По-видимому, в этом случае перевод-описание вполне можно сделать кратким, например: *disznótor – поминки по свинье.* Еще пример*: disztávirat – телеграмма на красочном бланке.* Данный перевод-описание тоже пространное – не подходит на роль термина в русском языке. Здесь тоже можно было авторам поискать более краткое выражение для передачи «ближайшего» значения венгерского слова, например: *disztávirat – праздничная телеграмма*. Впрочем, такой термин (и понятие) существует и в русском языке – по сути дела это перевод эквивалентных терминов (одинаковых по «ближайшему» значению).

Конечно, в словаре сделано и много хороших венгерско-русских переводов, которые «обратимы» – являются одновременно и русско-венгерскими переводами. Русская часть в них хорошо представляет венгерское понятие в русском языке, например: *bikavér – «бычья кровь», barackpálinka – абрикосовая палинка* и др.

Как известно, в том случае, когда в венгерском языке – сложносоставное слово, оно переводится на русский язык, как словосочетание (примеры выше). Когда венгерское слово – производное, оно переводится русским словом с соответствующей морфологической (суффиксально-префиксальной) структурой: *államosítás – огосударствление* (в словаре это слово переведено неточно: *национализация*). Если соответствующего слова в русском языке нет, то его можно образовать: морфологический состав позволяет понимать это слово: *amerikázni – американничать* (в словаре

перевод: *отлынивать, прогуливать, сачковать,* – такому длинному выражению трудно стать термином).

При переводе безэквивалентной лексики, как нам представляется, смелее можно применять тот способ, который состоит – в непереводе этого слова: транслитерация. Отдельное слово, если оно вначале даже совершенно незнакомо, в большей степени способно представлять понятие в другом языке, чем словосочетание, например: *kucsma – кучма* (в словаре переводится: *лохматая шапка*).

С этой точки зрения, примером могут быть переводы терминов в книге Гундель 1999. Переводчик, в случае отсутствия термина в русском языке (из-за отсутствия понятия), предлагает русскому языку венгерский термин (в транслитерации)*: пёркёльт, паприкаш, токань* и др. Однако это оказывается возможным потому, в названной книге термины систематизированы по тематическому принципу, когда, находясь в соседстве друг с другом, термины сами себя определяют, например: *холодные закуски: пёркёльт – из рубца, степной пёркёльт; паприкаш – из цыплят, из телятины, из баранины; токань – по-дебреценски, с черным перцем, по-хераньски, семи вождей, табунщиков* и т. д.

Итак, в венгерско-русском культурологическом словаре неэквивалентную лексику желательно переводить так, чтобы и в русском языке получить термин: *disznótor – поминки по свинье.* В таком случае можно составить и обратный русско-венгерский словарь: *поминки по свинье – disznótor*. Однако чтобы словарь отвечал названию «Русским о венграх», он не должен быть переводным. Он должен быть словарем на русском языке, – описывающим не только «ближайшее», но и (поскольку словарь понятийный) «дальнейшее» значение (в скобках после русского термина можно называть и венгерский термин). Иначе говоря, данный словарь мог бы иметь словарные статьи следующего вида:

Поминки по свинье (disznótor) – пир по случаю забоя свиньи; это прощание с «убиенной» свиньей; по этому случаю принято даже созывать гостей, а гостинцы с праздничного стола (колбасу, кровяную колбасу и зельц) непременно посылают родственникам и знакомым.

Описание «дальнейшего» значения культурологической лексики. Описание «дальнейшего» значения может быть различным: кратким или более полным, с одной или другой специализацией. В рецензируемом словаре это описание достаточно полное, но ориентированное на массового русского читателя. Ср. более краткий страноведческий словарь с описанием «дальнейшего» значения слов, – ориентированный на венгерских учащихся, изучающих русский язык: Lendvai 1985.

Кроме того, описание понятий может быть научным – с обязательным указанием главных особенностей понятия, в их системном соотношении и т. д., см. энциклопедические словари – общие и специальные. Но при ориентации на массового читателя описание «дальнейшего» значения слова необязательно должно быть научным, точным. В нем можно обращать внимание на одни признаки понятия и не обращать на другие, высказывать авторское, субъективное отношение к понятию, позитивное или негативное, с позиции той или другой идеологии, употреблять эмоциональную лексику и т. д. Именно таким способом излагается «дальнейшее» значение культурологических терминов в рассматриваемом словаре, о чем читатель предупреждается в аннотации: «благодаря оригинальности материала и остроумной манере изложения она (книга) представляет интерес и для широкого круга читателя».

Действительно, книга читается с большим интересом, иногда – как художественное произведение, вовсе не как научная энциклопедия. По мере чтения начинаешь следить не только за содержанием термина (семантика), но и за тем, как к этому содержанию относится автор (прагматика), какие эмоции он выражает, какую при этом эмоциональную лексику употребляет (в том числе и негативную: *гнусный, подлый, раж, крах* и т. д.).

В некоторых случаях, например при описании содержания историко-культурологических терминов, появившихся в Венгрии в период 1948–1989 гг. (а таких терминов в словаре, как уже замечено, столько, сколько их появилось за всю остальную историю Венгрии с момента «Обретения родины») рецензируемый словарь является очень идеологизированным. Автор настолько эмоционально «проводит в жизнь» современную государственную (капиталистическую) идеологию, что, увлекаясь, как кажется, допускает иногда неточности в содержании словарных статей.

Конечно, историю и культурологию трудно излагать так же научно, как, например, математику, физику и т. д., отказываясь от оценок, от идеологии, но к этому надо по возможности стремиться.

Если автор продолжит свою работу над культурологией Венгрии (а это надо только приветствовать), то можно рекомендовать: при описании «дальнейшего» значения культурологической лексики сократить идеологический элемент, опустить соответствующую оценочную лексику, – приблизив словарь по жанру к энциклопедическому. Для широкого круга читателей это не будет хуже. Ведь энциклопедии, которые пишутся без «остроумной манеры», используются не только научными работниками, но прежде всего массовым читателем.

Перед нами сравнительно большой культурологический словарь. Специфика словаря «Русским о венграм» состоит в том, что он дважды национально ориентирован: во-первых, это словарь о венграх, во-вторых,

это словарь для русских. Пользоваться словарем могут в первую очередь те русские, которые хотя бы немного знают венгерский язык – чтобы читать заголовки к словарным статьям на венгерском языке. Но поскольку заголовочные слова в словаре переводятся на русский язык, то этот словарь можно читать и «обходя» венгерские заголовки, вследствие чего пользоваться словарем могут и те русские, которые совершенно не знают венгерского языка.

Литература

Веденина Л. Г. (ред.). Франция: лингвострановедческий словарь. Москва, 1997.

Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного 3-е изд. Москва, 1983.

Гундель К. Малая венгерская поваренная книга. Перевод с венгерского. Budapest, 1999.

Денисова М. Л. Народное образование в СССР. Лингвострановедческий словарь. Москва, 1983.

Есин А. Б. Введение в культурологию. Основные понятия культурологии в систематическом изложении. Москва, 1999.

Лендваи Э. О новом типе культурологического словаря. – Вестник Филиала гос. Института русского языка им. Пушкина. № 19. Будапешт, 2005.

Мальцева Д. Г. Германия: страна и люди. Лингвосрановедческий словарь. Москва, 1997.

Муравлева Н. В. Австрия: лингвострановедческий словарь. Москва, 1997.

Рум А. Р. У. Великобритания: лингвострановедческий словарь. Москва, 1998.

Томахин Г. Д. США: лигвострановедческий словарь. Москва, 1999.

Федосов В. А. Рец.: Барт И. Русским о венграх. Культурологический словарь. – Москва, 2005. – Slavica XXXIV, Debrecen, 2005. pp. 210–217.

Ч. Йонаш Э. «Русским о венграх». Культурологический словарь Иштвана Барта. – Вестник Филиала Института русского языка им. Пушкина, № 19. Будапешт, 2005. с. 99–102.

Чернявская Т. А. Художественная культура СССР. Лингвострановедческий словарь. Москва, 1984.

Bencze Ildikó (сост.). Magyar civilizació és országismeret. [Словарь по венгерскому страноведению и цивилизации]. Aula Kiadó, Budapest, 1995.

Lendvai Endre. Orosz–magyar országismereti szó- és kifejezési szótár. [Русско-венгерский словарь слов и выражений по страноведению]. Tankönyvkiadó, Budapest, 1985.

3.5. Венгерские топонимы в русском языке (Л. Хайзер)

Топонимы – это названия географических мест. Венгерские топонимы – названия географических мест в Венгрии. При венгерско-русском переводе приходится переводить на русский язык и венгерские топонимы, более того – образовывать от переведенных топонимов производные русские слова: *Tokaj* > *Токай* > *токайский*. Как это надо делать?

Русский язык, как и любой другой язык, при переводе топонимов и особенно при образовании новых слов от этих топонимов оказывается в трудном положении. Обычные переводы с одного языка на другой производятся по привычным, заранее установленным межъязыковым схемам. Так, известно, что венгерские слова типа *magyarul, angolul* надо переводить на русский язык с приставкой *по-* и суффиксом *-ски*, а именно: *по-венгерски, по-английски*. Когда же переводятся топонимы, то словообразовательная система впервые оказывается перед материалом, который ей до сих пор не был известен – она начинает вести себя не по установленным нормой правилам, а в соответствии со своими глубинными (языковыми) возможностями. Необходимо зарегистрировать это глубинное поведение системы и представить эту регистрацию в виде нормы, в соответствии с которой в дальнейшем можно уже привычно переводить топонимы с одного языка на другой и образовывать от них новые слова. Эту работу – составление норм перевода и словообразования – и осуществил применительно к венгерскому и русскому языкам проф. Печского университета Лайош Хайзер. Данной теме Л. Хайзер посвятил целый цикл своих публикаций, из которых самые главные публикации – это книги:

Hajzer Lajos. A magyar helynevek és származékaik az orosz nyelvben. [Венгерские топонимы и их дериваты в русском языке]. Pécs, 1993.

Hajzer Lajos. A magyar helynevekből képzett orosz derivátumok szótára. [Словарь русских дериватов от венгерских топонимов]. Pécs, 1998.

Назовем также и основные статьи Л. Хайзера на данную тему:

Hajzer Lajos. Az orosz szövegbe kerülő magyar földrajzi nevek ragozásának kérdéséhez. [К вопросу склонения венгерских топонимов в русском языке]. – In: A korszerűbb orosznyelv-oktatásért, 4. Szerk. Misky György. Pécs, 1984. pp. 3–22.

Hajzer Lajos. Néhány magyar hely- és intézménynév orosz visszaadásának kérdéséhez. [К вопросу о передаче некоторых венгерских топонимов в русском языке]. – Módszertani Közlemények, Szeged, 1985, 1. pp. 22–26.

Hajzer Lajos. К вопросу о соотношении норм и вариантов и их кодификация (на материале русских оттопонимических прилагательных, мотивированных вен-

герскими топонимами) In: A korszerűbb orosznyelv-oktatásért, 9. Szerk. Misky György. Pécs, 1989. pp.124–145.

Hajzer Lajos. Лексикографическая разработка оттопонимических прилагательных, мотивированных венгерскими топонимами. In: Első Magyar Alkalmazott Nyelvészeti Konferencia. Nyíregyháza, 1991. 1. kötet. pp. 360–364.

Hajzer Lajos. Проблемы установления ударения в русских оттопонимических прилагательных, мотивированных венгерскими топонимами. Slavica Quinqueecclesiensia, 2. Pécs, 1996. pp. 61–66.

В словаре Л. Хайзера описываются **топонимы** – названия географических мест Венгрии (городов, сел, рек, озер и т. д.), которые оказались не только заимствованными – выступившими в фонетической и графической «оболочке» русского языка: *Будапешт, Балатон, Ньиредьхаза* и др., но и дали в русском языке дериваты: *будапештцы, Прибалатонье, ньиредьхазский* и др., вследствие чего уже вполне являются русскими.

В словаре описываются топонимы, относящиеся к территории «исторической» Венгрии (в границах до 1918г.), вследствие чего многие топонимы в словаре, названные венгерскими, находятся теперь на территории соседних с Венгрией стран: *Пожонь – Пожонщина* (в современной Словакии) и др. Описываются не только реально существующие в Венгрии топонимы и их русские дериваты, но и – придуманные венгерскими писателями, а затем, вместе с переводами венгерской художественной литературы на русский язык, оказавшиеся в русском языке, где от них появились и производные слова, как, например, название жителей города *Сентвилмоша* из романа Й. Этвёша «Сельский нотариус»: *сентвилмошцы.*

Обычно в лингвистической литературе топонимам уделяется мало внимания. В толковых словарях они не описываются – на том основании, что являются собственными именами и не обозначают понятия, в связи с чем у них якобы нечего толковать. Характерно, однако, что в переводных словарях топонимы иногда все же находят место, хотя, казалось бы, их не надо переводить. Топонимы несут большую историко-культурную информацию, играют важную роль в коммуникации. Неслучайно многие из венгерских топонимов, описываемых в словаре Л. Хайзера, в 60–80-ые годы, в годы «открытости» двух стран друг к другу, были на устах у русскоязычного населения Советского Союза. Именно вследствие этого эти топонимы и дали производные слова – предмет описания в рассматриваемом словаре. Словарь Л. Хайзера – одно из немногих исследований, посвященных проблемам топонимии в области языковых контактов. Если же иметь в виду топонимию применительно к венгерско-русским языковым контактам, то названный словарь по сути дела является единственным исследованием такого рода.

Источники словаря. Источники словаря Л. Хайзера многообразны. К словарю приложен большой список художественных и публицистических произведений на русском языке, в которых употребляются венгерские топонимы и слова, образованные от них.

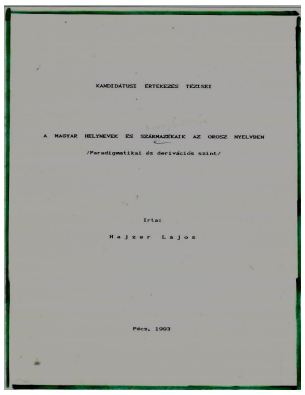
Прежде всего это переводы на русский язык венгерской художественной литературы – произведений Ш. Петёфи, К. Миксата, Ж. Морица, М. Верёшмарти, Г. Гардони, Э. Ади и др. Называются также и переводы речей и статей венгерских политических деятелей (Я. Кадар, М. Залка и др.), публицистических статей венгерских историков и экономистов. Само собой разумеется, что в этом случае особую роль играет переводчик с венгерского языка на русский. Именно ему, очень часто впервые, приходится переводить венгерский топоним на русский язык, образовывать от него новое русское слово – новое существительное, прилагательное и др. Безусловно, имя этого переводчика в обязательном порядке называется в словаре.

Использовалась Л. Хайзером в качестве источника словаря и оригинальная (непереводная) литература – статьи из периодической печати (газеты «Известия», «Труд» и др., журналы «Огонек», «Смена» и др.), публицистические очерки, книги очерков о Венгрии, о ее политике, экономике, культуре, быте и др. Здесь тоже русский автор мог играть роль «первопроходчика» – впервые употреблять венгерский топоним, впервые образовывать от него русский дериват, допуская нередко варианты в словообразовании, в зависимости от сочетаемости топонимов и др.: *Буда – будаец, будиец, Будайская крепость, будайский суд, будийский полк, Будайские горы* и т. д.

Л. Хайзер пишет во Введении, что при исследовании употребления венгерских топонимов в русском языке ему пришлось прочитать около миллиона страниц русских текстов.

Л. Хайзер не ставил своей задачей отобразить в своем словаре весь текстовый материал, все возможные употребления венгерских топонимов в русском языке. Так, в его словаре не описываются русские наречия, образованные от венгерских топонимов, например: *по-тордайски* (образованное от прилагательного *тордайский*, которое в свою очередь образовалось от топонима *Торда,* являющегося переводом венгерского *Torda*). Не описывается словообразование посредством словосложения, например: *Будайско-Пештское общество.*

KANDIDÁTUSI ÉRTEKEZÉS TÉZISEI

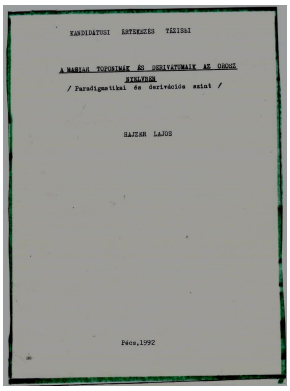
A MAGYAR HELYNEVEK ÉS SZÁRMAZÉKAIK AZ OROSZ NYELVBEN

/Paradigmatikai és derivációs szint/

Írta:

Hajzer Lajos

Pécs, 1993

KANDIDÁTUSI ÉRTEKEZÉS TÉZISEI

A MAGYAR TOPONIMÁK ÉS DERIVÁTUMAIK AZ OROSZ NYELVBEN

/ Paradigmatikai és derivációs szint /

HAJZER LAJOS

Pécs,1992

Д-р Лайош Хайзер
(Печский университет)

В одном старом сборнике рассказов и очерков венгерских и русских писателей на русском языке (сборник «Рукопожатие», Москва, 1985), можно прочитать: *Куда же идут эти прославленные токаи, кадарки, мускаты, быковеры.* В этом тексте обнаруживается еще один способ образования слов от венгерских топонимов – семантический, например: *Токай* «город» – *токай* «вино». Этот способ тоже не описывается в словаре.

Материал, с которым имеет дело исследователь, изучающий судьбу заимствованных топонимов в языке (в частности, судьбу венгерских топонимов в русском языке) огромен. Отобразить весь этот материал в одном словаре, силами одного исследователя, чрезвычайно трудно. И Л. Хайзер поэтому ограничивает задачи своего словаря – описывает только существительные и прилагательные, производные от венгерских топонимов (около 350 таких единиц).

Строение словаря и словарной статьи. «Словарь русских дериватов, образованных от венгерских топонимов» Л. Хайзера состоит из четырех частей:

1) «Русские вторичные топонимы, образованные от венгерских топонимов» (*Подунавье, Прибалатонье, Затисье* и др.); 2) «Русские катойконимы, образованные от венгерских топонимов» (*балатонец, чепелец, эгерец* и др.); 3) «Русские прилагательные, образованные от венгерских топонимов» (*задунайский, будайский, тисский* и др.); 4) «Русские субстантивированные прилагательные, образованные от венгерских топонимов»: *бадачоньское, эгерское, шопронское* и др. (вино).

Рядом с русским дериватом в словаре называется также и топоним-заимствование, от которого образовался данный дериват; характеризуется значение этого топонима («город», «село», «река», «озеро», «край» и др.). Более того, называется и венгерский топоним-источник в записи на венгерском языке. В итоге получается, что словарь содержит значительно больше информации, чем объявлено в названии «Словаря…»

Вот так выглядит словарная статья:

г. **Дебрецен** – Debrecen. Hajdú-Bihar m., **дебреценец**. Вот уж величественное зрелище для дебреценцев (К. Миксат. Два нищих студента).

Словарная статья имеет, таким образом, следующее строение. Возглавляет статью 1) русский топоним, заимствованный из венгерского языка *(Дебрецен)*. Сразу же, после него, называется 2) венгерский топоним-источник *(Debrecen)*. Указывается затем 3) значение топонима («город»). Затем называются 4) русские дериваты от русского топонима *(дебреценец)*. Даётся 5) иллюстрация употребления деривата в русском тексте с указанием автора текста (при переводном тексте – также и с указанием переводчика, о котором можно узнать в прилагаемом списке источников).

Таким образом, главными компонентами словарной статьи являются: 1) венгерский топоним, 2) русский топоним-заимствование, 3) русский дериват от заимствованного топонима.

Каждый из этих трех компонентов словарной статьи, а также переходы от одного компонента к другому – составляют описание в словарной статье.

С помощью словаря Л. Хайзера читатели могут узнать о написании, произношении, значении, употреблении в русском языке венгерских топонимов, о способах образования слов в русском языке от этих топонимов, о фонетических и морфологических особенностях этого словообразования, о норме и вариантах топонима и его деривата. Трудным для составителя словаря оказался вопрос определения места ударения в русских дериватах, так как источниками словаря были письменные тексты, в которых ударение не обозначается. Л. Хайзеру пришлось уточнять место ударения с учетом словообразовательных моделей русского языка. При образовании дериватов от топонимов интересными являются, конечно, происходящие при этом семантические процессы, действия некоторых культурных и даже психологических факторов, роль субстрата (например, славянского) и др. Однако эти факторы в словаре не описываются. Автор справедливо полагает, что они в науке недостаточно изучены, чтобы их можно было отражать в словаре.

При знакомстве со словарем может сложиться впечатление, что венгерские топонимы и их дериваты в русском языке являются окказионализмами, употребленными (в газетном и журнальном сообщении о Венгрии, в переводах венгерской художественной литературы на русский язык и т. д.) всего лишь один раз. Л. Хайзер предупреждает возможность такого впечатления. Он замечает, что уже в самом начале языкового процесса, который складывается из заимствования топонима и образования от него деривата, стоят сразу три носителя русского языка – переводчик (автор), корректор, редактор, которые готовят топоним (и дериват) для узуального использования. После них этот топоним (и дериваты от него) упо-

требляются и читателями, в результате чего многие из этих топонимов (и дериватов) становятся, можно сказать, общеупотребительными словами русского языка: *Будапешт, будапештцы, Будайская крепость, токайское вино* и др.

Значение словаря. Словарь Л. Хайзера может быть полезен студентам, изучающим русский язык, преподавателям, преподающим этот язык, филологам, переводчикам, географам, гидам, историкам культуры, изучающим венгерские реалии и их восприятие в русской культуре и т. д.

Надо бы издать этот словарь и на русском языке. В таком случае его могли бы использовать не только в Венгрии (венгры, заинтересованные в данной теме, знают русский язык), но и в России, где к нему обратились бы не только лингвисты-специалисты, получившие возможность наблюдать, как в «естественных условиях» происходит заимствование топонимов и как на русской почве, тоже «естественным» образом, создаются новые слова, как при этом работает словообразовательная система русского языка, – но и представители других специальностей: филологи, обществоведы, историки культуры, географы и др., интересующиеся русско-венгерскими общественными, культурными и языковыми связями.

Л. Хайзер много и долго работал над венгерскими топонимами в русском языке. Он изучил большое количество текстов русской художественной, публицистической, экономической, географической и др. литературы, как переводной, так и оригинальной, в которых встречаются венгерские топонимы и образованные от них в русском языке существительные и прилагательные. Защитил диссертацию на тему «Венгерские топонимы и их производные в русском языке», опубликовал по данной теме большое количество работ в Венгрии, России и других странах (список этих работ прилагается в конце словаря). Много писал автор о методике использования данной темы при обучении русскому языку венгерских студентов; создал для этой цели хорошо известное преподавателям специальное учебное пособие «Упражнения по русскому правописанию, транслитерации, транскрипции словесному ударению» (Hajzer, 1986). Его учебный курс русской фонетики (Hajzer 1974) для венгерских студентов-филологов оригинален тем, что в нем имеются важные для изучающих русский язык разделы: «Произношение венгерских слов в русских текстах», «Транслитерация венгерских собственных имен на русский язык» Л. Хайзер,1987).

Л. Хайзер мог бы создать (подготовить и опубликовать) обобщающую (все исследованные им вопросы) монографию, например, под названием «Венгерские топонимы в русском языке», включив в нее (соответствующим образом обработав – переработав, дополнив и т. д.) уже опубликованные им ранее статьи и материалы, сопроводив эту монографию словарем, в котором топонимы и их дериваты были бы расположены в гнездовом порядке: *Nyíregyháza – Ньиредьхаза, ньиредьхазец, ньиредьхаз-*

ский. Л. Хайзер – наиболее известный специалист в этой области, и было бы оправдано, чтобы именно он подвел итоги этой темы.

Литература

Федосов В. А. Рец.: A magyar helynevekből képzett orosz derivátumok szótára. [Словарь русских дериватов от венгерских топонимов]. Pécs, 1998. – Slavica Quiquecclesiensia, 3 (2). Pécs, 1999.

Hajzer Lajos. Упражнения по русскому правописанию, транслитерации, транскрипции и словесному ударению. Budapest,1986.

Hajzer Lajos. A mai orosz nyelv gyakorlati hangtana. (Практическая фонетика русского языка). Budapest, 1987.

Lendvai Endre. Рец.: A magyar helynevekből képzett orosz derivátumok szótára. (Словарь русских дериватов от венгерских топонимов). – In: Slavica Quiquecclesiensia, IV. JPTE, Pécs, 1998. pp. 297–300.

Глава 4
Семантика русского языка

4.1. Лексическая семантика русского языка (Э. Лендваи)

Семантика может быть не только лексической, но и грамматической. Но в своем характерном виде семантика выступает как лексическая семантика. Именно ей посвящена большая книга профессора Печского университета Э. Лендваи (Лендваи 1998). В этой книге описываются следующие вопросы русской лексической семантики: номинация предметов, семантические отношения в лексике (синонимы, многозначность и др.); детское словотворчество и юмор как материал для изучения мотивации значения у слова; восприятие слова при изучении иностранного языка и др.

4.2. Степени сравнения в лексической семантике (Г. Секей)

Точно так же, как и в грамматике (имя прилагательное: *холодный → холоднее*), имеется сравнение и в лексике, – когда изменяется в значении не качество, а количество: значение слова остается тем же, а количество значения то усиливается *(холодный → ледяной)*, то ослабляется *(холодный→ прохладный)*. Это явление в области лексической семантики едва ли не впервые описал проф. Ньиредьхазской Высшей школы Г. Секей (Székely 2001, 2007). Много внимания в этих книгах уделяется форме выражения сравниваемых значений – аналитической форме *(холодный > едва холодный)*, синтетической форме *(холодный → прохладный)* и т. д.

4.3. Грамматическая семантика русского языка (И. Пете)

В соответствии с тем, как грамматика разделяется на синтаксис и морфологию, разделяется и грамматическая семантика: синтаксическая семантика и морфологическая семантика. В синтаксической семантике И. Пете описывает семантические типы предложения: субъектно-ориентированные, предикатно-ориентированные и др. (Пете 2004). В морфологической семантике И. Пете описывает семантику частей речи: семантику существительного, семантику глагола и др. (Пете 2005).

4.4. Когнитивная семантика русского языка (Э. Ч. Йонаш)

Когнитивная семантика – это новая область в лингвистике. Когнитивная лингвистика пришла на смену формально-структурной лингвистике, описываю-

щей только форму в языке. Значения в когнитивной лингвистике называются концептами. Если форму (материальную сторону языка) можно зарегистрировать без значения, то значение (концепт) зафиксировать без формы невозможно. Надо создавать специальный семантический язык, чтобы описать значение, по крайней мере – использовать естественный язык (русский, или венгерский, или др.). Проф. Ньиредьхазской Высшей школы Э. Ч. Йонаш в своей книге (Jónás 2012) описывает концепты с указанием их языковых форм – применительно к русскому и венгерскому языку. Перевод осуществляется, пишет Э. Ч. Йонаш, на основе сравнения двух концептов и соответствующих языковых форм их выражения.

4.1. Лексическая семантика русского языка (Э. Лендваи)

Книга проф. Эндре Лендваи «Лексическая семантика русского языка». Э. Лендваи давно преподавал лексическую семантику русского языка в университете, но книга его была опубликована позже:

Лендваи Э. Лексическая семантика русского языка. Budapest, 1998.

Пишущий эти строки тоже причастен к этой книге: он стал ее редактором; позже в Москве в международном журнале «Русский язык за рубежом» опубликована наша рецензия (Федосов 2001).

Книга Э. Лендваи – основная, если не единственная в венгерской русистике монография о русской лексической семантике. До этого вопросы лексической семантики русского языка излагалась в Венгрии в вузовских учебных пособиях по русской лексикологии, например в учебниках по русской лексикологии проф. Сегедского университета И. Пете (например: Пете 1989).

Лексическая семантика изучает информацию в языке, выражаемую средствами лексики. С этим вопросом должны знакомиться и студенты вузов. Поскольку в книге Э. Лендваи информация описывается с точки зрения того, как она выражается средствами русского языка, то с этими проблемами должны были знакомиться и студенты, избравшие в Венгрии своей специальностью русский язык, – будущие преподаватели русского языка, переводчики, научные работники в области русистики. Именно поэтому научная монография Э. Лендваи стала одновременно и учебником для венгерских студентов-русистов. Совмещение жанров научной монографии и учебника по русскому языку – характерная особенность венгерской русистики (впрочем и российской).

Кроме названной книги, Э. Лендваи написал много научных статей, посвященных русской лексической семантике, в частности:

Лендваи Э. Семантика русского слова и внеязыковая действительность. – Сб. Nemzetközi Szlavisztikai Napok 2. Szerk. Gadányi K. Szombathely, 1986. pp. 175–181.

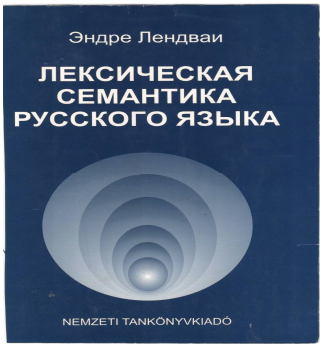
Лендваи Э. Словесное значение и его отношения. – A korszerűbb oroszoktatásért, 7. Szerk. Misky Gy. Pécs, 1988. pp. 331–336.

Лендваи Э. Семантическая аналогия двух знаковых систем. – A korszerűbb oroszoktatásért, 8. Szerk. Misky Gy. Pécs, 1989. pp. 50–58.

Лендваи Э. Мотивация наименования и эквивалентность слова. – Сб. Теория и практика обучения славянским языкам. Ред. Э. Лендваи, Л. Хайзер. Печ, 1994. с. 90–93.

Lendvai Endre. Az orosz személynév jelentése és szemantizációja. [Значение и семантизация русских личных имен] – A korszerűbb oroszoktatasert, 3. Szerk. Misky Gy. Pécs, 1983. pp. 62–80.

Lendvai Endre. Sajátos orosz jeltárgyak magyar megnevezése. [Венгерские наименования специфически русских денотатов] Magyar Nyelv, 3. 1985. pp. 348–351.

Проф. Э. Лендваи (Печский университет) и проф. Ю. Е. Прохоров, ректор Института русского языка им. Пушкина (Москва)

В книге Э. Лендваи при изложении вопросов лексической семантики русского языка соединяются традиции венгерского, русского, западноевропейского и американского языкознания. Это примечательно и весьма положительно. Обычно в лингвистических работах, тем более в учебниках, авторы замыкаются в своих географических зонах, знакомят читателей, студентов лишь с национальными школами в науке, с отечественными работами. Делается это не столько по «патриотическим» мотивам, сколько иногда из-за недостаточной осведомленности авторов в зарубежных исследованиях. Характерно это не только для венгерской и русской

традиции, когда в работах не всегда можно найти ссылки на всех западноевропейских и американских авторов, но и, в особенности, для европейских и американских авторов, у которых ссылки на венгерских и русских авторов полностью отсутствуют (см. об этом, в частности: сб. Новое в зарубежной лингвистике, вып. X, Лингвистическая семантика. – М., 1981). Книга Э. Лендваи, повторяем, основывается на источниках как русского, так и западноевропейского и американского языкознания. Используются и работы венгерских исследователей в области семантики русского языка, в частности упомянутые выше книги по лексикологии И. Пете, прежде всего книга «Лексикология русского языка (в сопоставлении с венгерским языком)» (Pete 1988), которая неоднократно цитируется в книге Э. Лендваи. В итоге библиография, предлагаемая в книге Э. Лендваи, содержит весьма обширный список работ по лексической семантике русских, венгерских, западноевропейских и американских авторов.

Книга Э. Лендваи отражает современное состояние научных знаний в семантической области. Книгой можно пользоваться не только читая ее от начала до конца, но и как справочным пособием, входя в нее как со стороны семантических понятий, используя оглавление, – так и со стороны названий семантических понятий, используя алфавитный предметный указатель, помещенный в конце книги.

Содержание книги. Э. Лендваи в своей работе освещает все основные проблемы лексической семантики: способы номинации предметов окружающего мира, способы мотивации при наименовании, виды семантических отношений в лексике при передаче значений (синонимия, многозначность, антонимия и др.). Кроме традиционных разделов семантики, в книге Э. Лендваи есть и нетрадиционные разделы – о детском словотворчестве как материале для изучения мотивации знака, о средствах создания юмора на уровне мотивации знака, о восприятии значения слов при изучении иностранного языка, о кроссвордах как семантической проблеме. Против наличия этих разделов нельзя возражать, так как они содержат очень важный материал, выразительно иллюстрирующий мотивационные процессы в семантике естественных языков.

В монографии Э. Лендваи, при исследовании вопросов лексической семантики, используются методы (компонентный анализ и мн. др.) и традиции, характерные как для русского, так и западноевропейского (и американского) языкознания. Все эти вопросы можно, конечно, излагать в другом порядке, чем это сделано в монографии. Можно дать дефиниции понятиям в несколько ином виде, с обращением внимания на иные аспекты, чем это сделал Э. Лендваи, можно отдать предпочтение другим авторитетам в области семантики и т. д. Но то, что предложено в книге, вполне обосновано.

Языковой материал. Поскольку монография посвящена семантике русского языка, постольку основной языковой материал в книге – русский. Однако в книге присутствует и материал венгерского языка. Сравнение материала двух языков, тем более таких разноструктурных, как русский и венгерский, имеет принципиальное научное значение. На основе сравнения можно увидеть более глубокие особенности в выражении, в представлении информации в знаках естественного языка. Имеется в книге и материал английского языка. Сравнение трех языков в выражении одной и той же, сходной информации (смысла, значения) несомненно способствует выявлению семантических закономерностей.

Научная новизна монографии. Новизна состоит, во-первых, в комплексном, синтетическом рассмотрении лексической семантики языка, обычно (вследствие разнообразия предмета) рассматриваемой по отдельным частям.

Во-вторых, в качестве общего, принципиального понятия, объединяющего лексическую семантику естественного языка в единое целое, выдвигается не устройство знака (основа для объединения всех дисциплин в семиотику), а создание нового знака (семиозис), происходящее как мотивация одного (нового) знака другими (старыми) знаками – при словообразовании, при образовании ассоциаций (метафоры).

В-третьих, отмечается, что семиозис происходит в двух обществах: 1) в обществе, для которого данный язык является родным (первичный семиозис), – мотивация средствами этого же языка; 2) в обществе, которое осваивает язык другого общества (вторичный семиозис): а) ребенок осваивает язык взрослых, – мотивация знаков языка взрослых знаками детского языка; б) представитель общества осваивает язык другого общества, – мотивация знаков иностранного языка знаками родного языка.

Особенности изложения материала. Традиционно «Семантика русского языка» описывается в двух вариантах: 1) в центре внимания ставится описание принципов семантики (синонимия, антонимия и т. п.), а в качестве материала для иллюстраций привлекается русский язык; см., например, работу Д. Н. Шмелева «Проблемы семантического анализа лексики» (1973); 2) в центре внимания находится русский язык, а общие понятия семантики (синонимия и т. д.) используются в качестве инструмента для описания; см., например, работу Ю. Д. Апресяна «Лексическая семантика» (1973). По сути дела 1-й вариант описания не является «Семантикой русского языка», это «Общая семантика» с иллюстрациями из русского языка. Непосредственное описание «Семантики русского языка» представляется 2-ым вариантом. Однако традиция сложилась такой, что именно 1-й вариант стало принято называть «Семантикой русского языка», а 2-й вариант именовать иначе, по-разному, в зависимости от конкретного раздела русского языка, который описывается. По традиции «Общая се-

мантика» в русистике превратилась, таким образом, в «Семантику русского языка» – по той причине, что, в форме лекционных курсов и учебных пособий, адресовалась студентам, изучавшим русский язык. Студентам надо было сообщать сведения не о конкретных результатах исследований в области семантики русского языка, а об общих понятиях семантики, предлагая их в качестве инструментария, которым студенты могут воспользоваться в будущем в своих конкретных наблюдениях над семантикой русского языка. Само собой разумеется, что в таком случае в качестве иллюстраций общих понятий можно было приводить примеры не только из русского языка, но и из других известных (и неизвестных) студентам языков. Монография Э. Лендваи реализует 1-й из двух вышеупомянутых вариантов традиции в описании лексической семантики и по своему характеру представляет собой общую семантику – на материале русского языка (с привлечением материала также из венгерского и английского языков).

Научная монография как учебное пособие. Книга Э. Лендваи, представляющая собой научное исследование, на наш взгляд, отвечает также требованиям учебно-методического характера: последовательность в изложении, доступность языкового материала, наглядная репрезентация материала с помощью хорошо построенных таблиц, способствующих не только пониманию материала, но и его запоминанию. Более того, книга Э. Лендваи – это по сути дела справочник по лингвистической семантике, отражающая современное состояние научных знаний в данной области, – с расположением статей не в алфавитном порядке, как обычно, а по принципу идеографического словаря. Оглавление, помещенное в начале книги, является своего рода синопсисом данного идеографического словаря. Предметный указатель, расположенный в конце книги, представляет собой своеобразный, алфавитный «вход» в данный идеографический словарь. Таким образом, книгой, повторяем, можно пользоваться не только как научным произведением и учебным пособием – читая его с начала до конца, но и как справочным пособием, – «входя» в него с двух сторон: 1) со стороны значения семантических понятий – используя оглавление, 2) и со стороны формы (написания) семантических понятий – используя алфавитный предметный указатель.

Слово и его значение

Определение слова и его значения. Наука под названием «Лексическая семантика» имеет в качестве своего предмета **значение** слова. Если определяться в том, что такое значение, сначала надо определить, что такое **слово**.

Обычно слово не определяется, так как слово – настолько привычное дело, что доступно каждому носителю языка. Если спросить говорящего на русском языке, что такое слово, то он ответит: слово – это, например, *стол* – и покажет на стол. При этом другой говорящий даже и не спросит у него: а второй стол – это тоже *стол*? Не спросит потому, что, как и первый говорящий, осознает, что каждое слово – обобщает.

Э. Лендваи специально не определяет слово, но на протяжении своей книги неоднократно его характеризует. Так, в Предисловии к своей книге Э. Лендваи пишет: «Слово естественного языка является не только средством передачи информации, но и культурно и исторически обусловленным ментально-лингвистическим отражателем, орудием познания и своеобразной памятью» (с. 13). Иначе говоря, слово – это не только средство передачи информации (общение), но и средство ее формирования (мышление) и средство ее хранения (память).

В своей книге Э. Лендваи приводит определения слова других лингвистов (Р. И. Будагов, И. А. Стернин, Л. А. Новиков и др.). Для всех этих определений характерно то, что в них не всегда точно выполняется требование логики: понятия, которые используются при определении слова, должны быть более «понятными», чем определяемое на их основе понятие слова. Нужно заметить, что несоблюдение логики при определении понятий – особенность всех филологических наук, в том числе, к сожалению, и наиболее строгой из них – лингвистики.

Что касается значения слова, то оно тоже обычно не определяется. Как и слово, оно тоже понятно каждому говорящему. При этом характерно, что эти два понятия (слово и значение) говорящие объясняют одновременно, вместе. См. пример выше: говорящий называет слово *стол* и показывает на стол, как на значение слова; или: указывает на стол (значение) и говорит: *Стол* (слово).

Э. Лендваи специально тоже не определяет значение слова, но в своей книге, в разных ее частях, характеризует это понятие, например в 1-ой главе в 1-ом ее разделе под названием «Основные понятия» (с. 15–22) Э. Ледваи пишет: «Центральным понятием лексической семантики является лексическое значение – связанное со словами «информация», «смысл» (с. 15). Здесь родовым понятием, под которое подводится понятие значения слова (лексическое значение), является «лексическая семантика», а отличительным понятием – то, что лексическое значение является «центральным» понятием лексической семантики (наряду с термином «значение» употребляются: «информация», «смысл»).

Процитируем еще одну характеристику «значения слова» у Э. Лендваи, в котором «значение» выступает вместе со «словом», что, как отмечалось выше, очень важно, так как носители языка именно так и оперируют этими понятиями – употребляя их вместе. Э. Лендваи пишет:

«Слово является основной единицей лексико-семантической системы языка. Охарактеризовать его значение можно лишь с учетом этой системы» (с. 59). Здесь для понятия «слово» родовым является понятие «единица», отличается «слово» (видовое понятие) от других единиц тем, что является «основной» единицей «лексико-семантической системы».

Понятия слова и его значения настолько принципиальные, что ими владеют все говорящие. Именно поэтому эти понятия – слово и его значение – в лингвистике, в том числе и в лексикологии и лексической семантике, обычно принимаются без определения, – что делает и Э. Лендваи, не настаивая на том, чтобы его характеристики этих понятий считались дефинициями.

Два этапа в изучении значения слова. На 1-ом этапе лингвисты, описывая слово и его значение, говорят: «Слово имеет значение» (значение находится вне слова). На 2-ом этапе – утверждают: «Слово – единство формы и значения» (значение – часть слова).

А. А. Уфимцева так пишет об этих двух концепциях слова в истории русского языкознания: «Как одностороннюю сущность понимают языковой знак В. М. Солнцев, В. З. Панфилов, А. А. Ветров, П. В. Чесноков, Т. П. Ломтев и нек. др. Так, например, В. М. Солнцев рассматривает знак как материальный предмет (в языке – звучание). То, на что указывает знак (означаемое), находится вне знака…». Другую точку зрения разделяют Б. А. Серебрянников, Ю. С. Степанов, В. А. Звегинцев, Ю. Н. Караулов, В. Г. Гак, Н. А. Слюсарева, Н. Д. Арутюнова, А. А. Уфимцева и др.: «…слово как единство звучания и значения» (Лингвистический энциклопедический словарь 1990, с. 169). Э. Лендваи полагает, что дело здесь еще и в обыкновенной многозначности терминов: «Под «знаком» иногда понимается «слово» (звуковой ряд + значение), в другом случае – только звуковая оболочка» (с. 35).

Между сторонниками этих двух концепций слова, отмечает А. А. Уфимцева, в языкознании идут постоянные дискуссии, которых – не должно бы быть. «Слово имеет значение» формулируется на 1-ом этапе познания значения слова, а «Слово – единство формы и значения» – на 2-ом, более глубоком этапе познания значения слова, подготовленном 1-ым этапом. Появившись друг за другом, эти два этапа в понимании значения слова существуют одновременно.

Э. Лендваи в первых 4-главах своей книги описывает значение слова на 1-ом этапе его познания, поэтому в течение первых 4-х глав употребляет обычно терминологию: «Слово имеет значение», а в 5-ой главе описывает значение слова на 2-ом этапе его изучения (правда, только на уровне конкретных слов «конкретная форма – конкретное значение», причем применительно только к случаям неоднозначного соответствия между формой и значением: полисемия, синонимия и др.), поэтому употребляет

обычно терминологию: «Слово – единство формы и значения». В целом же, в своей книге Э. Лендваи описывает две появляющихся друг за другом, но уже соседствующие друг с другом семантические дисциплины.

Если на 1-ом этапе описываются обычно значения отдельных, индивидуальных слов, то на 2-ом этапе описывается и множество слов в их соотношении (сопоставлении) друг с другом, благодаря чему и появляется критерий релевантности. Э. Лендваи пишет: «Относительный характер лексико-семантических категорий (полисемии, синонимии, антонимии и т. д.) проявляется в том, что словарные единицы не изолированы от других элементов лексики. Мы не можем заявить, что слово *холодный* является синонимом». Но мы можем установить, что «Слово *холодный* является синонимом слова *прохладный*, а в отношении к слову *теплый* оно является антонимом»» (с. 109).

На 2-ом этапе описания значения слов лингвистам приходится работать под жестким контролем принципа релевантности. Описывать все подряд, как они это делают на 1-ом этапе, уже невозможно. Не случайно, что число лингвистов, работающих на 2-ом этапе изучения значения слова, резко сокращается. Если в первой половине своей книги – при описании слова на 1-ом этапе – Э. Лендваи назвал (процитировал) свыше 80-ти разных лингвистов со всего мира, то во второй половине своей книги – при описании слова на 2-ом этапе – смог назвать (процитировать) только 20 разных лингвистов. Впрочем, и сам Э. Лендваи 1-ому этапу в описании слова посвятил 4 главы, привлекая (из-за невозможности испытать его на принцип релевантности) самый разнообразный лексико-семантический материал, то 2-ому этапу в описании слова и его значения Э. Лендваи посвятил только одну 5-ую главу.

1-ый этап в изучении значения слова. Наиболее характерный вид нерелевантного описания значения слова на 1-ом этапе его изучения – это приписывание слову (одной форме) нескольких типов значения. Обнаруживается это прежде всего в так называемом «семантическом треугольнике» Ч. К. Огдена и И. А. Ричардса. Э. Лендваи вслед за Е. М. Верещагиным, В. Г. Костомаровым, Л. А. Новиковым, И. Пете тоже уделяет в своей книге достаточно внимания «семантическому треугольнику» (Пете 1989, с. 25 и далее).

Как известно, в одном углу традиционного семантического треугольника помещается слово (символ, знак), в другом углу – предмет, в третьем – понятие. И предмет, и понятие находятся вне слова и могут поэтому выступать в любом своем содержании. Э. Лендваи утверждает о наличии у слова также и «прагматического отношения носителя языка к предмету, понятию и значению». Э. Лендваи пишет: «Знак-стимул вызывает ментальное изображение **(образ)** предмета, ядром которого является набор существенных признаков **(понятие)**… Они тесно связаны со значением,

которое, во-первых, есть языковое отражение предмета **(денотативное значение)**, отношения знака и понятия **(сигнификативное значение)**, во-вторых, и отношение носителя языка к указанным факторам **(прагматическое значение)**, в-третьих» (с. 27). Э. Лендваи считает, что прагматическое значение – это еще один угол в вышеупомянутом треугольнике, в результате чего треугольник у Э. Лендваи превращается в четырехугольник (в трапецию).

В разделе «Типы лексического значения» (с. 44 и далее) Э. Лендваи подробно описывает денотативное и прагматическое значения, а также еще одно – внутриязыковое значение («семантическое отношение слова к другим словам» (с. 48).

Есть лингвисты, которые насчитывают у слова больше типов значений, чем два или три (их называет Э. Лендваи). Например, американский лингвист Дж. Лич выделяет у слова семь типов значений: концептуальное, коннотативное, стилистическое, аффективное, рефлективное, коллокативное и тематическое (Лендваи 1998, с. 58–59), в результате чего у него получается (вместе со словом) уже восьмиугольник. Добавим, что венгерский лингвист И. Пете называет 6 типов значения, при этом одно из этих значений (коннотативное) имеет еще 4 типа, в итоге (вместе со словом) получается 10-угольник. Однако чем больше у слова насчитывается значений, тем настойчивее напрашивается вывод: у слова есть одно (и только одно) значение, а все так называемые «значения» – это разновидности одного и того же значения, компоненты одного значения, как утверждает И. Пете. Именно так И. Пете выходит на единство «форма – значение»: у каждого значения должна быть своя форма, а у каждой формы – свое значение (Пете 1989, с. 22 и далее).

Э. Лендваи согласен с А. А. Уфимцевой, которая утверждает, что «лексическое значение…является предметом непрекращающихся научных споров» (с. 42). В какой мере, однако, эти споры являются научными? Дело в том, что если значения, о которых ведутся споры, представить в тесной связи с формой слова, то надо делать вывод: такие значения (предмет, понятие, прагматика, эмоция и др.) – настолько различные, что не могут соотноситься с одной и той же формой (с одним словом). Именно так предстает эта проблематика в практике употребления языка у рядовых говорящих, у которых нет никакого треугольника, тем более – многоугольника, – имеет место только одна геометрическая фигура – линия: «Слово – имеет значение». Споры среди лингвистов ведутся потому, что значение слова рассматривается ими вне слова, когда слово – лишь предполагается. Как только лингвисты переходят на 2-ой этап изучения значения слова (слово – единство «форма – значение»), так семантические треугольники (и многоугольники) уже не требуются, – и споры прекращаются.

2-ой этап в изучении значения слова. Заметим, что в этом семантическом многообразии (проявляющемся на 1-ом этапе изучения слова), не контролируемом со стороны формы, нет ничего плохого, можно даже сказать: чем больше, тем лучше. В дальнейшем, на 2-ом этапе изучения значения слова (в единстве «форма – значение»), когда появляется принцип релевантности, оказывается больше возможности произвести отбор нужного материала – из всего того материала, который накопляется на 1-ом этапе изучения. Впрочем, и нерелевантный материал тоже не отбрасывается. Он составляет предмет, который должен бы называться лексической семантикой (ср. фонетика, изучающая все разнообразие звукового материала слова). Релевантный же материал составит предмет для второй лексической дисциплины, которую надо бы последовательно называть лексической семасиологией (ср. фонология).

Основной материал семасиологии – лексические значения слов на 2-ом этапе изучения – это то, что описывается прежде всего в толковых словарях: «форма – значение» в однозначном соответствии. Традиционным предметом семасиологии стали более сложные случаи соотношения формы и значения в слове: «одна форма – много значений» (полисемия, омонимия и нек. др.), «много форм – одно значение» (синонимия, антонимия и нек. др.). Для рядовых говорящих (и для составителей словарей) эти случаи не являются очень сложными – легко понимаются. Но лингвисты, работающие в области семасиологии, хотят разобраться в этом и по сути дела сводят свой предмет семасиологии к этим случаям (см. раздел «Семасиология» в вузовских учебниках по лексикологии, например: Пете 1989, Новиков 1987, Фомина 1990 и др.

Под названием «Лексико-семантические отношения» эта проблема обстоятельно разрабатывается в книге Э. Лендваи – в 5-ой главе (занимающей половину книги). При обсуждении проблемы Э. Лендваи применяет некоторые новые подходы, новые понятия.

Полисемия и омонимия слов

Различие и тождество в значении у полисемии. Понятия различия и тождества – понятия относительные, тем более, если их соотносить со значением – понятием весьма «растяжимым» (в отличие от формы – понятия материального и дискретного). Полисемия в толковых словарях рассматривается как слово с разными значениями. Лингвисты же обнаружили, что эти разные значения тождественные. Э. Лендваи, определяя, что у полисемии при одной форме – разные значения, тоже одновременно подчеркивает, что эти разные значения – тождественные. Э. Лендваи пишет: «Несмотря на эти различия, они входят в одно и то же элементарное

значение» (с.119); и далее: «…семантические дериваты внутри многозначного слова мотивированы семантическим инвариантом. Выводимость семантических дериватов из предшествующего значения является доказательством органического единства значения многозначного слова» (с. 120).

Чтобы «сгладить» противоречие (полисемия – это различные по значению слова, которые тождественные по значению), лингвисты ввели понятие «варианты значения». Э. Ледваи пишет: «… благодаря семантической взаимосвязанности лексико-семантических вариантов, мы говорим о едином многозначном слове» (с. 111). Но вариант не восстанавливает многозначность, а, напротив, подчеркивает тождество значения. В лингвистическом словаре читаем: «Под вариантами понимаются разные проявления одной и той же сущности, например видоизменение одной и той же единицы, которая при всех изменениях остается сама собой» (Лингвистический энциклопедический словарь 1990, с. 80). В результате противоречие в характеристике полисемии у лингвистов сохраняется: полисемия – это разные тождественные значения.

Значения в полисемии действительно различные, как это и должно быть в самом начале изучения полисемии, см. описания полисемии в толковых словарях (логический тезис). Но затем лингвисты обнаруживают у полисемии тождество в значениях (логический антитезис). Это противоречие обусловливает дальнейшее развитие понятия (логический синтез).

Полисемия, как область языка, противоречива потому, что такова (противоречивая) и объективная действительность, которую отражает язык. Э. Лендваи верно пишет: «Закономерности развития многозначности являются языковым отображением («оязыковлением») процессов познания действительности коллективным человеческим сознанием» (с. 111). Лингвисты, изучающие полисемию, тоже поэтому формулируют противоречивые понятия, и надо, чтобы лингвисты при этом использовали не формальную, а диалектическую логику познания, так как асимметрия (и симметрия) слова – это не частный случай в языке, где можно ограничиться формальной логикой, а принципиальное (фундаментальное) явление языка, требующее диалектического подхода.

Количество и качество в значении у полисемии. Что такое количество в значении слов и что такое качество у значения? Явно, что отношение понятий «количество – качество» как и отношений понятий «различие – тождество» – понятия относительные: их надо рассматривать в соотношении друг с другом.

Отношение «количество – качество» позволяет произвести обобщение у полисемии. Лингвисты всегда, когда описывают полисемию, указывают только на конкретные различия и тождества в значении – впрочем, точно так же, как и составители толковых словарей, между тем как линг-

висты могли бы пойти дальше в изучении полисемии – в обобщении значений. Так, если отвлечься от конкретных различий в значении слова *грязь* (пример Э. Лендваи): 1) «грязь», 2) «лечебная грязь», 3) «место лечебной грязи», – то, с опорой на семантические компоненты в значении (важно при обобщении число этих компонентов, а не их конкретный состав), а именно: 1) «грязь» (1 семантический компонент), 2) «грязь + лечебная» (2 компонента), 3) «место + лечебной + грязи» (3 компонента), – можно эти различия выразить как различия количественные внутри одного и того же качества (одного значения). В таком случае понятие «разные значения» приобретают в лингвистике два смысла: 1) разные значения – по количеству, 2) разные значения – по качеству. У полисемии значения – одного и того же качества (одно значение). И в таком случае нельзя утверждать, что, например у слова *грязь* «просто грязь» – это одно значение, а «лечебная грязь» – это второе значение и т. д. Если же все-таки так утверждать, то надо предупреждать, что это количественно, а не качественно разные значения.

Возможны три вида соотношения значений (одного качества) по количеству: 1) у одного значения количества больше, чем у другого значения (см. выше у слова *грязь*: «грязь» > «лечебная грязь»), 2) у одного значения (данного качества) количества меньше, чем у другого значения (см. у слова *грязь*: «грязь» < «лечебная грязь»), 3) значения по количеству одинаковы (см. у слова *стол*: «операционный стол», «стол у станка»). Для обозначения количественного изменения значения можно употреблять стрелку, а для обозначения неизменения – запятую.

В связи с количественным изменением значения используется и другая терминология: 1) в одном случае значение «усиливается» (имеет место усиление значения), 2) в другом случае значение «ослабевает» (имеет место ослабление значения), 3) в третьем случае значение количественно не изменяется (см. обо всем этом: Székely 2007).

Каждое очередное значение в полисемии количественно включает в себя самое первое значение, но может включать также и непосредственно предшествующее значение, см. выше слово *грязь*: «грязь» > «лечебная грязь» > «место лечебной грязи». Все эти процессы образования последующих количественных значений описал Э. Лендваи (с. 111–131). Полагаем, что в своей книге он подошел к диалектике количества и качества в полисемии ближе, чем кто-либо из других лингвистов, В частности, при характеристике способов образования производного количественного значения Э. Лендваи часто употребляет «количественную» терминологию, например говорит, что при образовании второго значения на основе метонимии это значение «расширяется», например: *груша* – «дерево» > «плод этого дерева», – в то время как при образовании второго количественного значения на основе метафоры – значение «не расширяется», например:

звезда – «на небе», «человек-знаменитость». Как кажется, и во втором случае имеет место количественное «расширение» (увеличение) значения, ведь, как говорилось выше, второстепенное значение обязательно включает в себя самое первое значение. Другое дело, что в случае метафорического переноса (кстати, «перенос» и означает, что исходное значение вошло в состав производного значения) и не является столь очевидным, как при метонимическом переносе значения.

К понятию количественного различия в значении слова в полисемии подходит Э. Лендваи и тогда, когда при характеристике отношений между количественными значениями, называя эти отношения «деривацией», выделяет понятия: 1) «радиальная» деривация, например: *стол* – «мебель» > «стол операционный», «стол у станка», где значение увеличивается всякий раз на 1 семантический компонент, но – только по отношению к самому первому значению; 2) «цепочечная» деривация, например: *грязь* – «грязь» > «лечебная грязь» > «место лечебной грязи», – где значение увеличивается всякий раз на 1 семантический компонент – по отношению к непосредственно предшествующему значению; 3) «радиально-цепочечная» деривация, где объединяются вместе и то, и другое соотношение значений, например: *земля* – «вещество» > 2) «почва» > 3) «территория», 4) «страна», 5) «собственность» и т. д. (с. 126–131), где вначале идет цепочка (2-ое и 3-е значения), а затем – радиальность (4-ое и 5-ое значение) – по отношению к 1-ому значению.

Э. Лендваи количественное увеличение значения в полисемии называет «линией от конкретного к абстрактному» (с. 127): там, где значения больше, там оно, по мнению Э. Лендваи, абстрактнее, ср. значения слова *стол*: «стол-мебель» > «операционный стол» (второе значение «абстрактнее» первого). Но не обстоит ли дело наоборот: «восхождение от абстрактного к конкретному»? Конкретное значение, т. е. новое качество в значении появляется тогда, когда количественного изменения набирается достаточно много – достигается **мера** в данном качестве (значении) и происходит скачок к новому качеству в значении: на месте полисемии появляется омонимия.

Переход количества в качество в полисемии: омонимия. Э. Лендваи в своей книге хорошо иллюстрирует переход количества значения в новое его качество (не употребляя самих понятий «количество – качество») на материале перехода полисемии в омонимию. Различия в значении у полисемии настолько расходятся количественно, что у значения появляется новое качество, обусловливающее появление нового слова. Это новое слово появляется несмотря на то, что его форма остается старой: такие два слова называются омонимами. Разумеется, рядовой говорящий тоже, на основе интуитивного осознания количественного расхождения в значении, способен в случае омонимии заключать, что перед ним

не одно слово, а два, хотя, повторяем, по форме слова оказываются тождественными.

Э. Лендваи пишет: «Омонимия характеризуется полным совпадением внешней формы и полным расхождением (несовместимостью) семантического содержания лексем… Омонимия нередко является результатом семантической дивергенции… в рамках семантической структуры многозначного слова» (с. 214). Э. Лендваи приводит примеры, иллюстрирующую ситуацию, когда трудно провести границу между полисемией и омонимией, иначе говоря – трудно зарегистрировать момент перехода количества в качество. Различий в значении набралось уже много, но качественного скачка еще не произошло. Пример, который приводит Э. Лендваи: *чинить* – 1) «ремонтировать», 2) «делать острым (карандаш)». Э. Лендваи пишет, что, вследствие наличия общего семантического компонента у этих двух значений («ремонтировать», «делать вновь пригодным») эти значения следует считать значениями одного и того же качества, создающими одно слово – с полисемией. Иное дело (пишет Э. Лендваи) – третье значение у той же формы: 3) «делать что-то плохое (чинить препятствие)». Количественного различия в значении в этом последнем случае набралось уже столько, что значение перешло в новое качество. Перед нами (верно утверждает Э. Лендваи) – уже новое слово, несмотря на то, что форма осталась старой.

Заметим, что в разных толковых словарях граница между полисемией и омонимией проводится неодинаково. Так, выше Э. Лендваи считает, что у слова *чинить* значения: 1) «ремонтировать» > 2) «ремонтировать – делать острым», – образуют полисемию, так как различия между этими двумя значениями, по его мнению, не набралось столько, чтобы появиться новому качеству. В некоторых толковых словарях так именно и описываются эти значения (одного качества) – как полисемия. Однако в других толковых словарях подаются эти значения как омонимия – как значения разного качества, обусловливающего появление двух разных слов. Объясняются эти расхождения в проведении границы между полисемией и омонимией в толковых словарях тем, что, в отличие от материальной формы, значение – идеально: оно может члениться в любом месте на любое число частей. Для каждого значения приходится искать соответствующую форму – в дополнение к той форме, которая объединяет все эти значения. Значения количественно должны расходиться очень сильно, чтобы быть представленными как значения разного качества – как значения разных слов, несмотря на то, что новой формы не появилось.

Вследствие тождества формы в алфавитных толковых словарях омонимы располагаются сразу же после полисемии, свидетельствуя, благодаря этому, еще раз о переходе полисемии в омонимию. Образуется омонимо-полисемантический ряд (блок) слов, основывающийся на общности

формы слова. Пример Э. Лендваи (в нашей интерпретации): *Мир* 1: 1) «вселенная» > 2) «земля как часть вселенной» > 3) «человеческое общество на земле» > 4) «сельская община», 5) «природа как часть вселенной» > 6) «животные в природе», 7) «растения в природе» > / *Мир* 2 – 1) «согласие» > 2) «согласие во время войны» > 3) «соглашение после войны»…

Разумеется, омонимия существует не только благодаря переходу количества в качество, но и совершенно случайным образом. Например, слово заимствуется из другого языка – и по форме совпадает с одним из уже имеющихся слов в данном языке. Пример Э. Лендваи (с. 217): первое слово *лава* (рус.) – 1) «деревянный помост через реку» > 2) «помост у реки для полоскания белья» > 3) «настил из досок в угольном забое»; второе слово *лава* (рус.) – «забой»; третье слово *лава* (польск.) – «порядок войск»; четвертое слово *лава* (итал.) – 1) «масса из вулкана» > 2) «движущая масса людей». Появление омонимии на месте полисемии в результате перехода количества в качество имеется только у русского многозначного слова. Остальные омонимы появились в русском языке в результате заимствования слов из других языков. Можно ли все эти слова и значения, представленные в одном месте толкового словаря (в синхронии), считать единым омонимо-полисемантическим блоком слов? Опыт толковых словарей показывает, что – можно.

Синонимия и антонимия слов

Различие и тождество в значении синонимов. Чтобы преодолеть асимметрию и восстановить симметрию знака (слова) в полисемии и синонимии, лингвисты рассуждают так. Да, конечно, у полисемии при тождестве формы – значения различные, но эти различия состоят только в том, что представляют собой всего лишь **варианты** одного и того же тождественного значения; у синонимии при различии в формах значение тождественно, но в этом тождестве есть различия под названием **оттенки** значения.

Определив полисемию, как слово с различными значениями (одна форма – много значений), лингвисты делают все возможное, чтобы доказать, что эти значения – тождественные (одна форма – одно значение). Определив синонимию, как слова с тождественными значениями (много форм – одно значение), лингвисты стремятся доказать, что эти значения различные (много форм – много значений). Вот как определяется задача синонимического словаря: «Задача синонимического словаря заключается в указании смысловых различий между синонимами» (Евгеньева 1970, с. 15). Таким образом, задача синонимического словаря состоит в восстановлении симметрии знака.

Э. Лендваи, определяя синонимы, так восстанавливает симметрию знака: «Синонимия характеризуется… различием формы и частичным различием семантического содержания» (с. 135). Хотя различия в значении синонимов «частичные», но это все-таки – различия. Вслед за Ю. Д. Апресяном (Апресян 1995) Э. Лендваи настаивает на том, что значения у синонимов действительно разные: синонимы практически не заменяют друг друга в тексте, имеют разную лексическую сочетаемость (с. 137–139).

В чем же конкретно различаются синонимы у лингвистов? Традиционно это два вида различий: 1) семантические и 2) стилистические. Э. Лендваи употребляет другую терминологию – соответственно: 1) денотативные синонимы (различаются денотатами), например: *теплый – горячий – жаркий*; 2) коннотативные синонимы (различаются субъективным отношением говорящего к денотатам), например: *идти* (нейтр.) – *семенить* (разг.) – *шествовать* (высок.). Анализируя примеры, Э. Лендваи показывает, что можно говорить и еще об одном различии у синонимов – соединяющим в себе первые два различия вместе, ср.: *лошадь – кляча*, где слово *кляча* – это «заморенная лошадь» (денотат) при «пренебрежительном» отношении говорящего к денотату (коннотация).

Кроме данной классификации различий в значении синонимов, которую Э. Лендваи называет «качественной» классификацией, предлагается еще и «количественная» классификация различий: 1) «точные» синонимы – различия в значении количественно незначительны: *бросать – кидать*; 2) «неточные» синонимы – количественно значения заметно различаются: *разрушить – уничтожить*. Однако (добавим) в обоих случаях качество значения остается неизменным: синонимия – сохраняется (с. 139–143).

Количество и качество в значении синонимов. Отношение «количество – качество» вместе с отношением «различие – тождество» позволяет разрешить традиционное противоречие в характеристике синонимов: синонимы тождественные и различные по значению, – представив это противоречие следующим образом: синонимы тождественны по качеству значения, но различны по количеству этого качества.

Э. Лендваи верно пишет об идеографических синонимах, что они различаются «степенью интенсивности проявления того или иного признака» и приводит пример, располагая в нем синонимы по нарастающему количеству качества, которое называется «высокая температура»: *теплый > горячий > жаркий > знойный*. А вот как количественно увеличивается другое качество – «холодная температура»: *прохладный > холодный >студеный* (с. 144).

В русской традиции при определении синонимов тоже присутствует количественный аспект в различении одного и того же значения. Вот как, например, определяет синонимы редактор известного двухтомного академического словаря синонимов русского языка: «В качестве синонимов в

нашем словаре рассматриваются слова, которые… употребляются для обозначения одного и того же понятия… Эти слова а) служат детализации и выделению степени и меры в проявлении признака…, в) выражают интенсивность обозначаемого действия…, г) служат выражению субъективной оценки…» (Евгеньева 1970, т. 1, с. 10). Как можно видеть, общим в значении у всех синонимов в синонимическом ряду является «понятие» (у Э. Лендваи – «интегральная сема»), а различие выступает в количестве этого понятия – в его «детализации», в «степени», в «мере» этого «понятия», в его «интенсивности» и др. В примере, который приводит А. П. Евгеньева, синонимы располагаются точно в направлении возрастания количества понятия (качества), хотя специально этот факт не оговаривается: 1) *Загореться* > *вспыхнуть* > *запылать*,.. 3) *Боязнь* > *страх* > *ужас*,.. 4) *Бежать* > *мчаться* > *нестись* > *лететь* (с. 10). В другом примере Е. П. Евгеньева уже комментирует количественное увеличение качества (понятия), употребляя термины «усиление», «интенсивность» и др.: *«Белый, белоснежный, молочный, снежный, меловой, кипенный, белокипенный. Белый* – основное, наиболее употребительное слово для выражения значения…; *белоснежный* имеет усилительный характер: чрезвычайно белый; *молочный, снежный, меловой, кипенный* употребляются…, чтобы подчеркнуть интенсивность белого цвета; *белокипенный* имеет усилительный характер…» (Евгеньева 1970, с. 53). Для большей точности в описании этих синонимов, уже расположенных в порядке количественного усиления их качества (значения), надо бы употреблять в синонимическом словаре стрелку, например: *белый* > *лиловый* > *молочный* > *снежный* > *белоснежный* > *кипенный* > *белокипенный*. Если между некоторыми синонимами нет очевидного (для информанта) количественного усиления значения, тогда между этими синонимами надо ставить не стрелку, а запятую.

Что касается стилистических оттенков в значении синонимов (у Э. Лендваи – коннотативных синонимов, в отличие от идеографических синонимов), которые обозначаются в синонимических словарях посредством помет «книж.», «разг.», «прост.», «бран.» и др., – то и здесь имеет место то же самое количественное усиление тождественного значения (качества). Слово со стилистическим оттенком обязательно выступает «сильнее», с большим количеством значения, чем слово, стилистически нейтральное. Э. Лендваи пишет: «В синонимической тройке *идти – семенить – шествовать* глагол *идти* лишен коннатативного содержания, *семенить* употребляется в разговорных ситуациях…, а *шествовать* относится к высокому стилю» (с. 146). Э. Лендваи, однако, в этом случае не утверждает, что и здесь имеет место возрастание количества одного и того же качества – значения «двигаться шагом»: *идти* > *семенить* > *шествовать*. Приведем еще один пример из книги Э. Лендваи с возрастанием количества значения у синонимов со стилистическими пометами: *уме-*

реть > *помереть* (разг.) > *скончаться* (высок.) > *издохнуть* > (прост.) > *откинуть копыта* (груб.). Э. Лендваи расположил эти слова друг за другом столбиком, нам же, не меняя этого порядка, осталось поставить между этими синонимами стрелки, показав специально тем самым количественное усиление одного и того же качества под названием «перестать жить». Сами пометы с точки зрения передаваемого ими усиления субъективного отношения к денотату, располагаются в следующем порядке: «разг.» > «прост.» > «груб.»…

В венгерской русистике понятие количественного усиления одного и того же значения в синонимическом ряду слов – уже получило достаточно полное описание в монографии: Székely 2007, например: *бить* > *дубасить* > *битьем бить*. Но основное внимание Г. Секей в своей книге уделяет описанию другого способа количественного усиления значения, который состоит в выражении этого усиления посредством сочетания данного синонима со специальным усилительным словом, например: *бить* > *беспощадно бить*; здесь в словосочетании качество и количество значения выражаются расчлененно: одно и то же качество выражается в повторяющемся слове *(бить)*, а разное количество этого качества выражается в специальном усилительном слове, которое присутствует в словосочетании *(беспощадно бить)*, и отсутствует, когда это слово, выражающее качество, употребляется в одиночестве *(бить)*. Г. Секей эти два способа количественного усиления одного и того же качества различает и терминологически: *бить* > *дубасить* – это лексико-синтетический способ усиления значения слова, а *бить* > *беспощадно бить* – это лексико-аналитический способ усиления значения. Традиционные синонимические ряды (в синонимических словарях), если их расположить в последовательности усиления значения, – это, таким образом (по Г. Секею), лексико-синтетический способ усиления значения.

Идея лексико-аналитического способа количественного усиления одного и того же качества (значения) обстоятельно разрабатывалась в России, где составлялись словари усилительных словосочетаний, например: Убин 1987. В этих словарях возле каждого слова в словарной статье перечисляются усилительные слова, в сочетании с которыми (с одним из них) усиливается значение данного слова, например: *Бить – беспощадно, жестоко, зверски* и т. д.; одновременно в словарной статье указываются (делаются отсылки) и другие слова, значения которых усиливаются посредством этих же усилительных слов, например*: удар, избить* – синонимы к слову *бить*. Получается два ряда синонимов, сочетающихся друг с другом попарно: *бить, удар, избить* + *беспощадно, жестоко, зверски* ... Первый ряд синонимов называет слова с одним и тем же значением, второй ряд синонимов называет количественные различия в этом значении, если пер-

вое слово сочетать со вторым. Аналогичный словарь усилительных словосочетаний составлен и применительно к венгерскому языку: Székely 2003.

Конечно, при описании различий в синонимическом ряду (тем более в синонимических словарях) лингвист имеет право отмечать у синонимов и конкретные различия – денотативные или коннотативные (если он их замечает), но надо иметь в виду, что эти различия – не релевантные (точно так же, как и различия между конкретными звуками речи, представляющими собой одну и ту же фонему (фонетика и фонология более разработанные лингвистические дициплины, чем семасиология).

Переход количества в качество в значении синонимов: антонимы. Когда количества значения набирается в синонимическом ряду много, на месте старого значения появляется новое. В это время происходит переход синонимии в антонимию: на месте тождества в значении слов появляется различие. Пример Э. Лендваи: *тащиться (-3) > брести (-2) > гулять (-1) > идти (0)> торопиться (+1) > бежать (+2) > нестись (+3)* (с. 170). Количественное возрастание качества в значении «скорость движения» Э. Лендваи выразил с помощью чисел, снабдив их знаками: минус – изменение количества значения в одном синонимическом ряду слов; плюс – изменение количества другого значения – в другом синонимическом ряду; нуль – означает, что в значении слов в этом месте произошел переход от одного значения к другому, противоположному первому. Качество, обозначенное нулем, надо полагать, свидетельствует у Э. Лендваи, что данное слово либо не относится ни к одному из двух синонимических рядов, либо относится к обоим синонимическим рядам. Но прежде всего слово *идти* надо включить, все-таки, в первый синонимический ряд, возглавив им этот ряд, а второй ряд возглавить словом *бежать*. Весь же антонимо-синонимический ряд – обозначить парой слов: *идти – бежать*. В целом же весь антонимо-синонимический блок будет выглядеть следующим образом: «Двигаться посредством ног. Медленно: *тащиться > брести > гулять > идти* > / Быстро: *торопиться > бежать > нестись»*. Общим значением для всех слов этого антонимо-синонимического ряда (объединительным признаком) выступает значение «двигаться посредством ног», а различительным значением (различительным признаком) для двух синонимических рядов выступает «медленно – быстро». Специально об объединительных и различительных признаках в антонимо-синонимических блоках см.: Федосов 1998.

Поскольку антонимия характеризуется «связанностью лексем через семантическую противоположность», а «семантическая противоположность» основывается «на прочном фундаменте общности» (с. 155), то обычно в антонимо-синонимических словарях антонимо-синонимические блоки строятся на признаках типа А (в-с), где А – общий признак (объединяет все слова в блоке), а (в-с) различительный признак (различает два

синонимических ряда. Но антонимо-синонимический блок может основываться на признаках типа А – не А, где А – признак первого синонимического ряда, а не-А – противоположный признак второго синонимического ряда. Общий признак в этом случае специально не формулируется: он легко воспроизводится, тем более если антонимы в антонимо-синонимическом блоке «настоящие», общеупотребительные (у Э. Лендваи – «более антонимичные», с. 160), например: *идти – стоять*, а не *идти – бежать*.

Приведем пример того, как количественное изменение качества «идти» в синонимическом ряду достигает своего предела – и происходит скачок к новому качеству «стоять», которое продолжает количественно изменяться в новом качестве – в новом синонимическом ряду; каждое слово во втором синонимическом ряду образует антонимию по отношению к каждому слову первого синонимического ряда, а в целом эти два синонимических ряда образуют единый антонимо-синонимический блок (ряд) слов, именно: *Идти – стоять* «Двигаться посредством ног: *шествовать* > *вышагивать* (разг.) > *шагать* > *ступать* > *идти* > *семенить* (разг.) > *переступать* > *брести плестись* > *тащиться* > противопол. (уменьшение значения «идти» привело к качественному скачку: появилось новое значение «стоять»): *стоять* > *возвышаться* > *выситься.* Как можно видеть, в приведенной словарной статье специально формулируется только различительный признак: «двигаться (посредством ног) – не двигаться». Объединительный признак (архисема всего антонимо-синонимического ряда) не формулируется. Впрочем, именно так (и только так – без общего признака) описываются антонимы во всех традиционных антонимических словарях, см., например: Львов 1987.

Располагать антонимо-синонимические блоки в антонимо-синонимических словарях можно, конечно, и по алфавиту первого слова антонимической пары, как это делается, например, в антонимическом словаре: Львов 1987. Но верно пишет Э. Лендваи: «…отношения семантического тождества и противоположности, сходства и различия между словами очень важное проявление системности лексики…» (с. 153) И далее: «Антонимы принимают активное участие в создании языковой картины мира» (с. 158). Это означает, что антонимо-синонимические словари должны быть прежде всего не алфавитными, а идеографическими, с приложением к ним алфавитного индекса антонимических пар.

Действительно, антонимо-синонимический блок слов обладает системообразующим свойством в высшей степени, - чего нельзя сказать об омонимо-полисемантическом блоке. Дело в том, что появляющееся новое качество в значении в результате перехода в него количества требует отчетливого различия в форме. У антонимо-синонимического блока это различие появляется: «много форм – много значений» (с однозначном соот-

ветствии), – в то время как у омонимо-полисемантического блока новое качество значении не получает отчетливо новой формы: в роли различных форм в соотношении «много форм – много значений» в омонимо-полисемантическом блоке используется материально одна и та же форма: асимметрия знака до конца не преодолевается.

Итак, все слова в языке – **различные**, но каждое из этих слов **тождественно** самому себе. Именно так описывается лексика в толковых словарях.

Различие в соотношении с тождеством обнаруживает себя как различие в **количестве**, соотносящемся с одним и тем же **качеством** в значении, см. полисемию, описываемую в толковых словарях, и синонимию, описываемую в специальных синонимических словарях.

Различие в количестве, достигнув меры, **переходит** в новое тождество – новое качество, см. омонимо-полисемантические блоки лексики, описываемые по-прежнему в толковых словарях (после словарной статьи с полисемией сразу следует словарная статья с омонимией), и антонимо-синонимичееские блоки, описываемые в специальных антонимо-синонимических словарях.

В обоих этих случаях лексика систематизируется с учетом единства формы и значения.

Э. Лендваи при систематизации русской лексики по форме и значению в 5-ой главе своей книге под традиционным названием «Лексическая семантика русского языка» уже пользуется новыми, диалектическими, не привычными пока в лингвистике понятиями. В этом одно из достоинств его книги.

Э. Лендваи описывает в своей книге лексическую семантику русского языка в аспектах традиционной, структурной и когнитивной лингвистик. Об этом см. отдельно: Федосов 2012.

Литература

Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. Москва, 1995.

Болла К., Палл Э., Папп Ф. Курс современного русского языка. Ред. Ф. Папп. 4-ое изд. Budapest, 1977.

Будагов Р. А. Человек и его язык. Москва, 1976.

Евгеньева А. П. Введение к словарю: Словарь синонимов русского языка. В 2-х томах. Ленинград, 1970.

Караулов Ю. Н. и др. Русский семантический словарь. Опыт автоматического построения тезауруса: от понятия к слову. Москва, 1982.

Лингвистический энциклопедический словарь. Глав. ред. В. Н. Ярцева. Москва, 1990.

Львов М. Р. Школьный словарь антонимов русского языка. Изд. 2-ое. Москва, 1987.

Морковкин В. В., ред. Лексическая основа русского языка. Комплексный учебный словарь. Москва, 1984.

Новиков Л. А. и др. Современный русский язык. Лексикология. Учебник для студентов-иностранцев. Москва, 1987.

Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X. Лингвистическая семантика. Сост. В. А. Звегинцев. Москва, 1981.

Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. Сост. В. В. Петров, В. И. Герасимов. Москва, 1988.

Пете И. Лексикология русского языка для венгерских студентов-русистов. Будапешт, 1989.

Попова З. Д. Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. Москва, 2007.

Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. Пособие для учителей. Изд.2-ое. Москва, 1976.

Прохоров Ю. Д. В поисках концепта. Москва, 2007.

Убин И. И. Словарь усилительных словосочетаний русского и английского языков. Москва, 1987.

Федосов В. А. Различительные и объединительные признаки в системе антонимов, синонимов и антонимо-синонимических блоков. Studia Slavica Hungarica, № 43. Budapest, 1998. с. 61–70.

Федосов В. А. Рец.: Э. Лендваи. Лексическая семантика русского языка. Budapest, 1998. – В ж-ле: Русский язык за рубежом, № 3. Москва, 2001. с. 90–93.

Федосов В. А. Рец..: Прохоров Ю. Е. В поисках концепта. Москва, 2007. – Slavica, t. XXXVIII. Debrecen, 2009.

Федосов В. А. Лексическая семантика русского языка в русистике Венгрии (о книге Э. Лендваи «Лексическая семантика русского языка»). – Сб. Translatologia Pannonica III. Pécs, 2012. pp. 196–217.

Фомина М. И. Современный русский язык. Лексикология. Москва, 1983.

Cs. Jónás Erzsébet, Fedoszov Viktor. Rec.: Székely Gábor. Egy sajátos nyelvi jelenség, a fokozás. [Усиление как особое значение в языке]. In: Modern Nyelvoktatás, XIII. Évfolyam, 4. szám. Budapest, 2007. pp. 51–57.

Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973.

Pete István. Orosz–magyar egybevető szótan. [Лексикология русского языка в сопоставлении с венгерским языком] Budapest, 1988.

Székely Gábor. A fokozó értelmű szókapcsolatok magyar és német szótára. [Словарь усилительных словосочетаний венгерского и немецкого языков] 2003.

Székely Gábor. Egy sajátos nyelvi jelenség, a fokozás. [Усиление значения слова как особое явление языка] Budapest, 2007.

4.2. Степени сравнения в лексике (Г. Секей)

Традиционно категория степеней сравнения является категорией грамматической, имеющей специальную систему морфологических средств выражения в области такой части речи, как прилагательное, отчасти – наречие Drahos 1962). Сущность степени сравнения у прилагательного (и наречия) состоит в том, что по значению (лексически) слово не изменяется – изменяется только количество этого значения, что выражается в грамматических формах прилагательного: *новый → новее → новейший* (синтетическая форма); *новый → более новый → самый новый* (аналитическая форма).

Новизна исследований проф. Ньиредьхазского пединститута Габора Секея в венгерской русистике состоит в том, что категория степени сравнения распространяется им на лексику. Г. Секей утверждает, что степени сравнения имеются и в лексике, хотя данная категория и не выражается в лексике так же последовательно и регулярно, как в грамматике у прилагательного, однако она проявляется в целом ряде лексических закономерностей и правил, заслуживающих того, чтобы признать, что и в лексике существуют степени сравнения: качество лексического значения не изменяется, но изменяется количество этого качества, например: *бить → избивать → дубасить → ...* (синтетический способ выражения степени сравнения в лексике); *бить беспощадно → бить нещадно → бить зверски →* … (аналитический способ).

Проблему степеней сравнения в лексике Г. Секей описывает в двух своих книгах:

Székely Gábor. A lexikai fokozás. [Степени сравнения в лексике] Budapest, 2001.

Székely Gábor. Egy sajátos jelenség, a fokozás. [Степени сравнения как особое явление в языке] Budapest, 2007.

Кроме названных двух книг, Г. Секей опубликовал на данную тему много научных статей, из которых выделим следующие его работы:

Секей Г. Степени сравнения – с усилением и ослаблением значения. – Вестник Филиала Института русского языка им. Пушкина. Вып. 17. Будапешт 2003.

Секей Г. Сложное предложение меры и степени как конструкция с усилением значения слова («…так ударил, что…»). – В сб. Языковые значения, формы и категории. Владимир, 2005.

Székely Gábor. A Magn-paraméter kifejezésének formai eszközei a mai orosz nyelvben. [Формальный анализ возможностей выражения параметра Magn в со-

временном русском языке]. – Nyíregyházi Tanárképző Főiskolai Közlemények. 5/C, 1973. pp. 63–72.

Székely Gábor. Применение семантических параметров в обучении русскому языку. – Föiskolai Ruszisztikai Napok. 6/ c. Szeged, 1974. pp. 123–126.

Székely Gábor. Rokonsági elnevezések az orosz nyelvben és a magyar megfelelőik. [Термины родства в русском языке и их венгерские соответствия] Nyíregyházi Tanárkepző Főiskolai Közlemények. 1974-a. pp. 89–100.

Székely Gábor. Лексические средства выражения усиления и ослабления значений слов в русском языке. Studia Russica, XX. Budapest, 2003. pp. 420–423.

Székely Gábor. A fokozó értelmű szókapcsolatok magyar és német szótára. [Словарь усилительных словосочетаний венгерского и немецкого языков] Budapest, 2003-a.

Székely Gábor. A fokozó értelmű szókapcsolatok magyar és német szótára. [Словарь усилительных словосочетаний венгерского и немецкого языков] 2003-b.

Székely Gábor. Reflexiók „a fokozás mibenlétéről" [Рефлексия на «степени сравнения по существу»] Magyar Nyelvőr, 4. szám. Budapest, 2009.

Первая книга проф. Г. Секея

Предмет описания. Проанализируем прежде всего первую книгу Г. Секея, которая так и называется: «Степени сравнения в лексике». Книга представляет собой научную монографию, которая имеет все, полагающиеся для данного жанра научной литературы части: 1) введение (формулируется проблема, основные ее понятия, определяется материал и метод исследования), 2) несколько глав (6 глав), каждая из которых посвящается отдельной части этой проблемы; 3) приложения: списки исследованной лексики, предметный указатель; резюме на трех языках.

Задача первой монографии Г. Секея состоит, как уже сказано, в описании степеней сравнения в области **лексики,** а не грамматики, в чем и заключается новизна и значимость данной монографии. Правда, одновременно Г. Секей описывает и грамматическую сторону степеней сравнения в лексике.

Если говорить точнее, то в монографии Г. Секея описывается не просто лексика (и соответствующая грамматика), а **сочетаемость лексики**, именно лексические сочетания с значением «усиления», или «усилительные» лексические сочетания.

Описывая степени сравнения в лексике, Г. Секей в первой своей книге ограничивает свой предмет.

Во-первых, он описывает не все степени изменения значения в лексике (усиление, ослабление, нулевая степень), а в основном только те изменения, которые происходят в направлении **усиления** этой степени.

Направление ослабления степени значения, а также неизменение этой степени (которые обнаруживаются в лексической парадигме на основе сопоставления с усилением и ослаблением степени значения), – Г. Секей пока в этой книге не описывает. В этом случае Г. Секей поступает точно так же, как поступают грамматисты. Как известно, в грамматике категория степеней сравнения прилагательного описывается только применительно к усилению степени качества *(белый → более белый → самый белый)*, – в соответствии с тем, что именно эта степень сравнения и получает в грамматике специальное морфологическое выражение (суффиксы, приставки)*: белый – более – белейший*. Ослабление степени качества *(белый → менее белый)* в грамматике специально не описывается.

Во-вторых, лексические сочетания со степенью усиления качества Г. Секей описывает не все, а только – **бинарные,** состоящие из двух лексем, одна из которых называет само значение («ключевое слово» – по терминологии Г. Секея), а другая лексема – одну из степеней этого качества («усилительная лексема» – по терминологии Г. Секея), например: *острое → очень острое*. Говорящий, знающий данный язык, интуитивно владеет одновременно не только бинарной парадигмой степеней сравнения, но и всей парадигмой, состоящей из множества усилительных элементов: *острый > очень острый > чрезвычайно острый* и т. д. При употреблении в бинарном сочетании только одного из элементов усиления, говорящий (и слушатель) подразумевают и другие степени усиления, благодаря чему данное бинарное сочетание ивоспринимается как «усилительное» сочетание.

Действительно, понятие «степени значения», «сравнение степеней» – понятия относительные. Утверждать о том, что данное бинарное лексическое сочетание является сочетанием с «усилением» значения, можно прежде всего предполагая, что рядом с данным сочетанием существуют другие «усилительные лексемы», указывающие на другие степени качества, называемого «ключевым словом». См. любой словарь усилительных словосочетаний (Убин 1987, Сущинский 1997, Székely 2003), в котором все усилительные лексемы со значением различной степени значения применительно к каждому ключевому слову – перечисляются, правда, не в порядке усиления этой степени значения, а, к сожалению, – в алфавитном порядке. Полное описание лексической сочетаемости со значением «степени значения» предполагает не бинарную, а множественную сочетаемость – семантическое поле, на котором задается отношение «степени значения», которое в одну сторону «усиливается», а в другую сторону «ослабевает» (возможна и нулевая «степень значения»): *менее острый > острый > более острый* (ср. *менее острый < острый < более острый*).

Проф. Габор Секей, Ньиредьхазская Высшая школа

В-третьих, поскольку работа Г. Секея имеет эмпирический характер (система понятий об усилительных словосочетаний формулируется не как теоретическая система, а как система выводов из анализа конкретного фактического материала на основе индуктивного метода), постольку предмет исследования ограничивается и в отношении **языкового материала**. В монографии Г. Секея описываются усилительные словосочетания применительно к венгерскому, немецкому, с привлечением для сравнения русского языка.

Понятие эквивалентности. Перечисленные выше задачи решаются Г. Секеем на основе сопоставления языков. В главе 1-ой Г. Секей обсуждает «общие вопросы» усилительных словосочетаний (для всех языков); в главе 2-ой рассматривает усилительные словосочетания конкретно в венгерском языке; в главе 3-ей – конкретно в немецком языке; в 4-ой главе усилительные словосочетания он рассматривает на основе сопоставления языков – венгерского, немецкого и русского. В 5-ой главе подводит итоги сопоставления языков в отношении выражения в них степени лексического значения.

Типологическое сопоставление языков предполагает в сравниваемых языковых конструкциях наличие общей и различных частей как применительно к плану выражения языковой конструкции (форма), так и применительно к плану ее содержания (значение).

При сравнении усилительных словосочетаний разных языков Г. Секей использует понятие **эквивалентности.**

Г. Секей пишет, что эквивалентны те усилительные словосочетания, относящиеся к двум языкам, которые одинаковы с точки зрения их грамматической модели (Székely 2001, с. 54). Например, венгерское и русское

усилительные сочетания *mesterien játszik – мастерски играет* являются эквивалентными, так как в обоих языка эти словосочетания аналитические. Напротив, сочетания *jéghideg – холодный как лед* не являются эквивалентными, так как в венгерском языке это сочетание синтетическое, а в русском – аналитическое.

На материале синтетических усилительных конструкций Г. Секей дает следующую классификацию межъязыковой эквивалентности: 1) полная эквивалентность (в грамматическом и семантическом отношении), например: нем. *blitzschnell* – вен. *villámgyors,* ср. неэквивалентность соответствующей аналитической русской конструкции: *быстрый как молния*; 2) частичная эквивалентность (структура – разная, но денотативная основа – общая), например: нем. *federleicht* – вен. *pehelykönnyű*, ср. неэквивалентность соответствующей русской аналитической конструкции: *легкий как пушинка*; 3) квази-эквивалентность (нет точного соответствия в модели конструкций), например: нем. *gutherzig* – вен. *jószívű*, ср. русское синтетическое словосочетание: *добросердечный;* 4) полная неэквивалентность, например в одном языке конструкция – синтетическая, а в другом – аналитическая.

Эквивалентность в грамматическом аспекте. Г. Секей сравнивает усилительные лексические словосочетания разных языков прежде всего – в такой их грамматической форме, как сложное **предложение** с придаточным образа действия степени и меры: *…так работал, что…; …так быстро, что…; так весел, что…; такой ум, что…*; и т. п. Г. Секей делает вывод, что в большинстве случаев эти конструкции в венгерском и немецком языках эквивалентны, впрочем – и в русском языке (см. также: Секей 2005).

Наиболее характерной усилительной конструкцией в форме **словосочетания** является сравнительный оборот типа *голодный как волк*. Эта конструкция в трех языках тоже в большинстве случаев (делает вывод Г. Секей), эквивалентна. Тот факт, что в венгерском языке употребляются послелоги, а в русском и немецком языках – предлоги, по мнению Г. Секея, не нарушает эквивалентности. О том, что в венгерском языке после сравнительного союза перед существительным употребляется определенный артикль, в немецком языке – неопределенный, а в русском языке вообще нет артикля, – тоже не нарушает эквивалентности конструкций в трех языках.

В области **синтетических** усилительных словосочетаний между венгерским и немецким языками много общего, так как оба эти языка – с развитым словосложением. В русском языке в этом случае используются обычно аналитические усилительные словосочетания, ср. вен. *kristálytiszta* – нем. *kristallklar* – рус. *кристально чистый*. При наличии латинских при-

ставок синтетические словосочетания появляются и в русском языке, ср.: вен. и нем. *hipermodern* – рус. *сверхсовременный.*

Эквивалентность в лексическом аспекте. Лексический аспект Г. Секей рассматривает в основном на уровне **конкретных лексем**. В отношении большинства лексем, употребляющихся в усилительных словосочетаниях, Г. Секей пишет о наличии большого сходства венгерского и немецкого языков; в другом месте (с. 92), на основе описания усилительных словосочетаний в русском и немецком языках (Сущинский 1997) Г. Секей пишет о сходстве венгерского и немецкого языков с русским языком. Например, Г. Секей отмечает в усилительных словосочетаниях применительно к **ключевому слову,** называющему значение в словосочетании, следующие последовательно лексические соответствия в трех языках: *волна* – нем. *Welle* – вен. *Hullám; жизнь* – нем. *Leben* – вен. *élet; приказ* – нем. *Befehl* – вен. *parancs*; и т. д.

Зато применительно к **усилительной лексеме** в названных трех языках обнаруживаются различия. Например, с усилительной лексемой *magas (высокий)* в венгерском языке существует не очень много усилительных словосочетаний, в то время как в немецком языке *(hohe)* – их значительно больше, как, впрочем, и в русском языке: *высокая активность, высокое внимание* и т. п. Напротив, в венгерском языке много усилительных словосочетаний с усилительной лексемой *végtelen (бесконечно*, *безгранично),* в то время как в немецком языке *(endlos)* таких словосочетаний мало, как, впрочем, и в русском языке: *безграничная радость*.

Сравнивая усилительные словосочетания на уровне **лексических классов**, Г. Секей пишет: 1) о названиях **животных** в словосочетаниях типа: *глупый как осел* (в русском и венгерском языках это словосочетание имеется, в немецком – нет); *глупый как гусь* (такого сочетания нет в русском языке, но есть в венгерском и немецком языках); 2) о названиях **людей**, в том числе и собственных именах типа: *красив как Бог, умный как Соломон, богатый как Крез* (таких сочетаний почти нет в русском языке, но их много в венгерском и немецком языках, вследствие культурно-исторической общности этих двух языков).

Много материала для сравнения усилительных словосочетаний с точки зрения их лексического состава дают **словари усилительных словосочетаний:** Сущинский 1997, Убин 1987, Székely 2003. Так, при сравнении состава усилительных лексем, относящихся к ключевому слову *éles – острый* с соответствующими лексемами русского языка, – обнаруживается много интересных мест в области общего и различного в лексической семантике двух языков. В частности, в области различного очевиден тот факт, что в русском языке при слове *острый* нет усилительных лексем, соответствующих венгерским словам *marhára (для скота), oltárian (для алтаря, жертвенника),* что соответствующие усилительные словосочета-

ния: **(нож) острый только скот резать, *острый как для алтаря (для жертвенника)* в русском языке лексически неправильные. В венгерском языке есть, далее, лексемы, «усиливающие» значение данного ключевого слова в направлении, отсутствующем в русском языке: **острый сногсшибательно, *острый ошеломительно* и др. Последовательное сравнение усилительных словосочетаний с точки зрения их лексического состава дает общую и различные части в двух «картинах мира», – заслуживающие уже специального описания.

Выводы из первой книги. 1. **Исследование усилительных словосочетаний, проведенное Г. Секеем в сопоставительном плане, важно прежде всего для** контрастивной лингвистики. **Эта важность состоит в описании самого предмета сопоставления –** усилительных словосочетаний; **в описании** выражения **усилительного значения в отдельных языках – венгерском, немецком, русском и др.; в формулировании основных понятий и процедуры** сопоставления **языков (эквивалентность, неэквивалентность и др.) на материале усилительных словосочетаний.**

2. Исследуя **лексическую сочетаемость** в области усилительных словосочетаний, Г. Секей обнаруживает важные закономерности, свойственные для всей лексической сочетаемости, а также – и закономерности в описании этой сочетаемости, например: необходимость последовательного разграничения грамматического и лексического аспектов в сочетаемости слов. На материале усилительных словосочетаний Г. Секей доказывает возможность описания **лексического аспекта** как самостоятельной области в сочетаемости слов.

3. Важно исследование Г. Секея для составления словарей лексической сочетаемости, в частности – **словарей усилительных словосочетаний,** которые не охватывают всей лексической сочетаемости слов в языке, но составляет удобный материал для формулирования закономерностей в области всей лексической сочетаемости, представляя своеобразный полигон для проверки этих закономерностей.

4. О **практическом приложении** результатов своих исследований в области сопоставления усилительных словосочетаний Г. Секей пишет специально в последней, 6-ой главе своей монографии.

Во-первых, речь идет о составлении **словарей усилительных словосочетаний**. Свой венгерско-немецкий словарь Г. Секей составил по аналогии с изданными ранее русско-английским (Убин 1987) и русско-немецким (Сущинский 1997) словарями усилительных словосочетаний, – с использованием толковых, синонимических, фразеологических и некоторых других словарей венгерского и немецкого языков. Г. Секей получает описание лексической сочетаемости в венгерском и немецком языках в виде словаря применительно к одному из типов этой сочетаемости (уси-

лительные словосочетания). В словаре, составленном Г. Секеем (Székely 2003), подробным образом употребляются **стилистические пометы**, заимствованные в основном из толковых словарей и пополненные с целью характеристики усилительных лексем. Сравнение стилистических помет в двух языках тоже важно в плане сопоставления этих языков, причем не только в плане их семантики, но в плане их прагматики.

Во-вторых, в первой книге Г. Секея (в особенности его словарь усилительных словосочетаний, составленный на теоретической базе данной книги) имеет выход в практику **перевода** с одного языка на другой и обратно, – перевода текстов со значением усиления качества, действия и т. д., с квалификацией степени эквивалентности этого перевода.

В-третьих, монография Г. Секея (и его словарь усилительных словосочетаний) полезны для практики **преподавания** иностранных языков. Работа Г. Секея появилась в практике преподавания языков и вновь возвращается в нее, чтобы помочь студентам при анализе и синтезе текстов со значением «усиления качества», а на этом материале – обучать их построению и анализу текстов с возможной другой семантикой.

В заключение надо сказать, что монография Г. Секея (Székely 2001) – одна из немногих работ, посвященных лексической сочетаемости. Лексем в языке – много, сочетаний лексем – еще больше, – и надо обладать большой смелостью, чтобы посвятить свое время, себя (свою жизнь) изучению практически бесконечной области. Куда проще изучать конечное число грамматических форм, грамматических схем сочетаемости слов, абстрагируясь от лексики, от лексических категорий сочетаемости, – которые грамматика призвана всего лишь маркировать. Г. Секей, конечно, ограничивает область своего исследования одной лексической конструкцией – «усилительными» сочетаниями лексем, но и эта лексическая конструкция очень многообразна.

Вторая книга проф. Г. Секея

Предмет описания. Вторая книга Г. Секея «Усиление значения слова как особое явление языка» (Székely 2007) представляет собой монографию с охватом широкой семантической области: **усиление значения слова**, проявляющееся не только 1) в собственно усилении *(холодный → очень холодны; холодный → ледяной)*, но и 2) в ослаблении значения *(холодный → едва холодный; холодный → прохладный)*, как 1) без сравнения со значением другого слова *(холодный > очень холодный),* 2) так и в сравнении со значением другого слова *(холодный → холоднее, чем…)*. Именно эта «полная парадигма» выражения в языке усиления значения слова и составляет непосредственный предмет данной книги, в отличие от предмета

первой книги, вышедшей ранее Székely 2001, посвященной «неполной парадигме» усиления.

В этой книге, в каждой главе, (в каждом разделе) излагается «история вопроса», – анализируется литература, на выводах из которой автор обычно и начинает свои рассуждения. Эта литература у Г. Секея большая, см. библиографию в конце книги. И надо заметить, что работы, опубликованные в России имеют для Г. Секея основополагающее значение. Это прежде всего работы московских семантиков: Жолковский, Мельчук 1967, Апресян 1974, а также двуязычные словари усилительных словосочетаний, составленные в России: Убин 1995, Сущинский 1997.

Исследует свой предмет Г. Секей на материале четырех языков – венгерского, русского, немецкого, английского. Однако Г. Секей подчеркивает, что его целью является не сопоставление языков с точки рения выражения в них усиления значения слов, а – чтобы глубже разобраться в проблеме.

Разъяснению предмета описания в книге посвящена 1-ая глава, которая, в связи с этим, становится вводной.

Г. Секей начинает 1-ую главу с обсуждения вопроса о степени сравнения (усиления) прилагательных (*теплее, более теплый, теплейший* и т. д.). Г. Секей считает, что эту грамматическую категорию усиления значения прилагательного надо включить в «широкую парадигму» усиления значения в языке, являющуюся в основе своей лексической парадигмой. Дело в том, что грамматические средства усиления значения прилагательного являются по существу лексическими средствами. Надо сказать, что раньше Г. Секея к тому же пришли авторы академической «Русской грамматики» (Русская грамматика 1980, т. 1, с. 562), квалифицировав, во-первых, слова *более, самый* как самостоятельные лексемы, а сочетания *более теплый, самый теплый* – как лексические сочетания, назвав, во-вторых, суффикс *-ейш-* словообразовательным. Правда, суффикс *-ее-*, все же, квалифицирован как грамматический, а вместе с ним – слова типа *теплее* – рассмотрены как грамматическая форма сравнительной степени прилагательного.

Далее, имея в виду парадигму усиления значения, Г. Секей пишет, что не все слова могут в нее входить – усиливать свои значения. С этой точки зрения они делятся на две части (независимо от принадлежности их к частям речи): 1) слова с возможным усилением своего значения (*нравиться, красивый. много* и др.), 2) слова, значения которых усилить невозможно (*сидеть, дом, сельский*, *десять* и др.). Что касается усиления значения слова в сравнении со значением другого слова, то это характерно прежде всего для прилагательных.

Обсуждаются в 1-ой главе и терминологические вопросы, которые оказались совсем не простыми. Так, термин «усиление» имеет два смысла:

1) общий смысл – для называния как усиления, так и ослабления значения; 2) частный смысл – называет только усиление значения слова.

В связи с тем, что усиление значения может быть как «в сравнении» со значением другого слова, так и «вне сравнения», Г. Секей употребляет терминологию следующим образом: сначала описывает «несравнительное» усиление и «несравнительное» ослабление, а затем – «сравнительное» усиление и «сравнительное» ослабление. По нашему мнению такое употребление терминологии можно упростить: сначала описывать просто «усиление» (глава 2) и просто «ослабление». А затем, когда добавляется еще одно значение, с которым сравнивается первое значение, употреблять уже терминологию: «сравнительное» усиление, «сравнительное» ослабление.

В 1-ой главе Г. Секей перечисляет также способы выражения усиления значения слова: 1) синтаксический способ *(теплый → такой теплый, как…)*, 2) лексико-аналитический *(теплый → абсолютно теплый)*, 3) лексико-синтетический *(теплый → горячий)*. Точно так же выражается и ослабление значения. Почти каждый из этих способов усиления и ослабления значения может быть: 1) без сравнения с другим значением и 2) в сравнении с другим значением *(теплый → теплее, чем…)*. В результате полная парадигма выражения степеней значения слова получается достаточно широкой.

Характеризуются в 1-ой главе и существующие словари усилительных словосочетаний: Убин 1995, Сущевский 1997, Székely 2003. Г. Секей замечает, что все эти словари описывают «неполную парадигму» усиления значения слова. См., например, описание слова *бежать* в словаре Сущинский 1997: БЕЖАТЬ – *быстро, во весь дух, стремглав, стремительно* и т. д.; *мчаться, нестись*. Описывается только два способа выражения усилительного значения: *бежать → бежать быстро* (аналитический способ), *бежать → мчаться* (синтетический способ). Г. Секей ставит своей задачей создание словаря с описанием «полной парадигмы» выражения усиления значения слов. В последней, 6-ой главе он предлагает образцы словарных статей такого, «полного» словаря. В течение же 2-5-ой глав он всесторонне обсуждает эту проблему.

Синтаксический способ усиления значения слова. Во 2-ой, самой большой главе (второй книги) Г. Секей подробно описывает усиление значения слова в узком смысле (собственно усиление) – без сравнения со значением другого слова. Первый способ выражения такого усиления значения слова – синтаксический, например: *волновался → так волновался, как (студент на экзамене)*. Помимо усиливаемого слова и усилительного местоимения *так,* в выражении принимает участие и синтаксическая конструкция с союзом *как*, которая наполняет содержанием местоимение и вместе с ним составляет синтаксический способ выражения усиления зна-

чения слова *волновался*. Ср.: *Так волновался!* – здесь (пишет Г. Секей) тоже имеет место синтаксический способ выражения усиления, только конструкция *как студент* выступает в нулевом виде. Ср. еще: *А волновался!* – это тоже синтаксический способ усиления значения слова *волновался*, но в нулевом виде выступает здесь также и местоимение *так*.

Однако только первая позиция в рассматриваемой конструкции, а именно усиливаемое слово, является лексической позицией: в качестве переменных в этой позиции выступает лексика почти неограниченного состава. Вторая (усилительное слово *так*) и третья (союзная конструкция) позиции – грамматические (синтаксические). Традиционно эта конструкция описывается в грамматике под названием сложноподчиненного предложения со значением меры и степени (Русская грамматика, 1980, т. 2, с. 494, Székely 2005).

Поскольку Г. Секей имеет своей задачей описание «полной парадигмы» усиления значения слов, то он включает в свое описание и грамматические, в данном случае синтаксические средства выражения усиления значения.

Другое дело: надо ли синтаксические средства выражения усиления включать в словари усилительных словосочетаний (как это предлагает делать Г. Секей в образцах словарных статей, помещенных в 6-ой главе)? По-видимому – можно включать. Ведь, как известно, в каждом словаре (толковом, переводном и др.) всегда имеется грамматическая информация.

Лексико-аналитический способ усиления значения слова. Второй способ выражения усиления значения слова – лексический способ. Он состоит в том, что к ключевому слову присоединяется еще одно слово – слово-усилитель, в результате чего получается словосочетание, которое и называется усилительным, например: *бить* → *беспощадно бить*. При каждом ключевом слове усилительных слов может быть много*: бить – беспощадно, нещадно, зверски* и т. д., но не любое число, что как раз и составляет ту область, которая описывается не в грамматике, а в словаре – в словаре усилительных словосочетаний, см.: Убин 1975, Сущинский 1997, Székely 2003.

Затем Г. Секей по отдельности характеризует – с семантической точки зрения – ключевые и усилительные слова в усилительном словосочетании.

Ключевые слова Г. Секей разносит сначала по частям речи, а затем, «внутри» каждой части речи, – по семантическим группам. Например, глаголы имеют следующие семантические группы слов: «физического действия» (*бежать* быстро), «физического чувства» (*простудился* сильно), «позитивного действия» (*любить* страстно), «негативного действия» (*простудился* сильно) и т. д.

Примерно так же классифицирует Г. Секей и усилительные слова: «пространство» (*бесконечно* красивая), «время» (*необычно* красивая), «качество» (*изумительно* красивая) и т. д.

После этого Г. Секей «сочетает» семантические классы ключевых слов с семантическими классами усилительных слов, представляя эту сочетаемость в виде таблицы (с. 48–50).

Г. Секей полагает, что представленное таким способом соотношение семантических классов (ключевое + усилительное слово) может стать механизмом для порождения усилительных словосочетаний: сначала применяется грамматика («сущ.», «глагол» и т. д.), затем – семантика («качество», «количество» и т. д.), затем – прагматика («позитив», «негатив»).

Без всякого сомнения (и в этом Г. Секей прав), описание лексической сочетаемости требует представления этой сочетаемости на уровне классов слов, но поскольку речь идет о лексической **сочетаемости** слов, то формулировать лексические классы приходится с учетом их лексической сочетаемости. Вышеназванные же классы («качество», «количество», «движение», «позитив» и т. д.) – это дедуктивные понятия, привнесенные в лексическую сочетаемость, а не извлеченные из нее. А это значит, что на основе этих понятий порождать лексическую сочетаемость трудно. В этом вопросе Г. Секей пошел за «когнитивными» лингвистами, которые, вместо того, чтобы иметь терпение изучать конкретную лексическую сочетаемость, пространно рассуждают о «категориальных понятиях», о «понятийных категориях», о «концептах» и т. д.

Необязательно изучать всю сочетаемость сразу (это действительно требует много сил и времени), можно вначале ограничиться наиболее употребительной лексикой, – сочетая ее друг с другом и оценивая сочетания с точки зрения «так говорят» или «так не говорят». При результате «так говорят» образовывать лексические классы: в один класс включать ту лексику, которая сочетается с лексикой другого определенного класса. В итоге будут получаться даже не классы, а «поля» лексики, лексические «солидарности» (см. В. Порциг), внутри которых образуют правильные сочетания любые два, три, четыре и т. д. (сколько надо) слов. Если, допустим, применительно с усилительным словосочетаниям сформирован лексический класс: БИТЬ, *избивать, колошматить, дубасить, лупцевать*,…(«глагол»); *беспощадно, жестоко, зверски, нещадно*,…(«нареч.»), – то при порождении усилительного словосочетания требуется брать по одной лексеме из каждых двух грамматических подклассов этого единого большого класса, например: *избивать беспощадно.* На такой основе можно порождать и многословные усилительные словосочетания, состоящие из нескольких ключевых и усилительных слов, например: *Бить беспощадно, нещадно, избивать зверски*…

В каждом конкретном случае при построении усилительного словосочетания выбор слов производится при непосредственном учете внеязыковой реальности. Если, например, надо сказать о том, что кого-то бьют *(бьют)*, причем бьют жестоко *(жестоко),* то соответствующим образом и надо брать слова из упомянутого лексического класса и соединять их друг с другом *(бьют жестоко)* в соответствии с сочетаемостью самих реалий («бьют жестоко»).

Собственно говоря, известные словари усилительных словосочетаний Убин 1995, Сущинский 2997, Székely 2003 уже выполнили половину работы по формированию упомянутых лексических классов для построения (и распознавания) усилительных словосочетаний (для русского, венгерского, немецкого, английского языков). В них уже обобщена правая сторона – усилительные слова, которые представлены как классы слов на основе их одинаковой сочетаемости («так говорят») с заглавным словом. Осталось обобщить заглавные слова, например на основе их одинаковой сочетаемости с усилительными словами.

Впрочем, такая работа уже присутствует в вышеназванных словарях. Например, вышеприведенный класс с глаголом *бить* взят нами из словаря Сущинский 1997. Получается, что в этом словаре обобщены не только усилительные слова (на основе их сочетаемости с глаголами *бить, избивать* и т. д.), но частично и ключевые слова (на основе того, что они одинаково сочетаются с усилительными словами). Именно в таком направлении и надо идти дальше в формулировании правил (понятий) конкретного построения усилительных словосочетаний в словарях.

Лексико-синтетический способ усиления значения слова. Как раз лексико-синтетический способ непосредственно соответствует лексической функции Magn, о которой писали Ю. Д. Апресян, И. А. Мельчук, И. К. Жолковский и на которых ссылается Г. Секей. Значением функции Magn является не словосочетание *(бить → зверски бить)*, а отдельное слово, именно: Magn *(бить) = дубасить*. Ср. другие лексические функции: Conv *(любить) = нравиться;* Subj *(сочинять) = автор;* Obj *(сочинять) = стихи*; Caus *(дом) = построить* и т. д. (Апресян 1974). Некоторые из этих функций могут быть грамматическими, в том числе и Magn *(красивый) = красивее*.

Значением функции Magn должен быть синоним по отношению к аргументу функции (ключевому слову): *бить = дубасить*. Правда, это должен быть синоним особого рода: он должен быть «сильнее» по значению, чем первое слово. Проверкой этого может быть использование слова *очень,* например: *дубасить = очень бить;* значит, *бить = дубасить* именно та синонимия, которая составляет синтетический способ усиления значения слова *бить*.

Второй синоним может быть фразеологизмом: *бить = битьем бить*, а также словом, производным от первого слова: *бить = избивать* и др. Г. Секей описывает всё это достаточно подробно.

Заметим, что синтетический и аналитический способы усиления значения связаны друг с другом. Аналитический способ можно представить как синтетический. Именно так строится словарная статья в словарях усилительных словосочетаний. См. с одной стороны – заглавное слово *бить,* а с другой – множество усилительных слов: *беспощадно, жестоко, зверски* и т. д., из которых для сочетания с заглавным словом берется обычно только одно слово: *бить → беспощадно бить* (второе слово синтетически усиливает значение первого слова). Со своей стороны, синтетический способ можно представить как аналитический, если «усилительный» синоним рассматривать как усилительное слово: *бить – избивать* (правая часть синтетически усиливает значение левой части).

В целом же, синтетическое выражения усиления значения слова можно рассматривать производным от аналитического выражения (анализ предшествует синтезу), – что находится в соответствии с концепцией Г. Секея о расширении парадигмы усиления значения.

Ослабление значения слова. Ослабление значения слова (предмет 3-ей главы второй книги Г. Секея) – дальнейшее расширение парадигмы усиления значения слова. Если до этого (во 2-ой главе) усиление значения было собственно усилением, то теперь, с включением в парадигму также и ослабления значения, усиление значения приобретает широкий смысл. Г. Секей пишет, что обычным усилительным словом является слово *очень (красивая → очень красивая),* а обычным ослабительным словом – *менее (красивая → менее красивая)*.

Ослабление имеет менее развитую систему средств выражения, чем собственно усиление значения, но, тем не менее (считает Г. Секей), располагает теми же самыми средствами, что и собственно усиление.

Пример **синтаксического** способа передачи ослабления значения: *храбрый → храбрый как заяц.* В конструкции ослабления значения нет собственного ослабительного местоимения, каким, например, является *такой* в усилительной конструкции. Поэтому (пишет Г. Секей) к местоимению *такой* надо добавлять отрицание *не,* в результате получается ослабительный элемент *не такой*, который разъясняется придаточным предложением: *храбрый → не такой храбрый, как его друг.* Надо заметить, что в синтаксическом способе выражения ослабления значения не все до конца ясно. Неслучайно в сводной таблице, в главе 6-ой, этот способ не указан (с. 119).

Пример **лексико-аналитического** способа передачи ослабления значения: *хороший → относительно хороший*, где *хороший* – ослабляемое слово, а *относительно* – ослабительный элемент.

Автор характеризует составные части ослабительного словосочетания с точки зрения принадлежности их к семантическим группам лексики, – точно так же, как он характеризовал выше усилительные словосочетания. После этого Г. Секей «сочетает» семантические группы ослабляемых слов с семантическими группами ослабительных слов (точно так же, как он это делал в отношении усилительных словосочетаний). Если, например. ослабляемое слово – «качество» *(хороший)*, то в роли ослабительных слов (пишет Г. Секей) может быть: «количество» *(менее хороший)*, «мера» *(умеренно хороший)*, «отношение» *(относительно хороший)* и т. д. Если ослабляемое слово – «действие» *(бежать)*, то ослабительными словами могут быть: «время» *(бежать медленно)*, «качество» *(бежать слабо)*, «отношение» *(бежать относительно)* и т. д.

Но дело в том, что ослабительное словосочетание – это сочетание лексем. Это означает: чтобы сформулировать классы в области этой сочетаемости, надо в основу образования этих классов (понятий) положить признаки именно лексической сочетаемости. В один класс надо объединять слова (например: *медленно, слабо, относительно* и т. д.), которые имеют одинаковую сочетаемость с другими словами (например: *бежать, идти, ползти* и т. д.) Оба эти класса объединяются вместе. Внутри общего класса все слова – сочетаются друг с другом – попарно «прил. + сущ.», «глагол + нареч.» и т. д.: *Бежать медленно,* или тройками, четверками и т. д.,: *идти, ползти медленно, слабо перемещаться*. В многословных словосочетаниях наряду с аналитическим способом ослабления значения *(ползти → ползти медленно)*, обнаруживаются и синтетические способы ослабления: *идти → ползти, медленно → слабо* и т. д. При обозначении лексических классов, лексических «полей», лексических «солидарностей» можно использовать и некоторые из терминов типа «движение», «качество», «количество» и т. д., – но в этом случае данная семантическая терминология будет уже выводиться (индуктивно) из сочетаемости, а не вводиться в нее (дедуктивно), как это получается у Г. Секея, следующего в этом вопросе за «когнитивными» лингвистами.

Лексико-синтетический способ ослабления значения слова состоит в том, что заданное (ключевое) слово заменяется другим словом, которое находится с первым словом в синонимическом отношении, причем в таком отношении, когда второй синоним «слабее» по значению первого синонима, например: *бежать → ползти; быстро → слабо.* Замена в обратном направлении означает лексико-синтетический способ усиления значения: *ползти → бежать; слабо → быстро*. Синонимы в обоих случаях часто не являются точными. Г. Секей их называет квазисинонимами.

Кроме «синонимического» способа выражения ослабления значения есть еще «словообразовательный» способ, когда второе слово образуется от первого посредством уменьшительных, уничижительных суффиксов:

толстая → толстенькая. Это отношение тоже можно «переворачивать», получая усиление значения слова: *толстенькая → толстая*. Соответственно усиление значения (синтетическим способом) можно получать с помощью увеличительных суффиксов: *толстая → толстущая*.

Г. Секей постоянно подчеркивает тесную связь ослабления значения с усилением. Лексический материал тоже на каждом шагу свидетельствует об этом, например: *тонусенькая ↔ тонкая ↔ толстенькая ↔ толстая ↔ толстущая*.(слева направо – усиление значения, справа налево – ослабление значения). Все это требует и соответствующего описания: на основе изучения сочетаемости слов в усилительных и ослабительных словосочетаниях – формировать лексические классы, поля, последовательности, в которых присутствует вместе и усиление, и ослабление лексического значения.

Усиление и ослабление значения слова при отрицании. В 4-ой главе (второй книги) Г. Секей рассматривает разные виды отрицательных конструкций на предмет возможности в них усиления или ослабления значения слова.

Одним из видов отрицания Г. Секей считает антонимию, в которой сопоставленные по значению слова отрицают друг друга: не могут быть одновременно истинными или ложными, например: *больной – здоровый*. Каждое из этих двух значений может усиливаться *(больной → очень больной, здоровый → по-настоящему здоровый)* или ослабляться *(больной → немного больной, здоровый → почти здоровый)*. Эти однократные усиления-ослабления можно выстраивать друг за другом в многократные усиления-ослабления, получая (в начале и в конце цепочки) антонимы, например: *больной ↔ немного больной ↔ почти здоровый ↔ здоровый.*

Глаголы существования *есть – нет* тоже отрицают друг друга. С помощью модальных усилительных и ослабительных слов можно усиливать и ослаблять значение каждого из этих слов, например: *есть → определенно есть* (усиление); *есть → вряд ли есть* (ослабление); *нет → определенно нет* (усиление); *нет → скорее всего нет* (ослабление).

Таким образом, и в такой своеобразной антонимии, как *есть – нет*, слова могут усиливаться-ослабляться, но – с участием модальных слов, выражающих отношение говорящего к значению.

Двойное отрицание, например *Не видел ничего*, представляет собой иное явление, чем антонимия. Это не что иное, как усиленное отрицание, где *не видел* – ключевое слово, а *ничего* – усилительное слово. В итоге: *не видел → не видел ничего* – аналитический способ выражения усиления значения.

Есть еще усиленное отрицание, достигаемое с использованием усилительного элемента *вообще (не)*, ср.: *красивая → вообще красивая* (усиле-

ние); *красивая → вообще не красивая* (ослабление). *Вообще (не)* – тоже модальное слово.

Г. Секей специально пишет о таких модальных словах, как *несомненно*, *действительно, правда, точно* и др., которые усиливают утверждение или отрицание, например: *(не)красивая → несомненно (не)красивая.*

Материал 4-ой главы свидетельствует, таким образом, о еще одной возможности расширения парадигмы усиления (ослабления) значения слов.

Сравнительное усиление значения слова. В 5-ой главе Г. Секей дальше расширяет парадигму усиления лексического значения слова в языке. В конструкцию с усилением вводится значение второго слова, с которым усиливаемое значение заданного слова сравнивается – в отношении степени (количества) значения. У значения заданного слова эта степень должна быть выше, чем у значения сравниваемого слова. Ср.: 1) усиление значения без сравнения: *красивая → очень красивая*; 2) усиление значения того же слова, но в сравнении с значением второго слова: *красивая → такая красивая, как Клара*.

Г. Секей настаивает на 3-х степенях сравнительного значения: 1) исходная степень (см. пример выше); 2) средняя степень: *красивая → красивее, чем Клара;* 3) высшая степень: *красивая → красивейшая из всех*.

Точно так же, как значение прилагательного (см. выше), усиливается и значение наречия, например: 1) *красиво → так красиво, как всегда*; 2) средняя степень *красиво → красивее (чем всегда)*; 3) высшая степень: *красиво → наикрасивейшая (из всех).*

Когда прилагательное употребляется с существительным, оно может рассматриваться в качестве усилительного слова к существительному, например: 1) *женщина → женщина такая красивая, как…* (исходная степень); 2) *женщина красивее, чем…* (средняя степень); 3) *женщина наикрасивейшая из всех* (высшая степень). Усиливается в этом случае не прилагательное, а существительное – посредством прилагательного (лексико-аналитическим способом).

Точно так же усиливается и значение глагола – посредством наречия (лексико-аналитическим способом), которое становится усилительным словом к глаголу, например: 1) *поступать → поступать так красиво, как…* (исходная степень); 2) *поступать красивее, чем…* (средняя степень); 3) *поступать наикрасивейшим образом* (высшая степень).

Таким образом, прилагательное и наречие в конструкциях со сравнительным усилением значения слова оказываются в особых условиях. Они сами себя усиливают – синтетическим способом, и могут усиливать соответственно существительное и глагол – аналитическим способом.

При таком подходе ключевое слово (существительное, глагол) может быть любой лексемой. Любой лексемой может быть при них (в качестве

усилительных слов) прилагательное и наречие, – главное, чтобы от них можно было образовать степени сравнения посредством суффиксов *-ее-, -ейш-*. Само собой разумеется, что слово, со значением которого сравнивается значение ключевого слова (*Клара* и т. д.), тоже может быть любым. Получается, что данная конструкция со сравнительным усилением значения, в отличие от обсуждаемой выше конструкции с усилением (и ослаблением) значения без сравнения, является конструкцией не лексической, а грамматической. Снова встает вопрос: надо ли этот способ выражения усиления значения вводить в словарь? Г. Секей положительно отвечает на этот вопрос.

В прилагаемых к книге (в 6-ой главе) образцах словарных статей Г. Секей предлагает сравнительное усиление значения существительных и глаголов описывать и иным образом. Пример описания существительного: *траур → такой траур, как…* (исходная степень); *траур больше, чем…* (средняя степень); *траур наибольший, чем…* (высшая степень). В роли усилительного слов при существительном выступает слово *такой* (исходная степень) и некоторые прилагательные *(большой)* в грамматической форме степеней сравнения.

Выражение сравнительного усиления глагола: *упал → упал так, как…* (исходная степень); *упал сильнее, чем…*(средняя степень); *наисильнейшим образом упал* (высшая степень). Здесь в роли усилительного слова выступает слово *так (*исходная степень) и грамматические формы сравнения некоторых наречий *(сильно)*.

Последние два примера свидетельствуют, что средства выражения сравнительного усиления значения существительного и глагола только в той части являются грамматическими, которая касается образования степеней сравнения прилагательных и наречий. Однако выбор самих прилагательных и наречий обусловлен их лексической сочетаемостью с существительными и глаголами. Кроме того, не все существительные и глаголы могут выступать усиливаемыми (ключевыми) словами. Поэтому в этой части сравнительного усиления значения средства выражения являются несомненно лексическими, которые описывать надо в словаре, – дополняя их всякий раз грамматическими указаниями. Так именно и решает вопрос Г. Секей.

Сравнительное ослабление значения. Средства выражения сравнительного ослабления значения слова тоже являются прежде всего грамматическими. Пример сравнительного ослабления значения прилагательного: *красивая → менее красивая, чем Клара* (средняя степень); *наименее красивая из всех* (высшая степень). Здесь ослабляемым словом является *красивая*, а ослабительным – *менее, наименее*; слово, с которым сравнивается ослабляемое слово, – *как Клара (все)*.

Пример сравнительного ослабления значения глагола: *забывал → меньше забывал, чем другие* (средняя степень); *в наименьшей степени забывал, чем все* (высшая степень). Здесь значение глагола ослабляется посредством добавления ослабительельных слов *меньше, наименьшим образом* – при сравнении со значением второго слова *(Клара, все)*.

Таким же способом ослабляется и значение существительного, например: *траур → меньше траура, чем всегда* (средняя степень), при условии, если *меньше* не относится к глаголу (ср. *меньше было траура, чем всегда*); высшая степень: *наименьший траур…*

По сравнению со сравнительным усилением значения (см. выше) сравнительное ослабление значения менее разнообразно, прежде всего из-за ограниченного состава ослабительных слов (*менее, меньше, наименьшим образом* и др.).

Г. Секей снова подробно обсуждает вопрос о том, надо ли в парадигму усиления и ослабления значения, которая является лексической категорией, включать степени сравнения прилагательных, составляющих грамматическую категорию. Г. Секей решает, что – надо, чтобы расширить парадигму усиления значения. И с этим следует согласиться. На первый план вполне можно выдвинуть понятие «усиление значения» (родовое понятие), сделав понятия «лексического» и «грамматического» усиления частными (видовыми) понятиями. Тем более, что в самой грамматике грамматическая область усиления значения уже почти «расформирована», см., например, Русская грамматика 1980, в которой суффиксы степеней сравнения прилагательных названы словообразовательными, а вспомогательные слова *более, самый* и др. (традиционно аналитический способ образования грамматических степеней сравнения прилагательных) признаны самостоятельными лексемами.

Усиление и ослабление значения в системе. В 6-ой, последней главе Г. Секей все средства выражения усиления-ослабления значения слов, рассмотренные в предшествующих главах, суммирует в виде таблицы (с. 119).

Усиление: 1. Синтаксический способ 2. Лексико-аналитический способ 3. Лексико-синтетический способ	Усиление в сравнении: лексико-аналитический способ лексико-синтетический способ
Ослабление: Лексико-аналитический способ Лексико-синтетический способ	Ослабление в сравнении: 1. Лексико-аналитический способ

Эту таблицу Г. Секей называет «механизмом», «парадигмой», «моделью», «ментальным словарем» (с. 118–121). Под влиянием когнитивной лингвистики Г. Секей полагает, что говорящий, когда порождает усилительное словосочетание, может пользоваться подобной таблицей как «полным механизмом». По его мнению, говорящий, видя, например на дереве яблоко, начинает, в соответствии с этим механизмом, с усиления значения слова*: красное → такое красное, как…* (синтаксический способ), *очень красное* (аналитический способ), *прекрасное* (синтетический способ). Затем переходит к ослаблению значения: *красное → едва красное* (аналитический способ) и т. д., до тех пор, пока не дойдет до того, что он видит на дереве: *яблоко зеленое* (ослабление, синтетический способ).

К вышеприведенной таблице больше подходит понятие «парадигма», ср. парадигмы склонения и спряжения, представляющие собой перечисление, в соответствии со значениями, грамматических форм. Однако, в отличие от таблиц склонения и спряжения, в приведенной таблице конкретные формы усиления значения не называются – указываются только способы их получения. Дело в том, что усиление значения слова – это лексическая, а не грамматическая категория. Перечислить все ее формы можно только в специальном словаре усилительных словосочетаний.

Описание усиления и ослабления значения в словаре. Составленный ранее Г. Секеем словарь усилительных словосочетаний (Székely 2003-a) описывает «неполную парадигму» усиления значения слов. В 6-ой главе книги Г. Секей дает образцы словарных статей, представляющих уже «полную парадигму» усиления значения слов, с включением в нее также и ослабления значения и сравнительных форм выражения усиления.

Приведем в качестве примера одну словарную статью, введя в нее некоторые пояснения.

ТЕПЛЫЙ. Противоположное по температуре холодному. *Усиление*: 1. К заглавному слову присоединить усилительное слово: *абсолютно, очень, неслыханно, ужасно* и т. д. Вместо заглавного слова употребить один из синонимов: *горячий, раскаленный* и т. д. *Ослабление*: к заглавному слову присоединить «ослабляющее» слово: *едва, еле-еле* и т. д. *Усиление в сравнении*: исходная степень: *такой –, как*; средняя степень: *-ее-;* высшая степень: *наи-, -ейш-*. *Ослабление в сравнении*: средняя степень*: менее -, чем; не такой –, как*; высшая степень*: наименее –*. И т. д.

Пользователь словаря, руководствуясь такой словарной статьей, может построить множество усилительных словосочетаний следующих видов: *теплый – очень теплый; едва теплый; теплый, как…; теплее, чем…; наитеплейший из…; менее теплый; наименее теплый* и т. д. В каждом конкретном случае пользователь словаря, исходя из реальной действительности (о которой он сообщает), из всех зафиксированных в словаре словосочетаний выбирает только одно, например: *Теплый → очень теплый*. В другом случае, при необходимости сообщить об изменившейся реальности, пользователь словаря построит словосочетание иным образом, например: *Теплый→ теплее, чем…*

С помощью этого же словаря можно и распознавать заданные словосочетания, например: *очень теплый* – это аналитическая форма выражения усиления значения с использованием усилительного слова *очень*.

Г. Секей пишет о некоторых трудностях составления словаря. Например, не всегда легко определить, сочетается ли данное усилительное слово с заглавным, да и само заглавное слово – нуждается ли оно в усилительном слове (например: *теплый беспримерно*). Действительно, если составитель словаря в качестве информанта использует только одного себя, то такая трудность (неуверенность в квалификации некоторых словосочетаний) появляется у него постоянно. Поэтому надо привлекать дополнительное число информантов. Подобная ситуация возникает всегда при описания значения в его сочетаемости с другим значением. Тем более она будет возникать при описании «степени» значения всего лишь количественного различия в значении.

В заключение надо сказать, что Г. Секей впервые в венгерском языкознании в монографическом виде описал большую семантическую область – **усиление-ослабление значения** слов в языке.

Эта проблема чрезвычайно трудная. «Усиление значения» слова по сравнению со «значением» слова – понятие для говорящего (и восприни-

мающего речь) более сложное. Надо иметь дело с таким «значением», которое тождественно самому себе, но различается по степени (в количестве) своего значения, причем различается в определенном направлении – усиливаясь или ослабляясь. Например: *бежать → стремительно бежать*. Слово и словосочетание в этом примере выражают одно и то же значение («быстро передвигаться с помощью ног»), однако во втором случае количество этого значения больше, чем в первом случае, – имеет место усиление значения, выраженное посредством специального усилительного слова *стремительно*. Но степень (усиление) значения может выражаться и посредством различных слов, например: *бежать → мчаться* (здесь слова – одного значения, но разные по степени этого значения: во втором слове его больше, чем в первом). Раньше в лингвистике понятия типа *бежать – мчаться* рассматривались как разные по качеству значения (синонимы – всего лишь близкие, но разные по значению слова). Теперь в лингвистике, с введением понятия степени лексического значения – граница между значениями проводится не между словами типа *бежать – мчаться,* а после этих слов: *бежать > мчаться,* – являющимися тождественными по значению, но различающимися по степени (по количеству) этого значения.

Повторяем, изучать «степени» значения несравнимо более трудно, чем изучать просто «значение». И надо отдать должное Г. Секею, который посвятил этому предмету уже вторую книгу и множество статей.

Когда-то лингвистика описывала только грамматические степени усиления одного и того же значения слова, причем только применительно к прилагательному, например: *быстрый > быстрее > быстрейший*. Слово *стремительный*, указывающее на дальнейшее усиление данного значения: *быстрый > быстрее > быстрейший > стремительный*, – исключалось из этого ряда. Считалось, что значение у слова *стремительный* – другое по качеству значение. Г. Секей представил в своей книге более широкую, более **полную парадигму** изменения степени (количества) одного и того же значения. Слово *стремительный* имеет то же самое значение, что и первые три слова, отличаясь от них лишь степенью (количеством) этого (одного и того же) качества.

Заканчивая, отметим еще раз: то, что сделал проф. Габор Секей в описании усилительных лексических словосочетаний применительно к русскому языку, является новаторским делом. Качество и количество в значении слов, количественное усиление (или ослабление) значения слов при неизменении самого качества (значения) слов является чрезвычайно важной концепцией в **лексической семантике** (представляет собой лингвистические универсалии).

Некоторые вопросы в работах Г. Секея вызвали дискуссию. Появился отзыв на последнюю монографию Г. Секея (Székely 2007), написанная другим известным венгерским лингвистом проф. Иштваном Пете (Pete

2009, № 3). Отзыв составлен доброжелательно, но все равно в нем высказывается другая точка зрения на поставленные Г. Секеем вопросы. Г. Секей ответил на эту рецензию (Székely 2009), в одних случаях соглашаясь с рецензентом, а в других – продолжая настаивать на своем мнении.

Г. Секей попросил автора этих строк, который писал о книгах Г. Секея, принять участие в разговоре. Однако автор этих строк решил не вступать в прямую полемику с глубоко уважаемыми профессорами. Он решил высказать только те суждения, которые можно считать базисными для понимания проблем, обсуждаемых Г. Секеем в его книгах, – высказаться в отдельной статье, см.: Федосов 2011.

Литература

Апресян Ю. Д. Лексическая семантика: синонимические срелства языка. Москва, 1974.

Арутюнова. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. Москва, 1988.

Жолковский А. К., Мельчук И. А. О семантическом синтезе. Москва, 1967.

Пете И. Синтаксическая семантика русского языка (для студентов-русистов-иностранцев). 4-ое перераб. издание. Сегед, 2004.

Попов Р. Н. и др. Современный русский язык. Учебник для вузов. Москва, 1978.

Русская грамматика. Ред. Н. Ю. Шведова. Т. 1-2. Москва, 1980.

Сущинский И. И. Словарь усилительных словосочетаний русского и немецкого языков. Москва, 1997.

Убин И. И. Словарь усилительных словосочетаний русского и английского языков. Москва, 1987.

Федосов В. А. Рец. Székely Gábor. A lexikai fokozás. [Степени сравнения в лексике]. В ж-ле: Slavica, т. XXXIII. Debrecen, 2004. с. 321–324.

Федосов В. А. Рец. Székely Gábor. Egy sajátos nyelvi jelenség, a fokozás. В ж-ле Slavica, т. XXXVI, 2007. Debrecen, 2007. с. 239–249.

Федосов В. А. Об усилении значения слова (о работах Г. Секея). – В ж-ле: Studia Slavica Hung, 56, 1. Budapest, 2011. pp. 93–105.

Cs. Jónás Erzsébet, Fedoszov Viktor. Рец. Székely Gábor. Egy sajátos nyelvi jelenség, a fokozás. [Степени сравнения как особое явление в языке]. – In: Modern Nyelvoktatás, 4. szám, Budapest, 2007. pp 51–57.

Drahos J. Об образовании трех степеней наречий в современном русском языке. Slavica 2. Debrecen, 1962. pp. 185–191.

Pete István. A fokozás mibenlétéről. (О степени сравнения по существу). – Magyar Nyelvőr, 3. szám. Budapest, 2009. pp 295–310.

4.3. Грамматическая семантика русского языка (И. Пете)

Синтаксическая семантика

Высказывание и лексика. Всё начинается с **высказывания** – с необходимости высказаться, сообщить, что-то понять в высказывании собеседника. Таково поведение детей, начинающих осваивать родной язык, так приступают к изучению иностранного языка.

В высказывание вовлекается **лексика** – знаки языка, сообщающие о чем-то вполне определенном. Сначала высказывание состоит из одной лексемы: *Мальчик*; затем – из двух лексем: *Вот мальчик, Мальчик рисует*, затем – из трех и более лексем: *Мальчик рисует девочку*.

Сначала лексема называет то, о чем говорится в высказывании, – предмет речи: субъект высказывания. Эта лексема приобретает значение «пред.». Затем употребляется лексема, которая называет то, что утверждается о предмете речи, – предикат высказывания: эта лексема со значением «приз.» (в широком смысле). Остальная лексика в высказывании ориентируется на субъект или предикат.

Лексика сочетается в высказывании в зависимости от своих лексических значений, причем не только от своих конкретных (словарных) значений (например, сочетается: *Мальчик рисует*, но не сочетается: **Мальчик выливается*), но и от принадлежности к определенным лексическим классам (например, сочетается: «пред. + дейс.», но не сочетается: *«пред. + приз. дейс.»: **Мальчик хорошо*). Добавим, что лексические классы «пред.», «дейс.», «приз.» и др. появляются вместе с усвоением новой лексики. Новая лексема усваивается благодаря различению и отождествлению с уже усвоенной лексикой, что выражается в образовании лексических классов, к которым относится (или не относится) новая лексема.

В высказывании лексика согласуется не только непосредственно, но и опосредованно. Так, *мальчик* семантически согласуется не только с *рисует*, но и с *девочка*. Вся лексика в высказывании находится в семантическом согласовании друг с другом – образует одно лексическое целое. Даже в целом тексте лексика употребляется на одну и ту же тему, например: «Школа», «Семья» и др. (см. лексику в каждой из разговорных тем при изучении иностранного языка).

Такова, в целом, организация лексики в высказывании.

В зависимости от своего конкретного и общего значения, лексика соответствующим образом организуется в высказывании. Чтобы создавать высказывание, чтобы его понимать, надо знать эту лексическую организацию. Тот, кто владеет данным языком, (умеет порождать и воспринимать высказывания), интуитивно владеет этой лексической организацией.

Лингвистка предложила много теорий для объяснения организации лексики в высказывании.

Традиционным является подход, состоящий в том, что лексика в предложении организуется в соответствии со «структурными схемами» предложения: надо руководствоваться этими «структурными схемами» – и создавать предложения. Однако эти «структурные схемы» являются сугубо грамматическими, формальными. Построить семантически правильное предложение, основываясь на «структурной схеме» трудно. Например, **Мальчик выливается* вполне отвечает структурной схеме «$N_{\text{им. пад. ед. ч.}} + V_{\text{3 л. ед. ч.}}$», но семантически это предложение неправильное. Более того, названной структурной схеме могут соответствовать и совершенно бессмысленные предложения, например: **Куздра будланула*.

«Падежная грамматика» – еще один способ, предлагаемый в лингвистике для организации лексики в предложении – для описания семантики предложения. Но падежная грамматика тоже исходит из грамматических форм: надо начинать с глагола, при котором должны быть существительные в разных падежах – в разных «ролях» («глубинные падежи»): им. пад – агенс, вин. пад – адресат (или объект), предл. пад. – локатив, например: *Мальчик* (агенс) *рисует* (глагол) *девочку* (адресат) и др. Падежная грамматика – это та же «структурная схема», построенная несколько иначе. Грамматика вторична по отношению к лексике, так как грамматка – это маркировка лексики – и она не может «вести за собой» семантику предложения.

Есть еще референтная, интерпретационная, процедурная семантика: лексика в предложении упорядочивается в соответствии с тем, как упорядочивается внеязыковая действительность в ситуации, соотносимой с предложением. Но обычно здесь дело сводится к оценке предложения с точки зрения истинности или ложности его семантики. Но в предложении нет истинного и ложного, а есть только правильное и неправильное (ср. *Мальчик рисует – *Мальчики рисует*), а также осмысленное и бессмысленное (ср. *Мальчик рисует – *Мальчик выливается*). Короче, последние подходы тоже оказываются непригодными для того, чтобы с их помощью упорядочивать лексику в предложении.

Наконец, есть подход, который предлагает проф. Иштван Пете в двух своих книгах:

Пете И. Синтаксическая семантика и прагматика русского языка (для студентов-русистов-иностранцев). 4-ое изд., перераб. Сегед, 2004.

Пете И. Морфология русского языка. Т. 1-2. Изд 5-ое: исправл., дополн. Сегед, 2005.

К этой же теме можно отнести и некоторые статьи И. Пете:

Пете И. Родительный партитивный в современном русском языке. Scando-Slavica, XI. 1965.

Пете И. Выражение причинных отношений в русском языке. «Русский язык в национальной школе», М., 1961, 1.

Пете И. Омонимия в кругу глаголов движения. – «Русский язык в школе». Москва. 1962, 3. с. 100–107.

Пете И. Категория отчуждаемости и неотчуждаемости в грамматическом строе русского языка. «Русский язык за рубежом», М., 1970, 2.

Пете И. Типы синтаксической модальности в русском языке. Studia Slavica Hung. XVI, Budapest, 1970.

Пете И. Способы выражения пространственных отношений в русском языке в зеркале венгерского языка. Dissertaciones Slavicae. Szeged, 1973.

Пете И. Способы выражения временных отношений в русском языке в зеркале венгерского языка. Будапешт, 1976.

Пете И. Способы выражения контактирования в русском языке в сопоставлении с венгерским языком. Dissertaciones Slavicae. Szeged, 1976.

Пете И. Семантические типы и способы выражения состояния в русском языке в сопоставлении с венгерским. Dissertaciones Slavicae. Szeged, 1976.

Пете И. Семантические типы причинных отношений в русском и немецком языках. Вестник МГУ. Сер., 9: Филология, 2. Москва, 2004.

Пете И. Пространственность, предлоги, локальные отношения, картина мира и явление асимметричности. – Вестник МГУ, сер. 9: Филология, 3. М., 2004.

Pete István. Mondataspektus vagy igeszemlélet? – Magyar Nyelvőr, 1. Budapest, c. 19.

Книги И. Пете изданы как учебники, но явно, что студенты в них многое могут не понять, так как при описании своей семантической теории И. Пете использует понятия и термины не только из лингвистики, но и из логики, философии, прагматики, психологии.

Ниже организация лексики в предложении (семантика предложения) представлена в этом виде, как ее изложил И. Пете в своей книге. Такие понятия, как субъект, предикат, объект, атрибут и др., используемые И. Пете, давно употребляются в традиционной лингвистике при описании семантики предложения, и надо полагать, что истина находится в области этих понятий.

Семантические типы высказывания. Синтаксическая семантика – это сочетаемость лексики в высказывании как сочетаемость лексических классов: «пред.», «дейс.», «признак» и др. Лексические значения «пред.», «дейс.», «приз.» и нек. др. И. Пете называет «универсальными логически-

ми понятиями», которые, несмотря на свою принадлежность к логике, занимают, тем не менее, по мнению И. Пете «промежуточное положение между денотативными и синтаксическими категориями» (Пете 2004, с. 23).

Значения «дейс.» и «приз.» И. Пете объединяет вместе – в общее значение «приз.» (в широком смысле). Лексема со значением «пред.» именуется у И. Пете субъектом, а лексема со значением «приз.» (в широком смысле) – предикатом. В центре выказывания, таким образом, оказывается лексическое сочетание «субъект («пред.») + предикат («приз.»)». Вот как сам И. Пете пишет об этом: «В языках преобладает расчлененное обозначение положения вещей, при котором предметные и признаковые элементы раздельно передаются в виде субъектно-предикатного отношения. Субъект отражает предметный элемент положения вещей, предикат же – признаковый элемент ситуации» (с. 12). И. Пете, как и вся традиция в этом вопросе, рассматривает элементы семантики высказывания в синхронном аспекте: высказывание – лексика, субъект – «пред.», предикат – «приз.». Если бы применялся генетический подход (в соответствии с тем, как строится и распознается высказывание, как осваивается родной и иностранный язык), тогда надо было бы рассматривать вопрос в направлении от высказывания к лексике, от субъекта к «пред.», от предиката к «приз.» и т. д.

Вся остальная лексика в высказывании (помимо той, которую представляет субъект и предикат) сочетается либо с субъектом («пред.»), либо с предикатом («приз.»), либо с тем и другим одновременно, в связи с чем, пишет И. Пете, образуется три типа высказывания: 1) субъектно-ориентированное высказывание, 2) предикатно-ориентированное и 3) субъектно-предикатно-ориентированное. Кроме того, называя эти три типа высказывания, И. Пете добавляет к ним еще три типа – с ориентацией лексики к другим трем центрам высказывания: объектно-ориентированное высказывание, высказывание атрибута, высказывание с конкретизатором, – которые, однако, «сопутствуют» субъекту и предикату в высказывании (с. 25, 138).

Заметим, что, в согласии с традицией, И. Пете употребляет термин «предложение», а не «высказывание». Предложение – понятие языка, представляющее собой структуру, в соответствии с которой строится высказывание в речи. Ниже мы тоже употребляем термин «предложение».

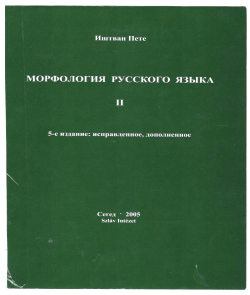
Субъектно-ориентированные предложения. Что такое субъект? В роли субъекта в предложении выступает лексика, обобщенная как «пред.». И. Пете пишет, что эта лексика называет людей *(учитель)*, животных *(собака)*, растения *(ель)*, предметы *(трамвай)*, силы природы *(дождь)*, действия *(допрос)*, признак *(смелость)* и др. (с. 27). Лексика, сочетающаяся с лексикой-субъектом, образует субъектно-ориентированные предло-

жения, среди которых на первое место И. Пете выдвигает бытийные предложения.

Бытийное предложение, пишет И. Пете, состоит из следующих компонентов: *Книга* (бытующий предмет) *имеется* (бытийная лексема) *у нас* (локализатор) *одна* (характеристика). При каждом из этих компонентов может быть дополнительная лексика, характеризующая: бытующий предмет *(интересная книга)*, называющая пространство бытия *(имеется дома)*, время бытия *(имеется сейчас)*. И. Пете подробно описывает лексику бытия: *есть, существовать, имеется, находится, бывать* и др., – характеризуя ее с точки зрения сочетаемости с лексикой «пред.» (см. с. 31–43).

Следующий вид субъектно-ориентированного предложения – это предложение **называния**. И. Пете перечисляет лексику «дейс.», которая употребляется в этом виде предложения: *звать, назвать, называться, представиться, дать имя* и др., – сочетаясь с «пред.»-субъектом. Предложение называния полного состава – 4-компонентное: *Отец* (автор) *назвал* (действие) *сына* (адресат) *Юрием* (имя). В 3-компонентном предложении нет автора: *Сына зовут Юрием*. В 2-компонентном – отсутствует автор и действие-называние: *Сын – Юрий*. В 1-компонентном предложении присутствует только имя: *Юрий* (см. с. 43–46).

На первом плане проф. Иштван Пете (Сегед), далее проф. Габор Секей (Ньиредьхаза), проф. Иштван Бакони (Дьер-Будапешт)

В качестве следующего вида субъектно-ориентированного предложения И. Пете описывает предложение **классификации**, состоящее обычно их двух лексем со значением «пред.». Первая лексема (субъект) – более конкретная по значению, чем вторая лексема «пред.» (предикат): *Петр – инженер*, – вследствие чего получатся подведение значения первой лексемы под значение второй лексемы – то, что и называется классификацией. И. Пете дает типологию этих предложений с учетом лексического значения его компонентов: личностные предложения *(Петр – машинист)*,

предметные *(Этот камень – гранит)*, событийные *(Эта конференция – диспут)* и др. (с. 46–48).

В предложении **состояния** «пред.»-субъект (название лиц, животных, растений и др.) сочетается с лексикой со значением «дейс.»-состояния: внешнего состояния *(Он оделся)*, внутреннего *(Он уснул),* общественного *(Он арестован)*. Каждое из этих значений-состояний подразделяется у И. Пете на три группы значений: начальное состояние *(Яблони расцвели)*, статичное *(Яблони в цвету)* и конечное *(Яблони отцвели)*. Описывая этот вид предложения, И. Пете обращает внимание также и на грамматическое выражение его членов, выходя таким образом из семантики в грамматику (с. 48–54).

Среди субъектно-ориентированных предложений И. Пете выделяет предложение также **смерти и гибели**. Здесь с «пред.»-субъектом сочетается лексика *умирать, скончаться, уйти из жизни, повеситься* и др. Классифицирует И. Пете эти предложения в зависимости от значения этой лексики, а также в связи со значением «пред.»-субъекта: смерть людей, гибель животных, растений и т. д. (см. подробнее с. 55–56).

Предикатно-ориентированные предложения. Эти предложения, пишет И. Пете, более сложные, чем субъектно-ориентированные Помимо того, что сам предикат выражается в различной лексике «дейс.», «приз.» и т. д., он еще и определяет различную лексику «пред.»-субъекта. Прежде всего И. Пете подразделяет предикаты в зависимости от того, какие значения субъекта передает лексика предиката: значение качества *(Спина чешется),* количества – односубъектности *(Ученик читает)*, двухсубъектности *(Они поженились)*, многосубъектности *(Болельщики толпились);* значение процесса *(Брат болел),* статики *(Город лежит на Дунае)*; значение способа действия – временного *(Я поплавал)*, количественного *(Я изъездил мир)*, результативного *(Я допью молоко)* и др.

В зависимости от значения лексики, выступающей в роли предиката, И. Пете выделяет несколько видов предикатно-ориентровнных предложений. Первый вид – это предложения **восприятия**, которые в свою очередь делятся на подвиды: со значением квалификации восприятия – в зависимости от органов восприятия *(глаза, уши, нос, язык, кожа)* и их действий (*зрение, слух, вкус, осязание* и др.); со значением процесса восприятия – в зависимости от действия органов восприятия: действия недифференцированного (*чувствовать, замечать* и др.), действия пассивного восприятия (*слышно, вкусно* и т. д.), активного восприятия (*смотреть, нюхать* и др.). Далее предложения восприятия подразделяются в зависимости от лексики, выражающей субъект восприятия *(человек, собака)*, объект восприятия *(музыка, письмо)*, направление восприятия *(отсюда, с моря)*. Конструкции с лексемой восприятия могут быть с активным значением

(Собака обнюхала его) и пассивным *(Он обнюхан собакой)*. И т. д., см. подробнее: с. 60–65.

Далее у предикатно-ориентированных предложений есть предложения **ментальности**. И. Пете описывает и здесь много подвидов. Одни предложения имеют лексику со значением способности мыслить *(умный, глупый, в своем уме)*, другие – со значением мыслительного процесса *(думать, мыслить)*, третьи – со значением результата мышления *(придумать, полагать)*, четвертые – со значением результата понимания *(понять, объяснить)*, пятые – обозначают знания *(усвоить, научить)*, шестые – указывают на память *(помнить, забыть)*, седьмые – на мнение *(я считаю, по моему мнению)* и т. д., см. с. 65–70.

Следующий вид предикатно-ориентированного предложения (пишет И. Пете) – это предложения **речи и молчания**, которые имеют 4 компонента: *Коля* (субъект речи) *спросил* (слово речи) *у нее* (адресат) *книгу* (предмет речи). И далее следует у И. Пете классификация этих предложений в зависимости от лексики, называющей каждый из этих 4-х компонентов: см. с. 70–83.

Предикатно-ориентированные предложения **движения и колебания света и огня** подразделяются у И. Пете сначала в зависимости от лексики, называющей источник света (естественный: *солнце, луна*, искусственный: *лампа, свеча*), затем – в зависимости от лексики, называющей возникновение света и огня *(Зажги свечу)*, наличия света *(Свеча горит),* и исчезновение света *(Огонь погас)*, с. 84.

Последний вид предикатно-ориентированного предложения – это предложение со значением **неконтролируемого действия.** Подразделяются эти предложения на активные, пассивные и безличные полупассивные предложения: *Ветер снес крышу – Крыша снесена ветром – Крышу унесло ветром.* И. Пете конкретизирует каждый из этих трех подвидов в зависимости от компонентного состава этих предложений, а также от значения лексики, входящей в эти предложения, с. 85–87.

Субъектно-предикатно-ориентированные предложения. Переходя к субъектно-предикатно-ориентированным предложениям, И. Пете начинает с предложения **тождества** *(Рим – столица Италии)*. И. Пете замечает, что, в отличие от субъектно-ориентированного предложения классификации *(Рим – столица)*, предложение тождества обязательно имеет третью лексему. И. Пете подразделяет предложения тождества на простые предложения, в которых отождествляемые лексемы соединяются лексемами-связками *есть, значит, означает* и др. (связки могут опускаться), и предложения сложные: *Он так же умен, как и образован.* И далее И. Пете устанавливает несколько типов предложений тождества: номинативные, денотативные, тавтологические и др. (с. 88–90).

Атрибутивные субъектно-предикатно-ориентированные предложения содержат лексику, которая сочетается либо с лексикой «пред.» *(Это сложный вопрос),* либо с лексикой «дейс.» *(Пиши разборчиво)*. И. Пете подробно описывает те и другие предложения с точки зрения их грамматических форм: полные и краткие прилагательные, существительные в творительном падеже с предлогом или без предлога и т. д. (с. 91–94).

Субъектно-предикатно-ориентрованные предложения **характеризации** разнообразны с точки зрения лексики со значением «приз.», которая сочетается с «пред.»-субъектом. Глагольная же лексика в этих предложениях однообразна: *оказаться, считаться, отличаться* и т. д. С лексикой «одущ. пред.» (субъект) сочетается лексика со значением физического признака *(сильный)*, интеллектуального *(умный)*, морального *(злой)* и др. С лексикой со значением «неодуш. пред.» сочетается лексика со значением цвета, формы, вкуса, запаха, оценки. И т. д. При описании данного вида предложений И. Пете часто уходит от лексической семантики к грамматике (с. 94–97).

Притяжательные предложения (из области субъектно-предикатно-ориентированных предложений) И. Пете подразделяет на притяжательные предложения в узком и широком смысле. Притяжательные предложения в узком смысле состоят из следующих компонентов: *У Коли* (обладатель) *есть* (обладание) *машина* (обладаемое). Предложения в широком смысле притяжательности имеют лексику, указывающую на фазы обладания: *Коля купил машину* (приобретение), *Коля имеет машину* (наличие), *Коля продал машину* (утрата). В этом разделе И. Пете, выходя из семантики в грамматику, сравнивает языки по выражению в них обладания, подразделяя их на *иметь*-языки (германские языки) и *есть*-языки (русский и венгерский), см. с. 97–108.

Сравнительные предложения (из субъектно-предикатно-ориентированных предложений) – это качественные, количественные, пространственные и временные сопоставления двух «пред.» или одного «пред.» с самим собой. Сравнительные предложения – 4-компонентные: *Клара* (сравниваемое А) *легче* (область сравнения) *меня* (сравниваемое В) *на два килограмма* (мера сравнения – часто отсутствует). Семантические типы сравнительных предложений – следующие: равенство *(Я зверски голоден)*, неравенство *(Он не такой умный, как ты)*, нарастание признака *(Чем больше, тем лучше)*, пропорциональное сравнение *(Каков привет, таков ответ)*, различие (с предлогами *в отличие, в противоположность* и т. п.), сходство *(Коля похож на Еву)* и др., см. с. 108–115.

Предложения **соответствия** (пишет И. Пете) выражают, что «пред.» А пригоден для В *(Сапоги годятся мне)*, что «дейс.» или «приз.» предмета А (не) соответствуют эталону *(Он действовал по закону)*. Здесь И. Пете описывает грамматические формы.

Объектно-ориентированные предложения. Далее И. Пете приступает к описанию объектно-ориентированных предложений, в которых лексика либо называет объект, либо относится к нему. Что такое семантический объект? И. Пете пишет, что, при сходстве с грамматическим объектом, семантический объект отличается тем, что он, в частности, может отсутствовать (только подразумеваться) в предложении: *Ученик читает*, в то время как грамматический объект обязательно должен присутствовать: *Ученик читает книгу*. И. Пете выделяет несколько видов объектных предложений, каждое из которых в свою очередь имеет несколько подвидов. Так, объектно-ориентированное предложение **начала и прекращения** имеет подвиды: рождение детенышей (с лексикой: *отелиться, опороситься* и т. д.); значение «дать начало учреждению» (лексика: *основать, создать, организовать* и т. д.); значение «дать начало в производстве» (лексика: *производить, выпускать* и т. д.) и т. д., см. с. 118–120). Объектно-ориентированное предложение **воздействия** – имеет при объекте лексику со значением изменения: частичного *(Он выпил сока)*, полного *(Он закрыл дверь)* и т. д., с. 120–121. Объектно-ориентированное предложение **перемещения** объекта имеет лексику движения: *нести, вести, везти* и др., с. 121–123. Предложение со значением **адресата**: *У меня к вам просьба, Дай мне книгу, Передай привет* и т. д. (с. 123–124). Объектное предложение с **отделительным** значением: *Бояться темноты* (с. 124–125). Далее описываются объектно-ориентированные предложения **контактирования, руководства, питания, расходования, поправки, чистки** (с. 125–138).

Предложения, ориентированные на конкретизатора. Много места в книге И. Пете занимает описание четвертого центра в предложении – **конкретизатора,** сопутствующего, конечно, более важным центрам в предложении – субъекту и предикату, а также объекту. И. Пете описывает более десятка типов предложения с конкретизатором – в зависимости от значения соответствующей лексики, называющей эти конкретизаторы (с. 138–230). В этом разделе И. Пете, в соответствии с традицией, вовлекает в анализ грамматику (падежи существительных, предлоги, члены предложения и др.). Назовем некоторые предложения с различными видами конкретизатора, которые И. Пете, в соответствии с традицией, называет «отношениями»: **инструментальные** отношения: *Он открыл дверь ключом*; социативные отношения: *Он приехал с детьми;* **ограничительные** отношения: *Он строг с детьми*; **пространственные** отношения: – с компонентами: *Он* (локализуемый предмет) *шел* (действие) *полем* (локатив), см. с. 147–166 (а также Пете 1973); **временные** отношения, выражающие момент, продолжительность, последовательность, одновременность: *Сначала я подумал* и т. д. (с. 167–191, см. также Пете 1976); **причинные** отношения – с лексическим значением вместительной причины, поощри-

тельной, способствующей, принудительной, неосознанной, пассивной и др.: *Он умер от инфаркта* (с. 194–199, а также Пете 1969); **условные** отношения – действительное условие, возможное, нереализованное: *В случае пожара звоните 01* (с. 199–204); **уступительные** отношения – противительные, усилительные, допустительные и др. (с. 204–207); **целевые** отношения: цель движения, цель борьбы, речи, труда и т. д. (с.208–215); отношение **интенсивности** – количественной, качественной и др. (с. 215–221); количественные отношения – арифметического действия, счетного количества и др. (с. 221–230, а также Пете 1980, 1981, 1981-а).

Итак, синтаксическую семантику русского языка (семантику предложения) И. Пете описывает очень подробно. Сначала он классифицирует семантику предложения с учетом субъекта, предиката, объекта предложения: получаются субъектно-ориентированные, предикатно-ориентированные, объектно-ориентированные и т. д. предложения. Затем «внутри» этих видов предложения И. Пете формулирует более частные виды – с учетом значения конкретной лексики. Добавим, что именно в этой последовательности выражается и становление семантики высказывания при его построении и распознавании. Создавая высказывание, говорящий прежде всего выбирает лексему, которая может стать субъектом высказывания, т. е. предметом речи, тем, о чем надо сообщить в высказывании, и эта лексема приобретает значение «пред.», несмотря на то, что конкретно она может обозначать «дейс.», «приз.» *(Курить – здоровью вредить, Смелый города берет)*. На второе место в высказывании говорящий ставит лексему, которая должна быть предикатом, т. е. сообщением о предмете речи – о субъекте, вследствие чего эта лексема приобретает значение «дейс.», «приз.», несмотря на то, что по своему конкретному лексическому значению может относиться к классу «пред.» *(Коля – ученик)*. Остальная лексика при построении семантики предложения может «вести себя» в соответствии со своими конкретными значениями, ориентируясь, однако, на лексику, которая выступает в роли субъекта, предиката, объекта и т. д.

Эта последовательность (высказывание > лексика) свидетельствует и о последовательности между семантикой высказывания и лексической семантикой. Поскольку лексика приобретает свою главную семантику «пред.», «дейс.», «приз.» и др. в высказывании: «субъект», «предикат», «объект» и др., постольку высказывание в своей семантике первично, а семантика лексики вторична, т. е. и в этом случае имеет место последовательность: семантика высказывания > лексическая семантика. Значения «пред.», «дейс.», «приз.» и др. в роли субъекта, предиката, объекта и др. – это область высказывания, а «пред.», «дейс.», «приз.» и др., обобщающие конкретные значения лексики *(стол* – «пред.», *стоять* – «дейс.», *большой* – «приз.» и др.) – это область непосредственно лексики. Таким образом,

значения «пред.», «дейс.», «приз.», принадлежат как высказыванию, так и лексике – и являются своеобразным связующим звеном между высказыванием и лексикой.

Морфологическая семантика

Лексика и грамматика. Лексики в языке очень много, и чтобы в ней сориентироваться при построении и восприятии высказывания (чтобы сориентироваться в лексической организации высказывания), необходимо маркировать лексику, – требуется грамматика. Грамматическая маркировка закрепляется прежде всего за крупными лексическими классами «пред.», «дейс.», «приз.» и нек. др., а затем также, если лексическая сочетаемость зависит от принадлежности ее к более частным лексическим классам, то дополнительная грамматическая маркировка прикрепляется и к этим частным классам, например: «пред. одуш.», «пред. муж. р.», «дейс. перех.» и т. д.

Первичной в соотношении между лексикой и грамматикой является лексика, вторичной – грамматика, предназначенная для маркировки лексики и лексической сочетаемости, т. е. имеет место: лексика > грамматика. Говорящий, поставив целью построить высказывание, прежде всего выбирает лексику из определенных лексических классов, которые он затем маркирует грамматическими средствами, чтобы указать на принадлежность отобранной лексики к определенным лексическим классам, а также на связь лексики в высказывании. Слушатель же идет в этом же направлении: он прежде всего воспринимает лексику в высказывании, относя ее к определенным лексическим классам, используя также и ее грамматические формы, чтобы быстрее и точнее сориентироваться в лексике. О первичности лексики и вторичности грамматики свидетельствует и то, что говорящие и слушатели могут иногда обходиться без грамматики, например ребенок часто строит свои высказывания без грамматики (которую он еще не знает), – точно так же, как и начинающий изучать иностранный язык, например: **Девочка рисовать*. При этом лексическая связь может быть передана и неточно: *Девочк-а рису-ет* или *Девочк-у рису-ют*. (получается, что и грамматика тоже очень важный раздел в высказывании – после лексики).

Семантика частей речи. Морфология в целом – это лексические классы «пред.», «дейс.», «приз.» и др. вместе с их грамматической маркировкой. Описание морфологии в целом означает описание того и другого вместе – в их соответствии друг с другом. Традиционно именно так морфология и описывается: вместе, в целом. Но морфология может быть описана и по отдельным ее частям. Если распределение слов (лексем) по ча-

стям речи производится только с учетом значения частей речи («пред.» – это сущ., «дейс.» – это глагол и т. д.), то это описание составляет **семантическую морфологию**. Если же описывается только морфологическая маркировка частей речи, в отвлечении от лексических классов, на которые эта маркировка указывает, – то такое описание составляет **формальную морфологию**. Именно формальная морфология и входила в формальную (структурную) грамматику, которой занималась мировая лингвистика в течение всей первой половины XX века.

В своем 2-томном учебнике по морфологии русского языка (Пете 2005, 1–2) И. Пете описывает «полную» морфологию, начиная с семантики частей речи и заканчивая морфологической маркировкой этой семантики.

Распределяя слова (лексику) по частям речи, И. Пете пишет: «Ведущим принципом распределения слов по частям речи должна быть категориально-семантическое значение частей речи…Человеческое сознание в действительности выделяет предметы, действия, признаки, признаки предметов, отношения между ними…» (Пете 2005, 1, с. 55). Однако непосредственную основу для частей речи составляют не предметы и действия объективной действительности (так пишет И. Пете), а лексика (знаки языка), называющая эти предметы и действия, организуясь в лексические классы «пред.», «дейс.» и др. Именно к этим лексическим классам (к лексике, входящей в эти классы, а не к предметам и действиям окружающего мира) прикрепляется морфологическая маркировка. Поэтому при определении частей речи нет необходимости ходить в окружающий мир – достаточно назвать лексические классы «пред.», «дейс.» и др. и те морфологические средства, которые сигнализируют об этих лексических классах. При описании только семантической морфологии требуется ограничиться только этими классами, абстрагируясь от их конкретной морфологической маркировки. Однако эта морфологическая маркировка должна все-таки подразумеваться. Дело в том, что в морфологии и выделяются только те лексические классы, которые имеют отличительные признаки в морфологических средствах. Если лексика, лексические классы не обозначены морфологическими средствами, то эти лексические классы не должны описываться в семантической морфологии (описываются они в лексической семантике).

Семантическая классификация частей речи. И. Пете подразделяет части речи на самостоятельные и служебные. Вот как определяет И. Пете самостоятельные части речи: «Самостоятельные части речи называют элементы действительности самостоятельно, непосредственно, обобщенно и расчленено…Они выражают понятие, имеют модели словоизменения…» (Пете 2005, 1, с. 56). Но о частях речи можно сказать проще, без обращения к окружающему миру и логике. Самостоятельные части речи (суще-

ствительное, прилагательное, глагол и др.) – это классы лексики со значением «пред.», «дейс.», «приз. пред.», «приз. дейс.» и др., обозначенные соответствующими морфологическими средствами. У самостоятельных частей речи имеются, таким образом, и морфологическая семантика, и морфологические средства, указывающие на эту семантику.

И. Пете далее пишет: «Служебные части речи не выражают понятия…, не имеют морфологических форм…» (с 58). Иначе говоря, оставаясь в языке (не выходя в логику), о служебных частях речи надо сказать, что они не имеют морфологической семантики – не относятся к какому-либо лексическому классу «пред.», «дейс.» и т. д. Служебные части речи – это морфологические средства, «обслуживающие» самостоятельные части речи – в дополнение к тем морфологическим средствам, которые уже имеются у самостоятельных частей речи. Значит, у служебной части речи нет сами ими являются морфологической семантики, но являются морфологическими средствами.

Имеются еще части речи, которые И. Пете называет прагматическими: модальные слова, частицы, междометия (с. 58). У этих слов определенно есть семантика. И. Пете пишет: «Прагматические части речи выражают отношение говорящего к сказанному…междометие нерасчлененно выражает чувства…» (с. 58). Что выражают модальные слова – И. Пете не пишет. Но в лингвистических словарях можно прочитать: «частица – класс слов,… служащих для выражения смысловых оттенков» (Русский язык, с. 390). Таким образом, у прагматических частей речи есть семантика: эти части речи составляют классы слов со значением «эмоция», «смысловой оттенок» и т. п. Но морфологических средств, указывающих на эту семантику, у прагматических частей речи нет. Не используют прагматические части речи в качестве морфологических средств и служебные слова. Получается, что у прагматических частей речи есть морфологическая семантика, но нет морфологических форм.

Как уже замечено, в книгах И. Пете (Пете 2005, 1–2) подробно описывается не только семантика, но и морфологические формы слов. Остановимся только на том, как он описывает это у двух частей речи – существительного и глагола. И. Пете пишет: «Существительное и глагол являются важнейшими частями речи…Типичная функция существительного – обозначение субъекта предикации, глагола – обозначение предиката» (Пете 2005, 1, с. 63). Субъект и предикат – семантическая основа предложения. В роли субъекта выступает лексика с семантикой «пред.», в роли предиката – лексика с семантикой «дейс.».

Семантика существительного. И. Пете пишет о существительном: «Все существительные имеют обобщенное значение предмета…» (с. 63). И. Пете выделяет следующие классы существительных (подклассы класса «пред.»), имеющие отличительные признаки в их морфологической мар-

кировке: 1) собственные и нарицательные имена, 2) одушевленные и неодушевленные имена, 3) личные и неличные имена (с. 67). Внутри каждого из этих классов, маркированных морфологически, имеются сугубо лексические классы, морфологически не маркированные. Так, среди собственных имен И. Пете выделяет имена лиц, животных, названия учреждений, заводов, колхозов, планет и др. (с. 68–71). Нарицательные существительные подразделяются у И. Пете сначала на исчисляемые и неисчисляемые, имеющие различия в морфологических формах (первые имеют формы ед. и мн. числа, вторые – только ед. ч.), а затем каждый из этих лексических классов И. Пете делит на подклассы, не имеющие морфологических средств различия. Так, исчисляемые существительные – это имена предметов и живых существ *(книга, девочка)*, групповые имена *(народ)*, сингулятивы *(морковка)*, нумеративы *(место, голова)*; неисчислимые имена – это собирательные имена *(скот)*, вещественные *(ром),* отвлеченные имена *(физика)* и т. д. (с. 71–75). Одушевленные и неодушевленные имена различаются морфологически (у первых им. пад. «равняется» род. пад., у вторых им. пад. «равняется» вин. пад.). Но внутри того и другого лексического класса подклассы маркировкой уже не различаются. Тем не менее, И. Пете выделяет эти подклассы: среди одуш. сущ. – он выделяет названия животных и неживых существ, среди живых существ – названия людей по профессии, по национальности, по месту жительства и т. д.

Надо ли при описании морфологии выделять лексические классы, которые морфологически не маркируются и, следовательно, к морфологической семантике не относятся (относятся к лексической семантике)? Вообще говоря, не надо. Но если учитывать целый ряд прикладных вопросов, то – выделять эти подклассы приходится. В преподавании русского языка как иностранного приходится в классе «пред. одуш.» выделять подкласс «пред. одуш. люд.» (не маркированный), так как лексика этого подкласса наиболее употребительная в маркированном классе «пред. одуш.». Студенты, непосредственно усваивая лексику немаркированного класса «люд.», вместе с ней усваивают и весь морфологически маркированный класс «пред. одуш.» (морфологическую семантику).

Категория рода в русском языке – категория классификационная. И. Пете пишет: «Род распределяет существительные на группы. В русском языке три рода: мужской, женский и средний…» (с. 81). Каждый из этих трех лексических классов «пред. м. р.», «пред ж. р», «пред ср. р.» имеет свою морфологическую маркировку, с которой координирует в высказывании маркировка прилагательного (лексический класс «приз.»). и глагола (класс «дейс.»). Категория рода с ее морфологическими средствами, призвана, таким образом, указывать на сочетаемость лексики в высказывании. Внутри каждого из двух лексических классов («пред. м. р.» и «пред.

ж. р.»), маркированных морфологически, И. Пете выделяет подклассы – названия людей и животных, которые специально не маркируются, но, по-видимому, имеют какие-то, по мнению И. Пете, прикладные особенности.

Категория числа существительного – категория словоизменительная: в каждый их двух лексических классов «пред. ед. ч.» и «пред. мн. ч.» может входить одна и та же лексема, маркированная, однако, разными морфологическими средствами числа: «пред. ед. ч.» (*книга-а, девочк-а* и др.) – «пред. мн. ч.» (*книг-и, газет-ы* и др.). Но так же, как и категория рода, категория числа выражает сочетаемость лексики в высказывании: «пред. ед. ч. + дейс. ед. ч.» *(книг-а леж-ит)*, «пред. ед. ч. + приз. ед. ч.» *(книг-а нов-ая)*. И. Пете, характеризуя категорию числа, обращает внимание на значение лексики этих двух лексических классов: «Категория числа… – представляет собой бинарную оппозицию, выражающую противопоставление одного предмета раздельному множеству…исчисляемых предметов» (с.93).

Подробно описывает И. Пете подклассы классов «пред. ед. ч.» и «пред. мн. ч.», подклассы, уже не различающиеся морфологическими средствами и составляющие поэтому не морфологическую, а только лексическую семантику. Так, внутри класса «пред. ед. ч.» И. Пете выделяет два подкласса: «единичность» *(Книга на столе)* и обобщенность» *(Книга – источник знаний)* Внутри класса «пред. мн. ч.» И. Пете называет 10 лексических подклассов: «множественность» *(стол-ы)*, расчлененность» *(очк-и*), «дистрибутивность» *(шляп-ы)* и др. (с. 94–95). Надо ли при описании морфологии выходить в лексику, не маркированную морфологически? Не надо бы. Но традиционно в учебниках это делается.

Категория падежа в русском языке – тоже словоизменительная, как и категория числа, что означает, что в один из 6-ти лексических классов может входить одна и та же лексема, снабженная, однако, разной маркировкой: «пред. имен. пад.» *(книг-а*, *журнал-),* «пред. род. пад.» *(книг-и, стол-а)* и т. д. В отличие от категории рода и числа морфологическая маркировка которых указывает на сочетаемость лексики друг с другом в предложении, категория падежа своими морфологическими средствами свидетельствует прежде всего о роли лексемы в предложении по отношению к остальной лексике. И. Пете пишет: категория падежа выражает разные смысловые отношения к другим словам в словосочетании предложения…» (с. 103). И далее И. Пете описывает роль лексических классов в предложении, маркированных формой разных падежей. Так, если лексема имеет маркировку класса «пред. имен. п.», то это значит, что данная лексема выступает в высказывании субъектом речи; с маркировкой класса «пред. вин. п.» лексема выступает в роли объекта речи, с маркировкой класса «пред. твор. п.» – лексема является в роли орудия действия и т. д. И. Пете описывает и более частные роли лексики в высказывании с па-

дежной маркировкой, – в зависимости от конкретного значения лексемы, в зависимости от соседства с лексикой других значений и т. д. (с. 104–17). И здесь И. Пете тоже часто выходит из области морфологической семантики в область только лексической семантики (морфологически не маркированной).

В итоге морфологическая семантика лексического класса «пред.» (сущ.) в русском языке достаточно разнообразна – и по составу лексических классов, и по их маркировке.

Семантика глагола. Лингвистика в свой истории по-разному соотносила глагол и существительное, а именно: 1) существительное – главное слово в предложении, глагол от него зависит, 2) глагол – главное слово, существительное зависит от глагола, 3) существительное и глагол – равноправные члены предложения. И. Пете присоединяется к 1-ой точке зрения: «Существительное называет независимый предмет. Глагол называет действия предметов…» (с. 2005, 2, с.9). И это верно, так как в предложении субъектом предложения (то, о чем говорится в предложении) является лексема со значением «пред.», оформленная морфологически как существительное, а предикатом (то, что утверждается о субъекте) является «дейс.», оформленное, как глагол.

Итак, глагольная лексема называет **действие предмета**. Глагольная маркировка отмечает отмечает лексику, которая объединяется в класс «дейс.». Внутри класса «дейс.» И. Пете выделяет подклассы: «деятельность» *(работает)*, «происшествие» *(блещут)*, «состояние» *(спит)*, «отношение» *(любит)*, «бытие» *(был)* и т. д., которые в русском языке не различаются посредством глагольной маркировки. Эти семантические подклассы поэтому не следовало бы выделять в русском глаголе: они относятся к области лексической, а не морфологической семантики. Однако И. Пете и в этих лексических подклассах, наверное, видит необходимость в том. чтобы помочь студентам в освоении значения действия вообще.

Категория переходности глагола, о которой далее пишет И. Пете (с. 21–29), – это два лексических подкласса общего класса «дейс.», различающиеся посредством морфологических средств (приставки, суффиксы, постфикс *-ся* и др.), указывающих на лексическую сочетаемость или несочетаемость лексики со значением «дейс.» с лексикой со значением «пред. объект», маркированным средствами вин. или род. падежа, ср. *читать книг-у* (дейс. перех.) – *сидеть* (дейс. неперех.». Категория переходности – это классификационная категория: каждая глагольная лексема относится либо к классу «дей. перех.», либо к классу «дейс. неперх.». Однако И. Пете, беря глагольную лексему во всей системе ее значений, находит такие глаголы, которые в одном из своих лексических значений представляют категорию переходности как категорию словоизменения, например: *Он катит бочку – Он катит на велосипеде*, – где, по мнению И. Пете,

лексема *катит* имеет одновременно переходное и непереходное употребление, т. е, словоизменяется по переходности (с. 21). Полагаем, что разные значения одной и той же лексемы в морфологии надо относить к разным лексемам.

Словоизменительной глагольной категорией является **категория лица**. Лексемы глагольных подклассов «дейс. 1 л.», «дейс. 2 л.», «дейс. 3 л.» сочетаются с лексемами соответствующих подклассов «пред.»: «пред. 1 л. люд.», «пред. 2 л. люд.», «пред. 3 л.». Однако вслед за традицией И. Пете выделяет также и класс безличных глаголов: «дейс. безл.» (*вечереет, светает, холодеет* и др.), в который входят глаголы, которые не входят в класс личных глаголов. Получается, таким образом, что сначала надо делить все глаголы на безличные и личные (это деление является классификацией): глагольная лексема входит только в один их этих двух классов: *читаю – вечереет*, а затем личные глаголы делить на глаголы 1-го, 2-ого и 3-его лица – это деление уже будет словоизменением: каждая глагольная лексема может входить в один из трех классов: *чита-ю* («дейс. 1 л.), *чита-ешь* («дейс. 2 л.»), *читает* («дейс. 3 л.»).

Категория числа у глагола тоже словоизменительная: один и тот же глагол может входить как в класс «дейс. ед.» *(чита-ет, игра-ет)*, так и в класс «дейс. множ.» *(чита-ют, пиш-ут)* и т. д. (с. 35–37). Категория числа так же, как и категория лица, выражает согласование лексики в предложении: «пред. + дейс.» *(ученик-и пиш-ут)*.

Словоизменительной является и **категория времени**: каждая глагольная лексема может входить в каждый из следующих лексических классов: «дейс. наст.» *(чита-ет, пиш-ет)*, «дейс. прош.» *(чита-л, игра-л)*, «дейс. буд.» *(буд-у читать, буд-у рисовать)*. Однако, в отличие от категории числа и лица, категория времени выражает не согласование лексики в предложении («пред. + дейс.»), а изменение лексики «дейс.» по отношению к моменту речи: 1) в момент речи, 2) до момента речи, 3) после момента речи. Внутри каждого из лексических подклассов: «дейс. наст.», «дейс. прош.», «дейс. буд.», – И. Пете называет более частные подклассы: «абсолютное время», «относит. время», «дистантное время» и др. (с. 52–66), которые посредством морфологических средств уже не различаются, а значит, относятся не к морфологической, а к лексической семантике (которую в морфологии глагола можно было бы и не описывать).

В области форм настоящего времени – формы лица и числа образуют комплекс форм, которые разносятся по двум **спряжениям глагола**. Эти два спряжения – разные лексические классы глаголов: каждая глагольная лексема входит только в один из этих двух классов. Но внутри каждого из этих двух классов, внутри классов лица («дейс. 1 л.», «дейс. 2 л.», «дейс. 3 л.») и классов числа («дейс. ед.», «дейс. мн.»), образующих комбинацию классов лица и числа («дейс. 1 л. ед.», «дейс. 1 л. мн.», «дейс. 2 л. ед.»

и т. д.) может присутствовать каждая глагольная лексема: *пиш-у, пиш-ешь, пиш-ет, пиш-ем, пиш-ете, пиш-ут.* Получается словоизменение глагольной лексики, что, собственно, и называется спряжением глагола (с. 40–45). К названным двум спряжениям И. Пете добавляет еще несколько спряжений: 3-е спряжение, архаическое, смешанное, изолированное, двоякое (с. 45–52). Эти лексические классы включают в себя глагольные лексемы, которые не входят в лексические классы 1-ого и 2-ого спряжения. Однако глагольные флексии в этих дополнительных спряжениях употребляются те же самые что и в 1-ом и 2-ом спряжении, только в некотором ином порядке. Если этот порядок флексий принять за морфологическую форму, тогда все эти дополнительные виды спряжения, сформулированные И. Пете, вместе с 1-м и 2-м спряжением составят морфологическую семантику. Если же порядок флексий не принимать за морфологическое средство, тогда дополнительные виды спряжения, сформулированные И. Пете, составят лексическую семантику, не отмеченную морфологическими средствами.

Категория наклонения – словоизменительная категория: каждая глагольная лексема входит в один из трех лексических классов, маркированных формами наклонении: «дейс. изъяв.» *(чита-ет)*, «дейс. сосл.» *(чита-л бы),* « дейс. повел.» *(чита-й).* Так же, как и категория времени, категория наклонения специализируется не на выражении лексической сочетаемости «пред. + дейс.», а на выражении трех разных значений действия – с точки зрения их реальности. Внутри каждого из этих трех действий И. Пете отмечает множество их разновидностей, из которых многие не получают отличие в морфологической маркировке – и поэтому составляют не морфологическую, а только лексическую семантику(с. 67–84).

Категория залога – это отношение между субъектом и объектом в предложении. Лексика класса «пред.» занимает в предложении 1) позицию субъекта, а лексика класса «дейс.» – позицию предиката: *Ученик читает, Ученик читает книгу* (действ. залог). Но лексика со значением «пред.» 2) может занимать позицию объекта, а лексика со значением «дейс.» попрежнему выполнять роль предиката: *Книга читается учеником, Книга прочитана* (страд. залог). Для второго случая (страд. залог) лексема приобретает морфологическое средство в виде частицы *-ся* либо формы страдательного причастия. В русском языке не все лексемы со значением «дейс.» могут приобретать формы страдательного залога и тем самым входить и в класс «дейс. страд.» – составлять вместе с классом «дейс. действ.» словоизменение. Для многих глагольных лексем в русском языке классы «дейс. действ. – дейс. страд.» составляют классификацию (если глагол входит только в один из этих классов). Обычно в русском языке признается только два залога, иногда – три залога и даже четыре.

Но И. Пете признает в русском языке семь залогов (с. 84–85), каждый из которых он подробно описывает в своей книге (с. 85–95).

Обстоятельно описывает И. Пете **категорию вида** – любимую тему в венгерской русистике (с. 61–143), излагая всю историю вопроса, относящуюся ко всем странам, в том числе, конечно, и к Венгрии, где первое место занимают работы проф. Л. Ясаи, в частности: Ясаи 1993, 2005. Вид (аспект) – характеристика действия с точки зрения его завершенности: «дейс. сов. – дейс. несов.» *(сдать – сдавать)*. Но не все глаголы распределяются по классам «дейс. сов. – дейс. несов.», а только те, которые составляют так называемые видовые пары, внутри которых глаголы по-разному используют морфологические средства: в одних парах глаголы различаются приставками *(делать – с-делать),* в других парах – суффиксами *(сдать – сда-ва-ть)*, в третьих – приставами и суффиксами одновременно и т. д. Приходится полагать, что перед нами два лексических класса, в которые входят разные лексемы: имеет место классификация, а не словоизменение глагольных лексем, причем сугубо лексическая классификация, а не морфологическая типа категории рода существительных, «обслуживающей» сочетаемость лексики в предложении («пред. м. р. + дейс. прош. вр. м. р.»: *ученицц-а писа-ла*). Категория вида никакой сочетаемости не «обслуживает». Более того, видовые пары не охватывают всю глагольную лексику: есть еще и одновидовые глаголы *(зависеть)*, и двувидовые *(дублировать)* и т. д.

И. Пете полагает, что когда глагольные лексемы образуют видовую пару, то эти лексемы представляют собой одну и ту же лексему: имеет место словоизменение, а не классификация лексем. Заметим, что раньше академические «Русские грамматики» были того же мнения, что И. Пете: «…глагол одного вида имеет соотносительный глагол другого вида с тем же лексическим значением…» (Грамматика русского языка 1953, с. 426). Затем академические грамматики поменяли свое мнение на противоположное: «Категория вида является не словоизменительной» (Русская грамматика 1980, с. 584); «Категория вида глагола – это не словоизменительная категория…» (Краткая русская грамматика 1989, с. 265). Когда в древнерусском языке был аорист и имперфект, тогда с помощью регулярных морфологических средств различались одинаковые лексемы внутри каждой пары «дейс. сов. – дейс. несов.», относящейся к прошедшему времени. Теперь это противопоставление, надо считать, ушло из морфологии в лексику. Теперь это не морфологическая, а лексическая семантика типа такого же различия, которое имеется, например, в парах существительного «пред. больш. – пред. мал.» *(дом – дом-ик)*, – кстати, с более регулярным использованием морфологических средств, чем в видовых парах.

Способы действия глагола – это тоже такие пары глаголов (отмеченные морфологическими средствами – обычно приставками), которые яв-

ляются разными лексемами. Это, например, пары с «начинательным» глаголом *(дуть – подуть)*, с «ограничительным» глаголом *(гостить – погостить)*, с «окончательным» глаголом *(цвести – отцвести)* и мн. др. И. Пете подробно описывает эти глагольные пары, используя свою собственную терминологию (затрудняя студентам восприятие этой темы).

Глаголы движения, о которых тоже много пишет И. Пете (с. 144–164), в том числе и те глаголы движения, которые образуют пары типа *идти – ходить, ехать – ездить* и т. д. (с. 45), – это тоже лексическая, а не морфологическая семантика.

Другое дело – **причастия:** это формы глагола, с той же морфологической семантикой, что имеется у глаголов (действительные и страдательные причастия, причастия настоящего и прошедшего времени, переходного и непереходного значения). Причастия согласуются с лексикой класса «пред.» не с помощью форм спряжения, а с помощью форм прилагательного («пред. + приз.»).

Деепричастия – тоже формы глагола, имеющие категории глагола – переходность и залог, тоже участвуют не в сочетании «пред. + дейс.», как глагол, а. утратив все согласовательные форы глагола, в сочетании «дейс. + приз. дейс.», представляя это сочетание как морфологическую семантику.

Такова морфологическая семантика, состоящая из двух частей: 1) лексические классы «пред.», «дейс.», «приз.» и др., на которые (а также на сочетаемость которых с другими лексическими классами) указывают 2) специальные морфологические средства. Описать морфологическую семантику – это значит, описать 1) лексические классы и их 2) морфологическую маркировку. И. Пете, рассматривая всё это, описывает лексические классы, не различающиеся морфологической маркировкой.

Литература

Болла К., Палл Э., Папп Ф. Курс современного русского языка. Изд. 4-ое. Budapest, 1977.

Грамматика русского языка. Т.1. Ред. В. В. Виноградов. М., АН СССР, 1953.

Краткая русская грамматика. Ред. Н. Ю. Шведова и В. В. Лопатин. М., Рус. яз., 1989.

Крекич Й. Семантика и прагматика временно-предельных глаголов. Изменение значений. Budapest, 1989.

Крекич Й. Побудительные перформативные высказывания. Сегед, 1993.

Лингвистический энциклопедический словарь. Ред. Ярцева В. Н. М., 1990.

Палашти К. Об употреблении русских безличных глаголов (со значением состояния) в личной форме и об их венгерских эквивалентах. – Hungaro-Slavica, Budapest, 2001. с. 188–193.

Пехливанова К. И., Лебедева М. Н. Грамматика русского языка в иллюстрациях. М., 1984.

Русская грамматика. Т. 1. Ред. Н. Ю. Шведова. М., АН СССР, 1980.

Русский язык. Энциклопедия. Ред. Ф. П. Филин. М., 1979.

Секей Г. Учение о частях речи в русском языке и его восприятие в венгерской аудитории. – «Русский язык за рубежом». М., 1985, 6. с. 68–70.

Хайзер Л. О соотнесенности неопределенных числительных с существительными *человек, люди*. «Русский язык за рубежом», 1976, 4. с. 85–87.

Ясаи Л. Лекции по глагольному виду. Budapest, 1993.

Ясаи Л. Видовые корреляции в системе грамматических оппозиций. Budapest, 2005.

Papp Ferenc. Könyv az orosz nyelvről. [Книга о русском языке] Budapest, 1979.

4.4. Когнитивная семантика русского языка (Э. Ч. Йонаш)

В связи с тем, что когнитивная лингвистика теперь развивается по всему миру, что она разнообразна как в своих категориях, так и в своей терминологии, – чтобы быть понятным читателю, приходится придерживаться какой-нибудь одной «географической» зоны. Профессор Ньиредьхазской Высшей школы Эржебет Йонаш, преподаватель русского языка, придерживается русской когнитивной лингвистики, которую она излагает в первых двух разделах своей книги о когнитивистике, а также, разумеется, и венгерской когнитивной лингвистики, о которой речь идет в третьем разделе книги. Однако обращение к русской и венгерской когнитивной лингвистике объясняется еще и тем, что в книге рассматривается русско-венгерский и венгерско-русский художественный перевод, русско-венгерские соответствия между когнитивными семантическими пространствами, выражающимися в этих двух языках. Обращение, в частности, к американской когнитивной лингвистике, предполагающей английский язык (см. Новое в зарубежной лингвистике 1988) было бы менее продуктивным. Эта книга следующая:

Cs. Jónás Erzsébet. Kognitív szemantika a fordításban. Orosz kognitív nyelvészet. [Когнитивная семантика при переводе. Русская когнитивная лингвистика] Nyíregyháza, 2012. 149 p.

На тему когнитивистики и ее использования в художественном переводе Э. Ч. Йонаш опубликовала и несколько других работ, например:

Jónás E. Многомерные димензии художественного текста (венгерские переводы Блока – русские переводы Ади).– Studia Slavica Savariesia 1-2. Szombathely, 2002. 403–412.

Jónás E. Alakzatok a versfordításban. [Тропы в переводе стихов] – Fordítástudomány, 2. 2002. 83–99.

Jónás E. Ismerkedjünk a szemiotikával. [Познакомимся с семиотикой] Nyíregyháza, 2005.

Jónás E. Az orosz kognitiv nyelvészet fogalmi kategóriái és terminológiai bázisa. [Понятийные категории и терминологическая основа русской когнитивной лингвистики].– Magyar Terminológiai Bázis 1. 2010. 64–77.

Jónás E. Krúdy és Oroszország. [Круди и Россия] – Cs. Jónás E., Pethő J. Százéves századelő. Nyíregyháza, 2010.

Jónás E. Kultúrák találkozása. [Встреча культур] Nyíregyháza, 2011.

Книга состоит из двух частей: 1) «Исследования», написанные на венгерском языке (основная часть, с. 11–136) и 2) «Сборник текстов» с тематикой (концептосферой) «Праздники России» – на русском языке (приложения, с. 137–148).

Первая часть книги («Исследования») представляет собой очерки по разным вопросам когнитивной лингвистики в тесной связи с проблемами художественного перевода (автор – специалист по художественному переводу). «Очерки» – наиболее подходящее название для разделов книги, так как содержание этих разделов, хотя и тесно связано друг с другом одной темой, но логически все-таки не вытекает одно из другого. Автор даже не нумерует разделы своей книги, давая тем самым возможность читателю читать книгу с любого места в любом порядке, тем более что и библиография помещается после каждого отдельного раздела, а не в конце всей книги.

Когнитивная лингвистика в России. Первый очерк в книге называется: «Понятийные категории русской когнитивной лингвистики и их терминологическая база» (с. 11–21). Этот очерк ранее был опубликован в виде отдельной статьи (Jónás 2010). В библиографии к этому разделу названы работы многих русских лингвистов, занимавшихся ранее структурной лингвистикой, а затем перешедших в когнитивную лингвистику: Ю. Д. Апресян, Н. Д. Арутюнова, Ю. Н. Караулов, А. А. Кибрик, Е. С. Кубрякова, Ю. С. Степанов, В. Н. Телия и др.

Названный раздел состоит из 4 подразделов: 1) проблемы русской когнитивной лингвистики, 2) задачи, 3) основные положения, 4) терминология, 5) толкование концепта.

Проблемы – это еще не решенные вопросы, которых в русской когнитивистике оказалось много. Из них Э. Ч. Йонаш выделяет проблемы использования языка (при выражении концепта): природа использования, свойства использования, как используется язык и т. д.

Задачи русской когнитивной лингвистики касаются связи языка с концептами: важность языка для познания мира; роль языка в выражении концепта; концептуализация и категоризация; концептуальное пространство; языковая картина мира и пр.

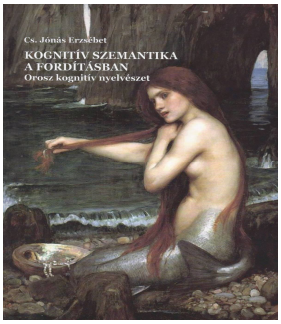
Положения русской когнитивной лингвистики сводятся к нескольким постулатам (Баранов – Добровольский 1997): за словами, за грамматикой, за синтаксисом и т. д. стоит когнитивная структура; языковое и когнитивное значение не одинаковы: концепт шире, чем значение; когнитивная структура требует слов для выражения; семантическое описание имеет много способов; описать конгницию можно по-разному.

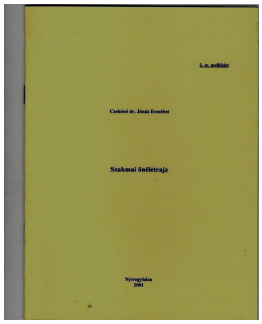
Терминология русской когнитивной лингвистики следующая (каждый термин подробно объясняется в книге): разум, знание, концептуализация, категоризация, ментальность, когниция, национальное культурное

пространство, константы культуры, когнитивная картина мира, концепт, концептосфера и др.

Толкование концепта в русской когнитивной лингвистике производится по-разному: концепт как лингвистическое явление – как мыслительная единица (Е. С. Кубрякова, В. В. Красных); концепт как психологическое явление – проявляется в общении (А. А. Залевская, В. А. Мыркин); концепт как лингвокультурологическое явление – сохраняется в культурологическом опыте народа (Г. К. Слышкин, С. Г. Вокачев); концепт как культурное явление – научное, повседневное и др. (С. Х. Ляпин, Ю. С. Степанов, В. И. Карасик); концепт как языковое явление – как слова, как языковые конструкции (Л. О. Чернейко, М. В. Пименова) и др.

Несмотря на то, что когнитивная лингвистка называется русской, она переполнена, замечает Э. Ч. Йонаш, английскими терминами, за которыми стоят английские же значения слов. Дело в том, что русская когнитивная лингвистика является в значительной степени заимствованной с Запада: 80-ые годы когнитивную лингвистику создавали Ч. Филлмор, Дж. Лакофф, М. Бирвиш и др. (см. Новое в зарубежной лингвистике, 1988).

Проф. Эржебет Йонаш
(Ньиредьхаза)

Второй очерк книги под названием «Когнитивная лингвистика в России» (с. 23–32) продолжает тему первого очерка. В списке литературы к этому разделу называется еще около 20 публикаций.

Э. Ч. Йонаш пишет, что когнитивная лингвистика в России началась в 2000-ые годы, И началась она в провинциальном городе Воронеже с книг З. Д. Поповой и И. А. Стернина. Э. Ч. Йонаш называет 4 книги этих авторов, опубликованные сначала в Воронеже, а затем и в Москве, см. последнюю книгу, в которой авторы дошли до того, что пишут о том, что «Мышление народа не опосредуется его языком…» (Попова, Стернин 2007, с. 55).

Э. Ч. Йонаш утверждает, что концепты выражаются в языке (материализм), что когнитивная лингвистика – это новый подход прежде всего к языку. Э. Ч. Йонаш цитирует Е. С. Кубрякову, которая пишет, что когнитивный принцип обеспечивает связь языка и мышления, что при описании языкового значения надо включать в это значение когницию. Л. Г. Зубкова, Н. А. Кобрина, В. А. Маслова утверждают об интердисциплинарном характере когнитивных знаний. Е. Ю. Балашова полагает, что знания о мире образуются на основе концептов, что эти знания могут быть центральными и периферийными, первичными и вторичными. А. В. Костин считает, что язык имеет коммулятивную функцию, благодаря которой взгляд на мир «уплотняется» в концепты. С. В. Кузлякин полагает, что, разрабатывая когнитивную лингвистку, надо исходить из психолингвистки. Называются в книге и многие другие российские лингвисты, которые предлагают при описании когнитивистики держать связь с культурологией, логикой, философией, семиотикой и т. д. Э. Ч. Йонаш считает, что когнитивистика – это семантика языка (когнитивная семантика) и приводит в пользу этого специальные доводы (с. 24–25).

Далее в этом же разделе Э. Ч. Йонаш еще раз объясняет основные понятия когнитивной лингвистики. Прежде всего это, конечно же, понятие концепта. Концепт – единица знания о мире. Вместе концепты образуют концептосферу. Здесь цитируется Д. Лихачев. Трудности художественного перевода (пишет Э. Ч. Йонаш) состоят в том, что в одном языке концепт – выражается в лексеме, а в другом языке он не имеет номинации. Ср. в русском языке: концепт «щи» > лексема *щи;* в венгерском же языке нет этого соответствия. В России, пишет Э. Йонаш, создана большая литература о соотношении концепта и лексемы (С. В. Кизлякин, В. И. Карасик и др.).

Далее Э. Ч. Йонаш пишет о трех картинах мира (как о них рассуждают русские когнитивисты). Когнитивная картина мира формируется из когнтивных знаний в мыслительных процессах (Н. М. Лебедева, В. Красных, М. В. Пименова и др.). Языковая картина мира выражается в языковых знаках, в языковом членении мира, составляет видение мира народом. Картина мира в искусстве (художественная картина мира, созданная автором произведения) – вторичная по отношению к языковой картине мира. Э. Ч. Йонаш на протяжении всей своей книги возвращается к этим двум картинам мира, так как этого требует анализ вопросов художественного перевода.

Универсальные и индивидуальные концепты. В художественном произведении, пишет Э. Ч. Йонаш (с. 33–49), есть универсальные и индивидуальные когниции. Универсальные когниции нетрудно перевести с одного языка на другой, так как они присутствуют в обоих языках, в то время как индивидуальные когниции являются разными у двух сторон (или даже присутствуют только у одной стороны) и перевести их трудно.

Э. Ч. Йонаш в этом месте объясняет перевод стихотворения А. Блока на венгерский язык (переводчик А. Галгоци). Памятник Петру I, «медный всадник», в метафорах и метонимии стихотворения А. Блока – это конь, поднявшийся на дыбы, это Петр, устремивший руку вперед, это копыта коня, топчущие зло и т. д. Противопоставление «верх – низ» передает универсальную концептуализацию – противопоставление добра и зла, что точно переводится на венгерский язык. Но вместо имени Петр для точного перевода требовалось бы (считает Э. Ч. Йонаш) употребить имя Иштван (или Матьяш) – имя венгерского реформатора. Но переводчик оставил имя Петр. Эта индивидуальная концептуализация обусловила не вполне эквивалентный перевод.

В стихотворении Й. Аттилы «У Дуная» речь идет о Завоевании родины, о венгерской истории, венгерской культуре (о кунах, секеях и др.) – об индивидуальных когнициях, отсутствующих в русской культуре. Поэтому перевод этого стихотворения на русский язык (переводчик Л. Мартынов) получился неэквивалентным.

Заметим, что третий очерк – это по сути дела обзор венгерской литературы по когнитивной лингвистике. В библиографии названо около 30 венгерских авторов (Я. Банчеровский, К. Кинга, Ю. Лёринц, Г. Толчваи и др.); названы две публикации самой Э. Ч. Йонаш, в том числе и ее книга «Встреча культур» (2011) (имеется в виду встреча культур в переводе).

Концепты собственных имен. Четвертый очерк – «Когнитивное пространство собственных имен в художественном переводе» (с. 51–59). Казалось бы что собственное имя, например топоним, легко перевести на другой язык. Например, *Москва* – это и есть *Москва* на любом языке, в том числе и на венгерском. Но в художественной литературе в связи с каждым собственным именем образуется свое когнитивное пространство, которое трудно передать на другом языке. В пьесе Чехова «Три сестры» (1900 г.) одна из сестер троекратно возглашает: *В Москву! В Москву! В Москву!* Концепт «Москва» означает в этом случае для сестер цивилизацию, культуру, где прошло их детство, их жизнь (теперь они находятся в провинции). Перевод на венгерский язык сделал Д. Костолани два раза (в 1922 и 1947 г.). В 1954 г. был сделан еще один перевод. Э. Ч. Йонаш пишет, что троекратный возглас *Москва!* вполне можно передать по-венгерски, но передать соответствующую русскую когницию в венгерском тексте оказалось трудно.

У Пушкина и Лермонтова главные герои носят имена северных рек: *Онегин, Ленский, Печорин*. За каждым из этих имен находится определенная русская когнитивная концепция, которую нелегко передать на другом языке (впрочем, и у русских нет этой ассоциации). Э. Ч. Йонаш пишет, что у венгров имя *Онегин* не ассоциируется с названием реки *Онега*. В самом первом переводе «Евгения Онегина» имя *Онегин* было передано как *Ане-*

гин. Сам переводчик К. Берци оправдывал такой перевод тем, что именно так произносится по-русски слово *Онегин*. Потом переводили и *Онегин*, и *Анегин*, но в конце концов (в 1994 г.) все-таки снова вернулись к *Анегин* (переводчик А. Галгоци). Дело, видимо, здесь не столько в необходимости точнее передать русскую когницию на венгерском языке, сколько в традиции – в авторитете первого переводчика.

Символическими являются географические имена в песнях В. Высоцкого (переводчик Й. Ратко): *Расея, Магадан*. За каждым из этих имен находится когнитивная картина, которая, однако, не поясняется в стихах В. Высоцкого и, соответственно, не передается на венгерском языке при переводе. Русские знают эти концепты, венгры же остаются в неведении – не получают необходимой информации. Перевод в итоге получается недостаточным.

Концептология русского романтизма. Пятый раздел «Русские романтики в венгерских переводах» (с. 61–72) свидетельствуют о том, что о когнитивном пространстве можно говорить применительно не только отдельного писателя, но и целого литературного направления. В разделе речь идет о когнитивной системе романтизма, которая приходит на смену когнитивной системе классицизма. Романтизм, добавим, начинает новое, буржуазное общество, сначала в Западной Европе (начало XIX века), после Французской революции, а затем, с середины XIX века, и в Восточной Европе (в Венгрии – после революции 1848 года). Романтизм – это красота, фантазия, народная эстетика, идиллия, сказка, мистика, единство с природой, риторика, патетика и т. п. В Венгрии когнитивная система романтизма проявилась у венгерских поэтов-романтиков Кёльчеи, Бержени, Вёрёшмарти и др. В России первым поэтом-романтиком был Жуковский, который писал свои романтические произведения (элегии, баллады, песни, мистические легенды) под влиянием немецкого романтизма. Но главными создателями когнитивной системы романтизма а России, пишет Э. Ч. Йонаш, были, конечно, Пушкин, Лермонтов, Тургенев (сразу после восстания декабристов 1825 года). Свои романтические концепты русские поэты-романтики находили на Кавказе (свободолюбивый народ, экзотика и т. д.). Прославлялась в романтических произведениях красота природы, («Зимний вечер» Пушкина), спор человека с природой («Парус» Лермонтова), передавалась мистика («Демон» Лермонтова), фантазии на основе народных сказок («Руслан и Людмила» Пушкина) и мн. др. В языке использовались архаизмы – фонетические, морфологические, лексические, синтаксические – разного характера и происхождения.

Несмотря на то, что романтическая система в Венгрии и в России была, в целом, одинаковая, что должно было способствовать эквивалентному переводу русских поэтов-романтиков на венгерский язык, – эквивалентного (утверждает Э. Ч. Йонаш) перевода не получалось. Дело тут не в сход-

стве когнитивных систем, а в языковом различии. Те же архаизмы в русском и венгерском языках в точности не совпадали по своей стилистике – и поэтому не обеспечивали эквивалентного перевода. К тому же переводы производились уже в эпоху когнитивной системы реализма (развитое буржуазное общество). Очень трудно было, находясь среди реальных концептов, оперировать романтическими концептами. К концу XX века в Европе, в связи с кризисом буржуазного общества, появилась новая когнитивная система в литературе (авангардизм, модернизм и т. п.), которая еще более затруднила получение эквивалентного перевода русского языка на венгерский язык.

Концептология женской метафоры. В шестом разделе «Женская метафора в русском языке» (с. 73–79) вопросы русско-венгерского художественного перевода непосредственно не ставятся, но явно, что этот перевод подразумевается. Источниками женской метафоры в русском языке, пишет Э. Ч. Йонаш, являются: 1) фольклор (*гостья-зима* и т. д.), особенно много этих метафор в русских пословицах и поговорках (*Родимая сторона – мать, чужая – мачеха* и т. д.); 2) много женских метафор создавали русские поэты-символисты начала XX века (А. Блок, А. Белый и др.). Русскую соборность (общность, коллективизм, порядок в доме) тоже, пишет Э. Ч. Йонаш, возглавляла женщина, мать, Богоматерь Мария. Много и других интересных фактов собрано в этом разделе.

Языковая картина мира. Из седьмого раздела книги «Языковая картина мира в художественном переводе» (с. 81–88) следует, что из трех картин мира (когнитивная, языковая и художественная) – языковая картина, пишет Э. Ч. Йонаш, является главной. На языковой картине строится когнитивная картина. Художественная картина, предполагающая метафоры, метонимию и др., тоже связана с языковыми средствами – с языковой картиной мира. Трудности художественного перевода тоже, в конце концов, связаны с необходимостью точно передать картину мира входного языка в картине мира выходного языка.

У Достоевского в рассказе «Сон смешного человека» каждый из нижеследующих концептов выражается в двух русских словах: «милый» *(милый, добрый)*, «истина» *(истина, правда),* «грех» *(преступление, вина)*. Но в венгерском языке каждый из этих концептов передается одним словом. В итоге перевести этот рассказ на венгерский язык – проблема не концептуальная, а языковая.

Демон как в русской, так и в венгерской концептологии – это злой дух, однако в поэме А. Блока демон влюблен в женщину и злым духом в сущности не является. Значит, надо переводить эту поэму, обращая внимание на языковую картину мира. Так именно и переводили эту поэму два венгерских переводчика.

В своем произведении «Три сестры» Чехов описывает эмоции и чувства трех сестер. Найти в этих эмоциях и чувствах когнитивную картину мира, чтобы ее передать посредством венгерской картины мира, трудно, поэтому переводчик Косталани обращается к языковой картине двух языков.

Восьмой очерк в книге называется: «Д. Круди и Россия» (с. 89–101). Д. Круди – венгерский писатель начала XX века (умер в 1933 году). Хорошо знал Россию и поэтому в своих венгерских сочинениях передавал русские картины мира – в трех возможных вариантах: 1) когнитивная картина мира (знания о России), 2) языковая картина (членение мира в соответствии с русским языком), 3) художественная картина мира (создаваемая писателем). О Д. Круди в Венгрии говорили, что он «самый русский венгерский писатель». Откуда брал Д. Круди русские картины мира: 1) общение с русскими, 2) русская литература, 3) у него была русская жена. Метафоры и метонимию, использованные в русской литературе (Пушкин, Тургенев и др.), Д. Круди переносил в свои венгерские сочинения, в результате чего в его венгерских сочинениях обнаруживалась не венгерская, а русская когнитивная картина. Для когнитивной лингвистики это очень интересный факт.

Концепты «русалка» и «ведьма». В девятом очерке (с. 103–111) показывается, как концепты «русалка» и «ведьма» предстают в венгерской и русской когнитивных картинах мира в переводах Петефи (на русский язык) и Пушкина (на венгерский язык). Как всегда, перевод с одного язык на другой характеризуется тем, что часть содержания переводится точно, а часть – не точно, – что позволяет говорить о сходстве и различии в двух когнитивных картинах мира. Так, концепт «русалка (фея)» и у русских, и у венгров – это «хорошо», а концепт «ведьма» у двух народов – это «плохо». Различие состоит в том, что у русских русалка может жить в лесу, в поле, в воде, она красивая, а венгерская русалка (из турецкой культуры) – что-то нечистое, взятое из языческого культа. Есть различие и между русской и венгерской ведьмой: в том и другом языках – это «плохо», но у русских ведьма «хуже»: у русских ведьма «ведает» и поэтому более опасная.

Точно эти два концепта передаются в переводах на венгерский язык у Петефи (перевел поэму Пушкина «Руслан и Людмила») и в переводах на русский язык у Пастернака (перевел поэму «Витязь Янош» Петефи), – точно перевели потому, что оба эти поэта, утверждает Э. Ч. Йонаш, являются классиками своих литератур и знают свое дело.

Контрастивная концептология. Десятый, предпоследний очерк книги (с. 113–125) называется: «Контрастивная культурная семантика в когнитивном пространстве». Рассматриваются три деда Мороза из трех стран: Россия (дед Мороз), Венгрия (Микулаш), Англия (Санта-Клаус). Рассматриваются в контрасте. На с. 124 изображена схема трех дедов Мо-

розов в виде трех кругов, которые пересекаются. Эта пересекающаяся общая часть совсем небольшая: получается, что контраста (различия) у трех дедов Морозов больше, чем сходства. Различительные признаки следующие: 1) морфологические: что есть у каждого деда Мороза (например, у русского деда Мороза есть борода, шуба, шапка, пояс и др.); 2) синтаксические признаки: с какими действиями, событиями связан каждый отдельный дед Мороз (так, русский дед Мороз приходит в ночь под Новый год, кладет подарки под ёлку и т. д.); 3) семантические признаки: что значит праздник деда Мороза (у русских он означает наступление нового года, в котором должно быть только добро и т. д.). Все вместе деды Морозы (во всех странах), со всей их «морфологией», «синтаксисом» и «семантикой» в культурологии, образуют единое когнитивное пространство. Но одновременно каждый отдельный дед Мороз в своей стране образует свое собственное когнитивное пространство (или концепт, или даже концептосферу).

В книге помещены картинки с дедами Морозами, новогодние песенки на трех языках, – то, что помогает воссоздать когнитивную картину о каждом деде Морозе. Они, эти картины, прежде всего различные – контрастные, но одновременно в них много и сходства.

Венгерская картина мира в русском переводе. Одиннадцатый, последний очерк в книге (с.127–133) называется: «Венгерская картина мира в русском переводе» – на материале перевода стихотворения Э. Ади «Венгерская целина» на русский язык. Стихотворение написано в 1905 году, а переведено в 1981 году. Перевел его русский поэт Н. Дубин. И как следует ожидать, исходя из когнитивной лингвистики, перевел его неточно, так как две национальные ментальные картины не могут совпадать: у Э. Ади – венгерская картина мира, а в русском переводе получилась русская картина мира. Э. Ч. Йонаш приводит целые списки венгерских слов, которые, участвуя в образовании метафор и метонимии венгерского стихотворения, символизируют Венгрию, ее целину, ее степь, ее растения, что отсутствует в ментальной картине другой страны – в метафорах и метонимии в русском переводе. Проблема старая: трудно перевести стихи с одного языка на другой. Но объяснялось это раньше различиями в значениях слов двух языков. Теперь это объясняется – различиями в трех картинах мира: когнитивной (знания народа о мире), языковой (значения слов в языке) и художественной (метафоры писателя).

Итак, мы подробно передали содержание книги Э. Ч. Йонаш, посвященной когнитивной лингвистике – новому направлению в науке, – чтобы читатель обратил внимание на это направление и отдал должное тем, кто занимается в данной области. Проф. Э. Ч. Йонаш разрабатывает это научное направление в самой ответственной его части – в художественном переводе. В своей книге ей приходится не только теоретизировать, но и

анализировать большой материал на двух языках, проявляя при этом совершенные знания этих двух языков. Можно сказать, что в настоящее время есть только один специалист, который способен на высоком профессиональном уровне анализировать русско-венгерский и венгерско-русский художественный перевод в аспекте когнитивной лингвистики, – это проф. Эржебет Йонаш. Лишь одно пожелание можно высказать: чтобы книга была издана и на русском языке.

Литература

Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Постулаты когнтивной лингвистики. – Известия РАН ОЛЯ, 1997. 1. Москва, с. 67–89.

Гачев Г. Национальные образы мира. Космос-Психо-Логос. М., 1995.

Демьянков В. З. Когнитивная лингвистика как разновидность интепретирующего подхода. «Вопросы языкознания», 4. М., 1994. с 17–33.

Кибрик А. А. Когнитивные исследования по дискурсу. «Вопросы языкознания», 5. М., 1994. с. 20–33.

Кубрякова Е. С. и др. Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996.

Лихачев Д. С. Когнитосфера русского языка. Известия РАЕ. СЛЯ, 1. М., 1993. с. 3–9.

Маслова В. А. Введение в когнитивную лингвистику. М., 2007.

Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. Сост. В. В. Петров, В. И. Герасимов. Москва, 1988.

Пименова М. В. Введение в когнитивную лингвистику. Кемерово, 2004.

Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистка. Москва, 2007.

Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М., 1997.

Федосов В. А. Рец.: Cs. Jónás Erzsébet. Kognitív szemantika a fordításban. Orosz kognitív nyelvészet. [Когнитивная семантка в переводе. Русская когнитивная лингвистка] Nyíregyhaza, 2012. – Вестник. Современный русский язык: функционирование и проблемы преподавания. 27. Будапешт, 2013. с. 185–190.

Banczerowszki J. A világ nyelvi képe. [Языковая картина мира]. Budapest, 2008.

Klaudy K. Fordítás. [Перевод]. Budapest, 1997.

Kövecses Z., Benczes R. Kognitív nyelvészet. [Когнитивная лингвистка] Budapest, 2010.

Lőrincz J. Kultúrák párbeszéde. [Диалог культур] Eger, 2007.

Tolcsvai Nagy G. Kognitív szemantika. [Когнитивная семантика] Nyitra, 2010.

Глава 5
Фразеология русского языка

5.1. Теоретические проблемы русской фразеологии (Б. Татар)

В книге проф. Белы Татара «Фразеология современного русского языка» (Татар 1992) изложена вся теоретическая проблематика русской фразеологии. В книге имеются следующие разделы (и подразделы): 1) фразеология и ее объект (фразеология как лингвистическая дисциплина, сущность фразеологизма, источники русской фразеологии), 2) семантические особенности фразеологизмов (их семантическая структура, классификация, полисемия, синонимия, антонимия и др.), 3) лексико-грамматическая характеристика фразеологизмов (в области морфологии: фразеологизмы, возглавляемые существительным, прилагательным, глаголом; в области синтаксиса: фразеологизмы в роли подлежащего, сказуемого, дополнения, определения, обстоятельства; порядок слов внутри фразеологизма); 4) стилистическая характеристика фразеологизмов (стилистическая функция, окраска, авторская модификация); 5) история изучения русской фразеологии в России; 6) библиография работ по русской фразеологии (теоретические работы, фразеологические словари – одноязычные, двуязычные; работы по сопоставительному изучению фразеологии русского и венгерского языков).

5.2. Практические вопросы русской фразеологии (И. Пете)

Книга проф. Иштвана Пете содержательна прежде всего в практическом аспекте – как **учебное пособие** по фразеологии для студентов, изучающих русский язык как иностранный. «Фразеология» И. Пете – это «Иллюстрированная фразеология»: в книге даются иллюстрации фразеологизмов, что несомненно способствует пониманию и усвоению фразеологизмов. Употребление фразеологизмов показывается не в литературных цитатах, как у Б. Татара (сложных и длинных, содержащих часто поэтические метафоры и окказиональные обороты, – малопонятные для студентов), а в простых, коротких контекстах, составленных самим автором книги. Именно такая демонстрация употребления фразеологизмов в речи, в тексте, на наш взгляд, и необходима в учебнике. Фразеологизмов в книге И. Пете – очень много. Создается впечатление, что перед нами – целый **фразеологический словарь**, с расположением в нем фразеологизмов не по алфавиту, а по лингвистическим рубрикам. В каждом разделе книги, посвященном тому или другому свойству фразеологизма (форма, значение и т. д.) приводится большое количество примеров.

5.3. Русские анекдоты как русская фразеология (Э. Лендваи)

Проф. Печского университета Эндре Лендваи написал две книги и много статей о русских анекдотах, которые он относит к фразеологии – на основании того, что анекдот «устойчив», как фразеологизм, и «варьирует» при употреблении в речи. Каждый анекдот в книге анализируется: 1) к какому речевому жанру относится анекдот (монолог, диалог и др.); 2) о какой ситуации рассказывается в анекдоте (покупка товаров и т. д.); 3) что является мишенью критики в анекдоте (диктатура и т. д.); 4) какая логика применяется (аргументация и т. д.); 5) какая лексическая семантика используется (синонимия, полисемия и т. д.); 6) какие прагматические понятия противопоставляются друг другу (моральное – аморальное и т. д.).

5.4. Русская фразеология в зеркале венгерской фразеологии (З. Дьёрке)

Д-р Золтан Дьёрке в Дебреценском университете защитил диссертацию на тему «Сопоставительное исследование русских и венгерских соматических фразеологизмов» (Györke 2003). З. Дьёрке рассматривает следующие вопросы: 1) фразеологизм как слово в русском и венгерском языках (полисемия, омонимия, энантиосемия, антонимия, синонимия); 2) фразеологизм как словосочетание (описываются грамматические схемы фразеологизмов в двух языках: различия в порядке слов, в предлогах, в артиклях и т. д.); 3) трудности перевода фразеологизмов со страноведческим значением.

И в России, и в Венгрии фразеология понимается в узком и широком смысле: 1) узкий смысл: фразеологизмы – это **устойчивые словосочетания**; 2) широкий смысл: фразеологизмы – это также и **устойчивые фразы**: пословицы, поговорки, афоризмы, крылатые выражения и т. д. Б. Татар рассматривает фразеологизмы только в узком смысле (как и акад. В. В. Виноградов 1986), категорически возражая против того, чтобы к фразеологии относить пословицы и поговорки. Напротив, И. Пете и З. Дьерке к фразеологии относят также и пословицы, поговорки, афоризмы.

Проф. Э. Лендваи полагает, что к фразеологии можно отнести и анекдоты, которые так же, как и собственно фразеологизмы, как пословицы и поговорки, обладают теми же двумя свойствами: устойчивость и варьирование. Русские анекдоты Э. Лендваи описывает в двух своих книгах (см. ниже Лендваи 1996, 2006), но описывает не в аспекте фразеологии.

Во всех работах по русской фразеологии в Венгрии русская фразеология сравнивается с венгерской фразеологией: русские фразеологизмы

переводятся на венгерский язык, подыскиваются венгерские эквиваленты и т. д.

5.1. Теоретические проблемы русской фразеологии (Б. Татар)

Главной публикацией по русской фразеологии в венгерской русистике является объемистая книга Б. Татара:

Татар Б. Фразеология современного русского языка. Budapest, 1992. 371 с.

Кроме того, у Б. Татара есть много статей, посвященных русской (и венгерской) фразеологии, см. библиографию работ Б. Татара (Татар 2003). Выделим следующие его статьи по фразеологии:

Татар Б. Стилистические особенности фразеологических единиц русского языка. – Annales Univ. Sci. Budapest. Sectio Lingustica. T. 8. Budapest, 1977. pp. 87–97.

Татар Б. Проблемы выделения доминанты фразеологических синонимов в современном русском языке. – Hungaro-Slavica 1978. Budapest, 1978. pp. 339–351.

Татар Б. Словарная репрезентация фразеологических единиц русского языка. – Russistik 1, 1988, pp. 41–50.

Татар Б. Фразеологические единицы русского языка с архаическим компонентом и проблема эквивалентности. – Slavica Quinqueecclesiensia 1. Pécs, 1995. pp. 93–100.

Татар Б. Эквивалентность русских и венгерских фразеологизмов. – Вестник Филиала Института русского языка им. Пушкина. № 5. Budapest, 1996. pp. 38–43.

Татар Б. О так называемых пословичных фразеологизмах русского языка. – Вестник Филиала Института русского языка им. Пушкина. № 7. Будапешт, 1997. С. 38–44.

Татар Б. Фразеологическое окружение и сочетательная способность фразеологизмов русского языка со словами свободного употребления. – Studia Russica, XVI. Budapest, 1997. pp. 137–142.

Татар Б. Трудности определения происхождения некоторых русских фразеологизмов. – Studia Russica 27. Budapest, 1999. pp. 241–248.

Татар Б. Основные принципы составления русско-венгерского учебного фразеологического словаря. – Studia Russica 19. Budapest, 2001-а. pp. 134–142.

Татар Б. Явление полисемии и энантосемии в русской фразеографии. – Hungaro-Slavica 2001. Budapest, 2001-б. pp. 172–178.

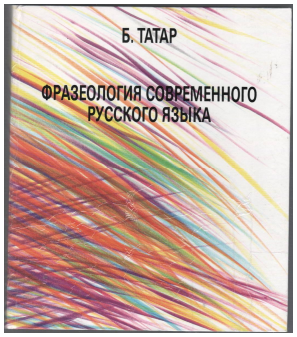
Татар Б. Размышления о двуязычной фразеографии. – Вестник Филиала Института русского языка им. Пушкина, № 15. Будапешт, 2001-в. с. 92–101.

Татар Б. Краткие историко-этимологические справки о некоторых фразеологизмах русского языка. – Slavica Segediensia. Szeged, 2003. pp. 233–252.

Исходные суждения

Книга Б. Татара как учебник. Монография Б. Татара, в которой изложены достижения в области научного исследования русской фразеологии, в том числе и самого Б. Татара, была издана как учебник для студентов филологических факультетов вузов Венгрии по специальности «Русский язык». То, что научная монография издается в качестве учебника для высшей школы (как показывает практика подобных изданий в России и Венгрии), не умаляет научные достоинства монографии.

Конечно, дефиниции в учебном пособии должны быть более простыми, чем в научной монографии. Но ведь и научное требование тоже гласит об этом же: дефиниции должны быть простыми и точными, предполагающими логическую последовательность в использовании понятий.

Проф. Бела Татар (Будапештский университет) с русистами Венгрии

Принято считать, что в учебном пособии должны излагаться не новые, а уже устоявшиеся научные истины. Однако в лингвистике, вообще в филологии, уже давно сложилась традиция: в учебных книгах для вузов излагаются новые идеи. В таком случае эти идеи быстрее получают распространение, а самое главное – с этими идеями знакомятся те, от кого в дальнейшем зависит развитие науки.

Во всяком случае, в учебных пособиях по фразеологии, издававшихся для филологических факультетов России и Венгрии, почти всегда высказывались новые идеи, причем очень часто – впервые. Если требуется узнать, что сказал по тому или другому вопросу фразеологии, например,

Н. М. Шанский, то для этого открывали его учебник для вузов по фразеологии (Шанский 1963). Аналогично, если надо узнать, что нового высказал о фразеологических единицах Б. Татар, надо взять его книгу по русской фразеологии (Татар 1992) и открыть ее в нужном месте.

Надо сказать, что монография Б. Татара как учебная книга, по сравнению с аналогичными книгами, издававшимися в России (например: Шанский 1963, Жуков 1986 и др.), имеет ту особенность, что книга Б. Татара, кроме теоретического материала, содержит много фактического материала, специально подобранного и прокомментированного, приложенного к соответствующему теоретическому разделу.

Так, в книгах Н. М. Шанского, В. П. Жукова и др. состав фразеологического материала ограничивается одним-двумя примерами на каждое теоретическое положение, вследствие чего в качестве учебного пособия могут использоваться студентами только в одном режиме, а именно – при освоении теоретического материала, например при подготовке к экзамену. Книга же Б. Татара, содержащая в связи с каждым теоретическим положением большое количество фразеологизмов соответствующего типа, может использоваться студентом и в еще одном учебном режиме – как пособие для практической работы по фразеологии. Н. М. Шанский, В. П. Жуков и др. авторы учебных пособий по фразеологии полагали, что их студенты должны работать, например на практических занятиях по фразеологии, с фразеологическими словарями (например, со словарем: Молотков 1967). Однако обеспечить практические занятия таким количеством словарей бывает очень трудно. Кроме того, в этих словарях фразеологизмы располагаются в алфавитном порядке, что плохо соотносится с целями практических занятий. В книге Б. Татара фразеологизмы распределяются в соответствии с их научной классификацией. Поэтому книга Б. Татара предлагает студентам не просто конкретные фразеологизмы, но и направление работы с ними.

Например, готовясь к экзамену, студент, выучивая теоретическое положение, берет только один-два примера из массы примеров («теоретический» режим работы с учебником), но на практическом занятии или при самостоятельном изучении фразеологизмов дома студент может анализировать все примеры, весь материал – в связи с каждой теоретической рубрикой («практический режим» работы с учебным пособием).

Несомненно, что такой тип учебной книги Б. Татару подсказала практика преподавания русской фразеологии в венгерской учебной аудитории, – когда автору учебника обязательно приходится беспокоится не только о том, чтобы дать студентам теоретические классификации, но и, в соответствии с этими классификациями, предложить студентам достаточно конкретного материала.

Предшественники Б. Татара во фразеологии. Предшественниками Б. Татара в исследовании русской фразеологии были прежде всего, конечно, русские лингвисты. Поэтому очень трудно, продолжая их дело, не быть под их влиянием. О всех своих русских предшественниках (и современниках) Б. Татар пишет с большим уважением, умея у каждого из них увидеть самое главное, увидеть то, благодаря чему этот русский ученый вошел в историю изучения русской фразеологии в России. «В самом же начале» для Б. Татара был акад. В. В. Виноградов, который действительно является в русском языкознании основоположником учения о фразеологии как самостоятельной научной (и практической) дисциплины. Для Б. Татара акад. В. В. Виноградов – не только идейный предшественник (в своих теоретических рассуждениях Татар исходит из идей В. В. Виноградова), но и личный учитель. Б. Татар следующим образом посвящает Виноградову свою монографию о русской фразеологии: «Памяти моего учителя – академика Виктора Владимировича Виноградова, наставившего меня на путь изучения фразеологии русского языка, – эту книгу посвящаю».

Конкретно, в своих работах Б. Татар отмечает важность следующих положений В. В. Виноградова: три типа лексического значения у слова (номинативное, синтаксически обусловленное, фразеологически связанное), проявляющиеся при употреблении слова в соответствующих трех типах словосочетаний: свободное, устойчивое, фразеологически связанное (см. Виноградов 1986). Б. Татар использует в своих работах и классификацию фразеологизмов, предложенную В. В. Виноградовым (сращения, единства, сочетания), специально исследуя, однако, только те типы, которые В. В. Виноградов называет «фразеологическими сращениями» *(собаку съел)* и «фразеологическими единствами» *(намылить шею)*. Б. Татар объединяет эти два типа фразеологических сочетаний вместе, называя их «фразеологическими единицами», считая, что только они и должны быть предметом изучения во фразеологии.

Другой известный специалист по русской фразеологии – Н. М. Шанский (Шанский 1963). По мнению Б. Татара, Н. М. Шанский неоправданно расширяет понятие фразеологизма, включая в состав фразеологизмов пословицы и поговорки, а также литературные цитаты, – на том основании (для Б. Татара не убедительные), что эти фразеологические выражения тоже воспроизводятся в речи в «готовом виде», как и обыкновенные фразеологизмы. Л. В. Архангельский, тоже понимая фразеологию в «широком смысле» (Архангельский 1964). Свидетельством того, что пословицы и поговорки не следует включать в состав фразеологизмов, для Б. Татара являются опыт А. В. Кунина, который в своих теоретических статьях рассматривал фразеологию в «широком смысле», но когда потребовалось конкретно описывать фразеологизмы, составляя фразеологический сло-

варь, сразу же вынужден был перейти на их «узкое понимание» (Кунин 1984).

Наиболее близким по идеям к Б. Татару находится В. П. Жуков, уже современник Б. Татара. Так же, как и Б. Татар, В. П. Жуков понимал фразеологию в «узком смысле», определяя фразеологизмы как воспроизводимые устойчивые обороты речи. Близок к Б. Татару по идеям и другой его старший современник – А. И. Молотков, который, как подчеркивает Б. Татар, ставит в центр внимания «собственно фразеологизмы» (сращения и единства), отделяя их от всех остальных образований, похожих на фразеологизмы, но ими все-таки, по мнению Б. Татара, не являющихся (Молотков 1967). Специально о том, что пословицы не являются фразеологизмами, Б. Татар пишет в отдельной работе (см.: Татар 1997).

Теоретические вопросы. Необходимость, которая побудила Б. Татара обратиться к исследованию русской фразеологии, состояла в том, что, как он об этом пишет (с. 10), в преподавательской и научной работе приходилось постоянно сталкиваться с многими нерешенными проблемами в области русской фразеологии. Хотя русской фразеологии и посвящено огромное количество работ (прежде всего, конечно, в самой России) – статей, монографий, словарей, учебных пособий для самого разного контингента читателей – научных работников, преподавателей, студентов, – главные понятия фразеологии, тем не менее, оставались действительно недостаточно разработанными.

К таким проблемам Б. Татар относит: 1) отсутствие среди лингвистов единства в определении самого предмета фразеологии, 2) отсутствие убедительной классификации фразеологических единиц, 3) неясность места, которое занимает фразеология среди других лингвистических дисциплин, 4) отграничение фразеологических единиц от лексических единиц (с одной стороны) и от словосочетаний (с другой стороны) (с. 10–11).

Поскольку между словом и словосочетанием нет еще одной лингвистической единицы, в такой же мере «уровневой», как слово и словосочетание, – лингвисты писали о фразеологизме как о неком симбиозе, у которого значение – от слова, а форма – от словосочетания. Но при рассмотрении такого необычного соотношения между формой и значением, в связи с фразеологизмом появлялись и новые трудные вопросы: 1) значение фразеологизма, 2) форма фразеологизма.

Б. Татар называет и некоторые другие нерешенные вопросы в области русской фразеологии, возможно менее принципиальные, но не менее сложные, в том числе и практического характера, такие, как составление фразеологических словарей, преподавание русской фразеологии, например в венгерской аудитории, и т. д. Вопросы истории, происхождения фразеологизмов, изменения значения и формы фразеологизма на протяже-

нии истории, стилистическое употребление фразеологизма в современном языке – тоже были, по мнению Б. Татара, непростыми вопросами.

Все эти вопросы в области русской фразеологии действительно не были вполне разработаны, и у Б. Татара были все основания, исходя из своих возможностей, взяться за их решение. Одной из таких его возможностей является то, что родной язык Б. Татара – не русский, а венгерский. Это значит, что он может посмотреть на русскую фразеологию не только «изнутри», как это делают его русские коллеги (Н. М. Шанский, В. П. Жуков и др.), но и «со стороны» (со стороны венгерской фразеологии) – и увидеть в русской фразеологии некоторые новые вещи.

Фактический материал. Теоретические рассуждения основываются в книге на большом фактическом материале. В Предисловии к книге Б. Татар пишет, что в его книге рассмотрено свыше 2000 фразеологизмов русского языка, множество устойчивых сочетаний, крылатых выражений, десятки пословиц и поговорок, литературных сравнений, извлеченных непосредственно из литературных источников (а не из других работ по фразеологии – подчеркивает Б. Татар), в целом – из 326 художественных произведений русских классиков, современных русских писателей и поэтов. Толкование всего этого материала проводится у Б. Татара с опорой на русские толковые словари, в связи с чем эти толкования (объяснения значений) вызывают полное доверие к ним.

Фразеология: термин, предмет, наука

Термин «фразеология». Б. Татар начинает свою книгу о русской фразеологии (с. 17) с предупреждения читателя о том, что термин «фразеология» двусмыслен. Во-первых, этот термин обозначает состав фразеологических единиц, а во-вторых, – науку, изучающую эти фразеологические единицы. В связи с этим, у читателя любой книги по фразеологии вполне могут появляться неясности, если автор книги, хотя бы с помощью контекста, не разграничивает эту полисемию.

Впрочем, такая же ситуация складывается (в русском и европейском) языкознании и в связи с другими лингвистическими терминами, например: «фонетика» – это 1) звуки речи и 2) наука о звуках речи. Даже те термины, в которых есть «элемент» – *логия* (в значении «наука»), тоже двусмысленны, например «морфология»: 1) формы слов и 2) наука об этих формах.

Надо заметить, что в венгерском языкознании обычно эта полисемия в лингвистической терминологии разграничивается. Если имеется в виду не предмет изучения, а наука об этом предмете, то добавляется слово tan, обозначающее «учение». Поэтому hang – это звук речи, а hangtan – это наука о звуках речи. Правда, что касается термина «фразеология» то ему и

в венгерском языкознании «не повезло». Как и в русском (и европейском) языкознании, он тоже двусмысленный. Дело в том, что этот термин – сравнительно новый, заимствованный венгерским языком в то время, когда «защита венгерского языка» от иностранных слов в Венгрии уже перестала быть эффективной.

Из вышесказанного следует, что, читая книгу Б. Татара, так же как и любую другую книгу по фразеологии на русском (и венгерском) языке, можно не всегда точно воспринять значение термина «фразеология».

Например, 1-ую главу своей книги Б. Татар называет: «Фразеология и объект ее изучения» (с. 17). В данном случае читателю все ясно, так как после слова «фразеология» следует контекст: «…и ее объект изучения». Значит, термин «фразеология» употребляется здесь в значении: «наука».

Первый раздел 1-ой главы в книге Б. Татара называется: «Фразеология как лингвистическая дисциплина». Здесь тоже значение термина не вызывает сомнения: «Фразеология как наука».

Точно употреблен термин и во втором заголовке 1-ой главы: «Сущность фразеологической единицы».

Третий раздел 1-ой главы книги Б. Татар имеет следующее название: «Источники русской фразеологии». Когда пишущий эти строки в первый раз открыл книгу Б. Татара, он понял этот заголовок как «Источники русской фразеологии как науки». Возможно, понял потому, что всякая большая монография начинается с раздела «История вопроса», в котором излагается история становления данной науки. Однако, начав читать раздел дальше, он не обнаружил в нем истории фразеологии как науки – ни имени Ш. Балли, которое всегда называют, когда пишут о начале фразеологии, ни имени В. В. Виноградова, основоположника русской фразеологии как самостоятельной лингвистической дисциплины, ни других имен. Впрочем, Б. Татар и не собирался называть этих имен, так как в данном разделе «фразеологию» он понимает не как науку, а как ее предмет. В данном разделе Б. Татар пишет о возникновении русских фразеологизмов, о способах их образования на основе сочетаний слов, пишет о том, из каких языков заимствованы некоторые русские фразеологизмы и т. д. Что же касается «Истории вопроса» – истории науки о русской фразеологии, то об этом Б. Татар пишет в последней, 5-ой главе своей книги. Глава так и называется: «Краткая история изучения фразеологии русского языка». Здесь двузначность термина уже преодолена, благодаря контексту. В сочетании «изучение фразеологии» первое слово обозначает «науку», а второе слово в таком случае читателем должно пониматься как «фразеологический состав языка».

Б. Татар пишет (с. 17–18), что термин «фразеология» попал в русский язык из французского языка примерно в XVIII веке, но не в его двойном, современном значении, а только в значении «состав фразеологизмов».

В этом значении слово регистрируется в XIX веке в Словаре В. Даля. В значении же «наука о фразеологизмах» термин начал употребляться в 20-ые годы XX века, когда появилась эта наука. Именно в это время термин «фразеология» и стал укрепляться в своих двух значениях, пополнив состав таких же двусмысленных терминов, как «фонетика», «морфология» и др.

Предмет фразеологии. Знакомясь с историей изучения русской фразеологии, в том числе и по книге Б. Татара, нельзя не заметить, что фразеология прошла очень трудный путь своего становления. В рассуждениях о фразеологии отсутствовал специальный метаязык. Использовалась терминология повседневного языка. Дефиниции часто получались тавтологиями. Среди ученых это вызывало постоянные дискуссии, а у читателей их книг, в том числе и у студентов, – непонимание. Прежде всего это касается, конечно, предмета фразеологии, а именно основной единицы фразеологии – фразеологического сочетания.

На наш взгляд, в книге Б. Татар всего этого, можно сказать, несколько меньше. Прежде всего – потому, что книга содержит много фактического материала, который сам по себе является исходным логическим понятием для получения первых дефиниций.

На стр. 28 (Татар 1992) автор систематизирует конкретный языковой материал в виде таблицы, состоящей из 3-х столбцов: 1) словосочетания свободные, 2) словосочетания устойчивые, 3) словосочетания фразеологические, например (соответственно): *давать деньги – давать в долг – давать стрекоча.* Из сопоставления этих трех видов словосочетаний, с опорой на фактический материал, читатель, в частности студент, уже получает представление о том, что такое фразеологическое словосочетание *(давать стрекоча)* и может анализировать материал или «придумывать» свои словосочетания, причем не только фразеологические, но и, в сопоставлении с фразеологическими, устойчивые и свободные словосочетания.

Наука фразеология. Наука – это прежде всего дефиниции понятий, затем их классификации и т. д. К сожалению, фразеологи, как можно судить по их дефинициям, не обращают достаточного внимания на логическую сторону своих дефиниций, в связи с чем классификация, систематизация и др. тоже не всегда оказываются простыми.

Даже давая дефиницию самому главному своему понятию – фразеологической единице, фразеологи обычно не прослеживают, где в этой дефиниции объем понятия, где – признак, составляющий содержание понятия, – из чего складывается понятие целиком. Отсюда и появляются в дефинициях неясности, тавтология, нагромождение терминов и т. д. Единственное, о чем, к сожалению, беспокоятся в этом случае фразеологи (такое складывается впечатление), – дать название своему понятию, утвердить за этим названием приоритет. Б. Татар напоминает читателю

в своей книге (с. 25–26), что уже к 1966 году О. С. Ахманова в своем «Словаре лингвистических терминов» насчитала свыше двух десятков терминов для названия фразеологической единицы: «автоматизированная фраза», «идиоматизм», «композита соположения», «лексикализованное словосочетание», «несобственное сложное слово», «стабильное словосочетание», «фразеограмма», «фракционированный знак» и др. (см. Татар 2003).

Конечно, в соответствии со знаковой теорией, связь между названием и значением – не мотивированная, условная, поэтому, как говорится в русской пословице: «Хоть горшком назови…», – фразеолог вправе давать любое название своему понятию. Однако, в соответствии с той же знаковой теорией, лучше не придумывать нового термина, употребить старый термин, тем более, если изменения в значении термина не являются существенными.

Надо отдать должное Б. Татару, который не занимается терминотворчеством, а использует для названия фразеологической единицы термины, уже закрепившиеся в научной и учебной литературе по фразеологии, термины, находящиеся одновременно в соответствии с названием самой науки – фразеологии. Б. Татар обычно употребляет термины: «фразеологическое словосочетание», «фразеологизм», но когда надо придать понятию точный смысл, например в дефиниции, Б. Татар употребляет термин «фразеологическая единица» (см. стр. 24). Слово «единица» специально подчеркивает, что речь в данном случае идет именно о единице – предмете фразеологии, в его строгом смысле.

Помимо приведенного выше определения фразеологического сочетания с «приведением примеров», – Б. Татар дает и так называемое научное определение фразеологической единице: «Являясь единицей языка, **фразеологическая единица** представляет собой сложную конструкцию, состоящую из двух или более грамматически связанных и семантически спаянных слов-компонентов, лишенных своего основного номинативного значения; она обладает семантико-лексическими, лексико-грамматическими и семантико-стилистическими особенностям. Основными языковыми признаками фразеологической единицы является воспроизводимость в речи, устойчивость компонентного состава, цельность значения, лексемность. Главным же критерием является фразеологичность» (с. 24).

Главный признак – «фразеологичность» – у Б. Татара определяется так: «…фразеологичность – это совокупность семантических свойств фразеологических словосочетаний, соответственно и их слов-компонентов, получаемых в результате приобретения ими переносного, метафорического, образного, фразеологически связанного, добавочного значения и переосмысления внутреннего образа» (с. 26).

Таким же способом, с использованием, к сожалению, очень сложных формулировок, определяет Б. Татар и другие признаки, относящиеся к понятию фразеологической единицы и составляющие его содержание (см. с. 23 и далее). В итоге описание фразеологической единицы представляет собой сумму, состоящую из частных дефиниций.

На наш взгляд, руководствуясь предложенной Б. Татаром системой дефиниций фразеологической единицы все-таки трудно, например, в словосочетании *давать стрекача* узнать фразеологическую единицу, а в словосочетании *давать деньги* – свободное словосочетание.

Как слово, так и фразеологизм приходится студентам только запоминать. Знающие данный язык потому хорошо владеют и словами, и фразеологизмами, что – запомнили и слова, и фразеологизмы. Тем, кто изучает данный язык, ничего не остается иного, как – запоминать и слова, и фразеологизмы.

Фразеологизм: соотношение значения и формы

Значение и форма фразеологизма. Если кратко определять фразеологизм с обращением внимания на две его стороны, то это определение будет следующим: фразеологизм – это 1) сочетание слов 2) со значением – как у одного слова, например: *давать стрекоча = убегать; делать вид = притворяться; получать по шапке = (быть) уволенным; поднимать на ноги = вылечивать; бок о бок = рядом; во весь голос = громко; кот наплакал = мало* и т. д. Примеры приведены из книги Б. Татара, из вышеупомянутой таблицы, в которой сравниваются различные (по устойчивости) виды словосочетаний (с. 28).

Первый признак фразеологизма – «сочетание слов» – признак количественный: фразеологизм состоит из двух и более слов. Этим признаком владеет и «рядовой» говорящий (способный отделять, отличать одно слово от другого). В лингвистических работах по фразеологии к этому признаку добавляется и признак грамматический: в каких грамматических формах выступают эти два (и более) слова. В целом же, как количество, так грамматическое качество фразеологизма составляют вместе **форму** фразеологизма, которая в трудах по фразеологии называется **грамматической** формой фразеологизма, а у Б. Татара – «лексико-грамматической» формой, в связи с тем, что понятие «части речи» как определенной системы грамматических форм традиционно не является последовательной абстракцией от лексики, которую эта форма маркирует.

Отождествление по значению фразеологизма и (отдельного) слова (2-ой признак фразеологизма), как, впрочем, и отождествление по значению любых двух и более слов, – свойство языка, тоже доступно «рядово-

му» говорящему, – что и описывается в специальных, синонимических словарях, например: *убегать, спасаться бегством, уноситься, удрать, пускаться (бросаться) наутек, улепетывать, драпать, драть, тикать, обращаться в бегство, давать ходу, давать (задавать) стрекоча (стречка, тягу, драла, лататы, чесу)* и т. д. (См. «Словарь синонимов русского языка» З. Е. Александровой).

Значение фразеологизма в работах по фразеологии, в том числе в работе Б. Татара, именуется «семантикой» фразеологизма.

Как и у слова, у фразеологизма существует несколько видов соотношения между формой и значением.

1. Однозначное соответствие: **«одна форма – одно значение»**, например: *авось да небось* «как-нибудь», *без счета* «много» и т. д.; о каждом из этих фразеологизмов Б. Татар утверждает, что он – однозначный, значит, и все вместе они образуют однозначное соответствия со своими формами (с. 132);

2. Неоднозначное соответствие: **«много форм – одно значение»**, например: *боек на язык, боек на слова* «очень разговорчивый»; Б. Татар называет эти фразеологизмы вариантами одного того же фразеологизма (с. 168);

3. Неоднозначное соответствие **«одна форма – много значений»**, например: а) *ад кромешный* «шум», «тяжело»; б) *без памяти* «сильно», «быстро». Первый случай Б. Татар называет полисемией фразеологизмов, а второй – омонимией (с. 134, 162).

Все эти три возможных соотношений между формой и значением во фразеологизме Б. Татар подробно описывает в своей книге (Татар 1992). Правда, как и в других работах по фразеологии, само исчисление соотношений между формой и значением во фразеологизме – в книге Б. Татара отсутствует, – вследствие чего разделы, относящиеся к этим видам соотношения, даются «вперемежку» друг с другом, а также и вместе с разделами о других видах соотношения.

При самой тесной связи грамматической **формы** и лексического **значения** во фразеологизме – значение фразеологизма, как и значение любой другой лингвистической единицы, например слова или словосочетания, «идет впереди» своей формы, является более важным, поэтому в соответствующей последовательности и описываются. У Б. Татара впереди идет глава о **значении** фразеологической единицы – под названием: «Семантические особенности фразеологической единицы» (глава 2); за ней следует глава о **форме** фразеологической единицы (глава 3).

Однозначное соответствие: одно значение – одна форма. Однозначное соответствие является типическим соответствием между формой и значением во фразеологизме, – как языкового знака. Об этом «нормальном» соотношении Б. Татар пишет в разделе о «моносемии» фразеологиз-

ма. Б. Татар отмечает, что «преобладающее большинство русских фразеологизмов составляют моносемантические фразеологические единицы», и далее приводит большое количество примеров типа *авось да небось* «как-нибудь» и др. (с. 131–134). Каждый из этих фразеологизмов и все они вместе – представляют собой однозначное соответствие между их формой и их значением. В книге Б. Татара на форму фразеологизма указывает курсив, а на его значение – обычный шрифт в скобках, например: *без умолку* (=непрестанно); знак равенства указывает на тождество фразеологизма и (обычно) слова по значению, на возможность их взаимной замены в речи, например: *непрестанно* (= без умолку).

Особо трудных проблем при описании моносемантических фразеологизмов (как и при описании слов с однозначным соответствием между формой и значением) обычно не появляется.

Моносемантические фразеологизмы можно классифицировать по тематике, по тому, какую область действительности они отражают (например, конкретные по значению фразеологизмы, абстрактные по значению и т. д.), – подобно тому, как классифицируются и обыкновенные слова.

Можно подразделять моносемантические фразеологизмы и с учетом их «внутреннего» значения (сращения, единства и др.), – подобно тому, как классифицируются слова с точки зрения их словообразовательного состава (непроизводные слова, производные и т. д.).

Особе внимание Б. Татар уделяет такому аспекту в значении фразеологизма, как «стилистическая окраска» фразеологизма, – посвящая этому вопросу самостоятельную 4-ую главу. Б. Татар пишет, что стилистическая окраска «накладывается» на основное значение фразеологизма, придавая этому основному значению дополнительный «оттенок» (с. 260).

Например, у фразеологизма *на всех парусах* «быстро» Б. Татар отмечает «возвышенную окраску», у фразеологизма *высунув язык* «быстро» – «сниженную окраску», а у фразеологизма *во весь опор* «быстро» – «нейтральную окраску», т. е. отсутствие стилистической окраски (с. 254–259). Однако все эти разные стилистические «окраски», тем более нейтральная «окраска», не образуют, по Б. Татару, нового значения. Отношение между значением и формой во фразеологизме остается однозначным.

Неоднозначное соответствие: одно значение – много форм. Соотношение «одно значение – много форм» определяет такое явление в области фразеологии, как вариативность (ср. варианты слова). Вариативность означает, что один тот же фразеологизм (с одним значением) выступает в разных своих формах, например: *гнуть спину, гнуть горб, гнуть хребет, ломать спину, ломать горб, ломать хребет* (с. 168).

От вариантов фразеологизма всего лишь один шаг до того, когда варианты становятся разными фразеологизмами, т. е. разными не только по

форме, но по значению. Так, фразеологизмы *душа болит – сердце болит* Б. Татар считает вариантами одного фразеологизма (с. 168), а фразеологизмы *во весь голос – во все горло* – уже разными фразеологизмами, хотя и – синонимичными друг другу (с. 149). Фразеологизмы же *прикусить язык – рукой подать* – совсем разные фразеологизмы.

Б. Татар отмечает, что вопрос о вариантах фразеологизма, как и вопрос о вариантах слова, – «один из самых спорных» (с. 167), но специально это вопрос (где кончаются варианты и начинаются разные фразеологизмы) Б. Татар не обсуждает.

Фразеологические варианты, пишет Б. Татар, бывают: 1) фонетическими: *Бог ты мой – Боже ты мой*; 2) морфологическими: *открывать америку – открывать америки*; 3) словообразовательными: *ветреная голова – ветреная головушка*. Б. Татар замечает, что варьирующие фразеологизмы обычно однозначны; что фразеологизмы с архаическими словами – не варьирует; что не варьируют также и фразеологические сращения.

Надо заметить, что варьирование фразеологизмов – одна из любимых тем у русских фразеологов (А. И. Молотков, В. П. Жуков и др.). Этот вид соответствия между значением и формой у фразеологизма действительно интересен. Но у Б. Татара этот вопрос занимает в книге мало места.

Неоднозначное соответствие: много значений – одна форма. Подобно тому, как слово может быть однозначным и многозначным, таковым же может быть и фразеологизм. Б. Татар употребляет в этом случае иноязычную терминологию: фразеологизм может быть моносемантическим и полисемантическим. На наш взгляд, русская терминология здесь более удобна, особенно в учебном плане, – с хорошей внутренней формой: одно значение – много значений. Ср. также в венгерском языке: egyjelentésű – többjelentésű. В этом случае не требуется специального перевода иноязычных терминов на русский (или венгерский) язык, перевода, который в этом случае принимает вид дефиниции (являющейся на самом деле тавтологией), например: фразеологизм называется моносемантическим, если у него одно значение; фразеологизм называется полисемантическим, если у него несколько значений.

Б. Татар приводит примеры на каждый из этих двух видов фразеологизмов. Пример моносемантического фразеологизма, т. е. с одним значением: *авось да небось* «как-нибудь». Пример полисемантического фразеологизма: *ад кромешный* «1. Мучительно тяжело. 2. Невыносимый шум». Б. Татар приводит примеры фразеологизмов с тремя, четырьмя, пятью, шестью значениями Пример с семью значениями Б. Татар не отметил (с.132 и далее). Фразеологизм – более громоздкий языковой знак, чем слово, и его многозначность усложняет его использование. Вообще многозначность любого знака, не является идеальным случаем соответствия между формой и значением. При описании таких знаков, в том числе – и

фразеологизмов, требуется описание контекстов, которые дополняют форму непосредственно самого знака и восстанавливают необходимое в общении однозначное соответствие между формой и значением.

Появление значений (одного за другим) у фразеологизма происходит так же, как и у слова. Новое значение развивается из переносного значения, которое постепенно становится «нормальным» значением. Первое значение вполне может устареть, стать сначала вторичным, а затем и вообще выйти из употребления. Б. Татар показывает это движение значений на примере нескольких фразеологизмов: *увидеть свет, кишка тонка, с первого взгляда, вбить клин* и др. (с. 145–146). Например, у фразеологизма *бить челом* (пишет Б. Татар, с. 145) имеется четыре значения: «1. Кланяться. 2. Благодарить. 3. Просить. 4. Жаловаться», – из которых 1-ое и 4-ое значения уже вышли из употребления, а 2-ое и 3-е (можно добавить, ссылаясь на Словарь Ожегова) еще не вошли по-настоящему в употребление, так как пока остаются переносными значениями.

Б. Татар подчеркивает, ссылаясь на А. И. Молоткова и В. П. Жукова, что описание движения значений у фразеологизма в диахронии – задача очень трудная, более трудная, чем формулирование, регистрация этих значений у фразеологизма в синхронии и расположение их друг за другом по частоте их употребления.

Действительно, описание языка в диахронии требует от исследователя осведомленности в истории языка, в то время как описание в синхронии – владение структурными методами. Но прежде всего требуется – разграничение синхронии и диахронии. И если описание – синхроническое, надо ли делать его одновременно и диахроническим?

Частным случаем фразеологической полисемии является фразеологическая энантиосемия – когда два значения фразеологизма оказываются противоположными. Так же, как и в лексике, такая полисемия – редкое явление. Тем не менее она очень заметная, – характерная тем, что несмотря на то, что значений фразеологизма расходятся до противоположных, фразеологизм не перестает быть тождественным самому себе – остается одной, хотя и многозначной единицей.

Б. Татар приводит всего четыре примера такой полисемии. Один из этих примеров: *милое дело* «1. Одобрение. 2. Возмущение» (с. 166). Ясно видно, что значения – противоположные, антонимические. Однако это не становится основанием для того, чтобы считать, что полисемия тут прекращается и начинается омонимия. Антонимия – такое различие в значении, что если форма остается неизменной, то это различие не выводит фразеологизм в другой фразеологизм. Ср., однако, синонимию, которая соотносится с разной формой; если синонимические значения расходятся до антонимических, то сразу на месте синонимии появляется антонимия.

Б. Татар отмечает, что литература по фразеологической энантиосемии практически отсутствует (не считая его собственных работ, например: Татар 2001), хотя это явление имеет важное значение в практике составления двуязычных словарей и переводческой деятельности.

Омонимия в лексикологии рассматривается после полисемия или даже «внутри» полисемии. Дело в том, что омонимию иногда очень трудно отличить от полисемии. Омонимия – та же полисемия, но значения в ней настолько расходятся, что их приходится считать разными значениями, а значит, несмотря на то, что форма остается одной и той же, – разными словами.

Для фразеологизмов связь омонимии с полисемией оказывается особенно тесной. Б. Татар отмечает, что некоторые фразеологи считают, что омонимии среди фразеологизмов даже нет, а есть только одна полисемия. (с. 162). Сам Б. Татар в своей книге выделяет фразеологическую омонимию в особый раздел, отделяя этот раздел от полисемии двумя другими разделами (синонимия и антонимия).

Фразеологизмов-омонимов очень мало. Б. Татар дает (как он сам подчеркивает) исчерпывающий их список – около 20 омонимов (с. 162–164). Один из них: *без памяти* «1. Сильно. 2. Быстро» – *без памяти* «в восторге» (с. 1992). Отмечая сложность проблемы, Б. Татар призывает фразеологов к ее изучению, в том числе и в диахроническом аспекте, так как омонимия во фразеологии развивается только из полисемии, в процессе расхождения значений, – а не благодаря случайному совпадению значений, как это иногда бывает в лексике.

Значение фразеологизма

Лексическое значение отдельного фразеологизма. Если форма у фразеологизма – как у словосочетания, то значение у фразеологизма – как у одного слова, у одной лексемы. Сам Б. Татар об этом так пишет: «…фразеологическая единица обладает всеми теми же языковыми особенностями, что и слово, и выполняет в языке точно такую же функцию» (с. 58). Поэтому охарактеризовать фразеологизм с точки зрения значения – это охарактеризовать его с учетом тех же самых понятий, на базе которых обычно характеризуются значения отдельных слов (лексем): однозначность – многозначность, синонимия, антонимия, омонимия, вариативность др. Именно так и характеризует значение фразеологической единицы русского языка Б. Татар во 2-ой главе своей книги.

В лексикологии, прежде чем описывать **системные** отношения в лексике (парадигматические и синтагматические), описывается значение **отдельных** слов. Точно так же поступают и фразеологи. Но значение от-

дельного фразеологизма, как иногда и значение отдельного слова, зависит от внутреннего строения фразеологизма – от внутреннего его значения. У Б. Татара это описывается в 1-ой главе.

В русской традиции, на основе «внутреннего», «фразообразовательного» анализа фразеологизмов, В. В. Виноградов выделил три классических вида фразеологизмов: 1) фразеологические сращения (*бить баклуши* = «бездельничать»), 2) фразеологические единства (*языком чесать* = «болтать»), 3) фразеологические сочетания (*страх берет* = «бояться») (Виноградов 1986, с. 32).

Б. Татар, проводя свой «фразообразовательный» анализ приходит к выводу, что состав фразеологизмов (фразеологических единиц) следует ограничить только теми двумя их видам, которые В. В. Виноградов назвал «фразеологическими сращениями» и «фразеологическими единствами», так как «фразеологические сочетания», по мнению Б. Татара, представляют собой сочетания слов, в котором значение целого словосочетания «мотивировано» значениями входящих в него слов *(страх берет)*. Значение же фразеологизма должно быть, по мнению Б. Татара, «не мотивировано» значениями входящих в него слов, – как это имеет место во фразеологическом сращении *(бить баклуши)*, либо – «частично мотивировано», как во фразеологической единице *(чесать язык)*. В последних двух случаях имеет место (пишет Б. Татар) «переосмысление»: словосочетание имеет значение, которое никак не связывается со значениями входящих в него слов.

Эквивалентность по значению слова и фразеологизма. В ограничении предмета фразеологии, в назывании этого предмета особым термином, – совершенно нет ничего плохого. Но нам представляется, что традиционный предмет фразеологии, состоящий из трех вышеназванных видов фразеологизмов, – все-таки в большей мере соответствует объективной действительности языка, чем предлагаемый Б. Татаром предмет фразеологии. Эта объективная реальность состоит в том, что у «рядового» говорящего на данном языке в синонимическое отождествление с отдельным словом вступают не только фразеологические «сращения» и «единства» (фразеологические «единицы» Б. Татара), но и фразеологические «сочетания», – что, кстати, и получает непосредственное отражение в синонимических словарях.

Безусловно, отождествлять с отдельным словом можно не только фразеологизм *(давать стрекача = убегать)*, но и свободное словосочетание *(давать деньги = одалживать)*. Более того, фразеологизм можно отождествлять по значению не только с отдельным словом *(давать стрекача = убегать)*, но и со свободным словосочетанием *(давать стрекоча = быстро убегать)*. При толковании значений фразеологизмов Б. Татар в своей книге использует оба эти способа отождествления. Казалось бы по-

этому, что отождествление фразеологизма по значению с отдельным словом не может быть критерием при распознавании фразеологизма.

Но речь ведь идет не о любой замене фразеологизма отдельным словом, а о той именно замене, о том отождествлении фразеологизма с отдельным словом, которое признается информантом («одинаковые значения»), и которое фиксируется в синонимических словарях – несомненно отражающих языковой узус. А замена фразеологизма (по значению) отдельным словом – это и есть факт подтверждения того, что по значению фразеологизм представляет собой одно слово.

Б. Татар неожиданно пишет: «Кроме того, не следует упускать из виду тот веский факт, что фразеологизм не является эквивалентом слова или предложения» (с. 152). Действительно, фразеологизм **в целом** – не эквивалент ни слову, ни сочетанию слов. Но с точки зрения **значения**, фразеологизм – эквивалент **слову** (что и является предметом описания у Б. Татара в его 2-ой главе), а с точки зрения грамматической **формы**, фразеологизм – эквивалент **словосочетанию** (что описывается специально в 3-й главе книги). Синонимия – это лексическая эквивалентность. И если фразеологизм по значению эквивалентен слову, то почему его надо исключать из синонимических отношений со словом?

Стилистическое значение фразеологизма. Фразеологизм как знак называет постоянно один и тот же предмет, например – человека, а не животное. К этому постоянному предмету у говорящих вырабатывается тоже постоянное отношение – позитивное, негативное, а чаще всего – нейтральное отношение, которое в языке закрепляется за каждым словом. В словарях, при описании слов, эти оценки выражаются посредством стилистических помет: «одобр.», «неодобр.», «ласкат.», «книжн.», «разгов.» и т. д.; отсутствие пометы означает помету «нейтр.».

Говорящий, называя предмет речи посредством фразеологизма, может выражать только ту оценку этого предмета, которая закреплена за данным фразеологизмом в усузе. Так, если говорящий назвал человека *гусь лапчатый*, то (хочет он того или нет) одновременно он выразил к нему «неодобр.» отношение. Поэтому, выбирая фразеологизм для называния кого-то или чего-то, говорящий заранее обращает внимание на то, чтобы за этим фразеологизмом было закреплено именно та оценка, которая отвечает намерению.

Наука стилистика предлагает говорящим ориентироваться, по крайней мере, в трех стилях.

1. Нейтральный стиль: говорящий выносит ни положительных, ни отрицательных оценок тому, о чем он говорит; в этом случае он употребляет слова и фразеологизмы, которые в словарях не имеют стилистических помет, например – о человеке: *во цвете лет, большой руки* и т. д.;

2. Книжный стиль: говорящий должен позитивно отзываться о своем предмете речи, тем более если он создает не устный, а письменный текст, – употребляя, наряду с нейтральными фразеологизмами, такие, которые в словарях имеют стилистические пометы «книж.», «высок.», «одобр.» и т. д., например – о человек: *восходящая звезда, звезда первой величины* и т. п.;

3. Разговорный стиль: говорящий может выносить негативные оценки своему предмету речи, тем более если создает не письменный, а устный текст, – употребляя наряду с нейтральными словами и фразеологизмами, слова и фразеологизмы со стилистическими пометами типа «неодобр.», «груб.», «разг.», «простор.» и т. п., например – о человеке: *без царя в голове, божья коровка* и т. п. См. в книге Б. Татара о трех «стилистических пластах» фразеологизмов (с. 254–259).

«**Смешение стилей**». Б. Татар в отношении использования фразеологизмов одного стиля в текстах другого стиля ограничивается замечаниями, что это – сложная проблема лингвистики, тесно связанная и с литературоведческими проблемами (с. 261).

Лексическая парадигматика фразеологизмов. Лексическая парадигматика – объединение фразеологизмов на основе того, что у всех этих фразеологизмов есть 1) **общий** лексический признак, а также 2) лексический признак **различительны**й, отличающий один фразеологизм от другого (одну их группу от других). Часто в лингвистике парадигмы задаются «половинчато»: формулируются только объединительные признаки, отличительные же признаки, тем более – отличающие каждый отдельный фразеологизм от каждого другого фразеологизма (ср. как это делается последовательно в фонологии), специально не формулируется. В лексике так называемые «семантические поля» образуются обычно только на основе объединительных признаков.

Тематическая классификация фразеологизмов. В лексике тематическая классификация является обычным делом. В зависимости от того, к какой **теме** относится лексика, какой участок реальности она называет – она и объединяется в группы (и разъединяется по группам). См., например, классификацию лексики, а вместе с ней – и фразеологизмов, в учебных темах «Семья», «Квартира», «Транспорт» и др.

У Б. Татара в книге тоже есть тематические классификации фразеологизмов. В главе 3-ей, посвященной грамматическому устройству фразеологизмов, субстантивные фразеологизмы Б. Татар подразделяет – на обозначающие 1) лицо: *бездонная бочка, буриданов осел* и др.; 2) предмет: *китайская грамота, притча во языцех* и др.; 3) вещество: *белые мухи, запретный плод* и др.; 4) место: *авгиевы конюшни, белый свет* и др.; 5) отвлеченные понятия: *ахиллесова пята, гордиев узел* и др. (с. 186–190).

Адъективные фразеологизмы у Б. Татара делятся – на обозначающие качество: 1) лица: *без царя в голове*, 2) предмета: *из ряда вон выходящий* и т. д. Выделяются тематические группы фразеологизмов также «внутри» местоименных, наречных, модальных и др. морфологических классов фразеологизмов.

Чаще всего тематическая классификация фразеологизмов производится не в синхроническом описании, а в диахроническом, например – к какой тематической сфере относятся возникающие в разное время фразеологизмы. В книге Б. Татара тоже есть такие классификации: 1) ботаника: *капусту рубить*, 2) военное дело: *бить отбой,* 3) медицина: *бередить рану*, 4) рыболовство: *биться как рыба об лед*, 5) транспорт: *взять с места* и т. д. (с. 84–104).

Фразеологические синонимы. Каждый синонимический ряд фразеологизмов представляет собой несомненно лексическую парадигму, построенную с учетом лексических объединительных и различительных признаков. Ср., как определяет фразеологическую синонимию Б. Татар: под термином «фразеологическая синонимия» следует понимать языковое явление при котором происходит совпадение по основному значению фразеологических единиц при сохранении различий в оттенках значений и в стилистической характеристике (с. 147). Значит, объединительный признак у синонимического ряда – «основное» значение, а различительные признаки – «оттенки» основного значения. Пример синонимического ряда фразеологизмов: *сидеть сложа рук* (нейтр.), *бить баклуши* (разг.), *собак гонять* (прост.), *плевать в потолок* (груб.) (с. 148) Б. Татар пишет, что объединительным признаком здесь является общее для всех членов ряда значение «бездельничать», а различительными признаками – стилистические оттенки в этом общем значении.

В том случае, когда фразеологизмы в синонимическом ряду различаются не стилистическими, а семантическими оттенками, – эти различительные признаки у Б. Татара (как, впрочем, и в синонимических словарях) специально не формулируются. Пример Б. Татара: *бить баклуши, голубей гонять, гранить мостовую* и т. д. Объединительным признаком в этом синонимическом ряду тоже является «бездельничать», различительный же признак специально не описывается.

В зависимости от характера различительного признака в синонимическом ряду, Б. Татар подразделяет фразеологические синонимы на два вида: 1) если синонимы различаются семантическими оттенками (которые не формулируются специально), то это – **семантическ**ие фразеологические синонимы, 2) если фразеологизмы различаются стилистической окраской (которая формулируется специально), то это – **стилистические** фразеологические синонимы. Пример 1-ого вида синонимов: *всего ничего, капля в*

море и т. д. Пример 2-ого вида: *сидеть сложа руки* (нейтр.), *бить баклуши* (разг.) и др.

Если синонимический ряд – длинный, то «внутри» него могут иметь место различия как в семантических оттенках, так и в стилистической окраске. Доминантой каждый раз должен быть тот фразеологизм (пишет Б. Татар), у которого семантический оттенок – типический, а стилистическая окраска – нейтральная. Единая синонимическая парадигма может, таким образом, подразделяться на составные части – с учетом целой иерархии объединительных и различительных признаков, – что, как отмечает Б. Татар, не всегда является простым делом.

Б. Татар пишет, что фразеологические единицы не могут вступать в синонимические связи со «свободными словами», «в силу своих семантических несоответствий» (с. 152). Б. Татар объясняет, в чем состоят эти несоответствия. Во-первых, в том, что для фразеологизма всегда свойственна стилистическая окраска, в то время как для слова – не всегда. Во-вторых, у фразеологизма почти всегда значение «усиливается», в то время как у слова – обычно не «усиливается». Ср. с одной стороны – фразеологизм *вилять хвостом* (простор.), а с другой стороны – слово *обманывать,* лишенное этого стилистической окраски. Ср. еще: с одной стороны фразеологизм *ни свет ни заря* – «очень рано», а с другой стороны слово *спозаранку* – «рано».

На наш взгляд, отмеченные Б. Татаром причины все-таки не являются существенными, – чтобы отделять фразеологизмы от «свободных слов» и описывать фразеологические синонимы отдельно от слов-синонимов.

Для рядового говорящего фразеологизм равен слову (впрочем, и для ученого фразеолога), а это значит, что синонимами являются вместе и «свободные слова», и фразеологизмы, например: *медленно, неторопливо, неспешно, шаг за шагом, с прохладцем, через час по чайной ложке* и т. д. (см. «Словарь синонимов русского языка» З. Е. Александровой).

В пользу того, что фразеологизмы синонимичны словам, свидетельствует и тот факт, что сам Б. Татар часто толкует значения своих фразеологизмов методом подбора к ним синонимов (как, впрочем, и в толковых словарях), например: *бить баклуши = бездельничать, беда как = очень, без оглядки = быстро, белены объелся = одурел, бить челом = кланяться, боек на язык = красноречив, бок о бок = рядом* и т. д.

Фразеологические антонимы. Б. Татар пишет, что фразеологизмы, как лексико-семантические единицы (слова), способны составлять друг с другом антонимические пары, например: *засучив рукава* «усердно» – *спустя рукава* «небрежно», – независимо от того, одноструктурные или разноструктурные эти фразеологизмы как словосочетания: *в двух шагах* «близко» – *на краю света* «далеко» (с. 160).

Б. Татар отмечает, что большинство антонимических пар образуется из моносемантических фразеологизмов: *без счета* «много» – *по пальцам можно пересчесть* «мало». При этом Б. Татар подчеркивает, что антонимическая пара обязательно составляется из фразеологизмов одно и того же стиля речи.

В случае полисемантических фразеологизмов в антонимическую пару вступают фразеологизмы в одном из своих значений, например, фразеологизм *с головой* имеет несколько значений, однако с фразеологизмом *без головы* он образует антонимическую пару только в значении «умный», а именно: *с головой* «умный» – *без головы* «глупый».

Может ли образовываться антонимическая пара из фразеологизма – с одной стороны, и отдельного слова – с другой стороны, например: *в двух шагах – далеко, на краю света – близко, без счета – мало, по пальцам можно пересчесть – много, с головой – глупый, без головы – умный?*

Если применительно к синонимии Б. Татар считает, что в одном синонимическом ряду не могут быть вместе фразеологизмы и слова, – то применительно к антонимии он этот вопрос специально не обсуждает. Но на основании приведенных им примеров можно полагать, что об антонимии Б. Татар того же мнения: фразеологизм и слово не образуют антонимической пары.

Если обратиться к традиционным антонимическим словарям, то в них вполне можно найти антонимические пары, состоящие из фразеологизма и слова, например: *вблизи – в отдалении, всерьез – ради шутки, наяву – во сне, оптом – в розницу* и т. д. (если предложное сочетание считать фразеологическим словосочетанием, как это и делает Б. Татар). См. «Словарь антонимов русского языка» Л. А. Новикова.

Если фразеологизм по значению – такая же целостная единица, как и слово, то, по-видимому, нет основания отдельно составлять для них антонимические словари.

Лексическая синтагматика фразеологизмов. Так же, как в парадигматике, фразеологизм в синтагматике употребляется (и рассматривается) как целостная единица, эквивалентная слову: она вступает в соотношение не только с другими фразеологизмами, но и со «словами свободного употребления» (выражение Б. Татара).

Если при описании парадигматики фразеолог может позволять себе заниматься только фразеологизмами (фразеологические-синонимы, антонимы, тематические группы), исключая из предмета своих занятий «слова свободного употребления» (парадигматика – это во многом произвольные объединения фразеологизмов, в некоторой степени «наука для науки»), – то при описании синтагматики фразеолог уже вынужден подчиняться суровой объективной необходимости. Фразеологизмы в предложении соче-

таются не только с другими фразеологизмами, но, самое главное, со «свободными словами».

Б. Татар не уходит от изучения сочетаемости фразеологизмов в предложении, посвящая в своей книге этому вопросу специальный раздел (с. 171–182), правда, не такой большой, как раздел, посвященный фразеологической парадигматике. Есть у Б. Татара и специальная статья о «сочетательной способности» фразеологизмов (Татар 1997). Но в этом вопросе Б. Татар почти не имеет предшественников. Работы по этому вопросу, например: Тагиев 1966, Жуков 1986 (на них ссылается Б. Татар), описывают синтагматику фразеологизмов в основном на уровне очень общего понятия – «фразеологического окружения».

Понятие «фразеологическое окружение» Б. Татар определяет так: «Под термином «фразеологическое окружение» следует понимать совокупность всех языковых элементов, которые непосредственно или опосредственно вступают в языковую связь с фразеологической единицей» (с. 171). Но что такое «совокупность элементов»? Что такое «языковая связь», в которую вступают фразеологизмы с «языковыми элементами»? Наверное, «языковые элементы» – это слова как лексемы или как словоформы; «языковая связь» – это, наверное, сочетаемость фразеологизмов со словами – лексическая или грамматическая; «совокупность элементов» – это, возможно, лексические или грамматические классы слов, через которые выражаются закономерности в области лексической и грамматической сочетаемости фразеологизмов, и т. д. К сожалению, понятие «фразеологическое окружение» не наполняется у фразеологов достаточно конкретным содержанием.

Между фразеологизмом и словом, с точки зрения их сочетаемости со «свободными» словами, есть различие. Б. Татар пишет, что фразеологизм «труднее» сочетается в предложении, чем «свободное» слово, так как 1) слово многообразнее по значению, 2) оно проще по структуре, 3) фразеологизм часто имеет неполную парадигму (Татар 1997, с. 137–138).

В своей книге Б. Татар приводит конкретные примеры лексической сочетаемости фразеологизмов (с. 171–183), в основном для того. чтобы показать сложность проблемы.

Б. Татар в своей книге и статье Татар 1997 пишет о сложности описания лексической сочетаемости фразеологизмов, цитируя, в частности: Молотков 1977. Б. Татар замечает, что «сложность этого вопроса усугубляется еще и отсутствием словаря сочетаемости фразеологических единиц с другими языковыми единицами» (с. 171). Но, на наш взгляд, словарь сочетаемости – это уже результат описания лексической сочетаемости, а не начало, не материал для этого описания (при условии, конечно, если сочетаемость фразеологизмов в словаре описывается на уровне лексических классов, а не на уровне «приведения примеров».

О том, что такое лексическая сочетаемость фразеологизма, Б. Татар, к сожалению, говорит очень неконкретно. Она у него зависит от «общей семантической валентности», обусловлена «специфической семантической особенностью» и т. д. (с. 171). Однако самое главное, что необходимо делать при описании лексической сочетаемости фразеологизмов, Б. Татар формулирует точно: «…одни фразеологизмы обладают широким кругом слов, с которыми могут сочетаться, а другие – весьма узким. В первом случае мы говорим о неограниченной, а во втором – об ограниченной сочетаемости» (с. 181). Таким образом, при описании лексической сочетаемости фразеологизмов надо формулировать **лексические классы** слов, с которыми фразеологизмы сочетаются. Но в самом начале можно ориентироваться не на всю «неограниченную» в количественном отношении лексику, а на определенные ее «лексические минимумы».

Форма фразеологизма

Грамматическая форма отдельного фразеологизма. Фразеологизм по форме является словосочетанием. Описание формы фразеологизма предполагает его характеристику в тех грамматических категориях, в которых характеризуется словосочетание (морфологический состав словосочетания, классификация словосочетаний с учетом морфологии главного слова, словосочетание в предложении и т. п.).

Грамматическая парадигматика фразеологизмов. Грамматически фразеологизм – не словоформа, а сочетание словоформ, конструкция. Поэтому в качестве объединительных и различительных признаков, казалось бы, надо брать признаки, которые относятся к фразеологическому сочетанию в целом. Но фразеологизм только с точки зрения значения целостная единица; форма же фразеологизма – словосочетание, которое может быть представлена и отдельным словом этого сочетания, например грамматически главным словом.

Именно признаки главной словоформы и использует Б. Татар при классификации фразеологизмов, которую он называет «морфологической» классификацией (с. 185 и далее).

Б. Татар разделяет все фразеологизмы на следующие морфологические классы: 1) субстантивные: *бездонная бочка,* 2) адъективные: *боек на язык*, 3) местоименные: *ваш брат,* 4) глагольные: *бить баклуши*, 5) адвербиальные: *без обиняков*, 6) модальные: *к слову сказать,* 7) междометные: *бог ты мой*.

Каждый из этих морфологических классов имеет и внутренние подразделения, Так, класс субстантивных фразеологизмов делится на подклассы в зависимости от морфологической категории рода (у главного

слова): 1) мужского рода: *мастер на все руки*, 2) женского: *вольная птица*, 3) среднего рода: *больное место*; в зависимости от категории числа, падежа главного слова и т. д. Глагольный класс фразеологизмов делится на подклассы в зависимости от возможности изменения глагола во фразеологизме по видам: 1) глагол во фразеологизме употребляется в обоих видах: *биться об заклад – побиться об заклад*, 2) только в одном виде – несовершенном: *бить баклуши*, 3) только в одном виде – совершенном: *выплакать все глаза* и т. д. Аналогичные подразделения получают у Б. Татара и другие морфологические классы фразеологизмов: адъективные, адвербиальные и т. д.

Как можно видеть, в качестве объединительных и различительных признаков в очень разветвленной морфологической классификации фразеологизмов Б. Татар использует признаки не словосочетания как целостной единицы, а грамматически главного слова в этом словосочетании. При этом в качестве объединительных признаков используются морфологические признаки более общих грамматических категорий, например – категории части речи, а в качестве различительных признаков – морфологические признаки более частных категорий, например – категории рода, числа существительного, категории вида глагола и т. д. При этом различительные признаки формулируются не как собственно различительные признаки для классов, входящих в «вышестоящие» крупные классы, а как объединительные признаки для «нижестоящих» классов. При таком направлении исчисления признаков в разветвленной классификации, тем более, если на формулировку признаков специально не обращать внимания, – элементы самых «нижестоящих» классов, в том числе и непосредственно сами фразеологизмы, остаются не разграниченными.

Но в рассматриваемом случае это не является большим недостатком. Дело в том, что фразеологизмы, «наполняющие» самые последние морфологические классы, например подкласс мужского рода внутри субстантивного класса (*буриданов осел, двуликий янус* и др.) морфологически уже не различаются – различаются семантически.

Морфологическая классификация фразеологизмов в книге Б. Татара не является «чистой» морфологической классификацией – с последовательным применением только морфологических признаков. Под заглавием «морфологическая классификация фразеологизмов» используются также и другие признаки, которые к морфологии не относятся, а именно семантические признаки.

Так, сформулировав субстантивный морфологический класс фразеологизмов с учетом принадлежности главного слова фразеологизма к существительному, – Б. Татар затем подразделяет этот класс на подклассы с учетом значения этих фразеологизмов, подходя к фразеологизму с учетом его как целостной единицы, эквивалентной по значению слову (а не с уче-

том значения главного слова во фразеологизме), например: субстантивные фразеологизмы, называющие 1) человека: *буриданов осел,* 2) конкретный предмет: *хлеб насущный*, 3) абстрактное понятие: *первая ласточка* и т. д.

Сформулировав, далее, адъективный класс фразеологизмов с учетом принадлежности главного слова фразеологизма к прилагательному, Б. Татар подразделяет этот класс уже с учетом значения этих фразеологизмов (а не значения главного слова), например: 1) значения признака лица: *гол как сокол*, 2) признака предмета: *подбитый ветром* и т. д.

Аналогичное имеет место у Б. Татара и в его классификации наречных фразеологизмов. Сформулировав этот класс с учетом принадлежности главного слова этого фразеологизма к наречию, Б. Татар подразделяет этот класс в зависимости от значения фразеологизма в целом, например: 1) со значением способа действия: *во весь рот*, 2) со значением времени: *без умолку*, 3) места: *взад и вперед* и т. д.

Грамматическая синтагматика фразеологизмов. Как можно было видеть, в книге Б. Татара, грамматическая парадигматика описывается с учетом морфологических признаков грамматически **главного слова** во фразеологизме: субстантивные фразеологизмы: *буриданов осел,* адъективные фразеологизмы: *боек на язык*, глагольные: *делать погоду*. При описании грамматической синтагматики фразеологизмов учитываются грамматические свойства всего фразеологизма.

Являясь эквивалентной слову, фразеологическая единица эквивалентна ему прежде всего как лексеме, а уж потом – как словоформе. Какую роль в предложении выполняет фразеологизм (субъект, объект, предикат, атрибут, обстоятельство) – зависит прежде всего от его лексического значения. Заняв в предложении соответствующее место (субъекта, атрибута и т. д.), фразеологизм после этого получает и соответствующую грамматическую сочетаемость.

Б. Татар подробно описывает функцию фразеологизмов в предложении. Например, он пишет (с. 241), что в предложении: *Злые языки не могли сказать ничего против* – фразеологизм *злые языки* является подлежащим. Но надо бы добавить, что этот фразеологизм стал подлежащим прежде всего благодаря своему значению: он называет лицо, которое обычно выступает субъектом действия. Как субъект действия, в предложении фразеологизм и выражается существительным имен. падежа.

В предложении: *Он вел себя как мальчишка* – фразеологизм *вел себя* (пишет Б. Татар, с. 242) является сказуемым – действием субъекта. Добавим, что становится этот фразеологизм сказуемым прежде всего в силу своего лексического значения: он обозначает действие лица. Поэтому и оформляется этот фразеологизм как личный глагол, согласующийся с формами существительного имен. падежа (муж. рода ед. числа).

Далее Б. Татар пишет о фразеологизме в роли дополнения (с. 242). В предложении: *Мужики прошли весь белый свет* – фразеологизм *белый свет*, благодаря своему лексическому значению, является объектом действия: он называет неодушевленный пространственный предмет. Если бы фразеологизм называл признак предмета, как, например, в предложении: *Бойкая на слова женщина,* – он стал бы в предложении прежде всего определением (атрибутом). Лексическое значение объекта оформляется обычно как существительное в объектном падеже, которое грамматически не согласуется с глаголом. Напротив, морфологическая маркировка атрибута предмета – согласуется с морфологической маркировкой существительного (в роде, числе, падеже).

Когда Б. Татар пишет о фразеологизме в роли обстоятельства действия, например о фразеологизме *без оглядки* в предложении: *Куда так, кумушка, бежишь ты без оглядки* (Крылов), – то он отмечает (с. 239–250), что, заняв это место в предложении в силу своего лексического значения (фразеологизм называет способ действия), фразеологизм в русском языке, как и наречие, (добавим) не имеет специальной морфологической маркировки, а значит – не имеет и согласования в этой маркировке с глагольной лексемой, обозначающей действие.

Заметим, что о согласовании грамматических маркировок фразеологизма и другого слова в предложении – можно говорить только в том случае, когда фразеологизм ведет себя в предложении так же, как его грамматически главное слово, например: *Бойкая на язык женщина*; здесь фразеологизм *бойкая на язык* и главное слово в этом фразеологизме *бойкая* – совпадают по функции в предложении, вследствие чего и можно говорить о грамматическом согласовании фразеологизма с существительным *женщина*. В противном случае морфологическое согласование отсутствует, например: *Без царя в голове женщина.*

В вопросе о морфологическом согласовании или несогласовании фразеологизма с другими словами (с. 237–240) Б. Татар исходит из традиционного представления о трех видах «синтаксической связи слов в словосочетании», в которых лексический и грамматический аспекты выступают в нерасчлененном виде.

Если, сохраняя терминологию, представить эти три вида связи только в грамматическом аспекте, то они должны выглядеть следующим образом (ниже первый пример в каждом случае представляет собой словосочетание, правильное как в лексическом, так и в грамматическом аспекте, а второй пример – словосочетание, правильное только в грамматическом отношении).

1. **Согласование**: а) «существительное + прилагательное (в роде, числе, падеже)»: *бойкая на слова женщина, ср. *бойкая на слова стена;*

б) «существительное имен. падежа + личный глагол (в роде, числе)»: *злые языки говорят, ср. *злые языки лежат.*

2. **Управление:** «глагол в любой форме + существительное не имен. падежа»: *прошли белый свет, ср. *прошли гуся лапчатого*.

3. **Примыкание:** «любая словоформа + наречие (предложное сочетание в роли обстоятельства): *бежать без оглядки, ср. * бежать без умолку*.

Так описывает Б. Татар грамматическую сочетаемость (синтагматику) русских фразеологизмов.

Фразеологические словари. Б. Татар долго работал над составлением переводного двуязычного русско-венгерского фразеологического словаря (Татар 2001, Tatár 2001). На фоне богатой русской двуязычной фразеографии, о которой Б. Татар утверждает, что она занимает первое место в мире (Tatár 2001, с 134), – отсутствие обстоятельного русско-венгерского словаря очень заметно.

Об одном таком русско-венгерском фразеологическом словаре (Keszthelyi 1961) Б. Татар пишет положительно (Татар 2001, с. 94–95). Этот словарь появился непосредственно в практике преподавания русского языка в венгерской учебной аудитории и обладает целым рядом достоинств. Это словарь наиболее употребительных фразеологизмов русского языка, переведенных на венгерский язык очень удачными способами. Словарь компактный, удобный в применении. К словарю приложен указатель венгерских фразеологизмов с отсылкой их к соответствующим местам в словаре – к русским фразеологизмам, – получился одновременно и обратный венгерско-русский фразеологический словарь.

Б. Татар на основе изучения опыта русско-английского, русско-немецкого, русско-французского, русско-итальянского, русско-болгарского, русско-хорватского, русско-украинского, русско-латышского и др. фразеологических словарей, составленных в России, разработал свои принципы перевода русских фразеологизмов на венгерский язык (методом эквивалентности, аналогии, описания); выработал структуру словарной статьи, ее оформление и т. д.

Особой заботой Б. Татара при составлении учебного русско-венгерского фразеологического словаря являются цитаты из русской художественной литературы, которые помещаются в каждой словарной статье и призваны иллюстрировать употребление русских фразеологизмов. Соответствующие цитаты из венгерской художественной литературы отсутствуют, даже в том случае, когда фразеологизмы в двух языках являются эквивалентными. Такая однонаправленность двуязычного словаря объясняется тем, что Б. Татар адресует свой словарь прежде всего венгерскому читателю, который изучает русский язык и который знает соответствующие венгерские фразеологизмы.

Цитаты из художественной литературы несомненно «обогащают» фразеологический словарь, но одновременно они и «отягощают» его, – если иметь в виду, что словарь предназначается все-таки прежде всего для учебных и справочных целей, когда важным является прежде всего – перевод фразеологизма, а затем и простота (и быстрота) обращения с ним. Правда, свой словарь Б. Татар адресует студентам-филологам, которые одновременно с изучением русского языка изучают и русскую художественную литературу – и которым поэтому полезно знакомиться с тем, как русские писатели употребляют русскую фразеологию. Но в таком случае (прав Б. Татар, см. Tatár 2001, с. 134–135) желательными являются цитаты из изучаемых студентами художественных произведений.

Образцы словарных статей опубликованы Б. Татаром в работах: Татар 2001-а, 2001-б, 2001-в.

В заключение надо сказать об одной положительной особенности работ Б. Татара, в том числе и его книги «Фразеология современного русского языка». Б. Татар, излагая свои идеи, побуждает читателя (прежде всего, конечно, научного работника, но также и думающего студента) развивать его идеи – формулировать новые идеи, в том числе и такие, которых непосредственно нет у Б. Татара, но которые вытекают из его идей. Это самое большое достоинство любого ученого, – который «заставляет думать», «заставляет мыслить». Пишущий эти строки тоже однажды попал под это влияние Б. Татара, когда писал одну большую статью под названием: «Аспекты фразеологии (о книге Б. Татара «Фразеология современного русского языка)». Б. Татар, прочитав статью, предложил опустить из ее названия подзаголовок, сказав, что в статье речь идет не только о его книге, но об аспектах фразеологии вообще. В таком, сокращенном виде статья и была позже опубликована: Федосов 2006 Мы, однако, остаемся при том мнении, что книга Б. Татара такова, что в ней в систематическом виде изложены все аспекты фразеологии.

Литература

Архангельский В. П. Устойчивые фразы в современном русском языке. Основы теории устойчивых фраз и проблемы общей фразеологии. Ростов-на-Дону, 1964.

Виноградов В. В. Русский язык. (Грамматическое учение о слове). 3-е изд. Москва, 1986.

Жуков А. В. Дефразеологизация в русском языке. – Studia Russica, XVIII. Budapest, 2000. pp. 433–441.

Жуков А. В. Русская фразеология. Москва, 1986.

Жуков А. В. Словарь фразеологических синонимов русского языка. Москва, 1987.

Жуков А. В. Внутренняя форма слова и фразеологизма – Studia Russica, XIV–XV. Budapest, 1990–1994. pp. 21–35.

Кунин А. В. Англо-русский фразеологический словарь. Изд. 4-ое. Москва, 1984.

Молотков А. И. Фразеологический словарь русского языка. Москва, 1967.

Молотков А. И. Основы фразеологии русского языка. Москва, 1977.

Тагиев М. Т. Глагольная фразеология современного русского языка. Баку, 1966.

Татар Б. Библиография научных трудов профессора Белы Татара (1962–2003). – Studia Russica 20. In honorem Bela Tatar. Budapest, 2003. pp. 11–20.

Федосов В. А. Аспекты значения фразеологизма. – Slavica 35. Debrecen, 2006. pp. 67–84.

Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка. Москва, 1963.

Keszthelyi Ernő. Russzicizmusok. 5000 orosz szólás és kifejezés. [Русизмы. 5000 русских идиом и выражений]. Budapest, 1961.

Kocsis Margit. Frazeológia szűkebb vagy tágabb értelemben. [Фразеология в узком или широком смысле] – Studia Russica 2. Budapest 1979. pp. 31–41.

Kocsis Margit. Заметки по поводу готовящегося русско-венгерского фразеологического словаря. – Studia Russica 20, Budapest, 2003. pp. 204–208.

5.2. Практические вопросы русской фразеологии (И. Пете)

Свой учебник для студентов-филологов И. Пете назвал:

Пете И. Иллюстрированная фразеология русского языка. 3-е изд. Szeged 2001. 206 с.

Кроме того, выделим еще три статьи И. Пете, посвященные фразеологии:

Pete István. Пентагональное сопоставление фразеологизмов. Gadányi K. (szerk.) Nemzetközi Szlavisztikai Napok 5. Szombathely, 1994. pp. 499–514.

Pete István. Универсальные и национальные свойства фразеологизмов. – Studia Russica, XX. Budapest, 2003. pp. 375–384.

Pete István. Eltérések az orosz és a magyar nyelv frazeológiai szókapcsolatai között. [Различие между русской и венгерской фразеологией] – Modern Nyelvoktatás, IV, 1966. pp. 32–48.

Наличие выражения «иллюстрированная фразеология» в заголовке книги создает у читателя впечатление, что автор специально обсуждает проблему иллюстрации фразеологизмов с помощью рисунков. Дело в том, что, вследствие образности фразеологизма, проиллюстрировать фразеологизм очень трудно, что вполне может быть предметом специальной книги.

Иллюстрируя фразеологизм, художник делает сразу два рисунка, определенным образом соотнесенных друг с другом. Так, самый первый в книге И. Пете рисунок – это иллюстрация фразеологизма *нужен как прошлогодний снег* (с. 8). Сначала художник изображает ситуацию, в которой один персонаж предлагает другому на лопате прошлогодний снег с табличкой «1988», а другой, с табличкой «1989», отказывается от этого предложения. Внизу изображается вторая ситуация: один персонаж предлагает другому гребешок причесать волос, но этот другой – совершенно лысый, которому гребешок совершенно не нужен. Под рисунками подпись, состоящая из двух частей: *1) нужен ему гребешок, 2) как прошлогодний снег.*

Последующая иллюстрация фразеологизма *(Не красна изба углами, а красна пирогами)* состоит только из одной части. Нарисовано лишь то, что «изба красна пирогами». Изображен хозяин избы, несущий пироги гостям, которые сидят за столом, вокруг самовара, и приветствуют подобный поступок хозяина. Ситуация, когда изба «красна углами», не изображается. Причиной может быть то, что фразеологизм имеет другую лингвистическую структуру, либо – художник неполно передает содержание фразеологизма.

Чтобы проиллюстрировать фразеологизм, предварительно надо проанализировать его лингвистическое содержание. Так что проблема иллюстрации фразеологизма – это прежде всего лингвистическая проблема, взятая, конечно, в этом случае в прикладном аспекте (еще одна область прикладной фразеологии), – и ее, конечно, надо обсуждать. Поэтому вынесение в заголовок сочетания «иллюстрированная фразеология» вполне возможно, – но при условии, если, повторяем, в книге об этом специально идет речь. Но автор книги обо всем этом ничего не говорит. Поэтому, как нам представляется, самое большее, что надо было сделать автору с заголовком, – это сделать из него подзаголовок, назвав книгу: «Фразеология русского языка (иллюстрированная)». Но даже и в этом случае автору пришлось бы сказать несколько слов о лингвистической стороне изображения содержания фразеологизма на бумаге. Поскольку автор книги эту проблему не затрагивает, постольку без термина «иллюстрированная» вообще можно было бы обойтись. Но как бы то ни было, книга, в отличие от других вузовских учебников по фразеологии, получилась с картинками, за что надо благодарить авторов другой книги: Дубровин, Клауди 1990, откуда И. Пете брал иллюстрации.

Основные понятия

Фразеология. Свою книгу И. Пете начинает с разъяснения термина «фразеология» – с использованием языковых примеров. Он пишет что термин «фразеология» обозначает: 1) раздел языкознания, 2) совокупность фразеологизмов языка, 3) совокупность выражений, характерных для отдельного автора, литературного направления или социальной группы: «фразеология Пушкина» (с.7). Можно добавить и еще одно значение слова «фразеология» (см. Ожегов 1987: 3) совокупность красивых фраз, скрывающих бедность или лживость содержания: «за этой фразеологией нет мысли». Последние два значения термина «фразеология», на наш взгляд, вполне можно объединить вместе. В итоге у значения слова «фразеология» остается всего два традиционных значения, которые, логически, располагаются в следующем порядке: 1) фразеология как совокупность фразеологизмов, 2) фразеология как наука, изучающая эту совокупность фразеологизмов.

Фразеологизм. Единицу фразеологии («фразеологическую единицу», «фразеологизм») И. Пете специально не определяет, ограничиваясь приведением примеров, например: *намылить голову* – это фразеологизм. Возможно, что так и лучше. Во всяком случае, те дефиниции, которые можно найти в работах по фразеологии, на наш взгляд, не всегда проясняют это понятие.

И. Пете верно пишет: «Определение фразеологизмов и их отграничение от составных слов *(где угодно, двадцать два)*, от составных терминов *(Организация Объединенных Наций)*, от синтаксических словосочетаний *(намылить голову мылом)* представляет большие трудности, поскольку все признаки фразеологизмов носят относительный характер» (с. 14).

«Относительный» характер фразеологической единицы, надо полагать, состоит в том, что фразеологизм обладает признаками сразу двух единиц языка – слова и словосочетания.

Признаки слова у фразеологизма – это **значение** фразеологизма. Значение фразеологизма – такое же, в принципе, как и значение у слова. В частности, фразеологизм так же, как и слово, – воспроизводимый, «готовый» знак языка. И. Пете пишет: «Фразеологизмы, как и слова, воспроизводятся в речи готовыми и требуют запоминания» (с. 19).

Признаки словосочетания у фразеологизма – это **форма** фразеологизма. Она у него – такая же, как и у свободного словосочетания: представляет собой соединение определенных частей речи: «прилагательное + существительное», «глагол + косвенный падеж существительного» и т. д. (субстантивные фразеологизмы, адъективные и т. д. (см. Пете 2001, с. 16–18).

В итоге, описать фразеологизм как «относительную» (имеющее отношение как к слову, так и к словосочетанию) единицу языка – это описать 1) его значение – как значение слова и 2) его форму – как форму словосочетания.

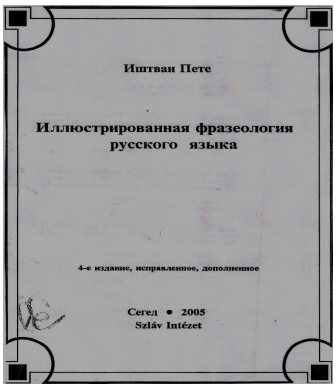
Фразеологизм как слово

Отличие фразеологизма от слова. И. Пете в разделе «Фразеологизмы и слово» основное внимание уделяет не сходству этих двух единиц по значению, а имеющимся у них **различиям** в других признаках, не относящихся непосредственно к значению, а именно: 1) слово обычно одноударное *(счастливые),* а фразеологизм – многоударный *(счастливого пути)*; 2) морфемы внутри слова неравнозначны (ср. корень и аффикс: *раб-от-а*), а слова внутри фразеологизма – равноправны *(работать не покладая рук);* 3) у слова имеет место однооформленность *(мух-а)*, а у фразеологизма – многооформленность *(был-и под мух-ой)*; 4) в словообразовательном гнезде одно слово мотивирует другое *(гадать – гадание)*, а во фразеологизмах этой мотивации не чувствуется *(гадать на кофейной гуще – гадание на кофейной гуще)*; 5) слово относится к одной части речи (*месяц* – существительное), а фразеологизм – к разным частям речи (*медовый месяц* – «прилагательное + существительное»); 6) слово варьирует

(клавиш – клавиша) иначе, чем фразеологизм *(намылить шею – намылить голову)* (с. 14–23).

Проф. Иштван Пете
(Сегедский университет)

На основе различия между словом и фразеологизмом можно делать выводы (методом «от противного») об их сходстве: то, в чем слово и фразеологизм не различаются, составляет их сходство. Ниже, в других разделах книги, И. Пете описывает и общие со словом свойства фразеологизмов, а именно: 1) значения фразеологизмов, их классификация; 2) виды переноса значений во фразеологизме; 3) однозначность и многозначность фразеологизмов.

Сходство фразеологизма со словом. Это сходство состоит в выражении отдельного значения. Главным содержанием книги И. Пете является описание значения **конкретных** фразеологизмов. В каждом разделе книги содержится много примеров фразеологизмов, с конкретным описанием их значения. Так, в разделе «Введение» подробно описывается значение фразеологизмов *шапка Мономаха, ни пуха ни пера, сколько зим сколько лет.* В другом разделе, «Признаки фразеологизмов», описывается значение фразеологизмов *бить баклуши, как аршин проглотил, как без рук* и др.; в разделе «Свойства фразеологизмов» – значение фразеологизмов *за тридевять земель, на седьмом небе* и др.

По сути дела, получается группировка фразеологизмов в зависимости от того, какая проблема в области фразеологии ими иллюстрируется. Конечно, в каждом учебнике есть примеры, по возможности наиболее выразительные, но – когда таких примеров много, когда они выдвигаются на уровень заголовков данной темы, как это имеет место в учебнике И. Пете, то можно говорить об особом типе классификации фразеологизмов –

с упорядочением их не по алфавиту, и даже не по семантическим группам, а по лингвистическим темам, т. е. не по собственно языковому, а по **метаязыковому** признаку.

Если иметь в виду, что книга И. Пете – это учебное пособие, то распределение в книге фразеологического материала по метаязыковому принципу, выдвижение фразеологизмов на уровень заголовков, – нельзя считать недостатком. Во-первых, студенты-филологи заинтересованы в том, чтобы конкретный материал был «привязан» к лингвистическим темам. Во-вторых, педагогический опыт показывает, что при изучении фразеологии студенты, в особенности иностранные студенты, самое живое внимание обращают именно на сами фразеологизмы, на их значение и происхождение, на то, как построены эти фразеологизмы, на имеющийся параллелизм с родным языком.

Тематические группы фразеологизмов. И. Пете разъясняет конкретное значение не просто отдельных фразеологизмов, а – в их тематических группах, можно сказать – в их парадигматике, образующейся с учетом признака, которым является общее для всех этих фразеологизмов **значение.**

Так, в разделе «Универсальные свойства фразеологизмов» (с. 33–43) И. Пете образует две тематические (с внутренними подразделениями) группы фразеологизмов: 1) фразеологизмы на тему смерти: а) смерть как переход в иной мир *(покинуть свет)*, б) смерть как вечный сон *(уснуть последним сном)* и т. д.; 2) фразеологизмы на тему опьянения: а) легкая степень *(быть под мухой),* б) сильная степень *(лыка не вяжет)* и т. д. В других разделах книги находим другие тематические группы фразеологизмов, тоже со своими внутренними подразделениями.

В книге есть самостоятельные главы (разделы), в которых специально описываются тематические группы фразеологизмов. Названия этих глав имеют следующий вид: «Фразеологизмы и отношения в семье» (с. 165 и далее), «Фразеологизмы и еда, питание» (с. 168 и далее) и т. д. Эти названия не надо понимать в том смысле, что фразеологизмы влияют на отношения в семье и т. д. См. другие тематические группы фразеологизмов, составляющие отдельные разделы в книге: «Одежда, обувь», «Способности человека», «Состояние явлений природы», «Физическое состояние природы», «Психическое состояние человека», «Материальное положение людей», «Поведение человека», «Отношение между людьми», «Профессии», «Зоонимы» и др.

С таким главами (разделами) большая часть книги И. Пете превращается во фразеологический словарь с расположением в нем фразеологизмов по «тематическому принципу» (ср. аналогичный словарь: Яранцев 1985). Такой подход к расположению материала в книге «усиливает» достоинства книги как учебного пособия для студентов. Студенты в таком случае

могут знакомиться со значениями фразеологизмов не только по вышеотмеченным лингвистическим рубрикам, но и по собственно языковым, семантико-тематическим рубрикам. Тем более, что именно эта последняя классификация и представляет для студентов непосредственное «руководство к действию» – чтобы использовать фразеологизмы в речи в зависимости от темы общения: 1) при говорении: от темы, от значения – к конкретному фразеологизму, например: «одиночество» > *один как перст;* 2) при восприятии: от конкретного фразеологизма – к его значению, к теме, например: *один как перст* > «одиночество».

Чем конкретнее семантико-тематическая группировка фразеологизмов, тем удобнее ею пользоваться в речи, тем быстрее ее можно усвоить при изучении языка. Как уже говорилось, у И. Пете каждая из тематических групп имеет внутреннее подразделение. Так, фразеологизмы, обозначающие «состояние» подразделяются на «состояние природы» *(бабье лето)* и «состояние человека», а последнее – подразделяется на «физическое состояние» *(едва держится на ногах)*, «психологическое состояние» *(с легким сердцем),* «материальное состояние» *(в долгах по уши)* и т. д. (с. 176–179).

Что касается объединения тематических групп фразеологизмов в более крупные тематические группы, тем более – с использованием системы объединительных и различительных семантических признаков, с формированием каждой тематической группы как определенного набора дифференциальных элементов (см., как это делается применительно к лексике в идеографических словарях – то в этом направлении И. Пете не обсуждает эту проблему.

Парадигматика фразеологизмов. Систематизировать фразеологизмы, образуя парадигматику (тематику), можно не только с учетом их значения (как это показано выше), но – одновременно – и с учетом их формы. По аналогии с соответствующей систематизацией (парадигматикой) лексики, с учетом формы и значения, образуются следующие группы фразеологизмов (перечислим их в том порядке, как они излагаются у И. Пете): 1) фразеологические варианты (близкие по форме, т. е. по звучанию и написанию, и одинаковые по значению): *закладывать за галстук – заложить за галстук* (с. 17–18); 2) фразеологические синонимы (разные по звучанию и сходные по значению): *очки втирать – водить за нос* (с. 106–110); 3) фразеологические антонимы (разные по звучанию и, при сходстве в одном семантическом компоненте, противопоставленные в другом компоненте): *не покладая рук – сложа руки* (с. 110–115); 4) фразеологические омонимы (одинаковые в звучании и различные в значении): *на память* «выучить» – *на память* «подарить» (с. 116); 5) фразеологическая полисемия (одинаковые по звучанию, но близкие по значению): *без оглядки* «быстро», *без оглядки* «не раздумывая» (с. 116–118); 6) фразеологические

паронимы (близкие по звучанию и различные в значении): *в глубине души – до глубины души* (с. 186–187).

Перечисленные группы фразеологизмов, образованные с учетом значения и формы, даются у И. Пете в разных местах книги, в связи с разными темами. Полагаем, что их можно было бы объединить, дать в одном разделе книги, упорядочив следующим образом (удобном как с научной, так и с учебной точки зрения): 1) «одна форма – одно значение» (например, у фразеологизма *в костюме Адама* – значение «совершенно голый»); 2) «одна форма – несколько значений» (полисемия, омонимия); 3) «несколько форм – одно значение» (синонимия, паронимия, варианты); 4) «несколько форм – несколько значений» (например, рядом с фразеологизмом *в костюме Адама* есть другой фразеологизм *фиговый листок* – с другим значением: «маскировка истинного положения дел».

Заметим, что если о форме фразеологизма (его звучании, написании) можно утверждать достаточно строго (см., как подробно описывает И. Пете варьирование формы фразеологизма: фонетические варианты, морфологические варианты, суффиксальные, лексические, смешанные, полные, неполные и т. д., с 17–18), – то о значении фразеологизма (одно оно у него или несколько, где у него кончается одно значение и начинается другое) фразеологи точно сказать всегда затрудняются.

Фразеологические синонимия, полисемия, омонимия и т. д., как известно. описываются во фразеологических словарях, как общих (например Молотков 1984), так и в специальных, посвященных какой-либо одной из вышеназванных группировок. Обычно это – синонимические словари. И. Пете, в связи с этим, высоко оценивает (с. 107) «Словарь фразеологических синонимов»: Жуков и др. 1987. Разумеется, лексика, образующая синонимические ряды вместе с фразеологизмами (*бить баклуши, бездельничать* и т. д.), из этих словарей исключается (если не считать толкования посредством этой лексики значений синонимов (*бить баклуши* «бездельничать»).

Синтагматика фразеологизмов. Фразеологизмы, как и слова, используются (как «готовый» строительный материал) при создании свободных словосочетаний – высказываний, из которых составляется и целый текст. Возможным это оказывается потому, что фразеологизмы способны **сочетаться** с другими словами, вступать с ними в **синтагматические** отношения, в целом, точно так же, как и обыкновенные слова сочетаются друг с другом. Школьники и студенты, анализируя предложения «по членам предложения», ставят одни и те же вопросы как к «отдельным» словам, так и к «целым» фразеологизмам. Ср.: 1) *Петя смотал удочки и ушел с рыбалки. – Что сделал Петя? – Смотал* (сказуемое). *– Что смотал? – Удочки* (дополнение); 2) *Петя смотал удочки с урока. – Что сделал Пе-*

тя? – Смотал удочки (= ушел) (сказуемое). (Примеры из книги И. Пете, с. 20).

И. Пете за точку отсчета в предложении принимает фразеологизм, а все другие слова в предложении квалифицирует как «сопроводители» фразеологизма, даже если в действительности дело обстоит наоборот. Например, в предложении *Петя бежал во весь дух* фразеологизм *во весь дух* выступает второстепенным членом предложения: *Как бежал? – Во весь дух* (обстоятельство), в то время как слово *бежал* является главным членом предложения – сказуемым. И. Пете, однако, полагает, что и в данном случае фразеологизм во *весь дух* является – центром всего предложения, в связи с чем все это предложение квалифицируется как «фразеологизированная синтаксическая структура»; слово же *бежал* называется «сопроводителем» фразеологизма (с. 95–96).

Фразеологические словари. Сходство фразеологизма и слова по значению обнаруживает себя и в том, что описываются фразеологизмы не в «Грамматиках», а в «Словарях», точно так же, как описывается и лексика. И. Пете называет наиболее известные фразеологические словари русского языка, в частности: Молотков 1986.

В отличие от лексики, лексикографирование фразеологизмов, с использование **алфавитного** принципа, представляет собой определенные трудности. Ведь по форме фразеологизм – это два и более слова. Встает вопрос, по какому слову упорядочивать фразеологизмы в алфавитном словаре. И. Пете, обобщая этот вопрос, пишет, что фразеологизмы в словаре могут упорядочиваться: 1) по первому слову, 2) по грамматически главному слову фразеологизма, 3) по первому существительному и т. д. (с. 11).

Наряду с алфавитными словарями существуют и **тематические** фразеологические словари. Фразеологизмы в этом случае можно описывать вместе с лексикой, в одних и тех же тематических группах, как это делается, например, в учебной практике. Так, тема «Школа» включает в себя не только соответствующую лексику (*школа, учиться, учитель, ученик* и т. д.), но и относящиеся сюда фразеологизмы (*выучить наизусть, держать в уме, на свежую память* и т. д.). Однако научная и лексикографическая практика утвердилась такой, что идеографическое описание лексики и фразеологии производится независимо, в отдельных словарях, даже тогда, когда эти словари адресуются учебной практике, например: Лексическая основа 1984, Яранцев 1985.

Построение синопсиса для таких словарей в обоих случаях, конечно, субъективно, в особенности при идеографическом описании лексики, когда этот синопсис составляется «заранее», дедуктивно, – после чего по сформированным рубрикам и «разносится» имеющаяся лексика. Но фразеологизмов – меньше в языке, чем лексики, и они легче поддаются обзору, чем лексика, вследствие чего имеются возможности для построения

синопсиса фразеологического словаря индуктивным способом, исходя непосредственно из материала. Заметим, что, в отличие от лексики, которая имеет как конкретные, так и абстрактные значения, фразеологизмы обычно – абстрактного значения. См., например, словарь: Яранцев 1985, у котором фразеологизмы подразделяются на следующие, несомненно абстрактные темы: «Эмоции человека», «Свойства и качества человека», «Характеристика явлений и ситуаций». Да и у самого И. Пете, как уже говорилось выше, фразеологизмы получают группы: «Отношения в семье», «Состояние человека», «Состояние природы» и т. д.

Надо заметить, что еще задолго до того, как стали составляться специально фразеологические словари, фразеологизмы описывались – вместе со всей лексикой – в **толковых** словарях. В словарной статье таких словарей обязательно называются и толкуются значения основных фразеологизмов, содержащие данное слово, см., например, фразеологизмы со словом *глаз* в толковом словаре Ожегова (Ожегов 1987): *глаза разгорелись* (сильно захотелось иметь что-либо), *с закрытыми глазами* (не думая об опасности) и др. (свыше 30 фразеологизмов).

Переводные словари тоже содержат фразеологизмы. Перевод их делается либо подбором соответствующего эквивалента из другого языка, либо – непосредственным переводом. См., например, русско-венгерский словарь: Хадрович, Гальди 1981 (см., как в нем переводятся те же самые фразеологизмы со словом *глаз*).

Фразеологизм как словосочетание

Отличие фразеологизма от свободного словосочетания. Описывая фразеологизм в связи со словосочетанием, И. Пете тоже в самом начале в разделе «Признаки фразеологизма» пишет о **различии** фразеологизма и словосочетания (с. 12–21), а именно: 1) свободные словосочетания – создаются в речи и не требуют запоминания, нужно только запоминать их «модели»; фразеологизм же воспроизводится в речи в «готовом» виде; 2) значением свободного словосочетания является, как пишет И. Пете, непосредственно «ситуация»; значение же фразеологизма – «образное представление о ситуации»; 3) слово в свободном словосочетании – члены предложения как по значению так и по форме; слово же во фразеологизме – только формально напоминают собой члены предложения; 4) любое слово в свободном словосочетании можно заменить другим словом; во фразеологизме же такая замена невозможна.

Есть еще одно важное отличие фразеологизма от свободного словосочетания, о котором И. Пете пишет в другом месте книги, но не как спе-

циально об отличии, а – характеризуя непосредственно фразеологическую единицу (с. 44–45).

В отличие от слов в свободном словосочетании, слова во фразеологизмах **тесно связаны** друг с другом по значению, настолько тесно, что – делают словосочетание устойчивым (фразеологическим). Однако эта степень слитности слов в разных фразеологизмах различна, что традиционно используется в качестве признака для классификации фразеологизмов. После В. В. Виноградова (Виноградов 1947) фразеологизмы с этой точки зрения подразделяются следующим образом: 1) фразеологические «сращения» (общее значение фразеологизма не выводится из значения входящих в него слов: *собаку съел*); 2) фразеологические «единства» (общее значение можно вывести из значения входящих во фразеологизм слов: *заткнуть на пояс*); 3) фразеологические «сочетания» (общее значение мотивируется значением входящих в него слов: *волчий аппетит*).

И. Пете принимает эту классификацию, воспроизводит ее и дополняет ее новыми видами фразеологических единиц (продолжая нумерацию, начатую В. В. Виноградовым): 4) устойчивое словосочетание (обозначает единое понятие: *одержать победу*); 5) фразеологизмы-близнецы (состоят из разных форм одного и того же слов: *из года в год*); 6) кинетические фразеологизмы (обозначают движение частей тела: *пожимать плечами*); 7) сравнительные фразеологизмы (содержат сравнение: *поет соловьем*); 8) пословицы (народная мудрость: *В гостях хорошо, а дома лучше*); 9) поговорки *(сделать из мухи слона)*; 10) крылатые слова (краткие цитаты: *Быть или не быть*); 11) эмоциональные фразеологизмы *(Знай наших!);* 12) модальные фразеологизмы *(Разрази тебя гром!);* 13) языковые штампы *(Живем, хлеб жуем)* (см. также: Pete 2003, с. 378).

Однако, как можно видеть, в предложенных И. Пете группах фразеологизмов уже не учитывается признак «степени связности» слов, на основе чего формулируются традиционные три вида фразеологизмов («сращение», «единство», «сочетание»). Более того, в группировке, предложенной И. Пете, как кажется, вообще нет единого классификационного признака. В одном случае И. Пете учитывает грамматическую особенность фразеологизмов («сравнение», «близнецы»), в другом – лексико-тематическую особенность («кинетические» фразеологизмы), в третьем – учитывается семантика фразеологизма («поучение», «эмоция» и т. д.), в четвертом – источник фразеологизма («пословицы», «крылатые слова», «цитаты»).

Тем не менее, собранный вместе этот разнородный материал, называемый И. Пете фразеологизмами, становится полезным для обсуждения вопроса о предмете фразеологии – фразеологической единице.

Все фразеологи сходятся на том, что фразеологическая единица (ФЕ), в отличие от свободного словосочетания, **устойчивое** словосочетание, воспроизводимое в готовом виде.

Но устойчивостью, воспроизводимостью обладают не только 1) собственно **словосочетания** *(съесть собаку)*, но и 2) цельные **высказывания** *(Все смешалось в доме Облонских)*, и даже 3) целые **тексты**, причем очень длинные, например роман Л. Н. Толстого «Война и мир» (несомненно устойчивое и воспроизводимое в «готовом виде» образование).

В том, что устойчивые словосочетания (пусть и не все), являются ФЕ, согласны все фразеологи. Что касается устойчивых фраз, то только часть фразеологов, более поздних поколений (решивших расширить себе предмет исследования) считает, что это – тоже ФЕ. Однако эти фразеологи, все же, не оказываются последовательными. Роман Толстого «Война и мир» они все-таки не считают ФЕ, несмотря на его устойчивость и воспроизводимость.

Пока же все фразеологи делятся на два враждующих лагеря. Одни из них берут ФЕ в «узком смысле» (ФЕ могут быть только устойчивые словосочетания, Татар 1992), а другие – в «широком смысле» (фразеологизмами являются также и устойчивыефразы). Сам И. Пете рассматривает ФЕ в «широком смысле». Он пишет: «…целесообразно отнести к фразеологизмам и устойчивые предложения, которые выражают не понятие, а суждение» (с. 44).

Для того, чтобы определить понятие ФЕ, одного только признака, – «устойчивости» («воспроизводимости») – недостаточно. Необходимо принимать во внимание и другой признак ФЕ – использование ФЕ, как слова, в качестве готовой единицы при построении высказывания, иначе говоря – признак «знаковости» ФЕ. Такому признаку отвечают, по-видимому, только устойчивые словосочетания, из которых, вместе со словами, по правилам грамматики и лексики, строятся высказывания.

Признаки «устойчивость» и «знаковость» находятся в следующем соотношении друг с другом. «Знаковость» указывает на значение фразеологизма: оно у него такое же, как и у обычного знака языка – слова (обозначает понятие). Признак «устойчивость» предполагает тесную связь слов внутри словосочетания, благодаря чему словосочетание и становится ФЕ – еще одним видом языкового знака, только – с формой не как у слова, а как у словосочетания. «Высказывание» же, даже если оно и устойчивое, все-таки, не становится знаком языка. Высказывание по своему значению, как замечает И. Пете, – это суждение, порождаемое из понятий – из знаков, имеющих форму 1) слов и 2) устойчивых словосочетаний (фразеологизмов).

Конечно, можно условиться при определении ФЕ использовать только один признак – «устойчивость», в результате – к ФЕ относить также и пословицы, крылатые выражения, короткие цитаты (можно в таком случае к ФЕ отнести и все написанное и сказанное, если все это устойчиво и неоднократно воспроизводится). Но в таком случае при определении ФЕ

учитывается только форма этой единицы. Но может ли единица считаться «единицей», если принимается во внимание только одна ее сторона (план выражения) и не принимается другая сторона (план содержания).

И. Пете правильно разъясняет позицию сторонников «узкого понимания» ФЕ: «…они считают, что фразеологизмы (как и слова) обозначают понятия и могут быть заменены словами…, например: *кот наплакал = мало*» (с. 44). Однако, являясь сторонником «широкого понимания» ФЕ, И. Пете настаивает на том, что ФЕ невозможно приравнять к слову.

Действительно, если считать, что *В гостях хорошо, а дома лучше* – это фразеологическая единица, то ее значение трудно приравнять к значению какого-либо слова. Но И. Пете считает, что и обычные фразеологизмы тоже невозможно сравнивать по значению с отдельным словом. Он пишет: «Значение фразеологизма *кот наплакал* не просто «мало», но «очень мало»» (с. 44).

Но в таком случае необходимо признать, что вообще в языке нет ничего одинакового по значению. Тем не менее, в синонимических словарях, несомненно отражающих языковой узус, слова приравниваются друг другу по значению; приравниваются по значению в этих словарях и фразеологизмы к словам, а также и друг к другу (с одновременным указанием на возможные оттенки в различии у них семантики и стилистики), например: *мало; на донышке; кот наплакал, с гулькин нос* (прост.).

Общий вывод заключается в том, что главное отличие фразеологизма от свободного словосочетания состоит в том, что фразеологизм приравнивается по значению одному слову (благодаря чему, собственно, фразеологизм и является устойчивым словосочетанием): *кот наплакал = мало*, в то время как свободное словосочетание приравнивается к двум и более словам *(мальчик поплакал = мальчик + поплакал)*, благодаря чему оно, собственно, и является свободным.

Сходство фразеологизма со свободным словосочетанием. Сходство фразеологизма и свободного словосочетания по форме состоит, как пишет И, Пете, в следующем.

1) И фразеологизм, и словосочетание имеют одни и те же **«модели»** сочетания слов, а именно: а) подчинительная связь: *клевать носом;* б) сочинительная связь: *ни жив ни мертв*; в) предикативная связь: *мир тесен*; г) сравнительный оборот: *красный как рак*; д) уступительный оборот: *хоть убей*.

2) У фразеологизма, как и у свободного словосочетания, – несколько **ударений,** столько, сколько слов во фразеологизме. Однако надо принимать во внимание, что фразеологи в этом случае ориентируются не на устную, а на письменную речь, – принимают за фразеологизмы и одноударные сочетания слов с предлогами: *до упаду, до дому* (с. 15).

3) В **грамматическом** отношении одно слово во фразеологизме оформляется как главное, а другое – как зависимое, – как в свободном словосочетании. Неслучайно грамматические классификация фразеологизмов – такие же, как и классификации свободных словосочетаний: «субстантивные словосочетания», «глагольные», «адъективные» и т. п. (с.16).

4) Что касается **лексической** сочетаемости слов внутри свободного и фразеологического сочетания, то о ней тоже можно говорить в обоих случаях одинаково: сочетаются слова, принадлежащие к определенным лексическим классам. Однако во фразеологических сочетаниях эти классы – с минимальным составом лексики, например: *гнуть, ломать* (с одной стороны) + *спину, горб, хребет* (с другой стороны). Фразеологи в таком случае говорят не о «лексической сочетаемости» слов внутри фразеологизмов, а о «лексическом варьировании» фразеологизмов. И действительно, это в большей степени отвечает «устойчивости» фразеологизма: фразеологизм не строится, а воспроизводится в готовом виде, – обнаруживая лексические варианты.

5) И. Пете отдельно, в других разделах книги, пишет еще о некоторых свойствах фразеологизмов, которые у них являются общими со свободными словосочетаниями. Например, как и в свободных словосочетаниях, во фразеологизмах употребляются **отрицательные частицы** – со значением а) общего отрицания (при сказуемом – *ни от мира сего*), б) частного отрицания (не при сказуемом – *не в своей тарелке*), в) усиленного отрицания (двойного: *ничего не поделаешь*) (с. 152–162). Далее, как и в свободном словосочетании, во фразеологизме употребляется **местоимение *себя***: *не помнить себя*. Можно, конечно, указать и на многие другие, такого же рода сходства в структуре фразеологизма и свободного словосочетания.

Фразеология в языкознании

Фразеология как раздел лексикологии. Таким образом, 1) в отличии от **слова,** у которого свое значение (предмет, признак и т. д.) и своя форма («словарная»), 2) в отличие от свободного **словосочетания**, у которого тоже свое составное значение (сочетание лексем: «предмет + признак» и др.) и своя составная форма (грамматически оформленное лексическое сочетание), – 3) **фразеологизм** имеет: значение – от слова (признак, предмет и т. д.), а форму – от свободного словосочетания (лексико-грамматическое сочетание).

Если учитывать только **значение** фразеологизма, которое у него – как у слова, то фразеологизмы надо описывать, как слова, как **лексику,** с использованием всех понятий и методов, которые применяются при описании лексики. Соответственно фразеология становится разделом лексико-

логии. Именно так фразеология сначала и описывалась. Но скорее всего не столько потому, что при определении фразеологизма учитывалось только его значение, сколько потому, что значение – главная, ведущая часть любого знака, в том числе и фразеологического знака.

Фразеология как раздел грамматики. Если в центре внимания держать **форму** фразеологизма, которая у него – как у словосочетания, тогда фразеологизмы надо описывать, как **сочетания слов,** с использованием понятий и методов, которые применяются в грамматике. Соответственно фразеология становится разделом грамматики (синтаксиса). Часто фразеологизмы так именно и описываются: «главное слово» во фразеологизме, «зависимое слово», «подчинение», «сочинение», «управление» и т. д. Однако делается это все же вне рамок синтаксиса, а отдельно, в разделе, помещаемом, например, после раздела «Лексикология».

Фразеология как самостоятельный раздел языкознания. Если же учитывать у фразеологизма **как значение, так и форму**, т. е. рассматривать его как полноценную единицу, тогда при описании фразеологизмов придется применять методы (понятия) как лексикологии (описывая значение фразеологизма), так и грамматики (описывая форму фразеологизма). В таком случае фразеология становится особым разделом в языкознании, располагающимся среди других разделов в следующем порядке: 1) лексикология, 2) грамматика, 3) фразеология.

В настоящее время так именно и описывается фразеология, в том числе и в учебных пособиях, – как самостоятельная дисциплина, располагаясь либо в разделе «Лексикология», либо сразу после раздела «Лексикология». При этом раздел «Лексикография» является общим для них и следует за разделом «Фразеология» (так как конкретные фразеологизмы описываются точно так же, как и лексика, – в словарях).

Из схемы И. Пете «Уровневая система языка», представленной на с. 122, трудно сделать вывод о статусе фразеологии. Из схемы видно, что фразеологическое сочетание занимает «промежуточное положение» между единицами синтаксиса и лексикологии, как и свободное словосочетание. Но «промежуточное положение» может означать и то, что единица в этом случае является «корреляцией» двух единиц (ср. психолингвистика, социолингвистика, лингвокультурология и т. д.). Но фразеологическая единица – это целостная, а не коррелятивная единица. В итоге, понятие фразеологической единицы по отношению к другим единицам языка в Книге И. Пете не проясняется, а вместе с этим – не вполне ясно и место фразеологии среди других разделов языкознания. Но книга И. Пете, тем не менее, дает богатый материал для размышления о том, что собой представляет фразеология и какое место она занимает среди других разделов в языкознании.

Историческая фразеология. Историческая фразеология – это 1) история фразеологизма **в целом**, 2) история **частей** фразеологизма – слов в их грамматических формах, 3) история **значений**, входящих во фразеологизм слов и словосочетаний. Традиционно эти три раздела исторической фразеологии иногда называются так: 1) «источники фразеологии», 2) «архаические элементы во фразеологизмах», 2) «страноведческий (культурологический) аспект фразеологизмов».

Обо всех этих трех разделах исторической фразеологии пишет и И. Пете, однако – в разных частях своей книги.

«Источники» русской фразеологии И. Пете систематизирует следующим образом (с. 76): 1) фразеологизмы исконно русские *(положить в долгий ящик)*; 2) фразеологизмы, заимствованные из разных языков а) путем перевода (например, с немецкого языка: *потерять голову*); б) без перевода (например, из латинского языка: *alma mater*).

В других местах своей книги И. Пете пишет более подробно об источниках русской фразеологии: 1) античная мифология: *яблоко раздора* (с. 83–39); 2) Библия: *Ноев ковчег* (с. 89–95); 3) другие источники: французский язык *(синий чулок),* испанский язык *(рыцарь на час)*, арабский язык *(тысяча и одна ночь)* и др. (с. 100–106).

Архаические элементы во фразеологизмах – это слова, непонятные для современников, получающие объяснение в исторической лексикологии *(бой-баба)*; это грамматические формы слов, отсутствующие в современном языке, получающие объяснение в исторической грамматике *(от мала до велика)*. На эти «ненормальные» части фразеологизмов обращают внимание даже «рядовые» говорящие, желающие прояснить себе, в чем тут дело. Разумеется, студенты, изучающие данный язык, тем белее, не могут проходить мимо этих фактов. В учебных пособиях по фразеологии раздел об «архаических элементах» фразеологизмах обязательно присутствует. Имеется он и в книге И. Пете (с. 9).

Страноведческий (культурологический) аспект фразеологизмов тоже сначала связывался с архаическими элементами фразеологизмов, а именно – с архаическими значениями слов *(аршин проглотил)*. Однако культурологическое (страноведческое) содержание выражается во всех фразеологизмах, в том числе и во фразеологизмах с совершенно ясными значениями слов, но – неясными в их сочетаемости друг с другом *(погиб как швед под Полтавой)*.

Со страноведческой точки зрения, И. Пете выделяет следующие тематические группы: 1) фразеологизмы с лексикой, называющей денежные единицы, старые меры веса и длины *(пуд соли съесть)*; 2) фразеологизмы с географическими названиями *(в Тулу со своим самоваром)*; 3) фразеологизмы, обозначающие быт и обычаи народа *(хлеб-соль)*.

Говоря о страноведческом содержании русской фразеологии, И. Пете в качестве примеров приводит в основном пословицы и поговорки (как отмечалось выше, И. Пете понимает фразеологическую единицу в «широком смысле»). Так, в связи с пословицей *Не красна изба углами, а красна пирогами* И. Пете пишет: «Русские – гостеприимные люди…Эту пословицу употребляют, когда хотят подчеркнуть, что главное – гостеприимство, приветливость хозяев, а не внешний вид дома или квартиры» (с. 8). Можно добавить, что эта положительная черта русских людей, сформировавшаяся на основе коллективизма еще в крестьянской общине и развившаяся при социализме, в настоящее время утрачивается. Сейчас главным становится – изба с «красными углами», но не для гостей, а для самих хозяев (которые уже почти не приглашают гостей).

Сопоставительная фразеология. Сопоставление фразеологизмов двух (и более языков) имеет важное теоретическое и практическое значение.

Теоретическая задача сопоставительной фразеологии (пишет И. Пете) состоит в том, чтобы, сравнивая фразеологизмы разных языков выявлять их «системное сходство и различие», наличие у них «универсальных» и «национально-специфических» свойств (с. 79) (см. также статью: Pete 2003).

Прежде, чем сопоставлять фразеологизмы с целью выявления у них сходства и различия, необходимо сформировать сами межъязыковые пары. Существует методика составления межъязыковых пар, о которой И. Пете не пишет. И. Пете сразу сопоставляет фразеологизмы внутри этих, уже «готовых» межъязыковых пар, констатируя применительно к русскому и немецкому языкам, следующие результаты (с. 79–82): 1) «абсолютно тождественные фразеологизмы во всех отношениях» (как по значению, так и по форме), например: *совать свой нос во все* – seine Nase in alles stecken; 2) «семантически тождественные фразеологизмы, которые характеризуются аналогичным или разным образом» (из приводимых примеров можно отметить: фразеологизмы в целом тождественны по значению, но имеют различия в оттенках своих значений, что вызывает определенные различие в их форме), например: *его жизнь висит на волоске* – sein Leben hängt nur an einem Faden; 3) фразеологизмы, «совпадающие по форме, но различающиеся по значению», например: *из кожи лезть* («стараться») – aus der Haut fahren («испугаться»).

Далее И. Пете пишет о разных видах формального различия фразеологизмов внутри межъязыковой пары при сходстве их в значении, конкретизируя тем самым 2-ой вид сопоставления, выдвигая эти подвиды на уровень видов: различие 4) в порядке слов 5) в грамматических формах, 6) в синтаксическом строении словосочетания.

Вообще говоря, с учетом значения и формы фразеологизмы, можно исчислить следующие виды их сопоставления (знак «+» означает тождество, знак «-» – различие):

	значение	форма
1.	+	+
2.	+	-
3.	-	+
4.	-	-

Первые три вида межъязыкового сопоставления фразеологизмов у И. Пете – нашли описание. О 4-ом виде И. Пете не упоминает. 4-ый вид сопоставления образуется тогда, когда не удается «подыскать» пару данному фразеологизму в другом языке и когда данный фразеологизм просто **переводится** на другой язык, по возможности таким образом, чтобы получился 1-ый вид сопоставления, когда фразеологизмы двух языков оказываются тождественными как по значению, так и по форме. Разумеется, по разным причинам такой перевод не всегда удается, и тогда при переводе реализуется 2-ой или 3-ий вид соответствия. Однако в любом случае перевод осуществим. И. Пете правильно пишет: «Факты опровергают миф о непереводимости и несопоставимости фразеологизмов» (с. 75).

Значение сопоставительной фразеологии состоит, в частности, в том, чтобы быть полигоном для проверки теорий в области сопоставительной фразеологии. Наиболее известной является практика составления переводных словарей, в которых, в словарных статьях, в связи с переводом слова приходится переводить и фразеологизмы, содержащие данное слово, реализуя один из 4-ых вышеназванных видов сопоставления фразеологизмов. См, например, перевод фразеологизмов в русско-венгерском словаре: Хадрович, Гальди 1981.

Существуют и специальные двуязычные фразеологические словари. И. Пете называет, например, немецко-русский переводной словарь: Бинович, Гришин 1975. В этих словарях теоретическая проблема сопоставительной фразеологии встает более принципиально. Надо сказать, что в решении своих задач практика перевода фразеологизмов с одного языка на другой продвинулась дальше, чем теория межъязыковых соответствий фразеологизмов: в настоящее время теория может обратиться к изучению этой практики, особенно к практике общих переводных словарей, к изучению их богатого материала.

Практическая фразеология. Книга И. Пете содержательна и интересна, прежде всего в практическом аспекте – как **учебное пособие** по фразеологии для студентов, изучающих русский язык как иностранный.

Помимо того, что «Фразеология» И. Пете – это «Иллюстрированная фразеология», что несомненно «подогревает интерес» студентов и способствует пониманию и усвоению ими фразеологизмов, – для книги характерен и следующий знаменательный факт. Употребление фразеологизмов показывается не в литературных цитатах, как обычно (сложных и длинных, содержащих часто поэтические метафоры и окказиональные обороты, – малопонятные для студентов), а в простых, коротких контекстах, составленных самим автором книги (на что автор несомненно, как владеющий данным языком, имеет право). Вот как, например, И. Пете показывает употребление фразеологизмов со словами *конь, конек:* «Не *садитесь на своего (любимого) конька,* нам некогда. Старый матрос опять *сел на своего (любимого) коня*. Когда он *оседлает своего конька*, другим остается только слушать». Контекст создается таким образом, что он уже сам по себе разъясняет значение фразеологизма, можно даже и не определять его специально («начать говорить, рассуждать на свою излюбленную тему»). Именно такая демонстрация употребления фразеологизмов в речи, в тексте, на наш взгляд, и необходима в учебнике. Это отвечает методическим требованиям учебного пособия, делая его материал простым и понятным.

Надо отметить и то, что фразеологизмов в книге И. Пете – очень много. Создается впечатление, что перед нами – целый **фразеологический словарь**, с расположением в нем фразеологизмов не по алфавиту, а по лингвистическим рубрикам. В каждом разделе книги, посвященном тому или другому свойству фразеологизма (форма фразеологизма, значение фразеологизма и т. д.) приводится большое количество примеров.

Известная книга Б. Татара «Фразеология современного русского языка» (Татар 1992), из-за большого количества в ней примеров в каждой ее лингвистической рубрике, тоже может быть названа фразеологическим словарем. Практическая польза от таких учебных книг состоит в том, что студентам при изучении теоретического материала не требуется постоянно обращаться за примерами (в целях их специального анализа) к фразеологическим словарям, которые не всегда у них могут оказаться под рукой. Можно сказать, что И. Пете, вместе с Б. Татаром, создал новый вид фразеологического словаря. Наряду с упорядочением фразеологизмов 1) по алфавиту и 2) по тематическому принципу («семья», «одежда», «еда, питание» и т. д.), их можно, оказывается, упорядочивать также и 3) по их лингвистическим свойствам («значение фразеологизма», «форма», «происхождение» и т. д.), – что очень важно для практики преподавания фразеологии.

Литература

Бинович Л. Э., Гришин Н. Н. Немецко-русский фразеологический словарь. М., 1975.

Виноградов В. В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. М., 1947.

Денисов П. Н., Морковкин В. В., ред. Учебный словарь сочетаемости слов. М., 1978.

Дубровин М. И., Клауди К. Русские фразеологизмы в картинках. Художник В. И. Гильман. Москва–Будапешт, 1990.

Жуков В. П., Сидоренко М. И., Шкляров В. Т. Словарь фразеологических синонимов русского языка. Под ред. Жукова В. П. М., 1987.

Лексическая основа русского языка. Комплексный учебный словарь. Под ред. В. В. Морковкина. М., 1984.

Молотков А. И. Ред. Фразеологический словарь русского языка. Изд. 4-ое. Москва, 1986.

Ожегов С. И. Словарь русского языка. Ред. Н. Ю. Шведова. 18-ое изд. М., 1987.

Татар Б. Фразеология современного русского языка. Будапешт, 1992.

Федосов В. А. Рец.: Пете И. Иллюстрированная фразеология русского языка. Изд. 3-е. Szeged, 2001. – В журнале: «Русский язык за рубежом», № 3, 2004. с. 78–80.

Хадрович Л., Гальди Л. Русско-венгерский словарь. Изд. 6-ое. Budapest, 1981.

Яранцев П. И. Словарь-справочник по русской фразеологии. М., 1985.

5.3. Русские анекдоты как фразеология русского языка (Э. Лендваи)

Русским анекдотам проф. Печского университета Эндре Лендваи посвятил две книги:

Lendvai Endre. Közelkép a verbális humorról: orosz–angol–magyar. [Взгляд на русский, английский и венгерский юмор]. Budapest, 1996.

Лендваи Э. Прагмалингвистический портрет русского анекдота. Pécs, 2006. 330 с.

Об анекдотах Э. Лендваи опубликовал и много статей, из которых выделим следующие:

Lendvai Endre. Семантическая основа русского анекдота. Lingua 808, 5. Русский. Будапешт: Экономический университет. 1991. с. 147–155.

Lendvai Endre. Системный анализ русского анекдота. – Textsemantik und Textstilistik. Berlin, 1999. pp. 251–266.

Лендваи Е. Вербальный юмор в иностранной аудитории. – Сб. Nyelvpolitika és nyelvoktatás. Szerk. Cs. Jónás. E. Nyíregyháza, 1999/ c/ 77–86.

Лендваи Е. Лексичская амбивалентность и вербальный юмор. – Slavica Quinqueecclesiensia. Ред. Э. Лендваи. Pécs, 2000. pp. 155–162.

Лендваи Э. Вербальный юмор в модели «кривого зеркала». – Сб. Русский язык и культура (изучение и преподавание). Москва, 2000. с. 298–299.

Lendvai Endre. Русский анекдот и фразеология русского языка. – Studia Russica XX. Budapest, 2003. pp. 245–252.

Лендваи Э. Жизнедеятельность русского анекдота. – Русский язык за рубежом. М., 2003. № 1. с. 38–44.

Lendvai Endre. Русский анекдот в аспекте спора. Slavica Szegediensia 5. Сб. научных статей. Ред. Й. Крекич. – Сегед, 2005. с. 121–129.

Сотношение анекдота и фразеологии. Э. Лендваи полагает, что к фразеологии можно отнести и анекдоты, которые так же, как и собственно фразеологизмы, как пословицы и поговорки (устойчивые фразы), при использовании в речи обладают теми же двумя принципиальными свойствами: устойчивость и варьирование.

Обычно варьирование фразеологизма проявляется в изменении его грамматической формы: *стоять на своем – стоял на своем – стой на своем*. Но у фразеологизма может варьировать и лексический состав, при условии, если говорящий, используя фразеологизм в речи, намеревается

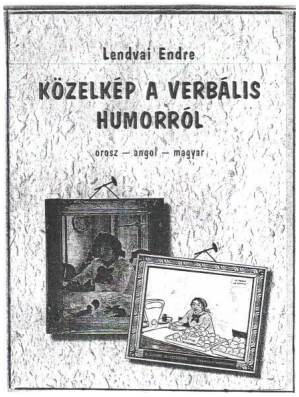
выразить определенный юмористический эффект: *стой на своем – стой на моем* (т. е. держись моего убеждения). Здесь имеет место лексическое варьирование: *на своем – на моем*, при устойчивости другого лексического элемента: *стой*.

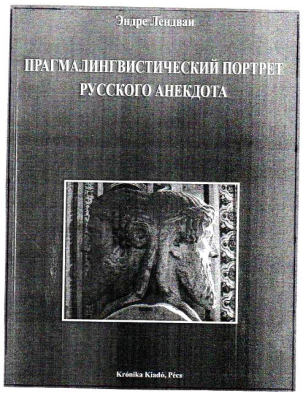
Обычно лексическое варьирование фразеологической единицы происходит в разговорной речи. Например, пословица *В тесноте, да не в обиде* иногда произносится: *В тесноте, да не обедал*. При устойчивости первой лексемы *в тесноте* варьирует вторая лексема: *не в обиде – не обедал.* Особенно часто подобное наблюдается в детской речи. Например, взрослый говорит: *Голова трещит*, а ребенок спрашивает: *А почему не слышно треска?* Здесь слово *голова* обеспечивает устойчивость фразеологической единицы, а слова *трещит – треск* представляют его варьирование.

Анекдоты (краткие юмористические произведения) обычно основываются на фразеологизмах – с использованием их лексического варьирования. Например (анекдот): «Что нужно сделать, чтобы повысить урожайность в СССР? – Надо прекратить *лить дерьмо* друг на друга, а вывозить его на поля». Здесь благодаря лексическому изменению: *друг на друга – на поля,* при неизменении *дерьмо* достигается юмористический эффект. Со своей стороны, из анекдота часто образуется фразеологизм. Например: некий Вася в анекдоте должен был угадать, в какой руке у его собеседника находится бутылка с водкой, спрятанная за спиной; Вася с первого раза не угадал, ему посоветовали подумать и попробовать угадать еще раз, что Вася и сделал. Таким способом и появился в русском языке фразеологизм: *Думай, Вася, думай!*

В этих переходах от фразеологизма к анекдоту и от анекдота к фразеологизму обнаруживается не просто тесная связь анекдота и фразеологизма, но и их общее свойство: 1) устойчивость и 2) варьирование, – свойство, объединяющее анекдот и фразеологизм в одну лингвистическую категорию под названием: «фразеологическая единица».

У Э. Лендваи есть статья «Русский анекдот и фразеология русского языка» (Lendvai 2003), откуда взяты вышеприведенные примеры. На первый взгляд, пишет Э. Лендваи в этой статье, между анекдотом и фразеологизмом мало общего: «…анекдот является продуктом общественного дискурса, фразеологизмы же представляют собой подсистему словарного фонда языка» (Lendvai 2003, с. 245). Но это, пишет Э. Лендваи, только на первый взгляд. Если же посмотреть поглубже, то можно увидеть сходство анекдота и фразеологизма: «Лишь пристальный взгляд остановится на устойчивости и воспроизводимости как на общих признаках анекдота и фразеологизма. Подобное сходство особо заметно при широком понимании фразеологии, включающей и афористику (пословицы, поговорки и крылатые выражения)» (там же, с. 245).

Проф. Эндре Лендваи
(Печский университет)

В литературе, посвященной фразеологии, отмечается и различие между собственно фразеологизмом *(стоять на своем)* и афоризмом *(В тесноте, да не в обиде)*. Фразеологизм – это словосочетание в контексте предложения, обладающее, как и слово, номинативной функцией; афоризм – это предложение в контексте другого предложения, имеющее коммуникативную функцию. Это различие разделило и фразеологов на два лагеря, из которых одни считают, что к фразеологии надо относить только фразеологизмы (словосочетания) – с их номинативной функцией (в венгерской русистике эту сторону представляет, например, Б. Татар), другие считают, что к фразеологии надо относить также и афористику (предложение) – с ее коммуникативной функцией (в венгерской русистике представителем этой фразеологии является, например, И. Пете).

Фразеология, с включением в ее состав и фразеологизмов, и афористики, в России оформилась уже в 60–80-ые годы (начиная с работ В. А. Архангельского, например: Архангельский 1964, см. затем: Козырева 1983). Сложилась и соответствующая терминология. «Фразеология» – это устойчивые, воспроизводимые в речи в готовом виде (с возможным варьированием) выражения, называемые «фразеологическими единицами». Фразеологическая единица в форме словосочетания (с номинативной функцией) называется «фразеологизмом». Фразеологическая единица в форме предложения (с коммуникативной функцией) называется «устойчивой фразой» (фраза – предложение). В качестве устойчивых фраз описываются пословицы и поговорки. Проф. Э. Лендваи, по-видимому, – первый лингвист, который специально отнес к фразеологии, к устойчивым фразам и анекдоты.

Русские анекдоты Э. Лендваи описал в двух своих вышеназванных монографиях: Lendvai 1996, Лендваи 2006. Главное в этих книгах у Э. Лендваи не доказательство того, что анекдоты – это фразеология, а описание анекдотов самих по себе, описание их содержания, формы, синхронии, диахронии и т. д. – описание анекдотов как устойчивых фраз.

Начало публикации русских анекдотов. В настоящее время в России анекдоты собираются и публикуются в массовом количестве. Не только анекдоты сегодняшнего «смутного времени», но и анекдоты недалекого советского прошлого. Собираются анекдоты на улице, в учреждениях – везде, ведь рассказываются они теперь в любых местах. Публикуются они тоже повсеместно – в центральных, областных и районных издательствах, в бесконечном количестве частных типографий, часто на газетной бумаге – чтобы удовлетворить массовый спрос, обеспечить самое «массовое чтиво», а заодно, в духе нашего времени, сделать на этом бизнес. Издаются даже газеты, которые печатают специально только анекдоты. Анекдоты помогают людям посмеяться над жизнью, над самим собой – и скрасить свое «выживание» в этой жизни.

Надо полагать, что в недалеком будущем публиковать анекдоты начнут и академические издательства, а вслед за этим начнется и широкое научное изучение современного русского анекдота – в историческом, культурологическом и других аспектах. В лингвистическом аспекте анекдот представляет собой минимум языковых средств и языкового смысла, который обеспечивает создание информации (содержания) юмористического характера. Анекдот – самый благоприятный материал для изучения структуры юмора. На наш взгляд, лишь после обстоятельного исследования анекдота создадутся условия для серьезного изучения юмористического содержания больших словесных произведений (романов, повестей, рассказов).

Начало изучения русских анекдотов. Можно сказать, что лингвистическое изучение современного русского анекдота уже началось. Мы имеем в виду книгу, появившуюся в Венгрии (не в России) на венгерском языке (а не на русском), см. первую из вышеназванных книг Э. Лендваи (Lendvai 1996).

Хотя в заголовке книги говорится о юморе вообще, речь в ней идет только об одном юмористическом жанре – анекдоте. Хотя в заголовке называются три языка, в книге в основном исследуется русский язык. Автор книги – проф. Эндре Лендваи, специалист по русскому языку и сравнительному изучению русской и венгерской культур. На этот раз автор предлагает читателю (всем, кто читает на венгерском языке) свой «близкий взгляд» (közelkép) еще на одну культуроведческую проблему – на юмористическую структуру русского анекдота.

Языковая сторона анекдота. Смешное в жизни передается различными средствами – с помощью жестов, телодвижений, рисунков и др. Но самые совершенные средства выражения (и создания) смешного – это **вербальные средства.** Поскольку имеется в виду язык, постольку надо полагать, что характер выражения смешного в языке должен зависеть от структурных особенностей, от лексического состава, от грамматической структуры языка. Сравнение языков, например русского, венгерского и английского, с этой точки зрения должен представлять большой интерес. Однако смешное появляется (выражается, создается, существует) не только благодаря языковой форме, но главным образом, благодаря своему содержанию, каковым является общественная, частная, культурная, хозяйственная и другая жизнь народа. В этом отношении сравнение категории смешного у представителей разных языков, например у русских и венгров, тоже заслуживает внимания. В книге Э. Лендваи эта проблема (вербальный юмор) рассматривается как 1) со стороны языковой формы, так и 2) со стороны содержания, – что делает книгу полноценной монографией. О монографическом характере книги свидетельствует и наличие в ней главы, посвященной «истории вопроса», под названием «Очерк истории теории юмора» (1-ая глава).

Трудно сказать, какой из этих языков, русский, венгерский или английский, в большей мере «предрасположен» к выражению (и созданию) смешного. Надо полагать, что каждый из этих языков, вследствие своего развитого характера, сложности, большого количества выполняемых общественных функций, представляет собой совершенное и гибкое средство для выражения (и создания) смешного. На материале трех языков, но прежде всего на материале русского языка, Э. Лендваи показывает, как «работают» различные отделы языковой структуры при выражении (и создании) смешного. Так, в главе под названием «Языковые уровни вербального юмора» характеризуется «работа» фонетических, словообразовательных, лексических, семантических, морфологических и синтаксических языковых средств, а в главе под названием «Лингвистические аспекты юмористического текста» описывается синтактика, семантика, прагматика, стилистика, психолингвистические и социолингвистические аспекты юмора. Как можно видеть (по перечисленным вопросам), **языковая форма** выражения юмористического содержания получает в книге всестороннее освещение.

Содержательная сторона анекдотов. Что касается **содержания** категории смешного, то, как нам представляется, российская (и советская) действительность поставляет для смешного ничуть не меньше материала, чем венгерская и американская действительность. Такой вид юмористического жанра, как анекдот, в особенности политический анекдот, в советском обществе выполнял особую функцию: он был средством выражения

неофициальной точки зрения на происходившие в стране события. Только в анекдоте можно было выразить неофициальный взгляд на вещи. Советская действительность постоянно заставляла совершенствовать искусство анекдота, развивать его выразительные возможности. Анекдот рассказывался не в салонах, а на кухнях, в «курилках», в присутствии одного-двух слушателей самого близкого круга знакомых. Это обуславливало особый отбор языковых средств, совершенствовало их в определенном стилистическом направлении.

Русский анекдот всегда имел «серьезные намерения». Он рассказывался не столько, чтобы посмеяться, насладиться «словесной игрой», развлечься, расслабиться и т. д., сколько для того чтобы указать на отрицательные стороны общественной жизни, заслуживающие критики, выразить взгляд, противоположный официальному. Слушатель – смеялся, но это был «смех сквозь слезы», после которого приходилось глубоко задумываться. В большинстве случаев русский анекдот – это даже не юмор, который, как известно, понимается как «беззлобная шутка» («смех ради смеха»), а сатира – обличающая, уничтожающая, не оставляющая от того, что высмеивается, ничего положительного, что бы это ни было (социализм, капитализм и т. д.) и кто бы это ни был (Ленин, Сталин, Брежнев, Ельцин и др.). Э. Лендваи, рассматривая в книге эту сторону русского анекдота, отмечает, что такая особенность не характерна для венгерского анекдота.

Содержание категории смешного, организацию этого содержания в тексте анекдота Э. Лендваи рассматривает только на русском материале. Этому вопросу посвящены в книге две «русские» главы: в одной из них излагается становление и развитие содержания русского политического анекдота, начиная с 1917 года; в другой – дается характеристика содержания анекдота с точки зрения его тематического состава. Материал этих двух «русских» глав, насыщенных богатым фактическим материалом, заслуживает специального разбора. Ограничимся лишь перечислением разделов этих глав. В главе «Диахроническая система русской культуры юмора» имеются разделы: «Ленин и первые годы советской власти», «Диктатура Сталина», «Хрущев», «Брежнев», «Андропов и Черненко», «Горбачев и перестройка», «Ельцин». Глава «Синхроническая система русской культуры юмора» содержит разделы: «Вожди и народ», «Народное хозяйство», «Человек – высшая ценность», «Красная армия», «Молодое поколение», «Брак», «Секс», «Водка и закуска», «Мировая система», «Лагерь мира», «Равные и более равные» («Русские о евреях», «Евреи о евреях», «Грузины», «Армяне», «Армянское радио», «Чукчи», «Украинцы»), «Легендарные герои» («Поручик Ржевский», «Чапаев», «Штирлиц»), «Герои из сказок, былин и художественной литературы».

В каждой из этих тем выделяются подтемы (в соответствии с конкретными анекдотами) и выявляются два взгляда на действительность: официальный взгляд и народный (как он выражается в анекдотах). Так, на тему, официально называемую «Человек – высшая ценность», а в народе – «Человек ничего не стоит», выделяются следующие семантические оппозиции: 1) товары: «товары для народного потребления» (официальный лозунг) – «нет самых необходимых товаров» (неофициальная точка зрения, см. анекдот: *Склероз по-советскм: то ли я вернулся из магазина, то ли туда еще не ходил);* 2) медицинское обслуживание: «о здоровье человека заботится государство» (официальный лозунг) – «в больнице умрешь, а не вылечишься» (убеждение народа, см. анекдот: *Врачи: будем лечить или пусть живет?*). В итоге официальная идеология, составляющая «пресуппозицию» анекдота, формулируется следующим образом: «Человек – высшая ценность», «Товары для народного потребления», «О здоровье человека заботится государство», – в то время как неофициальная точка зрения, выражающаяся в анекдотах, формулируется следующим образом: «Человек ничего не стоит», «Нет самых необходимых товаров», «В больнице умрешь, а не вылечишься». Таков метод анализа содержания анекдота, используемый Э. Лендваи.

Возможность перевода анекдота. Сравнение категории смешного в разных языках и у разных народов, например у русских и венгров, предполагает перевод с одного языка на другой. При переводе приходится учитывать не только своеобразие языковой формы, но и особенность содержания смешного. Перевод анекдота – особенно трудная задача. Приходится принимать во внимание не только то, что непосредственно присутствует в тексте анекдота, но и многое из того, что находится вне данного текста, что составляет «пресуппозицию» анекдота. Более того – необходимо рассматривать анекдот в широком контексте культуры данного народа.

Вопросы перевода анекдота с оного языка на другой, в частности перевода анекдота с русского языка на венгерский язык, в книге посвящена специальная глава под названием: «Вербальный юмор и перевод». В ней рассматриваются вопросы стратегии и тактики перевода анекдота. Автор дает рекомендации о том, как переводить «непереводимое» в анекдотах, появляющееся в результате «словесной игры», несоответствия между языками в области лексического значения, в области культур; предлагается при переводе искать аналогии в языковой форме и культурном содержании анекдота; практиковать переводы-дефиниции; комбинировать разные методы перевода и т. д. Свой анализ Э. Лендваи иллюстрирует материалом конкретных анекдотов, знакомство с которыми само по себе интересно и увлекательно.

Итак, рассмотренная книга Lendvai 1996 означает, что лингвистическое изучение современного русского анекдота (и советского анекдота) – началось. Книга Э. Лендваи – обстоятельная работа на эту тему. Несомненно, что она будет вовлечена в использование, когда исследование русского анекдота станет активным. Об отношении анекдота к фразеологии, об общих признаках анекдота и фразеологизма в книге говорится мало.

Прагмалинвистический портрет русского анекдота. Так называется вторая книга Э. Лендваи, написанная на русском языке, посвященная русскому анекдоту: Лендваи 2006.

Исследование «Прагмалингвистический портрет русского анекдота» (Лендваи 2006) представляет собой диссертационное исследование, которое автор успешно защитил в Москве в Институте русского языка им. Пушкина:

У книги, в связи с этим, много рецензентов – как в России, где защищалась диссертация (В. П. Белянин, В. М. Лейник, Н. И. Формановская и др.), так и в Венгрии, где работа создавалась, готовилась, затем публиковалась (Я. Банчеровский, К. Клауди, Л. Ясаи и др.). Автор несомненно вступал в дискуссии со своими рецензентами, учитывал их оценки – и совершенствовал свою работу. В итоге опубликованная книга представляется собой хорошо апробированную монографию, научные положения которой вызывают к себе полное доверие.

Научные положения в монографии распределяются по 5-ти главам (имеется еще и большое Введение). В 1-ой главе «Русский анекдот в свете комического» излагается история изучения комического (с античных времен до конца XX века). В этой же главе обсуждается и самое важное для данной монографии понятие – прагматика, на основе которого в последующих главах производится анализ анекдотов. Во 2-ой главе «Генезис и динамика русского анекдота» русские анекдоты рассматриваются в различных аспектах прагматики. В 3-ей главе «Языковые уровни прагматических механизмов» речь идет о языковых выразителях прагматики в анекдотах (фонетических, грамматических, лексических и др.). Наконец, в 5-ой главе «Русский анекдот в межкультурной коммуникации» русские анекдоты соотносятся с венгерскими в плане перевода и заимствования. В прилагаемой к книге «Литературе» обращает на себя внимание список источников – сборников анекдотов, опубликованных в 90-ые годы. Именно на этом материале автор производил в книге свой непосредственный анализ.

Ниже специально остановимся на следующих вопросах: 1) принцип анализа анекдотов, 2) диахроническая и 2) синхроническая систематизация анекдотов, 4) авторство анекдотов, 5) русские и венгерские анекдоты в их соотношении.

Прагмалингвистический принцип анализа анекдотов. Свой принцип анализа русских анекдотов Э. Лендваи называет прагмалингвистическим. Прагматику Э. Лендваи определяет следующим образом: «Под прагмалингвистикой мы понимаем сочетание лингвистики и прагматики, в центре которого стоит речевой акт. Прагматика (отношение говорящего к собеседнику, предмету и слову) отражается в значении словарных единиц…» (Лендваи 2006, с. 55).

Прагматика – одно из главных понятий современной лингвистики. В этой лингвистике очень многое не определено. Поэтому автор книги, выбравший в качестве основы для анализа анекдотов прагмалингвистику, оказался в очень трудном положении. Ему надо было уточнять многие понятия, посвятив этому большое Введение, всю 1-ую главу и многие разделы остальных глав. Этим уточнением автор вынужден заниматься в связи с анализом почти каждого отдельного анекдота. И надо признать, что, в конце концов, Э. Лендваи выработал такие понятия, которые оказалось возможным применить при анализе анекдотов. И надо согласиться с автором, который заявляет: «В нашей работе впервые предпринято прагмалингвистическое описание системы РА» (русских анекдотов) (Лендваи 2006, с. 19).

Каждый анекдот в книге анализируется следующим образом: 1) к какому речевому жанру относится анекдот (монолог, диалог и др.); 2) о какой ситуации рассказывается в анекдоте (покупка товаров и т. д.); 3) что является мишенью критики в анекдоте (тоталитаризм и т. д.); 4) какая логика применяется (аргументация и т. д.); 5) какая лексическая семантика используется (синонимия, полисемия и т. д.); 6) какие понятия противопоставляются друг другу (моральное – аморальное и т. д.) (см. с. 202).

Вот, например, как анализируется следующий анекдот: «Врач дает больному две таблетки: *Одну примите вечером, вторую утром…если проснетесь.* Данный анекдот относится к речевому жанру – монологу; ситуация общения в нем – совет врача; мишенью критики является – медицина (плохая); используется логика – интерпретация (ложная); применяется семантика – импликация; противопоставляются понятия: лечение – отравление. Записывается этот анализ в книге справа от анекдота столбцом: удобно прочитать анекдот и его анализ.

Нельзя сказать, что все понятия, в которых производится анализ анекдота, являются очень точными. Одни из этих понятий выработаны еще в традиционной лингвистике – и они являются точными (монолог, омонимия и т. д.), другие – это слова из повседневного языка (лечение, отравление и т. д.), список которых неограничен, – эти понятия не вполне точные. Тем не менее, с помощью всех этих понятий, оказывается, можно анализировать, воспринимать анекдоты (анекдот → понятия), хотя созда-

вать анекдоты, начиная с этих понятий (понятие → анекдот), все-таки трудно.

Диахроническая систематизация анекдотов. Э. Лендваи систематизирует русские анекдоты по двум аспектам: 1) диахронический и 2) синхронический. В этой диахронно-синхронической системе анекдотов (утверждает Э. Лендваи) «отражается жизнь и менталитет русского языкового общества…Отражение действительности носит мозаичный характер… Русский анекдот не претендует на безупречность картины. Его миссия – рисовать словесную карикатуру» (Лендваи 2006, с. 199).

О диахронической систематизации анекдотов Э. Лендваи пишет: «Диахронический разрез отражает краткий курс истории XX века в анекдотах. В общих чертах он повторят историческую периодизацию. В центре диахронии анекдотосистемы стоят политические руководители страны…» (там же, с. 126).

Первая группа анекдотов в диахронической классификации у Э. Лендваи посвящена старой, дореволюционной России. История этого периода выглядит следующим образом: «невежество», «грубость», «хамство», «гомосексуализм», «сексуальные маньяки» (это мишени, сформулированные Э. Лендваи при анализе анекдотов о поручике Ржевском).

Второй период в истории России Э. Лендваи называет: «На заре новой эры». Излагается эта история, в частности, в анекдотах о Ленине и Чапаеве. Если судить по результатам анализа этих анекдотов, проведенном Э. Лендваи, то эта история характеризуется следующим образом: «революция», «идеология», «большевизм», «беспощадность вождей» (мишени в анекдотах о Ленине), «алкоголизм», «невежество», «неграмотность», «пошлость» (мишени в анекдотах о Чапаеве).

Следующий период в истории России – довоенные и послевоенные годы (20–50-ые годы). Э. Лендваи сравнивает текст из учебника по истории и текст, составленный из анекдотов. В последнем тексте выражаются следующие понятия: «диктатура», «коварство», «беспощадность», «угроза» (мишени этих анекдотов).

Период «Великая Отечественная война» в истории России отсутствует у Э. Лендваи. Э. Лендваи объясняет это так: «Во время Великой Отечественной войны фольклорный сказитель практически молчал. Не только потому, что была война, соединявшая руководителей и руководимых, а анекдотическому субдискурсу было не о чем говорить» (с. 213). Э. Лендваи ошибается, во время войны анекдотов рассказывалось больше, чем до войны и после войны. Это помогало преодолевать тяжелое время. См. картину Ю. Непринцева «Отдых после боя», на которой – один солдат рассказывает анекдот, а другие – смеются, см. поэму А. Твардовского «Василий Теркин». Более того, во время войны появился новый жанр русского фольклора – устный народный рассказ о людях, их мучениях и по-

двиге, о пришельцах в зверином облике (эти рассказы использовались в произведениях советских писателей, см. рассказ «Судьба человека» М. Шолохова). Политических анекдотов во время войны действительно не было. Советская идеология объединяла людей в борьбе с фашистской идеологией. В соответствии с советской моралью (общее выше личного), люди в массе своей жертвовали своей личной жизнью во имя Родины. Создателям и рассказчикам антисоветских анекдотов в это время оставалось только молчать.

Следующий период в истории России – 60-ые годы.. Э. Лендваи характеризует его, как «расцвет РА, причина которого кроется в смягчении запретов и укреплении критического начала…» (с. 216). В жестокой третьей мировой (холодной) войне капитализм стал побеждать социализм. В это время увеличилось число интеллигенции, критикующей социализм, расхваливающей капитализм на Западе. История России этого периода, по материалам анализа анекдотов Э. Лендваи, сосредоточивается вокруг следующих понятий: «партия», «генсек», «идеология», «нет свободы».

«Перестройка» (80-ые годы) – время, когда социализм сдвинулся в сторону капитализма, а коллективистская мораль – в сторону частнособственнической морали. Э. Ледваи делает интересное замечание: «…можно сказать, что цели перестройки и РА совпали. Несмотря на это, безымянный сказитель нашел повод продолжать свое саркастическое повествование» (с. 220). Мы полагаем, что в это время наряду со старым сказителем (автором антисоветских анекдотов) уже появился новый сказитель (автор будущих антикапиталистических анекдотов). Им становится, скорее всего, уже не интеллигенция, а народ, идеология которого близка советской идеологии. Во время перестройки главной мишенью и у старых, и у новых сказителей был (по результатам анализа Э. Лендваи) «генсек Горбачев». Но у старых сказителей были, по нашему мнению, свои дополнительные мишени: «недостатки перестройки», «дезинформация», а у новых – «антиалкогольная компания», «слишком умная жена».

Наконец, последняя группа анекдотов в диахронической классификации – это анекдоты о 90-ых годах, когда капитализм победил социализм. Э. Лендваи пишет: «Девяностые годы в России проходят под знаком демократизации» (с. 221). Демократизация (демократы, приватизация) – это с точки зрения интеллигентных сказителей. А с точки зрения народных сказителей – это «дерьмократизация», «дерьмократы», «дерьмокрады», «прихватизация» и др. (термины из анекдотов). Объектом новых политических анекдотов становится русский капиталист – «новый русский». Э. Лендваи пишет о нем (по материалам своего анализа): «Мишенью выступает внешность и интеллектуальный, моральный облик нового русского: малиновый пиджак, меркантильность, зажиточность, преступность, вещизм, взяточничество, невежество» (с. 226). В 90-ые годы анекдотов, в

целом, стало меньше. Но по мнению Э. Лендваи, «ренессанс РА все же ожидается» (с. 221).

Синхроническая систематизация анекдотов. Здесь Э. Лендваи выделяет следующие темы: «Политика», «Экономика», «Быт», «Армия», «Здравоохранение», «Культура», «Русские и нерусские», «Семья», «Мужчина и женщина», «Водка и закуска». Больше всего – анекдотов политических. Кстати, охарактеризованные выше в диахроническом аспекте анекдоты – тоже политические анекдоты. Об отличии обычных анекдотов от политических Э. Лендваи пишет: «В противоположность сугубо политическим анекдотам, где идет ожесточенный спор с аргументацией противника, бытовые анекдоты в более мягкой тональности рассказывают о буднях населения» (с. 231).

В процессе анализа анекдотов на тему «Экономика» Э. Лендваи в качестве мишени выделяет, в частности, «сельское хозяйство». В анекдотах на тему «Быт» мишенью является, в частности, «дефицит продуктов» В анекдотах на тему «Армия» в центре внимания находится в основном балагурство, острословие. То же самое – и в анекдотах на тему «Здравоохранение». В школьных анекдотах мишенью является отношение «учитель-ученик». В анекдотах на тему «Водка и закуска» критикуется алкоголизм, но критика эта (замечает Э. Лендваи) снисходительная.

Авторство анекдотов. В связи с классификацией анекдотов по темам встает вопрос об авторстве анекдотов. Анекдот – это фольклор, а значит, назвать отдельного, конкретного автора анекдота невозможно. Но нельзя утверждать, как это делается в отношении других видов фольклора, что анекдоты создает весь народ. Рассказывает анекдоты, конечно, весь народ, но создает их та часть населения, которая работает, живет в данной сфере жизни, которая при классификации подходит под одну тему. Так, несомненно, что армейские анекдоты создают сами военные, так как в этих анекдотах присутствует знание военного дела. Неслучайно (замечает Э. Лендваи) большинство женщин затрудняется в восприятии армейских анекдотов. Несомненно также, что школьные анекдоты создают учителя (даже не ученики), так как и в этих анекдотах присутствует специальная информация. То же надо сказать и об анекдотах на тему «Здравоохранение»: их создают врачи (даже не пациенты). Явно, что анекдоты на темы «Водка и закуска» (алкоголизм) и «Мужчины и женщины» (сексуальные анекдоты) создают мужчины, а не женщины. Напротив, «магазинные» анекдоты («Быт»), а также, отчасти, и семейные анекдоты придумывают женщины.

Что касается политических анекдотов, то их создает интеллигенция, та именно, которая была недовольна Советской властью и которая быстро поддалась во время холодной войны буржуазной пропаганде. Существует даже точка зрения, что только интеллигенция (и только недовольная Со-

ветской властью) и является автором всех анекдотов. Занятая всегда письменным творчеством, интеллигенция занялась вдруг и не свойственным ей делом – созданием и передачей устных рассказов, т. е. фольклором. В результате и возник интеллигентский фольклор. Э. Лендваи присоединяется к этой точке зрения, но добавляет: «Добавим, что понятие интеллигенции в данном случае мы понимаем расширительно…» (с. 65).

Вообще говоря, упомянутые выше врачи, учителя, офицеры, мужчины и женщины тоже называются интеллигенцией. Представляется, однако, что в связи с авторством анекдотов будет точнее говорить именно о врачах, учителях, мужчинах и женщинах (о народе), а не об интеллигенции, которая, вообще говоря, народом не является (это прослойка между народом и господствующим классом, обслуживающая этот последний). Кстати, в другом месте своей книги Э. Лендваи замечает: «Мы полагаем, что автором анекдотического фольклора является народ в узком…смысле» (с. 139). «Узкий смысл» означает: не весь народ, а «критически настроенные носители русского языка, с аналитическим и критическим умом и развитым языковым сознанием. Они же выступают и в качестве пересказчиков РА…» (с. 65). Что касается политических анекдотов, то их авторами придется все-таки признать интеллигенцию, но – тоже в «узком смысле», именно ту интеллигенцию, которая «критически настроена». И рассказчиком политических анекдотов тоже является прежде всего эта интеллигенция («либеральная» интеллигенция).

Русские и венгерские анекдоты. Русские и венгерские анекдоты находятся друг с другом в соотношении 1) перевода и 2) заимствования. Оба эти процесса Э. Лендваи квалифицирует, как «межкультурную коммуникацию». Э. Лендваи пишет: «Переводческую деятельность можно трактовать как форму культурно-языковых контактов. С другой стороны, заимствование можно рассматривать как неосознанную форму перевода» (с. 276). Данное обобщение (перевод – это заимствование, а заимствование – это перевод) заслуживают внимания и научной разработки.

Относительно перевода анекдотов с одного языка на другой (так же как и относительно перевода пословиц и поговорок) существуют две точки зрения. Одна точка зрения состоит в том, что анекдот всегда можно перевести, другая точка зрения – его нельзя перевести. Э. Лендваи дифференцирует эту проблему. Его стратегия состоит в том, что перевести анекдоты – можно, но переводы получатся разные. Тактика перевода определяется у него тем. что в анекдотах главное – смех, поэтому и в переводе должен сохраниться смех. Э. Лендваи подробно описывает технику перевода (в целом, она такая же, что и при переводе пословиц и поговорок): 1) перевод с помощью эквивалента (если, например, в анекдоте есть фразеологизмы, общие для двух языков); 2) перевод с помощью аналога переводчик конструирует «нечто аналогичное»); 3) перевод с помощью

дефиниции – описания, толкования и т. д. (в таком переводе многое в комическом может теряться).

Заимствование анекдотов (пишет Э. Лендваи) происходит в результате «контактов двух анекдотических систем», которые обусловливаются «контактами двух культур», двух народов (Лендваи 2006, с. 277). Перед этим Э. Лендваи доказывает, что венгерские и русские анекдоты (если их рассматривать в системе предложенных понятий) имеют одинаковое строение, тем более, если относятся к одной теме.

Э. Лендваи описывает, как происходило заимствование русских политических анекдотов венгерским языком. Он пишет: «Известно, что во время социалистической эры Венгрии (1948–1989 гг.) между Советским Союзом и Венгрией были тесные военные, политические, экономические, и научно-культурные отношения, в рамках которых значительный контингент венгров (студенты, аспиранты, стажеры, дипломаты, журналисты и т. д.) проводили длительное время в русскоязычной среде…Благодаря посредничеству венгров-билингвов в Венгрии распространялись советские политические анекдоты» (там же, с. 280). Э. Лендваи замечает, что старшее поколение в Венгрии до сих пор помнит эти анекдоты и употребляет их (журналисты старшего поколения иногда используют советские политические анекдоты в своих статьях).

Но далее автор добавляет: «…заимствование анекдотов в обратном направлении, из венгерской анекдотосистемы в русскую, по существу, не имело места» (с. 280). Объяснить это можно тем, что венгерская тематика (например, события 1956 года) в русских анекдотах всегда проходила по русской тематике и выражалась в специфически русских средствах.

В заключение надо сказать, что Э. Лендваи счастливо сочетает в себе знания двух языков, знания двух анекдотосистем, – опубликовал на эту тему содержательные работы. В настоящей книге (Лендваи 2006) он еще раз обстоятельно анализирует эту проблему. Настоящая монография замечательна тем, что по вопросу анекдота она содержит, кажется, весь относящийся сюда материал. Кто бы теперь ни изучал русские анекдоты, он уже не может пройти мимо этой книги. Он будет ее читать и изучать. К сожалению, вопрос о связи анекдота и фразеологии (анекдот как фразеологизм) в этой книге обсуждается мало. Речь идет только о содержании и форме анекдотов.

Литература

Архангельский В. Л. Устойчивые фразы в современном руссом языке. основы теории устойчивых фраз и проблемы общей фразеологии. Ростов, 1964.

Бореев Ю. Краткий курс истории XX века в анекдотах… Москва, 1995.

Козырева Л. Ф. Устойчивые фразы и контекст. М., Изд. МГУ. 1983.

Пете И. Иллюстрированная фразеология. 3-е изд. Szeged, 2001. 206 с.

Посвеженный Е. Сост. Анекдоты. Воронеж, 1993.

Федосов В. А. Рец.: Lendvai Endre. Közelkép a verbális humorról: orosz–angol–magyar. [Взгляд на русский, английский и венгерский вербальный юмор] Budapest, 1996. – Studia Russica, XVI. Budapest, 1997. с. 373–376.

Cs. Jónás Erzsébet, Fedoszov Viktor. Рец.: Прагмалингвистический портрет русского анекдота. Pécs, 2006. – Modern Nyelvoktatás XIV. Évfoyam, 3. szám. Budapest, 2008. pp. 76–81.

5.4. Русская фразеология в зеркале венгерской фразеологии (З. Дьёрке)

В 2003 году в Дебреценском университете д-р Золтан Дьёрке защитил диссертацию на тему «Сопоставительное исследование русских и венгерских соматических фразеологизмов» (Györke 2003).

Györke Zoltán. Az orosz és a magyar szomatikus frazeologizmusok egybevető vizsgálata. [Русские и венгерские соматические фразеологизмы в сопоставительном исследовании]. PhD értekezés tézisei. Debrecen, 2003.

Назовем основные статьи З. Дьёрке по русской и венгерской фразеологии:

Дьёрке З. Некоторые особенности перевода русской фразеологии на венгерский язык. – A Juhász Gyula Tanárképző Főiskola Tudományos Közleményei. Szeged, 1977. pp. 77–86.

Дьёрке З. Сходства и различия в семантике и культурном компоненте русских и венгерских пословиц и поговорок. – Tanulmányok a nyelvészet, az irodalom és esztétika köréből. Szeged, 1983. pp. 9–15.

Дьёрке З. Отражение фразеологической полисемии и омонимии в русско-венгерских фразеологических словарях. Nemzetközi Szlavisztikai Napok 4. Szombathely, 1991. pp. 391–395

Дьёрке З. Сопоставительный анализ структуры и семантики фразеологизированных синтаксических конструкций русского и венгерских языков. – Сборник статей по русистике. Вып. 2, Сегед, 1999. с. 49–57.

Györke Zoltán. Способы деривации слов на базе фразеологизмов в современных русском и венгерском языках. – Studia Russica, VII. Budapest, 1985. pp. 85–121.

Györke Zoltán. Проблемы межъязыковой фразеологической эквивалентности (калькирование русских ФЕ при переводе на венгерский язык). – Nyelv, aspektus, irodalom köszöntő könyv Krékits József 70. születésnapjára. Szerk. Györke Zoltán. Szeged, 2000. pp. 123–135.

Györke Zoltán. Явление энантиосемии в сфере русско-венгрской фразеологии. Studia Russica, XXV. Budapest, 2002-a. pp. 41–52.

Györke Zoltán. Явление антонимии в сфере русско-венгерской фразеологии. Slavica Szegediensia. Szeged, 2003-a. pp. 77–93.

Соматические фразеологизмы, называющие части человеческого тела (*протянуть ноги, опустить голову* и др.), составляют самую большую

часть фразеологии в любом языке. Именно на этом материале З. Дьёрке и рассматривал в своей диссертации проблемы русской фразеологии, ориентированной на венгерскую фразеологию.

Чтобы сопоставить эти две фразеологии, каждая из них предварительно должна быть обстоятельно описана. З. Дьёрке отмечает недостаточное описание как русской, так и венгерской фразеологии, что ухудшает позицию (заключает З. Дьёрке) для их успешного сопоставления. Между тем, описывать фразеологию (утверждает З. Дьёрке) – надо. С фразеологией тесно связано много практических вопросов: перевод фразеологизмов с одного языка на другой, составление фразеологических словарей двух языков, преподавание фразеологии одного языка в аудитории с другим языком т. д. (Györke 2003, с. 20).

В отличие от работ Б. Татара (Татар 1992) и И. Пете (Pete 2003), содержанием которых является прежде всего русская фразеология, З. Дьёрке в своих работах представил русскую фразеологию вместе с венгерской фразеологией – чтобы в процессе их сопоставительного изучения выявить свойства той и другой фразеологии (в их сходстве и различии).

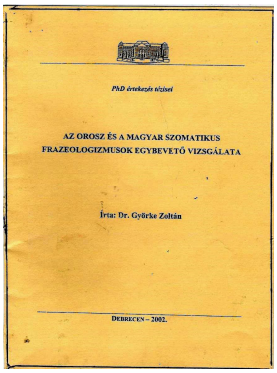
Фразеологизм: слово и словосочетание. З. Дьёрке пишет, что у фразеологизма с одной стороны находится слово, а с другой – словосочетание. Сам фразеологизм соединяет в себе свойства этих двух единиц. Как слово – фразеологизм имеет значение, может быть многозначным, образовывать с другими фразеологизмами (и словами) синонимические, антонимические, омонимические и др. отношения. Как словосочетание – фразеологизм имеет морфологическую форму (структурную схему) – является грамматически подчинительным, сочинительным или предикативным сочетанием слов (Györke 2003, с. 14–17).

В какой мере каждое из этих свойств (слово и словосочетание) обусловливает фразеологизм ее устойчив.

Фразеологизм как словосочетание: морфологическая схема. Если бы словосочетание в лингвистике описывалось как сочетание лексем, относящихся к определенным лексическим классам, – описывалось бы как лексическое словосочетание, тогда в таком словосочетании можно было бы обнаружить то, что делает фразеологизм устойчивым лексическим образованием: в обычном словосочетании лексемы относятся к определенным (большим) лексическим классам, во фразеологизме эти классы сводятся к единственным лексемам. Но пока в лингвистике словосочетание как лексическое сочетание не описывается; пока словосочетание описывается как грамматическое (морфологическое) образование: какая морфологическая маркировка сопутствует лексемам, участвующим в сочетании друг с другом. Эта морфологическая характеристика словосочетания, к сожалению, ничего не сообщает о фразеологизме как об устойчивой единице.

З. Дьёрке на двух страницах своего автореферата умещает все морфологические схемы, под которые подходят рассматриваемые им фразеологизмы, например: 1) V + N $_{косв}$ (*пачкать руки*, ср. свободные словосочетания той же схемы: *пачкать нос, взять книгу*), 2) V + Prep. + N $_{косв}$ (*стоять на ногах*, ср. *стоять на полу, сидеть в кресле*), 3) и т. д. Грамматически свободные словосочетания разделяются на подчинительные и сочинительные, соответственно и фразеологические сочетания являются такими же – подчинительными (см. выше); сочинительными: *ни* + N + *ни* + N (*ни рыба ни мясо,* ср. *ни книга, ни тетрадь*) Бывают фразеологические словосочетания, похожие по форме на предложение (предикативное словосочетание): N $_{nom}$ + V $_{личн}$ (*глаза бегают*, ср. *дети бегают, ученики пишут*) и т. д.

Рядом с грамматической формой русских фразеологизмов З. Дьёрке приводит форму венгерских фразеологизмов, которая, конечно, отличается от русской формы, хотя в качестве примеров и берутся эквивалентные фразеологизмы (или дается калькированный перевод). В венгерской конструкции обычно другой порядок слов, чем в русской конструкции, русские предлоги – это венгерские послелоги, в венгерской конструкции употребляется артикль, которого нет в русской конструкции и т. д. Дело в том, что грамматическая конструкция, взятая в ее морфологической маркировке, не выражает существа фразеологизма, который должен быть устойчивым, воспроизводимым. Если бы конструкцию, повторяем, брать в ее лексической сочетаемости, тогда бы она характеризовала фразеологизм, в том числе и как устойчивое образование. Но чтобы описать фразеологические сочетания как лексические сочетания, надо располагать описанием всей лексической сочетаемости в данном языке (как соединение определенных лексических классов), – чем пока лингвистика не занимается. З. Дьёрке, перечислив морфологические схемы русских и венгерских фразеологизмов, обращается к изучению фразеологизмов как аналогу слова. Именно от слова, от лексемы идет то, что фразеологическое сочетание является устойчивым сочетанием. Слово обозначает понятие отдельно, фразеологическое сочетание обозначает тоже отдельное понятие. Большинство статей З. Дьёрке посвящено именно значению фразеологизма.

Д-р Золтан Дьёрке
(Сегедсий университет)

Фразеологизм как слово: полисемия. Так же, как и слово, фразеологизм может иметь несколько значений – быть многозначным. Например (пишет З. Дьёрке) фразеологизм *скор на руку* имеет два значения: 1) быстрый на физическую расправу, 2) проворный в работе. Так же, как и слово, фразеологизм, наряду с полисемией, имеет и омонимию, например: фразеологизм *с руками и ногами*, имеет два значения, которые совершенно не связаны с друг с другом – и составляют поэтому омонимию: 1) полностью, целиком, 2) охотно, с большим удовольствием. Э. Дьёрке специально рассматривает полисемию и омонимию в статье (Дьёрке 1991), основываясь на материале двух русско-венгерских фразеологических словарей: Keszthelyi 1961, Лавер – Зикань 1985.

В практике составления не только двуязычных, но и одноязычных фразеологических словарей полисемия и омонимия обязательно разграничиваются. Однако эта задача очень трудная. Спасает положение то, что полисемантичных и тем более омонимичных фразеологизмов, по сравнению с остальной массой однозначных фразеологизмов, не очень много. З. Дьёрке объясняет это «сложностью структуры и семантики ФЕ, редкими случаями повторной метафоризации» (Дьёрке 1991, с. 351). У слова семантическая структура проще, метафоризация, создающая новое значение, происходит чаще.

В названных двух русско-венгерских словарях З. Дьёрке находит много случаев несовпадения в квалификации фразеологизмов с точки зрения различения в них многозначности и омонимии. Каждое из отдельных значений фразеологизма можно перевести на венгерский язык, но в венгерском зыке у соответствующих фразеологизмов часто оказывается совершенно другой количественный и качественный состав значений. Все это делает составление переводных русско-венгерских фразеологических

словарей сложной задачей. З. Дьёрке полагает, что в принципе эта задача вполне разрешима, а то, что пока она решается плохо, объясняет тем, что «лексикографическая разработка многозначных и омонимичных ФЕ требует дальнейшего, более тщательного исследования» (Дьёрке 1991, с. 395).

Добавим, что дело осложняется еще тем, что значения у многозначного фразеологизма могут вступать друг с другом в дополнительные соотношения. Одним из таких соотношений между значениями фразеологизма является антонимия значений.

Фразеологизм как слово: энантиосемия. З. Дьёрке приводит целый список фразеологизмов-антонимов, например: *милое дело* – 1) одобрение, 2) возмущение. Такие антонимы в системе значений одного и того же фразеологизма в лингвистической литературе принято называть энантиосемией. З. Дьёрке тоже употребляет этот термин, посвящая таким фразеологизмам специальную статью (Györke 2002).

В отличие от собственно антонимии, которая образуется между значениями разных фразеологизмов, антонимия между значениями одного и того же фразеологизма (энантиосемия) – нечеткая, «размазанная», «относительная». З. Дьёрке пишет: «Энантиосемическая оппозиция, в отличие от собственно антонимии, не означает диаметральной противоположности двух значений» (Györke 2002, с. 45). Тем не менее, на эту антонимию (энантиосемию) лингвисты обращают внимание, полагая ее «интересным» явлением. Но если энантиосемии в лексике посвящена большая литература как в России (Ю. Д. Апресян, Н. М. Шанский, М. И. Фомина и др.), так и в Венгрии (И. Пете, Й. Крекич, Э. Лендваи), то энантиосемия во фразеологии имеет незначительную литературу. Об энантиосемии во фразеологии писал Б. Татар, в том числе в своей известной монографии (Татар 1992, с. 165–167). Писал о ней Э. Лендваи в своей книге «Лексическая семантика русского языка» (Лендваи 1998, с. 134).

З. Дьёрке, описывая энантиосемию в своей статье, обращает внимание на следующие ее особенности.

Чтобы появилась энантиосемия, пишет З. Дьёрке, в семантике фразеологизма должно быть, разумеется, не менее двух значений. Причина появления антонимии у двух значений фразеологизма коренится в истории языка. З. Дьёрке пишет: «…Главной причиной возникновения энантиосемических отношений между значениями является пейорация – когда в процессе речи на внутрисемном уровне ФЕ, в результате различных отрицательных ассоциаций, происходит перегруппировка сем, смена положительного оценочного компонента в семантике ФЕ на другой, прямо противоположный (отрицательный) …» (Györke 2002, с. 45–46). Конечно, при рассмотрении фразеологии в синхроническом аспекте о диахронии можно было бы и не говорить. Но, тем не менее, о причине появления антонимов в семантике фразеологизма писали все, кто касался этой темы. З. Дьёрке,

как видим, тоже пишет. Как подсчитал З. Дьёрке, количество фразеологизмов с антонимией своих значений очень небольшое – примерно столько же, сколько фразеологизмов с омонимией. Впрочем, и с полисемией (откуда формируется антонимия и омонимия) фразеологизмов не очень много – около 17 % от всех фразеологизмов (Györke 2002, с. 46).

Чем отличается русская фразеология от венгерской в отношении энантиосемии – З. Дьёрке специально не обсуждает. Он берет русские фразеологизмы из русского фразеологического словаря находит у них противоположные значения и переводит эти значения на венгерский язык: каждое из этих значений – посредством нескольких переводов. Образуется система венгерских фразеологизмов, состоящая из двух противопоставленных друг другу частей, находящаяся в определенном соотношении с соответствующей русской фразеологической системой.

Фразеологизм как слово: антонимия. В отдельной статье З. Дьёрке описывает фразеологическую антонимию, образующуюся между разными фразеологизмами (Györke 2003-a). Здесь многое получается проще. Описывается эта фразеологическая антонимия так же, как описывается антонимия в лексике. З. Дьерке называет достаточно большую русскую и венгерскую литературу о лексической и фразеологической антонимии в русском и венгерском языках. Своей непосредственной задачей З. Дьёрке видит: «…наметить основные структурно-семантические классы русских соматических фразеологических антонимов и их венгерских эквивалентов и рассмотреть возможности межъязыкового сопоставительного изучения фразеологических антонимов русского и венгерского языков» (Györke 2003-a, с. 77)

Фразеологические антонимы З. Дьёрке делит на 1) структурные и 2) семантические. Что касается структурных видов фразеологических антонимов (грамматических), то их в литературе оказывается много. З. Дьёрке считает возможным свести это количество к трем видам: 1) одноструктурные фразеологизмы (одинаковой грамматической структуры): *с легким сердцем – с тяжелым сердцем;* 2) привативные фразеологические антонимы (с отрицанием): *не по душе – по душе*; 3) разноструктурные фразеологические антонимы: *до черта – с гулькин нос.* З. Дьёрке сравнивает грамматические (морфологические) структуры русских и венгерских фразеологических антонимов и утверждает об их различии: «В основе этих расхождений лежат генетические причины: русский язык… флективный, венгерский язык… агглютинативный» (Györke 2003-a: 79). Однако если фразеологизмы в двух языках эквивалентны (или если перевод делается методом калькирования: Györke 2000), то обнаруживается и сходство в грамматических структурах фразеологических антонимов двух языков. Так, вышеперечисленные структурные типы З. Дьёрке считает общими для двух языков.

Семантические виды русских антонимов З. Дьёрке формирует по образцу лексических антонимов (см. Ю. Н. Караулов, Э. Лендваи и др.): 1) векторные фразеологические антонимы (противоположная направленность действия, признака): *исчезать с горизонта – появляться на горизонте;* 2) комплиментарные фразеологические антонимы (значения дополняют друг друга): *бить прямо в цель – бить мимо цели*; 3) контрарные фразеологические антонимы (качественное противопоставление значений): *на вес золота – медного гроша не стоит*.

Классифицируются фразеологические антонимы и с учетом стилистики (с учетом стилистических помет): 1) одностилевые антонимы: *с легким сердцем – с тяжелым сердцем* (оба фразеологизма нейтрального стиля); 2) разностилевые антонимы: *распустить язык* (неодобр.) – *держать язык за зубами* (разг.).

З. Дьёрке описывает в статье и такое сложное явление, когда антонимические противопоставления образуются между двумя синонимическими рядами фразеологизмов (ср. с одной стороны «молчать»: *упорно молчать, нем как рыба, обойти молчанием* и др., а с другой стороны «болтать»: *говорить не умолкая, язык без костей, разинуть рот, распустить язык* и др.), когда каждый отдельный фразеологизм одного синонимического ряда образует антонимию с каждым отдельным фразеологизмом другого синонимического ряда, например: *упорно молчать – говорить не умолка; нем как рыба – язык без костей; молчать как могила – разинут рот; обойти молчанием – распустить язык* и т. д. Фразеологизм *упорно молчать* из синонимического ряда «молчать» образует антонимию не только с фразеологизмом *говорить не умолкая* из синонимического ряда «болтать» (см. выше), но и с фразеологизмом *язык без костей*, см. также: *упорно молчать – разинуть рот, упорно молчать – распустить язык* и т. д.

Подобные сложные семантические структуры в русском языке имеют соответствия в венгерском языке. Эти межъязыковые соответствия З. Дьерке считает необходимым изучать и описывать, так как это «имеет не только общелингвистическое теоретическое значение…, но может быть применено в двуязычной фразеологии, в теории и практике перевода и преподавании иностранных языков» (Györke 2003, с. 87). Отметим, что проблема сопоставительного анализа синонимических, антонимических и многозначных семантических связей в сфере фразеологии русского и венгерского языков З. Дьерке поставил по сути дела впервые.

Пословица как фразеологизм. В отличие от Б. Татара (Татар 1992), З. Дьёрке, как Э. Лендваи (Лендваи 1998) и И. Пете (Пете 2001), полагает, что пословицы и поговорки – это тоже фразеологические единицы, – и посвящает пословицам и поговоркам одну из своих статей (Дьёрке 1983).

Первая задача (перед тем, как сравнивать русские и венгерские пословицы и поговорки по семантике), состоит в том, чтобы перевести рус-

ские пословицы на венгерский язык. В этом отношении у З. Дьёрке был прецедент – два сборника русских пословиц с переводом на венгерский язык: Rákos 1955, Keszthelyi 1961. Но эти сборники З. Дьёрке оценивает невысоко: «В обоих сборниках пословицы и поговорки переводятся на венгерский язык описательно, при помощи свободных словосочетаний, несмотря на то, что они в венгерском языке имеют свои эквиваленты или аналоги» (Дьёрке 1983, с. 10). И кроме того (пишет З. Дьёрке): «В целом в двух сборниках около 15–20 % русских пословиц и поговорок переведены на венгерский язык не совсем точно» (Дьёрке 1983, с. 10).

З. Дьёрке ставит своей задачей «создание «национально ориентированного на венгерский язык лингвострановедческого словаря русских фразеологизмов, в том числе и словаря русских пословиц, поговорок и крылатых выражений» (Дьёрке 1983, с. 9). А для того, чтобы этот словарь получился «ориентированным» на венгерский язык, русские фразеологические единицы надо переводить (утверждает З. Дьёрке) путем подбора в венгерском языке соответствующих эквивалентов.

З. Дьёрке пишет, что для того, чтобы получился национально ориентированный лингвострановедческий русско-венгерский словарь пословиц и поговорок, надо исходить прежде всего из надежного материала. Таким материалом для З. Дьёрке являются два словаря: Фелицина – Прохоров 1979 (в котором русский материал заранее представлен в лингвострановедческом аспекте) и известный объемистый словарь венгерских пословиц и поговорок: Nagy 1966. З. Дьёрке пишет, что надо начинать с первого словаря (брать из него пословицы) и искать соответствующие венгерские пословицы-эквиваленты во втором словаре.

З. Дьёрке утверждает, что пословицы лингвострановедческого характера – это пословицы следующего содержания: 1) пословицы «исторического» характера *(Москва не сразу строилась)*; 2) пословицы, в которых отразился «быт и обычай» народа *(Мал перец, да силен);* 3) пословицы с «именами собственными» *(В Тулу со своим самоваром)*; 4) пословицы, имеющие в обоих языках одну и ту же «соотнесенность с объективной действительностью» *(Молчание – золото)*.

Пословицы первых трех видов, пишет З. Дьерке, переводить очень трудно. Если даже и удается найти в другом языке эквивалент, то он часто не бывает точным, например: 1) Nem egy nap épült Buda vára «Не один день строилась крепость Буда», 2) Kicsi a bors, de erős «Мал перец, но сильный»; 3) A Dunába hord vizet «В Дунай воду носить». Пословицы 4-ого вида (с одинаковой у языков «соотнесенностью с объективной действительностью») переводятся проще – с использованием прежде всего эквивалентов. К этому виду относятся и «интернациональные» пословицы, которые бытуют не только в русском и венгерском языках, но и во всех европейских языках. З. Дьёрке об этих пословицах пишет: «Интернацио-

нальные пословицы и поговорки в венгерском языке, как правило, имеют полные или частичные структурно-семантические эквиваленты» (Дьёрке 1983, с. 14), например: Hallgatni arany «Молчание – золото».

З. Дьёрке пишет о процентном соотношении русских и венгерских пословиц лингвострановедческого характера: «…около 18% пословиц и поговорок имеют полные или частичные структурно-семантические эквиваленты; 57% пословиц и поговорок обладают аналогами в венгерском языке… Из числа остальных русских паремий 5 % имеют свои соответствия в виде калек и 19% в виде переменных словосочетаний» (Дьёрке 1983, с. 14). Если учесть, что русский и венгерский языки далеки друг от друга в лингвистическом плане, то 75% эквивалентности и аналогичности между русскими и венгерскими пословицами дает очень высокий уровень «ориентированности» русских пословиц на венгерские пословицы, – и русско-венгерский лингвострановедческий словарь пословиц вполне может получиться высокого качества.

В заключение надо сказать, что в венгерской русистике З. Дьёрке не только отнес пословицы и поговорки к фразеологии (как и И. Пете, Э. Лендваи), но и был первым обстоятельным их исследователем в этом их качестве.

А вообще, З. Дьёрке мог бы опубликовать целую монографию о русских и венгерских фразеологизмах в их сопоставлении друг с другом, по крайней мере – собрать в эту монографию из уже опубликованных своих статей, систематизировав их по содержанию, но, к сожалению, он это не сделал.

Литература.

Лавер Б. И., Зикань И. В. Русско-украинско-венгерский фразеологический словарь. Киев Ужгород, 1985.

Лендваи Э. Лексическая семантика русского языка. Budapest, 1998.

Пете И. Иллюстрированная фразеология русского языка. Изд. 3-е. Сегед, 2001.

Татар Б. Фразеология современного русского языка. Будапешт, 1992.

Фелицина В. П., Прохоров Ю. Е. Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения. Лингвострановедческий словарь. Москва, 1979.

Hajzer Lajos. Orosz frazeológiai fordulatok magyarra fordításának nehezebb esetei. [Трудности в переводе русских фразеологических оборотов на венгерский язык] – Pécsi Tanárképző Főiskola Tudományos Közleményei. Pécs, 1967.

Keszthelyi Ernő. Russzicizmusok. 500 orosz szólás és kifejezés. [Русизмы. 500 русских пословиц и выражений]. Budapest, 1961.

O. Nagy Gábor. Magyar szólások és közmondások. [Венгерские пословицы и поговорки] Budapest, 1966.

Rákos Ferenc. Nemzedékről nemzedékre. Ezer orosz közmondás és szólásmondás. [От поколения к поколению. Тысяча русских пословиц и поговорок]. Budapest, 1955.

Глава 6
Лексикология русского языка

6.1. Состав русской лексикологии (И. Пете)

Лексикология – это наука о лексике и фразеологии. Главное у лексики и фразеологии – это значение. Поэтому самый разработанный раздел лексикологии – это лексическая семантика (семасиология). Так именно полагает И. Пете в своей книге (Пете 1989). Наряду с семантикой И. Пете описывает и формы слова (ономасиологию). Все слова вместе (и фразеологизмы) описываются в словарях. Как это надо делать – учит лексикография (см. Татар 1985). В своей книге И. Пете перечисляет и характеризует разделы лексикологии.

6.2. Историческая лексикология русского языка (А. Золтан)

Проф. Будапештского университета Андраш Золтан – едва ли не единственный в венгерской русистке исследователь истории русского языка. А. Золтан описывает историю русской лексики XIV–XVII вв., которая по происхождению является украинской и белорусской. Вследствие того, что эти языки – родственные русскому языку, то доказать любые заимствования из этих языков в русский язык очень трудно. Поэтому историки русского языка в России почти всегда в этом случае возводили русскую лексику к праславянскому словарному фонду. А. Золтан на основе анализа большого количества письменных документов того времени доказал происхождение этих слов в русском языке из украинского и белорусского языков. Западная Русь в то время входила в Польско-Литовское государство и заимствовала слова из польского, латинского и других западноевропейских языков. Московская Русь общалась с Западной Европой с использованием западнорусского языка, откуда многие слова сначала переходили в русский деловой (дипломатический) язык, а затем и в общерусский язык.

6.3. Русская лексика со значением цвета (К. Гадани)

Примером описания лексической семантики может быть исследование К. Гадани (Гадани 2000, 2007), в котором описывается русская лексика со значением цвета (в сравнении с лексикой других славянских языков). Описывается лексика в трех аспектах: номинация, сочетаемость, прагматика. Сложными оказываются проблемы: многозначность лексики со значением цвета, соотношение значения и названия, семантический язык для описания семантики и др.

6.4. Русская лексикография (Б. Татар)

Книга Б. Татара о русских одноязычных филологических словарях (Татар 1985) является выдающейся работой не только в Венгрии, но и в России: в ней он сделал наиболее полное описание 79 словарей, распределенных им по 28 типам: толковые словари, словари языка писателя, фразеологические словари и др. Словари одного типа описываются в сопоставлении их словарных статей, что позволяет сравнивать словари «внутри» одного и того же типа. К книге прилагается библиография всех русских словарей, а также список литературы (русской и венгерской) по русской лексикографии.

6.1. Состав русской лексикологии (И. Пете)

Вопрос о составе лексикологии излагается в книге И. (Пете 1989), которая издавалась несколько раз:

Пете И. Лексикология русского языка (для венгерских студентов-русистов). Будапешт, 1989.

Состав лексикологии в книге И. Пете следующий: 1) семасиология, 2) ономасиология, 3) учение о словарном составе, 4) словообразование, 5) этимология и история слов, 6) ономастика, 7) терминоведение, 8) фразеология, 9) лексикография.

И. Пете написал также и несколько статей по лексикологии и семантике слова русского языка, в частности:

Пете И. Случаи лексикализации в русском языке. – «Русский язык в школе», 1958, 3. с. 2–6.

Пете И. Омонимия в кругу глаголов движения – «Русский язык в школе», 1966, 3. с. 100–107.

Пете И. Семантические типы и способы выражения состояния в русском языке в сопоставлении с венгерским. – Dissertationes Slavicae XIII. Szeged, 1978. pp. 87–112.

Pete István. О противоположных значениях одного и того же слова в русском языке. – Dissertationes Slavicae 11. Szeged, 1964. pp. 18–26.

Pete István. Антонимические пары в русском языке. – Dissertationes Slavicae V. Szeged, 1967. pp. 35–42.

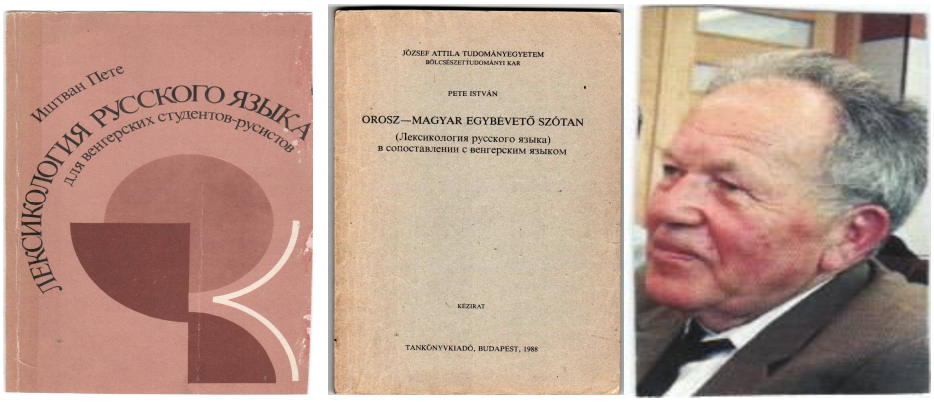
Семасиология и ономасиология. Предметом лексикологии, пишет И. Пете, является **слово,** рассматриваемое в различных аспектах, каждый

из которых составляет раздел лексикологии. В зависимости от степени научной разработанности, каждый из этих разделов оформляется в отдельную дисциплину, входящую в лексикологию, иногда и выделяющуюся из нее, оставаясь, однако, лексикологическим разделом.

Прежде всего у слова есть два аспекта: форма (имя) и значение (предмет, понятие). Значение описывается в разделе лексикологии, который называется **семасиологией** (лексической семантикой); а форма описывается в **ономасиологии**. При описании значения (утверждает И. Пете) предполагается, что – есть форма, а при описании формы предполагается значение. Эти две дисциплины – самые главные разделы в «Лексикологии» И. Пете: сначала (как требует традиция) И. Пете излагает семасиологию, а затем – ономасиологию.

Ономастика – раздел ономасиологии, который специализируется на изучении собственных имен – вторично называющих предметы. Предмет однажды уже назван, например: *город,* его надо назвать еще раз для выделения из однородных предметов, например: *Волгоград*. Ономастика тоже присутствует в «Лексикологии» И. Пете, но не внутри ономасиологии, а отдельно. Очевидно, повлияло на такое решение вопроса то, что ономастика – подробно разработанная в лексикологии дисциплина.

Семантизация и номинация. При овладении словом, например, при изучении иностранного языка, слово развертывается в двух возможных направлениях: 1) от формы к значению; 2) от значения к форме. Первое направление в методике преподавания иностранного языка называется **семантизацией слова,** например: ученики прочитали слово *книга,* но не знают его значения; учитель взял со своего стола книгу и показал ее ученикам – осуществил таким способом семантизацию слова. Второе направление в развертывании слова называется **номинацией предмета,** например: учитель поднял вверх книгу и спросил у учеников, как это называется – ученики отвечают (если знают): *книга.*

Проф. Иштван Пете
(Сегедский университет)

В аналогичных двух направлениях развертывается слово и при его употреблении в речи: 1) при слушании (при восприятии) слова: от формы – к значению, 2) при говорении (при порождении) слова – от значения к форме. Все эти динамические процессы в традиционной лексикологии специально не описываются, так как традиционная лексикология – лингвистика статическая. Она применяет статические методы описания. В традиционной лингвистике отсутствует такое понятие, как субъект речи, который приводит слово-объект в движение. И. Пете тоже описывает слово традиционно – на основе статической лингвистики. Динамические подходы к языку-объекту пока применяют только преподаватели иностранных языков (иначе не научить учеников употреблению языка), – разработавшие, как известно, и соответствующий – коммуникативный – метод.

Симметрия и асимметрия слова. После отдельного, независимого описания сторон слова (другая сторона подразумевается) в лексикологии описываются сразу обе стороны: форма и значение вместе – на основе сопоставления слов с учетом их тождества и различия по форме и значению.

Обычное соотношение слов образует симметрию: одной форме соответствует одно значение, а многим формам соответствует много значений. Но есть и асимметрическое соотношение между словами: нескольким формам соответствует одно значение (синонимия слов, антонимия), а одной форме соответствует несколько значений: (полисемия слов, омонимия). Все эти соотношения между словами (симметрия и асимметрия знака) традиционно описываются в семасиологии: каждое из этих соотношений составляет раздел в семасиологии (синонимия, полисемия и др.). Так же отдельно представлены все эти отделы и в книге И. Пете. Правда,

омонимия оторвана от полисемии выведена из семасиологии в ономасиологию.

Поскольку все виды неоднозначного соответствия между формой и значением (асимметрия знака) касаются как формы, так и значения слова, то все эти соответствия можно описывать не только в семасиологии (1-ый вариант – традиционный), но и в ономасиологии (2-ой вариант). Кроме того, эти соотношения между формой и значением можно распределять между обеими дисциплинами – получив еще два варианта в описании асимметрии в слове: 3) семасиология описывает соотношение: одно значение – несколько форм (синонимия, антонимия), а ономасиология описывает соотношение: одна форма – несколько значений (полисемия, омонимия): 4) семасиология изучает соотношение: одна форма – несколько значений (полисемия, омонимия), а ономасиология: одно значение – несколько форм (синонимия, антонимия). И. Пете, следуя традиции, описывает асимметрию словесного знака по 1-ому варианту – в семасиологии, правда, проявив некоторую непоследовательность, – выведя омонимию из семасиологии в ономасиологию. Если бы И. Пете вместе с омонимией описал в ономасиологии также и полисемию, оставив синонимию и антонимию в семасиологии, – то получился бы последовательный 3-ий вариант.

Внутренняя и внешняя лексикология. Все перечисленные выше аспекты описания слова составляют внутреннюю лексикологию: слова рассматриваются с точки зрения их внутреннего строения (соотношение между формой и значением внутри слова). Остальные аспекты описания слова – это внешняя лексикология: слово берется в целом и характеризуется с точки зрения каких-либо внешних признаков, например: происхождение слова, частота его употребления, сфера его употребления в обществе и т. д. Обычно в таком случае рассматривается не одно слово, а множество слов, которое отображается в множество внешних признаков, – получается **классификация слов** с точки зрения их происхождения, частоты употребления, различных стилистических сфер употребления, с точки зрения другого языка (сопоставительная лексикология) и т. д. Таких точек зрения может быть очень много. При этом одну точку зрения можно расчленять на несколько точек зрения; можно одну точку зрения включать в другую и т. д. В итоге в разных курсах лексикологии получаются и разные классификации лексики.

В книге у И. Пете имеют место следующие разделы внешней лингвистики: 1) происхождение слов (этот раздел у него называется «Этимология и история слов»); 2) активный и пассивный состав слов (раздел у И. Пете «Учение о словарном составе»); 3) сферы употребления слов (диалектные, разговорные, профессиональные, жаргонные слова) – этот раздел у И. Пете является подразделом раздела «Учение о словарном составе»;

4) стилистическая дифференциация слов – еще один подраздел раздела «Учение о словарном составе слов». Таким образом, некоторые классификации лексики, представленные в других книгах по лексикологии независимо, в книге И. Пете подведены под один общий раздел «Учение о словарном составе». Полагаем, что это не противоречит логике, а образовавшаяся таким образом иерархия в классификации, возможно, даже выигрывает в дидактическом плане. Правда, «Терминология» (лексика, употребляющаяся в профессиональной сфере) выведена в книге И. Пете из раздела «Учение в словарном составе» и представлена самостоятельным разделом – на одном уровне с разделом «Учение о словарном составе». Наверное, повлияло то, что терминология, употребляясь в профессиональной сфере, обладает определенной спецификой. Но специфика имеется и у диалектной лексики, и у жаргонной и др. Все эти лексические сферы должны бы находиться на одном уровне в классификации лексики.

Лексикография. Лексикография занимает промежуточное положение между внутренней и внешней лексикологией. Предметом описания в словарях являются слова с их внутренней структурой, описываемой от формы к значению (алфавитные словари) или от значения к форме (тематические, семантические словари). Однако описываемые слова фиксируются в определенной точке времени или пространства, например: словарь русского языка XVIII века, словарь современного русского языка, словарь литературного языка, словарь писателя, диалектный словарь и т. д. Однако большей своей частью словарь все равно принадлежит внутренней лексикологии, поэтому, если не объявлять лексикографию промежуточной дисциплиной, ее надо считать разделом внутренней лексикологии, – как это и сделано в книге И. Пете. Впрочем, и другие авторы вузовских учебников тоже так поступают – включают лексикографию в лексикологию. Добавим, что большим достижением венгерской лексикографии является книга: Татар 1985.

Словообразование. В книге И. Пете в качестве самостоятельного раздела лексикологии присутствует «Словообразование», обычно отсутствующий у других авторов, так как словообразование включается в морфологию.

Действительно, слова образуются для того, чтобы произвести номинацию предметов, понятий и т. д. Например, учитель показал ученикам не книгу, а свою записную книжку – и ученики назвали ее: *книжечка,* – образовав новое слово, добавив к известному слову *книга* словообразовательный суффикс *-ечк-*.

В словообразовании непосредственно проявляется динамика, становление, развитие слова. Поэтому словообразование плохо вписывается в статическую лингвистику, которая – поэтому – рассматривает словообра-

зование не с точки зрения образования слов, а с точки зрения морфологического состава (см. Русская грамматика, т. 1).

И. Пете пишет в своем учебнике, что словообразование – это «создание слов», и описывает способы этого создания, происходящего с помощью суффиксов, приставок (аффиксальное словообразование), без помощи аффиксов (безаффиксальное словообразование), посредством сложения слов, аббревиации и т. д. И. Пете перечисляет аффиксы, с помощью которых образуются существительные, прилагательные, глаголы, наречия и т. д. И. Пете выявляет в словообразовании аффиксы, которые предшествуют последнему аффиксу в слове (восстанавливает словообразовательную историю слова). Об одном только не утверждает И. Пете: словообразование – это раздел ономасиологии: слово создается с использованием старого слова для того, чтобы произвести номинацию предмета, понятия.

Фразеология. Почему фразеология традиционно включается в лексикологию, в том числе и в учебнике И. Пете? И. Пете пишет, что фразеологию уже потому не следовало бы включать в лексикологию, что предметом лексикологии является слово, а предметом фразеологии – сочетание слов (Пете 1989, с. 140). Но дело в том, что фразеологическое сочетание – устойчивое, и оно воспроизводится в речи в готовом виде – точно так же, как и слово.

Но устойчивым является каждое словосочетание, только одни словосочетания – более устойчивые (например: *съесть собаку*), а другие – менее устойчивые (например, *съел суп*, но нельзя: *съел дом*).

Словосочетание тем устойчивее, чем меньше класс слов, с которым сочетается данное слово, например: *съесть собаку* (класс слов, с которым сочетается слово *съесть*, состоит из одного слова). И наоборот: словосочетание менее устойчивое, чем больше класс лексем, с которым сочетается данное слово, например: *съесть суп* (здесь класс лексем большой: *щи, суп, курица* и другие названия съедобных вещей). Если бы в синтаксисе изучалась не только грамматическая сочетаемость (глагол + сущ. вин. пад.), но и лексическая сочетаемость, тогда бы все было ясно: фразеология – это тот раздел синтаксиса, в котором изучается сочетаемость слов очень узких лексических классов (состоящих вплоть до одного слова), например (примеры И. Пете): 1) словосочетания-сращения *(съел собаку)*, 2) словосочетания-единства *(намылить голову)*, 3) собственно словосочетания *(одержать победу)*. Правда, относить к этому разделу синтаксиса пословицы, крылатые выражения, цитаты, анекдоты (на том основании, что они воспроизводятся в готовом виде), не все лингвисты решаются. В этом случае речь идет об «устойчивых фразах» (воспроизводится в готовом виде не словосочетание, а предложение – фраза). Но устойчивая фраза – это тоже фразеология, второй ее раздел, уже имеющий большую литературу.

Причиной того, что традиционно фразеологические сочетания приравниваются к слову, а фразеология считается разделом лексикологии, является еще и то, что традиционная лингвистика – статическая. Она описывает единицы не в развитии, не в образовании, а в готовом виде. Сочетания же слов, даже такие, как *съесть собаку,* – создаются в речи. Ср., как осваиваются фразеологические сочетания при изучении иностранного языка: ученики сначала узнают, например, о значении слов *съесть* и *собака*, затем – о сочетаемости *съесть* с названиями из класса «продукты питания» *(съесть хлеб, суп...)*, а уж затем узнают о словосочетании с особым значением – *съесть собаку.* При изучении языка фразеологические сочетания – все-таки создаются, а не заучиваются в готовом виде.

О фразеологии написано очень много литературы – это тоже способствует тому, чтобы быть ей самостоятельной дисциплиной. И. Пете пишет: «…в наши дни фразеология формируется как самостоятельный раздел языкознания» (с. 149). Но традиция включать фразеологию в лексикологию настолько сильна, что ее трудно преодолеть – и И. Пете тоже следует этой традиции.

Итак, лексикология, как она представлена в книге И. Пете, состоит из нескольких разделов. Внутренняя лексикология включает в себя семасиологию и ономасиологию. Внешняя лексикология имеет разделы: учение о словарном составе, этимология и история слов. К внешней лексикологии относится и терминоведение. Лексикография (промежуточная между внутренней и внешней лексикологией дисциплина) тоже входит в лексикологию. Словообразование – у И. Пете несомненно раздел лексикологии, но этот раздел можно бы включить в ономасиологию, чего И. Пете не сделал. Обычно же словообразование – это раздел морфологии (морфемика). Фразеологию И. Пете тоже поместил в лексикологию, а не рядом с ней.

Литература

Гадани К. Сравнительная характеристика прилагательных цвета в некоторых славянских языках. – Сб. Слова и цвет в славянских языках. Ред. К. Гадани. Melbourne, 2000. pp. 5–132.

Лендваи Э. Лексическая семантика русского языка. Вр, 1998.

Дьёрке З. Отражение фразеологической полисемии и омонимии в русско-венгерском фразеологическом словарях. – Nemzetközi Szlavisztikai Napok 4. Szombathely,1991. pp 391–395.

Лендваи Э. Лексическая семантика русского языка. Budapest, 1998.

Русская грамматика. т. 1. ред. Н. Ю. Шведова. М.: АН СССР, 1980.

Татар Б. Русская лексикография. Будапешт, 1985.

Beke Ödön. Két magyar–orosz jelentéspárhuzam [Две венгерско-русские семантические папаллели]. Magyar Nyelvőr 74. Budapest, 1950. pp. 371–376.

Beke Ödön. A magyar–orosz jelentéspárhuzamokhoz [К вопросу о венгерско-русских семантических папаллелей]. Magyar Nyelvőr 74. Budapest, 1950. pp. 413–415.

Drahos J. Об образовании трех степеней наречий в современном русском языке. – Slavica 2. Debrecen, 1962, pp. 185–191.

Györke Zoltan. Явление антонимии в сфере русско-венгерской фразеологии. – Slavica Szegediensia. Szeged, 2003. pp. 77–93.

Horváth Iván. Некоторые вопросы семантизации безэквивалентной лексики. – Studia Russica V, Budapest, 1982. pp. 115–123.

Melich János. Jelentéstani kérdések. [Вопросы семантики] – A Magyar Nyelvtudományi Társaság Kiadványai, 42. Budapest, 1938. 33 p.

Misky György. Антонимия в языке публицистики и художественной литературе как показатель качественных прилагательных. – Slavica Quinqueecclesiensia 1. Pécs, 1995. pp. 143–152.

Tatár Béla. Лексикографическая разработка паронимов русского языка. – Studia Russica 6, Budapest, 1983. pp. 95–98.

Tatár Béla. Явление полисемии и энантиосемии в русской фразеологии. – Hungaro-Slavica 2001. Budapest, 2001. c. 172–178.

6.2. Историческая лексикология русского языка (А. Золтан)

Проф. Андраш Золтан. Историческая лексикология русского языка в венгерской русистике не была предметом такого же широкого, активного исследования, как современный русский язык. Для того, чтобы провести исследование в области истории языка (не в том смысле, чтобы написать учебник по исторической грамматике, а в том смысле, чтобы провести исследование с открытием новых фактов), нужна специальная, длительная подготовка, нужны научные руководители и мн. др. Затем постоянно требуются исторические документы, архивные материалы, которых в Венгрии нет и за которыми надо ездить в Россию или другие страны. Всё это крайне осложняет в Венгрии работу историка русского языка. Эта работа не идет ни в какое сравнение с работой исследователя современного русского языка, для которого часто достаточно того, что он владеет русским языком, – и весь необходимый материал оказывается, таким образом, при нем.

Само описание истории языка – тоже чрезвычайно трудное дело. Если описание современного русского языка – это синхроническое описание, описание языка в одно и то же время, описание в лучшем случае в двух измерениях: в парадигматике (логическая дизъюнкция: «или – или») и синтагматике (логическая конъюнкция: «и – и»), – то историческое (диахроническое) описание – это описание в трех измерениях. Добавляется еще один фактор – время. Языковые явлении надо рассматривать во временной последовательности, в соответствии с историей их появления в языке. Осуществляя подобное описание, обязательно приходится учитывать и двухмерную систему языка (парадигматику и синтагматику), приходится учитывать также в большой мере и социальные условия функционирования языка, обусловливающие в тот или другой период исторического времени «толчок» языку, который определяет дальнейшее движение языка в том или другом направлении. Как раз для выявления этого «толчка» и постоянно требуется обследование огромного количества документов, писем. В 1984 г. А. Золтан защитил кандидатскую диссертацию на материале письменных памятников.

Профессор Будапештского университета Андраш Золтан – один из очень немногих русистов в Венгрии, кто посвятил себя исследованию истории русского языка, истории русской лексики (в связи с историей лексики других славянских языков). Проф. А. Золтан – необычное явление в венгерской славистике, в венгерской русистике, вызывающее к себе, к своей научной деятельности большое уважение.

А. Золтан закончил филологический факультете Будапештского университета. Затем учился в аспирантуре на кафедре русского языка в Мос-

ковском университете, где в 1984 году защитил в Москве кандидатскую диссертацию под научным руководством известного русского историка языка Б. А. Успенского. Диссертация называется: «Западнорусские-великорусские языковые контакты в области лексики в XV в.». Эта тема не была предметом специального исследования в России, между тем как влияние староукраинского и старобелорусского языков на старорусский язык в XIV–XVII вв. проявлялось не только в заимствовании слов из западноевропейских языков в русский деловой (дипломатический) язык, а затем и в общелитературный русский язык, – но и в заимствовании вместе с этими словами западноевропейских культурных понятий. А. Золтан ссылается на акад. В. В. Виноградова, который в своей книге «История слов» применительно к XIV–XVII вв., пишет, что «украинский язык щедро делился с русским языком своими культурными достижениями» (Виноградов 1994, с. 536).

Докторскую диссертацию А. Золтан защитил в Венгерской Академии наук в 2005 г. А в 2014 г. в Москве под грифом Российской академии наук (Институт славяноведения) вышла большая книга А. Золтана:

А. Золтан. Interslavica. Исследования по межславянским языковым и культурным контактам. Москва, Институт славяноведения, 2014. 224 с.

Ниже рассматриваются также и следующие работы А. Золтана, относящиеся к данной теме, – с описанием вхождения украинской и русской лексики в русский язык в XIV–XVII вв.:

Золтан А. О старорусском «мѣстичь». – Studia Slavica Hung., XXIII. Budapest, 1977. pp. 161–163.

Золтан А. К вопросу о восточнославянско-венгерских лексических связях старшего периода. – Studia Slavica Hung., XXV. Budapest, 1979. pp. 465–473.

Золтан А. Некоторые аспекты польско-восточнославянских языковых контактов в области лексики. К вопросу о полонизмах в посланиях Ивана Грозного к Стефану Баторию. – Hungaro-Slavica 1983. Budapest, 1983. pp. 333–344.

Золтан А. К предистории русск. «государь». – Studia Slavica Hung., XXIX, 1985. pp. 554–590.

Золтан А. Западнорусская лексика в великорусских произведениях о Флорентийском соборе. Studia Slavica Hung. 31, Budapest, 1985. pp. 245–262.

Золтан А. Пути проникновения западнорусской лексики в великорусский деловой язык в XV в. – Studia Slavica Hung., 34, 1–4, 1988. с. 767–804.

Zoltán A. *Се азъ*…К вопросу о происхождении начальной формулы древнерусских грамот. – Russian Linguistics 11, 1987. pp. 179–186.

Zoltán A. Почему русские *одерживают победы*? – Russian Linguistics, 22, 1998. pp. 165–177.

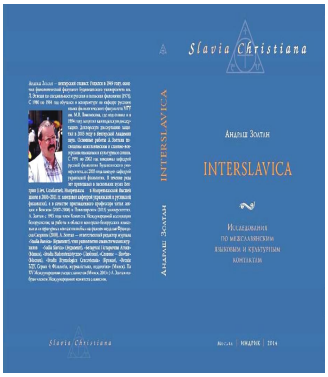
Западнорусская лексика в русском языке XV в. Западнорусский язык – это украинский и белорусский языки в сопоставлении с восточнорусским – великорусским языком. Поскольку речь идет о XV в., то западнорусский язык – это староукраинский и старобелорусский языки, в сопоставлении с старорусским языком. Именно так употребляет терминологию А. Золтан в своих работах по исторической лексикологии русского языка.

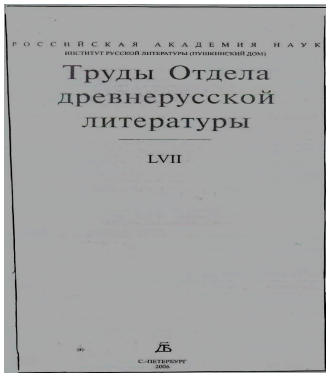
А. Золтан пишет, что западнорусский язык в 60–80-ые годы XV в. выступал в качестве языка-посредника в дипломатических сношениях Московской Руси с Западом. И не просто он был посредником. Западнорусский язык нес в Московскую Русь западноевропейскую культуру, причем не только ту, которая была современной Московской Руси в XV в., но и ту, которая выражалась еще в латинском языке.

Прежде всего интересна большая статья А. Золтана: Золтан 1988. В эту статью А. Золтан включил материал из некоторых других своих статей. В 1988 г., собрав свои статьи вместе, А. Золтан издал для студентов Будапештского университета учебное пособие под названием: «Главы из истории русской лексики» (Zoltán 1987). А. Золтан утверждает, что проводником западнорусского лексического влияния в Московской Руси XV в. было духовенство. В частности, этому способствовало большое количество грамот, написанных православным митрополитом Ионой, но главное – благодаря тому, что в московской канцелярии митрополита (а также затем и в великокняжеской канцелярии) работали писцами выходцы из Западной Руси.

А. Золтан пишет, что в XV в. грамота (документ переписки, посланий митрополита и великого князя) называлась словом *лист.* Еще раньше в деловой язык Московской Руси проникла западнорусская (староукраинская) грамматическая конструкция *писать до кого, пришел до вас, до великих панов* и т. п.

Проф. Андраш Золтан (Будапештский университет)

Рано вошли в древнерусский язык, пишет А. Золтан, западнорусские слова *господарь, господарство*, благодаря тому, что эти слова часто употреблял в своих посланиях митрополит Иона. При назывании польского короля Казимира употреблялось слово *польский*, например: *король польский*. В Московской Руси народ называл поляков *ляхи*. К XVII в. слова *поляк, польский* уже прочно вошли в общий русский язык.

В Западной Руси было известно слово *местичь* «горожанин» – от польских слов *miasto* «город», *mieścic* «горожанин». Затем последнее польское слово было вытеснено чешским словом *mieszczanin* («мещанин»). Впервые эти западнорусские слова употреблял митрополит Иона в своих грамотах, которые он рассылал православным людям по русским землям Польско-Литовского государства. К 1500 г. слова *место, местичь* употреблялось и в грамотах московского великого князя. Позже вместо слова *местичь* в русском языке закрепилось слово *мещанин.* Окончательно оно вошло в русский язык в XVII в., когда в Москве появилась Мещанская слобода, в которой жили военнопленные из восточных областей Речи Посполитой после русско-польской войны 1655 г.

Русское слово *доход* «прибыль» от глагола *доходити* историками языка в России обычно возводится к праславянскому слову *dochodъ*, так как это слово имеется во всех славянских языках. Однако А. Золтан считает, что эта гипотеза не верна. Непосредственно слово *доход* в русском языке появилось из Западной Руси, где словом *доход* назывались в грамотах поборы в пользу феодалов и церкви. Слово *доход* в западнорусском языке употреблялось вместе со словом *приход, пошлина*. Употреблялось слово *доход* также и в польских грамотах. К концу XV в. слово *доход*, пи-

шет А. Золтан, несомненно придя из Западной Руси, повсеместно закрепилось в русском языке.

Слово *приход* – синоним слова *доход* – существовало в западнорусском языке раньше, чем в русском языке. И тоже пришло в русский язык с Запада, в силу того, что грамоты в Москве у митрополита Ионы писали западнорусские писцы. По этой же причине, в это же время, появилось в русском языке и слово *расход* – антоним слова *приход.* Вместе со словом *приход* употреблялось в русском языке и слово *прибыток*, но оно было заимствовано, пишет А. Золтан, из церковнославянского языка, а не из западнорусского: в староукраинских грамотах XIV–XV вв. этого слова нет.

Слова *шкода* («убыток», «вред»), *доставати, достати, подати, поддатися, подданный* тоже, как доказывает А. Золтан, пришли в русский язык в XV в. из западнорусского языка, где эти слова были заимствованы из польского языка. В XVII в. эти слова окончательно закрепились в русском языке.

Слово *канцлер* (принято утвржадать) – немецкое слово. Но в русский язык оно пришло, пишет А. Золтан, не из немецкого языка (как утверждается в словаре Фасмер 1964–1973), а опять-таки из западнорусского языка, в котором оно через посредство польского языка *(kanclerz)*, восходит к латинскому слову *cancellarius*. В русском языке в XV–XVII вв. это слово употреблялось только по отношению к польско-литовским и западноевропейским должностным лицам; в России должность канцлера была введена Петром I.

В старославянском (и церковнославянском) языке в значении «трон», «столица», а также в значении «кафедра архиепископа» употреблялось слово *столъ*. Но в западнорусском языке в XV в. распространилось слово *столец*, взятое из польского языка. Позже польский язык заимствовал из чешского языка слово *столица,* которое затем, в XVII в., перешло сначала в западнорусский, а потом и в русский язык.

А. Золтан пишет, что русский язык заимствовал из западнорусского языка также грамматическую форму будущего сложного времени: *буду* + инфинитив, которая в западнорусском языке употреблялась очень часто, а в русском языке – редко.

Слово *зброденъ* «преступник» тоже было западнорусизмом в русском языке, однако не получило широкого распространения. Слово *сброд,* появившееся в XVIII в., пишет А. Золтан, возможно, даже и не связано со словом *зброденъ*.

К западнорусским словам относит А. Золтан слово *завсе* «всегда», употреблявшееся в грамотах Московской Руси на протяжении XV–XVI вв. Это слово употребляется и в северорусских диалектах, но попало это слово в язык русских грамот все-таки из Западной Руси, а не из диалектов. По

происхождению наречие *завсе* «всегда» является польским словом: *zawsze* «всегда».

Из Западной Руси пришел в Московскую Русь глагол *доступити* «получить доступ» (ср. совр. укр. *доступати* «приступити, подойти»), которое калькирует польское слово *dostąpić*. В русском языке в XVI–XVII вв. это слово стало употребляться в военном значении «атаковать».

Слова *добровольно, добровольный* возникло не на русской почве, а заимствовано из западнорусского языка, причем первым было заимствовано слово *добровольно*. А. Золтан называет большое количество московских грамот, в которых употребляется слово *добровольно* («без принуждения»). Появились слова *добровольно, добровольный* благодаря тому, что писцы в княжеской и митрополичьей канцелярии были выходцами из Западной Руси. В западнорусском же языке эти слова появились из польского языка. То, что эти слова в русском языке в исторических словарях возводятся к праславянскому фонду, по мнению А. Золтана, не является обоснованным.

Слово *отщепенец* («отступник») тоже пришло в русский язык из Западной Руси. В папских грамотах митрополита Иону называли *schismaticus* («отступник»). Перевод папских грамот делался на западнорусский язык с латинского языка посредством польского языка: *odszczepieniec*. Это польское слово вошло затем также и в русский язык: *отщепенец*.

С латинской грамотой связано также и западнорусское слово *арцибискуп* («архиепископ»), которое затем вошло и в русский язык в виде слова *архиепископ*.

В польско-литовских документах в XV в. употреблялось слово *писарь* (титул польско-литовского канцелярского чиновника). В западнорусском и русском языке в этом значении употреблялось раньше слово *дьяк*. В связи с переводом Библии с латинского языка (в латинском языке – *scriba*) постепенно в русском языке закрепилось вместо слова *дьяк* слово *писарь*.

В этимологических словарях русского языка имеются разные объяснения происхождения русского слова *зацепка* («помеха, препятствие»). А. Золтан полагает, что русское слово *зацепка* является по происхождению западнорусским словом *зачепка*, заимствованным из польского языка: *zaczepka*.

Русское слово *статок* («недвижимость, наследство») употреблялось в русских письменных деловых документах в XV–XVII вв., как канцеляризм. Современному русскому языку это слово неизвестно, хотя оно широко распространено в украинском и белорусском языках («имущество», «скот»), а также в русских диалектах по соседству с украинским и белорусским языками («достаток», «скот»). А. Золтан полагает, что слово *статок* было хорошо известно западнорусскому языку (старобелорусско-

му языку), как заимствованное из польского языка: *statek* («имущество»), из которого затем в польском языке развилось значение «посуда», «корабль». В польский же язык слово могло быть заимствовано из чешского языка: *statek.* Однако А. Золтан возражает против утверждения русских историков языка, что это слово в русском языке – из праславянского фонда, этого слова нет в южнославянских языках.

В 1469 г. в Москву прибыло посольство из Рима с письмом на греческом языке с предложением руки Софьи Палеолог Ивану III. В переводе письма употреблялась западнорусская лексика: *лист* (вместо *грамота*), *пан* (вместо *государь*), *добровольно, папежество* (папство) и др. Была и новая западнорусская лексика: *присягать, присяга*. Русские историки языка объясняют последние слова как праславянские – от слова *сягати* «касаться» с приставкой *при-*. В русском языке вместо этих слов употреблялось слово *клятва*. А. Золтан считает, что слово *присяга* в русском языке – западнославянское по происхождению. В Московской Руси оно стало обозначать то же, что обозначало древнерусское словосочетание *крестное целование*, но – применительно к католическому ритуалу. К XVIII в., пишет А. Золтан, словосочетание *крестное целование* стало выходить из употребления, вместо него стали приходить слова *присяга, присягать*.

В XV в. русский посол привез из Италии, из Рима, в Москву архитектора Аристотеля Фиоравонти, который в сопроводительной грамоте назывался: *муляръ* «зодчий». Существует дискуссия: из какого языка появилось в русском языке слово *муляр* – из итальянского (*murale* «стенной») или из западнорусского языка, как заимствованное из польского языка: *muraz* «каменщик»? А. Золтан полагает, что слово *муляр* появилось в русском языке из западнорусского языка, так как в современных украинском и белорусском языках это слово широко употребительно: *муляр* «каменщик». В русском языке это слово не получило широкого распространения, но от него образовался глагол *(за)муровать*.

С Аристотелем Фиоравонти в московских посольских грамотах оказалось связанным слово *мистр, мистро*. У историков русского языка обсуждался вопрос: это слово в русском языке является по происхождению итальянским *(maestro)* или западнорусским, взятым из польского языка *(mistrz)*, куда оно попало из чешского языка *(mistr)* или немецкого *(meister)*; или это слово – контаминация всех этих слов. А. Золтан отрицает итальянское происхождение этого слова – полагает, что пришло оно в русский язык из западнорусского языка – вместе со словом *бурмистр*.

В связи с падением Константинополя в 1453 г. (его захватили турки) в русских грамотах появилось слово *турецкий* западнорусского происхождения, заимствованное из польского языка: *turecki.* Однако основной формой прилагательного от слова *турок* на протяжении XV–XVII вв. в русском языке было слово *турский (турской)*, в то время как в староукра-

инских грамотах преобладало слово *турецкий*. В южнославянских языках в это время использовалось слово *турский*, откуда оно (пишет А. Золтан), вместе с информацией о взятии Константинополя, проникло и утвердилось в русском языке. Слово же *турецкий* пришло в русский язык из Западной Руси, куда оно было взято из польского языка. К XVIII в. слово т*урецкий* вытеснило в русском языке вариант *турский.*

Слово *звон* («колокол») тоже (пишет А. Золтан) западнорусского происхождения. В русский язык оно вошло вместе со словом *турецкий* (после падения Константинополя). В одной из московских грамот сообщалось, что Махмет-салтан, турецкий царь, *звоны* церковные поснимал. В XVI в. слово *звон* в русском языке стало употребляться и в значении «звучать» – появилось и слово *звонить*.

А. Золтан делает следующие выводы:

1. Большое число западнорусской лексики в документах дипломатического сношения Московской Руси с польско-литовским государством, а также с другими европейскими странами, в частности с Германией, имело место не только в конце XV в. (а затем в XVI–XVII вв.), но и раньше, о чем свидетельствуют русские летописи, в которых цитируются старые дипломатические документы.

2. В дипломатических контактах Московской Руси со странами Западной Европы со стороны Европы использовалась латынь, а со стороны Москвы – западнорусский язык: латынь переводилась на западнорусский язык.

3. Западнорусская лексика закреплялась в русском языке и благодаря тому, что разделение церквей (православной и католической) продолжалось долго – и после политического разделения земель между Москвой и Литвой, – в московской митрополичьей канцелярии документы продолжали писаться и рассылаться по Московской Руси на западнорусском языке.

4. Западнорусский язык в канцелярии московского митрополита продолжал оказывать влияние и на княжескую, государственную дипломатию, а также на язык документов внутреннего управления: употреблялись западнорусские слова *господарь, отчичь, дедичь* и др.

5. На новом этапе, после разделения церквей, дипломатические сношения Москвы с Западной Европой (с папским двором, с итальянскими городами и т. д.) использовался опыт составления в Москве документов на западнорусском языке.

6. Западнорусская лексика не сразу проникала из русских деловых документов в общерусский язык. Однако в XVIII в этой лексике появилась потребность (*право, присяга, справедливый* и др.) – и она вошла в основной словарный фонд русского языка.

7. Западнорусская (староукраинская и старобелорусская) лексика – это тоже славянская лексика: *государь, государство, добровольно, доход*

и др. Оказавшись в русском языке, эта близкородственная лексика не обнаруживала следов своего заимствования и выглядела в русском языке как исконно русская лексика, – провоцируя историков русского языка в России возводить ее прямо к праславянскому фонду. Однако А. Золтан полагает, что, описывая историю слов данного славянского языка, следует описывать и миграцию этих славянских слов среди слов других славянских языков.

Надо сделать и еще один вывод. В XIV–XVII вв. из украинского и белорусского языков заимствована русским языком следующая лексика (проанализированная А. Золтаном), ставшая употребительной лексикой в русском общелитературном языке: *поляк, польский, доход, доходить, мещанин, приход, расход, доставать, подданный, добровольно, добровольный, отщепенец, писарь, архиепископ, зацепка, государь, государство, одержать победу, ломать голому, присяга, присягать, замуровать, мастер, бурмистр, турецкий, звон, звонить* и др. И доказал это не историк языка из России, а венгерский русист проф. Андраш Золтан.

Слова *государь, государство*. Некоторые русские слова, западнорусские по происхождению, А. Золтан описывает подробно, посвящая им отдельные статьи (Золтан 1985).

В этимологической литературе слово *государь* возводится к слову *господарь*. В преобразовании *господарь* > *государь* (пишет А. Золтан) имела место либо фонетическая причина, либо контаминация со словами *суд, судить,* так как слова *господарь, суд, судить* часто употреблялись в грамотах вместе (так именно объясняется этот переход в книге: Черных 1956). А. Золтан ставит своей задачей проследить историю слова *господарь* – до того, как оно стало словом *государь*.

А. А. Шахматов писал что слово *(г)осподарь* заимствовано русским языком из чешского языка. А. Золтан не согласен с этой точкой зрения и пишет, что это слово широко употреблялось еще в XI в. на всей восточнославянской территории – вплоть до того, как было вытеснено в русском языке тюркизмом *хозяин*; но в украинском и белорусском языках слово *господарь* осталось. А. Золтан приводит примеры употребления слова *господарь* в XI в. в новгородских берестяных грамотах.

А. Золтан пишет, что слово *господарь* употреблялось на всей восточнославянской территории до XV в. В грамотах этого времени слово обозначалось всегда под титлом: *гсдрь*. Издатели грамот и историки языка всегда читали это слово как *государь* в значении великокняжеского титула, хотя это слово всегда было *господарь* в значении «хозяин».

Как титул польско-литовского короля, как титул великого князя слово *господарь*, пишет А. Золтан, стало употребляться в конце XIV в. И впервые в этом значении данное слово употреблял король Каземир в письмах, адресованных западнорусским землям. В своих грамота Каземир

называл себя: *«господарь Русскоѣ землѣ»*. А. Золтан пишет, что слово *господарь* Каземир позаимствовал из канцелярии Галицко-Волынского княжества, которое входило тогда в состав Польши. Слово это по-прежнему имело значение «хозяин». А. Золтан пишет, что титул *господарь Русскоѣ землѣ* в грамотах Каземира представлял собой не что иное, как кальку с латинского: *dominus Russiae* (*dominus* «хозяин, господин»). В Западной Руси *господарь* было обращением только к верховному лицу («хозяину») – королю или великому князю, реже – к удельным князьям. К другим знатным лицам формой обращения был полонизм *панъ*.

С титулом *господарь* обращался литовский великий князь в договорной грамоте к смоленскому князю, а затем и польский король – к переяславскому князю. В XV в. слово *господарь* широко употреблялось в западнорусском деловом языке по отношению к литовскому великому князю – употреблялось не только в русских землях, которые подчинялись Литве, но и в землях восточнославянских (в тверских, рязанских, московских и др.). Затем слово *господарь* стало использоваться и в обращениях восточнославянских князей друг к другу. Наконец, и у великого князя Московской Руси появился титул: *господарь всея Руси, господарь земли Русской.* А. Золтан считает, что слово *(г)осподарь* было введено в титул московских великих князей по образцу литовских князей.

В титуле московского великого князя *(г)осподарь всея Руси* составная часть *всея Руси* была церковнославянской, заимствованной из титула московских митрополитов; слово *господарь* тоже стало в XV в. употребляться в титуле митрополитов и по своей функции тоже стало церковнославянским. В грамотах митрополитов в XV в. впервые появилось и слово *господарство.* Митрополит Иона употреблял западнорусские (староукраинские и старобелорусские) слова в грамотах, адресованных не только в Западную, но и в Восточную Русь: *господарь, панове, лист,* («грамота»), *местичь, доход, посполно* («все вместе»), *збродней* («сброд»), *отщепенец, арципискупъ* («католический архиепископ»), *папежские листы* («папские грамоты») и др. В канцелярии Ионы работали западнорусские писари, которые и писали грамоты с этими словами. Западнорусская лексика использовалась в связи не только со светской, но и церковной жизнью.

А. Золтан пишет, что культурный обмен между Западной и Восточной Русью в XV в. был очень оживленным. В деловой язык Московской Руси проникало много западнорусских слов, некоторые из них получали широкое распространение, в том числе и *господарь, господарство,* переоформленные позже, уже на великорусской почве, в *государь, государство*. Как это конкретно произошло и когда – трудно сказать (пишет А. Золтан), так как в грамотах эти два слова пишутся одинаково – под титлом: *гсдрь*. Но известно, что в начале XVI в. на печати князя Василия и на монетах Ивана Грозного фигурируют еще слова *господарь всея Руси*.

Слово *государь,* пишет А. Золтан, сначала появилось не в значении титула великого князя, а как вежливое обращение, т. е. это слово возникло в разговорной речи. *Господарь, государь* – так обращались жены к своим мужьям (пишет А. Золтан); так обращались к удельным князьям, к духовным лицам, так называл себя (до присоединения к Москве) Новгород. Слова получали всё более широкое использование в русском языке – и наконец переход *господарь* > *государь* состоялся.

Переход *господарство* > *государство* тоже не до конца ясен. Слово *господарство* впервые употребил митрополит Иона в грамотах в Литву и Казань. В этих грамотах употреблялось очень много западнорусских слов. Слово *господарство* пишет А. Золтан, является заимствованием из западнорусского языка, где *господарство* является калькой с польского слова *państwo,* которое в свою очередь калькирует латинское слово *dominium, dominatio*. А. Золтан заключает: «Таким образом, русск. *государство* в конечном итоге представляет собой семантический латинизм, опосредованный польским и западнорусским языками» (Золтан 1983, с. 588). И еще один вывод делает А. Золтан: «Итак, предыстория слов *государь, государство* убеждает нас в том. что изучение западнорусского делового языка имеет большое значение для истории русской лексики…» (там же).

Почему русские *одерживают победы*? Так А. Золтан назвал одну свою статью: Zoltán 1998. Имеется, однако, в виду: как произошло словосочетание *одерживать победу*, а вместе с ним – и словосочетание *одерживать верх*, а также и происхождение слова *одержимый*.

А. Золтан пишет, что если слово *одержимый* в русском языке восходит к переводам Библии (А. Золтан ссылается на Старославянский словарь 1994) – является церковнославянским, – то сочетание *одержать победу* (хотя оно тоже имеет книжную окраску), отсутствует в памятниках как старославянских, так и церковнославянских. Обращается А. Золтан к словарю: Срезневский 1955–1956, – но в нем этого словосочетания нет. А. Золтан ставит своей задачей выявить, как появились в русском языке сочетания слов *одержать победу, одержать верх*.

А. Золтан анализирует документы западнорусского языка, анализирует также и документы старопольского языка более раннего периода – XV в. А. Золтан обнаруживает следующее: сначала польский язык калькирует латинское сочетание слов *victoriam obtineo* («победу получить, держать»), а затем западнорусский язык, который находится в контакте с польским языком, калькирует польское сочетание слов. После этого западнорусское выражение (а точнее – старобелорусское) перешло на русскую почву. Вся эта последовательность в калькировании не была прямолинейной, и А. Золтан прослеживает этот путь.

В XVI в., пишет А. Золтан, польский язык калькировал другое латинское выражение: *victoriam reporto*, калькировал следующим

образом: *odnosić zwycięstwo*, старая же калька вышла из употребления. Однако в старобелорусском языке сохранилась первая польская калька: *одерживать звитяжство*.

В XVI в. на польский язык были переведены «Римские деяния» (Gesta Romanorum). Вместо средневекового латинского выражения *victoriam reporto* использовалась классическая латынь: *victoriam obtineo*. В XVII в. был сделан перевод «Римских деяний» с польского языка на русский. А. Золтан полагает, что переводчиками были представители западнорусского языка, которые допускали и польские слова. Так, при переводе на русский язык польской кальки (с латинского языка) *odzierżał zwycięstwo* было использовано в русском тексте польское слово *odzierżał*, но слово *zwycięstwo* было заменено словом *победа*, взятым из церковнославянского языка. С тех пор выражение *одержал победу* и употребляется в русском языке. А. Золтан приводит примеры этого употребления в русском языке в XVII–XVIII. вв.

А. Золтан замечает, что в русских диалектах (по материалам словаря: Даль 1988) глагол *одерживать* имеет другие значения: «сдерживать», «удерживать руль судна», быть крестным отцом или матерью» «взять под стражу», «случить (о скоте)», «повенчаться» и нек. др. А. Золтан заключает, что, судя по этим значениям, они возникли в диалектах независимо от книжных выражений: *одерживать победу, одерживать верх*.

А. Золтан делает вывод, что русский оборот *одерживать-одержать победу* представляет собой латинизм, проникший в русский литературный язык в конце XVII–начале XVIII вв., когда староукраинский-старобелорусский (западнорусский) язык «щедро делился с русским языком своими культурными достижениями» (как утверждал и акад. В. В. Виноградов).

Почему Иван Грозный употреблял польские слова? У проф. А. Золтана есть интересная статья – о посланиях Ивана Грозного польскому королю Стефану Баторию (Золтан 1983). К этим посланиям тоже имеет отношение западнорусский язык, так как эти послания написаны на этом языке. В своих посланиях Иван Грозный употреблял много польских слов. Исследователи этих посланий, в том числе и очень авторитетные, объясняли наличие полонизмов в посланиях Ивана Грозного тем, что считали Ивана Грозного великим стилистом, мастером русского языка, например А. В. Исаченко приводит большой отрывок из послания Ивана Грозного, выделяя в нем много польских слов и словосочетаний, например: *до тебя пришли с листом; абых ты; чотыре замки* и т. д. (Issatschenko 1980). А. В. Исаченко делает вывод, что Иван Грозный мастерски «приспособляется» к языку адресата, говорит так же, как адресат, хорошо владеет польским языком. Д. С. Лихачев объясняет наличие полонизмов в посланиях Ивана

Грозного тем, что русский царь в высокой степени владеет индивидуальным стилем – пользуется русским языком, как артист (Лихачев 1979).

А. Золтан утверждает, что ни А. В. Исаченко, ни Д. С. Лихачев не сравнивали тексты посланий Ивана Грозного и Стефана Батория. Между тем, в соответствии с жанром деловых документов того времени, прежде, чем отвечать на полученное послание, сначала это послание достаточно подробно цитировалось в ответном послании. В таком же жанре было исполнено и послание Ивана Грозного. А. Золтан сопоставил тексты посланий Ивана Грозного и Стефана Батория, разместив их столбцами друг против друга: слева – текст Стефана Батория, справа – текст Ивана Грозного. Стало ясно видно, что Иван Грозный прежде, чем отвечать на послание «своими словами», копировал послание Стефана Батория, заменяя в нем только местоимения: 1-го лица – 2-ым лицом, а 2-ое лицо – 1-ым лицом. Польские слова употреблялись как раз в той части послания Ивана Грозного, которое было повторением послания Стефана Батория. Польские слова, таким образом, принадлежали не Ивану Грозному, а Стефану Баторию. Отрывок из послания Ивана Грозного, откуда А. В. Исаченко выбирал польские слова, как раз и входили в ту часть послания Ивана Грозного, которая приходилась на цитированное послание Стефана Батория. По замечанию А. Золтана, дело, таким образом, обстояло куда более прозаичнее, чем полагали А. В. Исаченко и Д. С. Лихачев.

И более того. Иван Грозный, а точнее Стефан Баторий, употреблял, пишет А. Золтан, не польские слова, а слова западнорусского языка, в который когда-то вошли (были заимствованы) польские слова. Послание Стефана Батория было написано на западнорусском языке – на том самом языке, который был языком дипломатии у Московской Руси в сношениях с Западной Европой.

Фразеологизм *ломать голову*. А. Золтан описывал историю русских слов и выражений не только западнорусского (староукраинского и старобелорусского) происхождения, но и иного происхождения – из других языков. Например, у А. Золтана есть статья, посвященная происхождению русского фразеологизма *ломать голову* (Zoltán 2006).

А. Золтан пишет, что фразеологизм ломать голову не является исконно русским, а представляет собой кальку 1) по одним историческим источникам – с немецкого языка: *sich den Kopf zerbrechen*; 2) по другим источникам – с французского языка: *se casser la tête*; 3) по третьим источникам – и немецкого, и французского происхождения, без указания, из какого конкретно языка пришел этот фразеологизм. Тот факт, что глагол у русского фразеологизма бесприставочный, как и глагол у французского фразеологизма, свидетельствует в пользу французского происхождения русского фразеологизма.

А. Золтан ставит своей задачей выяснить происхождение фразеологизма *ломать голову*. А. Золтан пишет, что немецкий фразеологизм засвидетельствован в исторических источниках на 100 лет раньше, чем французский фразеологизм. Это серьезное основание (утверждает А. Золтан) для того, чтобы русский фразеологизм возводить к немецкому фразеологизму. Но дело может сложиться так, рассуждает А. Золтан, что немецкая историческая лексикология разрабатывалась раньше, чем французская, причем разрабатывалась более обстоятельно, и немецкий фразеологизм мог попасть «на глаза» историкам русского языка раньше, чем французский фразеологизм – и быть засвидетельствован в качестве источника русского фразеологизма, хотя в действительности русский фразеологизм может происходить от французского фразеологизма.

А. Золтан пишет далее, что рядом с немецким языком располагается множество славянских языков, в которых тоже имеется данный фразеологизм, правда, с употреблением не глагола «ломать» *(brechen)*, а глагола «тереть» *(treti)*, см., например, в словенском языке: *treti si glavo* («тереть голову»). А. Золтан в целях эксперимента выдвигает гипотезу, что немецкий фразеологизм является переводом (калькой) с одного из славянских языков. В пользу такой гипотезы (рассуждает А. Золтан) свидетельствует, например, тот факт, что славянское «тереть голову» (массажировать) физиологически более способствует размышлению, чем немецкое «ломать голову». Немецкий же перевод с одного из славянских языков получился неудачным. Но перевод сохранился в языке, так как фразеологизмы употребляются говорящими, как целостные единицы, не членясь на части.

А. Золтан признает, что немецкий фразеологизм представляет собой очень «жесткий» образ, но именно таким, заключает А. Золтан, он возник в немецком языке и распространился по всем соседним языкам, по возможности «смягчаясь» в некоторых языках, например в южнославянских, однако в целом ряде языков сохраняя свою «жесткость», например в русском языке. Немецкий фразеологизм действительно возник первым, и свидетельством тому является то, что зафиксирован он в исторической лексикографии значительно раньше, чем в лексикографии других языков. Во всех соседних языках соответствующие фразеологизмы являются, таким образом, калькой с немецкого фразеологизма: *sich den Kopf (zer)brechen*.

Лексика древнерусских грамот. Проф. А. Золтан описывает в своих работах историю русской лексики, относящуюся не только к XV в., но и к древнерусскому периоду (X–XI вв.).

А. Золтан пишет (Золтан 1987), что лексика древнерусских грамот, начиная с X в., отражает живую восточнославянскую речь – проявляя большое разнообразие по отдельным областям восточнославянской языковой территории. Но в то же время (утверждает А. Золтан) деловые документы, написанные в самых разных областях Древней Руси, обнаружи-

вают сходство в их оформлении. А. Золтан имеет в виду, что каждая древнерусская грамота начиналась одинаково: *се азъ* («это я»): зачин, состоящий из указательного местоимения *се* и личного местоимения 1-го лица ед. ч. *азъ*. А. Золтан приводит длинный список грамот из самых различных городов Древней Руси (Киев, Новгород, Москва, Смоленск, Полоцк и др.), в которых имелся этот зачин. А. Золтан предполагает, что в составлении деловых документов в Древней Руси имелась некая общая традиция, которая шла еще от Киевского периода. Происхождение традиции в этом зачине *(се азъ)* неизвестно, и А. Золтан ставит своей целью выяснить, откуда идет этот зачин. Это очень важно, утверждает А. Золтан, так как прояснение этого вопроса может пролить свет на начало становления канцелярского дела (и канцелярского языка) в Древней Руси.

А. Золтан пишет, что сначала до X в. языком княжеских грамот был церковнославянский язык, но затем, в связи с принятием христианства в 988 г., функции церковнославянского и древнерусского языка разошлись: на церковнославянском языке стали писать богослужебные книги, а на древнерусском языке – княжеские, светские, деловые грамоты. Однако зачин у этих грамот оставался церковнославянским: *се азъ*. Это «двуязычие» грамот сохранялось до XII в.

Откуда же появился в древнерусских грамотах церковнославянский зачин *се азъ* («это я»)? А. Золтан пишет, что это выражение не могло быть калькой с греческого языка, так как греческие грамоты начинались иначе: греческое начало калькировалось в южнославянских грамотах: «господство ми», «королевство ми». Не мог быть древнерусский зачин и калькой с западноевропейских грамот, которые начинались выражением, калькирующим латинское словосочетание: *pluralis maiestaticus* («множественное величия»).

А. Золтан убежден, что гипотеза о том, что для русских княжеских канцелярий домонгольской эпохи мог быть язык болгарских царских канцелярий, откуда перешел в древнерусские грамоты также и зачин *се азъ (азъ* – болгарское местоимение 1-го лица), не находит себе подтверждения, поскольку болгарских грамот с таким зачином не сохранилось; в болгарских грамотах более позднего периода в качестве зачина использовалась калька с греческой конструкции «царство ми» с повествованием от 3-его лица ед. ч.

В южнославянских грамотах, пишет А. Золтан, отсутствовало указательное местоимение *се,* характерное для древнерусских грамот. Но, по мнению А. Золтана, данная формула как у русских, так и у южных славян восходит к общему источнику: зачин древнерусских и южнославянских грамот независимо друг от друга калькируют один и тот же образец: употребление в зачине местоимения 1-го лица характерно для греческих грамот частного (а не официального) характера.

А. Золтан подытоживает, что начало древнерусских грамот *се азъ* вполне могло быть создано и без болгарского посредства, а как русско-церковнославянский эквивалент соответствующей греческой формулы. Этому выводу способствует и то, пишет А. Золтан, что в XII в. древнерусские грамоты составлялись часто и на греческом языке, о чем свидетельствует и то (пишет А. Золтан), что на русских княжеских и митрополичьих печатях всегда находилась греческая надпись. Если принять во внимание, пишет А. Золтан, что древнерусский деловой язык к началу XII в. заменил греческий, с которым он в XI в. еще сосуществовал, то становится понятно наличие греческих калек в русском тексте. Сам термин *грамота*, пишет А. Золтан, был заимствован (устно) из греческого языка, минуя древнеболгарский язык.

А. Золтан заключает свою статью: «Приведенные факты и соображения убеждают нас в правоте взгляда, высказанного… «угрорусским» историком А. Годинкой, согласно которому книжная культура Древней Руси восходит к византийской христианской культуре через южнославянское посредство, но образцы грамот были получены русскими прямо от греков» (Золтан 1987, с. 184).

Вышеизложенный материал должен показать, насколько основательны, детальны, скрупулезны были исследования А. Золтана в области русской исторической лексикологии. Украинский и белорусский языки – близкородственные языки; доказать, что в эпоху XIV–XV вв. русский язык заимствовал многие слова из украинского и белорусского языков, приходивших туда из польского и латинского языков, – было очень трудно. Историки языка в России обычно не углублялись в этот вопрос – утверждали, что слова типа *доход, достигать, столица, государство, присяга* и мн. др. (общие для трех языков) – являются общеславянскими по происхождению. А. Золтан, основательно анализируя письменные памятники, доказывал, что эти и многие другие слова в русском языке не общеславянского, а западнорусского происхождения, – пришли в русский язык из украинского и белорусского языков.

Значение книги А. Золтана состоит в том, что в ней на конкретном языковом материале доказывается, что при изложении этимологии слова недостаточно указывать только первый пункт в истории слова, например: *доход* – общеслав. Надо называть и предпоследний пункт, откуда слово пришло в русский язык, например: *доход* – западнорус. Вообще же, надо называть всю цепочку исторической миграции слова (происходящей под воздействием изменяющихся культурных и языковых контактов), например применительно к слову *доход*: общеслав. > западнорус. > рус. Недостаточно сказать также, что, например, русское слово *канцлер* – немецкое слово (это даже и неверно), надо указать всю цепочку движения этого слова к русскому языку, а именно: лат. *cancellaris* (отсюда слово пришло и

в немецкий язык) > польск. *kanclerz* > западнорус. *канцлеръ* > рус. *канцлер*. В этимологических словарях русского языка (Фасмер 1964–1971, Преображенский 1959, Шанский и др. 1971) называется обычно только начальный пункт движения слова. Представляется все же (прав А. Золтан), что надо показывать весь исторический путь слова (при условии, конечно, если этот путь изучен, известен).

Литература

Виноградов В. В. История слов. Ред. Н. Ю. Шведова. Москва, 1994.

Даль В. Толковый словарь живаго великорусскаго языка. 2-ое изд. Спб-Москва, 1882.

Золтан А. Interslavica: исследования по межславянским языковым и культурным контактам. М., 2014.

Лихачев Д. С. Стиль произведений Грозного и стиль произведений Курбского: Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Лениград, 1979.

Мокиенко В. М., ред. Русская фразеология: Историко-этимологический словарь. Изд. 3-е, испр., доп. М., 2005.

Словарь русских народных говоров. Ред. Ф. П. Филин. 1-, Москва–Лениград, 1965.

Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 1-3. Ленинград, 1955–1956.

Старославянский словарь (по рукописям X–XI вв.). Под ред. Р. М. Цейтлин и др. М., 1994.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка, 1-4. Перевод с немецкого и дополнения О. Н. Трубачева. М., 1964–1973.

Черных П. Я. Очерк русской исторической лексикологии. М.. 1956.

Шахматов А. А. Очерк древнейшего периода истории русского языка (Энциклопедия славянской филологии 11, 1). Спб., 1915.

Hodinka A. A szerb történet forrásai és első kora. [Ранние источники по истории Сербии]. Budapest, 1891.

Issatschenko A. Geschihte der russischen Sprache 1. Heidelberg, 1980.

Zoltán A. Fejezetek az orosz szókincs történetéből – Из истории русской лексики Budapest, 1987.

6.3. Русская лексика со значением цвета (К. Гадани)

Прилагательные со значением цвета в русском языке (в сравнении с другими славянскими языками) изучал в Венгрии проф. Карой Гадани (университет в Сомбатхее), а вместе с ним, под его руководством, и другие русисты, сосредоточенные в Сомбатхее. Карой Гадани – выдающийся лингвист Венгрии, доктор Венгерской Академии наук, основатель и заведующий (с 1973 г.) в Сомбатхее (сначала – пединститут, затем – университет) кафедрой славянской филологии. С 1981 г. организует в Сомбатхее Дни славистики, с 1992 г. – основатель и редактор научного славистического журнала «Studia Slavica Savariensia», известного в Венгрии и за рубежом.

Назовем самые известные сборники статей, изданные под редакцией К. Гадани, целиком посвященные цветообозначению: «Слово и цвет в славянских языках» (Гадани 2000), «Свет и цвет в славянских языках» (Гадани 2004). Информацию об этих исследованиях см. в статье: Моисеенко 2011.

В первом из вышеназванных сборников опубликована большая (в 130 стр.) работа К. Гадани (Гадани 2000). Позже, отдельным изданием, К. Гадани опубликовал новую версию этой работы: Гадани 2007, в которую вошел и новый материал. Ниже делаются ссылки, с указанием страниц, в основном на первую работу.

Вот эти две работы К. Гадани:

Гадани К. Сравнительная характеристика прилагательных цвета в некоторых славянских языках. – В сб. Слово и цвет в славянских языках. Ред. К. Гадани. Melbourne, Academia Press, 2000. с. 5–132.

Гадани К. Сравнительное описание прилагательных цвета в славянских языках. Melbourne, Academia Press, 2007.

Кроме того, К. Гадани опубликовал и много статей о цветообозначении в славянских языках, например:

Gádányi Károly. A színt jelentő melléknevek az orosz és a szlovén nyelvben. [Прилагательные-цветонаименования в русском и славянских языках] Szombathely. 1, 1978. c. 165–176.

Гадани К. Вопрос о полных и кратких формах прилагательных-цветообозначений в славянских языках. – Сб. Vox Human (Szerk. Földi Éva és Gadányi Károly). Budapest, 2004 l. 177–181.

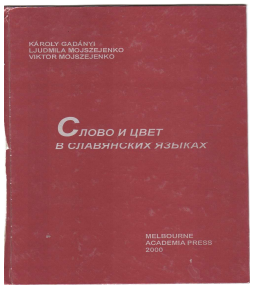
Гадани К. Об одной редкой разновидности несклоняемых прилагательных-цветообозначений в некоторых славянских языках. – Сб. Свет и цвет в славянских языках. Melbourne, 2004. pp. 5–13.

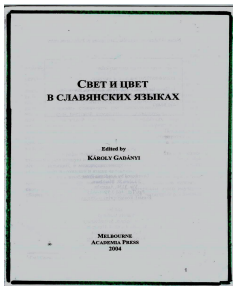
Гадани К. Исследования колористической тематики в венгерской славистике. – Зборник на разимеа. 1. Том. Лингвистка. XIV Международен конгресс на Слависти. Скопье, 2008. с. 243.

К. Гадани описывает русский язык в сопоставлении с тремя южнославянскими языками – сербским, хорватским и словенским. Исследуются прилагательные со значением цвета в семантическом, словоизменительном и словообразовательном аспектах. В работе Гадани 2000 имеется три соответствующе главы. Однако основное внимание К. Гадани уделяет семантическому аспекту, в связи с чем его исследование может быть отнесено прежде всего к работам лексико-семантического характера. Ниже речь пойдет именно о семантической проблематике цветообозначений – как их рассматривал К. Гадани.

Иерархия цветообозначений у многозначного слова. К. Гадани пишет, что когда у прилагательного – одно значение, то это не составляет особой проблемы для описания семантики этого прилагательного: одна форма (звучание, написание) прилагательного соответствует одному значению, как, например, у прилагательных *каурый, пегий* (Гадани 2000, с. 26).

Сложности появляются при описании семантики многозначного прилагательного, когда у прилагательного, у одной формы, появляется несколько значений, как, например, у прилагательного *серый.* В таком случае для каждого значения надо искать свою форму выражения.

Проф. Карой Гадании (Сомбатхей) и проф. Иштван Ньёмаркаи (редактор журнала Studia Slavica Hung., Будапешт

Прежде всего К. Гадани считает необходимым рассмотреть иерархию значений многозначного слова: какое значение цвета является главным, какое подчиненным и т. д. В решении этого вопроса К. Гадани исходит из опыта русского языкознания, а также из того, как толкуются значения многозначных слов в русских толковых словарях.

У каждого многозначного прилагательного цвета, пишет К. Гадани, есть основное (первичное, исходное) значение. Например, у прилагательного *серый* таким значение является «цвет золы». Остальные значения становятся производными, прежде всего – такое производное значение, которое тоже, как и основное значение, является номинативным. По мнению К. Гадани, номинативное значение – такое, которое напрямую соотносится с предметом называния; сочетаемость же для него не играет роли. Так, у прилагательного *серый* номинативным значением является не только «цвет «золы», но и производное значение «пасмурный, облачный (о погоде)». После основных и производных значений у многозначного прилагательного цвета следуют переносные значения, обнаруживающиеся, как считает К. Гадани, только в словосочетаниях. Так, у прилагательного *серый* переносным значением является, во-первых, значение «непримечательный, бесцветный», появляющееся в сочетаниях типа *серый фильм, серая личность*, а во-вторых, значение «необразованный, малокультурный», которое можно увидеть в сочетаниях типа *серый люд, серая деревенщина*. К. Гадани делает вывод (с. 28), что значения многозначного прилагательного цвета имеют следующую иерархию:

Номинативное	Основное
	Производное 1.
	Производное 2 … и т. д.
Переносное	Первое
	Второе… и т. д.

При описании производных и переносных значений К. Гадани показывает на своих схемах-таблицах, от какого номинативного значения исходят производные и переносные значения, по какому признаку происходит перенос значения. Так, на таблице, посвященной значениям прилагательного *серый* (с. 79) можно видеть, как от номинативного значения стрелка идет к производному значению «пасмурный, бесцветный», а затем – к переносному значению «непримечательный, не выдающийся» и т .д. В толковых словарях эта последовательность в переносе значений передается посредством порядковой нумерации. Линейная последователь-

ность, конечно, менее информативная, чем последовательность, передаваемая в двумерном пространстве посредством схемы у К. Гадани.

Оценочное значение цвета. К. Гадани пишет, что среди переносных значений надо выделять (если они есть) значения, которые он называет **оценочными** (эмоциональными, экспрессивными) – выражающими положительное или отрицательное отношение говорящего к соответствующему предмету называния (с. 27). Таковым, например, является оценочное (отрицательное) значение «необразованный, малокультурный» у прилагательного *серый,* реализующееся в словосочетаниях типа *серый человек.*

Как известно, выражение отношения говорящего к предмету речи (положительное или отрицательное) является областью прагматики языка. Прагматика – один из трех аспектов употребления языка, наряду с аспектом номинации и аспектом сочетаемости (соединения с другими словами).

Отношение говорящего к предмету речи может быть не только положительным или отрицательным, но и нейтральным. Оценка присутствует у каждого значения многозначного прилагательного цвета, только она может быть нейтральной. В толковых словарях о нейтральной оценке значения сообщается посредством отсутствия помет типа «высок.», «груб.», «бран.», «ласк.», «неодоб.» и т. п.; последние же сообщают об оценке более дифференцированно, чем «полож.» или «отриц.».

Если в обычных, свободных высказываниях (предложениях) отношение говорящего к предмету речи «подвижное» – изменяется от одного говорящего к другому, то в слове эта оценка – «закреплена». Говорящий, употребляя, например, словосочетание *серый человек,* обязательно выражает свое отрицательное отношение к предмету речи. В другом случае, например в словосочетании *серый хлеб,* он обязательно выражает свое нейтральную оценку, хотя в обоих случаях он, может быть, и не хотел этого делать.

В связи с «закрепленностью» оценки за значением каждого слова, за каждым значением цвета у многозначного слова, описание прагматического аспекта у каждого слова является обязательным.

Границы значения цвета. Объясняя иерархию значений многозначного прилагательного на примере слова *серый,* – К. Гадани использует материал Большого академического словаря русского языка.

В другом толковом словаре русского языка, а именно в словаре Ожегова, состав значений прилагательного *серый* – несколько отличается. Отсутствует, например, терминологическое значение этого прилагательного (в зоологии: *серый гусь, серый медведь* и др.). Некоторые значения слова *серый* у Ожегова квалифицируются иначе, чем в большом толковом словаре, например – значение «пасмурный» *(серая погода)*. Ожегов считает это значение цвета переносным, а не прямым, как в академическом словаре.

У К. Гадани состав значений прилагательного *серый* тоже несколько иной, чем в словарях русского языка. В свой список значений цвета К. Гадани включил устаревшее значение «минимальный, первоначальный», выявив его из фразеологизма: *серого понятия не имеет.* К. Гадани сформулировал и одно новое значение, которого во времена составления вышеупомянутых словарей русского языка, по-видимому, еще не было: «опасный, предупреждающий». Выделил это значение цвета К. Гадани из устойчивых словосочетаний: *серая зона* (место размещения атомного оружия), *«Серая книга»* (о возрождении фашизма).

К. Гадани сформулировал также и такие значения прилагательного *серый,* которые вполне могли бы сформулировать и составители русских толковых словарей, например: «седой, древний» *(серые волосы)*, «невидимый, тайный» *(серый человек, серый кардинал)*. Значение же «ничем не примечательный» *(серый фильм, серая жизнь)*, имеющееся в русских словарях, К. Гадани разделил на два значения цвета: 1) «ничем не выдающийся» *(серый фильм)*. 2) «скучный, тяжелый» *(серая жизнь)* (с.76–79).

В итоге у К. Гадани получилось больше значений у прилагательного *серый,* чем в русских толковых словарях. Потому, что он проанализировал больше языкового материала, чем составители русских толковых словарей. Создается впечатление, что если проанализировать материала еще больше, то можно сформулировать и больше значений.

То, что из одного значения можно выявить два (а из двух значений – одно), – свидетельствует об отсутствии в лингвистике объективного критерия. Где кончается одно значение и начинается другое? Являются ли некоторые значения отдельными, самостоятельными, или же это варианты одного того же значения? Эти вопросы (о границах между значениям многозначного слова) остаются в языкознании до сих пор, в основном, до конца еще не решенными. К. Гадани ставит своей задачей охарактеризовать эту проблему.

Форма значения цвета. При описании плана выражения в языке, например при описании фонем и морфем, в качестве критерия при формулировании единиц используется значение этих единиц, а именно: при отождествлении-различении единиц плана выражения (фонем или морфем) используется критерий тождества-различия в их плане содержания. Так, два (или более) звука речи являются разными фонемами, если они различают значения слов; если же они не различают значения слов, то эти два звука речи – варианты одной и той же фонемы.

В качестве критерия при формировании единиц в плане содержания, в том числе и отдельных значений многозначных прилагательных, должны бы использоваться, соответственно, единицы плана выражения. Именно: если форма двух значений многозначного прилагательного различна, то перед нами два отдельных значения; напротив, если формы значений не

различаются – перед нами одно и то же значение, по меньшей мере – два варианта одного значения.

Формой значения слова является прежде всего само это слово – его «материальная оболочка», в соответствии с чем традиционно и утверждается: у одного слова – одно значение, а у другого слова – другое значение. Значения – разные, если слова – разные; значение одно то же, если слово – одно то же. Отсюда и традиционные выводы о значениях многозначного слова: у многозначного слова – одно значение, но – имеются «лексико-семантические варианты».

Нельзя сказать, что утверждение о «лексико-семантических вариантах» – совершенно неправильное. В принципе оно верное, так как соответствует критерию установления единиц в плане содержания. «Лексико-семантические варианты» имеют одну и ту же форму в виде одного и того же слова.

Однако не только составители толковых словарей, но вслед за ними и многие лингвисты считают, что значения у многозначного слова – это разные значения. Кстати, и рядовые информанты поступают так же: для них, например, у слова *серый* в сочетаниях *серый хлеб* и *серая повесть* – имеется два значения. а не одно. Это чувство языка у информантов опирается (если быть материалистом, а не идеалистом) на различия в формах этих двух значений. А форма не ограничивается только материей слова *серый* (в таком случае было бы одно значение); она дополняется другой материей – ею является прежде всего материя других слов, с которыми сочетается данное прилагательное, соответственно: слово *хлеб* – дополнительная форма для первого значения цвета; слово *повесть* – дополнительная форма для второго значения цвета. В итоге для говорящих первое значение выражается в форме *«серый + хлеб»,* а второе значение – в форме *«серый + повесть»*; различаются же эти два значения формами *«+хлеб»* и *«+повесть»*; общее же значение для двух значений – выражается посредством слова *серый*.

Таким образом, в поисках формы, различающей значения многозначного прилагательного приходится отправляться в область сочетаемости данного прилагательного с другими словами, прежде всего, конечно, с существительными, – что и делает К. Гадани, приводя длинные списки словосочетаний, содержащие исследуемые им прилагательные цвета.

Однако К. Гадани приводит списки только устойчивых (фразеологических) словосочетаний, в которых существительные, сочетающиеся с прилагательными, являются формой выражения только периферийных (вторичных) значений прилагательного. Основные же значения прилагательных остаются без указания на то, в какой форме их значения (первичные) выражаются (чем они отличаются от вторичных значений), хотя именно в своих основных значениях прилагательные цвета и участвуют в

огромной массе словосочетаний. К. Гадани считает (с. 27), что в основных своих значениях многозначное прилагательное цвета соотносится с предметом внеязыковой действительности непосредственно, вследствие чего в номинативном значении прилагательное свободно в своей сочетаемости и никак ею не определяется.

В прагматической лингвистике специально утверждается, что каждое слово определяется употреблением в каждом из своих трех аспектов: 1) номинация, 2) сочетаемость, 3) оценка. Соответственно, многозначное прилагательное цвета имеет формы выражения своих значений в каждом из этих аспектов. Описывая эти формы, можно последовательно переходить от одного из этих аспектов к другому, но можно ограничиться одним аспектом. В случае же с прилагательным конечно же надо начинать с аспекта сочетаемости прилагательного с существительными. К. Гадани неоднократно подчеркивает, что значение цвета (называемое прилагательным) проявляются и существует в связи со значением предмета, называемого в данном словосочетании существительным (с. 24 и далее).

Сочетаемость прилагательного цвета как форма его значений. Дополнительной (к материальной оболочке слова) формой выражения отдельного значения прилагательного является его сочетаемость с другими словам – с существительными. Именно этим средством пользуются составители толковых словарей при толковании значений многозначного слова, причем – как основным средством, так как «словесные» толкования часто почти ничего не объясняют. См., например, в словаре Ожегова: *серый* – «цвет пепла». Говорящие обязательно знают значение широкоупотребительного слова *серый*, но могут и не знать, что такое пепел и какого он цвета. Правда, после словарного толкования они уже могут получить представление о том, что пепел – серого цвета (получается обратное толкование). Однако когда составитель словаря «приводит примеры»: *серое сукно, серые глаза, серые тучи, серый волк, серая подкладка, серый хлеб*, – то читателю сразу становится почти все ясно в значении слова *серый.* Формой выражения значения прилагательного *серый* в таком случае становятся существительные, с которыми сочетается прилагательное: *сукно, глаза, тучи, волк, подкладка, хлеб* и т. д.

При более полном описании формы значения многозначного прилагательного – требуется не отдельные примеры существительных, а – образование классов существительных, с которыми сочетается прилагательное в данном значении, например – класс существительных, называющих предметы и животных, кратко: «пред.», «жив.». Ср. класс существительных, с которыми прилагательное *серый* не сочетается: *брат, сестра, секретарь, шофер, кондуктор* и т. п., а именно: **серый брат, *серый шофер, *серый секретарь* и т. д. («так не говорят», т. е. класс, который можно обозначить: «люд.».

Ср. еще: *серый человек, серая личность, серый писатель* и т. п. – словосочетания лексически правильные («так говорят»). Здесь класс существительных: *человек, личность, писатель* и т. д. – составляют форму для другого значения прилагательного *серый,* которое можно обозначить посредством названия этого класса: «люд. как источник информации; неодобр.». и т. д.

У К. Гадани приведенные выше значения прилагательного *серый*: 1) «цвет», 2) «обычный, ничем не выдающийся, не запоминающийся» (с.76–79), – различаются сочетаемостью данного прилагательного с существительными, взятыми вне их лексических классов: 1) *серый забор, серый хлеб,* 2) *серый человек, серая личность.*

Как уже замечено, К. Гадани обращается к сочетаемости прилагательных цвета только в случае переносных значений, – перечисляя эти сочетания, но не формулируя классы существительных, с которыми данные прилагательные сочетаются. В случае номинативного значения прилагательного цвета, К. Гадани не считает возможным обращаться к исследованию прилагательных в этом значении, ограничиваясь только тем, что «приводит примеры». Впрочем, в этом случае К. Гадани и не дает толкования этому значению, справедливо полагая, что традиционные определения типа: «*серый* – цвета пепла», – это квазиопределения.

Таким образом, сочетаемость прилагательного с существительным, а точнее – существительные, с которыми сочетается данное прилагательного, а еще точнее **– класс** существительных, с которыми сочетается данное прилагательное, – выступает естественной и объективной формой для выражения **отдельного** значения многозначного прилагательного цвета а также (добавим) – и формой значения данного прилагательного в целом, например – в системе других прилагательных цвета.

Парадигматика прилагательного цвета как форма его значения. Аспект соотношения слова с другими словами (наряду с аспектом номинации и аспектом оценки) – это, конечно, не только синтагматика (сочетаемость), но также и парадигматика: вхождение данного слова в классы слов, образованные на основе общего для данного слова и других слов признака. Любое другое слово, несколько слов, а в идеале – весь парадигматический класс, в который входит данное слово, – является в таком случае формой выражения значения данного слова; в случае многозначного прилагательного цвета – формой выражения одного из значений этого прилагательного.

К. Гадани при образовании парадигматических классов, применительно к прилагательному цвета, использует ассоциативный эксперимент. Но, на наш взгляд, ассоциативный эксперимент все-таки не решает всех задач. Так, информанты на стимул *серый* дают и такие реакции, как *белый, черный*. Парадигма же *серый, белый, черный* – это парадигма для всех

прилагательных цвета, но не парадигма для значения одного слова *серый.* В последнем случае парадигма образуется из следующих прилагательных (см. Синонимический словарь З. Е. Александровой): 1) *серый – дымчатый, пепельный, мышиный;* 2) *серый – ненастный, пасмурный, хмурый, непогожий* (разг.); 3) *серый – невыразительный, безжизненный, бесцветный, бледный, тусклый, неяркий, маловыразительный;* 4) *серый – неинтересный, скучный, пресный, нудный* (разг.).

Как можно видеть, каждому из значений прилагательного *серый* соответствует свой синонимический ряд. Каждое из прилагательных этого парадигматического класса, а также весь этот класс в целом, является формой для выражения соответствующего (отдельного) значения прилагательного *серый.* Так, 1-ое значение прилагательного *серый* выражается посредством прилагательных: *дымчатый, пепельный* и т. д.; 2-ое значение – посредством прилагательных: *ненастный, пасмурный* и т. д.

Дефиниции в толковых словарях обычно есть не что иное как синонимические ряды к толкуемому слову, строго говоря – включение толкуемого слова в парадигматику таких же слов. См., например, в словаре Ожегова: 1) *серый –цвета пепла;* 2) *серый – посредственный, ничем не замечательный;* 3) *серый – малокультурный, необразованный;* 4) *серый – пасмурный*. См. у самого К. Гадани: 1) *серый –*… (нет синонимов); 2) *серый – бесцветный, без цвета;* 3) *серый – неопределенный, ничем не выдающийся;* 3) *серый – малокультурный, малообразованный;* и т. д. (с. 79).

Видно, что парадигматический класс, в который входит данное слово, является формой выражения значения данного слова, – которая и используется в толковых словарях как способ толкования значения.

Записывать эту форму можно двумя основными способами: 1) «приводить примеры» – называть одно, два, три слова парадигматического класса, в который входит данное слово, например: *серый – ненастный, пасмурный* (как это делается в толковых словарях, а также и в работе К. Гадани); 2) называть весь парадигматический класс прилагательных, употребляя в целях различения подклассов специальные обозначения, например: «погода» (это тоже иногда используется в толковых словарях).

Синтагмо-парадигматика как форма значения прилагательного цвета. Парадигматические классы можно создавать с учетом любого признака, общего для слов этого класса (см., например, тематические классы). Но самым существенным признаком для объединения слов в парадигматику является общая синтагматика этих слов – их сочетаемость с одними и теми же словами, применительно к прилагательным – с одними и теми же существительными.

Так, в приведенном выше примере из словаря Ожегова прилагательные *серый, посредственный, ничем не замечательный* потому оказываются в одной парадигме, что сочетаются с существительными *повесть, суще-*

ствование (на эту сочетаемость указывает сам Ожегов, когда «приводит примеры»). В результате образуется единая синтагмо-парадигматика: *серый, посредственный, ничем не замечательный (существование, повесть).*

Аналогичное имеет место в работе К. Гадани. Прилагательные *серый, неопределенный, ничем не выдающийся* составляют одну парадигму, так как сочетаются с существительными *фильм, спектакль, личность* и т. д. В результате тоже образуется единая синтагмо-парадигматика цветообозначений, в которой прилагательные называют «цвет», а сочетаемость их с существительными – указывает на «обозначение цвета» (носителями цвета являются предметы, обозначаемые существительными).

Объяснение значений слов в толковых словарях (и в работе К. Гадани), по сути дела, состоит в том, что толкуемые слова помещаются в синтагмо-парадигматческую систему других слов, с одними из которых толкуемое слово – сочетается (синтагматика), а с другими – образуют общий класс (парадигму) на основании их общей сочетаемости. Читатель словаря (и работы К. Гадани) получает, таким образом, такое описание значений толкуемого слова, с помощью которого, по сути дела, можно 1) распознавать это значение в контекстах и 2) создавать контексты к заданному значению слова. Например, для значения слова *серый,* толкуемого у К. Гадани с помощью синонимов *неопределенный, ничем не выдающийся,* образуются контексты (высказывания) типа: *Фильм – серый, ничем не выдающийся…*

Итак, в своем полном виде формой значения многозначного прилагательного является не только само это прилагательное (его «материальная оболочка»), – но вместе с ним (в дополнении к нему) и целая синтагмо-парадигматическая система слов – прилагательных и существительных, например (приведенный выше материал из словаря Ожегова и работы К. Гадани объединим вместе): *серый, посредственный, ничем не замечательный, неопределенный, ничем не выдающийся (существование, повесть, фильм, спектакль, личность)*. Форма данного значения прилагательного *серый* – это все прилагательные и существительные, входящие в приведенную синтагмо-парадигматическую систему.

Располагая описанием цветообозначений в такой (полной) форме, можно 1) **создавать** тексты, выражающие заданное значение, беря с этой целью из соответствующего синтагмо-парадигматического блока любые нужные слова в любом их количестве, например: *Эти фильмы и спектакли были серые, посредственные, ничем не примечательные*. Можно также и 2) **анализировать** тексты, распознавая в них цветообозначения, находя в этих текстах слова, относящиеся к данному синтагмо-парадигматическому блоку, например – со значением: *Личность была серая, ничем не выдающаяся…*И т. д.

При наличии подобного (подробного) описания цветообозначений в языке – может создавать (по заданным словам) и анализировать тексты (находя в них слова со значением цвета), в принципе, не только человек (студент), но и компьютер.

Семантический язык как форма описания значения цвета. Каждому из синтагмо-парадигматических блоков, выражающих одно из значений цвета, можно (и надо) добавлять его наименование, которое одновременно является и еще одной формой выражения этого значения. Эти названия должны быть понятны не только человеку (студенту), но и компьютеру. Этими названиями не могут быть обычные дефиниции значений слов, применяемые в толковых словарях типа: «*Серый* – цвет, получающийся из смешения черного с белым, цвет пепла» (см. словарь Ожегова).

Необходимо создание специального семантического языка, **словарем** в котором, применительно к цветообозначению, являются названия классов существительных, входящих в упомянутые синтагмо-парадигматические блоки, записываемые, например, следующим образом: «пред.», «люд.», «погода», «источник инфор.», «неодоб.» и т. д., а **синтаксисом** – сочетания этих компонентов, например: «люд. + неодоб.» (подчинение), «люд. + жив.» (сочинение) и т. д.

Если исследователь осознанно работает в направлении создания синтагмо-парадигматических блоков, то семантический язык образуется у него как бы сам собой. Блоки, по мере их формирования, пересекаются друг с другом, один блок включается в другой и т. д., – семантический язык помогает во всем этом разбираться «на месте». С помощью его компонентов сразу же достигается и различение, и отождествление блоков во время построения их иерархии. «Семантические компоненты» в этом случае работают так же, как и «дифференциальные элементы» при построении фонологических систем.

Располагая созданным таким способом семантическим языком, можно с его помощью (образуя из семантических компонентов применительно к каждому цветообозначению определенные наборы компонентов) – охарактеризовать и номинативное употребление цветообозначений – прилагательных и существительных вместе.

Семантический язык для описания номинативного значения цвета. Каждое прилагательное, в том числе и многозначное прилагательное в каждом из своих значений употребляется как в аспекте сочетаемости, так и в аспекте номинации. *Серый (фильм*) – это тоже номинация, как и *серый (пиджак)*; значение в *серый (пиджак)* – тоже определяется сочетаемостью с другими словами, как и значение в *серый (фильм)*. Достаточно убрать из скобок слово (в приведенных примерах), как становится уже неизвестно, о каком значении слова *серый* идет речь.

Для описания каждого из аспектов можно создавать свой собственный, отдельный язык. Но поскольку номинативное и «сочетаемостное» значение слов тесно друг с другом связаны (прилагательные сочетаются в зависимости от их номинативного значения, а их номинативное значение – определяется их сочетаемостью), то при описании значений прилагательных цвета полезно (и необходимо) создавать **один** семантический язык – для описания обоих аспектов, для обеспечения единства в описании значений прилагательных в этих аспектах (в соответствии с объективно существующим единством этих аспектов).

С какого аспекта начинать описание и, соответственно, – создание семантического языка?

Если начинать с описания номинативного употребления цветообозначений, то надо будет данную понятийную область, «покрываемую» некоторым, заранее (в таком случае) отобранным списком прилагательных со значением цвета, членить на составные части, – используя сведения из области физики цветового спектра, из области биологии и психологии восприятия цветов спектра и т. п. Но такое описание значений прилагательных, сам семантический метаязык, появляющийся в процессе такого описания, – не будут собственно языковыми категориями. Значения прилагательных, представленных таким способом, невозможно совместить с тем, как эти прилагательные употребляются в тексте; такой семантический язык невозможно уже приспособить к описанию синтагмо-парадигматической организации прилагательных цвета.

Ср., например, описание терминов родства. Казалось бы, создавались неплохие семантические системы для расчленения понятийной области. Семантические компоненты при описания значений этих терминов, казалось бы, работали не хуже, чем дифференциальные элементы в фонологии. Однако эти семантические системы не могли использоваться при описании употребления этих терминов в речи – в сочетаемости с другими словами, например – с глаголами, – хотя значения этих терминов в этих двух аспектах употребления (при номинации и при сочетаемости) должны быть тождественными.

Термины родства – это прежде всего существительные, у которых на первом месте находится аспект номинации, а не аспект сочетаемости. Это провоцировало исследователей терминов родства «напрямую» изучать понятийную область, абстрагируясь от области употребления этих терминов в речи, – исходя из умозрительных рассуждений о родстве в природе и биологии и т. п. Конечно, описывать с помощью таким способом созданным семантическим языком понятийную область – можно, но – насколько полученная «картина мира» совпадет с той «картиной мира», которой пользуются говорящие, употребляющие эти термины? Как известно, описания терминов родства (в аспекте номинации) – не использовались при

объяснении употребления этих терминов в речи (в аспекте их сочетаемости); «картины мира» оказывались разными.

К. Гадани имеет дело с терминами цветообозначения, которыми являются прежде всего прилагательные, которые обязательно сочетаются с существительными. Имеется прямая подсказка, что строить метаязык для описания цветообозначения надо в процессе изучения употребления прилагательных в их сочетаемости с существительными.

В таком случае в систему цветообозначения вовлекаются не только собственно цветообозначения *(серый),* но и не собственно цветообозначения *(пасмурный, малообразованный)*, о существовании которых при умозрительном построении семантического языка (исходя, например, из физической теории цветового спектра) совершенно невозможно догадаться. Более того, в системе цветообозначения, представленной синтагмо-парадигматическми блоками, оказываются не только прилагательные *(серый, необразованный)*, но и едва ли не в первую очередь – существительные, непосредственные носителями цвета (что К. Гадани постоянно подчеркивает), причем не только существительные типа *пиджак, глаза, хлеб,* но и существительные типа *повесть, жизнь, личность,* о чем, тем более, невозможно догадаться, занимаясь «независимым» анализом понятийной области цветообозначений.

Вывод состоит в том, что, создавая семантический язык для описания формы значения прилагательных цвета, – надо начинать с исследования этих прилагательных (не исключая и «номинативных») в аспекте их сочетаемости, вхождения их в парадигматические классы. Располагая уже семантическим языком, можно затем охарактеризовать и номинативное употребление этих прилагательных (и существительных), беря их в узком или широком составе.

Диахронически каждое слово, в каждом из своих значений, появляется, чтобы назвать явление объективной действительности, но в синхроническом употреблении в речи эта номинация определяется сочетаемостью с другими словами, вхождением слова в синтагмо-парадгматические связи, которые и становятся для говорящих общепринятой для них формой выражения значения данной номинации. Ведь не случайно составители толковых словарей помещают толкуемое слово в сочетаемость с другими словами («приводят примеры») и в синонимические ряды («подбирают синонимы»).

Что касается аспекта оценки предмета номинации, то – это, все-таки, не особый, третий аспект употребления значения слова (как принято считать в лингвистической прагматике), а составная часть номинативного аспекта, – передаваемая в семантическом языке специальными компонентами («неодоб.» и др.), которые дополняют компоненты непосредственно номинативного характера («пред.», «люд» и др.), соединяясь с ними в се-

мантическом языке подчинительной или сочинительной синтаксической связью.

Заключение. 1. Значение монографии К. Гадани состоит прежде всего в том, что ее автор, на материале многозначных прилагательных цвета, обсуждает едва ли не самую **главную проблему** языкознания: соотношение между формой и значением в словесном знаке, при этом – на самом сложном участке этого соотношения, когда между формой и значением нет однозначного соответствия, когда, в частности, у одной формы образуется несколько значений и когда в дополнении к форме, каковой является само слово, должны быть еще формы – в виде сочетаемости слова с другими словами, в виде вхождения слова, на основе сочетаемости, в классы других слов.

Данной проблеме в одной только русистике посвящено множество специальных работ, в том числе и обширных монографий (К. Гадани анализирует наиболее известные их этих работ, например работы таких авторов, как Д. Н. Шмелев, Ю. Д. Апресян, С. Д. Кацнельсон, В. Н. Телия и др.). В дискуссиях по этой теме сломано много копий. То, что К. Гадани тоже обсуждает эту проблему, делает честь ему как лингвисту.

Трудно ожидать, что в одной работе, у одного автора, эта сложная проблема может быть решена «окончательно и бесповоротно», тем более что для автора эта проблема и не была самой главной. Главное внимание К. Гадани уделяет сравнению-сопоставлению языков, а в связи с этим, значит, сопоставительно-типологической проблематике. Но дело в том, что прежде, чем что-то сравнивать, надо располагать тем, **что** сравнивать. У К. Гадани – это состав значений многозначного прилагательного цвета. Поэтому ему и надо было формулировать средства для различения этих значений – применительно к каждому прилагательному каждого из сравниваемых славянских языков. Несомненно, что для этого потребовалась соответствующая методология, – позволяющая однозначно соотносить **форму и значение** в прилагательных, вырабатывать соответствующие решения.

2. Из работы К. Гадани становится более ясным такой вопрос, как **аспекты в значении** слова: 1) номинативное значение, 2) эмотивное значение и 3) значение, приобретаемое словом в соотношении с другими словами.

Что касается соотношения между этими аспектами, то К. Гадани решает этот вопрос в основном традиционно: 1) номинативное значение слова отделяется от сочетаемости слова, 2) «сочетаемостное» значение (называемое «переносным» значением) слова не рассматриваются как номинативное значение; 3) эмотивное значение появляется как «сочетаемостное» значение, а значит, тоже не рассматривается номинативным.

Надо, все-таки, полагать, что каждое слово одновременно употребляется в каждом из названных аспектов: 1) называет реалию (номинативное значение), 2) сочетается с другими словами (появляется переносное значение), 3) выражает отношение говорящего к реалии (обычно – нейтральное отношение). Весь материал монографии К. Гадани, даже все рассуждения К. Гадани по этому вопросу убеждают в этом.

3. В качестве **семантического языка** (метаязыка для описания значений) К. Гадани использует обычный, повседневный язык, как это делают традиционно и составители толковых словарей. Компонентами этого семантического языка являются отдельные толкования отдельных значений слов. Однако сравнивать эти компоненты, с целью различения и отождествления значений слов, – объективно очень трудно. Этих компонентов – столько, сколько толкований; содержание их изменяется от одного толкования к другому. Этот метаязык (бытовой) практически так же бесконечен, как и описываемый с его помощью язык-объект. При описании семантики всегда встает вопрос о необходимости создания специального метаязыка (в морфологии в роли метаязыка часто используются сами описываемые факты – суффиксы, флексии, приставки и др., что тоже не вполне совершенно).

У К. Гадани открываются **большие перспективы:** располагая таким благодатным материалом, как прилагательные со значением цвета, – создать семантический язык, прежде всего – для описания этих прилагательных, а затем, на этой основе, выработать принципы составления семантического метаязыка для описания других категорий значения в лексике. Благодатным этот материал является потому, что 1) прилагательных со значением цвета сравнительно не очень много (как и терминов родства, на основании которых делаются попытки составления семантического языка), по сравнению, например, с другими тематическими группами лексики (см., например, каждую из «разговорных» тем, которые изучаются студентами: «Квартира», «Семья», «Транспорт» «Магазин» и др.); 2) прилагательные обязательно сочетаются с существительными – и обязывают исследователя создавать семантический язык прежде всего для описания их значений в их сочетаемости, а не в их понятийной области, которую можно описать уже располагая «готовым» семантическим языком.

Конечно, описание конкретной лексической сочетаемости слов, формирование, с учетом этого синтагматического признака парадигматических классов, – не простое дело. Прежде всего – из-за большого количества пар «прилагательное + существительное», которые, образовав, придется проверять на их правильность: «так говорят» или «так не говорят», ср.: *серый писатель, *серый брат, серый от пыли брат, серая пыль* и т. д. Основными информантами и в этом случае будут составители толковых

словарей. Но потребуются и «рядовые» информанты, одним из которых может быть и исследователь, знающий данный язык.

Основной интерес для читателя, который знакомится с работами К. Гадани, представляет сравнение прилагательных со значением цвета в разных языках – родственных (славянских) и неродственных (славянских и венгерского), несмотря на то, что сравнение этих значений автор осуществляет без помощи специального семантического метаязыка, – а с помощью обыкновенного русского или венгерского языка (в роли метаязыка). Задача состоит в том, чтобы для описания прилагательного со значением цвета создать семантический язык.

Литература

Гадани К. Ред. Сб. Слово и цвет в славянских языках. Melbourne, Academia Press, 2000.

Гадани К., ред. Сб. Свет и цвет в славянских языках. Melbourne, Academia Press. 2004.

Гадани К., Моисеенко В., Синяя ли синица. Сб. Legendák, Kódexek, Források. Tanulmányok a 80 esztendős H. Tóth Imre tiszteletére. Szeged, 2012. pp. 127–135.

Моисеенко В. Цветовая тематика в исследованиях венгерских славистов. Вестник № 25. Русский язык: функционирование и проблемы преподавания. Будапешт, 2011. с. 77–81.

Федосов В. А. Русский язык в исследованиях проф. К. Гадани: проблематика описания значений прилагательных цвета. Studia Slavica Savariensia, 1-2. Szombathely 2003. с. 125–138.

Gádányi K., Mojszejenko L., Mojszejenko V. Слово и цвет в славянских языках. Melbourne, Academia Press, 2000.

Gádányi Károly irásáinak válogatott bibliográfiája. – Studia Slavica Savariensia, 1-2. Szombathely 2013. pp. 10–18.

6.4. Русская лексикография (Б. Татар)

Б. Татар и русская лексикография. Лексикография определяется как наука о словарях. Русская лексикография – наука о русских словарях. Русские словари в России активно составлялись в XX веке, особенно начиная со 2-ой половины XX века. Однако русская лексикография (наука о русских словарях) не была столь же активна: обобщающих монографий в области русской лексикографии не появлялось. Первой такой обобщающей работой была небольшая книжка: Цейтлин 1958, в которой помимо краткого очерка истории русской лексикографии была изложена и классификация русских словарей с краткой их характеристикой. Затем в русской лексикографии снова наступил период, равный 30-летнему сроку, когда монографических описаний русской лексикографий не было. Занимались этой темой только вузовские преподаватели на филологических факультетах, читая студентам курсы по русской лексикологии. Наконец в 1985 году появилась большая книга в 356 страниц, обобщающая все филологические словари русского языка. Но книга была опубликована не в России, не в Москве, а в Венгрии, в Будапеште. И написал ее не русский лексикограф, а венгерский – профессор кафедры русского языка Будапештского университета Бела Татар. Написал он ее на русском языке – и стала эта книга научным вкладом в русистику Венгрии и России.

Отдельные части этой монографии были составлены в Будапеште раньше в виде отдельных выпусков (томов), когда Б. Татар читал лекции на курсах повышения квалификации венгерских преподавателей русского языка в Будапеште, – сразу вызывая интерес у венгерских и некоторых русских рецензентов (см. ниже в списке литературы эти рецензии). Назовем саму книгу Б. Татара в 2-х ее изданиях:

Татар Б. Русская лексикография. Анализ одноязычных филологических словарей русского языка. Т. 1, 2, 3. Будапешт, 1977. 392 с.

Татар Б. Русская лексикография. Одноязычные филологические словари. Будапешт, 1985. 356 с.

Одновременно назовем и основные статьи Б. Татара, посвященные русской лексикографии. В основном это рецензии на русские словари. Эти рецензии использовал Б. Татар при написании своей книги.

Татар Б. Рец.: Засорина Л. Н., ред. Частотный словарь русского языка. Москва, 1977. – В журнале «Вопросы языкознания», 1978, 2.

Татар Б. О новом словаре трудностей русского языка. – Annales Univ…, Budapest, IX, 1978.

Татар Б. Некоторые проблемы лексикографического описания фразеологических единиц. Studia Russica, 1. Budapest, 1978.

Татар Б. Рец.: Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка. Москва. – «Вопросы языкознания», 2, 1979.

Татар Б. Рец.: Граудина Л. К. и др. Грамматическая правильность русской речи. Москва, – Annales Univ. Budapest, T. X, 1979.

Татар Б. К вопросу о словниках двуязычных фразеологических словарей русского языка. Annales Univ., T. XI, 1980.

Татар Б. Лексикографическая разработка паронимов русского языка. Studia Russica, VI, Budapest, 1983.

Татар Б. Рец.: Яранцев Р. И. Словарь-справочник по русской фразеологии Москва, 1981. – Studia Russica, VI, 1983.

Tatár B. Az orosz lexikográfia egyes kérdései. ELTE, Budapest, 1975.

Tatár B. A mai orosz nyelv. Lexikográfia. Budapest, 1982.

В книге Б. Татара «Русская лексикография» (Татар 1985) описываются современные филологические словари, однако в начале почти каждого раздела дается информация и о соответствующих старых русских словарях, о рукописных и печатных словарях XIII–XIX вв. Что касается словаря В. Даля, то, несмотря на то, что он относится к XIX веку, описывается он в книге Б. Татара как современный русский словарь, так как к этому словарю постоянно обращаются читатели и в настоящее время.

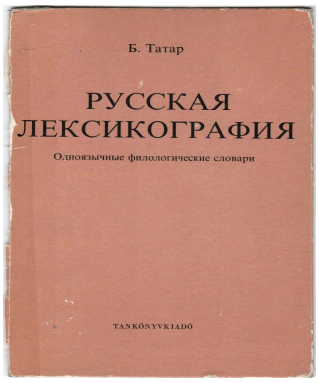
Свою книгу Б. Татар адресовал студентам-русистам филологических факультетов венгерских университетов и пединститутов в качестве учебного пособия по русской лексикографии. Однако этой книгой, в которой охарактеризованы и систематизированы все русские филологические словари, пользовались и преподаватели филологических факультетов, и научные работники. Книги подобного рода так же нужны филологам, как и словари. Б. Татар хотел, чтобы книга служила «не только информативным задачам, но и стимуляции интереса к научному анализу» (с. 9). Явно, что и студентам, и преподавателям нужна и эта сторона дела: они не только должны знать о словарях, но и уметь их анализировать, размышлять над ними. Б. Татар часто с этой целью, сравнивая словари, предлагает читателю для рассмотрения словарные статьи с одним и тем же заголовочным словом: как это одно и то же слово характеризуется в разных словарях данного типа Помещается фотография титульного листа словаря, а под ней – фотография словарной статьи из этого словаря. Это очень усиливает информативность книги Б. Татара, повышает к ней интерес.

Книга подразделяется на две неравные части. Первая часть (с. 13–312) – это непосредственно описание 79 словарей, распределенных по 28 типам словарей. Вторая часть (с. 313–356) – библиографическая: 1) список всех 79 проанализированных словарей по алфавиту их авторов, 2) список

этих же словарей в тематическом упорядочении, а «внутри» каждой темы (типа словаря) – упорядочение в хронологической последовательности; 3) библиография работ по русской лексикографии, в том числе и венгерских авторов. В последнем случае это в основном работы самого Б. Татара, а также рецензии на его книгу в первоначальном издании: Пете 1977, Kocsis-Horváth 1980 и др.

Проф. Бела Татар (Будапештский университет) среди преподавателей-русистов

Перейдем к рассмотрению того, как анализировал Б. Татар русские словари в своей книге: Татар 1985 (страницы указываются поэтому изданию).

Русские толковые словари. В предисловии к разделу «Толковые словари» (с. 27–28) Б. Татар излагает историю толковых словарей в России, которая началась в XIII веке. Историю составляет и 4-томный «Толковый словарь живого великорусского языка» В. Даля (1863–1866 гг.). Но словарь В. Даля настолько богат лексикой (200 тысяч слов), настолько разнообразна эта лексика, настолько своеобразны толкования значений этих слов, что этот словарь переиздавался много раз. Последнее, 8-ое издание вышло в 1981 г., – так что одновременно этот словарь является и словарем современного русского языка.

Б. Татар очень высоко оценивает словарь В. Даля, – за то, что он богат лексикой. Одновременно Б. Татар и критикует этот словарь – за то, что он не нормативный, не предписывает норм употребления слов, как все остальные толковые словари. В. Даль хотел, чтобы пользователь словаря брал из его словаря слова, исходя из их значения, их места распространения – и использовал их в своей речи. Б. Татар пишет, что «В. Даль не любил академических словарей, в частности за их нормативность, за их

стремление выделить лексику литературного языка как рекомендуемую, правильную» (Татар 1985, с. 30).

В. Даль был против заимствованных слов в русском языке. Б. Татар пишет, что «заимствованной лексики В. Даль вообще не любил, считая, что заимствование слов – процесс не нужный и даже вредный для русского языка и упорно искал русские синонимы к заимствованным словам. По его мнению, любое слово нерусского происхождения может быть заменено равноценным русским словом» (с. 31).

В. Даль применительно ко многим словам давал энциклопедическое толкование значения слов. Б. Татар приводит примеры подобного описания значения слов: *баня* – рассказывается о русской бане; *топор* – перечисляются все виды топоров с указанием их назначения; *уда* – описываются все виды удочек; см. также: *изба, парус, плуг, окно, телега, лодка, ружье* и т. д.

Слова в словаре В. Даля располагаются по алфавитно-гнездовому принципу – в соответствии (пишет Б. Татар) «со словообразовательными и семантическими (иногда и этимологическими) связями родственных слов друг с другом. В одно гнездо, в одну словарную статью включаются слова данного корня, начинающегося на ту же букву, что и заглавное слово статьи» (с. 32–33). Б. Татар отмечает, что «гнездовой способ наглядно показывает богатство русского словообразования» (с. 330. Однако вслед за другими критиками словаря В. Даля Б. Татар отмечает, что гнездовой способ расположения слов – это недостаток словаря: найти слово в таком словаре затруднительно, особенно если гнездо большое (с. 33).

В качестве примеров употребления слов в словарной статье В. Даль приводит (пишет Б. Татар) народные пословицы, поговорки и прибаутки: «около 30 000 пословиц и поговорок русского народа размещено в гнездах словаря» (с. 34).

После словаря В. Даля Б. Татар характеризует 4-томный толковый словарь под редакцией Д. И. Ушакова (1935–1940 гг., 85 000 слов). Составляли этот словарь В. В. Виноградов, Г. О. Винокур, Б. А. Ларин и др., ставшие затем известными русскими языковедами. Этот словарь – современного русского языка, включающий лексику «от Пушкина до Горького». Характеризуя этот словарь, Б. Татар подчеркивает его нормативность, в отличие от словаря В. Даля. Это словарь – алфавитный, с кратким и точным объяснением значения слов. «Этот словарь, – пишет Б. Татар, – считается одним из лучших толковых словарей» (с. 37). Однако, одновременно замечает Б. Татар, словарь устарел, так как в нем много лексики 20-х годов XX века.

Далее Б. Татар характеризует однотомный словарь С. И. Ожегова (1949 г., 52 000 слов), ставший «народным» словарем благодаря тому, что, как пишет Б. Татар, «основными признаками, отличающими его от других

толковых словарей, являются следующие: а) однотомник, б) сравнительно небольшой объем словника, в) небольшой объем словарных статей, г) сжатость и точность толкований…» (с. 37–38). Б. Татар делает замечание относительно фразеологических сочетаний (получивших впервые в лексикографии специальную помету): «Фразеологические единицы включаются в словарную статью непоследовательно: отдельные причислены к фразеологизмам, а некоторые оставлены за пределами фразеологии, хотя заглавное слово обладает фразеологически связанным значением» (с. 39). Заканчивает свой анализ словаря С. И. Ожегова Б. Татар следующим образом: «Нет сомнения, что эти недочеты нисколько не умаляют значения и ценности этого столь практичного и нужного для каждого филолога-русиста великолепного настольного пособия» (с. 40).

Большой 17-томный толковый академический словарь БАС (1950–1965 гг., 120 000 слов) охватывает лексику «от Пушкина до наших дней». Б. Татар так характеризует этот словарь: Словарь «является наиболее полным среди всех других русских нормативных толковых словарей… Он дает сведения не только об основном значении слов русской лексики, но также и о многозначности и о фразеологических значениях,…давая полную грамматическую и стилистическую характеристику каждого слова. Кроме того. в словарных статьях содержатся ценные сведения также и о происхождении слова.» (с. 41). Далее Б. Татар пишет: «Так как работа над словарем велась более 20 лет, естественно, некоторые принципы единства его составления претерпевали ощутимые изменения, результатом которых, в частности, является отличие первых трех томов от всех последующих» (с. 42).

После БАСа последовал МАС – 4-томный академический словарь (1957 г., 82 000 слов), при составлении которого использовалась картотека БАСа. Б Татар констатирует, что между этими словарями принципиальных различий не существует. Однако затем Б. Татар отмечает отличие МАСа: в него «не включены устарелые слова, включены новые слова, в словарной статье больше информации о слове…» (с. 43–44). И далее Б. Татар показывает некоторые усовершенствования в МАСе: «…наблюдается больше последовательности…в применении системы помет…, использование синонимов вместо подробного толкования, отмечены новые значения и оттенки значений…» (с. 45).

Дальше Б. Татар характеризует «Краткий толковый словарь русского языка (для иностранцев)» (1978 г., 5 000 слов). Б. Татар пишет: «Он предназначался специально для иностранцев и для учителей русского языка, преподающим русский язык иностранцам» (с. 46). Эта задача, пишет Б. Татар, обусловила специфику словаря: «представить более употребительную и активную лексику…, необходимую для общения с окружающими…., для понимания текстов средней трудности…» (с. 47). Особенно-

сти словаря, как краткого словаря, состоят в следующем: «…указано лишь одно наиболее употребительное значение…» (с. 48), «…иллюстративный материал взят из живого разговорного языка, а не из произведений литературы» (с. 49), «…частотность и актуальность слов были определены на основе частотных словарей и лексических минимумов» (с. 49). В качестве достоинств словаря Б. Татар отмечает, что в словаре помещены статьи «Сведения о русской фонетике» и «Сведения о русской грамматике» (с. 49). Большим упущением словаря Б. Татар считает «отсутствие в словнике целого ряда слов, необходимых для студентов-иностранцев: *абонемент, вестибюль, корпус*…» (с. 56).

Вслед за толковым словарем для иностранцев Б. Татар характеризует «Толковый словарь русского языка», предназначенный для учащихся национальных школ СССР под ред. Н. М. Шанского (1977 г.). Б. Татар пишет, что словарь «содержит около 3 500 слов, считающихся наиболее употребительными и необходимыми учащимся национальных школ для активного общения в различных условиях повседневной жизни» (с. 51). Словарь любопытен тем (на это обращает внимание Б. Татар), что «не включены в словарь те слова, со значением которых учащиеся уже познакомились на начальном этапе обучения, например грамматические термины, названия частей человеческого тела, названия предметов домашнего обихода, школьной жизни, а также сложные слова, образующиеся по общим правилам и значения которых выводятся из составляющих их частей» (с. 51). Б. Татар находит в словаре и некоторые недостатки (он их перечисляет), которые, однако, не умаляют важного значения словаря для тех, кому он адресован.

И еще один толковый словарь характеризует Б. Татар: «Школьный толковый словарь русского языка» (1981 г.) под ред. Ф. П. Филина. Б. Татар замечает: «Словарь предназначен…школьникам, родным языком которых является русский…» (с. 54). И далее: «Его нормативный характер проявляется в отборе слов для словника, в раскрытии семантического облика слов, а также их фонетических, грамматических признаков» (с. 54). Однако Б. Татар замечает и недостатки: в словаре много книжной лексики (не нейтральной в стилистическом отношении): *абонент, адресат, адресант, актив, аннотация* и др. В словаре подробно описано управление глагола, но не описано управление существительного и прилагательного. Б. Татар отмечает и еще некоторые недостатки, которые, однако, по его мнению, не снижают ценности словаря.

Русские этимологические словари. Б. Татар пишет, что этимологические словари существуют трех типов: корневые, словообразовательные и словообразовательно-исторические. (с. 57). Б. Татар, рассматривая этимологический словарь русского языка А. Г. Преображенского (1914 г., 1949, 1959 г.), относит его к первому типу. Б. Татар пишет о словаре, что

«каждая словарная статья состоит, как правило, из двух и более частей. В первой части приводится заглавное слово и его производные формы; здесь же дана их грамматическая характеристика…Вторая часть включает в себя все слова родственных славянских языков, имеющих аналогичное значение… В третьей части перечислены слова с аналогичным значением в других, не славянских …языках для сопоставления… Отдельная часть посвящена вопросу о модификации основы слова…, приводятся примеры из современного русского языка…» (с. 58–59). Б. Татар отмечает и недостатки словаря: «Словарь не охватывает все слова русского языка…наблюдается некритическое использование других, предшествующих словарей. Однако, несмотря на некоторые недостатки, словарь является ценным вкладом в лексикографическую науку» (с. 59).

«Этимологическому словарю русского языка», составленному немецким лингвистом М. Фасмером, пишет Б. Татар, «посвящено много работ, анализирующих как его структуру, так и его значение» (с. 60). Опубликован словарь в Германии (1953–1958 гг.), издан был переводом на русском языке в 4-х томах (1964 г.). Б. Татар отмечает различия между немецким и русским изданием: они состоят «…в изменении порядка следования толкования или же сопоставлений русских слов с иноязычными» (с. 62). На различии со словарем А. Г. Преображенского строит Б. Татар свою характеристику словаря М. Фасмера. Словарь М. Фасмера больше по объему, он более современен: «в нем упрощены этимологические описания слов, меньше сопоставлений…, в нем каждому заглавному слову дается толкование, так же как и каждому его деривату. Система помет в нем логичная, последовательная, общепонятная…» (с. 61). Оба эти словаря Б. Татар оценивает очень высоко: «Они еще долго будут числиться среди лучших справочных пособий и замечательных научных трудов у специалистов-филологов» (с. 63).

Дальше Б. Татар ведет речь о словаре, который называется: «Краткий этимологический словарь. Пособие для учителя» (1961 г., 5 000 слов). Б. Татар пишет: «По своей структуре он принадлежит к словообразовательно-историческому типу этимологических словарей. Его краткость заключается не в малом количестве отобранных слов, а в сокращении научных фактов…» (с. 63). Хотя редактор словаря С. Г. Бархударов очень высоко оценивает этот словарь, Б. Татар относится к словарю сдержанно: «Трудно сказать, в какой степени словарь удовлетворяет требованиям читателей…» (с. 63).

Многотомный «Этимологический словарь русского языка» под ред. Н. М. Шанского (1-ый том вышел в 1965 г.) издан для специалистов-филологов. Б. Татар пишет, что «в словарь включено огромное количество слов…, каждая словарная статья содержит соответствующий научный аппарат…с учетом всех новейших достижений советской и зарубежной

этимологии и лексикографии» (с. 65). Б. Татар находит недостатки и в этом словаре. Однако в целом оценивает его высоко: «…в новом словаре содержится больше сведений о том или ином слове современного русского литературного языка, нежели в любом из вышедших до сих пор этимологических словарей» (с. 66).

Русские исторические словари. К этимологическим словарям близко стоят исторические словари, которые «дают сведения о словах, зарегистрированных в памятниках письменности русского языка (с. 71). Б. Татар пишет, что исторические словари «могут быть отнесены к двуязычным словарям» (с. 71), однако рассматривает их все-таки как одноязычные словари. Б. Татар анализирует кратко два исторических словаря: 1) словарь И. И. Срезневского в 3-х томах (1893–1912 гг.), 2) «Словарь русского языка XI–XVII веков» (1975 г.), – высоко их оценивая и придавая им важность при изучении русского языка как иностранного; в том числе они необходимы, пишет Б. Татар, и венгерским специалистам-русистам (как студентам, так и преподавателям) (с. 71).

Русские диалектные словари. Перед тем, как начать главу о современных диалектных словарях русского языка, Б. Татар замечает: «…одним из лучших трудов, содержащих самое большое количество областных слов, является «Толковый словарь» В. Даля; он представляет собой самое полное собрание лексики русских диалектов» (с. 77). Б. Татар пишет далее, что диалектные словари – особая разновидность толковых словарей. Диалектные словари, пишет Б. Татар, бывают трех типов: а) словарь, включающий диалектную лексику всех русских говоров, б) словарь, включающий всю лексику одного говора, в) в словарь включается только некоторая лексика одного говора. Большинство диалектных словарей относится к последнему типу. Прежде, чем проанализировать два наиболее известных русских словаря, Б. Татар воспроизводит карту русских народных говоров: северное наречие, южное наречие, среднерусское наречие (с. 78–81). Самый известный русский диалектный словарь – это «Словарь русских народных говоров», составленный под ред. Ф. П. Филина (1965–1980 гг.). Б. Татар пишет: «Этот капитальный труд является ценным … потому, что охватывает диалектную лексику всех русских народных говоров, что он выполнен на высоком научном уровне и основывается на весьма надежных источниках» (с. 82). Б. Татар пишет, что диалектные слова не включаются в толковые словари литературного языка. Однако они употребляются в речи – и они заслуживают описания. Они описываются с указанием их территориальной принадлежности. Описываются значения диалектных слов – их многозначность и омонимия.

Второй диалектный словарь «Словарь русского народного говора (д. Деулино Рязанской области)» (1969 г.) под ред. И. А. Оссовецкого. Б. Татар пишет, что и этот словарь «выполнен на высоком научном

уровне» (с. 85). Б. Татар присоединяется к мнению русских лингвистов, которые считают, что изменения лексики русских народных говоров идет быстрыми темпами в сторону литературного языка (с. 87).

Словари языка русских писателей. Русские лексикографы проявляли интерес к языку отдельных писателей: А. Пушкин, А. Горький, С. Есенин, В. Маяковский, А. Чехов, В. Ленин. Однако закончен был только один словарь – 4-томный «Словарь языка Пушкина» (1956–1961 гг.). Язык Пушкина – это русский язык 20-30-ых годов XIX века, откуда «пошел» современный русский язык. Слова в словаре располагаются по алфавиту, описываются у них те значения и те формы, которые употреблены Пушкиным. Б. Татар пишет: «Словарь языка Пушкина является незаменимым пособием как для специалистов-филологов, так и для преподавателей-русистов и студентов при изучении творчества Пушкина, истории русского литературного языка…» (с. 90).

Русские фразеологические словари. Б. Татар – специалист по фразеологии, поэтому раздел, посвященный фразеологическим словарям, получился у него большим. Правда, и словарей этих в русской лексикографии оказалось много, несмотря на то, что фразеологизмы описываются и в других словарях – толковых, словарях сочетаемости слов, в словарях крылатых выражений, в словарях пословиц и поговорок.

Приступая к рассмотрению «Фразеологического словаря» А. И. Молоткова (1967 г., 9 000 фразеологизмов), Б. Татар характеризует этот первый русский фразеологический словарь положительным образом: «В настоящее время советская лексикография располагает весьма ценным фразеологическим словарем русского языка, выполненным на высоком научном уровне» (с. 91). Б. Татар высоко оценивает также и теоретическое введение к словарю. У А. И. Молоткова такой же подход к фразеологизмам, как и у Б. Татара. Однако отмечает Б. Татар и некоторые недостатки словаря (с приведением примеров): часто полисемия подается как омонимия; много фразеологизмов отсутствуют в словаре, например фразеологизмы, употребленные И. А. Крыловым (Б. Татар изучал ранее произведения И. А. Крылова с этой точки зрения). Б. Татар заключает: «Фразеологический словарь» А. И. Молоткова пользуется большим успехом у венгерских преподавателей-русистов, а также у других специалистов, и его считают одним из лучших и полезнейших словарей, которые оказывают действенную помощь как в процессе обучения русскому языку, так и в научно-исследовательской работе» (с. 96).

Далее Б. Татар анализирует «Учебный фразеологический словарь русского языка» под ред. Н. М. Шанского (1979 г., 758 фразеологизмов), адресованный учащимся национальных школ в СССР. По мнению Б. Татара, достоинства словаря следующие: тщательно подобран фразеологический материал, доступный для учащихся; хороший иллюстратив-

ный материал; описываются фразеологические сращения и единства. Одновременно называет Б. Татар и недочеты словаря: некоторые примеры придумываются, а не берутся из художественной литературы; фразеологические синонимы описываются вместе, а не в отдельных статьях; нет фразеологизмов на букву А, хотя такие существуют: *ад кромешный* и др.

Б. Татар далее пишет, что наконец-то появился «долгожданный и очень нужный «Школьный фразеологический словарь русского языка» (1980 г.), предназначенный для учащихся в качестве учебного пособия. Автором словаря является В. П. Жуков. Б. Татар пишет: «В словаре собрано около 5 000 наиболее употребительных фразеологизмов, с которыми учащиеся могут встретиться при чтении произведений великих русских и советских писателей» (с. 101). И далее Б. Татар пишет: «Задача словаря состоит в том, чтобы оказать помощь школьникам в повышении культуры речи, в обогащении их словарного запаса образными выражениями…Этот замечательный словарь может быть использован и в качестве учебного пособия…и в Венгрии (например, на первых трех курсах…отделения русского языка и литературы гуманитарных университетов и педагогических институтов» (с. 101–102). Вместе с тем Б. Татар находит и недочеты в словаре: отсутствие многих употребительных фразеологизмов; нет списка источников словаря; отсутствует алфавитный перечень фразеологизмов в конце словаря и нек. др. (с. 103–104). Но Б. Татар заключает, что эти недостатки «нисколько не умаляют его важности и значения» (с. 103).

Следующий фразеологический словарь русского языка составил Р. И. Яранцев – для преподавателей и студентов-иностранцев. Словарь называется: «Словарь-справочник по русской фразеологии» (1981 г.). Фразеологизмы в словаре разбиваются на три темы: эмоции человека (13 разделов); свойства и качества человека (13 разделов); характеристика явлений и ситуаций (20 разделов). Разумеется, в конце словаре имеется алфавитный указатель, «отправляющий» читателя в тот или другой тематический раздел словаря. Б. татар замечает: «Словарь является словарем нового типа» (с. 105). У словаря, отмечает Б. Татар, имеются следующие достоинства: удачный подбор фразеологизмов; подробная фонетическая и грамматическая характеристика фразеологизмов, что очень важно для иностранцев; в словарь включаются только собственно фразеологизмы – сращения и единства (просто устойчивых словосочетаний нет, что соответствует фразеологической концепции самого Б. Татара.)

Русские словари крылатых слов и выражений. Б. Татар считает, что крылатые слова и выражения, пословицы и поговорки к фразеологии не относятся, поэтому выделил их в своей книге из фразеологии в отдельные два раздела. Б. Татар сначала характеризует «интересную книгу» С. В. Максимова «Крылатые слова» (1955 г., 527 выражений). Значение крылатых выражений описывается точно так же, как описываются значения слов

в энциклопедии. Подробнее Б. Татар описывает другой словарь: «Крылатые слова. Литературные цитаты. Образные выражения» (1953 г., 4 000 выражений) Н. С. и М. Г. Ашукиных. В целом Б. Татар без особого восхищения относится к этому словарю, отмечая только его недостатки: отсутствие четких границ между крылатыми словами и фразеологизмами; нет во многих случаях стилистических помет; много устаревших слов и выражений; нет многих новых слов и выражений.

Русские словари пословиц и поговорок. Б. Татар подробно характеризует «Словарь русских пословиц и поговорок», составленный В. П. Жуковым (1966 г.). Словарь предназначен для филологов, переводчиков, для всех, кто изучает русский язык. Б. Татар добавляет: «Для преподавателей-русистов венгерских школ и студентов отделения русского языка и литературы является особенно интересным и очень полезным справочным пособием» (с. 113). Б. Татар подробно цитирует вступительную статью В. П. Жукова о различии между фразеологизмами – с одной стороны, и пословицами и поговорками – с другой. Эти две категории, пишет Б. Татар, нельзя объединять вместе. Положительные качества словаря (пишет Б. Татар): «во-первых толкование является общедоступным, кратким, исчерпывающим; во-вторых, обилие оправдательных примеров обеспечивает наглядность употребления пословиц; в-третьих, справочный материал содержит сведения о старых формах пословиц» (с. 115).

Русские словари устойчивых словосочетаний. Б. Татар объясняет, как надо понимать термин (понятие) «устойчивое словосочетание», который только входит в употребление, но еще не устоялся со своим значением. В первых русских словарях устойчивых словосочетаний, пишет Б. Татар, «еще не различаются свободные, устойчивые и фразеологические словосочетания, как это делается в более поздних изданиях этого типа словарей» (с. 116). Б. Татар цитирует А. И. Молоткова, присоединяясь к его мнению: «Устойчивые словосочетания по характеру спаянности компонентов занимают промежуточное положение между свободными словосочетаниями и фразеологическими единствами» (с. 116).

Б. Татар анализирует три словаря устойчивых словосочетаний русского языка, предназначенных в качестве учебных пособий для студентов-иностранцев. Первый словарь – «Словарь глагольно-именных словосочетаний общенаучной речи» (ред. В. И. Красных, 1973 г.), составленный на материале учебников, научно-популярной литературы, с использованием также и толковых словарей. Словарь состоит из двух частей: 1) сочетаемость глаголов. 2) сочетаемость существительных. В качестве недостатка, пишет Б. Татар, надо назвать отсутствие грамматических указателей у словосочетаний.

Второй словарь – «Устойчивые глагольно-именные словосочетания русского языка» – составил В. М. Дерибас (1975 г.). «Этот словарь-

справочник, – пишет Б. Татар, – является излюбленным практическим пособием преподавателей-русистов венгерских средних школ и многих студентов отделения русского языка и литературы» (с. 120). Словарь состоит из двух частей: 1) глагольные словосочетания – по алфавиту глаголов *(будить воспоминания)*; 2) те же словосочетания, – но – по алфавиту существительных *(Воспоминание)*. Таким образом, каждое словосочетание встречается в словаре два раза, что (пишет Б. Татар) «создает явные удобства для разыскивания того или иного словосочетания» (с. 123). В заключение Б. Татар еще раз обращает внимание венгерских преподавателей и студентов-русистов на «уникальный характер этого словаря, на то, что пользование им оказывает огромную помощь в обучении русскому языку в закреплении навыков по валентности глаголов» (с. 124).

Третий словарь – «Устойчивые словосочетания русского языка» (ред. Л. И. Широкова, 1976 г, около 3 000 словосочетаний) – содержит также и упражнения для студентов-иностранцев на определение а) с какими существительными сочетается данный глагол; б) с какими глаголами сочетается данное существительное, в) с какими прилагательными сочетается данное существительное, г) с какими существительными сочетаются данные наречия; д) как заменить данные словосочетания синонимическими, е) как подобрать синонимы, и т. д. Б. Татар замечает, что упражнений по переводу как с русского языка, так и на русский язык нет, хотя перевод устойчивого словосочетания всегда составляет трудность (с. 126). Наряду с положительными качествами словаря Б. Татар отмечает и недостатки (иллюстрируя их примерами): 1) в словарь иногда включены также и свободные словосочетания; 2) не все валентности у словосочетания указаны; 3) многие употребительные словосочетания отсутствуют; 4) включаются иногда терминологические словосочетания. Б. Татар заключает, что «большую помощь может оказать словарь также и преподавателям-русистам венгерских средних школ» (с. 125).

Русские словари синонимов. Б. Татар пишет, что «вопрос о создании словаря синонимов русского языка занимал русских филологов еще в XVIII веке», так как «синонимические возможности русского языка чрезвычайно велики» (с. 130). Однако только в советское время удалось составить первые синонимические словари. Но вначале надо было решать вопрос, что такое синонимы. Б. Татар пишет: «Традиционное определение синонимов как слов, тождественных и близких по своему значению…, наполняется разным содержанием…» (с. 131). Прежде всего слова-синонимы должны относиться к литературному языку, а затем их можно отождествлять и различать по значению. При этом синонимами могут быть не только отдельные слова, но и слова и словосочетания. Далее Б. Татар характеризует четыре словаря синонимов.

Первый словарь – это «Краткий словарь синонимов русского языка» В. Н. Клюевой (1956 г., 3 000 синонимов), первый опыт синонимического словаря. Во вступительной статье В. Н. Клюева подробно объясняет, что такое синонимы. Б. Татар это цитирует. Положительные качества словаря В. Н. Клюевой (замечает Б. Татар) – это: 1) первый словарь, 2) основной принцип – правильный, 3) отбор слов – удачный, 4) примеры – верные, 5) выделены доминанты в словарных рядах. В тоже время Б. Татар отмечает и недостатки: 1) отсутствие грамматической характеристики в синонимических рядах, 2) нет ударения у главного слова, 3) значения в синонимическом ряду не нумеруются, 4) много устарелых слов-синонимов.

Второй «Словарь синонимов русского языка» составлен З. Е. Александровой (1968 г., 9 000 синонимов). Словарь тоже краткий. В синонимические ряды включаются и словосочетания. Словарь (пишет Б. Татар) носит практический характер – рассчитан на писателей, журналистов, переводчиков, а также на тех, кто изучает русский язык – и как родной, и как иностранный. Б. Татар пишет о преимуществах данного словаря перед другими словарями синонимов: 1) компактный, 2) большой языковой материал всех стилей, 3) практичность в использовании. Одновременно Б. Татар отмечает и некоторые недостатки: 1) не всегда указана семантическая валентность у синонимов, 2) часто нет грамматической характеристики, 3) нередки неполные синонимические ряды.

Двухтомный «Словарь синонимов русского языка» под ред. А. П. Евгеньевой (1970 г.) уже не является кратким. В словарь включены только лексические синонимы; словосочетания, в том числе и фразеологические, в синонимических рядах отсутствуют, о чем Б. Татар сожалеет, ведь «фразеологизмы также входят в синонимическую систему языка» (с. 138). Правда, некоторые фразеологизмы как будто иногда обнаруживаются в синонимических рядах словаря, но, по мнению Б. Татара, это не фразеологизмы. Недостатком словаря, по мнению Б. Татара, является то, что в словаре много узкоспециальных слов (*адепт, аллюр* и др.), а также жаргонизмы (*кемарить, зацапать* и др.), хотя редактор во вступительной статье предупреждает, что подобных слов в словаре, посвященных литературному зыку, не должно быть. Заканчивает свой разбор словаря Б. Татар вполне оптимистично: «Словарь будет надежным и полезным справочным и нормативным пособием в руках специалистов на долгие годы» (с. 141).

Однотомный «Словарь синонимов» под ред. А. П. Евгеньевой (1975 г., более 7 000 синонимических рядов) составлен по материалом двухтомного словаря, – с тем, чтобы адресовать этот словарь более широкому кругу читателей. На этот раз в синонимические ряды включены не только лексические (однословные) синонимы, но и некоторые фразеологизмы, – что весьма удовлетворило Б. Татара. Анализ словаря получился у Б. Татара весьма положительный (см. с. 142–143). Отмечено и то, что в

словаре представлены «как синонимы полисемантические,…так и синонимы-омонимы…» (с. 143). И далее: «Весьма положительным следует считать стремление составителей создать однотомный словарь синонимов, который поистине является удобным в обращении, а его справочный характер облегчает работу читателям» (с. 143). Однако без критических замечаний Б. Татар не может обойтись: «Не в обиду будь сказано авторам-составителям: было бы более полезно, если бы в словарь включали только цитаты из произведений авторитетных источников, исключая разношерстный иллюстративный материал…» (с. 143).

Русские словари антонимов. «Явление антонимии, – замечает Б. Татар, – является в русском языке так же характерным, как и явление омонимии и синонимии» (с. 144). Статьи о русской антонимии писали давно, но словари антонимов стали составляться поздно. Б. Татар в своей книге характеризует три антонимических словаря.

Первый словарь – это «Словарь антонимов русского языка», составленный Л. А. Введенской (1971 г. 1400 антонимических пар). Словарь адресуется преподавателям-русистам и студентам-филологам. Б. Татар пишет: «Словарь выполнен на высоком научном уровне, что подтверждается весьма хорошо продуманным основным принципом словаря…» (с. 145). Этот принцип состоит в том, что наряду с антонимией автор «стремился показать явления полисемии и синонимии во всей полноте; такой основательный и полный анализ антонимов… никем еще не был сделан. Это имеет большую научную ценность и большое практическое значение» (с. 148). Во введении сказано, что в словаре должны быть только общеупотребительные антонимические пары, но Б. Татар замечает, что много общеупотребительных пар в словаре отсутствует (Б. Татар называет их: *абсолютный – относительный* и др.).

Второй «Словарь антонимов русского языка» составил Н. П. Колесников под ред. Н. М. Шанского (1972 г.). В словаре расширен состав антонимов: включены также и терминологические антонимы. Каждая словарная статья начинается с антонимической пары, затем объясняется по очереди значение каждого из слов пары. Словарная статья усложняется, если пара антонимов содержит многозначные слова, если у слов есть синонимы и др. Б. Татар замечает, что структура статьи в словаре Н. П. Колесникова получилось менее удачной, чем в словаре Л. В Введенской.. Б. Татар перечисляет недостатки словаря Н. П. Колесникова: нет примеров; в словаре отсутствует очень много употребительных антонимов (*богатый – нищий* и др.); наличие в словаре малоупотребительных антонимов (*аллопатия – гомеопатия* и др.); не всегда удачен подбор антонимов (*бас – дисконт* и др.); непоследовательность в отборе антонимов (есть *левобережный*, но нет *левосторонний* и др.). Тем не менее Б. Татар заключает: «…рассматриваемый словарь может оказать добрую услугу в качестве

справочника всем тем лицам, которые интересуются культурой речи» (с. 151).

Третий «Словарь антонимов русского языка» составил М. Р. Львов под ред. Л. А. Новикова (1978 г., около 2 000 пар). Словарь тоже рассчитан на широкий круг читателей. В словаре есть вводная статья, написанная редактором словаря, в которой все антонимические словари разделены на три вида: 1) академический словарь, охватывающий всю лексику русского литературного языка – годится для научных работников; 2) словарь-справочник для массового читателя; 3) учебный словарь. Б. Татар согласен с этим делением антонимических словарей. Б. Татар, далее, возражает против того, что в данном словаре нет толкования значений слов в антонимической паре. Б. Татар обобщает проанализированные им словари: «Таким образом, создается странная картина: в вышедшем в 1971 году словаре дается толкование, приводятся примеры; в словаре антонимов, вышедшем в 1972 году, дается толкование, но не приводятся примеры употребления, а в словаре, изданном в 1978 году, не дается толкования, но приводятся примеры употребления…В настоящее время читатель вынужден пользоваться всеми тремя словарями антонимов, так как чего нет во втором, есть в первом…» (с. 154). Но в конце своего разбора Б. Татар замечает о словаре М. Р. Львова: «…перечисленные недочеты нисколько не умаляют большое значение этого уникального труда…» (с. 156).

Русские словари омонимов. Б. Татар замечает, что о том, как надо подавать омонимы в словарях, заговорили русские языковеды в 50-ых годах XX века (Л. А. Булаховский, Л. В. Щерба, В. В. Виноградов). Но прежде всего надо было бы разобраться в сущности омонимии. Б. Татар считает, что «концепция О. С. Ахмановой кажется наиболее приемлемой и практичной» (с. 157) и далее подробно излагает эту концепцию, которую она реализовала в своем – первом в русской лексикографии – «Словаре омонимов русского языка» (1974 г.). Б. Татар пишет, что «в словаре дан не простой перечень омонимов и их иллюстрация, а сделана и классификация с точки зрения их образования и происхождения. Словарь выполнен на высоком научном уровне и сможет удовлетворить всем требованиям по данному вопросу» (с. 159). Но есть и недостатки в этом словаре. Б. Татар их перечисляет: не указываются источники примеров; нет толкования значения заглавного слова; русские омонимы переводятся на иностранные языки. Б. Татар заключает: словарь «может оказать весьма полезную помощь специалистам по русскому языку…, решающим вопросы, связанные с классификацией омонимов» (с. 160).

Второй «Словарь омонимов русского языка» предназначен для широкого круга читателей (1976 г., 4 000 омонимов). Составил его Н. П. Колесников под ред. Н. М. Шанского, который написал и теоретическое введение к словарю. Б. Татар описывает строение словарной статьи

этого словаря: «В словарной статье омонимы расположены в гнездах в алфавитном порядке и снабжены соответствующими грамматическими и этимологическими пометами…В случае наличия у омонимов нескольких значений, дается толкование каждого из них…» (с. 161). Как и полагается, Б. Татар отмечает и недостатки словаря, подробно их объясняя: 1) омонимический материал излагается сплошным массивом, без классификации; 2) у одних омонимов указано иностранное происхождение (*математика, физика* и др.), а у других нет указаний; 3) много малоупотребительных омонимов (*абака, авизо* и др.); 4) напротив, нет многих общеупотребительных омонимов (*барыня, башмак* и др.); 5) не везде омонимы снабжаются ударением.

Русские словари паронимов. Паронимы – это слова, частично сходные по звучанию, но различные по значению: *китайка – китаянка*. Паронимы вызывают ошибки в их употреблении и поэтому раньше паронимы описывались под названиями: «трудные случаи», «правильность русской речи» (Б. Татар дает обзор этой литературы: с. 165–166). Первым словарем паронимов стал «Словарь паронимов русского языка», составленный Н. П. Колесниковым (1971 г., 3 000 пар), адресованный студентам и преподавателям. Б. Татар подробно анализирует этот словарь, выделяя следующие его положительные черты: 1) «в нем собрано самое большое количество паронимов», 2) «малогабаритный размер делает его удобным в пользовании»; 3) «в предисловии дано весьма подробное и доступное объяснение термина «паронимия»; 4) «в словарь включены не только моносемантические, но и полисемантические паронимы». Б. Татар подытоживает: «Одним словом словарь представляет собой замечательное настольное справочное пособие как для лингвистов, так и для неспециалистов, а для студентов-русистов он является необходимым и нужным» (с. 168). Критических замечаний на этот раз у Б. Татара нет.

Русские ономастические словари. «Под термин «ономастические словари», – пишет Б. татар, – нами подводятся три типа филологических словарей: словари собственных имен, словари названий жителей и топонимические словари» (с. 169).

Словарь собственных имен – это «Словарь русских личных имен», составленный Н. А. Петровским (1966 г.). Словарь рассчитан на самый широкий круг читателей, включая студентов. Цитируя введение, написанное автором словаря, Б. Татар делит русские имена на следующие виды: а) дохристианские имена (*Мал, Третьяк* и др.), б) имена старорусские и славянские (*Вера, Владимир* и др.), в) новые имена (*Владлен* и др.), г) заимствованные имена (*Жанна* и др.). У русских употребляются трехчленные имена: имя, отчество, фамилия. Отчество возникло очень давно (XI в.): это знак вежливого, почтительного отношения к человеку. Б. Татар, подробно проанализировав словарь, подытоживает: «Ценность

словаря заключается не только в том, что в нем представлено около 2600 личных имен, но и в том, что в нем освещены вопросы, связанные с этимологией, употреблением и словообразованием, причем освещены на высоком научном уровне» (с. 172).

Второй словарь, который рассматривает Б. Татар в этом же разделе – «Словарь названий жителей СССР» (1975 г., 10 000 названий) под ред. А. М. Бабкина и Е. А. Левашова. Характеризуя словарную статью, Б. Татар пишет: «…в словарных статьях на первом месте находится географическое название… Каждое название жителей представляет собой отдельную (но не самостоятельную) часть основной словарной статьи…следуют наиболее важные грамматические характеристики…Затем следуют примеры из разных источников…» (с. 174–175). Б. Татар отмечает: «Словарь выполнен на высоком научном уровне. Его подлинно научный характер отражается не только в правильном преподнесении фактического материала, но также и в хорошо продуманных основных принципах, согласно которым авторам удалось построить структуру словаря… читатель легко может найти любое… название и получить важнейшие сведения о бытовании этого названия….» (с. 175).

Третий ономастический словарь, рассмотренный Б. Татаром, – это «Краткий топонимический словарь», составленный В. А. Никоновым (1965 г.). Б. Татар пишет: «Словарь содержит около четырех тысяч названий наиболее крупных географических объектов как в СССР, так и в зарубежных странах, включая также и Венгрию. Он представляет собой справочное пособие для широких кругов читателей, … также и студентов-русистов» (с. 177). И далее: «…словарь выполнен на высоком научном уровне, и он вполне соответствует требованиям, предъявляемым подобным лексикографическим трудам» (с. 177). Однако Б. Татар обнаруживает опечатки, в первую очередь в написании венгерских топонимов.

Словари новых русских слов. Б. Татар так определяет этот вид словаря: «Этот тип словарей… представляет собой один из типов толковых словарей, дополняющий материал общего толкового словаря русского языка» (с. 178). Б. Татар характеризует только один из таких словарей, а именно: «Новые слова и значения» (1971 г., 3 500 слов), редакторы: Н. З. Котелова и Ю. С. Сорокин. Словарь имеет подзаголовок: «Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60-ых годов».

В словарной статье этого словаря, пишет Б. Татар, каждое новое слово объясняется в следующем порядке: грамматическая и стилистическая характеристика, значение нового слова, примеры употребления слова. Если новым является не само слово, а только его значение, то это значение тоже описывается. Б. Татар относит это описание к одним из главных достоинств словаря.

Позже, начиная с 1980 г., в СССР ежегодно издавались выпуски словаря «Новое в русской лексике. Словарные материалы» (ред. Н. З. Котелова). Но эти словари Б. Татар не рассматривает.

Добавим, что эпоха новых слов началась в России позже – после перестройки, см., например: «Толковый словарь русского языка конца XX века» (Скляревская 1998 г.).

Словари иностранных слов и выражений. Б. Татар начинает этот раздел с деления словарей на два вида: а) словарь иностранных слов, уже вошедших в лексику русского языка, б) словарь иностранных слов, употребляющихся без перевода. Б. Татар присоединяется к мнению составителей этих словарей, что «…запас иноязычных заимствований в русском языке довольно обширен. Возникла, таким образом, острая необходимость создавать специальные словари, содержащие иноязычную лексику» (с. 183). Б. Татар замечает, что «большая часть заимствованной лексики не включена в общие толковые словари» (с. 183).

Б. Татар характеризует четыре словаря иностранных слов. Первый словарь – это «Словарь иностранных слов» под ред. И. В. Петрова и Ф. Н. Петрова (1949 г., 23 000 слов). В словарной статье после русского написания дается латинское написание слова, указывается этимология, сфера употребления, толкование и т. д. Б. Татар пишет: «Словарь содержит самые распространенные слова иностранного происхождения…; является удобным в обращении. В словаре отражена не только полисемия, но также и омонимия. Толкования являются научными, общепонятными и краткими» (с. 185). Б. Татар заключает: «Нет необходимости доказывать значение этого словаря, являющегося полезным настольным пособием каждого третьего преподавателя-филолога…и не только советских вузов, но и венгерских учебных заведений» (с. 185).

Второй словарь, который рассматривает Б. Татар, – это «Краткий словарь иностранных слов» (1979 г.), составленный С. М. Локшиной, содержит 23 тысячи употребительных в русском языке иностранных слов. Словарная статья построена так же, как и в предшествующем словаре. Эту структуру статьи Б. Татар высоко оценивает, она, по его мнению, обеспечивает ясно и понятно представить каждое слово. Хотя задача состоит в том, чтобы включить в словарь самые распространенные слова, многие из употребительных слов, замечает Б. Татар, в словаре отсутствуют (*азарт, гараж, парк* и др.) и, напротив, в словарь включено много редких слов (*адъюнкт* и др.).

В качестве третьего словаря иностранных слов Б. Татар рассматривает «Словарь тюркизмов в русском языке», составленный Е. Н. Шиповой (1976 г., около 2 000 слов). Каждый тюркизм в этом словаре (*алмаз, алый, амбар, арбуз* и др.) имеет толкование значения грамматическую и стилистическую характеристику, этимологию. Б. Татар одобряет тот факт, что

автор словаря при объяснении слов использует не только имеющуюся научную литературу, но и свои собственные научные суждения: «Словарь выполнен на высоком научном уровне…, очень удобен в обращении» (с. 190).

Русские орфографические словари. Эти словари, пишет Б. Татар, составлялись в России еще XIX веке. В 1956 г. вышел первый словарь, составленный в соответствии с «Правилами русской орфографии и пунктуации» «Орфографический словарь русского языка» под ред. С. И. Ожегова и А. Б. Шапиро, с использованием лексики толковых словарей. Б. Татар обращает внимание на то, что словарь не допускает вариантов в написании. Правда, присутствуют словообразовательные варианты в написании *(воробышек – воробушек)*, произносительные варианты *(дьякон – диакон)*. К числу положительных сторон словаря Б. Татар относит: 1) наличие сложносокращенных слов *(горсовет)*, 2) выделение лексических вариантов *(калоша – галоша)*, 3) включение в словарь фразеологизмов *(баклуши бить)*, 4) трудные случаи образования деепричастий *(играючи)*, 5) описание значений вариантов у слов *(вбок – в бок)*, 6) включение трудных личных имен *(Аввакум)*, см. стр. 193. К числу недостатков словаря Б. Татар относит: 1) отсутствие многих общеупотребительных слов *(киноархив)*, 2) наличие малоупотребительных слов *(блезир)* и др. Общий вывод Б. Татар делает положительный: «… словарь является очень ценным и незаменимым справочным пособием для всех тех, кто изучает русский язык…» (с. 194).

Русские орфоэпические словари. В связи с орфоэпическим словарем возникает тот же вопрос, который возникает в связи с орфографическим словарем: зачем нужен этот словарь, если есть толковые словари, в которых показывается произношение слов, например ударение? Б. Татар объясняет: «Дело в том, что в общих толковых словарях не может быть отражено то большое количество изменений, которые происходят в языке в процессе его развития» (с. 195). Орфографические и орфоэпические словари можно быстрее переиздавать, чем толковые словари, и отражать в них новые явления.

Б. Татар рассматривает подробно два орфоэпических словаря. Первый – это словарь «Русское литературное произношение и ударение» под ред. Р. И. Аванесова и С. И. Ожегова (1960 г., 52 000 слов). Б. Татар пишет: «Словарь, преследуя сугубо практические цели, является нормативным словарем» (с. 196). В нем помещены слова и грамматические формы, в произношении которых обнаруживаются трудности. Б. Татар отмечает в качестве положительного следующее: 1) допущение вариантов в произношении *(сер(д)це)*, произношение слов во фразеологизмах (*калиф на час*, но не *халиф*) и др.

Второй орфоэпический словарь – это «Словарь ударений» (1960 г.) под ред. К. И. Былинского – для работников радио и телевидения. Но словарь (добавляет Б. Татар) может оказать помощь и преподавателям-русистам, и студентам-филологам» (с. 199). Высоко оценивает Б. Татар вступительную статью К. И. Былинского, в которой излагаются правила русского произношения, состоящие из 10-ти пунктов, которые Б. Татар адресует также и венгерским студентам, изучающим русский язык (с. 190–200).

Русские грамматические словари. Словари, в которых описывается грамматика слов (грамматическая сочетаемость), появились в 70-ые годы XX века. В качестве первого словаря Б. Татар характеризует словарь под названием: «Русский глагол» (1975 г., 5 000 слов), предназначенный для иностранцев, изучающих русский язык. Положительными чертами словаря является то, что в нем, пишет Б. Татар, описываются многовалентные глаголы, глаголы с многозначностью и омонимией, описываются переносные и фразеологические значения глаголов. В качестве недостатков словаря Б. Татар отмечает то, что многие употребительные глаголы не вошли (*именовать, различать* и др.), а многие малоупотребительные глаголы – вошли в словарь (*аппелировать* и др.). Однако, пишет Б. Татар, это «не может умалить большое практическое значение словаря, и мы рекомендуем его вниманию венгерских преподавателей и студентов как надежное справочное пособие» (с. 204).

Второй грамматический словарь – «Именное и глагольное управление в современном русском языке» (1975 г., 1200 словарных статей). Адресуется словарь тоже студентам-иностранцам. Б. Татар адресует его также и венгерским студентам: «Основная ценность данного словаря заключается в том, что…отобраны те глаголы, имена существительные и прилагательные, которые обладают управлением и часть которых многовалентные…» (с. 206). Б. Татар анализирует три словарные статьи: 1) глагол *предъявить* что кому-чему, где, в чем, на чем; 2) существительное *привычка* кого-чего к кому-чему и т. д.; 3) прилагательное *привычный* кому-чему, для кого-чего, с чего и т. д.

Б. Татар пишет: «Несмотря на тщательность подбора материала для словника, на безукоризненное выполнение, словарь не лишен недостатков…: 1) не всегда есть примеры из литературы, а если есть – не указаны источники; 2) непоследовательность в приведении свободных словосочетаний; 3) отсутствуют много слов с грамматическим управлением (*автор* чего и др.).

Третий словарь – «Грамматический словарь русского языка», составленный А. А. Зализняком (1977 г.,100 000 слов). Характеризуя словарь, Б. Татар приводит три словарные статьи и отмечает следующие их недостатки: 1) в словаре много указательных знаков, характеризующих скло-

нение и спряжение: «эти объяснения могут быть полезны только в том случае, если вникнуть в суть данного вопроса досконально»; 2) непоследовательность в использовании этих знаков во фразеологизмах; 3) в словаре нет обычного алфавитного указателя слов, проанализированных в словаре (с. 214).

После отмеченных недостатков Б. Татар называет достоинства словаря: 1) «принципы построения словаря являются правильными, задачи выполнены безупречно…»; 2) «в словарь включены все слова современного русского языка»; 3) «компактность словаря»; 4) «деление словаря на две части: теоретическую и практическую»; 5) «включение в словарь особых форм слов, выступающих во фразеологизмах»; 6) «перечень форм слов, которые представляют трудности» (с. 215).

Б. Татар отмечает, что «словарь предназначен в первую очередь для специалистов-филологов…Однако он может оказать полезную помощь студентам отделения русского языка при изучении проблем морфологии» (с. 204).

К грамматическим словарям Б. Татар относит и словари управления (глагольного, именного и др.), в частности словарь Д. Э. Розенталя «Управление в русском языке», адресованный работникам печати (1981 г.) В словаре собраны трудные случаи двух- и трехвалентного управления. Б. Татар пишет, что в словаре «…уделено большое значение именному управлению – существительного (*акцент* на что, на чем), прилагательного (*бедный* чем, на что)» (с. 216).

Русские словообразовательные словари. Этот тип словаря, пишет Б. Татар, важен с точки зрения развития речи – как родного, так и иностранного языка. Б. татар рассматривает два школьных словообразовательных словаря. Первый словарь – это «Школьный словообразовательный словарь», составленный З. А. Потихой под ред. С. Г. Бархударова (1964 г., 25 000 слов). Слова в словаре разбиваются на морфемы: *по-сид-е-ть – по-седе-е-ть* (с. 220). Б. Татар отмечает у словаря следующие достоинства: 1) объяснение значения слов в трудных случаях (*грубеть* – становится грубым, *грубить* – говорить грубости); 2) объяснения значения слов при синонимии *за-вод (заводить), за-вод (предприятие).* Отмечает Б. Татар и недостатки: 1) многие общеупотребительные слова не включены в словарь *(авиапочта)*; 2) многие неупотребительные слова – включены *(аванзал)*; 3) включаются непроизводные слова *(билет)*; 4) некоторые производные слова не расчленяются на морфемы *(копать)* и т. д. (с. 221–222).

Другой словарь – это «Школьный словообразовательный словарь русского языка» (1964 г., 25 000 слов), составленный А. Н. Тихоновым, предназначенный тоже для школьников (и для студентов – добавляет Б. Татар). Б. Татар считает этот словарь более полным и более современ-

ным, чем словарь З. А. Потихи. «Основная ценность словаря, – пишет Б. Татар, – заключается в том, что в нем использован гнездовой способ…В центре внимания находится корневая морфема, как решающий фактор определения смысловой общности…производных слов» (с. 224). Положительным является и то, что каждое производное слово в словаре делится на морфемы, последовательно подаются омонимы, во всех словах ставится ударение. Но есть и недостатки: 1) много общеупотребительных слов отсутствуют *(благодарность)*; 2) напротив, присутствует много малоупотребительных слов; 3) одни названия национальностей представлены в словаре *(венгерка)*, а другие – нет *(американец)*; 4) нет в словаре названий жителей больших городов *(москвич)*.

А. Н. Тихонов назвал свой словарь «первым гнездовым» словарем, Б. Татар поправляет его: словарь З. А. Потихи тоже «гнездовой».

Словари сочетаемости русских слов. Имеется в виду лексическая сочетаемость слов, о которой пишут в толковых словарях сразу после толкования значения заголовочного слова. Но лексем, с которым сочетается данная лексема, много, – и если их перечислять, то это будет перегружать словарь, затрудняя его использование. Поэтому лексическая сочетаемость слов в толковых словарях специально не описывается.

Словари сочетаемости слов Б. Татар называет «новым типом словарей». Появился этот тип только в 70-ые годы XX века. Первым словарем лексической сочетаемости слов стало «Пособие по лексической сочетаемости слов русского языка» под ред. Т. П. Плещенко и Л. Ф Саковец (Минск, 1975 г., 1 900 слов), адресованное студентам-иностранцам подготовительных факультетов. Б. Татар добавляет, что пособие могут использовать и венгерские студенты.

В словаре описывается сочетаемость только многозначных слов: а) свободные сочетания, б) устойчивые, в) фразеологические.

Анализируя словарные статьи *зуб, почва, брать, бросить*, Б. Татар отмечает недочеты словаря, в частности: не все словосочетания перечисляются, в том числе и фразеологические сочетания и др.

Второй словарь, рассмотренный Б. Татаром, – это «Словарь ассоциативных норм русского языка» под ред. А. А. Леонтьева (1977 г., 296 словарных статей). В словарной статье: дается слово, указывается его частотность, затем приводятся все слова-реакции на данное слово, высказанные испытуемыми вовремя ассоциативного эксперимента с указанием количества этих реакций. Слово-реакция может находиться с заданным словом как в синтагматической, так и в парадигматической связи. Б. Татар сожалеет, что многие употребительные слова в словаре отсутствуют; в словаре есть слова *бабушка, рука*, но нет слов *дедушка, нога* и т. д. Одновременно даются слова-реакции из других языков – английского, немецкого, французского. Б. Татар, тем не менее, полагает, что ассоциативный словарь

«имеет большое значение для преподавателей-русистов, методистов, а также студентов…в процессе обучения русскому языку» (с. 229).

Б. Татар замечает: «Ведь главная проблема любого иностранца, изучающего русский (да и любой другой) язык, заключается именно в недостаточном и неточном знании (владении) сочетаемостных свойств того или иного слова» (с. 231). Поэтому словари лексической сочетаемости являются наиболее ценными учебными пособиями.

Второй словарь сочетаемости – это «Учебный словарь сочетаемости слов русского языка» под ред. П. Н. Денисова и В. В. Морковкина (1978 г., 2 500 словарных статей). Главный принцип составления словника в этом словаре – это учебно-методическая целесообразность: описываются наиболее употребительные слова и словосочетания, наиболее важные значения слов. Б. Татар замечает: «Авторам-составителям удалось создать…очень удобное в обращении полезное учебное пособие, которое долгое время будет…надежным помощником каждого иностранца-русиста, преподающего или изучающего русский язык» (с. 233).

Среди лексических словосочетаний, наряду со свободными *(большой конь)* и устойчивыми *(конь ретивый)*, есть и образные сочетания-эпитеты *(буйный конь)*. Эти словосочетания описываются в «Словаре эпитетов русского литературного языка» (1979 г.), авторы К. С. Горбачевич и Е. П. Хабло. Эпитеты делятся в словаре на три вида: общеязыковые, народно-поэтические и индивидуально-авторские Каждый эпитет иллюстрируется в словаре примерами. Заголовочное слово – только существительное, второе слово – только прилагательное. Словарь адресуется научным работникам. Но Б. Татар пишет, что «он может быть использован также в качестве учебного пособия для студентов-русистов зарубежных стран» (с. 237). Оценивает словарь Б. Татар очень высоко: «Весь словарь выполнен на высоком научном уровне…» (с. 235).

Словари правильностей и трудностей. Б. Татар не пишет о том, чем «правильности» отличаются от «трудностей». Пишет только о том, что словари правильностей и трудностей «…посвящаются одной главной проблеме языка – словоупотреблению» (с. 238).

Трудности появляются по следующим причинам: в литературный язык вошло много разговорных слов, увеличив словообразовательные средства литературного языка; много однокоренных слов с близкими значениями; надо различать полисемию, омонимию, синонимию; усложнилась лексическая и грамматическая сочетаемость слов, а также стилистка слов. Весь этот материал надо разграничивать в словаре.

Первый словарь, который характеризует Б. Татар, – это «Правильность русской речи. Словарь-справочник» (1962 г., около 600 словарных статей). Составили Л. П. Крысин и Л. И. Скворцов под ред. С. И. Ожегова. Слова в словаре располагаются в алфавитном порядке. Объясняется зна-

чение заголовочного слова, разграничивается правильное и неправильное его употребление, приводятся примеры тех и других случаев. Б. Татар анализирует подачу языкового материала в словарных статьях *абсолютно, акцент, насчет, обязанный, отзыв, поначалу, сойти – сходить, нанести визит* и др. Отмечает достоинства в подаче материала, а также и некоторые недостатки. Б. Татар пишет, что словарь, адресованный русским филологам, «представляет интерес и для преподавателей-русистов Венгрии» (с. 240).

Второй словарь называется: «Грамматическая правильность русской речи. Опыт частотно-стилистического словаря вариантов» (1976 г.), составленный коллективом авторов. Б. Татар пишет, что «в словаре собраны те грамматические варианты, которые, имея грамматические и стилистические характеристики, являются наиболее употребительными» (с. 243).

Словарь состоит из трех разделов: 1) синтаксис, 2) морфология, 3) словообразование. Грамматические варианты во всех разделах снабжаются количественными показателями, например: *наша школа-интернат* 122-22, после чего даются грамматические, лексические и стилистические комментарии, с указанием научной литературы. Преподаватель или студент делает выбор варианта для употребления в своей речи.

Есть еще «Краткий словарь трудностей русского языка» (1968 г., 370 словарных статей) – для работников печати, составленный под ред. И. И. Лебедевой. Б. Татар пишет: «Составители стремились включить в словарь те слова, с использованием которых связаны наиболее часто встречающиеся в журнальной и газетной практике отклонения от языковой нормы» (с. 248). В словаре даются рекомендации следующего вида: «Слово муж. рода *кофе* следует употреблять в книжно-письменных стилях (торговых отчетах, объявлениях, рекламах и т. д.). В разговорном стиле литературного языка допустимо употребление его как слова среднего рода (с. 248). В качестве недостатка словаря Б. Татар отмечает отсутствие в словаре многих слов, представляющих трудность в употреблении (*ателье, вспоминать* о ком-чем или кого-что; и др.).

Б. Татар пишет также о словаре «Трудности употребления однокоренных слов русского языка» (1968 г., 180 пар слов), который составили Ю. А. Бельчиков и М. С. Панюшева. В словаре описываются правила, когда надо употреблять один пароним из пары: *боязливо – боязно, будний – будничный, бывший – былой* и др. В каждой словарной статье толкуется значение паронимов, объясняется правильное и неправильное их употребление, приводятся примеры из художественной литературы. Б. Татар замечает, что в словаре очень много редких паронимов (*домашний – домовитый* и др.). Однако оценивает словарь положительно: «Словарь может оказать большую помощь как студентам, так и преподавателям на практи-

ческих занятиях при изучении студентами лексических значений слов» (с. 252).

Следующий словарь-справочник, «выполненный на высоком научном уровне», называется: «Трудности словоупотребления и варианты норм русского литературного языка» (1973 г., 8 000 слов и их вариантов) – под ред. К. С. Горбачевича. Б. Татар пишет, что в словаре «рассматриваются те языковые факты, которые нуждаются в квалификации с точки зрения правильности или неправильности: *накапливать – накоплять, сахара – сахару, кенгуру, такси,* правильных падежных окончаний: *калмык, чулок* и т. д.» (с. 252). Учитываются в словаре акцентологические, орфоэпические, грамматические, стилистические, словообразовательные варианты. В словарной статье (пишет Б. Татар) варианты оцениваются с точки зрения норм литературного языка, указывается на грамматические и стилистические ошибки, приводятся литературные примеры.

Б. Татар называет и недочеты словаря: есть редкие слова *(абазины)* и нет частых слов *(игорный – игровой)*, иногда мало примеров. Однако в целом «словарь является фундаментальной работой, он окажет большую практическую помощь не только специалистам-филологам, но и студентам-иностранцам…» (с. 255).

Последний словарь, который рассматривает Б. Татар, – это «Словарь трудностей русского языка» Д. Э. Розенталя и М. А. Теленковой (1976 г., 30 000 слов), предназначенный «для широкого круга читателей» (с. 256). Б. Татар пишет, что в словаре анализируются орфографические, орфоэпические, лексико-грамматические трудности (словоупотребление, словообразование, грамматика, стилистика). Несмотря на некоторые недочеты, отмеченные Б. Татаром, словарь оценивается им высоко: «…не может возникнуть сомнения в отношении правильной концептуальной трактовки материала» (с. 258).

Русские обратные словари. Обратные словари (расположение слов по алфавиту с конца слова) составлялись давно: в Европе с XVIII века – как рифмовники. Б. Татар анализирует только один такой словарь – «Обратный словарь русского языка» (1974 г., 125 000 слов). Слова в словаре берутся из толковых словарей и «переворачиваются» с помощью компьютера. Зачем нужны обратные словари? Б. Татар объясняет, что они нужны: а) при инвентаризации словоизменения, б) при изучении семантики словообразовательных групп слов, в) при составлении упражнений по морфологии и т. д. Б. Татар заключает: «Хотя он предназначен в первую очередь для специалистов-филологов, преподавателей и методистов…, тем не менее им могут воспользоваться также и студенты отделения русской филологи университетов Венгрии» (с. 263).

Русские частотные словари. Б. Татар пишет, что в последние годы появился интерес к статистике слов в тексте, появилась статистическая

лингвистика. Используются частотные словари, пишет Б. Татар, «при составлении учебников, сборников упражнений, лексических минимумов» (с. 265). Составляются частотные словари с помощью компьютерных программ. Б. Татар анализирует три частотных словаря русского языка.

Первый словарь оставила Э. А. Штейнфельдт (1963 г., 2500 слов) – для научных и педагогических работников, а также для студентов, для которых русский язык не является родным. Б. Татар пишет: «Словарь может оказать помощь при составлении сборников упражнений,… при отборе слов для словарей-минимумов, грамматических минимумов» (с. 265). В словаре объединяются: а) общий список слов по частоте, б) список слов по частям речи (по количеству текстов), в) алфавитный список слов. Б. Татар положительно оценивает этот словарь: «Словарь выполнен на высоком научном уровне, и он действительно может оказать хорошую помощь также и зарубежным преподавателям» (с. 271).

Второй словарь – это «Частотный словарь русского языка» под ред. Л. Н. Засориной (1977 г., 40 000 слов). Словарь составлен с использованием машинной обработки текстов. Каждое слово в словаре имеет следующую характеристику: частота общая, а также частота в газетных, научных и художественных текстах; количество текстов по названным жанрам. Б. Татар подробно анализирует этот словарь и делает вывод: «Практическое значение заключается в том, что… легко можно отбирать списки частых слов для методических целей…Весьма удобен для выполнения как теоретических, так и прикладных задач…» (с. 275–276).

Все словари, в том числе и частотные, описывают обычно нейтральную лексику русского языка. Следующий словарь, который анализирует Б. Татар, – «Комплексный частотный словарь русской научной и технической лексики» (1978 г., 3047 слов, составили П. Н. Денисов и др.). В словаре описывается лексика научно-технического языка. Б. Татар обстоятельно анализирует этот словарь, который содержит: 1) список научно-технической лексики по убывающей частоте, 2) список по алфавиту, 3) обратный словарь по частоте, 4) обратный словарь по алфавиту (существительные, прилагательные, глаголы). При этом каждое слово получает характеристики: грамматическую – по частоте, по количеству выборок и отраслей. Так, самое частое слово в русском языке – предлог *в*, на 2-ом месте – союз *и*, на 3-ем месте - предлог *на* и т. д.; первое существительное – *число*, первый глагол – *быть* и т. д. Б. Татар пишет: «Хотя составители словаря решили адресовать свой труд в первую очередь преподавателям русского языка…, широкому кругу иноязычных специалистов научно-технического профиля,… словарь может оказывать хорошую и действенную помощь также и студентам-русистам» (с. 280).

Словари русских сокращений. Сложносокращенные слова, пишет Б. Татар, – один из типов слов, число которых постоянно растет. Б. Татар

объясняет: «…аббревиатуры представляют интерес не только с точки зрения получения информации об их значении, но также и в словообразовательном отношении» (с. 281). Б. Татар приводит примеры сокращений: *вуз, колхоз, комсомол, КПСС, СССР, ЦК*. Соответственно должны существовать и словари, описывающие этот тип слов. Б. Татар анализирует только один такой словарь: «Словарь сокращений русского языка» (1963 г., 12 500 сокращений), составленный коллективом авторов (Д. И. Алексеев и др.), «общедоступный и для венгерских специалистов и студентов» (с. 281).

Б. Татар перечисляет тематические группы сокращений, помещенных в словаре: наименования партий, административных органов, предприятий, учебных заведений и др.; характеризует структуру сокращений: слоги *(Минпрос)*; одно слово полное, другое – корень *(горсовет)*; буквенное сокращение *(МГУ)*; сложные образования *(гороно)* и др. В словарной статье (пишет Б. Татар) сокращение описывается в следующем порядке: орфоэпия, грамматика (род), варианты написания, расшифровка сокращения и нек. др. Б. Татар подытоживает: «Словарь долгие годы будет надежным справочным пособием для многих читателей» (с. 283).

Лингвострановедческие словари русского языка. Б. Татар считает лингвострановедческие словари новым типом филологических словарей. Б. Татар рассматривает только два лингвострановедческих словаря русского языка. Первый словарь – «Народное образование в СССР» (1978 г.) Составил его П. Н. Денисов под ред. Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова. В словарь включена лексика, описывающая дошкольные учреждения, среднюю и высшую школу. Каждое слово в словаре характеризуется со следующих позиций: 1) грамматика, 2) значение, 3) возникновение, развитие, история слова в данном значении. «К числу достоинств словаря, – пишет Б. Татар, – следует отнести вопрос о семантизации заголовочных слов при помощи двух приемов. При помощи толкования раскрывается лексическое значение…, а при помощи объяснения раскрывается лексический фон…» (с. 286). И далее: «Словарь предназначен для преподавателей русского языка как иностранного, но он, – пишет Б. Татар, – может оказать хорошую помощь… всем тем иностранцам, которые изучают русский язык» (с. 287).

Второй лингвострановедческий словарь, который рассматривает Б. Татар – это «Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения (1979 г., 450 единиц). Если в других словаря пословицы, поговорки крылатые выражения являются иллюстрациями – «оправдательными примерами» (как говорит Б. Татар), то в данном случае они составляют непосредственный предмет словаря. Пословицы и поговорки подбирала В. П. Фелицина, классифицируя их по темам: 1) быт и обычаи русского народа;

2) история страны, 3) пословицы о животных, 4) о числах *(один, два, три, семь, сто)*; крылатые выражения подбирал Ю. Е. Прохоров.

Б. Татар отмечает следующие достоинства словаря: 1) наличие ударения и употребление буквы Ё, 2) в словарь включены употребительные единицы, 3) синхронный подход при передаче синонимии, 4) фотографии писателей, 5) интернациональные пословицы не включаются в словарь *(Рука руку моет)*. В заключение Б. Татар подчеркивает ценность словаря как учебного пособия для иностранцев, изучающих русский язык.

Русские терминологические словари. Развитие науки вызывает появление терминологии, которая описывается в терминологических словарях. Лингвистика и литературоведение тоже развиваются – соответственно появились лингвистические и литературоведческие словари, – которые и анализирует Б. Татар в своей книге.

Первый лингвистический словарь составлен французским лингвистом Ж. Марузо, переведенный в 1960 г. в Москве на русский язык. В каждой словарной статье рядом с русским термином называются соответствующие французские, немецкие, английские и итальянские термины; объясняется значение, употребление и происхождение термина; здесь же называются и производные термины, а также – термины-словосочетания.

Б. Татар нашел в словаре много недостатков: 1) словарь неполный, 2) содержит также и литературоведческие термины; 3) объяснение термина неполное, например термин *лексикография* имеет три значения, а не одно; 4) мало примеров употребления термина; 5) словарь не современный.

Современным словарем является, по мнению Б. Татара, «Словарь лингвистических терминов» О. С. Ахмановой (1966 г., 7 000 слов). В словарной статье термины располагаются в алфавитном порядке. Называются дублеты терминов, дается лексическая характеристика термина; указывается многозначность термина с толкованием этих значений, на синонимии, на сферу употребления, приводятся английские, испанские, немецкие и французские дублеты. Б. Татар заключает, что «Если сравнивать словарные статьи в словарях Ж. Марузо и О. С. Ахмановой, то несомненно сразу же можно отметить тот факт, что лексикографическое описание наиболее полно представлено в словаре О. С. Ахмановой, которое выполнено на высоком научном уровне» (с.299–300).

Очередной «Словарь-справочник лингвистических терминов» представленный как учебное пособие для учителей (1976 г.), составили Д. Э. Розенталь и М. А. Теленкова. Термины в этом словаре, пишет Б. Татар, наиболее распространенные, традиционные, охватывающие терминологию школьного курса русского языка; есть термины и из структурной лингвистики, если они встречаются в журналах «Русский язык в школе» и «Русская речь». В словарной статье, пишет Б. Татар, указывается на про-

исхождение заголовочного слова, на дублеты (если они есть), дается объяснение значения, приводятся примеры употребления термина, история термина. К числу достоинств словаря Б. Татар относит: 1) отбор материала, 2) современный характер, 3) краткое толкование, 4) учет достижений науки, 5) малогабаритность (с. 301–301).

Наконец характеризует Б. Татар «Словарь литературоведческих терминов», который составили Л. И. Тимофеев и С. В. Тураев (1974 г., 600 терминов) – для преподавателей русского языка средней школы. Однако словарь, добавляет Б. Татар, может оказать помощь и студентам вузов, а также и студентам-иностранцам. В словарной статье излагается следующая информация: толкование значения термина, иноязычный эквивалент, от которого произошел русский термин; сфера употребления; многозначность, синонимия, антонимия термина (если это имеется); приводятся примеры употребления. «Словарь, – подводит итоги Б. Татар, – выполнен на высоком научном уровне и содержит много полезных данных для студентов и преподавателей» (с. 306).

Филологические энциклопедии. Терминологические словари приближаются к энциклопедиям, а лингвистические словари – к лингвистическим энциклопедиям, которые Б. Татар называет филологическими словарями нового типа. Применительно к русскому языку существует только одна такая энциклопедия, которая называется: «Русский язык. Энциклопедия» (ред. Ф. П. Филин, 1979 г., 600 единиц). В словарной статье заголовочное слово получает толкование своих значений; если много значений – много толкований; приводятся примеры употребления термина; называется научная литература по данному вопросу. Если речь идет о лингвисте, то дается его фотография и список его публикаций. Б. Татар замечает: «…несмотря на то, что статьи словаря написаны разными авторами, для всей книги характерен общий стиль, доступность разным категориям читателей…» (с. 309). Б. Татар пишет, что авторам удалось решить задачу успешно…Этот факт подтверждается довольно большой популярностью словаря среди филологов за рубежом, в том числе и в Венгрии» (с. 309).

Заключение. Б. Татар анализировал русские словари не с целью выработать какую-то свою собственную лексикографическую теорию (или даже больше – лингвистическую теорию), а с целью проанализировать для венгерского (и русского) читателя русские словари в их систематизированном виде, с их достоинствами и недостатками.

В своем описании русских словарей Б. Татар не создавал и новой лексикографической терминологии, а использовал старую, традиционную терминологию, представив ее, вкратце, в следующем своем тексте: «В большинстве своем **словари**… описывают…**слова-лексемы**. Все сведения о той или другой лексеме…сообщаются в **словарной статье**. Лексема, которая описывается в словарной статье, называется **заглавным**

(заголовочным) словом. Перечень заглавных слов… равен **словнику**. Словарная статья содержит различные грамматические, стилистические и другие **пометы**, а также **иллюстративный материал**…Структура …словарей – а**лфавитная** или **алфавитно-гнездовая**…» (с. 16).

Б. Татар следует традиции и в том отношении, что присоединяет лексикографию к лексикологии. Он пишет: «Теорией и практикой составления словарей занимается **лексикография**, представляющая собой особую отрасль лингвистической науки, примыкающей к **лексикологии**» (с. 13). В лексикологии ближе всего лексикография находится к **семасиологии**: «Изучение лексических значений осуществляется в рамках семасиологии – одной из лексикологических дисциплин. Между лексикографией и семасиологией существует теснейшая взаимная связь…Основная задача лексикографии состоит в том, чтобы раскрыть подлинную семантическую целостность слова как инвариантный единицы» (с. 17). Б. Татар пишет далее, что к семасиологи относится и проблема выбора наиболее употребительного значения многозначного слова (Б. Татар обсуждает этот вопрос на примерах слов *брус, бросить* (см. с. 17–19).

Надо сказать, что с каждым годом появляется все больше и больше словарей. Такая категория людей, как преподаватели и студенты, которые в своей деятельности не могут обходиться без словарей, – нуждаются также и в путеводителе по словарям. Именно таким путеводителем и является книга Б. Татара, написанная задолго до того, как появились подобного рода книги в России. Книга Б. Татара – хорошее учебное пособие по русской лексикографии.

Литература

Бобунова М. А. Русская лексикография XXI века. Учебное пособие. Москва, 2009.

Дерягин В. Я. Рец.: Б. Татар. Русская лексикография. Анализ одноязычных филологических словарей русского языка. Т. I, II, III. Будапешт, 1977.

Дубичинский В. В. Лексикография русского языка. Учебное пособие. Москва, 2009.

Пете И. Рец.: Б. Татар. Русская лексикография. Т. I-III. Будапешт, 1977. – Acta Universitatis Szegediensis…, XIV, Szeged, 1981.

Скляревская Г. Н., ред. Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения. СПБ, 1998.

Цейтлин Р. М. Краткий очерк истории русской лексикографии. Москва, 1958.

Kocsis M., Horváth J. Rec.: Tatár Béla. Az orosz lexikográfia. [Русская лексикография]. I-III. Budapest, 1977. Filológiai Közlöny 26, Budapest, 1980. p. 256–259.

Глава 7
Язык русской художественной литературы

7.1. Преподавание литературы и ее научное изучение (М. Рев, М. Петер, Б. Татар, Э. Ч. Йонаш)

Наука о русской литературе в венгерской русистике (во 2-ой период: 1949–1989 гг.) явилась продолжением ее преподавания в школах и вузах: сначала – преподавание литературы, затем – методика этого преподавания, наконец – и наука о литературе, прежде всего – наука о языке художественной литературы, так как в системе обучения иностранному языку литература обязательно «поворачивается» (к ученикам, к студентам, к преподавателям, к научным работникам) своим языком, вследствие чего литература остается в сфере языковедческой русистики. Однако в Венгрии развивалась и литературоведческая русистика (которая ниже не описывается).

7.2. Язык поэм Твардовского (М. Петер)

В России опубликовано много книг о Твардовском, но в них – только хорошие слова о Твардовского, без основательного анализа его поэтического языка. Книга М. Петера (Péter 1970) – едва ли не единственная на две страны, в которой дан анализ поэтического языка Твардовского «от начала и до конца»: 1) словарь языка поэм Твардовского, 2) значения слов в поэмах, 3) особенности синтаксиса языка поэм, 4) сравнения, образы, метафоры, 5) использование народнопоэтических средств, 6) фонетика и ритм в поэмах. Книга опубликована только на венгерском языке, вследствие чего, к сожалению, не доступна для русского читателя.

7.3. Русское стихосложение (М. Петер)

Свою книгу «Русское стихосложение» М. Петер адресует в качестве учебника венгерским студентам-русистам (Петер 2008). Русское стихосложение (силлабо-тоника, ямб, хорей и др.), пишет М. Петер, заимствовано из Европы. Русские поэты были из дворян – они не знали своего народа, его стихосложения. Русские крестьяне тоже были незнакомы с дворянской поэзией, так как были неграмотны. К началу XX века европейское (и русское) стихосложение исчерпало свои возможности –остался только белый стих (велибр).

7.4. Переводы драм Чехова на венгерский язык (Э. Ч. Йонаш)

О переводах драм Чехова на венгерский язык Э. Ч. Йонаш опубликовала четыре книги и множество статей. Сначала драмы Чехова, пишет Э. Ч. Йонаш, переводились с ориентацией на выходной (венгерский) текст (так как переводили, например, с немецкого языка), затем переводили с ориентацией на входной (русский) текст. Лучшие же переводы получались тогда, когда учитывался как входной, так и выходной текст. Э. Ч. Йонаш подробно описывает, как передавалась русская семантика и русская культурология в переводах драм Чехова на венгерский язык.

7.5. Переводы русской поэзии и прозы на венгерский язык (Э. Ч. Йонаш)

В книге Jónás 2009 рассматриваются переводы отдельных произведений русских поэтов и прозаиков: 1) Пушкин (письмо Татьяны), 2) Грибоедов («говорящие имена» в «Горе от ума»), 3) Лермонтов (риторические приемы в стихотворении «Выхожу один…»), 4) Л. Толстой (невербальное общение в «Анне Карениной»), 5) Блок (символы в поэме «Демон»), 6) Чехов (реализм пьес), 7) Пастернак (сложность перевода «Доктора Живаго»), 8) Шолохов (перевод диалектизмов и др.), 9) Высоцкий (перевод «блатных» слов), 10) Ерофеев (перевод писателя-постмодерниста).

7.1. Преподавание литературы и ее научное изучение (М. Рев, М. Петер, Б. Татар, Э. Ч. Йонаш)

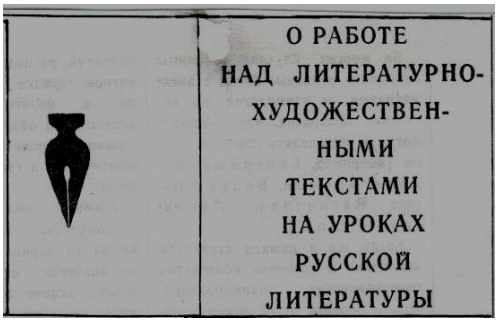
Язык русской художественной литературы стал активно изучаться в венгерской русистике во 2-ом ее периоде (1949–1989 гг.). Толчком к этому послужило преподавание русской литературы в венгерских школах и вузах и обязательное при этом изучение языка литературных произведений, прежде всего лексики, тем более, если произведение относилось к XIX веку. Так, изучая рассказ Гоголя «Шинель», студенты должны были знать слова *шинель, жалованье* и др. и употреблять в своем рассказе об Акакии Акакиевиче именно эти слова, а не *пальто*, не *зарплата* и т. д. (Рев 1973).

Русская литература все более увлекала преподавателей. Наконец, они стали создавать свои собственные учебные пособия по языку русской художественной литературы, которые постепенно становились научными исследованиями. Студенты на старших курсах в это время уже хорошо владели русским языком – и с ними можно было заниматься также и срав-

нением русского художественного текста с его венгерским переводом, а на этой основе – заниматься с ними вопросами художественного перевода с русского языка на венгерский.

Казалось бы, что наука о языке художественной литературе более «серьезное» дело, чем преподавание этого языка. Но в венгерской русистике обстоятельства сложились так, что из этих двух понятий – наука и преподавание – главным оказалось преподавание: оно появилось первым и обусловило появление науки.

Д-р Мария Рев на встрече русских и венгерских преподавателей (во время VI Конгресса МАПРЯЛ

Наиболее исследованными в венгерской русистике оказался язык следующих русских писателей: И. А. Крылов, А. П. Чехов, А. Т. Твардовский. Именно этим писателям посвящено наибольшее количество публикаций. Конечно, много статей посвящено и А. С. Пушкину, но они в основном касаются сравнения друг с другом многочисленных переводов на венгерский язык «Евгения Онегина», см. две работы об этих переводах: Петер 1997, Péter 1999. Названные же выше три писателя исследовались с точки зрения того, какие функции и как выполнял в их произведениях русский язык. Описывалось всё это не только в научных статьях, но и в научных монографиях.

Прежде всего надо назвать А. Т. Твардовского, язык которого исследовал один из известнейших венгерских русистов проф. Будапештского университета Михай Петер. Он написал о Твардовском книгу «Поэтический язык поэм Твардовского» (Péter 1970), а также множество статей, из которых одни статьи написаны до появления названной книги (в 60-ые годы) и представляли собой по своему содержанию своеобразную подготовку этой книги, а другие статьи – после появления этой книги (в 70-ые

годы) и, надо полагать, развивали идеи этой книги, (см. литературу ниже в разделе о Твардовском).

После работ М. Петера надо назвать исследования языка басен И. А. Крылова – другого известного венгерского русиста Белы Татара, тоже проф. Будапештского университета (конец 70-ых – начало 80-ых годов). К сожалению, монографию о языке басен Крылова Б. Татар не опубликовал, но статьи его о языке Крылове очень содержательны, например: Татар 1976, 1979, 1980.

Наконец, в 90-ые годы появились в венгерской русистике исследования языка драм А. П. Чехова, выполненные третьим выдающимся русистом Венгрии – проф. Ньиредьхазского педагогического института Эржебет Ч. Йонаш. Языку драм Чехова Э. Ч. Йонаш посвятила четыре книги и большое количество статей (см. библиографию ниже).

Нужно сказать, что аспекты, в которых описывался язык этих трех великих русских писателей у трех великих венгерских русистов, – разные. Выбор аспекта зависел от специализации исследователя. Например, Б. Татар – специалист по фразеологии, поэтому, описывая язык басен Крылова, он рассматривал в них роль фразеологизмов. О М. Петере можно сказать как о специалисте по русской разговорной речи и русскому поэтическому языку, поэтому для своего исследования он выбрал поэмы Твардовского, написанные на русском разговорном языке. Научные интересы Э. Ч. Йонаш – это прежде всего семиотика, знаковость языка, когнитивность в языке, поэтому в драмах Чехова она изучала семантику языка в широком смысле (лингвистическую и культурологическую), выражение этой семантики в текстах двух языков, возможности эквивалентной передачи этой семантики с одного языка на другой.

Таким образом, русская литература в Венгрии проходила следующие этапы: 1) преподавание литературы, 2) учебные пособия с разработкой методики преподавания, 3) научные исследования. Эти этапы характерны не только в целом для венгерской русистики, но и для каждого венгерского русиста, кто занимался русской литературой. Так, например (как нам хорошо известно), проф. Э. Ч. Йонаш сначала преподавала Чехова, затем писала статьи о методике этого преподавания, наконец написала четыре научные монографии о Чехове – о переводах Чехова на венгерский язык.

Русистика, как сказано выше, – это не только описание русского языка (узкое понимание), но также и описание русского литературоведения, истории русской литературы (широкое понимание). Но изучение литературы **как иностранной** предполагает преподавание и исследование прежде всего **языка** этой литературы, тем более, если задача состоит в изучении литературных переводов с одного языка на другой. Именно так прежде всего и обстоит дело с русской литературой в венгерской русистике. Казалось бы, что можно сделать исключение для книги М. Петера

«Русское стихосложение» (Петер 2008), адресованное тем, кто уже владеет русским языком, кто может вполне разобраться на русском языке в литературоведческих вопросах. Однако и эта книга (см. ниже) все-таки – о языке русских стихов, русской поэзии (слоги, ударение, интонация, фонетическая структура стиха и др.), так что и в этом случае уйти в «чистое» литературоведение при изучении иностранной литературы, когда главной задачей остается овладение иностранным языком, не удается. Таким образом, учебное, а вслед за ним и научное изучение русской литературы будет оставаться прежде всего изучением языка этой литературы.

Литература

Артынюк Т. С. Лингвистический анализ стихотворного текста в венгерской учебной аудитории. – Сб. Вопросы оптимизации включенного обучения русскому языку венгерских студентов-филологов. Ред. В. А. Федосов. Владимир, 1987. с. 123–129.

Петер М. Об ответственности переводчика как интерпретатора художественного произведения (на материале венгерских переводов «Евгения Онегина» Пушкина). Studia Slavica Hung. 42, 1997. pp. 369–379.

Рев М. О работе над литературно-художественными текстами на уроках русской литературы. – Русский язык за рубежом, 1973, 3. с. 80–82.

Татар Б. Явление фразеологической абстракции и особенности полисемии фразеологизмов в языке басен И. А. Крылова. – Annales Univ. Sci. Sectio Linguistica. T. VII. Budapest, 1976. sz. 172–184.

Татар Б. Роль И. А. Крылова и языка его басен в формировании современного русского литературного языка. – Studia Russica 2. Budapest, 1979. sz. 57–66.

Татар Б. Функции басенного языка И. А. Крылова в общей системе русского литературного языка. – Studia Russica 3. Budapest, 1980. sz. 28–33.

Cs. Jónás Erzsébet. Kontrasztív szövegszemantika. Csehov dialógusainak kommunikatív stíluselemzése. [Контрастивная текстовая семантика. Анализ коммуникативного стиля диалогов Чехова] Nyíregyháza, 2001.

Péter Mihály „Pár tarka fejezet csupán…” Puskin „Jevgenyij Anyegin”-je a magyar fordítások tükrében. [«Евгений Онегин» Пушкина в зеркале венгерских переводов] Budapest, 1999. 231 p.

Rév Mária. Csehov századfordulója. [Чеховский рубеж веков] Budapest, 1995.

7.2. Язык поэм А. Твардовского (М. Петер)

В Предисловии к своей книге о А. Твардовском М. Петер пишет, что А. Твардовский – один из самых известных русских мастеров, рассказавший в своих поэмах об истории России на русском народном языке в традициях русской классической литературы. Поэмы А. Твардовского настолько стилистически многослойны, пишет М. Петер, что невозможно всё отобразить в одном исследовании. М. Петер выражает надежду, что его книга даст стимулы другим венгерским русистам для дальнейшего исследования поэтического языка А. Твардовского. К сожалению, последователей в этом вопросе у М, Петера не оказалось. Можно только назвать статьи о Твардовском самого М. Петера (см. ниже).

М. Петер в своем Введении к книге рассказывает о фактах из жизни А. Твардовского, о которых сообщается в литературе о Твардовском, опубликованной в России на момент выхода книги М. Петера (например: Выходцев 1958, Толмачев 1954, Хвыля 1954, Котов 1963 и др.). М. Петер адресует свою книгу венгерскому читателю; неслучайно и опубликована книга на венгерском языке. В итоге книга получилась на тему «Твардовский в России» – для венгерского читателя.

Язык всех пяти поэм Твардовского анализирует М. Петер в своей большой книге:

Péter Mihály. Tvardovszkij poémáinak költői nyelve. [Поэтический язык поэм Твардовского]. Akadémiai Kiadó, Budapest, 1970. 305 стр.

И хотя в книге нет прямых сопоставлений русского и венгерского языков (это не входило в задачу М. Петера), тем не менее, венгерский читатель, тем более – знакомый с русским языком, располагая к тому же переводами поэм Твардовского на венгерский язык, сам сможет делать эти сопоставления. М. Петер предоставляет такую возможность читателю в следующих сферах языка: 1) словарь поэм, 2) значения слов, 3) структура предложения, 4) метафоры, сравнения, и т. п., 5) народнопоэтические средства языка, 6) фонетика и размер стиха, 7) ритм, 8) рифма. Ниже характеризуются эти сферы языка, как их представил венгерскому читателю профессор Будапештского университета Михай Петер – применительно к поэтическому языку Твардовского. Это единственная в то время на две страны книга о Твардовском, в которой язык поэм описан всесторонне, во всех сферах.

Кроме названной книги, М. Петер написал о поэтическом языке Твардовского и много статей, например:

Петер М. Заметки о слоге Твардовского в поэме «За далью – даль». – Studia Slavica, 1962, pp. 107–139.

Петер М. О рифме Твардовского. – Studia Slavica 11, 1965. pp. 151–165.

Петер М. О стилистической эквивалентности художественного перевода. (На материале венгерского перевода поэмы А. Твардовского «Василий Теркин»). – AUBPh, 1967, 7. pp. 85–106.

Петер М. Разговорная речь как конструктивный элемент поэзии (на материале русской поэзии XX век). – Studia Slavica, 19, 1973. c. 235–247.

Петер М. Существует ли «поэтический язык»? – Zeitschrift für Slavistik, 23, 1978. pp. 494–500.

Péter M. Klasszikus korszerűség (Alexandr Tvardovszkij: Egyre messzebb). [Классическая современность. Александр Твардовский] Nagyvilág 8, 1963. pp. 768–769.

Péter M. Tvardovszkij. – Napjaink szovjet irodalma Budapest, 1974. pp. 303–323.

Péter M. A művészet igazsága (Alexandr Tvardovszkij: írók, műkedvelők). [Правда искусства. Александр Твардовский: писатели и поклонники] – Nagyv. 21, 1976. pp. 1894–1896.

Péter M. Még egyszer Tvardovszkij magyar fordításairól. [Еще раз о венгерских переводах Твардовского] – Szovjet Irodalom, 4, 1978, 8. pp. 181–185.

Péter M. Találkozások Tvardovszkijjal. [Встречи с Твардовским] – Szovjet irodalom 6, 1980, 6. pp. 120–123.

Péter M. Tvardovszkij. – Az orosz irodalom története 1941-től napjainking. [История русской литкратуры с 1941 г.] Szerk. Hetényi Zsuzsa. Budapest, 2002, pp. 26–30.

Словарь поэм

Разговорные и просторечные слова. М. Петер отмечает, что вопросы русского разговорного языка и просторечия являются наиболее обсуждаемыми в русской стилистике и лексикографии, хотя еще и не решены. М. Петер называет основные исследования в этой области: Ю. С. Сорокин, И. С. Ильинская, А. Н. Гвоздев, Н. М. Шанский, – непосредственно присоединяясь к мнению О. С. Ахмановой, что в русском языке каждое второе слово – разговорное: употребляясь в том или другом стиле, оно быстро изменяется как по принадлежности к стилю, так и по форме.

В письменном языке, тем более в языке художественной литературы, пишет М. Петер, разговорные и просторечные слова обязательно выполняют стилевые функции. При анализе художественной литературы, в том числе и поэм А. Твардовского (пишет М. Петер), на эти слова надо обращать внимание. Эти слова обычно «снижают» стиль, тем более если встречаются слова грубые. Но эти же слова оказываются вполне

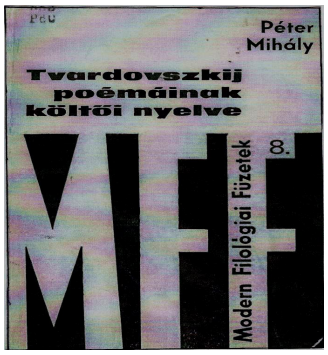
уместными в поэмах, так как участвуют в создании стиля поэм. Разговорные слова может употреблять и сам автор в разговоре со своими героями, а герои поэм употребляют обычно просторечные слова, характеризуя самих себя. И те и другие слова не противоречат литературным, нормативным словам, а вместе с ними, утверждает М. Петер, создают многослойную стилистику поэм.

М Петер выделяет три достоинства поэм А. Твардовского, которые достигаются автором благодаря мастерскому использованию разговорной и просторечной лексики: 1) **правдивость** поэм; особенно «густая» правда в поэме «Василий Теркин», в которой язык А. Твардовского, пишет М. Петер, «естественен, как дыхание», А. Твардовский «пишет, как дышит»; 2) **характеристика** героев поэм – крестьян и солдат, которые разговаривают на просторечии; на таком же языке разговаривает с ними и автор поэм, знающий их жизнь, «как свою ладонь», разговаривает с ними, как с самим собой; 3) возможность разговаривать со своим **читателем:** писатель и читатель – одно и то же; поэт в этом разговоре находится на равных, одного ранга, тем более что читатель в последние годы вырос (см., например, поэму «За далью даль»).

М. Петер цитирует стихи А. Твардовского из разных поэм, выделяет в них разговорные и просторечные слова и комментирует их с точки зрения вышеназванных качеств.

В поэме «Страна Муравия» (начало поэмы и глава о переправе) М. Петер выделяет следующие разговорные, по его мнению, слова: *гомон, народ, бочком, баба, гармошка* и другие. В поэме «Василий Теркин» отмечает следующие разговорные (просторечные) слова и словосочетания: *пуще, без правды сущей* и другие. В поэме «Дом у дороги» выделяются слова хозяйки: *тыщи, кое-как, меньший, гурьбой.* В поэме «За далью даль» разговорные (или просторечные) словосочетания: *спать бы на здоровье, покамест не до сна.* Наконец в последней поэме «Теркин на том свете» М. Петер отмечает: *подвох, не та эпоха, байки баять* и др.

М. Петер подводит итоги: в пяти поэмах русский читатель легко узнает А. Твардовского. И дело здесь не только в разговорной и просторечной лексике, но также и в том, что эта лексика участвует в образовании структуры предложений, употребленных в стихах, написанных традиционными 4-х и 5-стопными ямбами. А. Твардовский в самом «благородном смысле» (подчеркивает М. Петер) «разговаривает стихами».

Проф. Михай Петер получает медаль Пушкина от Генерального секретаря Международной ассоциации преподавателей русского языка (МАПРЯЛ) акад. В. И. Костомарова

Диалектные слова. Не подлежит сомнению то, что М. Петер прекрасно знает русский язык – нормативный, литературный. Как видели выше, владеет М. Петер и разговорным русским языком, который тоже является литературным. Что касается диалектных слов, то они не являются литературными и могли вызывать у М. Петера трудности, – хотя в поэмах А. Твардовского диалектных слов совсем мало, тем более, что при каждом очередном редактировании своих поэм А. Твардовский, как он сам об этом говорил, сокращал диалектные слова.

Для того чтобы написать раздел о диалектизмах в поэмах А. Твардовского, М. Петер изучал словари, которые так или иначе имели отношение к говору родного села А. Твардовского: это белорусский словарь, словари среднерусских народных говоров, словари смоленских народных говоров и др.

М. Петер сделал вывод, что в поэтическом языке А. Твардовского последовательно говор родного села не употребляется, но, тем не менее, убеждает М. Петер, именно слова этих говоров обнаруживаются в речи Моргунка, Теркина, Сивцова. И употребляются эти слова в поэмах А. Твардовского (пишет М. Петер) не для того чтобы обозначить географическое место жительства героев названных поэм, а для стилистической, социальной характеристики этих героев как определенного слоя крестьянства.

Диалектизмы употреблялись в поэмах А. Твардовского вместе с просторечными словами, от которых диалектизмы трудно бывает отграничить. Поэтому М. Петер прежде чем комментировать слова как диа-

лектные проверяет наличие этих слов в различных словарях: 1) в словаре русского литературного языка эти слова имеют помету «диалектные»: *журавль* (у колодца)*, кузня, певень, росстань, бровка, восход, нелюбый, торкнуть и др.;* 2) обнаруживаются диалектизмы, употребленные А. Твардовским, и в словаре В. Даля: *зарецкий, оберучь, хряснуть* и др.; 3) а также в других диалектных словарях: *бубочка, зольный, полявка* и др.

Как уже сказано, диалектизмы употребляются в поэмах не для «локализации» героев, а для их стилистической характеристики. Употребляются диалектизмы и тогда, когда в литературном языке (или в просторечии) не находятся подходящих слов, чтобы назвать нужную реалию.

Но что характерно (отмечает М. Петер), употребление диалектных слов в авторской речи необходимо 1) при описании деревенской жизни (крестьянские работы, предметы деревенского обихода и др.): *луговеет, увалы, взгорки, грюкнули, пуна* и др.; 2) для передачи простых крестьянских эмоций и мыслей: *далече была, замуж зайдет, в полях нелюбно;* 3) для выражения определенных действий: *хряснул немца, в санки сунул* и др.; 4) диалектный синоним оказывается более выразительным, чем соответствующее литературное слово, ср.: *подмога – помощь, подкрепить – подбодрить, росстань – перекресток дорог;* 5) диалектные формы вокатива более краткие (и выразительные), чем литературные полные формы: *дядя – дядь, Никита – Никит* и др.; 6) употреблялось диалектное предложное управление: *до жены дойти, до дому, для началу, для порядку;* 7) употреблялось диалектное ударение в словах, когда это необходимо по размеру стиха: *мАлец, инстрУмент, пО свету* и др.

В заключение своего анализа М. Петер пишет, что при употреблении диалектизмов в поэмах А. Твардовского, тем более в авторской речи, имеет место мера; диалектизм всегда функционально соответствует стилю речи. Под влиянием дискуссии, которая проходила в 30-ые годы в советской литературе по поводу романа Ф. Панферова «Бруски», «переполненного» диалектизмами (в дискуссии принял участие М. Горький, который назвал чрезмерное употребление диалектных слов в литературе «натурализмом») А. Твардовский (в это время ему было 25 лет) поставил себе задачей минимизировать употребление диалектных слов в своей поэзии – и эту свою задачу он выполнял.

Технические слова. М. Петер пишет, что в поэме «За далью – даль» технической лексики употребляется меньше, чем просторечной и диалектной. Употребляется техническая лексика, например, в главе «Ангара» (в поэме «За далью – даль»), в которой рассказывается о строительстве плотины: *бетон, буксир, бульдозер, гравий, самосвал, эстакада* и др. Употребляются железнодорожные и авиационные термины: *авиа-экспресс, график, зеленая улица* и др., экономические термины: *среднерыночная цена, заготовка* и др.

Официальные слова. Слова официального стиля употребляются в диалогах, в беседах героев Твардовского – как канцелярит, как официальный жаргон, часто в целях создания юмора, сатиры.

В поэме «Страна Муравия» Никита Моргунок говорит так, как говорили в 30-ые годы в деревне крестьяне. Эти слова отражают эпоху – историческое и общественное изменение общественного и хозяйственного строя в советской стране (коллективизация). Крестьянская политическая активность приносила в русский язык новые слова – экономическую и публицистическую терминологию: *возьмите в расчет, поскольку я лишен коня, вопрос решен, за телегу сам отвечу* и др. Сочетаемость официальных слов с разговорными создавала сатирический стиль: *руководящая родня, почетные ротозеи, досрочные старики* и др.

Особенно много сочетаний официальных терминов с бытовыми словами (с целью достижения сатиры) имеется в поэме «Василий Тёркин на том свете», например: *стол кромешный, вздох загробный, дед связей с заграницей не имеет, взысканий не имел, не представлен был к награде, не был дед передовой, не работал над собой, он не рос уже нисколько, укорачивался дед* и др. Употребление в поэме официальных слов и словосочетаний создает в поэме, пишет М. Петер, сатиру. Скорее всего создается всё же юмор, причем вполне доброжелательный, – сатира же обычно направляется на общество, на страну.

В загробном мире тоже должно быть всё в порядке – точно так же, как в этом мире. М. Петер приводит длинные стихотворные извлечения из поэмы «Тёркин на том свете», в которых выделяются слова официального стиля: «*Главк – посылает на низовку*, *выявляет на местах, чтобы ясность тут была,* правильно ли помер*»*. «А без *формы на учет* встань у нас, поди-ка». М. Петер пишет, что посредством использования официального стиля А. Твардовский высмеивает бюрократию в обществе: «Дед *не работал над собой»,* поэтому *не рос* нисколько (ему было уже 80 лет) – укорачивался дед». «Но, тем не менее, хотя *пить-пивал* и *без шапки приходил*, но помимо как от бабки он *взысканий не имел*».

Публицистические слова. В публицистическом стиле, пишет М. Петер, стилистических оттенков в лексике поэм не больше, чем в лексике официального стиля. Но способ использования публицистического стиля – у Твардовского изменялся. Если официальные слова употребляются в основном в речи автора, то публицистическая лексика – прежде всего в речи персонажей поэм. Публицистические слова обычно нейтральные по стилю слова. Например, в образе Фролова, председателя колхоза (в поэме «Страна Муравия») создается образ носителя нового советского самосознания. Фролов – страстный агитатор, уверенно употребляющий политическую терминологию: «И *свято линию берег,* что *Ленин указал*», «*На баррикадах пасть за нашу* б только *власть*».

В поэме «Тёркин на том свете» главный герой проводит политический семинар для солдат, читает политические брошюры, агитирует, доказывает, рассказывает, употребляя словосочетания публицистического содержания: *«Вопрос весьма обширен»*, «Наш тот свет в загробном мире *передовой*», *«Научно обоснован»*, *«Фундамент нерушим»*, «*Но есть*, конечно, *недостатки*». Сатирически выглядит ситуация, когда Тёркин объясняет, что «выхода» из загробного мира нет, а есть только «вход», так что – *«пламенный привет»*: *«путь закрыт обратный»*. Но кто «*приписан* к загробному миру», о нем, «как о мертвом человеке здесь *забота велика*».

М. Петер пишет, что А. Твардовский, употребляя публицистические слова, имеет цель: критиковать скучную и серую литературу, а также и тех, кто ее создает, см. в поэме «За далью – даль» главу «Разговор о литературе»: «того-то вы *не отразили*», «того-то *не дали опять*», «а ведь *мимо вас проходит жизнь*», *«оторвались от жизни»* и т. д. В поэме «Тёркин на том свете» А. Твардовский пишет о критиках, которые «слышат *отголоски недозволенных идей*», «кто *льет воду на мельницу врага*», кто «грозит Советской власти *потрясением основ*». Поэт, используя слова публицистического стиля, создает образ персонажа, изображает, как этот персонаж защищает Советскую власть: *избрал мелкий путь, от коллектива оторвался* и др. В поэме «За далью – даль» иронически рассказывается о некоторых *строителях коммунизма*: *отсталый зам, растущий пред, в коммунизм идущий дед, все они передовые* и др.

Военные термины. М. Петер пишет, что военные слова и фразеологизмы в русской литературе обычно не занимали заметного места. Однако после революции, после гражданской войны, после Отечественной войны военная лексика и фразеология стали употребляться в художественной литературе очень активно во вех стилях речи. А. Твардовский сам в течение 7 лет был военным корреспондентом. М. Петер пишет, что военных слов и фразеологии в большом количестве можно встретить в двух его поэмах о Василии Тёркине. В других поэмах, пишет М. Петер, эта лексика употребляется реже, а в поэме «Страна Муравия» вообще отсутствует.

Военную лексику употребляет А. Твардовский 1) для описания военных событий: «Ахнет, ахнет *полковая, запоет* над головой»; 2) в диалогах солдат: «Хватит, *хлопцы, землю нюхать»*. В последнем случае употребляется военная лексика очень часто, например в рассказах Тёркина: «Но и немец правым глазом *наблюденья не ведет*». В бане солдаты, перед тем, как мыться, занимают полки, словно позиции в бою: «*Занимай высоты, закрепляйся* не спеша!» И затем моются: «*Обработал фронт и тыл*, не забыл *про фланги*». В солдатском разговорном стиле очень много солдатской лексики, которую поэт использует с целью создания юмора – применительно к разным солдатским ситуациям: 1) отдых: отдохнуть *минут*

шестьсот, 2) похороны: мы тебя хотели *в наркозем*, 3) о медсестре: хороша, как *в прифронтовой полосе*.

В поэме «За далью – даль» военные термины (утверждает М. Петер) изображают не военные, а мирные действия. Вот как показывается в поэме *атака* на Ангару при ее перекрытии: «*Бой* красиво *начат*», но: *«не подоспей боеприпасы – бой захлебнется без огня».* Ангара – сильный враг, но против врага идут 20-тонные самосвалы, как по команде: «*Слова команды прозвучали* – словно *танки на врага*, *вздыбив борта* (М. Петер объясняет слово *вздыбить* с использованием сочетания *вздыбить коня*). В поэме «За далью – даль» поэт вспоминает военное время – *прорыв блокады Ленинграда и встречу войск: смять войска блокады, встретились войска.*

Используется в поэме целая последовательность метафор и сравнений с использованием военной лексики. М. Петер легко разбирается в этой лексике, точно ее объясняет.

Возвышенная лексика. Низкий стиль связан с разговорной лексикой. Разговорной просторечной лексики очень много в поэмах А. Твардовского, соответственно много и стилистически сниженного употребления лексики. Однако, пусть и меньше, но есть в поэмах А. Твардовского и возвышенная лексика, создающая высокий стиль. В поэме «Страна Муравия» М. Петер в качестве возвышенной лексики называет: «петух *преклонных лет*», «*ветхий* поясок», – несмотря на то, что действительность, о которой рассказывается посредством этих слов далеко не возвышенная.

Больше возвышенной лексики находит М. Петер в поэме «Василий Тёркин», которая передает пафос освободительной войны советского народа. Рефреном повторяются в поэме (пишет М. Петер) слова из известной революционной песни рабочих «Варшавянка» – несомненно слова возвышенного стиля: «Бой идет *святой и правый*», «На *бой кровавый, святой и правый*» и т. д. «Поднимается» голос поэта, когда он вспоминает павших героев войны, посвящая *павшим памяти священной* высокие слова. Поэт употребляет возвышенную лексику, вспоминая и трагические дни войны: *тоска клятая, земля многострадальная, печаль горделивая, година горькая* и д. С библейской силой, пишет М. Петер, звучат слова поэта: «*Бьет* Берлину у заставы *судный час*, *часы Москвы* и др.

М. Петер пишет, что в поэме «За далью – даль» стилистические пласты возвышенной лексики присутствуют в наибольшем количестве. Сама поэма, считает М. Петер, «вся возвышенная» Если в поэме «Василий Тёркин» употребляется в основном разговорная и военная лексика, если в поэме «Дом у дороги» – в основном народнопоэтическая лексика. – то в поэме «За далью – даль» – это возвышенная философская лексика. Стиль этой поэмы, пишет, М. Петер, – это стиль оды, который использовался для повышения стиля еще Пушкин. М. Петер приводит целую строфу из поэмы «За далью – даль», у которой каждое слово возвышенное: «Народ –

подвижник и герой – оружье зла оружьем встретил». В главе «Фронт и тыл» у А. Твардовского – приведены библейские слова: *«Ныне и присно и во веки веков»*. И еще: «*…шли во имя жизни* – два брата, два бойца, *Великой верные Отчизне – тогда и впредь и до конца!*».

Высоким стилем, замечает М. Петер, воспевается в поэме Волга, которая вобрала в себя много рек: «…семь тысяч рек…одной *причастные семье*, как будто *древом разветвленным* расположились по земле». Глава о Волге, пишет М. Петер, звучит в поэме гимном – это высшая точка всей поэмы. Высокими словами описывается в поэме также и Сибирь: «*Могучий край…*, *завод* и *житница державы…*». Сам поэт – сын своей Родины: «…моей *Отчизны сын*, Я полон с ней *мечтою чудной* – дойти *до избранных вершин*;…Я *причастен гордой силе*, я в этом мире *богатырь*».

Возвышенными словами (утверждает М. Петер) пишет Твардовский о Сталине. Сталин верил в народ во время войны, и народ верил в Сталина. Поэт в связи с этим употребляет много возвышенных слов: *ратное поле, час горький, непреклонность отчей воли, грядущие дни ведал, грядущие сроки*».

В поэме «За далью – даль» возвышенная лексика, пишет М. Петер, употребляется поэтом при описании используемой на строительстве плотины техники. Поэт вспоминает свое детство, своего отца в кузне: «…творит *союз огня с металлом В согласье с волей кузнеца*». Поэт описывает, как сбрасывают в плотину свой груз самосвалы: «*…груз тысячетонный…изринется на дно*».

В поэме «Василий Тёркин на том свете» тоже употребляется возвышенная лексика, например когда *воины* (а не солдаты) *в вечном сне* видят, какие были войны, хотят верить, что *поколенья предбудущих годов* не пойдут на пополнение *скорбной славы* их рядов». Отмечает М. Петер в качестве возвышенной лексики и церковнославянскую лексику: *преисподняя юдоль*.

Неологизмы и авторское словообразование. В поэме «Страна Муравия» неологизмов мало, пишет М. Петер, кроме некоторых слов: *раскулачить, коммунарка, единоличник* и нек. др., – слова, которые скоро стали историзмами. В поэме «Дом у дороги» М. Петер к неологизмам относит: идти в *зятья*, в поэме «Василий Тёркин» – *бесхозный*.

Твардовский, как и Маяковский (пишет М. Петер), создавал и свои неологизмы (новообразования). Например, в поэме «За далью – даль» поэт, по мнению М. Петера, создал следующие слова: *закиселиться, беспротокольный, бесцеремонный, лаз, млечность* и др. В поэме «Василий Тёркин» М. Петер называет следующее новообразования поэта: «Да *наши черти всех чертей во сто раз чертей*».

После революции была продуктивна словообразовательная модель на *–ия.* Моргунок употребляет слова: *коммуния, колхозия, суетория*. Упо-

требляются и другие подобного рода слова: *комсомолия, пионерия, рабкория*. В поэме «За далью – даль» речь идет о бедности в Смоленской области и о соответствующих словах: *трудодень пустопорожний, трудоночь*.

С неологизмами, тем более с авторскими новообразованиями, М. Петеру, надо полагать, было трудно работать (в словарях эти слова отсутствуют), однако и этот раздел в его книге получился вполне содержательным.

Фразеологизмы. М. Петер пишет, что поэмы Твардовского исключительно богаты фразеологией (устойчивыми словосочетаниями), которая чрезвычайно важна для характеристики героев, а также для создания стиля авторской речи. М. Петер приводит примеры фразеологических сочетаний из авторской речи: *спит без задних ног; конь стоял как на мели; слеп хоть глаз коли; в ус не дует; кукиш кажет в животе кишка кишке* и др. Фразеологизмы употребляются и в речи персонажей. Генерал: *дело с отпуском табак*. Василий Теркин: *дело было на мази*. Фразеологизмы часто употребляются в тексте в неполном виде – сокращенно, но русский читатель, пишет М. Петер, хорошо зная эти фразеологизмы, легко их восстанавливает в памяти. Например, смерть говорит Тёркину: *«Ты живой, но не жилец».* Читатель дополняет фразеологизм: *«Не жилец на белом свете»*. Ср. еще: *«Я от скуки на все руки»* – настоящий фразеологизм: *«Мастер на все руки».* Далее в поэме: *«С овчинку небо увидел»*; читатель восстанавливает фразеологизм: *«С овчинку небо показалось».* И т. д. Иногда целые строфы, пишет М. Петер, состоят у Твардовского из фразеологизмов, например: *«Чей поилец, чей кормилец, кем пришелся ко двору».* И т. д.

Много употребляет Твардовский фразеологии из публицистической речи: *без отрыва от земли, от бумаг, от производства* и т. д.

М. Петер завершает раздел выводом: фразеологизмы – это своеобразная народная поэзия, как пословицы и поговорки; фразеология придает стихам народный характер, делает стихи подлинно народными.

Поэтическое использование значений слов

Многозначность. Полисемия – это несколько значений у одного и того же слова. На этой основе Твардовский, пишет М. Петер, создает целый комплекс значений, даже в одном и том же месте поэмы. Часто этих значений в комплексе больше (или они совсем иные), чем зафиксировано в толковом словаре. Так, М. Петер отмечает, что у слова *ребята* у Твардовского в «Василии Теркине» имеются следующие значения: 1) «свои люди» («И совсем свои *ребята*…»), 2 «еще дети» («Поглядеть – и впрямь

– *ребята*! Как по правде желторот…», 3) «бойцы» («И уже идут *ребята,* на войне живут бойцы…»).

Аналогичный комплекс значений – на базе полисемии – образуется у Твардовского (пишет М. Петер) в поэме «За далью – даль». Встретились два друга, из которых один был на Колыме, – разговорились, употребляя слово *старик:* 1) «старый друг» («Словцо-то нынче в самый раз, Ровесник-друг…»), 2) «старый человек» («И я, конечно, не моложе, одно, что зубы уберег. – *Старик*».

Многозначно слово *человек* в поэме «Василий Теркина». Во-первых, это живое существо, обладающее мышлением, речью и т. д.: «*Человек* по всем приметам». Но с этим значением ассоциируется значение «подлец»: «*Человек* ты? Нет, *подлец*». В поэме «Теркин на том свете» у слова *человек*, по мнению М. Петера, образуется другой комплекс значений: 1) чиновник, который *«не сможет, не поможет»*, 2) человек, «тебе подобный. – Вот, кто нужен, кто бы спас».

Москва – тоже у Твардовского богатое семантикой слово (так же, как и у Пушкина: «*Москва*! Как много в этом звуке…»). Твардовский пишет: «*Москва* – мечта, *Москва* – задача, *Москва* – награда за труды», – отмечая у слова *Москва* сразу три значения (или одно целостное значение). *Москва,* далее, – это вся страна: «И от *Москвы*, как ни далеко, но все еще была *Москва*». Тем более, если рядом со словом *Москва,* пишет М. Петер, употребляется слово *Сибирь*: «*Сибирь. Москва*. Два эти слова звучали именем страны». В поэме «За далью – даль» *Москвой* называется транссибирская магистраль (железная дорога): «*Москва*, что дали рассекала своей стальною колеёй». И т. д.

В поэме «Дом у дороги», пишет М. Петер, комплекс значений имеется у слова *дом*: 1) здание («Тот *дом* без крыши, без угла…»), 2) место жительства («Всё это вместе были *дом*, жилье, уют, порядок», 3) семья («Я еду. Малый *дом* со мною…»), 4) народ («…и шел твой *дом* на родину из плена». В самом названии «Дом у дороги», пишет М. Петер, соединено несколько значений у слова *дом:* 1) здание, 2) семья, 3) судьба («…на века свой строим *дом,* свой мир живой, нерукотворный…»). Несколько значений имеется и у слова *дорога* в этом названии: 1) дорога проселочная («Нет, как бы дом подальше *от дороги*», 2) путь («…приказ в *дорогу* дан») и др. М. Петер отмечает, что в комплекс значений слова у Твардовского больше входит значений, чем отмечается в словаре – достигается это за счет поэтической метафоризации.

Омонимы – слова разные по значению, но одинаковые по звучанию, например: «Миру – мир!». Твардовский, пишет М. Петер, из омонимов тоже создает комплексы значений, достигая поэтической выразительности в своих поэмах. М. Петер приводит примеры из поэмы «За далью даль»: «Как *миру* весть о жданном *мире* несла Сибирь», «Огромный наш *немир-*

ный мир…». Слово *мир* употребляется здесь тоже в двух известных значениях: «вселенная» и «покой». В поэме «Василий Теркин на том свете» слово *сон* тоже имеет комплекс значений, состоящий, по крайней мере, из двух значений: это не только «спать», но и «смерть»

М. Петер отмечает, что Твардовский часто в тексте «разводит» значения у полисемии – и получает омонимию. Например, Сивцов, отступая, зашел домой (фронт уходил далеко на восток), перед уходом для него наступила настоящая разлука, настоящая боль, не то, что он отмечал у себя раньше. Значения у слова *разлука* настолько далеко разошлись в контексте, что на месте полисемии появилась омонимия. То же самое произошло и со значениями слова *боль:* теперь это не полисемия, а омонимия: *боль 1 – боль 2*. Особенно много омонимии, образующейся из полисемии, отмечает М. Петер в поэме «За далью – даль».

Паронимы – слова, частично сходные по звучанию при их различии, полном или частичном, в значении. М. Петер приводит следующие примеры использования паронимов Твардовским. В поэме «Дом у дороги» солдаты, отступая, думают о том, что не могут защитить женщину от врага: «И не *виновны* перед ней, а всё же *виноват*ы». Часто употребляются паронимы в поэме «За далью – даль», например: «А за *Уралом – Зауралье*», «А за *Байкалом – Забайкалье*», «Перекрыть плотиной воды – Уже не *дар,* а *дань* природы». О народе Сибири Твардовский пишет: «Сибиряки! Молва не врет: Хоть *сборный* он, зато *отборный*». А на фронте во время войны было так: «Тебя согреть спешат и *водкой*, И *сводкой* Совинформбюро». После Сталина, пишет Твардовский: «Не *остановилось* время, лишь *становилося* иным».

В поэме «Теркина на том свете» различие в значении паронимов, пишет М. Петер, создается у Твардовского посредством различия в контексте. Вот, например, три контекстуальных паронима, отмеченных М. Петером у Твардовского: *дух – слух – нюх,* например: «В *духе* смолоду учен. И по части *духа слуха – слуха*, да и *нюха* – не лишен». Твардовский спрашивал: что нужно для того, чтобы быть писателем? И отвечал: нужен *дух*, но также нужен и *слух*, и *нюх*.

Синонимы – разные по звучанию слова, но одинаковые по значению. М. Петер, приводя пример из «Василия Теркина», объясняет, в частности: *дым* – на войне, а *дымок* – в жилом доме, примеры: «Орудийным пахло *дымом*, не людским *дымком* жилья»; «На заре туман кудлатый Спутал *дымы* и *дымки*».

В поэме «Василий Теркин» наиболее употребительным словом является слово *солдат*. М. Петер пишет, что в разных контекстах, в разных стилях употребляются разные значения этого слова – создается своеобразная синонимия: *солдат – земляк, солдат – сирота* и др. *Солдат* – старое дореволюционное слово. Новое, советское слово – *боец.* Высокое, торже-

ственное слово – *воин*. Например, генерал хвалит солдата, называя его *воином. Воин* – герой, защитник Отечества, стремившийся к победе и победивший. В афоризмах (употребленных Твардовским) употребляется слово *солдат*: «Солдат всегда солдат», «Города сдают *солдаты*, генералы их берут». В заключение М. Петер, перечисляя значения «солдата», приводит примеры этих значений (с.93): 1) *солдат* – одет в форму, есть у него семья, мирная жизнь («Сидел отставший от войны *Солдат* с женой *солдаткой*»); 2) *боец* – солдат на войне, в бою, в битве («Я скажу тебе короче И понятней: ты *боец*»; 3) *воин* – герой, в бронзе, с мечом (см. название главы «Смерть и *воин*»).

Ключевые слова. Акад. В. В. Виноградов писал, что у каждого писателя есть свои «типические», «центральные», «ключевые» слова. М. Петер отмечает, что Твардовский в этом отношении не составляет исключения: его ключевые слова не только важны с точки зрения понимания содержания произведения, но они создают композицию произведения, составляют авторский стиль.

В качестве первого такого слова М. Петр называет слово *страда.* Это народное слово означает сельхозработы: пахоту, молотьбу, косьбу. У Твардовского *страда* – это война, не только применительно ко всей войне, но и к ее отдельным эпизодам. *Страда* – это повседневная жизнь на войне, ее духовное и физическое напряжение. Это трудная работа, орудием которой является штык, лопата, бомба. М. Петер приводит цитаты из поэм Твардовского со словом *страда:* «По следам *страды* вчерашней…», «Покамест шла война-*страда,* В труде, в пути, *страде* покорной»; «Прошла война, прошла *страда*» и т. д.

Вторым ключевым словом в поэзии Твардовского М. Петер отмечает слово *даль.* Вся поэма «За далью – даль», пишет М. Петер, построена на этом ключевом слове: 1) *даль* – неизмеримое пространство Советского Союза: «А за Уралом – Зауралье, а там своя, иная *даль*»; 2) *даль* – историческое время русского народа: «А там еще другая *даль,* что обернется *далью* новой»; 3) *даль* – развитие, имеющее цель и задачи: «Нам разрешали наши *дали*». Главная даль – это наше будущее, просторы Сибири, Дальний восток. В зависимости от контекста появляются у слова *даль* (пишет М. Петер) все новые и новые значения: «..в жизни много всяких *далей*».

Еще одно слово отмечает М. Петер у Твардовского в качестве ключевого слова – *родной*, которое сочетается со словами *тело, дом, хата, угол, гнездо, жилье, село, город, столица, тоска, край, родня, земля, сторона, речка, отец, сын, детки, сестра, невеста* и др. М. Петер характеризует эти сочетания в стихах – получается очень убедительно: «Не муж, не сын, не брат Проходят перед нами, А только свой солдат – И нет *родни родимей*».

Употребляется у Твардовского сразу два ключевых слова, например: *живой – мертвый.* При этом у слова *мертвый* обнаруживается много синонимов: «Я не звал тебя *косая,* я солдат еще *живой*», «Прогоните эту *бабу,* я солдат еще *живой*», «Из команды *похоронной*…все равно *живой* народ»; «*Живо*й спешит до места, мертвый дома, где ни есть», «Потому несем *живого, мертвый* вдвое тяжелей»; «*смерть* – одна, *живые* – дружны». И далее: когда *смерть* наступает, то *смерть* еще *живая*», «Ведь *живая смерть* страшна….и жизнь *жива*».

Употребляется у Твардовского (пишет М. Петер) ключевое слово *чужой* применительно к немцу-оккупанту: *чужой – солдат, язык, суд, сила* и др.

В поэме «За далью – даль» используется ключевое слово *крутой – пот, нрав, характер, мера, спор, срок, время, быстрина, рука*, например: «В *крутые* памятные сроки я побывал на Ангаре». Ключевое слово *глухой* (пишет М. Петер) употребляется только в негативном значении – в сочетании со словами *ночь, край, пальба, срок, черед, боль, покой* и др., например: «…и тех часов *глухую боль*», «*Глухой* нерадостный *покой*». Сходное употребление – у слова *горький* – со словами: *слова, удел, даль, година, сторона, друг, ласка, праздник* и др., например: о первых годах войны – *година горькая, дни горькие*; о территории, занятой врагом: *горькая сторона*; о пленном друге: *горький друг*. И т. д.

Ключевые слова, пишет М. Петер, наполняют текст у Твардовского содержанием, мыслью, настроением.

Особенности поэтического синтаксиса

Устойчивые конструкции. М. Петер подчеркивает, что синтаксис обязательно находится в согласовании с лексикой и стилем поэтического языка. М. Петер в этом вопросе исходит из работ Н. Ю. Шведовой по синтаксису разговорной речи, которая пишет, что синтаксис разговорной речи обусловливается лексическим составом этой речи: 1) синтаксическая структура создается этой лексикой *(приди помоги)*, 2) синтаксическая структура фразеологична *(взял да и уехал)*.

М. Петер приводит примеры лексикализованных и фразеологизированных синтаксических структур из поэм Твардовского, классифицируя их следующим образом: 1) значения слов в структуре могут быть самостоятельными – не обусловливаемые значением других слов (слово в таком случае может употребляться в любой своей грамматической форме): «*Спит, не спит*, лежит Никита»; 2) самостоятельно значимые слова образуют устойчивую структуру разговорной речи: «Где *все как все*: горняк, охотник»; 3) самостоятельно значимые слова изменяют свое значение в

синтаксической структуре: «И *хвать писать* – пропал запал»; 4) синтаксическая структура фразеологична: *«До чего же ты противный!», «Что за чертовщина!».*

Из подобных устойчивых структур, по мнению М. Петера, складывается разговорный язык – образуется стиль поэм Твардовского.

Вводные слова. Вводные слова употребляются в поэмах Твардовского в диалогах. С помощью вводных слов, пишет М. Петер, разговаривающие стороны проявляют свою экспрессивность, эмоциональность, субъективность: *авось, пожалуйста, словом* и т. д. Например, Моргунок говорит свояку: « – Давай споем. В последний, *может*, раз». Но часто употребляет вводные слова сам автор, обращаясь к читателю, когда повествование идет легко, и автор хочет установить связь с читателем: *стало быть, пожалуй, как говорят* и т. д. Вводные слова сопровождают текст, когда автор, обращаясь к читателю (пишет М. Петер) призывает свидетелей: *правду говорят, как говорят, как говорится, значит* и т. д.: «Сидят, поют два мужика В последний, *значит*, раз». В поэме «Страна Муравия» вводные слова, пишет М. Петер, часто обозначают неуверенность главного героя: *может, пожалуй* и др.

Обращения. Обращения, пишет М. Петер, объединяют поэта с героем, к которому поэт обращается: *Теркин, Вася Теркин, солдат* и др. Сходную, дружескую функцию выполняет у поэта часто обращение: *читатель*. В «Стране Муравия» простые деревенские люди обращаются друг к другу интимно: *сынок, свояк, брат* и др.. Однако к кулаку Богрову обращаются по имени-отчеству: *Никита Федорыч*. Правда, когда Моргунок встретил раскулаченного Богрова, он уже не смог обратиться к нему по имени-отчеству: *сосед.* А когда Богров украл у Моргунка коня, то обращение приобрело совсем иной вид: *Сукин сын!* Обращение, таким образом, подчеркивает М. Петер, имеет социальный характер.

Василий Теркин обращается к солдатам: *брат, голубчик, ребята, дружок, дружище, братцы, хлопцы* и др. Но дома, на родной земле, Теркин обращается возвышенно: *мать-земля родная, мать-Россия*. В поэме «Дом у дороги» обращения придают лирическое настроение: *далекий мой, родимый мой*. Сивцов так обращается к своей родине-земле, когда он к ней вернулся: *земля, земелька*.

Женщины обращаются к советским солдатам: *сыночки.* Это обращение, пишет М. Петер, чрезвычайно выразительно предает чувства женщины-матери.

В поэме «За далью – даль» расширяется функция обращения у самого поэта к стране: *Москва, Россия, Звездная Сибирь*. Здесь встречаются, пишет М. Петер, и очень патетическое обращение автора к Родине, к дому: *Отчизна-мать!* Обращения поэта к своей молодости, юности, ко времени, которое прошло и в котором он не ошибся, таковы: *молодость, юность,*

крутое время, судьба. М. Петер пишет, что эти обращения появляются у поэта сами собой, в контексте, а не как литературные аллегории.

Слово *что.* М. Петер специально описывает синтаксическую конструкцию со словом *что*, которое употребляется то как союз, то как относительное слово, – потому, что использование конструкции с этим словом у Твардовского свидетельствует о народном языке его поэзии. Употребляется слово *что* у Твардовского в стихах как заместитель определительного слова *который*, точно так, как оно употребляется в народной речи: «И жизнь, *что* прожита…», «И бойцам, *что* помоложе…». М. Петер пишет, что слово *что* чаще всего относится у Твардовского к неодушевленному существительному: «Как книгу, *что* прочесть до срока…все собирался, да не мог». Эта конструкция, пишет М. Петер, восходит к древнерусскому языку, употребляется в русских диалектах, а также и в белорусском языке. М. Петер подчеркивает, что Твардовский употребляет эту конструкцию потому, что это – народная речь, и, кроме того, – это смоленский говор. Кроме того, пишет далее М. Петер, слово *что* употребляется и как сравнительный союз, что тоже характеризует народную речь, свойственную поэзии Твардовского: «*Что* калужского портного, за неделю ждут меня».

М. Петер добавляет, что народной особенностью русской речи является и употребление союза *как* – не в сравнительном значении, а 1) в значении времени: «В тот первый день…, *как* собрались в дорогу», 2) в значении условия: «Хорошо, *как* есть такой…», 3) в значении причины: «Хороша…дорога, *как* нет другой» (примеры взяты из разных поэм).

Неполные предложения. Неполные предложения – это тоже черта разговорной речи, особенность того стиля, на котором создавал свои поэмы Твардовский. М. Петер пишет о двух видах неполных предложений у Твардовского. Во-первых, это эллиптические предложения. Твардовский для того использовал эллипсис, чтобы передать динамику в ситуации: «Теркин – дальше, автор – вслед». Использовал эллипсис Твардовский и для того, чтобы «уплотнить» слова в стихе: «Не за партой – на соломе…». И кроме того, чтобы создать ритм в стихе: «Крыша – небо, хата – ель». В неполном виде употребляются у Твардовского обычно и пословицы и поговорки. Читатель знает эти пословицы и поговорки и легко восстанавливает их в полном (и правильном) виде: «Делу время, час забаве». По такому же принципу Твардовский часто не заканчивает предложения в стихе – заканчивает читатель, тем более если предложение представляет собой устойчивую конструкцию: «– Там отдел у нас Особый, Так что лучше стороной….». Читатель восполняет: «стороной обойти».

Во-вторых, это такие неполные предложения, в которых пропущенный член назван в контексте, обычно в предшествующем предложении: «Трудно знать…, А там посмотрим…» (пропущено: «узнаем»). Чаще всего ситуация, о которой сообщается в стихе, позволяет восстановить пропу-

щенные члены предложения» « – Ну, хозяин, понемножку, По одной, как на войне» (пропущено: «по одной чарке выпить». М. Петер приводит примеры не только из поэмы «Василий Теркин», в которой, «переполненной» диалогами, пословицами, поговорками, шутками, очень много таких конструкций, но и из других поэм Твардовского.

Формы диалога. М. Петер пишет, что реплики диалога имеют разные структуры, вследствие чего трудно исследовать зависимость реплик в диалоге друг от друга. В поэмах Твардовского диалоги выполняют стилистические функции, находятся в связи с ритмом, с размером стиха. Диалоги должны «укладываться» в стихотворные размеры – в ямб, хорей.

М. Петер отмечает разные виды диалога: 1) одна реплика становится членом другой реплики: « – Когда прибыл? – Вчера прибыл»; 2) вторая реплика повторяет первую: «Издалека? – Издалека»; 3) вторая реплика развертывает первую: «Ты куда? – А я дровишек для хозяйки нарубить»; 4) вторая реплика дополняет первую, образуя с ней единство: «Я обязан доложить… – Ясно… – Куда нужно».

Полилог – разговор более, чем двух лиц. Реплики в этом случае могут быть не связаны друг с другом по содержанию. Твардовский, подчеркивает М. Петер, с удовольствием создает полилоги. М. Петер приводит примеры не связанных друг с другом реплик из «Василия Теркина»: «А может, это Теркин? – Стой, ребята, не соваться…– Разрешите попытать. – Что пытаться? – Братцы – он». Краткие, быстрые реплики, пишет М. Петер, выражает эмоции бойцов.

Псевдодиалог – разговор автора с самим собой, иначе говоря – с читателем, например: «Почему так – без начала? Потому что сроку мало….Почему же без конца? Просто жалко молодца». В книге М. Петера приводится много примеров диалога разной формы с очень содержательными комментариями (см. с. 134–148).

Разрыв предложения. Обычно предложение или его основная часть должны «укладываться» в одну-две строки стихотворения. Могут сразу два предложения поместиться в одной строке, например: «Я еду. Спать бы на здоровье, Но мне покамест не до сна». Здесь в первой строке два предложения, а во второй – одно. Однако у Твардовского бывает и так, когда конец предложения, например одно слово в конце предложения, переносится на другую строку. И очень часто этим словом и ограничивается данная строка, становясь неполной строкой, например: «Но я тебе не подчинен / По той одной простой причине, / Что ты не явь, а сон / Дурной». Отделенное слово *дурной* является важным по смыслу – получает логическое ударение. М. Петер дает классификацию этих отделений (разрывов предложения) с учетом синтаксических понятий: 1) подлежащее находится в предшествующей строке, а сказуемое – в последующей («…Что разлучить одна *война / Могла*. И разлучила…»; 2) в предшеству-

ющей строке остается вспомогательный глагол, в последующую строку уходит инфинитив («Но он входил, уже он *мог / Войти*, чужой солдат»); 3) в предшествующей строке употребляется наречие (обстоятельство), а под логическое ударение снова становится сказуемое («Как будто с мужика лишь *теперь* / Навеки *распрощались*»); 4) разрыв предложения происходит между однородными членами предложения («Еще противник по пятам За нами шел. *Не спали, Не ели* мы тогда в пути»). (Примеры взяты из «Дом у дороги»).

Разрыв предложения делается поэтом для того, пишет М. Петер, чтобы выразить движение в ситуации, направление движения, его продолжение. Использует Твардовский и двойной разрыв предложения, чтобы усилить динамику передаваемого действия, например: «Ровный, дружный, тяжкий *рокот / Надвигался*, рос. *С востока* / Танки шли». М. Петер заключает раздел таким образом: поэтический язык таков, что надо использовать все языковые средства – как это делал Твардовский.

Поэтические сравнения, образы, метафоры

Устойчивые и новые сравнения. М. Петер, основываясь на мнении критиков и литературоведов (М. Котов, М. П. Толмачев и др.), подчеркивает простоту и повседневность сравнений словесных образов у Твардовского. Сравнения являются на тему деревенской жизни, отражают крестьянские взгляды. М. Петер пишет, что ничего показного в этих метафорах у Твардовского нет – всё естественно. Сравнения употребляются не ради самих сравнений, а для того, чтобы отразить действительность, чтобы читатель лучше понял ситуацию. Например. в «Стране Муравии» поэт так передает жизнь советской страны, ее динамизм: «Гудят над полем провода, *Столбы вперед бегут*». Но Моргунок выбрал другую жизнь, противоположную той, которая вокруг него: «Весна идет, *земля горит*».

В поэме «За далью – даль» описывается 12 дней дорожной жизни: «Пройдет вагон – *твоя квартира, твой дом и улица твоя*». Но главное то, что вокруг – страна: «Нелегок путь, но ветер века – он *в наши дует паруса*» В поэме «Василий Теркин» описывается война с использованием сравнений: «*Грянул год…Смерть* в бою *свистела* часто».

Выше в качестве примеров приведены новые сравнения, созданные Твардовским. Но Твардовский, пишет М. Петер, употребляет и старые, обычные сравнения русского языка: «Чтоб всё тебе пришлося впору, Как *добрый на ноге сапог*».

Сравнения на тему деревенской жизни. Моргунок в поэме «Страна Муравия», когда увидел вспаханную землю, – у него появилась ностальгия по крестьянской работе. Поэт так изображает это состояние:» «Земля *кро-*

шится, как пирог, – Хоть *подбирай и ешь».* Моргунок, тоскуя по земле, на своем пути останавливается в колхозе, чтобы помочь в молотьбе – в хорошо известной ему работе. Раньше, когда у богатых хозяев и попов молотили в поле, он так ударял цепом, будто солдаты маршировали под музыку: «И на току – *что полк солдат под музыку пройдет*». Теперь же в колхозе трактор – символ новой жизни. Появились и новые поэтические сравнения: «*Трактор водит* за собой толпу, *как хоровод*».

В поэме «Василий Теркин» много сравнений на военную тему, например: «*Хвост овечий – сердце бьется…*». Снаряд сравнивается с поросенком: «*…с поросенка на убой*».

Сравнения из области техники. М. Петер пишет, что техника у Твардовского не только предмет описания, но и средство описания других предметов. Например: «Неслась, *как радио молва*». Моргунок сравнивает своего коня тоже с техническим средством: «*Уши* ходят, *как часы*». Гроза сравнивается с грохотом поезда по мосту: «И глухо, *как огромный мост,* Простукал где-то *гром*». Еще одно сравнение с мостом: «Какой-то *мост пропел* мгновенно *На басовой тупой струне*».

В поэме «За далью – даль» поезд (паровоз) сравнивается: 1) с лодкой («*Гребет* пространство *паровоз*»; 2) с самолетом («*Поезд* этот с ходу…*взлетит*, оставив воду, убрав *колеса, как шасси*»). Поезд олицетворяется: 1) он считает шпалы («Сотни звонких *шпал* Все до одной он *перебрал*»); 2) поезд нуждается в передышке (И если *поезд передышку* себе *в работе позволял…*»). И т. д.

Образы войны. В поэмах Твардовского война – главное действующее лицо. Война выступает в большом разнообразии сравнений, метафор, особенно в поэме «Василий Теркин». М. Петер систематизирует эти образы войны: *война ревет, как море; гудит война; гремит война;* «Ветер злой навстречу *пышет, жизнь*, *как веточку колышит*».

В поэме «Дом у дороги», пишет М. Петер, война проявляет себя несколько по-иному: «Старинным *голосом война* по всей стране *завыла*», «*…шла, гудела*, как набат», «*Томила* только бы бойца, Да *не пылила б у крыльца* его родного дома», «Но ты *повыгнала* ребят В подвалы, в погребушки, Ты с неба наземь наугад свои *кидаешь чушки*». Сначала «Война *стояла* у ворот Столицы осажденной». А затем: «С востока к западу война *оглобли повернула*». Синоним войны – фронт: «Уж вот он (фронт) – за холмом *вздыхает безнадежно*».

М. Петер пишет, что в поэме «За далью – даль» Твардовский говорит о том, что у народа о войне остается плохая память, которая «Как *рана заговорит* к дурной погоде».

Перифраза. Это оборот речи, когда вместо одного слова употребляется сочетание слов. Например, Моргунок увидел прекрасных лошадей в колхозе и не мог уснуть: употребляется вместо слова *уснуть* перифраза:

«*Бородою к звездам лег*». Моргунок увидел, как парень ремонтирует трактор, лежа под трактором: вместо слова *ремонтировать* употребляется перифраза: *«Об дорогу чешет спину»*. М. Петер находит перифразы и в поэме «Василий Теркин»: вместо слова *сабантуй* употребляется в поэме перифраза: *«Землю-матушку целуй»*. Под обстрелом надо *лежать* на сырой холодной земле. Поэт вместо слова *лежать* употребляет перифразу: *«Греют землю животом»*. В другом месте употребляется вместо этого слова другая перифраза: *«Теплым телом греет землю»*. См еще: вместо *лежишь* (под бомбежкой) употребляется перифраза: *«Заслонясь…только собственной спиной»*. *Генерал*, который командует боем, тоже называется перифразой: *«Тот, по чьим часам карманным все часы идут в бою»*.

В поэме «За далью – даль» Сибирь часто называется (отмечает М. Петер) перифразой, например: *«Завод и житница державы, Ее рудник и арсенал»*.

М. Петер приводит много других примеров перифраз Твардовского, комментируя их точно и обстоятельно.

Повторы, параллелизмы. Язык поэм Твардовского, пишет далее М. Петер, богат также и такими выразительными средствами, как повторение, параллелизм (в структуре предложения). Вот как используется повторение слов в главе «Переправа», где погибают много людей: «Люди теплые, живые шли *на дно, на дно, на дно*». А вот как переживается первая воздушная атака молодым человеком – с использованием повторения слов: «Смерть грохочет в перепонках, И *далек, далек, далек* Вечер тот и та девчонка, что любил ты и берег». С помощью повторения слов, пишет М. Петер, можно передать гордое и счастливое чувство отношения к своей Родине: «Страна родная, полон я Тем, что от края и до края Ты вся – *моя, моя, моя!»*

Повторение у Твардовского часто начинает строфу, и от этого повторение действует еще сильнее на читателя. М. Петер показывает, что в этом случае повторение непосредственно передает драму войны: «*Шли* худые, *шли* босые…Что там, где она, Россия?...*Шли*, однако, *шел* и я». М. Петер пишет, что анафорическое повторение придает стиху «симметричное» построение: у стиха появляется дополнительная энергия: «*Есть* война – солдат воюет, *Есть* сигнал – *Вперед! – Вперед*. – *Есть* приказ: *умри – умрет*».

У Твардовского (пишет М. Петер) есть прекрасные стихи с рефреном в начале строк. Василий Теркин просит у своей смерти, чтобы она позволила ему в день окончания войны побывать в некоторых местах: «*Дашь* ты на день отпуск мне?..*Дашь* ты мне в тот день последний…услыхать салют победный…*Дашь* ты в тот день немножко Погулять среди живых? *Дашь* ты мне в одно окошко Постучать в краях родных? *Дашь* сказать одно словечко? Полсловечка?»

Повторение одних и тех же слов (рефрен) может быть у Твардовского не только в начале стиха, но и в конце. Это тоже больше усиливает стих, придает ему динамизм, что очень важно (на это обращает внимание М. Петер), – стих становится народнопоэтическим по стилю, например: «*Виноват,* что холод жуткий…, Что вблизи упал снаряд, Разорвался – *виноват*. *Виноват*, что на том свете за живых Мертвец в ответе». Если в конце предложения, пишет М. Петер, стоит слово – один раз, то в следующем предложении, в его начале, это слово может повториться еще раз, например: «Невозможно. *Дай вздохнуть. Дай вздохнуть*, возьми в догадку…». В конце главы Твардовский описывает, как советские солдаты сводят счеты с фашистами. Драматизм усиливается благодаря тому, пишет М. Петер, что повторение (рефрен) имеет место не только в начале строки, но и в конце. В начале строки повторяются одни слова, а в конце – другие слова: «*Счет* сведен, *идет расплата*…*Счет* велик, *идет расплата*…Грозен *счет, идет расплата*…». М. Петер в этом разделе своей книг приводит много других примеров с рефреном, снабжая их подробными комментариями.

Усиление и ослабление значения. М. Петер пишет, что усиление в области значения, в области содержания, в семантике оформляется у Твардовского с помощью синтаксических, стилистических средств. Самая простая форма выражения усиления значения, содержания – с использованием числительных: «Ну, шли б *втроем*, ну, *вчетвером*, ну, *впятером* хотя б». Еще пример такого же усиления: «Шагай, воюй и *год,* и *два,* и *три*, и все *четыре*». И еще: «Генерал один на *двадцать, Двадцать пять*, а может стать, И на *сорок* верст вокруг». Усиление выражается также и посредством существительных, имеющих количественное значение: «Ты, брат, это *батальон. Полк. Дивизия*. А хочешь – *Фронт, Россия.* Наконец – ты *боец*». Если слова *батальон > полк > дивизия* и т. д. – это все-таки пока еще количественное усиление, то *боец* – означает переход уже к качественному усилению (количество перешло в качество). Следующая последовательность: «*Богатырь. Орел*. Ну, просто – *воин!*» – иллюстрирует усиление, которое целиком находится (пишет М. Петер) в качестве: *богатырь > орел > воин.*

Усиление может идти в обратном направлении – быть со знаком минус. М. Петер называет такую последовательность ослаблением значения, например: «Шел *по-ротно* и *по-взводно,* И *компанией свободной*, и *один*…» *(по-ротно > по-взводно > компанией свободной > один)*. И еще на одно ослабление, сугубо количественное, обращает внимание М. Петер: «Я не *столько,* не *полстольк*о, – *четверть столько*!..» *(столько > полстолько > четверть столько)*. М. Петер подчеркивает, что подобные формы ослабления (*столько* и т. д.) имеют народное происхождение и приводит пример из словаря В. Даля о гусях: «Здравствуйте, сто гусей!

А они отвечают: нет, нас не сто гусей, а будь еще столько, да полстолько, да еще столько, да еще один гусь, так было бы сто!».

Перечисление. М. Петер пишет, что функция перечисления, нагромождения – конкретизировать, уточнить значение, содержание, и приводит пример с немецким солдатом, с которым борется Василий Теркин: *«Сытый, бритый, береженый, Дармовым добром кормленный…».* Здесь нет ни усиления, ни ослабления значения – здесь именно конкретизация значения. А вот как выглядят отступающие во время войны люди: «*Потрясенный, опаленный, Всех кровей разноплеменный, Горький, вьючный, пеший* люд…». А вот сами отступающие солдаты: «…*битый, тертый, жженый, Раной меченый двойной,* в сорок первом *окруженный*…».

Посредством перечисления (нагромождения) прилагательных и причастий Твардовский описывает приближающийся звук снаряда: «Вдалеке возник *невнятный, Новый, ноющий, двукратный,* Через миг уже *понятный,* И *томящий* душу звук». Но посредством перечисления (нагромождения) слов, пишет М. Петер, Твардовский мог изображать не только неприятные, но и приятные звуки, например полет майского жука: «*Добрый, давний* и *знакомый* Звук *вечерний*…».

В поэме «За далью – даль» Твардовский использует перечисление (нагромождение) для описания жизни. Например, поэт (пишет М. Петер) характеризует таким способом место, где он родился: «В той *небогатой, малолюдной, негромкой* нашей стороне». И конечно, перечисления оказываются уместными при описании большой стройки, которая развертывается на просторах Сибири, обнаруживая положительные качества русского народа-строителя (коллективизм, единство, труд): «И *удаль русская мирская*, И с ней *повадка заводская*, И *строя воинского стать*, И *глазомер*, и *счет бесспорный*, и *сметка делу наперед».*

В поэме «Василий Теркин» перечисляются глаголы в повелительной форме для выражения движения вперед: «Срок иной, пора иная – *Бей, гони, перенимай*». Целая строфа (пишет М. Петер) состоит из глагольных нагромождений в форме причастий: «Вспомним с нами *отступавших, воевавших*…, и *пропавших…, Провожавших*, вновь *встречавших*, Нам попить воды *подавших, Помоливишихся* за нас». М. Петер отмечает, что, в связи с тем, что каждое из названных причастий относится к другому стилю: *павших* (возвыш. стиль), *без вести пропавших* (офиц. стиль), *воды подавший* (разг. стиль), – то в целом создается разнообразие в стилистике, выражающее праздничное настроение при наступлении войск. Когда перечисляются действия, то используется Твардовским не только глаголы и причастия, но и существительные со значением действия: «*Смятенье, гомон*, тяжкий *стон*…, И детский *плач,* и *патефон*…».

Перечисляться могут и существительные, называющие предметы, например военную технику: «Встали *танки, кухни, пушки, Тягачи, грузо-*

вики…». Здесь же, уже без особого порядку перечисляются названия людей, коней и т. д.: «И столько навалило вдруг *Гуртов, возов, трехтонок, Коней, подвод, старух, Узлов, тряпья, котомок*…».

М. Петер указывает на то, что метод перечисления (нагромождения) при поэтическом описании действительности использовал в русской литературе и Пушкин, и приводит известный пример из «Евгения Онегина», где перечисления занимают всю строфу: «Мелькают мимо *будки, бабы*…». М. Петер пишет, что точно такое же перечисление (возможно, даже подражая Пушкину) употребляет и Твардовский, когда описывает, какие различные предметы отражаются в реке Волге, когда она, со всеми своими притоками, растекается по европейской части России: «В нее смотрелось пол-России: *Равнины, горы и леса… Заводы, вышки буровые*…» и т. д.

М. Петер замечает, что перечисление слов Твардовский использует не только при описании «скопления» предметов, действий, явлений, но и при описании отдельных предметов, людей. М. Петер приводит пример из «Василия Теркина» – при описании генерала: «На войне – не кто как он Твой *ЦК* и твой *Калинин. Суд. Отец. Глава. Закон*».

Вообще же, заключает М. Петер, данное изобразительное средство – перечисление – используется Твардовским сравнительно редко.

Антитеза. Антитеза – сложная стилистическая фигура. Тем не менее, М. Петер подробно ее описывает, как она представлена в поэзии Твардовского, – посвятив ей достаточно большое количество страниц в своей книге.

М. Петер пишет, что Твардовский использует антитезу в первую очередь для выражения чувств, мыслей героев, а также различных значений в противопоставленной действительности. В современной войне, пишет М. Петер, много противопоставлений – и их надо уметь описать, например: «И вот *семнадцать лет разлуки*, И этой *встрече пять минут*». Здесь противопоставления: *семнадцать лет – пять минут, разлука – встреча*.

В форме антитезы Твардовский передает свои чувства и мысли относительно своего героя Василия Теркина: «От Москвы до Сталинграда неизменно ты со мной. *Боль* моя, моя *отрада, Отдых* мой и *подвиг* мой!»

Когда поэт заканчивал поэму «За далью – даль», чувство в виде антитезы наполняло его (пишет М. Петер): «Была *тетрадь* – и стала *книг*а», а читатель будет разный: «И не *судья,* а *прокурор*». В поэме «Дом у дороги» антитеза передает первые дни войны – отступление: «И где *колонны* коекак, там *толпы* зашагали». Метатеза у Твардовского, пишет М. Петер, часто принимает вид оксюморона: стилистический оборот, в котором сочетаются семантически контрастивные слова, создающие неожиданное смысловое единство (типа *живой труп*). М. Петер отмечает, что подобные оксюмороны Твардовский создает не ради простого упражнения, а для того, чтобы передать чувства героя, а прежде всего свои собственные поэ-

тические чувства: «Но *светла* была *печаль*», «С *грустью нежной*», «С *грустью сладкой*» (примеры из «Василия Теркина»). М. Петер подчеркивает, что оксюморон характерен для всей русской поэзии – и снова цитирует Пушкина: «*Печаль* моя *светла*» и т. д. М. Петер и далее приводит много примеров оксюморона из поэмы «Василий Теркин», например: солдат забежал в свою хату и провел краткую ночь в своей семье: «Дети спят. Жена хлопочет В *горький, грустный праздник* свой». Когда солдат уходил, он захотел попрощаться с детьми: «И ненужной, *горькой лаской* Растревожил он ребят…». Когда началось наступление на фронте, у солдат снова появилось чувство, которое Твардовский передает с помощью антитезы с использованием слов *горький, сладкий*, например: «В душу вновь они вступали С одинаковою той Властью правды и печали, *сладкой горечи* святой». В лицах солдат отражалось и физическое страдание, и счастье победы: «Шли вперед своим путем, Со *страдальчески-счастливым*, От жары открытым ртом».

При характеристике любого поэтического языка тема «Сравнения, образы, метафоры» очень сложная, но М. Петер раскрывает ее глубоко и основательно.

Народные поэтические средства

Поэзия Твардовского тесно связана с русской народной поэзией. Об этом писали многие исследователи творчества Твардовского. М. Петер называет работы, которые были опубликованы ко времени выхода в свет его книги о Твардовском (1970 г.), в которых анализировались народные истоки творчества Твардовского, например: В. М. Сидельников, Л. Шептаев, А. Филатова, П. С. Выходцев и др. Поэзия и народная поэзия в их тесной связи – одно из средств стилизации творчества Твардовского «под народ». М. Петер кратко излагает историю стилизации «под народную поэзию» в русской литературе. М. Горький утверждал, пишет М. Петер, что Пушкин был первый, кто показал, как надо народный язык и народную поэзию «олитературивать» – соединять с художественной литературой. После Пушкина был Некрасов, показавший способы использования народнопоэтических средств при изображении крестьянской жизни.

Твардовский – народный поэт, он был крестьянского происхождения, с народнопоэтическими средствами знаком с детства – умел их использовать творчески. И жил Твардовский, пишет М. Петер, в такое время и в таком обществе, когда народность была понятна и использование ее одобрялось, – не то, что во время, когда жил Пушкин. Некрасов жил позже Пушкина, во время освобождения крестьян (1961 г.). В своей поэме «Кому на Руси жить хорошо» Некрасов мог широко использовать аллегории из

русских народных сказок. Твардовский жил в эпоху коллективизации (пишет М. Петер) – стал непосредственным продолжателем традиций Некрасова в русской крестьянской поэзии: в новых условиях, на новом языковом материале.

Народнопоэтическая лексика и фразеология. Народная лексика и фразеология, пишет М. Петер, мастерски используется Твардовским в его поэмах. М. Петер показывает, как передает соответствующую реалистическую действительность русское народное слово *чарка,* которое М. Петер приводит в нескольких контекстах поэмы «Страны Муравии». Например: «Ведут Никиту в дом, к столу. Ввели и – *чарку* – стук ему!», «По *чарке* выпили, сидят». В поэме «Василий Теркин» тоже употребляется это слово: «Эх, яичница!.. Полагается по-русски выпить *чарку* перед ней», «Светит месяц, ночь ясна, *Чарка* выпита до дна». И т. д.

Чтобы отразить народно-крестьянскую действительность, Твардовский (пишет М. Петер) употребляет много русской народной лексики, например: *кручина, чужедальная* сторона, по дороге *неминучей*, не мила своя *светлица* и др., а также русская народная фразеология: *столы кленовые, думу думает, ясный сокол* и др.

Используется русская народная лексика и фразеология в стилистических целях, например (пишет М. Петер) при создании стилистически возвышенной речи: «*Сыночек! Голубчик!..* Может, сала съешь *кусочек?...*». Для передачи стилистически уменьшительного значения: *божья птичка, невеличка, селедочка, молодочка* и т. д.

Смысловые слова-пары. М. Петер находит в поэмах Твардовского слова, образующие пары, называющие одно и то же значение, являющиеся народными по происхождению, например: в поле *вьюга-завируха, сон-забвение* и др. Вслед за А. П. Евгеньевой (см. Словарь синонимов) М. Петер классифицирует эти словесные пары у Твардовского, как синонимы: а) обычные синонимы, которые имеют одно и то же значение: *друзья-дружки, путь-дорога* и др.; б) пары, члены которых родственные по значению только в данном контексте: *припевает-говорит, шествуй-путешествуй, травой-осокой, старик-любитель, война-работа, труженик-солдат* и др.; в) пары, члены которых взаимно определяют друг друга: *сторож-старичок, друг-читатель, невеста-дочь, дед-хозяин, дед-солдат, земляк-боец, труженица-мать, жена-солдатка, недолеток-стригунок, беженец-скворец, калеки-яблони* и др. М. Петер полагает, что смысловые пары слов, взятые из народных сказок, можно подразделять по тематическому признаку, например: 1) слова-пары со значением Родины, страны, семьи: *земля-мать, мать-Россия, Отчизна-мать матушка Россия* и др.; 2) слова-пары с сатирическим значением: *лень-матушка, матушка-волокита* и др.; 3) слова-пары с одобрительным значением: *орлы-ребята, орел-народ, защитник-сын, подвижник-боец* и др.; 4) слова-пары, в кото-

рых члены, противопоставляясь, образуют целостное понятие: *боль-мечта, мечта-надежда,, имя-знамя* и др.; 5) слова-пары, один из компонентов которых усиливает значение другого компонента: *кину-запокину, знато-перезнато, ходы-переходы* и др.

Особенности структуры предложения. Повторение предлога в предложении – это тоже особенность народной поэзии – для ритма, для уточнения смысла: *до первых до седин, на правом на боку,* например: «Но не спится Моргунку и *на левом на боку*». Сразу в строфе у Твардовского может повторяться, пишет М. Петер, несколько пар предлогов – создается параллелизм в структуре предложения: «*С* той *с* немецкой стороны», « Как *с* немецкой, *с* той зарецкой…Вслед *за* властью *за* Советской, Вслед *за* фронтом шел наш брат…» («Василий Теркин»).

Анафора. Анафора – повторение слов, словосочетаний в начале стихотворных строк. М. Петер пишет, что анафора усиливает значение слова, предложения, например: «*Как будто* в город на базар собрался Могунок…*Как будто* в гости едет он к родне на пироги». Анафора, пишет М. Петер, способна создавать в стихах народнопоэтический стиль: «*Чья* скотина? *Чей* амбар? *Чей* на полке самовар?». Особенно см. в примере со свадьбой: «Поспела свадьба новая *Под* пироги подовые, *Под* свежую баранину, *Под* пиво на меду, *Под* золотую раннюю Антоновку в саду». Ср. еще (из «Василия Теркина»): «*Из* колодца, *из* пруда, *Из* трубы водопроводной, *Из* копытного следа, *Из* реки, какой угодно, *Из* ручья, *из*-подо льда – Лишь вода была б вода».

М. Петер пишет, что анафора и соответствующий параллелизм в предложении характерен для всей русской поэзии – как для русских народных песен, так и для русской художественной литературы. М. Петер приводит пример из Пушкина: «*И* царица хохотать, *И* плечами пожимать…». Поэзия Твардовского – народная: в ней данное поэтическое средство, подчеркивает М. Петер, используется с большим мастерством – как для усиления излагаемого содержания, так и, в особенности, в целях придания поэмам народнопоэтического стиля.

Средства народной сказки. М. Петер пишет, что Твардовский целые строфы в своих поэмах строит в стиле народных сказок. Особенно этим характерна «Страна Муравия», про которою – про всю – можно сказать, что она одна сплошная сказка. Кроме того, в ней много отдельных сказок – вставленных в одну большую сказку. М. Петер в качестве примеров приводит две такие «вставки»: одна сказка – про солдата, который во время холеры «Водку в миску наливал, делал тюрю и хлебал. Все погибли. А солдат тем и спасся, говорят», а другая сказка – про Сталина, которую рассказывает Моргунок: «…едет Сталин, едет сам На вороном коне…Глядит, с людьми беседует; И пишет в книжечку свою Подробно

все, что следует». Данный раздел об использовании средств народной сказки в книге М. Петера достаточно большой.

Народные песни. Наряду с отрывками из народных сказок Твардовский употребляет в своих поэмах, утверждает М. Петер, и отрывки из народных песен – с той же целью: придать своим поэмам народнопоэтическую стилистику, прежде всего при описании героя, его душевного состояния. Например, в поэме «Страна Муравия» кулак Бугров (пишет М. Петер) ведет антисоветскую агитацию, цитируя русскую народную песню: «Отвечает эта птичка: – Жить я в клетке не хочу, Отворите мне темницу, Я на волю полечу». Моргунок рассказывает свою биографию бедного человека, тоже используя отрывки из народной песни, которая звучит у него иронически: « – В колхоз не желаю, – Бодрился Никита, до синего дыма напился Никита… Куда ж ты поехал, Никита, Никита?». Третий персонаж поэмы – странствующий поп, который характеризуется в поэме посредством народной танцевальной песни: «Эх, ты, сукин сын, Камаринский мужик!». М. Петер добавляет, что в свое время умело использовал отрывки из народных песен поэт Некрасов (приводится пример). Твардовский, утверждает М. Петер, мастерски следует Некрасову. Много места занимает в «Стране Муравии» описания колхозной свадьбы. Вот как поет, плачет мать, прощаясь со своей дочкой: «Лети, лети, ластынька, Лети за моря. Прости-прощай, Настенька, Дочушка моя». Песня старая, народная и по ритму, и по лексике.

В поэме «Василий Теркин» песенные средства используются для того, чтобы создать настроение, изобразить ситуацию. Такова, например, песня о солдатской шинели, которую – всю – цитирует Твардовский (и вслед за ним М. Петер в своей книге): «Эх, суконная, казенная, Военная шинель…» и т. д. Иногда стихотворный размер песни не подходит к стихотворному размеру поэмы, как, например, песня о шинели, написанная дактилем, который Твардовский использовал очень редко, – но песня все равно вставлялась в поэму. Однажды Василий Теркин отдыхал на берегу речки – Твардовский описал эту ситуацию с использованием русской народной песни (из 4-х куплетов): «Я на речке ноги вымою. Куда, реченька, течешь? В сторону мою родимую…» и т. д. М. Петер комментирует, что эта песня перекликается с песней Игоря и плачем Ярославны из «Слова о полку Игореве».

В главе «На Днепре», где шли тяжелые бои, Твардовский использует мотив народной песни, в которой выражается чувство Родины, чувство родной земли: «Мать земля моя родная, Сторона моя лесная, Здравствуй, сына привечай!». Глава «Гармонь», пишет М. Петер, замечательна во многих отношениях: здесь с помощью средств народной песни выражается и большая, и малая Родина (сторона моя смоленская), здесь и настроение

передается, и судьба выражается: «А гармонь зовет куда-то, Далеко, легко ведет. Нет, какой вы все, ребята, Удивительный народ».

В поэме «Дом у дороги» средствами русской народной песни (мать поет над своим ребенком), с использованием соответствующей стилистки, пословиц, поговорок, параллелизмов, анафоры, – выражается, пишет М. Петер, состояние души женщины, у которой и радость, и боль: «Зачем ты горестный такой, Слеза моя, росиночка, На свет явился в час лихой, Краса моя, кровиночка?». В поэме «Страна Муравия»: «Сидят, поют два мужика в последний, значит, раз…» О чем они поют? О том, о чем поется в русских песнях. В поэме перечисляется тематика этих песен: «О Волге ль матушке-реке…, О той ли доли бедняка, О той ли жизни, что горька, О той ли девице, Какой любить не довелось» и т. д…

М. Петер отмечает, что Твардовский чаще всего все-таки не вставляет русскую народную песню в свой текст в «готовом» виде, а создает свой собственный текст песни на мотив, в стиле заданной русской песни, например: «Мимо, мимо той сторонушки Шла дивизия вперед» (из песни «По долинам и по взгорьям»). Но, конечно, есть у Твардовского и стихи, в которые он вставляет строки из русских народных песен без их изменения.

Заканчивая раздел об использовании Твардовским русских народных песен, М. Петер пишет о венгерском поэте А. Йожефе, который тоже привлекал в свою поэзию венгерские народные песни, чтобы придать своему творчеству народную стилистику.

Частушки. Рассматривая использование в поэмах Твардовского малых жанров русской народной поэзии, М. Петер начинает с частушки. Частушка – самый молодой жанр русской народной поэзии, состоит из 2+2 строк, которые могут быть повторены (8 строк) и образовать параллелизм, сравнение.

Много русских частушек использовал Твардовский в поэме «Страна Муравия». М. Петер цитирует эти частушки, занимая ими целые страницы своей книги: «Дед стар, стар, стар, – Заплетаться стал, Никуда он не годится: Целоваться перестал». Впрочем, сами стихи у Твардовского – похожи на частушки. Иногда стихи Твардовского, пишет М. Петер, трудно отличить от частушки, см., как описывает Твардовский пехоту, сопоставляя ее с летчиками и конниками: «Любят летчиков у нас, Конники в почете, Обратитесь, просим вас, К матушке-пехоте». И т. д.

Пословицы и поговорки. Твардовский использует пословицы и поговорки, когда надо обратить внимание на самое главное в своих стихах, когда надо (пишет М. Петер) актуализировать это главное. В поэме «Дом у дороги» одна пословица становится рефреном всей поэмы: «Коси, коса, пока роса. Роса долой – и мы домой». Эта пословица выражает, пишет М. Петер, самую главную мысль поэмы – мысль о мирном труде, который

пришелся на последний день перед войной. Эта же пословица употребляется в поэме и тогда, когда снова наступил мирный день.

Часто Твардовский, замечает М. Петер, использует не всю пословицу, а только ее часть. Но русский читатель, зная пословицу, читая ее часть, воспроизводит в мыслях остальную ее часть, например: «Тпру! Правду говорят, гора не сходится с горой…» Читатель пополняет: «А человек с человеком сойдется». Еще пример: «Ну, хлопцы, не было печали. Держись! И все держались…» Читатель пополняет пословицу: «Не было печали, так черти накачали». Иногда, замечает М. Петер, используется из пословицы всего одно слово: «Я не позволю на мякину Тебя заманивать хитро». Но русский читатель и в этом случае выходит из положения, он знает пословицу и воссоздает ее всю: «Воробья на мякине не проведешь».

М. Петер утверждает, что Твардовский много употребляет в своей поэзии пословиц и поговорок потому, что их много употребляет русский народ. Во время войны это употребление увеличилось, что и нашло отражение в поэме «Василий Теркин».

Фонетика и ритм

Звукозапись. М. Петер пишет, что если поэтов разделить на две группы: 1) поэты музыкальные и 2) поэты интеллектуальные (у которых стихи – прежде всего для размышления), – то Твардовский несомненно относится к интеллектуальным поэтам, отражающим реальную жизнь. Но у Твардовского, пишет М. Петер, есть и звуки, особенно в поэме «Василий Теркин», в которой он предает звуки боя. Хороший пример – глава о ночной переправе через Днепр, где звуки передают драматизм событий, например, звуки моста, о который ударяется лед: «А вода ревет в теснине, Жухлый лед в куски крошит…».

Звуки С, Ш передают, как снаряд шипит: «Всей спиной, всей кожей слышит, как снаряд в снегу шипит». Затем этот снаряд взрывается (используются те же звуки С, Ш): «Смертный свист катился в уши, Ближе, ниже, суше, глуше – И разрыв!...» Но взрыв передается с большей выразительностью, когда используются слова с взрывными согласными Г, К, Б, П, Д, Т, например: «Дело – дрянь: другие точки Бьют по занятой. По мне». К этим согласным звукам добавляются гласные звуки, изображающие свист взорвавшихся снарядов О, У: «На одной постылой ноте ноет, воет, как в тубе». Когда наступают танки, то используются слова с согласным Р: «Ровный, дружный, тяжкий рокот Надвигался, рос. С востока танки шли». Вообще, согласный звук Р используется (утверждает М. Петер) для изображения войны в целом, даже прошедшей войны, по следам которой при-

ходит мир: «А вечер дивный. По полям пустым идет. По земле рябой от рытвин, рваных ям, воронок, рвов…».

В поэме «Дом у дороги» уже нет войны – согласный звук Р используется для того (говорит М. Петер), чтобы изобразить, как гремят ведра в колодце, когда надо зачерпнуть воды: «И ведра глухо грунт скребли, Гремя о стенки сруба». В поэме «За далью – даль» война тоже давно закончилась. Но то, как подъезжали к реке многотонные самосвалы, как они сваливали бетонную массу в реку, как ревела вода, – все это напоминало войну. И изображается это, пишет М. Петер, с использованием звука Р: «За сбросом сброс гремел в придачу, росла бетонная гряда…».

Твардовский с большим мастерством – с помощью звукозаписи – изображает в своих поэмах исполнение русских народных танцев. М. Петер тоже с большим мастерством это комментирует. В поэме «Страна Муравия» описывается, как «Паренек чечетку точит…То присядет, то подскочит, То ладонью между прочим, По подметке попадет». Стук каблуков передается посредством звукосочетаний *то, по*, повторяющихся в начале строки. В поэме «Василий Теркин», пишет М. Петер, в танце десять раз повторяется звукосочетание *ук,* изображающее стук каблуков: «Эх, друг, кабы стук, Кабы вдруг Мощеный круг!» К сожалению, стуку нет: «Эх, жаль, что нету стуку!», так как бойцы танцуют в валенках.

М. Петер пишет, что не только согласные звуки способны создавать картину, но и гласные звуки – в соответствии с фонетикой русского языка. Например, в «Стране Муравии» картина большого движения создается посредством употребления гласного звука О в большом количестве – на фоне беззвучных согласных *с, т, п, к,* например: «У перевоза стук колес, Сбой, гомон, топот ног. Идет народ, ползет обоз. Старик паромщик взмок». М. Петер утверждает, что в поэме «Дом у дороги», где описывается чужое место, где страдания, ударный гласный *О* передает мрачный смысл, например: «…Шумит чужое море, И что на свете только есть Большое злое горе». В этом же отрывке (пишет М. Петер), в котором рассказывается о голодной жизни, 13 раз употребляется твердый согласный *К*, чтобы передать эту жизнь, например: «И мать родную не учить, Как на куски кусок делить, Какой кусок не скудный, какой дележ не трудный».

Заканчивая раздел, М. Петер приводит статистику, касающуюся употребления гласных и согласных звуков речи в поэмах Твардовского. М. Петер пишет, что гласных и сонорных согласных, взятых вместе (66,5%), в поэмах Твардовского больше, чем согласных звуков, – что, безусловно, создает музыкальность стиха. Но самое главное – рифма в поэмах образуется из ударных гласных, – это прежде всего создает музыкальность

Размер в стихе и ритм. Во всех поэмах, пишет М. Петер, используется Твардовским стихотворный размер ямб, но в поэме «Василий Теркин» есть и стихотворный размер – хорей.

Твардовский использует разговорный язык, что, по мнению М. Петера, способствует трехстопному размеру стиха, позволяющему «держать» ритм. В русском языке ритм и изменение ритма реализуется в стихах, написанных ямбом. Изменение (и неизменение) ритма реализуется посредством ударения. Если нет пропущенных ударений, то ямб и хорей являются «чистыми», последовательными – и ритм стиха «держится», не изменяется, ср. ямб: «Паром скрипит, канат трещит», – и хорей: «Ах, мой друг, читатель-дока». Безударные стопы при ямбе и хорее обусловливают изменение ритма в стихе. Чередование трех- и четырехстопного ямба тоже создает изменение ритма. Смена ямба на хорей – тоже означает смену ритма стиха. М. Петер рисует схемы всех этих соотношений, формирует типы соотношений с учетом количества стоп в строке, количества и видов безударных и ударных стоп в строке, – соотнося всё это с поэмами Твардовского.

Далее М. Петер излагает историю ямба в русской поэзии, начиная с Ломоносова (Жуковский, Пушкин, Лермонтов, Некрасов, Блок, Твардовский), представляя эту историю в двух статистических таблицах – для 3- и 4-стопных ямбов: какие виды ритма и в каком количестве употреблялись они при использовании ямба у каждого из названных поэтов. Затем то же самое представляется в статистическом виде и применительно к истории хорея (3- и 4-стопного). В этой истории стихотворного ритма Твардовский выделяется у М. Петера особо, в частности применительно к двум поэмам о Василии Теркине. М. Петер на основании своих статистических таблиц делает выводы о том, какие виды ритма, в каком порядке у какого писателя, прежде всего у Твардовского, являются наиболее употребительными.

Перемена ритма. Перемену ритма, в связи с формой стиха, М. Петер рассматривает на материале поэмы «Страна Муравия». М. Петер отмечает, что в последние годы в стиховедении в качестве самой малой самостоятельной единицы стиха считалась не строка, не ударение, а часть стиха. Однако в поэме, богатой ритмом, пишет М. Петер, основной единицей должна стать строфа.

Названная поэма, пишет М. Петер, богата ритмом, но не ради самого ритма, не ради того, чтобы создать ритмическое единство строфы, а ради передачи содержания. Анализ поэмы у М. Петера состоит в том, что, переходя от одной главы к другой, он указывает на ее содержание – одновременно характеризует соответствующий ритм, перемену ритма. Читатель поэмы, пишет М. Петер, чувствует ритм поэмы, изменение ритма, а вместе с ним – и соответствующим образом передаваемое содержание поэмы. Основа строфы в поэме – наличие пересекающихся 4-х и 3-стопного ямба и перекрестной рифмы, например: «С утра на полдень едет он, Дорога далека. Свет белый с четырех сторон, И сверху – облака». Такой строфой, отмечает М. Петер, поэт описывает дорогу Моргунка в 1-ой главе.

Во 2-ой главе слово *Стой!*, употребленное второй раз, начинает вторую ямбовую строфу с сильным ударением – подчеркиваются чувства Моргунка на свадьбе: « – Стой! Стой! Нет пощады никому… Гуляй на свадьбе, потому Последняя она…». Затем, когда изображается топот танца на свадьбе, используется 6-ти (4+2) и 4-стопный (2+2) хорей: «Чья скотинка? Чей амбар? Чей на полке Самовар?..».

В 3-ей главе описывается беседа Моргунка с конем и свояком – поэт снова возвращается к ямбовой строфе.

В 4-ой главе, в большей части, излагается монолог Моргунка о сказочной стране Муравии. М. Петер пишет, что в связи с этой страной в 4-ой строфе, а также в некоторых других главах, используется в конце 1-ой и 3-ей строк дактиль (трехсложная стопа с ударением на первый слог): «Ведет дорога *длинная* Туда, где быть должна Муравия *старинная* Муравская страна».

В 5-ой главе описывается встреча Моргунка со странствующим попом: это содержание тоже отмечено в поэме своеобразием строф, сменой ритма: «Там жених с невестой ждут, – Нет попа, А я и тут».

В 6-ой главе рассказывается о том, как Моргунок проводит ночлег во время своего путешествия. В главе есть аллегорическая вставка о старике и старухе. Соответственно (пишет М. Петер) усиливается ритм народной поэзии, выполненный хореем: «Баба пряла у окошка, Дед с утра на рыбу шел, И была в хозяйстве кошка, Курочка да петушок»

В 7-ой главе Моргунок думает о Сталине, в 8-ой главе Богров украл ночью у Моргунка коня. В этих двух главах, пишет М. Петер, поэт перешел с хорея на ямб.

В 9-ой главе, в которой рассказывается о том, как Моргунок везет свою телегу вместо коня и как он встретился с председателем сельсовета, поэт снова перешел на хорей: «Подбегают: – Стой-ка, дед! Заворачивай в совет».

В 10-ой главе Моргунок у цыган, организовавшихся в колхоз: «До чего же хороши, Боже ты мой, кони». Используется по-прежнему хорей. В следующих 3-х главах преобладает хорей. В 11-ой главе описывается встреча Моргунка с попом (5-стопным хореем), который, возможно, украл коня. Моргунок бежит за конем: изменяются лексические и смысловые средства, появляется 2-строчная строфа. Это все вместе, пишет М. Петер, передает динамику действия: «Стой! – бежит Никита за конем, Сапоги, пиджак горят на нем».

В 12-ой главе описывается деревенский базар посредством 4-строчной строфы. Моргунок узнает Бугрова – сразу происходит поворот в ритме стиха: «– Сукин сын! Иль Богров! И точно сами две руки Вперед рванулись: – Стой!»

В 13-ой главе Моргунок встречается с парнем-трактористом. Используется хорей, строфа (утверждает М. Петер) похожа на народную песню: «Прицепились, едут. Хороши дела. И телега следом здорово пошла».

В 14-ой главе Моргунок хочет купить коня, но не удается. Строфа заканчивается дактилем: «И отвечают медленно, Недружно мужики. Один: – Мы люди темные…Другой: – Мы индюки»…

15-ая глава (Моргунок в колхозе) и 16-ая глава (беседа с председателем Фроловым) написаны в ритме ямба. 17-ая глава – хорей народной сказки (беседа с ночным сторожем). 18-ая глава (свадьба в колхозе) – хорей, ритм танца чечетки, глава многоритмовая. Последняя 19-ая глава заканчивается строфой с отчетливым ямбом: «И долго, долго смотрит вслед Никита Моргунок».

Таким образом, анализируя поэму «Страна Муравия», М. Петер, переходя от одной главы к другой, указывает на ее содержание, а затем объясняет, как это содержание передается с помощью размера строфы и особенностей ритма.

Рифма. М. Петер пишет, что литературная критика всегда обращала внимание на рифму Твардовского. О рифме писали не только советские исследователи (В. Асмус, А. Турков, Ю. Буртин и др.), но и венгерские, например: Л. Гальди, Л. Кардош.

Прежде всего, пишет М. Петер, рифма у Твардовского играет важную организующую роль в стихах: рифма объединяет стихи, делает текст стихов целостным и одновременно членит текст, противопоставляя друг другу его части по содержательным признакам с тем или другим назначением (в той или другой функции). Все литературные критики отмечали, что рифма у Твардовского традиционная (не такая, как у Маяковского) и что в области этой традиционной рифмы Твардовский был виртуозный «рифмач».

Казалось бы, что между содержанием стихов и рифмой должно быть соответствие: важное содержание должно выражаться в заметной рифмовке, и наоборот: не очень важное содержание может удовлетворяться обычной, традиционной рифмовкой. Однако у Твардовского, пишет М. Петер, находим всякое. Например, в поэме «Страна Муравия» кулак Богров, с которым вместе в пути провел ночь Моргунок, украл у Моргунка лошадь. Событие необычное для Моргунка, однако передается оно (пишет М. Петер) «бедной», «монотонной» рифмовкой. Рифма повторяется: *сосед – нет*, пропал *след* – коня и *нет*, спал *сосед* – коня и *нет* и т. д. В другой поэме «Дом у дороги» наблюдается то же. Важное событие (солдат пришел в родную хату) передается с участием бедной рифмы – той же самой: «Пришел домой *сосед* – и сказал бы *нет.* М. Петер склонен предполагать наличие здесь какой-то причины для того, чтобы драматическое событие выражались в бедной, даже повторяющейся рифмовке: *сосед – нет*. В по-

эме «Дом у дороги» описывается приход фашиста в дом: фашист еще не грабит, не убивает, но он будет это делать. М. Петер пишет, что об этом могут свидетельствовать 10 пар рифм с ударным гласным *О*, звучащим подобно удару: *дом – том, том – столом, том – стыдом, судьбой – кривой, зачет – черед* и др.

В традиционной оценке рифма у Твардовского считается главным элементом стиха. Рифмы очень заметны в большом произведении, тем более, если по своему происхождению они являются народными, если, например, эти рифмы взяты их народной частушки. В особенности это характерно, пишет М. Петер, для поэм «Страна Муравия» и «Василий Теркин».

В поэме «Василий Теркина» рифма действует, как выразительное средство вместе с ритмом стиха. Более того, на рифмовку таких слов приходится роль передачи содержания данных стихов, см. вся 3-я глава «Переправа». М. Петер пишет, что если отрезать в таких стихах концы строк, то прочитав эти концы, можно узнать о содержании всей строфы, например: *куда-то – в тени – ребята – они не похожи – тех ребят, – строже – дороже – чем час назад – ребята – желторот – женатый – народ – ребята – бойцы – как в двадцатом – отцы*. Речь шла о ребятах на войне. В строфе слово *ребята* (о которых шла речь) несколько раз вступало в рифмовку со словами, которые характеризовали этих ребят, называли их трагические действия: *впервые – оно – живые – на дно – неразбериха – где связь – тихо – сорвалась*. М. Петер пишет об использовании Твардовским «нагромождения» рифм, когда все строки в стихотворной строфе рифмуются друг с другом, например (из поэмы «Страна Муравия»): *берёг – не мог – лёг – впрок – Моргунок* и т. д., в поэме «Василий Теркин»: *танки – портянки – землянки* и т. д. «Нагромождение» рифм имеет назначение передать повторение одних и тех же событий, действий, движений. В первом случае Моргунок представляет, что он будет встречаться со Сталиным: он еще и еще обдумывает слова, которые он скажет Сталину; мысли, с которыми он проводит свои дни и ночи и которые он должен сообщить Сталину. Во втором случае «нагромождение» рифм выражает повторение событий на войне, о которых рассказывается.

Встречается «нагромождение» рифм и в поэме «За далью – даль»: *встречен – отмечен – обеспечен – намечен – увековечен* и т. д. Здесь «нагромождение» рифм усиливает передачу развивающегося движения, которое затем неожиданно обрывается: и *пропал запал* (внутренняя рифма), *пропал – запал* (рифма в конце строк) и т. д.

В поэме «Василий Теркин на том свете» «нагромождение» рифм передает последовательность событий, за нежелательность которых должен отвечать солдат: *но солдат – всегда солдат, виноват, что вблизи упал снаряд – виноват* и т. д.

Таким образом, как показывает в своей последней главе М. Петер, рифма у Твардовского, помимо того, что 1) она организует строфу (объединяет и сопоставляет строки в строфе), 2) она является и непосредственным выразителем содержания (рифмующиеся концы строк непосредственно «пересказывают» содержание строфы); 3) «нагромождение» рифм передает повторяемость действий, в особенности вместе с соответствующим ритмом строфы.

В конце своего исследования М. Петер кратко подводит итоги своего анализа поэтического языка Твардовского – по выше перечисленным разделам: 1) словарь поэм, 2) значение слов, 3) структура предложения, 4) метафоры, сравнения и др., 5) народнопоэтические средства, 6) фонетика и размер стиха, ритм и рифма.

М. Петер отмечает, что по содержанию все поэмы Твардовского – это десятилетия советской истории, а по форме – это язык соответствующей эпохи. В основном это разговорный язык и просторечье – в их соединении, в создании стилистических пластов для изображения ситуаций и героев и др. Употребляются и диалектизмы для характеристики деревенских людей, жаргон – в сатирических целях и др. Конечно, употребляется и военная, солдатская терминология, особенно в двух поэмах о войне. Имеются также и «ключевые» слова, вокруг которых сосредоточиваются строфы, тексты, выражающие главные мысли в содержании поэм. Широко использует Твардовский народные средства поэзии: поэтические сравнения, метафоры – из народных песен, сказок, пословиц, поговорок, частушек.

М. Петер пишет, что Твардовский в поэме «Страна Муравия» стал продолжателем традиций Некрасова, а в поэме «За далью – даль» – традиций Пушкина. В искусстве Твардовского, пишет М. Петер, русский язык получил новое, после Пушкина и Некрасова, развитие в направлении демократизации поэтического языка. Твардовский достиг новой классической формы – в ямбе, хорее, в ритме и рифме.

Добавим, что книга М. Петера написана с большим уважением к Твардовскому, к русскому языку, к русским, к России. Книга писалась в 60-ые годы, опубликована в 1970 году, – задолго до rendszerváltozás («смена системы»), после чего, к сожалению, всё изменилось на противоположное.

Добавим, что М. Петер имел переписку с А. Твардовским, имел также и встречи с ним. О рифме поэм Твардовского М. Петер опубликовал на русском языке статью (Петер 1965), которую он послал в Москву самому Твардовскому. А. Твардовский высоко оценил эту работу. А. Твардовский писал в письме М. Петеру: «Получил Ваше письмо и статью «О рифме». То и другое очень было приятно прочесть, еще раз почувствовать, что Ваша первая работа о моих вещах – не случайный эпизод в жизни учено-

го-филолога» (Твардовский 1986, с. 308–309). Под «первой работой» Твардовский имел в виду статью М. Петера (Петер 1962), о которой А. Твардовский тоже отзывался очень похвально: «Статью Вашу прочел с большим удовольствием, как очень редко что из написанного о моих писаниях. Спасибо…И, наконец, я считаю, что человек нерусского языка, усвоивший этот язык так блистательно, как Вы, вполне может рассчитывать на успех в исследованиях произведений русской поэзии…Еще раз – благодарю и желаю успеха. Мне очень приятно будет прочесть Вашу работу в целом…» (Твардовский 1986, с. 261–262). А. Твардовский имел в виду всю книгу, над которой в то время работал М. Петер: «Поэтический язык поэм А. Твардовского» (Péter 1970).

А. Твардовский благодарил М. Петера также и за то, что (при составлении и с примечаниями М. Петера) в Венгрии выходил первый перевод произведений Твардовского – сборник стихов, озаглавленный как «Új föld» («Новое поле»). А. Твардовский писал: «Очень рад, что томик лирики выйдет и на венгерском. Ваше внимание к этому изданию – залог, по крайней мере, безупречности перевода. Спасибо, спасибо! (Твардовский 1986, с. 308–309). Затем, в 70-ые годы, с послесловием М. Петера, вышла на венгерском языке и поэма «Василий Теркин», а также, при составлении М. Петера, еще один сборник лирики Твардовского. Назовем эти переводы, которые курировал М. Петер. На М. Петера надеялся Твардовский, что переводы будут безупречными:

Alexandr Tvardovszkij. Új föld. [Новое поле] Budapest, 1966. (Составление и примечания М. Петера).

Alexandr Tvardovszkij. Vaszilij Tyorkin. [Василий Тёркин]. Ford. Kardos László. Budapest, 1975. (Послесловие М. Петера).

Alexandr Tvardovszkij. Komoly emlék. [Серьезная память] Ford. Fodor András. Budapest, 1975. (Составление М. Петера).

А. Твардовский приглашал М. Петера приехать к нему в Москву: «Не собираетесь ли в Москву? Будете – звоните, заходите» (Твардовский 1986, с. 309). И М. Петер был в Москве и встречался с Твардовским, см. об этом: Péter 1980.

Литература

Абрамов А. М. и др. «Василий Теркин» А. Твардовского – народная эпопея. Воронеж, 1980.

Выходцев П. С. А. Т. Твардовский. Семинарий. Ленинград, 1958.

Гришунин А. Л. Творчество Твардовского В помощь преподавателям, старшеклассникам и абитуриентам. 2-ое изд. Изд. МГУ, 1999.

Кондратович А. И. Александр Твардовский: поэзия и личность. М., 1985.

Котов М. В мастерской стиха Твардовского. Статьи и заметки. Саратов, 1963.

Маршак С. Ради жизни на земле (Об Александре Твардовском). М., 1961.

Сидельников В. М. Писатель и народная поэзия. М., 1980.

Твардовский А. Т. Как был написан «Василий Теркин». Собр. Соч. в 4-х томах. Т. 4. М., 1960.

Твардовский А. Т. Петеру Михаю. Письмо от 24 апреля 1963 г. – в кн. Твардовкий А. Т. Письма о литературе. 1930–1970. М., 1986. с. 261–262.

Твардовский А. Т. Петеру Михаю. Письмо от 13 июня 1966 г. В кн. Твардовский А. Т. Письма о литературе. 1930–1970. М., 1986. с. 308–309.

Турков А. Александр Твардовский. М., 1960.

Хвыля Л. К. Творческое использование народной поэтики в поэме «Василий Теркин» – Русский язык в школе, 1961, 2.

Шведова Н. Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М., 1960.

Шептаев Л., Филатова А. Твардовский и народная лирика. – Сб. Русская советская поэзия и народное поэтическое творчество. Ленинград, 1955.

Gáldi László. Egy szovjet költő stílusa – magyar szemmel (Péter Mihály Tvardovszkij poémáinak költöi nyelve). [Стиль советской поэмы – глазами венгра] – Nagyvilág 1971, 3. sz. 456–458.

7.3. Русское стихосложение (М. Петер)

Книга М. Петера «Русское стихосложение» (Петер 2008) представляет собой учебный курс лекций «для студентов-русистов, преподавателей, литературоведов и переводчиков» (с. 5), уже владеющих русским языком, так как опубликована книга на русском языке. Подзаголовок «Вводный курс» означает, что книга «подготовляет более глубокое изучение современной проблематики стиховедения» (с. 5). Предполагается, что, своив эту книгу, можно идти дальше – осваивать стихосложение более основательно. Если бы книга была опубликована в России, то это был бы хороший учебник для филологических факультетов и в России. Вот полное название этой книги:

М. Петер. Русское стихосложение (Вводный курс). Budapest, 2008.

Назовем также и некоторые другие работы М. Петера по данной тематике:

Péter Mihály. Utazás egy hatsoros vers körül. [По поводу шестистрочного стиха] – Szovjet Irodalom, 6, 1980. pp. 165–171.

Péter Mihály. Az Anyegin legújabb magyar fordítása. [Самые новые переводы «Онегина» на венгерский язык] – Filológiai. Közlemények, 40. 1995. pp. 146–155.

Péter M. Noch einmal über die Grammatik der Poesie In: Poetyka i stylistyka słowiańska. Warszawa–Wrocław. 1973. pp. 265–273.

Péter Mihály. Az Anyegin-strófa mint szövegmodell. [Онегинская строфа как текстовая модель] In: Absztrakció és valóság. Szerk. R. Molnár Emma. Szeged, 1996. pp. 253–261.

То, что книга М. Петера «Русское стихосложение» – это учебный курс (учебное пособие для вузов) означает, что в ней не излагаются тяжелые научные дискуссии. Материал подается так, как он и должен подаваться в учебном пособии, – с минимизаций материала, с логически выдержанными дефинициями понятий, с их непротиворечивой классификацией, с использованием ясных классификационных признаков, с последовательным переходом от одних понятий к другим. Поскольку книга – по филологии, то используется лучший в таком случае принцип изложения материала – исторический принцип (изложение понятий в развитии).

Проф. Михай Петер (в центре) с преподавателями кафедры русского языка (Будапешт)

Книга состоит из 8-ми глав, следующих друг за другом в соответствии с историей развития русского стихосложения. Сначала излагается то, что было в начале русского стихосложения, затем – то, что исторически последовало и т. д. Каждый из этих исторических этапов описывается достаточно подробно, что дает основание автору сказать, что он в своей книге использует «дескриптивно-исторический характер изложения» (с. 5).

Основные понятия стихосложения. Начинается книга М. Петера с главы «Основные понятия» (с. 7–18), в которой предмет книги – стихи – отграничивается от соседствующих с ними понятий: «проза», «музыка».

М. Петер берет стихотворение русского поэта Бальмонта «Она отдалась без упрека…» и отмечает в нем признаки, которые отличают данное стихотворение от обыкновенной прозы. Подытоживает свое сравнение М. Петер следующим образом: «В этом упорядоченном расположении слогов и ударений в пределах стихотворной строки (стиха) заключается важнейшее отличие данного текста от прозаической речи» (с. 8). Не просто строка составляет отличие поэзии от прозы (строка есть и у прозы, например – от одного края страницы до другого), а то, что стихотворная строка упорядочена определенным расположением в ней фонетических единиц – ударных и безударных гласных, слогов (гласный + согласный) и др., что отсутствует в прозаической строке.

Кроме этого «важнейшего» (как пишет М. Петер) отличия стиха от прозы (фонетическая организация стиха), есть и отличие «вторичного порядка», например отличие в синтаксической и смысловой организации текста. Действительно, синтаксис и смысл в стихе выступает иначе, чем в прозе, но это различие «вторичного» плана.

Но как быть с белым стихом, у которого есть строки (как и в прозе), но нет никакой фонетической организации внутри этих строк. М. Питер приводит пример белого стиха у А. Блока: «Она пришла с мороза…». Строки здесь короче, чем обычные прозаические строки (поэт делит прозаическую строку в любом месте), но фонетического упорядочения в строке нет. Получается, что важнейший признак, отличающий стихи от прозы, в белом стихе отсутствует.

М. Петер формулирует следующий окончательный для вводной части своей книги вывод: «…различение стиха и прозы невозможно с математической точностью. Стихи и проза – не замкнутые системы….Можно говорить о более или менее прозаических и более или менее стихотворных текстах» (с. 9). И далее: «…стихи и проза – это два полюса, вокруг которых исторически расположились реальные факторы литературы» (с. 9). В самом деле, если иметь в виду литературу, то стихи и проза – это действительно два полюса. Но если иметь в виду **лингвистику текста**, то стихи – это проза с членением текста на слова, словосочетания и предложения, – дополненная членением текста на **строки** (= стихи), в которых обязательно имеет место определенное чередование фонетических единиц: гласных и согласных, ударных и безударных гласных.

Эта дополнительная звуковая материя в определенной организации, превращающая строки текста в стихотворные строки – в стихи, и толкало часто некоторых исследователей стиха к тому, чтобы сравнивать стихотворную речь с **музыкой**. М. Петер, вслед за Б. В. Томашевским, пишет: «Материал музыки – это совершенно условный звук, лишенный реального смысла… Материал поэзии – это слово… Слово отягчено значением…» (с. 13).

Но существует и так называемая «заумная поэзия» (в модернизме и постмодернизме), состоящая целиком из одних звуков – без слов, без смысла. М. Петер пишет: «…поэзии нужны слова и фразы, которые обладают всеми свойствами речи, т. е. служат средством языкового значения» (с. 13). В заумной же поэзии нет слов и фраз; значит, она не является речью, а заодно и не является поэзией.

Итак, непосредственно сами строки в стихах не составляют главного отличия поэзии от прозы (в прозе тоже есть строки). Главное различие состоит в том, что стихотворные строки содержат определенное чередование фонетических единиц, которое составляет «размер» стихотворной речи. В классической поэзии это чередование строго выдерживается, в романтической поэзии нарушается, в современной поэзии поэты часто обходятся без фонетического чередования (белый стих).

Заканчивая 1-ую главу, М. Петер дает краткую характеристику европейских **систем стихосложения** – типов чередования фонетических единиц в стихотворной строке: 1) метрическая система (силлабо-тоническая):

в строке чередуется слоги (гласный + согласный) с долгим и кратким гласным (в античной поэзии), с ударным и безударным гласным (в западноевропейской поэзии); 2) силлабическое стихосложение – в строке столько слогов, сколько в следующей строке; 3) тоническое стихосложение – в строке столько же ударных гласных, сколько в следующей строке.

М. Петер излагает системы стихосложения, начиная с самой сложной (силлабо-тонической) и кончая самой простой (тонической) – как они появлялись в европейской истории поэзии. В такой же последовательности (от сложного к простому) появлялись системы стихосложения и в русской поэзии.

Правда, вслед за М. Л. Гаспаровым, М. Петер выделяет **предисторию** русского стихосложения, назвав соответствующую, 2-ую главу: «Русский силлабический стих» (с. 19–24). Силлабическим стихом писал свои вирши Симеон Полоцкий в конце XVII века, под влиянием польского силлабического стиха. В начале XVIII века, под воздействием французского и немецкого классицизма, Тредиаковский и Ломоносов ввели в русскую поэзию силлабо-тоническое стихосложение.

Русское классическое стихосложение. Глава «Русское классическое силлабо-тоническое стихосложение» (с. 25–48) является самой большой в книге. И не только потому, что это стихосложение самое сложное, но и потому, что это действительно «классическое» русское стихосложение. Посвящая книгу русскому стихосложению, автор должен был уделить этому виду стиха основное внимание.

М. Петер так объясняет силлабо-тоническое стихосложение: «…это система размеров, основанная на регулярном чередовании ударных и безударных слогов. Каждый стих состоит из повторяющихся однообразных стоп, каждая стопа состоит из одного ударного и одного или двух безударных слогов. Соответственно, размеры делятся на две группы: 1) двусложные – ямб и хорей и 2) трехсложные – дактиль, амфибрахий и анапест» (с. 25). Соответственно, данная глава тоже делится на два раздела: а) двусложные размеры, б) трехсложные размеры. Каждый из разделов в свою очередь подразделяется в зависимости от повторения в строке данного размера (стопы). М. Петер приводит примеры, беря их из самых известных произведений русских поэтов.

Основное внимание уделяется в книге двусложному размеру с ударением на второй слог (ямб), который повторяется в строке четыре раза. М. Петер пишет: «**Ямбом** написана подавляющая часть русской поэзии от Ломоносова и до наших дней. Из различных ямбов самым распространенным является четырехстопный» (с. 25).

М. Петер приводит примеры сначала из русской поэзии XVIII века (Ломоносов, Жуковский), а затем – из русской поэзии XIX века. Пушкин почти все свои большие произведения, в том числе и «Евгений Онегин»,

написал ямбом, повторяющимся в строке 4 раза. Реже повторяется ямб 5 раз (см. также Пушкина – его драму «Борис Годунов»), 6 раз (см. поэму Пушкина «Анджело»). Были у Пушкина ямбы с повторением в строке 3 раза и даже 2 раза («Играй, Адель, Не знай печали…), что делало стихи «легкими», «веселыми». Был в русском стихосложении и вольный ямб – с повторением ямба в разных строках разное количество раз (от 2-х до 6-ти). Именно в такой системе писал свои басни Крылов, написал свою драму «Горе от ума» Грибоедов.

Хорей, двусложная стопа с ударением на первом слоге, был менее употребителен в русском стихосложении. Хорей с повторением в строке 4 раза – это форма русских народных песен. Именно так писал свои стихи Кольцов, а Ершов создал свою сказку «Конек-Горбунок». Пушкин тоже все свои сказки написал хореем.

Хорей с повторением 2 раза в строке (Кольцов), 3 раза (Твардовский), 5 раз (Есенин) использовался в русской поэзии реже. Повторять хорей 6 раз – это уже выходить за пределы восприятия строки: ее в таком случае надо делить цезурой на две части.

Границы слогов и слов в русском языке не совпадают (в среднем в каждом слове в русском языке три слога), поэтому в строках, тем более с двусложном размером, либо не хватает ударений либо их больше. Там, где в строке должно быть ударение, его не оказывается («Осенней позднею порой…», Тютчев), и наоборот, там, где ударения не должно быть, оно – есть («Швед, русский, колет, рубит, режет…», Пушкин). Всё это, пишет М. Петер, «…вызывает ритмический перебой, поэты иногда пользуются им как средством выделения нужного стиха или отдельного слова»» (с. 37).

М. Петер положительно оценивает самые первые исследования стиха, проведенные в начале XX века А. Белым, который применял при исследовании статистику, графику и т. п., – подразделяя стихи на «гармоничные» и «негармоничные» по размеру. Однако вслед за В. М. Журмунским М. Петер не соглашается с А. Белым в том, что «гармоничный» размер соответствует хорошей поэзии, а «негармоничный» – плохой поэзии (с. 36).

Существует ли «связь между поэтическим содержанием и стихотворной формой» (с. 47). Говорят, что если в стихотворении надо рассказать о длинном пути, то надо использовать пятистопный ямб. В этом споре М. Петер занимает сторону М. Л. Гаспарова: непосредственной связи между содержанием стихотворения и его фонетической формой нет. Приводится пример из поэмы «Василий Теркин» А. Твардовского, в которой глава «Гармонь», где солдаты пляшут, и глава «Переправа», где солдаты умирают, написаны одним тем же четырехстопным хореем (с. 47–48).

Во втором разделе своей большой главы М. Петер излагает трехсложные размеры в русской поэзии (дактиль, амфибрахий, анапест). М. Петер пишет: «Поскольку в русском языке ударение приходится в среднем на три слога, то ценность слова в трехсложных размерах чувствуется в большей степени, чем в двухсложных; можно сказать, что в двусложных размерах ритмической единицей является слог, а в трехсложных – слово…» (с. 38). Но что значит «ценность слова» в стихотворных размерах, имеющих формальный характер? По-видимому, М. Петер имеет в виду «фонетическое слово»?

Дальше речь идет о конкретной истории трехсложных размеров в русской поэзии. В XVIII веке трехсложные размеры использовали, например, Державин и Жуковский, в XIX веке – Лермонтов, в XX веке – Маяковский и Симонов. М. Петер рассматривает варианты трехсложных размеров – в зависимости от количества стоп в строке, в зависимости от ударного или безударного конца строки, в зависимости от цезуры в строке и т. д. Всё это выступает у М. Петера конкретно, точно, содержательно.

Другие виды русского стихосложения. Позже в русской поэзии (имеется в виду литературная, дворянская поэзия) появилось **тоническое** стихосложение. В русской народной, крестьянской поэзии тоническое стихосложение было всегда – в песнях, в былинах и др. Но дворянские поэты всегда смотрели в другую сторону. М. Петер пишет: «В начале XIX века дольники появляются прежде всего в переводах с немецкого и английского языков…» (с. 52). Правда, позже, к середине XIX века, русские поэты-романтики обратили внимание и на русскую народную поэзию. К началу XX века тоническое стихосложение уже вошло в русскую поэзию, особенно благодаря А. Блоку, а затем – В. Маяковскому.

М. Петер так определяет тоническое стихосложение: «Чистый тонический стих основан на счете ударных слогов; число же неударных слогов между ударениями – величина переменная…Различаются двух-, трех- и четырехударные стихи» (с. 49). Иногда упорядочиваются и междударные промежутки – в них появляется ямб, анапест (Пушкин, Тютчев, Ахматова, Цветаева), но это бывало редко, и существенно это не влияло на тонический стих.

Вслед за тоническим стихом русская дворянская литература позаимствовала с Запада и **белый стих** – тоже посредством перевода западноевропейских авторов (Лафонтен, Гете, Уитмен и др.), не замечая, что такой же стих издавна присутствовал и в русской народной поэзии – «говорной стих»: народные комедии, творчество скоморохов, тексты лубочных картинок, прибаутки и др. Текст (проза) членилась в народной поэзии на строки с помощью рифмы. Там, где была рифма, заканчивалась прозаическая строка – получалась стихотворная строка (на месте прозы появлялась поэзия).

В русской дворянской поэзии писал рифмованным белым стихом Крылов (вслед за французским баснописцем Лафонтеном), а нерифмованным белым стихом – Блок и некоторые другие русские поэты. Вставал, однако, вопрос: пишут ли эти поэты в этом случае стихом или прозой? Единственное, что отличает стихи от прозы, – это фонетическая организация строки посредством рифмы, но в белых стихах рифма отсутствует. Вслед за В. М. Жирмунским, Ю. М. Лотманом, Б. В. Томашевским М. Петер считает, что в случае белого стиха имеют место все-таки стихи, а не проза, так как в белом стихе обнаруживается параллелизм в синтаксических конструкциях. Но этот параллелизм может иметь место и в прозе. В таком случае М. Петер пишет: «…графическая разбивка на строки – необходимое условие правильного восприятия свободного стиха» (с. 59). Если бы не было разбивки текста на короткие строки (если бы строка была от одного края страницы до другого), то прочитать этот текст как стихи – было бы невозможно. Первичной при таком подходе объявляется письменная речь, а устная речь – вторичной. В действительности же, как известно, дело обстоит наоборот.

Если считать, что у белого стиха есть свойство стиха, то – только на том основании, на котором считается, что у существительного имен. пад. муж. рода (*стол-*) есть нулевое окончание, обнаруживаемое в сопоставлении с ненулевыми окончаниями других падежей (*стол-а, стол-у* и т. д.). Белый стих – это тоже стих по отношению к тоническому, силлабическому, силлабо-тоническому стиху. У белого стиха ничего нет из того, что есть у перечисленных видов стихосложения, – поэтому в общей парадигматике стиха это «нулевой» стих.

Организация стихов в русском стихосложении. О том, что стихи, в отличие от прозы, имеют определенную фонетическую организацию – являются тоническими, силлабическими и т. д., – можно заключить уже на материале одного стиха, одной стихотворной строки. Например, располагая только одной строкой: «Блистая взорами, Евгений, /…», – можно сказать, что перед нами – двухсложная стопа с ударением на второй гласный звук (ямб).

Рифма – это понятие уже двух стихов (двух стихотворных строк), совпадающих по звучанию в некоторой своей части, а именно в конце строки (стиха), например: «Блистая взорами Онегин, / Стоит подобно грозной тени». Здесь рифма «Евгений – тени» предполагает, по меньшей мере, два стиха (две строки). В одной строке она не обнаруживает себя.

Вместе с В. М. Жирмунским М. Петер определяет рифму так: это «всякий звуковой повтор, несущий организующую функцию в метрической композиции стихотворения» (с. 62). Рифма (созвучие) может быть не только в конце строки, но и в начале и середине. Но «созвучие в конце стиха, перед паузой слышится гораздо отчетливей» (с. 62).

М. Петер пишет, что в русском народном тоническом стихе (песня, былина) рифмы специально не было, но часто она могла появляться, вследствие параллелизма в синтаксических конструкциях (глагольная рифма). В русских пословицах рифма почти обязательна: «Поспешишь – людей насмешишь». Специально присутствовала рифма в силлабическом стихосложении С. Полоцкого в XVII веке (глагольная). В XVIII и XIX веке русские поэты стали относиться к рифме строже: рифма должна быть точной («ночь – прочь»); глагольная рифма («пишет – дышит») считалась плохой.

Далее М. Петер подробно рассказывает о разновидностях **точных** рифм в русской поэзии (с. 64–77), приводя примеры прежде всего из Пушкина. Рифмы бывают богатые и бедные, мужские и женские, банальные и оригинальные, тавтологические, омонимичные, каламбурные и др. В XX веке, под влиянием стиля разговорной речи, который проникал в русскую поэзию, появились и **неточные** рифмы: ассонансы («облако – около»), усеченные рифмы («лес – крест»), диссонансы («розах – ризах»), корневые рифмы («робко – коробка») и др. (с. 67–69). Специально останавливается М. Петер на рифмах Маяковского, который придавал рифме смысловую нагрузку. У него появились и составные рифмы (охватывающие два слова): «до ста расти – без старости» (с 69–70).

Благодаря рифме, одна стихотворная строка (стих) объединяется с другой строкой (стихом), в результате чего образуется **строфа**. Самая простая строфа состоит из двух строк, самой распространенной строфой в русском стихосложении является строфа из четырех строк – попарно рифмующихся (через строку или с рядом стоящей строкой). Строк в строфе может быть больше – с разными схемами рифмовки и разным их количеством, всё это обусловливает **типологию** строф: двустишие, четверостишие, одическая строфа, балладная, октава (с. 75). Самой длинной является онегинская строфа, состоящая из 14 строк. М. Петер пишет: «…это почти предел возможной величины строфы; в более крупной строфе трудно было бы воспринять слухом закономерные чередования рифм» (с. 78). И далее М. Петер характеризует онегинскую строфу (с. 78–79).

Пишет М. Петер и о таких строфах, как сонет, газель, венок сонетов и др., которых в русской поэзии не было, если не считать переводы на русский язык, например переводы сонетов Шекспира (Маршак), переводов восточной поэзии (Тарковский) и др.

Интересен вопрос: может ли состоять строфа из одной строки, в которой рифмы, по определению, не может себя обнаружить? В сопоставлении с двух-, трех-, четырехстрочной строфами и т. д. можно говорить и об однострочной строфе, например: «О, закрой свои бледные ноги!» (Брюсов). Ср. нулевое окончание у существительного (в системе других окончаний), ср. белый стих (в сопоставлении с организованными фонетически

стихотворными стихами). Но если подходить к стихосложению не синхронически, а генетически, в связи с тем, как появляется строфа (см., как определяет строфу М. Петер: «чередование рифмующих стихов», с. 71), то однострочных строф не может быть (точно так же, как, впрочем, не может быть и белых стихов, впрочем – и нулевых окончаний).

Интонация русского стихосложения. Понятие (и термин) «интонация стихосложения» М. Петер употребляет точно так же, как употребляют это понятие русские теоретики стиха В. М. Жирмунский, Б. Эйхенбаум, В. Е. Холшевников и др. Между тем, если говорить только о стихосложении, не вовлекая сюда стилистику, то вся интонация сводится только к одному понятию – **паузе** в конце стихотворной строки. Именно этим интонация в области стиха отличается от интонации в области прозы, у которой строка заканчивается на краю страницы без паузы. Во всем остальном интонация стихов и прозы одинаковая (ИК-1, ИК-2 и др.).

Пауза у стихотворной строки обязательна. Она может быть длинной или короткой, более длинной или более короткой, при этом количественные различия у ней являются релевантными. О паузе в конце стихотворной строки можно говорить даже раньше фонетического устройства строки (силлабическая строка, тоническая и т. д.), даже раньше рифмы, которая предполагает, как минимум, уже две строки.

Пауза в конце строке является нормальной, даже длинной, если она совпадает с паузой того предложения, которое размещается в данном стихе. Если же предложенческая пауза не приходится на конец строки, то стихотворная пауза становится короткой, зато появляется дополнительная пауза в середине следующей строки, – там, где обнаруживает свою паузу предложение. В последнем случае теоретики стиха (В. М. Жирмунский и др.) употребляют другую терминологию – не «паузу», а «перенос паузы», будто бы в этом случае в конце стиха никакой паузы не остается. Но пауза в конце стиха обязательна – она обозначает конец строки, только эта пауза является короткой.

Принимая терминологию «пауза» и «перенос паузы» от русских теоретиков стиха, М. Петер, тем не менее, справедливо замечает: «переносы нарушают плавность течения стиха, но…если бы паузы между стихами исчезли совсем, стих превратился бы в прозу» (с. 84). Однако формулируя свои дальнейшие понятия в области так называемой интонации стихосложения, М. Петер употребляет не «длинная» и «короткая» пауза, а «пауза» и «перенос паузы». Так, **напевный** стих появляется не потому, что в конце строки – длинная пауза, а потому, что пауза – есть, а **говорной** стих образуется потому, что в конце стиха нет паузы, а есть перенос паузы в середину следующей строки. В таком аспекте М. Петер сравнивает два стихотворения Некрасова: 1) песню «Что ты жадно глядишь на дорогу…» – с паузами после каждой строки (это напевные стихи); и 2) стихотворение

«О погоде»: «…Трите же, трите / Поскорей, Бога ради ваш нос», где после слова «трите» (конец строки) будто бы нет паузы – она перенесена в следующую строку после слова «поскорей», между тем как пауза после слова «трите» все равно есть, только она короткая.

Пауза имеется не только после каждого отдельного стиха, но и после целой группы стихов – после строфы. Но эта пауза – длиннее, чем пауза после каждой строки. В напевном стихотворения эта длинная пауза размещается после каждого четверостишия – куплета. И такие напевные стихи называются **куплетными.** М. Петер в качестве примера приводит два русских стихотворения, ставшие известными русскими песнями: «Расцветали яблони и груши…» (Исаковский), «Бьется в тесной печурке огонь…» (Сурков).

Но если длинная пауза размещается не после каждого куплета, а после группы куплетов, то такие напевные стихотворения называются **романсом**, например: «Я пришел к тебе с приветом…» (Фет).

Причиной того, что длинная пауза в одном случае выступает после каждого куплета, а в другом – после группы куплетов, М. Петер (вместе с русскими теоретиками стиха) считает связь с синтаксисом. В частности, в куплетном стихотворении граница предложения (простого или сложного) совпадает с границей куплета, а в романсе синтаксическая конструкция охватывает сразу несколько куплетов.

Говорной стих, у которого, как сказано, пауза после стихотворной строки короткая, или, иначе, переносится в середину следующей строки, тоже подразделяется на два вида: **разговорный** стих (например, стихотворение Некрасова «На Волге») и **ораторский** стих (например, оды Ломоносова).

Характеризует эти две разновидности стихотворных строк М. Петер, как и В. Е. Холшевников, уже вне связи с паузами (интонацией стиха). М. Петер пишет: «Основная особенность разговорной речи – ее непринужденность» (с. 90). «Для ораторской речи характерны патетические риторические восклицания, вопросы, обращения...Существенное значение для ораторского стиха имеют лексика и фразеология» (с. 92). Это уже выход за пределы стихосложения, за паузы – за интонацию. Дальше М. Петер говорит о тематике поэтического произведения, о жанре, о соответствующем стиле, который в XVIII веке выдерживался (у каждой темы свой стиль), а в XIX веке уже не выдерживается. Например, у Пушкина в поэме «Медный всадник» отмечается четыре тематики – и четыре соответствующих стиля. Но повторяем, это уже не стихосложение, а стилистика, по крайней мере – стилистика стихосложения.

Инструментовка в русском стихосложении. В последней главе под названием «Инструментовка» М. Петер так определяет **инструментовку** (ссылаясь на В. В. Кожевникову): «Инструментовкой называется опреде-

ленная согласованность расположения звуков в пределах строки (или полустишия), периода, строфы…» (с. 98). Рифма, о которой шла речь раньше, – это тоже определенная согласованность в расположении звуков, но – в конце строки. Инструментовка в начале строке – это анафора. И рифма, и анафора основываются на аллитерации – повторение согласных, на ассонансе – повторение гласных (с. 100–101). Повторение звуков может иметь место не только в конце и начале строки, но и в середине строки – в любом месте строки, строфы, стихотворения.

М. Петер пишет далее о **звукоподражании** и **звукозаписи,** приводя примеры из Пушкина, например: «И быстрой ножкой ножку бьет…», где, как утверждает М. Петер, «аллитерация «б-н-н-б» мастерски передает…прыжок, при котором балерина ударяет несколько раз ногою об ногу» (с 103). Так же специально пишет М. Петер о паронимической аттракции, которая распространилась в русском поэзии в XX веке, например: «Дуновенье вдохновенья…» (Цветаева). Все это уже связано со значением, с содержанием стиха, достигаемое через посредство слов.

О звукоподражании в стихотворной речи М. Петер пишет так: «Звукоподражание органически связано с темой, воспринимается как естественное и необходимое средство изображения» (с. 102). Что касается паронимической аттракции, то она непосредственно связана с семантической функцией стихотворения. М. Петер в этом месте цитирует В. П. Григорьева: «…с помощью паронимов открывается возможным установить связь между близкими и далекими тематическими и семантическими полями…» (с 106).

Заканчивает последнюю главу книги М. Петер разделом под названием: «Союз волшебных звуков, чувств и дум» (словами Пушкина). Получается, что с одной стороны могут существовать звуки, а с другой стороны – чувства и думы, в результате чего звуки становятся волшебными. Далее следует анализ стихотворения Пушкина, подтверждающий упомянутый союз звуков и содержания: «Юношу, горько рыдая, ревнивая дева бранила». М. Петер пишет: «Страстные упреки девы в 1-ом стихе инструментированы на согласный «р»: «горько», «рыдая», «ревнивая», «бранила»; во 2-ом стихе эта инструментовка смягчается, смешиваясь со звуками «л», «м», «н». Преобладающие во втором дистихе «л», «м», «н», «й» отражают умиление девушки…» (с. 109).

Все-таки, не звуки выражают все эти чувства и думы, а слова, в которые входят эти звуки. Впрочем, об этом чуть раньше пишет и сам М. Петер: «Отдельные звуки связываются с определенным содержанием только в составе слова…» (с 99). И если у слова «хорошее» содержание, то и звуки, входящие в это слово, будут выражать «хорошее» содержание; и наоборот, в словах с «плохим» значением звуки передают «плохое» значе-

ние (см. в книге примечание 14, относящееся к рассуждениям венгерского поэта Костолани, с. 115).

Заключение. Заканчивая свою книгу, М. Петер пишет о двух истоках русского стихосложения.

Русская стихосложение, замечает М. Петер, является **заимствованным** из Западной Европы (греко-латинская метрика, польская силлабика, немецкие и английские балладные размеры, итальянские и французские формы стиха, американский свободный стих). Добавим, что русское народное стихосложение (тонические песни и былины, рифмованный свободный стих, – почти все устное крестьянское творчество) оказалось неиспользованным в дворянском творчестве. Впрочем, заметим, и народ, создавая свое стихосложение, будучи неграмотным, не использовал стихосложение дворянской письменной литературы.

Поэтому изучая книгу М. Петера «Русское стихосложение», надо иметь в виду, что это – письменное русское стихосложение. Устное же, народное стихосложение излагается в курсах русского фольклора.

Заимствованное греческое, латинское, немецкое, французское, английское и др. стихосложение в русской литературе попадала под воздействие фонетики **русского языка**, в котором ударные и безударные гласные звуки (слоги) резко различаются не только по долготе, но и по силе. Кроме того, русское ударение – свободное: ударные гласные (слоги) стоят в любом месте слова. Всё это существенно преобразовывало европейское стихосложение на русской почве, хотя в принципе его не меняло: оно оставалось силлабическим, тоническим, силлабо-тоническим и др.

Особенность фонетики русского языка существенно обогащала и рифму в русском стихосложении: безударные гласные, будучи краткими и слабыми, редуцировались в конце стиха и создавали возможность для неточной рифмовки (ассонансы, диссонансы, составные рифмы и др.).

Паронимия, которая, как пишет М. Петер, широко использовалась в русской поэзии XX века, тоже имеет своим источником особенности русского поэтического языка, в котором очень много заимствованных из иностранных языков слов. Заимствования из русских народных говоров тоже, наверное, давало бы много материала для паронимии, но этого в истории русского поэтического языка не происходило, даже в XX веке.

Рассматривая в своей книге эволюцию русского стихосложения: силлабо-тоника → логаэды → дольники → тактовики → акцентные стихи, – М. Петер делает вывод о «расшатывании» стихосложения вообще. **Кризис** классической системы стихосложения («золотой век») произошел уже к концу XIX века. Начало XX века (модернизм, символизм, формализм, абстракционизм и т. п. – так называемый «серебряный век») – означало «исчерпанность традиционных средств стиха» (с. 111). Почему это произошло – философы в то время писали о «кризисе цивилизации», о «закате

Европы» и т. д. М. Петер об этой причине пишет сдержаннее: «В процессе постепенного расшатывания старых канонов стихосложения отражаются глубокие духовные, культурные и общественные изменения» (с. 111). На настоящее время по сути дела осталось только одно стихосложение – белый стих (велибр), который можно считать стихом только по отношению к предшествующему стихосложению = считать «нулевым стихом». Вне этого сопоставления белый стих (велибр) – это проза. См. о велибре (белом стихе): Овчаренко 1984.

М. Петер заключает: «Вопрос о том, что же будет после велибра, выходит за границы нашей науки» (с. 111). М. Петер описал историю стихосложения, и эта история у него закончилась велибром. Правда, осторожно М. Петер (вместе с М. Л. Гаспаровым) предполагает две возможности для дальнейшего развития стихосложения: 1) возможность «т. н. конкретной поэзии, основанной на визуальном восприятии стиха»; 2) возможность «к возвращению к традиционным формам стихосложения» (с. 111). Выбор из этих двух возможностей М. Петер, к сожалению, не делает, очевидно, не находя для этого серьезных оснований в современном положении дел со стихосложением.

Литература

Гаспаров М. Л. Очерк истории русского стиха. Москва,1984.

Жирмунский В. М. Теория стиха. Ленинград, 1975.

Квятковский А. Поэтический словарь. Москва, 1966.

Овчаренко О. А. Русский свободный стих. Москва, 1984.

Скрипов Г. С. О русском стихосложении. Пособие для учащихся. Москва,1979.

Томашевский Б. В. Стилистика и стихосложение. Ленинград, 1959.

Томашевский Б. В. Стих и язык. Москва–Ленинград, 1959.

Тынянов Ю. Проблемы стихотворного языка. Москва, 1965.

Федосов В. А. Рец.: М. Петер. Русское стихосложение. (Вводный курс). Budapest, 2008. – В журнале «Русский язык за рубежом», 2013, 2. с. 105–110.

Холшевников В. Е. Основы стиховедения. Ленинград, 1964.

Холшевников В. Е. (сост.). Мысль, вооруженная рифмами. Поэтическая антология по истории русского стиха. Ленинград, 1987.

Эйхенбаум Д. Н. Слово и образ. Москва, 1964.

Fónagy Iván. A költői nyelv hangtanából. [Из фонетики поэтического языка]. Budapest, 1959.

Gáldi László. Ismerjük meg a versformákat. [Познаем форму стиха]. Budapest, 1961.

7.4. Переводы драм Чехова на венгерский язык (Э. Ч. Йонаш)

Названная тема излагается в следующих 4-х книгах проф. Ньиредьхазского педагогического института Эржебет Ч. Йонаш:

Cs. Jónás Erzsébet. A magyar Csehov. [Венгерский Чехов] Nyíregyháza: Stúdium Kiadó, 1995. 263 pp.

Cs. Jónás Erzsébet. Az orosz dialógus természetrajza. Szövegszerkezeti vizsgálatok Csehov dialógusaiban. [Особенности русских диалогов. Исследование текстовой структуры чеховских диалогов] Nyíregyháza: Bessenyei György Könyvkiadó, 1999. 152 pp.

Cs. Jónás Erzsébet. A színpadi nyelv pragmatikája. Csehov dialógusainak kommunikatív stíluselemzése. [Прагматика сценического языка. Коммуникативная стилистика диалогов у Чехова] Nyíregyháza: Bessenyei György Könyvkiadó, 2000. 141 pp.

Cs. Jónás Erzsébet. Kontrasztív szövegszemantikai vizsgálatok (Csehov-drámák magyar fordításai). [Контрастивное исследование текстовой семантики переводов драм Чехова] Nyíregyháza: Bessenyei György Könyvkiadó. 2001. 306 pp.

Назовем и основные статьи Э. Ч. Йонаш о переводах драм Чехова на венгерский язык:

Э. Ч. Йонаш Стиль венгерских переводов драм Чехова. – Сб.: Преподавание русского языка в венгрской аудитории. Ред. Г. Секей, Э. Ч. Йонаш, В. А. Федосов. Nyíregyhaza, 1994. с. 115–122.

Cs. Jónás Erzsébet. Spiró György orosz fordításai. [Перевод Д. Шпиро]. VI. Alkalmazott Nyelvészeti Konferencia, Nyelvek és nyelvoktatás a Kárpát-medencében. Nyíregyháza, 1996. II. с. 110–120.

Cs. Jónás Erzsébet. Pragmatika és stilisztika a fordításban. [Прагматика и стилистика в переводе]. VII. Országos alkalmazott Nyelvészeti Konferencia előadásainak II. kötete (Szerk. Polyák Ildikó), Budapest, Külkereskedelmi Főiskola, 1997. 100–103 pp.

Cs. Jónás Erzsébet. Alkotói világlátás és fordítói szemlélet – a fordítás mint permanens interkulturális kommunikáció. Spiró György mai magyar Csehov-fordításai. [Перевод как перманентная интеркультурная коммуникация. Современные переводы Чехова Д. Шпиро]. Modern Nyelvoktatás. 2-3. Bp, 1998. 106–114 pp.

Вопросы прагмалингвистики в художественном переводе – „Tudomány és társadalom”. A Szabolcs-Szatmár-Bereg Megyei Tudományos Közalapítvány füzetei 10. Nyíregyháza, 1998-a, 63–64 pp.

Cs. Jónás Erzsébet. Stílusvariációk Csehov-darabok magyar szövegváltozataira. [Стилистческие варианты в драмах Чехова в венгерских текстах] – Magyar

Nyelvjárások.(Szerk. Hoffmann I.– Mező A.– Nyirkos I.) XXXVII. KLTE, Debrecen, 1999. 121–130 pp.

Cs. Jónás Erzsébet. Теоретические вопросы переводческой деятельности – вопрос эквивалентности с точки зрения типологии текстов. In: Debreceni Szlavisztikai Füzetek 6. Debrecen, 2000, 38–44 pp.

Cs. Jónás Erzsébet. Az indirekt beszédaktusok pragmatkája Csehov párbeszédeiben. [Косвенная прагматика в диалогах Чехова] In: Nyelv, aspektus, irodalom. Köszöntő könyv Krékits József 70. születésnapjára. Szeged, 2000-a. 167–174 pp.

Cs. Jónás Erzsébet. Csehov a mai magyar színpadon. [Чехов на современной венгерской сцене]. Fordítástudomány, II. évf. 1, Bp, 2000-в. 17–33 pp.

Cs. Jónás Erzsébet. Kulturális szemantikai síkok a Csehov-drámák magyar fordításaiban. [Культурная семаника в венгерских переводах драм Чехова] – Modern Filológiai Közlemények. III. évf. 2. szám. Bp, 2001. 43–58 pp.

Cs. Jónás Erzsébet. Kontrasztív szemantika – kontrasztív fordításstilisztika. [Контрастивная снмантика – констрастивная стилистка при переводе] – In: Színes eszmék nem alszanak… Szépe György 70. születésnapjára. Szerk.: Andor József – Szűcs Tibor – Terts István. Pécs, 2001-в. 237–247 pp.

Книги проф. Э.Ч. Йонаш об А.П. Чехове

Тематика исследований Э. Ч. Йонаш о переводах драм Чехова на венгерский язык оказалось очень разнообразной, имеющей много аспектов. Соответствующим образом эта тематика излагается в книгах и статьях Э. Ч. Йонаш. Эту тематику можно разделить на три части: 1) история перевода драм Чехова на венгерский язык, 2) семантика в переводах драм Чехова на венгерский язык, 3) культурология в переводах драм Чехова.

История перевода драм Чехова на венгерский язык

Чехов в Венгрии. А. П. Чехов – один из известнейших в мире драматургов XX века. Драмы Чехова, начиная с 20-ых годов и по настоящее время, с успехом идут в венгерских театрах. Чехов трудно начинал переводиться на венгерский язык – из-за языковых барьеров. Первые переводчики драм Чехова не знали русского языка и делали свои переводы с немецких переводов. Однако первыми переводчиками были классики венгерской литературы – писатель-новеллист Д. Костолани и поэт-лирик А. Тот, и их переводы оказались достойными Чехова.

В целях приближения к языку оригинала, драмы А. П. Чехова переводились в Венгрии снова и снова. Образовался благодатный материал для лингвистов и специалистов по теории и практике перевода, благодатный для изучения не только конкретной истории перевода Чехова на венгерский язык, но и перевода художественной литературы вообще. Этим материалом и воспользовалась Э. Ч. Йонаш, чтобы изучить лингвистические и культурологические проблемы в переводе, проанализировать их в комплексе. Ниже рассматриваются эти проблемы – как они представлены в четырех монографиях Э. Ч. Йонаш:

История перевода – это становление, развитие, совершенствование перевода с русского языка на венгерский от одного перевода к другому, от одного переводчика к другому. История перевода драм Чехова с русского языка на венгерский, как можно судить на основе исследований Э. Ч. Йонаш, имеет следующие этапы: 1) перевод с ориентацией на **выходной**, венгерский текст; 2) перевод с ориентацией на **входной**, русский текст (основное внимание уделяется анализу русского текста); 3) перевод с ориентацией на **входной и выходной** тексты одновременно, с достижением своеобразного синтеза, с получением более эквивалентного перевода, чем в первых двух случаях.

Перевод драм Чехова с ориентацией на венгерский текст. Историю перевода самых известных драм Чехова на венгерский язык, можно сказать, начал классик венгерской литературы, прозаик и поэт **Дежё Костолани**. В 1922 году он перевел для Будапештского театра комедии драму Чехова «Три сестры», которую он охарактеризовал как «драму без драмы», как «трагедию людей, с которыми ничего не случилось» (см. Cs. Jónás 2001: 31–32). Д. Костолани не знал русского языка, поэтому переводил пьесу с ее немецкого перевода.

В связи с работой над драмой Чехова у Костолани сложилась своя концепция художественного перевода. В работе «Азбука перевода» в 1928 году Д. Костолани писал, что художественный перевод не может быть буквальным, потому что языки – разные. Язык, как материал, влияет на

перевод, ведь скульптор по-разному создает один и тот же образ в мраморе и дереве. К тому же, писал Костолани, необходима и свобода перевода. Поэт – переводит иначе, чем обычный переводчик. Конечно, должна быть сохранена душа, музыка, форма оригинала, но переводчик – тоже автор. В его художественном переводе тоже все должно быть связано друг с другом, как танцоры связаны в танце (см. об этом Cs. Jónás 2001).

Д. Костолани принадлежал к тому литературному направлению, которое называлось импрессионизмом. При переводе пьесы «Три сестры» Чехова он использовал соответствующие языковые приемы – «бросающиеся в глаза украшения» (так пишет Э. Ч. Йонаш).

Э. Ч. Йонаш, анализируя переводы Костолани, утверждает, что он постоянно употребляет междометия, уменьшительно-ласкательные существительные, синонимические ряды, риторико-патетические формы – в стиле театральных пьес начала XX века. Там, где у Чехова имеются лирического характера выражения, в переводе Костолани они усиливаются, удлиняются. Например: М а ш а. *Милые мои, сестры мои* – в переводе Костолани: *Родные, родные мои сестренки (Édes, édes kis testvéreim)* (Cs. Jónás 2001: 226–229).

Э. Ч. Йонаш обнаруживает у Д. Костолани в его чеховских текстах волнообразное «плетение словес». Высказывание в тексте строится таким образом, что сначала оно имеет две короткие части, а затем – одну длинную часть. Характерно это для монологов в пьесе, например монологов Тузенбаха, Вершинина, диалогических единств, образующихся при разговоре сестер и др. (Cs. Jónás 2001).

Явно, что Д. Костолани, переводя Чехова, проявлял себя как самостоятельный писатель, – почти не связывая себя с художественными формами оригинального текста.

Второй известный переводчик Чехова на венгерский язык – тоже классик венгерской литературы, поэт-лирик **Арпад Тот.** В 1923–1924 годах он перевел драмы Чехова «Иванов» и «Вишневый сад».

А. Тот не изучал русского языка и поэтому переводил Чехова с помощью языка-посредника, которым являлся немецкий язык. Сначала он перевел драму Чехова «Иванов», а годом позже – драму «Вишневый сад», которые сразу же стали ставиться в будапештских театрах.

Перевод с использованием языка-посредника, конечно, не лучший способ знакомить читателя и театрального зрителя с литературой другой страны, но если такой перевод был первый, то он становится заметной вехой в истории взаимоотношения культур двух народов, в частности в истории русской и венгерской культуры.

Э. Ч. Йонаш пишет, что анализировать, как А. Тот передавал на венгерском языке русскую семантику и стилистику чеховских диалогов, трудно. Удобнее в таком случае сравнивать сразу три языка – русский,

немецкий и венгерский. Но Э. Ч. Йонаш не располагала, как она замечает, немецким текстом, с которого непосредственно переводил драму Чехова на венгерский язык А. Тот. Поэтому Э. Ч. Йонаш, анализируя, сравнивает венгерский текст А. Тота напрямую с русским оригиналом (Cs. Jónás 2001).

Э. Ч. Йонаш пишет, что, будучи поэтом-лириком, А. Тот не мог не употреблять при переводе Чехова собственной поэтической фразеологии, особенно при переводе лирических мест в пьесах Чехова, например: Любовь Андреевна. *О мое детство, чистота моя.* В переводе А. Тота: *О, незабываемая молодость… о, родная, бесценная пора детства. (Ó, a felejthetetlen ifjúság…az édes, ártatlan gyerekkor)* (Cs. Jónás 2001, c. 231).

Как поэт-лирик, А. Тот вносил в свои переводы много лирической фразеологии. В его переводах встречаются поэтические параллели, аллитерации, ласкательно-уменьшительные выражения, обращения и др. Например: *дорогая моя сестричка (drága húgocskám), мамуся (anyuskám), мое сердечко (szívecském), вы, голубушка (magácska), родной мой дружочек (édes barátocskám), моя голубушка (galambocskám), мамочка (kismama)* и т. п. Все эти лирические выражения несомненно усложняли язык пьесы Чехова «Вишневый сад», соответственно усложняли и содержание пьесы – возвышая его смысл, чего в пьесе Чехова не было (Cs. Jónás 2001, c. 68–72).

У поэта-переводчика А. Тота сложилась своя, как и у Д. Костолани, концепция перевода. В частности, А. Тот считал, что лучший перевод не тот, который близок к оригиналу, а тот, который близок к языку читателя перевода, к языку театрального зрителя. Э. Ч. Йонаш пишет, что А. Тот хорошо знал вкусы тогдашнего венгерского театрального зрителя, в частности зрителя Будапештского театра комедии и в соответствии с этими вкусами создавал свои переводы (Cs. Jónás 2001).

Надо полагать, что подобная практика перевода и появившиеся под влиянием этой практики принципы перевода сложились у А. Тота прежде всего потому, что переводил он с языка-посредника. А. Тот не держал в руках оригинального русского текста, поэтому не мог быть близким к русскому языку, ему оставалось только – держаться ближе к языку венгерского читателя, зрителя.

Таким образом, переводческая деятельность Д. Костолани и А. Тота, самых первых переводчиков драм Чехова на венгерский язык, реализовывала принцип перевода, который состоит в «верности читателю», в верности выходному венгерскому тексту.

Перевод драм Чехова с ориентацией на русский текст. Следующий этап в переводе драм Чехова на венгерский язык (середина XX века) прошел, как пишет Э. Ч. Йонаш, под знаком «верности оригиналу». Переводчики **А. Габор** (перевел пьесу «Иванов»), **Д. Хаи и И. Макаи** (перевели

независимо пьесу «Чайка») уже знали русский язык, имели представление о том, на каком русском языке говорят те или иные слои русского общества, в том числе и персонажи чеховских драм. Э. Ч. Йонаш приводит примеры действительно очень точных в языковом отношении переводов с русского языка на венгерский, даже в такой сложной для перевода лингвокультурологической области, как речевой этикет.

Например: И в а н о в . *Миша, бог знает что… вы меня испугали.* В переводе А. Габора: *Миша, бог знает, что…ты меня испугал (Misa, a jó isten tudja, hogy… megijesztettél)*. Перевод реплики Иванова действительно близок к оригиналу, в том числе и перевод формы: *Миша – Misa* (Cs. Jónás 2001, c. 233).

Однако близость к оригиналу не должна являться самоцелью. Ведь эта близость, из-за грамматических, лексических и других расхождений между языками, может создавать трудности в восприятии выходного текста. В частности, перевод обращения *Миша* как *Misa,* несомненно являющийся близким к оригиналу, для венгерского читателя (и зрителя) может оказаться если и понятным, то не вполне ясным с точки зрения его эмоционального содержания, ведь венгры говорят в этом случае не *Миша (Misa),* а *Мишu (Misi)*. Поэтому если бы переводчик перевел слово *Миша* не как *Misa*, а как *Misi,* то это было бы лучше для восприятия читателя, но, конечно, хуже с точки зрения точности передачи входного текста. поэтому верность входному тексту не может становиться абсолютным принципом для переводчика.

Возьмем русское слово *голубчик*, которое часто употребляется чеховскими персонажами, но которое в венгерском языке не имеет точного соответствия. Если бы А. Габор, Д. Хаи и И. Макаи, желая оставаться верными входному языку, в своем выходном тексте употребляли бы это слово – *golubcsik*, то венгерский читатель не мог бы правильно понять это слово, его эмоциональное содержание. Поэтому названные переводчики переставали быть в этом случае верными оригиналу и, в меру возможности, стремились стать верными также и своему читателю – выходному тексту. Обращение *голубчик* – всегда переводилось ими на венгерский язык, но – переводилось по-разному: *дорогой (drága), милый (kedves), мой милый (kedvesem), милый, милый (kedves, kedves), мой голубь (galambom)* (Cs. Jónás 2001, c. 235).

Обращение к собеседнику, как оно используется в диалогах, содержит много эмоциональных оттенков, так что даже при наличии между языками соответствий между словами, например: *дорогой – drága, славный – aranyos, милый – kedves, дядя – bácsi, Ваня – Jancsi* и др., – переводчикам приходится, в целях более точной передачи содержания, отступать от входного текста, чтобы соответствовать пониманию своего читателя. Ср. перевод обращения Сони к дяде Ване двумя вышеназванными пере-

водчиками: С о н я . *Дорогой, славный, дядя, милый!* Перевод Д. Хаи: *Дорогой, милый, дядя Ваня! (Drága, kedves Ványa bácsi)*; перевод И. Макаи: *Родной, дорогой, мой дядюшка! (Édes, drága bácsikám)*. (Cs. Jónás 2001: 235).

Таким образом, при переводе художественного произведения очень трудно быть последовательно верным входному тексту, как это иногда в качестве главного требования, выдвигается теоретиками перевода перед переводчиками-практиками. Трудно не только из-за расхождения между языками, но часто – и из-за расхождения между культурами, тем более если входной и выходной тексты уже разделены во времени – относятся к разным эпохам. В этом случае требованием перевода становится достижение соответствующего компромисса – ориентация как на входной, так и на выходной текст.

Перевод Чехова с учетом русского и венгерского текстов. Э. Ч. Йонаш пишет, что те переводчики, которые сами являются писателями, не могут не применять при переводе свои писательские приёмы, в особенности при переводе драматических произведений, в которых присутствует «смешение стилей» – когда действующие лица говорят каждый на своем языке. Переводить речь каждого из них приходится по-разному – и разные переводчики делают это тоже по-разному. Это означает, что в этих случаях переводчик, применяя свое писательское мастерство, обязательно приближается к выходному тексту – к своим читателям (зрителям), удаляясь от входного текста. Такими переводчиками Чехова являлись, пишет Э. Ч. Йонаш, не только Д. Костолани и А. Тот, но и **Д. Шпиро**, переведший две драмы Чехова – «Иванов» и «Вишневый сад», – сам являющийся драматургом, хотя уже другой эпохи – постмодернизма (Cs. Jónás 2001).

Разговорная стилистика при переводе драм Чехова на венгерский язык – обнаруживается не только у драматурга Д. Шпиро, но и у филолога **Я. Эльберта,** который перевел в 70-ых годах драмы Чехова «Иванов» и «Чайка». Э. Ч. Йонаш в сравнительном плане анализирует эти переводы – отмечая у них большое количество отсутствующих у Чехова разговорных выражений типа*: Будет вам вздор молоть! Будет болтать! Брось трепаться! (Elég a fecsegésből!); Не приставай! (Ne zaklasson!); Уж мы вам покажем потом…(Jó, majd aztán…!); Ничего не знаю! (Nem tudom!); Что такое? Букв. Что за чудо? (Micsoda?)* и др. (Cs. Jónás 2001, с. 238–239).

Внимание к разговорному языку, придание чеховским героям динамизма и эмоциональности, характерной для новой эпохи свидетельствует о том, что переводчики Чехова ориентировались на выходной текст. Переводя Чехова на венгерский язык, Д. Шпиро и Я. Эльберт «усиливали» разговорную стилистику входного текста, однако нельзя сказать, что они то же самое делали и с семантикой денотативной (отражающей непосредственно объективную действительность) и сигнификативной (отражающей

соответствующую систему понятий): сигнификативная семантика все-таки оставалась семантикой входного текста. Пример из драмы «Иванов»: Б о р к и н . *Постойте, постойте!.. Вот память, а?..* Перевод Д. Шпиро: *Подождите, подождите!.. Что за память, что?.. (Várjon, várjon… Micsoda memória, mi?).* Перевод Я. Эльберта: *Хохо! Подождите же… А, это моя память!… (Hohó, várjunk csak… Á, az én memóriám!).* (Cs. Jónás 2001, c. 239).

В приведенном примере реплика Боркина тоже имеет разговорный характер, но в венгерском тексте эта разговорность усилена, в том числе и с добавлением междометий, отсутствующих в оригинале. Однако грамматика, а именно побудительные, вопросительные и восклицательные конструкции, употребленная в них лексика, а значит, в целом, и семантика, передаются в выходном тексте в соответствии с входным текстом. В частности, в русском тексте конструкция *Постойте, постойте!* означает не «стоять», а «ждать» – как это и передано в венгерском тексте.

Э. Ч. Йонаш подчеркивала, что венгерские переводчики последнего периода при переводе драм Чехова на венгерский язык ориентировались не только на выходной текст – чтобы быть понятными своему современнику, чтобы воздействовать на него в определенном направлении, но и на входной текст, так как знали язык этого текста, понимали его семантику. В этом можно видеть не просто компромисс между двумя выше означенными ориентациями – это был синтез двух подходов.

В итоге, как можно судить по работам Э. Ч. Йонаш, история перевода драм Чехова в Венгрии характеризуется следующими этапами: 1) сначала переводчики ориентируются на выходной текст – на своего читателя (своеобразный логический тезис), 2) затем, в целях более полного удовлетворения интереса этого же самого читателя, переводчики ориентируются на входной текст (антитезис); 3) наконец, переводчики снова обращают свое внимание на выходной текст, но – не оставляя без внимания и входной текст, таким образом синтезируя эти два подхода, достигая большей эквивалентности между входным и выходным текстами.

Надо, однако, заметить, что в Венгрии до сих пор пьеса Чехова «Три сестры» издается в основном в переводе Д. Костолани, а пьеса «Вишневый сад» – в переводе А. Тота. Дело тут в том, что названные переводчики – классики венгерской литературы, и с точки зрения венгерского языка чеховские тексты выступают у них для венгерского читателя, как надо полагать, в более совершенном, художественном виде, чем тексты пусть и знаменитых венгерских переводчиков Д. Шпиро и Я. Эльберта.

Значение работ Э. Ч. Йонаш состоит в том, что они представляют собой обстоятельный материал для размышления не только о переводах драм Чехова на венгерский язык, но и о художественном переводе вообще, о закономерностях этого перевода – необычайно сложной области.

В заключение надо заметить, что история переводов драм А. П. Чехова в Венгрии очень интересная. Однако в России о ней, можно сказать, ничего не известно, хотя каждый интересующийся русской культурой в России должен бы знать об этой примечательной странице в истории культуры двух народов. К сожалению, специальный анализ этой истории, изложенный в вышеназванных книгах Э. Ч. Йонаш, тоже недоступен для русскоязычного читателя. Книги Э. Ч. Йонаш опубликованы на венгерском языке. В июне 2003 года Э. Ч. Йонаш защитила в Венгерской Академии наук (по теме перевода драм Чехова на венгерский язык) «большую» докторскую диссертацию, что является фактом признания ее исследований в Венгрии. Филологам России остается только пожелать, чтобы книги Э. Ч. Йонаш были опубликованы и на русском языке.

Семантика в переводах драм Чехова на венгерский язык

Семантика текста. Э. Ч. Йонаш в своей книге (Jónás 2001, глава 1) делает обзор лингвистической литературы о понятии эквивалентности семантики при переводе текста с одного языка на другой и заключает, что степень эквивалентности в передаче семантики текста при переводе зависит от жанра текста: переводится ли научный текст или текст художественной литературы – проза или поэзия. В последнем случае эквивалентность вполне может быть и в меньшей степени, чем в первом случае – при переводе научного текста.

В лингвистическом анализе перевода драм Чехова на венгерский язык Э. Ч. Йонаш (см. Jónás 1995, 2001) основывается на «концепции эквивалентности» Н. В. Комиссарова, изложенной им на англо-русском материале в книгах «Слово о переводе» (Комиссаров 1973) и «Лингвистика перевода» (Комиссаров 1980).

В. Н. Комиссаров предлагает следующую последовательность в анализе перевода – с идентификацией семантики текста: 1) идентификация цели сообщения, 2) структуры ситуации, 3) характеристики ситуации, 4) характеристика синтаксиса, 5) характеристика лексики.

Э. Ч. Йонаш упростила систему В. Н. Комиссарова, произведя в ней вполне оправданные, на наш взгляд, объединения, представив ее в виде следующих уровней: 1) уровень цели сообщения, 2) уровень ситуации в тексте, 3) уровень средств индивидуализации (при изображении действующих лиц и ситуации). Как можно видеть, Э. Ч. Йонаш объединила в один уровень ситуации два уровня В. Н. Комиссарова – структуру ситуации и характеристику ситуации, которые действительно в конкретном анализе перевода разграничить бывает трудно; она объединила вместе, в один уровень средства индивидуализации, лексику и синтаксис, которые хотя по

материалу и разграничиваются легко, но по выполняемой ими функции разграничиваются трудно.

Свой анализ переводов драм Чехова на венгерский язык Э. Ч. Йонаш проводит по этим трем уровням. В каждом из них она а) **выявляет** русско-венгерские межъязыковые соответствия – как их представил переводчик; б) о**ценивает** эти (созданные переводчиком) межъязыковые соответствия – сравнивая их с нормативными, объективно существующими между языками соответствиями в области лексики, синтаксиса и др.; в) **заключает** о степени эквивалентности в передаче переводчиком семантики входного текста в выходном тексте. Таким способом Э. Ч. Йонаш анализирует перевод всех основных драм Чехова на венгерский язык («Иванов», «Чайка», «Дядя Ваня», «Три сестры», «Вишневый сад»), всех венгерских переводчиков (Д. Костолани, А. Тот, А. Габор, Д. Хаи, И. Макаи, Д. Шпиро, Я. Эльберт).

Цель сообщения в семантике текста. В какой степени эквивалентности передается в венгерском переводе цель сообщения в драмах Чехова – Э. Ч. Йонаш анализирует применительно только к одной драме Чехова: «Иванов» (переводчики А. Тот, А. Габор, Я. Эльберт).

Цель сообщения в тексте, которую адекватно надо передать при переводе на другой язык, В. Н. Комисаров характеризует неконкретно. Он пишет, что цель сообщения – это наиболее общая часть семантики текста и что цель сообщения обязательно надо выражать при переводе точно. Э. Ч. Йонаш справедливо пишет, что цель сообщения – это реализация замысла писателя в тексте художественного произведения. Задача переводчика состоит в том, чтобы передать этот замысел в своем тексте. Э. Ч. Йонаш пишет, что замысел (цель) Чехова в его драмах – это изобразить трагедию «маленького человека», передав ее соответствующими языковыми средствами. Именно так ставил драмы Чехова на сцене Московского художественного театра Станиславский, считая самого Чехова великим пессимистом. Однако в переводе на венгерский язык, в особенности в постановках Будапештского театра комедии, каждая драм Чехова реализовывалась как комедия – того же самого «маленького человека». Переводчик Я. Эльберт отмечал (пишет Э. Ч. Йонаш), что не может же герой трагедии употреблять разговорный язык, да и у самого Чехова нет такого подзаголовка: «трагедия».

Получается, что при переводе драм Чехова на венгерский язык цель сообщения, как она выступала у Чехова, изменялась в венгерском тексте – передавалась переводчиком неэквивалентно.

Ситуация в семантике текста. По В. Н. Комиссарову, ситуация в тексте – это совокупность референтов и отношений между ними (какой из референтов выступает субъектом, какой – объектом). Переводчик, желающий достигнуть высокой степени эквивалентности в семантике текстов

при переводе, должен точно передавать эту ситуацию. Э. Ч. Йонаш пишет, что ситуация – это действующие лица и отношения между ними, выражающиеся в языковых средствах, например в ситуации побуждения одно лицо побуждает что-либо сделать второе лицо, что обычно выражается в повелительной конструкции, «наполненной» соответствующей лексикой.

Пример (из пьесы Чехова «Вишневый сад» в переводе А. Тота): В а р я. *Дуняша, кофе поскорее, мамочка кофе просит*. Д у н я ш а. *Сию минуточку*… В переводе А. Тота в 1-ом здании реплика Вари опущена: Д у н я ш а. *Лечу!* [*Repülök!*]. Перевод А. Тота во 2-ом издании пьесы: В а р я. *Дуняша, неси кофе. Мамочка кофе выпить бы хотела. Постарайся!* Д у н я ш а. *Лечу! [Dunyasa, hozz kávét…Anyuska kávézni szeretne. Igyekezz! – Repülök!]*.

Повелительная конструкция, лексика, «наполняющая» эту конструкцию, являются непосредственными выразителями характера отношения между действующими лицами в ситуации – Варей, Дуняшей и незримо присутствующей в ситуации Любови Андреевны. Ситуация у Чехова состоит в том, что Варя побуждает Дуняшу *(поскорее…)* совершить действие *(кофе)* для Любови Андреевны *(мамочка),* и Дуняша – совершает это действие *(сию минуточку…)*. Языковые средства, которые используются у Чехова и у переводчика, в целом, можно сказать, соответствуют друг другу. Э. Ч. Йонаш пишет, что при переводе ситуации переводчик в 1-ом издании пьесы, опустив одну реплику, сократил количество участников ситуации – и тем самым передал чеховскую ситуацию неточно, упрощенно, неэквивалентно; во 2-ом же издании перевод чеховской ситуации сделан им точнее.

Языковые средства индивидуализации персонажей в семантике текста. Как уже сказано, Э. Ч. Йонаш полагает, что средства индивидуализации персонажей и ситуации в пьесах Чехова и в их переводах на венгерский язык достигается посредством использования соответствующей лексики и синтаксиса: в пьесах Чехова – русской лексики и синтаксиса, в переводе пьес – венгерской лексики и синтаксиса. Задача анализа в этом случае у Э. Ч. Йонаш состоит в том, чтобы показать а) какие межъязыковые лексические и синтаксические соответствия выстраивает переводчик; б) насколько эти соответствия отвечают нормативным межъязыковым соответствиям; в) как оценить использованные переводчиком межъязыковые соответствия в плане эквивалентности перевода.

Э. Ч. Йонаш анализирует эту проблему применительно ко всем основным драмам Чехова, переведенным на венгерский язык наиболее известными переводчиками.

Ниже приводятся примеры этого анализа только из драмы «Вишневый сад», которую два раза (в двух изданиях) перевел А. Тот.

Э. Ч. Йонаш пишет, что, например, в драме «Вишневый сад» у Чехова представлены разные слои общества, которые говорят по-разному. Так, Любовь Андреевна Раневская – владелица сада, сентиментальная, чувствительная дама, поэтому для ее речи характерна эмоциональная лексика, которую она употребляет всегда в обращении и к людям, и к неодушевленным предметам. Лирический поэт А. Тот, переводя реплики Любови Андреевны на венгерский язык, увеличивает количество эмоциональной лексики в ее речи, количество ласкательно-уменьшительных суффиксов и тем самым создает еще более эмоциональный образ, чем он есть у Чехова. Например: Л ю б о в ь А н д р е е в н а . *Шкафик мой родной, столик мой…* – в переводе А. Тота: *Дорогой старенький мой шкаф! Дорогой старенький мой столик!.. (Drága öreg szekrényem! Drága öreg asztalkám!)*

Другой персонаж пьесы – Гаев, родственник Любови Андреевны, – человек-фразер. Особые чувства он испытывает к биллиарду, вследствие чего употребляет биллардный жаргон. Все это находит выражение в соответствующей лексике, которую Гаев употребляет. А. Тот стремится точнее перевести речь Гаева на венгерский язык, но это ему не всегда удается. Например: Г а е в . *Друзья мои, милые, дороге друзья мои! Покидая этот дом навсегда, могу ли я умолчать…* А н я . *Дядя*! В а р я . *Дядечка, не нужно!* Г а е в . *Дуплетом желтого в середину… Молчу.* В переводе А. Тота: *Друзья мои, милые, дорогие друзья мои. В это мгновение, когда навечно мы должны оставить этот дом…* А н я . *Дядя, прошу тебя*. В а р я . *Дядечка, оставь это…* Г а е в . *Ну, хорошо… дуплет… на середину сыграть. (Barátaim, kedves, drága barátaim. Abban a pillanatban, amikor örökre elhagyjuk ezt a házat… Hát jó… duplafals… közepre megjátszani…).*

Лопахин, новый хозяин вишневого сада, бывший крестьянин, употребляет мужицкую лексику, которую непросто перевести на венгерский язык, и из-за этого мужицкий образ Лопахина в переводе А. Тота ослабевает. Например: Л о п а х и н . *Со свиным рылом в калашный ряд… а ежели подумать и разобраться, то мужик мужиком.* В переводе А. Тота: *Верчусь, кручусь как своего рода хряк, но что и говорить, все же остался мужиком. (Forgok, forgolódok, mint afféle minden lében kanál… de hát… szó, ami szó…azért megiscsak paraszt maradtam)*.

Трофимов и Аня, новое поколение, молодежь, употребляет вполне литературные, даже публицистические слова: *труд, работа, рабочие, мужики, интеллигенция, быть свободным, смысл жизни* т. д., – которые легко переводятся на венгерский язык. И перевод у А. Тота в этом случае получается точным. Например: Т р о ф и м о в *Вся Россия наш сад. Земля велика и прекрасна*. В переводе: *Вся Россия наш сад. Велика и прекрасна земля… (Egész Oroszország a mi kertünk. Nagy és gyönyörü föld…).* Действительно, лексика двух языков находится здесь в точном соответствии. Различается синтаксис: в оригинале актуальные слова *велика* и *прекрасна*

находятся на последнем месте высказывания, в венгерском же тексте – на первом месте. Но это – нормативное различие между языками. Его надо обязательно выполнять при переводе, и переводчик А. Тот это делает.

Но в целом языковые средства индивидуализации персонажей в двух текстах, заключает Э. Ч. Йонаш, не всегда получаются эквивалентными.

Стилистка текста. В. Н. Комиссаров, ориентировавшийся в своей теории перевода в основном не на художественный текст, рассматривает стилистику как составную часть семантики (как продолжение семантики), в то время как Э. Ч. Йонаш, анализирующая переводы драм Чехова на венгерский язык, понятие и термин «стилистика» употребляет в широком смысле, как обычно это и делается при анализе художественного произведения.

Стилистика, пишет Э. Ч. Йонаш, – это не часть семантики, это языковые средства, из которых делается выбор наиболее подходящего варианта – для того, чтобы точнее выразить семантику в тексте. Выбор делается из синонимического ряда слов – того именно варианта, который в набольшей мере соответствует жанру данного текста (проза, поэзия, драма и т. д.), социальному статусу персонажа, который произносит речь (аристократ, слуга, студент т. п.), настроению этого персонажа, когда он говорит (возвышенное, сниженное, нейтральное) и т. д.

Например, одно дело, когда переводится новелла Чехова, написанная от лица самого автора, совсем другое дело – драма, где говорят от своего лица разные персонажи, например в драме «Вишневый сад»: аристократка Любовь Андреевна, студент Трофимов, бывший мужик Лопахин и др. говорят при разном своем настроении, с разными другими персонажами. Ср. речь одного и того же Гаева, обращенную, с одной стороны, к «многоуважаемому шкафу», а с другой – к лакею Якову.

Переводчик не должен, пишет Э. Ч. Йонаш, все это разнообразие в семантике переводить «одними и теми же словами», например нейтральными, – он обязан передать именно ту семантику, которая представлена во входном тексте, для чего он, конечно, должен знать, как, в соответствии с разной семантикой, осуществляется выбор стилистических вариантов 1) во входном языке (русском), 2) в выходном языке (венгерском), но самое главное – 3) какие соответствия имеются между языками в выборе стилистических вариантов.

Если переводчик знает оба языка, то даже если он не располагает описанием стилистических соответствий (корреляций) между языками (задача лингвистов), то интуитивно он вполне может производить правильный выбор стилистического варианта в выходном тексте в соответствии со стилистическим вариантом входного текста. Если же переводчик, пишет Э. Ч. Йонаш, не знает входного языка, то ему не остается ничего иного, как семантику входного текста, переданную ему с помощью

подстрочника или перевода на третий язык, выражать стилистическими средствами выходного языка на свой страх и риск. А при переводе художественного текста делать это переводчику придется обязательно (в художественном тексте должна быть стилистика).

При переводе художественного текста правильный выбор стилистических средств, т. е. выбор их в соответствии с тем выбором, который осуществлен во входном тексте, – очень сложная задача, утверждает Э. Ч. Йонаш, в особенности применительно к разноструктурным языкам, каковыми, в частности, являются русский и венгерский языки.

Русский и венгерский языки, пишет Э. Ч. Йонаш, – типологически разные. Языки различаются не только в лексическом и грамматическом строе, но и в выражаемой в языках семантикой – «картиной мира». У венгров, например, сложный этикет общения – с высокой степенью дифференциации языковых средств в зависимости от пола собеседников, их возраста, общественного положения и т. д. Например, венгерский мужчина, пишет Э. Йонащ, приветствует женщину: *Целую Вашу ручку (Kezét csókolom).* Русские никогда так не говрят, а просто – *Здравствуй(те).* Точно так же приветствует всех взрослых, в том числе и мужчин, дети. Венгерский студент не называет преподавателя по имени-отчеству (отчества у венгров нет), а только официально: *господин преподаватель, госпожа учительница (tanár úr, tanárnő),* – в то время как преподаватель называет студентов посредством их «укороченных» имен (не *Ержебет,* а *Ержике* и т. д.). Русские преподаватели позволяют это себе при очень близком знакомстве со студентом. При побуждении собеседника к действию венгры говорят: *Не нравится ли Вам это сделать? (Nem tetszik tudni ezt megcsinálni?), Пусть Вам понравится это сделать (Meg tetszik tudni ezt tenni?)* И т. д. В русском языке такие лексико-синтаксические конструкции не употребляются.

Драматическое произведение – это постоянный диалог, где собеседники – самого разного возраста, социального статуса, пола – обращаются друг к другу, задают вопросы, просят друг друга что-то сделать и т. д. Венгерский переводчик, пишет Э. Ч. Йонаш, действительно оказывается в трудном положении: ему надо при переводе на венгерский язык дифференцировать то, что в языке-источнике часто синкретично. При решении своей задачи переводчику нередко приходилось заранее выбирать единый стилистический «регистр»: передавать речь персонажей Чехова либо постоянно стилистически «завышая» ее, либо постоянно «занижая» ее. В результате, заключает Э. Ч. Йонаш, семантика получалась чеховской, а стилистика венгерской.

Чеховская семантика с венгерской стилистикой. Для первых переводов пьес Чехова на венгерский язык, пишет Э. Йонаш, самым главным было передать содержание пьесы – его семантику. Стилистика же Чехова

отступала на задний план, ведь первые переводы делались не с русского оригинала, а с немецких переводов. Не зная русского языка, переводчики не знали русской стилистики, тем более – в чеховском ее проявлении.

Первыми переводчиками Чехова не венгерский язык были венгерские писатели и поэты: Д. Костолани, который в 1922 году перевел пьесу Чехова «Три сестры», и поэт А. Тот, переведший в 1924 году пьесу Чехова «Вишневый сад». Э. Ч. Йонаш отмечает, что названные писатели рассматривали свою переводческую деятельность прежде всего как одну из форм своего собственного поэтического выражения. Они поэтому свободно использовали свой творческий стиль, свои образы, метафоры. В их переводах пьес Чехова своеобразно соединялось чеховская семантика с венгерской стилистикой – поэтикой названных венгерских классиков литературы.

Например, у Д. Костолани, пишет Э. Ч. Йонаш, любимым обращением к женщине были: *сладкая моя, душа моя (édeseim, lelkeim)* (отражающее, впрочем, особенности венгерского языка, в котором слово *сладкий (édes)* имеет также и производное значение «родной»: *моя сладкая мама (édes anyuskám), мой сладкий папа (édesapám),* а слово *душа (lelkem)* обычно употребляется при обращении к близкому человеку). Д. Костолани, как пишет Э. Ч. Йонаш, использует свои обращения к женщине во всех случаях, вне связи с тем, что есть у Чехова. Ср. Чебутыкин. *Милые мои, хорошие мои…*, в переводе Д. Костолани: *Сладкие мои, души мои…(édeseim, lelkeim).*

Поэт А. Тот – мастер лирического описания печальных, грустных картин природы. Вот как он передает монолог Любови Андреевны, обращенный к вишневому саду в пьесе Чехова «Вишневый сад». Ср. Любовь Андреевна. *Весь, весь белый! О сад мой! После темной ненастной осени и холодной зимы опять ты молод, полон счастья…* В переводе А. Тота: *Такой блестяще белый! Тебе не больна белая осень и белоснежная зима, ты снова бодрый и счастливый…(Olyan fehérségesen fehér! Drága, drága kertem! Neked nem ért a fakó ősz és a fagyos tél, fiatal vagy újra és boldog vagy ...)*

Э. Ч. Йонаш сожалеет об отсутствии сопоставительного русско-венгерского словаря поэтических метафор, который позволил бы более глубоко сравнивать поэтику Чехова и поэтику известных венгерских писателей – переводчиков Чехова.

В целом же (заключает Э. Ч. Йонаш), чеховская семантика с венгерской стилистикой – это не совсем то, что требуется для эквивалентного перевода.

Чеховская семантика с русской стилисткой. Разумеется, имеется в виду стилистика, переложенная на венгерский язык. Настоящая же, собственная стилистика Чехова существует только на русском языке. Перевe-

денная на венгерский язык, чеховская стилистика, пишет Э. Ч. Йонаш, не может быть в точности такой, какой она существует на русском языке, а – всего лишь, как и семантика, в большей или меньшей степени **эквивалентной** стилистике на русском языке (входного текста).

В 50–80-ые годы переводы пьес Чехова на венгерский язык осуществлялись уже непосредственно с русского языка, при хорошем знании переводчиками русского языка, при возможности постоянных консультаций со специалистами «по Чехову» в России (в Советском Союзе). При переводе пьес Чехова на венгерский язык уже адекватно могла передаваться не только семантика чеховских драм, но и – в единстве с этой семантикой – чеховская стилистика.

Владея русским языком, зная историю русской литературы, в том числе и современные им произведения, например М. Шолохова и В. Шукшина, венгерские переводчики драм Чехова, а именно венгерский писатель А. Габор, венгерский русист (филолог) Я. Эльберт, переводчик романов М. Шолохова на венгерский язык И. Макаи, а также один их известных венгерских переводчиков с русского языка Д. Хаи достигали успехов. Однако и в этом случае названные переводчики при передаче чеховской стилистики тоже позволял и себе допускать варианты. Э. Ч. Йонаш объясняет это тем, что тексты чеховских драм, по крайней мере – на первый взгляд, очень просты по лексической, грамматической и стилистической структуре. Чеховские герои говорят без сложных эпитетов, с использованием простых стилистических конструкций. Это создавало у венгерских переводчиков впечатление «простоты» чеховского текста, «простоты» его содержания, а вслед за этим – и «простоты» его перевода на венгерский язык. Как пишет Э. Ч. Йонаш, венгерские переводчики в таких условиях начинали «обогащать» чеховский текст в стилистическом отношении.

У одних переводчиков речь чеховских персонажей на венгерском языке становилась более «возвышенной», чем у самого Чехова, а у других, находившихся, как пишет Э. Йонаш, под влиянием современной им русской литературы (например, рассказов В. Шукшина) речь чеховских героев на венгерском языке становилась более «сниженной», чем у Чехова.

Ср. перевод одной и той же реплики в пьесе Чехова «Иванов»: Б а р к и н . *Понимаете?* Перевод А. Габора (в духе «хорошего тона»): *Изволите понимать? (Tetszik érteni?).* Перевод Я. Эльберта (в «духе улицы»): *Ну как, клюете? (Pedzi már?).*

Ср. еще перевод одной и той же реплики в пьесе А. П. Чехова «Чайка» двумя венгерскими переводчиками. М е д в е к о . *А вот, знаете ли, описать бы в пьесе…* Перевод Д. Хаи (при «завышении» стиля): *А изволите ли знать, описать бы в пьесе…(Hanem tetszik tudni, azt kéne megírni darabban és eljátszani színpadon…)* Перевод И. Макаи (при «занижении»

стиля)*: А знаете чего, описать бы в пьесе…(Hanem, tudja mit. Azt kellene megírni darabban, azután eljátszani a színpadon…)* Э. Ч. Йонаш объясняет допущение этих стилистические вариантов при переводе драм Чехова также и тем, что в венгерской литературе не было драматурга, похожего на Чехова по стилю и творческим принципам, вследствие чего переводчикам в их работе не на кого было опереться. По сути дела, именно эти переводчики, в меру своих возможностей, первыми создавали «чеховскую» стилистику применительно к венгерскому языку.

Итак, лингвистика при переводе – это языковые средства лексика, грамматика, стилистика), выражающие семантику текста, в том числе и цель сообщения, и ситуацию с персонажами. Лингвистка – это единство языковых средств и семантики текста.

Культурология в переводах драм Чехова на венгерский язык

Лингвистика и культурология. Работы Э. Ч. Йонаш – несомненно лингвистические исследования. В них обсуждаются вопросы о том, 1) с какой степенью эквивалентности передается семантика пьес Чехова при переводе на венгерский язык; 2) какие языковые средства венгерского языка (лексика, синтаксис, стилистика) используются при этом; 3) в каком соответствии с языковыми средствами русского языка они находятся и 4) как языковые средства используются у разных переводчиков.

Явно, что все эти вопросы – лингвистические, требующие от исследователя лингвистической компетенции, принадлежности к цеху лингвистов, а не культурологов.

Но граница между лингвистическим и культурологическим анализом художественного перевода, в том числе и в переводах драм Чехова, – очень зыбкая. Ее всегда легко переступить. И надо сказать, что Э. Ч. Йонаш иногда переступает эту границу, например когда пишет о культурологическом компоненте в семантике текста той или другой драмы Чехова: ей приходится говорить о культуре двух стран, о восприятии Чехова в Венгрии и т. п. Но в этом случае исследователь, скорее всего, находится не на территории культурологии, а на территории пограничной дисциплины между лингвистикой и культурологией – лингвокультурологии.

Любой исследователь, приступая к изучению своего предмета, всегда объявляет о том, какой именно предмет он исследует, в каком аспекте, с какой целью т. д. Э. Ч. Йонаш тоже определяет свой предмет, свои задачи, свои цели, – они у ней, как уже сказано, несомненно лингвистические: семантический, грамматический, стилистический контрастивный анализ переводов драм Чехова на венгерский язык. И учителями своими в этой проблематике она называет прежде всего лингвистов: Ф. Папп, М. Петер,

К. Клауди, – которые одновременно являются и научными редакторами ее книг.

Культурология в текстах Чехова (М. Рев). В качестве примера культурологического анализа произведений Чехова в Венгрии назовем монографию М. Рев «Чеховское начало века» (Rév 1995). Предметом анализа в этой работе является – отражение в творчестве Чехова общественно-культурной, литературной ситуации России, Венгрии, Европы начала XX века. Это отражение оказалось у Чехова настолько глубоким, в настолько характерных и типических художественных образах, что дало основание автору монографии назвать начало XX века «чеховским». Желающий познакомиться и понять это общественно-культурное состояние российского, венгерского, всего европейского общества начала XX века (начало кризиса капиталистической цивилизации) может обратиться к новеллам и драмам Чехова, и в них он найдет, что начало XX века – это «безвременье», «ситуация тупика», «нервный век», с «бегством от жизни», с «мотивом ухода», с «бесполезностью таланта» и т. д. (см. соответствующие главы в монографии М. Рев). Сами названия чеховских произведений, которые анализируются в книге М. Рев в соответствующих главах, тоже говорят об этом: «Скучная история», «Спать хочется», «Палата номер 6», «Человек в футляре» и др. В центре всей этой жизни, составляющей начало XX века, стоит «маленький человек», которого Чехов описал в мельчайших подробностях, в его поступках, поведении, мышлении, морали, психологии.

Именно эти культурологические идеи, характеризуя их, использовала М. Рев в качестве основы для сравнительного анализа новелл и драм Чехова, которые, несмотря на различие в жанре, в сюжете и др., оказались очень близкими друг к другу.

Есть в монографии М. Рев материал, непосредственно связывающий Чехова с Венгрией (к сожалению, его меньше, чем можно было бы его оформить в самостоятельные главы с соответствующими названиями). М. Рев описывает положительное отношение к Чехову в Венгрии, отзывы о нем венгерских писателей, историю переводов Чехова на венгерский язык. Кстати, сама М. Рев, цитирующая в большом количестве письма Чехова, стала тем самым их первым переводчиком на венгерский язык. Читатели (и исследователи) Чехова в России считали, что Чехов – «типический русский писатель». М. Рев показала, что Чехов одновременно и «самый европейский писатель».

Монография М. Рев – историко-культурологическое произведение. От того, что оно – не лингвистическая работа, от того, что в нем почти нет экскурсов в лингвистику, не только не снижает ценности этой работы, но, напротив, делает ее более последовательной, законченной в культурологическом аспекте. Аналогичное надо сказать и об исследованиях Э. Ч.

Йонаш. Они – лингвистические по своему предмету и методу, в них сравнительно мало того, что относится к культурологии, к истории литературы и культуры, – и это тоже повышает их лингвистическую ценность, делает их в этом отношении последовательными.

Но, как уже замечено, Э. Ч. Йонаш иногда переходит на территорию культурологии.

Неизученность культурного компонента в семантике. В семантике художественного произведения, в том числе и драмы, в большом объеме присутствует культурное, или культурологическое, содержание, которое трудно передавать при переводе на другой язык, если оперировать только лингвистическим категориями (лексика, синтаксис, стилистика, ситуация, цель сообщения и т. д.) Возможно, что культурная семантика – это даже и не семантика в обычном понимании этого слова, а некий фон для семантики, второй слой в семантике, который трудно пока в науке сформулировать, чтобы объективно его трансформировать при переводе из входного текста в выходной.

Переводчик художественного текста действуют в этом случае интуитивно. Если при переводе лексики, грамматических и стилистических форм он руководствуется уже сформулированными в лингвистической науке межъязыковыми соответствиями (см. переводные словари, сопоставительные грамматики), то при переводе культурной семантики ему не на что опереться. Конечно, иногда и в переводных словарях описывается культурный, страноведческий компонент в лексическом значении слов, но данного описания явно не достаточно для того, чтобы при переводе художественного текста осознанно, а не интуитивно, да еще в полном объеме, передавать при переводе культурную семантику.

Специалисты в области перевода, должны формулировать объективно существующие корреляции в области культурной семантики. Но очевидно, что этот предмет очень сложен. На сегодняшний день наука располагает только констатацией того факта, что описать культурные межъязыковые корреляции – можно. Э. Ч. Йонаш суммирует следующие выводы из проанализированных ею работ русских и венгерских авторитетов в этой области (М. М. Бахтин, Ю. Н. Лотман, У. Эко, Я. Балаж и др.): 1) художественное произведение с его культурной семантикой вполне **открыто** для понимания читателя на другом языке; 2) анализ перевода культурной семантики должен осуществляться с использованием **лингвистических** категорий – тех же самых лексических, грамматических и стилистических и др. языковых средств; 3) состоять этот анализ должен в **перекодировании** одного культурологического кода в другой.

Задача, которая стояла перед Э. Йонаш и которую надо было решать, была чрезвычайно сложной, тем более что эту задачу надо было решать не вообще, а конкретно, применительно к конкретным русско-венгерским

межъязыковым культурным корреляциям – относящимся к периоду написания Чеховым своих драм, к периоду перевода их на венгерский язык.

Русско-венгерские культурные соответствия. Э. Ч. Йонаш отмечает (также и с использованием графических средств) что восприятие образов Чехова венгерскими переводчиками и читателями зависит от времени перевода (чтения и постановки в театрах) чеховских драм. Так, переводчики – современники Чехова – воспринимали культурную семантику Чехова, пишет Э. Ч. Йонаш, более адекватно, чем переводчики (читатели и зрители) последующих эпох.

Обсуждая русско-венгерские культурные соответствия, как они обнаруживались в переводах Чехова в Венгрии, Э. Ч. Йонаш начинает, конечно, с исходного пункта: каков Чехов в самой русской культуре.

Основываясь на работах русских филологов (А. П. Чудаков, Г. П. Бердников и др.), в которых рассматривается общественно-культурная и литературная ситуация в России конца XIX века, Э. Ч. Йонаш анализирует тех персонажей пьес Чехова, в которых автор выражал свои идеи, свою личность (врач, прозаик, созерцатель, с женским началом, мягкий, душевный, даже «маленький человек» и т. д.).

Затем Э. Ч. Йонаш рассматривает образ Чехова в венгерской культуре. Анализируя культурную семантику в Венгрии на рубеже столетий, она отмечает, что в литературе это было время символизма, импрессионизма, неопозитивизма (как, впрочем, и в России). Сонной, серой жизни, в которой ничего не случалось, литература противопоставляла волнующие, романтические сказки, предлагала их «маленькому человеку», который был главным лицом не только в русской, но и в венгерской действительности. Э. Ч. Йонаш пишет, что произведения Чехова – целый мир, населенный «маленькими человеками», – были близки венгерскому пониманию. Конец XIX и начало XX века – это общественный и нравственный упадок. В художественной литературе получило распространение декаденство. Во всей Европе было подобное общественно-культурное состояние, а не только в Венгрии. В Европе – даже в большей степени, чем в Венгрии, так как кризис цивилизации начался в Европе. Поэтому в Германии Чехов стал переводиться раньше, чем в Венгрии. Но Чехов и в Венгрии попал на благоприятную почву.

В 20-ые годы в Венгрии создавал свои произведения Д. Костолани, творчество которого было близко творчеству Чехова. Но при переводе Чехова Костолани идеализировал чеховскую действительность, «венгеризировал» чеховских провинциальных героев, превращая, например, толстяка Тузенбаха в изящного венгерского гусара.

После Второй мировой войны (при социализме) Чехова в Венгрии (как и в России) стали связывать с идеологией мещанства, упадничества. Драмы Чехова рассматривались как «драмы без драмы». Появились соот-

ветственно и новые переводчики Чехова на венгерский язык, например Д. Хаи, И. Макаи.

В последней четверти XX века в Восточной Европе происходят изменения – приближалась «смена системы» (rendszervaltozas). В Москве работает театр на Таганке режиссера Любимова, поет свои песни Владимир Высоцкий. Аналогичное происходит и в Венгрии. Чехов снова стал актуализироваться – переосмысляться. Пришедший на смену коллективизма индивидуализм в культурной семантике оказался в согласовании с семантикой драм Чехова. Чехов снова стал в моде. Но теперь «маленький человек» не просто высказывается, как обычно у Чехова, но и хочет проявить себя в действии, стать выше других. В Венгрии снова появились новые переводчики Чехова, например Д. Шпиро, Я. Эльберт.

Но есть у Чехова, в его культурной семантике, и вечные, универсальные истины, не подверженные воздействию времени, например: ценность чувства, красота природы, красота искусства, – о которых Чехов с удовольствием говорит устами своих героев. Д. Костолани, с такими же вечными истинами в своем творчестве, достаточно точно переводил культурную семантику Чехова, хотя и не знал русского языка.

Приведенный в книгах Э. Ч. Йонаш материал интересен не только изложением в них своеобразной истории чеховской культурной семантики, как она проявлялась в текстах двух языков, но и тем, что в этом материале намечаются основные русско-венгерские межъязыковые культурные корреляции, одни из которых – изменяются от одной эпохи к другой, а другие – остаются неизменными. Задача лингвиста-исследователя состоит в том, чтобы сформулировать языковые средства, в которых выражаются в двух языках эта культурная семантика – превратив ее тем самым из культурологической в лингвокультурологическую семантику.

Литература

Комиссаров Н. В. Слово о переводе. Москва, 1973.

Комиссаров Н. В. Лингвистика перевода. Москва, 1980.

Федосов В. А. Рец.: *Cs. Jónás Erzsébet*. Kontrasztív szövegszemantikai vizsgálatok (Csehov-drámák magyar fordításai). [Контрастивное исследование текстовой семантики переводов драм Чехова] Nyíregyháza: Bessenyei György Könyvkiadó. 2001. – Slavica Quinqueecleesiensia VIII. Szerk. Lendvai Endre. Pécs, 2004. pp. 311–316.

Péter Mihály „Pár tarka fejezet csupán…" Puskin „Jevgenyij Anyegin"-je a magyar fordítások tükrében. [«Евгений Онегин» Пушкина в зеркале венгерских переводов] Budapest, 1999. 231 p.

Rév Mária. Csehov századfordulója. [Чеховский рубеж веков] Budapest, 1995.

7.5. Переводы русской поэзии и прозы на венгерский язык (Э. Ч. Йонаш)

Ниже речь пойдет о переводах русской поэзии и прозы – как эти переводы представлены Э. Ч. Йонаш в двух ее книгах:

Cs. Jónás Erzsébet. „Én írok levelet magának...” Orosz szerzők fordításstilisztikai vizsgálata. [«Я к Вам пишу…» Исследование стилистики перевода русских авторов] Nyíregyháza, 2009. 211 p.

Cs. Jónás Erzsébet. Kettős portré villanófényben. Ratkó József, Viszockij-fordításainak elemzése. [Двойной портрет в фотовспышке. Анализ переводов Й. Ратко из Высоцкого] Nyíregyháza, 2008.

Первая книга Э. Ч. Йонаш состоит из 17 разделов (очерков), опубликованных ранее в виде отдельных статей в период с 2000-го по 2008-ой год. Сам автор рассматривает свою книгу как учебное пособие для венгерских студентов-филологов по одному из учебных предметов русистики – «Анализ художественного перевода». Однако в каждом разделе книги присутствует не только теория, но и конкретный фактический материал, который можно использовать на протяжении всего обучения, в том числе и в преподавании таких учебных дисциплин, как «История русской литературы», «История русской культуры», тем более если эта литература и культура преподаются в связи с литературой и культурой Венгрии.

В качестве названия для своей первой книги проф. Э. Ч. Йонаш использовала выражение, ставшее уже венгерским афоризмом: «Én írok levelet magának…» («Я пишу письмо Вам…»), который явился переводом на венгерский язык начала письма Татьяны к Онегину: «Я к Вам пишу…», являющееся афоризмом также и в русском языке. Афоризм этот – перевод на венгерский язык, сделанный в 1954 году поэтом Л. Априли. Но есть еще один вариант венгерского афоризма: «Én írok önnek…» («Я пишу Вам…»), являющийся переводом письма Татьяны в 1866 году (за 100 лет до этого) венгерского поэта К. Берци. Именно этот перевод «Евгения Онегина» Пушкина был наиболее известен в Венгрии. К 1951 году он вышел уже 21 изданием. Благодаря переводу К. Берци, в венгерской литературе появился свой жанр романа в стихах.

А. Пушкин. В первой книге есть раздел, специально посвященный переводу письма Татьяны к Онегину из романа А. Пушкина, правда, сделанный более поздними переводчиками – Л. Априли и А. Галгоци. Этот раздел называется «Возможности сопоставления риторических фигур» (с.18–26). Одной из таких риторических фигур является повторение слов, усиливающее в тексте выражение какого-либо чувства. В письме Татьяны

есть такие повторы: «*хоть* редко, *хоть* в неделю раз…»; «всё *думать, думать* об одном…» Автор пишет: «…второе слово очень важно, потому что указывает на интенсивность чувства…» (с. 22). Однако названные переводчики не использовали эти повторы. Например, вместо «всё *думать, думать*…» переведено: «беспрестанно, всё время думать…», в результате чего, замечает Э. Ч. Йонаш, стилистика в переводе не передается, – а только содержание.

И дело здесь не в том, что венгерский язык не терпит повторов. Если требуется, то и в венгерском языке могут повторяться слова. Автор книги приводит в качестве примера стихотворение Э. Ади «От Эра до Океана», где повторяются сначала: «если…если…если», а затем – «хочу…хочу». Русский переводчик Л. Мартынов передал не только содержание этого стихотворения, но и его стилистику – используя повтор: «пусть…пусть…пусть», что, утверждает Э. Ч. Йонаш, «несомненно повышает уровень стилистической эквивалентности перевода» (с.25).

В книге есть еще один раздел, посвященный Пушкину (с.27–33), – о переводе его стихотворения «Телега жизни», сделанного А. Галгоци.

Когда в школе изучают это стихотворение, то сначала учитель говорит ученикам, что Пушкин поездку на лошадях от одного города до другого (тогда поездов и автобусов не было) сравнивает с жизнью человека, которая складывается из молодого, среднего и старого возраста. Учитель предлагает ученикам найти в стихотворении эти этапы в жизни человека – и соответствующие этим этапам характеристики этой жизни. Ученики находят: «С утра…мы рады голову сломать» (это молодость); «Но в полдень нет уж той отваги; порастрясло…» (это середина жизни); «Под вечер мы привыкли к ней…и дремля едем до ночлега…» (это старость, а ночлег – смерть).

В своем переводе А. Галгоци допускает отступление от оригинала, например: у Пушкина – «садимся в телегу», в переводе – «садимся храбрым витязем», у Пушкина – «уж нет отваги», в переводе – «кровь холодеет», у Пушкина – «едем до ночлега», в переводе – «ждем ужина».

Э. Ч. Йонаш объясняет допущенные переводчиком отступления от оригинала особенностями венгерской национальной культуры. Э. Ч. Йонаш пишет: «Цель – общая и у оригинала, и у переводчика. Но по-разному концептуализируются детали у русского Пушкина – в русской культурной сфере, и у венгерского переводчика – в венгерской культурной сфере…» (с.29).

В дополнение к этому анализу Э. Ч. Йонаш дает анализ перевода на русский язык стихотворения Э. Ади «В дороге на телеге ночью», сделанного русским переводчиком Н. Тихоновым («Телега в ночи»). Переводчик тоже допускает отступления от оригинала, которые Э. Ч. Йонаш снова объясняет различиями «концепта жизни» в русской и венгерской культуре.

А. Грибоедов. В разделе о А. Грибоедове речь идет о том, как переводятся «говорящие имена» в драме Грибоедова «Горе от ума». Э. Ч. Йонаш пишет, что «говорящие имена» у Грибоедова (*Молчалин, Тугоухов, Репетилов*) – это иконические знаки, которые в русском тексте участвуют в передаче содержания (семантики текста), а в венгерском тексте они это содержание не передают, – становятся просто знаками, с условной связью между значением и обозначением. Возникает вопрос: не следует ли, чтобы улучшить перевод, переводить также и «говорящие имена», например: *Мочалин – Hallgatag, Репетилов – Sajkozó* и т. д. Но автор пишет, что практика перевода показывает, что этого делать не следует. Действительно, настоящий знак – это знак с безусловной связью между его сторонами, хотя возникают знаки как иконические, например ребенок вначале ворону называет *Кар-кар!*, а когда ему больно, кричит *Ой!* Но затем у него происходит замена этих «говорящих имен» настоящими знаками: *Кар-кар! → ворона; Ой! → больно* и т. д. Кстати, для большинства русских читателей, тем более для школьников, изучающих Грибоедова, имя *Репетилов* уже ни о чем не говорит – превратилось в настоящее имя (знак).

Э. Ч. Йонаш заключает, что не надо переводить «говорящие имена». Надо делать сноски внизу страницы и там производить этот перевод.

М. Лермонтов. В третьем разделе книги обсуждаются «Риторические приемы в художественном переводе» (с.34–45) на материале перевода стихотворения М. Лермонтова «Выхожу один я на дорогу» (переводчики Л. Латор и А. Галгоци).

Поэтических образов в этом стихотворении очень много: «кремнистый путь», «пустыня внемлет Богу», «звезда с звездою говорит» и др. Ученики в школе объясняют эти образы путем «перевода» их в обычные, «безобразные» сочетания слов: «кремнистый путь» – «каменистый путь» и т. д. (см. словарь Ожегова).

При переводе этих образов на венгерский язык (вышеназванными переводчиками) обнаруживаются расхождения между оригиналом и переводом, например: «кремнистый путь» (у Лермонтова) – «дорога с камушками» (у переводчиков) и др. Автор книги пишет: «Русские считают очень поэтичными описание горного пейзажа…; буквальный перевод этого словосочетания («кремнистый путь») на венгерский язык не сохраняет ореола поэтичности, ведь в Венгрии нет такого пейзажа» (с. 36). Поэтому надо было перевести в соответствии с «культурной памятью венгерского читателя о природе Карпатского бассейна» (с. 36). Автор далее приводит примеры иной передачи лермонтовских образов, вызванные, по ее мнению, особенностями венгерской «культурной памяти», например: «звезда с звездою говорит» (у Лермонтова) – «звезда звезде-товарищу шепчет» (у переводчиков); «спит земля в сиянье голубом» (у Лермонтова) – «спать без мыслей» (у переводчиков); «холодный сон могилы» (у Лермонтова) –

«леденящая смерть» (у переводчиков) и др. Можно было бы допустить, что переводчики не вполне справились со своей задачей. Но автор настаивает: «Переводчики владеют русским языком на высоком уровне. Всё, что они изменили в тексте, вытекает из их мироощущения, их коннотаций» (с. 41). Автор рассматривает книги придерживается убеждения, что общение между представителями двух языков – это общение между представителями двух культур. В частности, то, что у Лермонтова является образом, в венгерской культуре может и не быть образом. Переводчик должен в венгерской культуре найти соответствующий образ. Если же переводчик не находит, то он переводит без образа – переводит только содержание, что, конечно, ухудшает перевод (см. с. 41–42).

Л. Толстой. Интересным является раздел, в котором речь идет о переводе на венгерский язык описания невербального общения между героями романа Л. Толстого «Анна Каренина»» (с.46–54). Классифицируются виды соматического общения следующим образом: 1) жесты (движения рук), 2) телодвижения, 3) мимика (выражение лица), 4) из последнего выделяется взгляд.

Каждый из названных способов невербального общения традиционно подразделяется на два вида. Первый вид – имеет знаковый характер: всё общество знает, что обозначает данный жест, взгляд и т. д., в результате чего жест, мимика становятся в обществе дополнительным – к словесному языку – средством общения (такие невербальные средства описываются в специальных словарях). Второй вид жестов, мимики не имеет знакового характера, однако в сочетании с жестами, мимикой знакового характера, тем более – в сочетании со словесными знаками, тоже передают информацию.

Проф. Эржебет Йонаш (справа) и проф. Т. Н. Чернявская (Институт русского языка им. Пушкина, Москва). (Книги Э.Ч. Йонаш о переводах русской литературы на венгерский язык)

При переводе описаний соматических движений персонажей Л. Толстого переводчик обращает внимание (пишет Э. Ч. Йонаш) прежде всего

на те, которые имеют знаковый характер, тем более если они являются таковыми же и в целевом языке, например: опустить голову как знак «смущения» у русских и венгров. В таком случае перевод не представляет большой трудности (подавляющее большинство знаковых телодвижений у русских и венгров имеют одинаковые значения). При переводе описания незнаковых телодвижений, а также тех знаковых, которые не имеют соответствия в целевом языке, – возникают определенные трудности при переводе. Перевод в этом случае получается более пространным – надо объяснять читателю телодвижения.

Все приведенные в разделе примеры описаний телодвижений персонажей в романе «Анна Каренина» имеют в русском обществе знаковый характер, например: смотреть в глаза, в лицо («внимательно слушать»), закрыть глаза (например, от «удовольствия»), опустить голову («смущение»), поднять плечи, брови («удивление»), встать, чтобы уходить («закончить разговор») и др., в том числе и дотрагиваться до висков («удивление, ужас»). Автор книги пишет, что в венгерской культуре только последний жест не является знаковым, поэтому переводчик заменил его соответствующим венгерским знаковым жестом «хвататься за лоб» (с. 53), который, кстати, является знаковым и у русских – с тем же значением.

Надо заметить, что если применительно к отдельным языкам соматические средства описаны достаточно неплохо, то в сопоставительном плане, от чего зависит успех и точность перевода, – хуже. Отсутствует, например, и русско-венгерский (венгерско-русский) словарь жестов.

А. Блок. В разделе о А. Блоке (с.53–63) Э. Ч. Йонаш пишет о переводах его стихотворения «Демон» двумя венгерскими переводчиками (Л. Латор, А. Галгоци) и, в дополнение, о русском переводе стихотворения «Осень в Париже» венгерского поэта Э. Ади.

А. Блок и Э. Ади – поэты конца XIX – начала XX века, когда буржуазное общество, начавшееся в эпоху Ренессанса (именно тогда в литературе появился реализм и, соответственно, «золотой» век литературы), к началу XX века входило в «кризис цивилизации»». Монополии и глобализация (империализм) губил свободное предпринимательство и деятельного человека; частнособственническая мораль превращалась в безнравственность. Писатели не хотели описывать такую жизнь и уходили от реализма в любой модернизм (символизм, имажинизм, акмеизм и пр.). Реализм оставался только как критический реализм (А. Чехов); правда, появился и героический реализм (М. Горький) – с требованием переустройства общества.

А. Блок и Э. Ади – поэты-символисты, причем мистического толка. Переводчикам нередко было трудно понять их символы и часто, переводя эти символы, переводчики создавали свою картину. По мнению, Э. Ч. Йонаш, в стихотворении А. Блока лирический герой безнадежно борется с

демоном. В переводе же Л. Латора лирический герой – это Прометей, который защищает всё человечество, у него много сил, и он, возможно, победит демона. А. Галгоци переводил, что с демоном борется вовсе не мужчина, а женщина, которую, с ее жаждой земной любви, демон сбрасывает, как камень, вниз в пустоту.

Подобное разнообразие происходит и с переводом стихотворения Э. Ади – символиста с «мифическим восприятием жизни», как о нем пишет Э. Ч. Йонаш (с. 61). Мистическое содержание стихотворения «Осень прокралась в Париж», возможно, и понял переводчик Л. Мартынов, но, будучи советским, реалистическим поэтом, он, скорее всего, не хотел передавать всю мистику – и создал перевод вполне реалистический, объяснив это тем, что и сам Э. Ади когда-то создавал вполне реалистические образы («поэт Хортобади»).

Э. Ч. Йонаш склонна объяснить всю эту неэквивалентность в переводах различиями в компонентах двух национальных культур. У А. Блока в стихотворении «Демон» присутствуют компоненты русской национальной культуры, а у его переводчиков – компоненты венгерской национальной культуры (с. 62).

А. Чехов. Есть в книге и раздел о А. П. Чехове. А. П. Чехов несомненно был представителем критического реализма, но не в такой степени, как Н. Гоголь, у которого каждый персонаж был со «свиным рылом». Кстати, чтобы пьеса жила на сцене, вела за собой зрителей, в ней обязательно должны быть герои со своими подвигами, либо это должны быть «свиные рыла». У Чехова лишь иногда в персонажах проглядывают «свиные рыла», а так они совершенно нормальные, даже красивые люди: ничего не делают, говорят о самых пустых вещах и т. д. И оказалось, что такой театр – театр Чехова – может существовать в соответствии с эпохой (начало XX века), даже захватывать зрителей, которым интересно посмотреть на самих себя, тоже ничего особенно не делающих, говорящих о пустяках и т. д. Такой театр захватил не только Россию, но и целый мир, в том числе и Венгрию.

То, что пьесы А. Чехова очень просты по содержанию, а еще проще по языку, позволяло венгерским переводчикам вести себя достаточно свободно, отступать от оригинала, проявлять свою индивидуальность. Э. Ч. Йонаш отмечает три направления в этом отношении: 1) одни переводчики переводят в «хорошем тоне» (А. Габор), а другие добавляют грубые, даже сальные фразы (Я. Эльберт); 2) одни переводчики не обращают внимание на социальную принадлежность героев – употребляют общие для всех них слова (Д. Хаи), для других переводчиков очень важно, к какой социальной группе принадлежат персонажи, чтобы снабдить их соответствующими словами (И. Макаи); 3) третьи переводчики (кто жил не в Венгрии, а на Западе) не знали русского языка; будучи прежде всего поэтами, переводи-

ли Чехова с немецкого языка с использованием своих собственных поэтических выражений, например – в обращении к женщинам: «сладкая моя», «душа моя» и другие слова, отсутствующие в оригинале (Д. Костолани).

Б. Пастернак. Сложность перевода романа Б. Пастернака «Доктор Живаго» (с. 96–116), пишет Э. Ч. Йонаш, составляет прежде всего то, что в одном лице подается герой романа и рассказчик. Впрочем, это является сложностью не только для переводчика, но и для читателя этого перевода, а также и для читателя оригинала.. В таком повествовании, по сути дела, не различаются: 1) текст (рассказ о жизни доктора Живаго), 2) метатекст (он сам о себе рассказывает), 3) мета-метатекст (обо всем этом рассказывает Пастернак).

Э. Ч. Йонаш пишет и о другой сложности романа Б. Пастернака, которую не каждый читатель (как оригинала, так и перевода) способен преодолеть, вследствие чего многие и не читают этого романа.

Главный персонаж в романе – интеллигент, индивидуалист. Эгоист, он не в состоянии принять участие в революции на какой-либо стороне. Начитанный, он только и может рассуждать о «конечных целях» человечества, цитируя Библию, швейцарского поэта-романтика Ведекинда, философию Л. Толстого, «светоносного» Пушкина, «светозарного» Чехова, «словесное недержание» В. Даля, Блока и еще раз Блока; тут и Гете, и Достоевский, и Стендаль, и Диккенс, и Клейст и мн. др.

Э. Ч. Йонаш пишет: «Из-за недостатка читательской компетентности в мировой и русской литературе, семантическое содержание текста Пастернака претерпевает потери в венгерской среде» (с. 103). И не только в венгерской среде, добавим мы, но и в русской среде. Кто из русских читателей знает о том, о чем говорил в свое время Ведекинд, Стендаль, Диккенс и др. по тому или другому вопросу «судьбы человечества»? Э. Ч. Йонаш выражает сочувствие переводчику Ю. Пор, которому было трудно все это переводить, но, тем не менее, Э. Йонаш требует от переводчика для венгерского читателя «большей добавочной поддержки со стороны переводчика» (с. 103). Например, нужны обязательно подстрочные примечания, хотя они и не решают всей проблемы. Э. Йонаш предлагает также организовать в интернете библиотеку по роману «Доктор Живаго», чтобы объяснять, что говорил Ведекинд, в чем состоит философия Л. Толстого и др.

Роман заканчивается главой, в которой собраны стихи доктора Живаго – стихи Пастернака. Э. Ч. Йонаш анализирует сначала первые два четверостишия стихотворения «Август», которые, несмотря на то, что в них есть образы, их вполне можно достаточно точно перевести на венгерский язык. Но если учитывать, что у стихотворения есть продолжение с еще двумя следующими друг за другом сюжетами (православный праздник Преображение и прощание с жизнью главного персонажа), перевод пер-

вых двух строф надо делать заново. Э. Ч. Йонаш пишет, что переводчик Ю. Пор сделала этот перевод с учетом венгерской культуры, венгерского национального искусства, венгерских живописцев-импрессионистов, которые хорошо рисовали натюрморты и накрытые к завтраку столы (с. 108). У Пастернака таким образом выражена русская национальная культура – русская «логоэпистема», а у переводчика – венгерская «логоэпистема».

Э. Ч. Йонаш остается верной своей идее (которая проходит у ней через всю книгу), что при переводе можно заменять одну национальную культуру на другую, тем более – при художественном переводе, который является «многодисциплинарным» (с. 111).

М. Шолохов. Следующий раздел в книге Э. Ч. Йонаш (с. 117–127) посвящен М. Шолохову. М. Шолохов – прямая противоположность Б. Пастернаку. Пастернак знает о мире из художественной литературы; видел мир из окна своей дачи в Переделкине под Москвой. Когда появился его роман «Доктор Живаго», его сразу, в то жестокое время идеологической войны, решили на Западе использовать как пропагандистский. Роман сразу опубликовали на Западе, сразу же его автору дали Нобелевскую премию.

М. Шолохов знал мир непосредственно, – был участником основных его событий. Именно поэтому он и смог создать эпопею XX века «Тихий Дон». Нобелевский комитете только через 20 лет присудил ему премию – дальше неудобно было тянуть это дело.

Трудности перевода романа Пастернака с русского языка на венгерский – это трудности перевода рассуждений многочисленных авторов художественной литературы, которых цитировал начитавшийся этой литературы интеллигент доктор Живаго в своих суждениях о судьбах человечества.

Трудности перевода романа М. Шолохова – это трудности передачи на венгерском языке самой жизни, которая разворачивалась тогда в революции в России, в частности – в передаче языка, на котором говорил русский народ. А русский народ говорил прежде всего не на литературном языке (язык дворян и интеллигентов), а на народном, диалектном языке.

Как переводить диалектизмы? Вот какой вопрос вставал перед венгерскими переводчиками М. Шолохова.

Переводчик романа «Тихий Дон» И. Макаи переводил донские диалектизмы с использованием своего родного говора – города Хайдубесермень, тем более что затисайские гайдуки, как вспоминает переводчик, похожи были, в своей свободной жизни, на донских казаков. Э. Ч. Йонаш приводит примеры перевода, разделяя его на два вида: 1) эквивалентный перевод: ситуация есть и в Венгрии – в этом случае использовались русские лексические диалектизмы; 2) адаптация: ситуации нет в Венгрии – в

этом случае использовались фонетические и грамматические диалектизмы родного говора переводчика.

Но возможен и 3-ий вид: неизвестно, есть ли такая ситуация в венгерской жизни или нет, потому, например, неизвестна, что неизвестно значение слова – диалектизма, который называет эту ситуацию. После того, как слово становится известным, ситуация подводится под первые два вида перевода. И. Макаи вспоминал, что он не знал очень многих диалектизмов в романе. Поэтому отправился к Шолохову в Вешенскую станицу и пробыл там три недели, изучая местный диалект, но самое главное (как говорил он) – узнавая, что именно составляет поэтику в местной донской жизни, которая ложилась в основу шолоховских образов (см. Тарда 1988). В итоге перевод романа Шолохова «Тихий Дон» на венгерский язык, как отмечает Э. Ч. Йонаш, получился очень качественный.

В. Высоцкий. Пять разделов в первой книге посвящены В. Высоцкому – переводу его стихов-песен венгерским поэтом Й. Ратко (см. также вторую книгу: Йонаш 2008). Э. Ч. Йонаш сначала характеризует венгерского поэта Ратко, который был пессимистом, не хотел жить на свете, заявлял всем, что хочет уйти из жизни. И вдруг он обнаруживает, что есть еще такой же поэт – Высоцкий, который тоже пьет водку и принимает наркотики и которому водка и наркотики тоже не помогают: «Сыт я по горло, до подбородка». Э. Йонаш анализирует перевод песни Высоцкого с этим названием, сравнивая, как концепт «сокрытия себя» проявляется у Высоцкого и у Ратко. Никто из этих двух поэтов специально не объясняет, почему с ними всё это так происходит. Объясняет Э. Ч. Йонаш: «Их поэзия была верным отражением второй половины 20-ого века, жизни в Восточной и Средней Европе при социалистическом режиме» (с. 131). И далее пишет: «Оба они проходили трагическую дорогу бунтующих певцов…., своей жизнью протестуя против режима данной эпохи» (с. 167), – и приближая (добавим мы) «смену режима» (rendszerváltozás).

В следующей песне Высоцкого «Нет меня – я покинул Расею» тоже, можно сказать, выражается концепт «сокрытия себя», – как у самого Высоцкого, так и у его переводчика Ратко. Здесь Э. Ч. Йонаш обращает внимание на сленговые слова у Высоцкого. Высоцкий действительно начинал свою песенную карьеру с блатных песен – песен уголовников, заключенных, преступников, поэтому хорошо знал эту лексику. Затем он старался употреблять эту лексику меньше. Так, в названной песне, состоящей из 7-ми куплетов, всего два блатных слова: «вякнул», «умотал».

Э. Ч. Йонаш анализирует расхождения между оригиналом и переводом («параллелизм фигур и тропов»), например: у Высоцкого – «а там за дело, в ожиданье виз», у Ратко – «буду свободным, трезво жить» (с. 149), которых очень много и которые на сей раз трудно объяснить расхождением между культурами русской и венгерской нации. Э. Ч. Йонаш пишет:

Ратко переводил Высоцкого прежде всего «для себя», в связи с чем Э. Ч. Йонаш выделяет три типа перевода: 1) перевод оригинала (настоящий перевод), 2) перевод для читателя, 3) перевод для себя (с. 152).

Песни Высоцкого относятся к 60-ым годам. Ратко переводил их в 80-ые годы, через 20 лет. Однако он был ровесником Высоцкого и помнил те реалии, о которых пел Высоцкий, например о реалиях в песнях «Письмо на сельхозвыставку» и «Письмо с сельхозвыставки» (сельхозвыставка – это выставка достижений сельского хозяйства в Москве, затем ВДНХ). Современная молодежь ничего не знает об этих реалиях. На данном материале Э. Ч. Йонаш обсуждает некоторые вопросы семиотики: иконические знаки времен Высоцкого у современной молодежи превращаются в символические знаки, пишет она (с. 155–156). Можно даже сказать, что многие бывшие знаки вообще перестают быть знаками для современной молодежи. Если названные две песни переводить на венгерский язык, надо обязательно делать (советует Э. Ч. Йонаш) подстрочные примечания – объяснять эти знаки для современной молодежи.

Последняя песня Высоцкого, перевод которой анализируется в книге, – это «Песня о Судьбе». В ней Высоцкий, а вслед за ним и Ратко, сравнивают свою судьбу с судьбой бездомной собаки. Э. Ч. Йонаш объясняет: «..метафора собаки выражает человека, борющегося за жизнь, за свободу» (с. 171).

Главная песня Высоцкого (которая, к сожалению, в книге осталась без анализа) – это «Песня о друге». Высоцкий поёт: «Если парень в горах не ах, если сразу раскис и – вниз, ты его не брани – гони!» Парню надо бы помочь, а не гнать от себя. Но друг только тот (поет Высоцкий), кто тебе помогает: «Но когда ты упал со скал, он стонал, но тебя держал».

Таким образом, Высоцкий и Ратко жили раньше своего времени, когда был социализм, коллективизм и обоим поэтам было плохо. Теперь, после «смены режима», при капитализме, при частнособственнической морали, они, наверное, оба были бы счастливы. Э. Ч. Йонаш верно пишет, что песни Высоцкого «сегодня обнаружились в полной мере» (с. 147).

В. Ерофеев. Начав с Грибоедова и Пушкина («золотой век» русской литературы), Э. Ч. Йонаш, в анализе переводов русских писателей на венгерский язык, доходит до современной постмодернистской литературы – до В. Ерофеева. Она анализирует перевод его фельетона «Бог бабу отнимет, так девку даст» (переводчик Л. Хорват). В целом перевод оценивается ею положительно. Но Э. Ч. Йонаш одновременно замечает: «Кроме положительных решений переводческих задач, есть и неудачи. Самая основная – это перевод слова «баба», начиная с заглавия и продолжая в течение всего текста» (с.185). Э. Ч. Йонаш приводит 17 примеров неточного перевода.

В. Ерофеев был больной человек (алкоголик). Но когда он написал повесть «Москва – Петушки», его объявили классиком русской литературы. Петушки – это станция на железной дороге от Москвы до Владмира, до которой ездил на электричке Ерофеев. Кстати, Ерофеев учился также и во Владимирском педагогическом институте, из которого его тоже исключили за пьянство. Теперь во Владимирском университете на филологическом факультете есть памятная доска в честь В. Ерофеева.

В заключение надо сказать, что значение книг Э. Ч. Йонаш состоит не только в том, что в них излагается теория художественного перевода, но и в наличии в них очень интересного фактического материала – для конкретной работы со студентами-русистами в течение всего их срока обучения, не только по **переводу** с русского языка на венгерский, не только по **языку** русской и венгерской художественной литературы, но и – шире – по русской и венгерской **литературе** в ее общественном контексте.

Завершая разговор о том, как в венгерской русистке исследовался язык русской художественной литературы, отмечая, что большой вклад в эти исследования внесли Э. Ч. Йонаш, М. Петер, Б. Татар, М. Рев и др., надо сделать и тот вывод, что в венгерской русистике тема «Язык русской художественной литературы» получила достаточно обстоятельное описание.

Литература

Торда И. Галерея переводчиков. 1-4. Венгерские новости. Будапешт, 1988.

Федосов В. А. Рец.: Cs. Jónás Erzsébet. „Én írok levelet magának...” Orosz szerzők fordításstilisztikai vizsgálata. [«Я к Вам пишу…» Исследование стилистики перевода русских авторов] Nyíregyháza, 2009. Вестник № 23 Российского культурного центра. Будапешт, 2009. с.150–175.

Заключение

Русистика в Венгрии. Русистика – это наука о русском языке и его преподавании; это описание русской литературы; это даже русская культура. Русистика в Венгрии включает в себя все эти разделы.

Есть ли различие между терминами: «русистика в Венгрии» (a ruszisztika Magyarországon) и «венгерская русистика» (a magyar ruszisztika)? Кажется, что «русистика в Венгрии» предполагает признак **территории:** русистика создается в Венгрии, в том числе ее создают и представители других стран (публикуют статьи о русском языке в венгерских журналах и выступают на венгерских конференциях по русскому языку). В случае «венгерской русистики» подразумевается признак **национальности**: венгерскую русистику создают только венгры, даже если они публикуют свои работы о русском языке (участвуют в конференциях по русскому языку) в других странах.

Возможно соединение вместе этих двух признаков (территории и национальности): венгерская русистика создается только на территории Венгрии и только венграми по национальности. Именно в таком виде представлена русистика (славистика) в Bibliográfia 1990. Редактор названной Библиографии проф. Иштван Ньёмаркаи пишет в Предисловии: «Библиография содержит труды венгерских авторов, опубликованных на территории Венгрии. Таким образом, в ней нет работ венгерских авторов, опубликованных за рубежом, а также работ не венгерских авторов, вышедших в нашей стране» (Bibliográfia 1990, с. 9). Но как быть с венгром проф. Шандором Ротом, который опубликовал в Венгрии много важных работ о русском языке (о славянских языках), но жил не в Венгрии? Было бы в высшей степени несправедливо исключать его работы из венгерской русистики (славистики). И редактор вышеназванной Библиографии пишет: «…Шаму Цамбеля и Шандора Рота мы причисляем к венгерским авторам, поэтому в Библиографию включены их работы, опубликованные на территории исторической Венгрии (там же, с. 9). Признак территории, таким образом, восстановлен («территория исторической Венгрии»). Соединенный с национальным признаком территориальный признак дает основание считать названных русистов (славистов), принадлежащими к венгерской русистике (славистике). А как быть с другим венгром – проф. Андрашом Золтаном, основные работы которого опубликованы в Москве, ведь Москва не находится на территории исторической Венгрии? Получается, что эти работы нельзя относить к венгерской русистике (славистике)?

Вообще говоря, с учетом территориального и национального признаков (их наличия или отсутствия), – образуется следующая система венгерской русистики:

Русистика	в Венгрии	авторы-венгры
1.	+	+
2.	+	-
3.	-	+
4.	-	-

1-ый вид венгерской русистики: русский язык описывается только в Венгрии и только венгерскими авторами. Примером может быть русистика (славистика), представленная в вышеназванной библиографии: Bibliográfia 1990.

2-ой вид венгерской русистики: русский язык описывается только в Венгрии, но авторами могут быть и представители других стран, выступающих в Венгрии. Именно такая венгерская русистика представлена в венгерских журналах: Studia Slavica Hung. (Будапешт), Slavica (Дебрецен), Studia Russica (Будапешт) и др. Венгерскую русистику составляют и доклады на международных конференциях, которые проводятся в Венгрии (в том числе и в Российском культурном центре в Будапеште) – с участием не только венгров, но и докладчиков других стран.

3-ий вид венгерской русистики составляют работы по русскому языку, выполненные только венграми, причем не только на территории Венгрии, но и на территории других государств (публикации, выступления венгров на конференциях по русскому языку в России, в Болгарии, в Польше и т. д.). Однако соответствующая библиография не составлена, хотя в принципе такая венгерская русистика, с использованием только национального признака, существовать может (примером могут быть работы проф. А. Золтана, которые он в большинстве своем публиковал в Москве). **4-ый вид** русистики – это не венгерская русистика: русский язык описывается не в Венгрии и не венграми, например: польская русистика, русистика во Франции и т. д.

Таким образом, венгерская русистика может существовать только в 3-х видах, но обычно – во 2-ом виде: венгерская русистика создается на территории Венгрии с участием (в журналах, на конференциях) и представителей из других стран. Реален и 1-ый вид, когда территориальный признак дополняется национальным: венгерская русистика создается на территории Венгрии самими венграми (см. Библиография 1990). Возможен и 3-ий вид: венгерская русистика создается только венграми на любой территории (библиография не составлена).

Что касается терминов «венгерская русистика» и «русистика в Венгрии», то кажется, что это – все-таки синонимы, значение которых распространяются на все виды венгерской русистки.

В настоящей книге венгерская русистика описывается в своем 1-ом варианте: это научные исследования по русскому языку, выполненные на территории Венгрии с участием в этих исследованиях только венгерских авторов. Разумеется, называются в книге и работы русских авторов, опубликованные в России, так как венгерская русистика развивается «в содружестве» с русистикой России, где русский язык является основным. Но эти русские авторы, тем более с публикациями в России, к венгерской русистике не относятся.

Языковедческая русистика в Венгрии. Языковедческая русистика состоит из 3-х частей: 1) наука о русском языке, 2) наука о языке художественной литературы, 3) преподавание русского языка. Эти три части описываются в тесной связи друг с другом. Связаны друг с другом наука о русском языке и его преподавание, прежде всего в преподавании вузовского курса «Современный русский язык»: преподаватель этого курса обязательно создает свою теорию (науку) русского языка и на ее основе формулирует принципы ее практического применения – при анализе языковых фактов, при говорении и слушании студентов на русском языке.

В курсе «Современный русский язык» обычно объединяются в одном учебнике все основные отделы русского языка: фонетика, морфология, синтаксис и др., см., например: «Курс современного русского языка» (Болла, Палл, Папп 1968); либо каждому их этих отделов языка посвящается отдельный учебник, см., например, шесть учебников, образующих курс «Современного русского языка» у проф. И. Пете; один из этих учебников: Pete 1997.

В первом учебнике современного русского языка (Болла, Палл, Папп 1968) новым научным подходом является изложение русской грамматики на базе порождающей грамматики Н. Хомского, в связи с чем этот принцип выдвигается Ф. Паппом в качестве главного требования при описании научных и практических грамматик русского языка: грамматику русского языка надо описывать как грамматику-автомат, которая порождает и распознает русскую речь. К сожалению, порождающая грамматика Н. Хомского и грамматика-автомат Ф. Паппа являются сугубо формальными грамматиками – без значения, без семантики, – и никакой речи породить не могут. Неслучайно сразу после «Формального синтаксиса» Ф. Паппа в названном учебнике помещается «Семантический синтаксис» (Э. Палл).

Но Ф. Папп прав в том отношении, что, описывая русский язык (как в научных, так и в практических целях), надо описывать не только его

письменную форму, но и устную; что при объяснении русского языка венгерским студентам – надо сопоставлять русский язык с венгерским.

Научные идеи, разрабатываемые И. Пете в его учебниках по «Современному русскому языку». – это прежде всего идеи метаязыка лингвистики, на основе которых надо описывать русский язык как в теории, так и в практике: 1) надо минимизировать описываемый материал, 2) дефиниции понятий о языке должны быть строгие, 3) строгой, в соответствии с логикой, должна быть и классификация этих понятий, 4) для объяснения понятий русского языка надо привлекать понятия венгерского языка, 5) основная терминология должна быть традиционной, новая терминология должна вводиться на основе традиционной.

В тесной связи с теоретическим курсом находится практическая грамматика русского языка. Чтобы студенты могли успешно осваивать грамматику, им сообщались разные научные способы систематизации грамматического материала: «контрастивные блоки» (Ferenczy 1969), «структурные схемы» предложения (Jónás 1996) и др. Во всех случаях необходимо обращать внимание на «трудные случаи» русской грамматики, которые определялись на основе сопоставления русского языка с венгерским: «трудными случаями» являются те явления русского языка, у которых нет соответствий с венгерским языком.

Преподавание русского языка – тоже русистика. Знакомясь с венгерскими учебниками русского языка для начального обучения, можно узнать, с чего начинается его овладение учащимися, с чего начинается русский язык, с чего начинается его развитие.

В самом начале в этих учебниках предлагаются ученикам однословные предложения, прежде всего – междометные предложения. Затем преподаются «настоящие» однословные предложения: *Школа;* далее – полутораслovные предложения: *Вот школа*. Эти предложения помещаются в учебниках обычно рядом с рисункам (которые указывают на значение этих предложений). Венгерские школьные учебники начального обучения дают для научных исследований богатый языковой материал. Богатый материал представляет науке и обучение русскому языку венгерских дошкольников. В Венгрии такое исследование провел проф. Жолт Лендьел со своим коллективом, изложив результаты исследования в коллективной монографии «Alfa-bázisa» (Lengyel 1986).

Ж. Лендьел сформулировал следующие этапы в освоении русского языка: 1) освоение первичных высказываний, не членимых пока на слова, называющих ситуацию; 2) освоение лексики путем расчленения первичных высказываний на слова (называющих элементы ситуации); 3) освоение грамматики на основе сопоставления лексики (грамматика маркирует лексику в зависимости от ее значения и ее связей в предложении); 4) освоение фонетики на основе сопоставления разных по значению слов (и мор-

фем), но близких по звучанию. Именно в таком порядке: высказывание → лексика → грамматика → фонетика, – осваивается не только иностранный язык, но и родной. В таком же порядке надо и анализировать язык и в научных работах. Обычно же русский язык (и венгерский) описывается в науке в обратном порядке: фонетика → грамматика → лексика → предложение. Преподавание языка поставляет, таким образом, науке о языке оригинальные идеи, которые, однако, в науке не используются. Более того, учебники русского языка даже не включаются в библиографии по русистике (см.: Bibliográfia 1990, Slavica 1999).

Преподавание русского языка (а также и научное изучение русского языка) в венгерской русистике подразделяется на три периода.

Первый период (1849–1949 гг.) описан в двух книге д-ра Кальмана Кишша (Kiss 1995). Второй (1949–1989 гг.) и третий период (после 1989 г.) (отчасти и первый период) – проанализировал в своей книге «Преподавание русского языка в Венгрии» проф. Иштван Бакони (Бакони 2000).

Второй период в истории преподавания русского языка – это время обязательного его изучения, что обусловило активное развитие методики его преподавания. Появились новые учебные предметы, например страноведение и лингвострановедение. Страноведение – это информация о стране изучаемого языка, лингвострановедение – это лексика, выражающая страноведческие понятия (эквивалентная, безэквивалентная, ключевые слова и др.). Во второй период сложилась новая форма обучения иностранному языку – включенное (в языковую среду) обучение: в течение полугодия все венгерские студенты изучают русский язык в стране этого языка, где преподавателями являются русские учителя, а языковая среда организовывается посредством специальных мероприятий, чтобы она эффективно способствовала освоению русского языка (о включенном обучении см.: Федосов 1997).

Третий период в истории преподавания русского языка в Венгрии начался после «смены системы» (rendszerváltozás). Разрушенная политическим, экономическим и моральным кризисом, Россия перестала представлять для Венгрии (и в мире) какой-либо особый интерес. Русский язык в Венгрии по сути дела перестал изучаться. Иностранные языки в Венгрии, в том числе и русский язык, стали преподаваться прежде всего как деловые языки (этого требовала рыночная экономика).

Преподавание русского языка описано в венгерской русистике достаточно полно. Преподавание в первый период описал К. Кишш, преподавание во второй (и третий) период описал И. Бакони. Автор этих строк тоже написал книгу о преподавании русского языка в Венгрии (Федосов 2015).

Что касается научных исследований в области русского языка, которые проводились в основном во втором периоде венгерской русистики, то они изложены, можно сказать, только в настоящей книге.

Литература

Бакони И. Преподавание русского языка в Венгрии: базовое, профессиональное, деловое. Дьёр–Будапешт, 2000.

Болла К., Палл Э., Папп Ф. Курс современного русского языка. Под ред. Ф. Паппа. Budapest, 1968.

Федосов В. А. Венгерско-русские языковые контакты. Преподавание языка в речевой среде с учетом родного языка студентов. Nyíregyhaza, 1997.

Федосов В. А. Русский язык в Венгрии. Преподавание языка. Саарбрюккен, 2015.

Bibliográfia: Nyomárkay István szerk. A magyarországi szláv nyelvtudomány bibliográfiája 1985 -ig – Библиография венгерской языковедческой славистики до 1985 г. Budapest, 1990.

Cs. Jónás Erzsébet. Összevető orosz–magyar mondattani elemzések. [Русско-венгерский сопоставительный анализ предложения] Nyíregyháza, 1996.

Ferenczy Gyula. Orosz kontrasztív nyelvtani rendszer és gyakorlatok. [Контрастивная система русской грамматики и упражнения] Budapest, 1969.

Kiss Kálmán. A magyarorszagi orosznyelv-oktatás első korszaka (1849–1949). [Первый период в преподавании русского языка в Венгрии] Debrecen, 1995.

Lengyel Zsolt, szerk. A nyelvoktatás alfa-bázisa. [Основы преподавания русского языка] Budapest, 1986.

Pete István. Фоноглогия и письменность русского языка. 3-е изд. Szeged, 1997.

Указатель имен

В списке после имени указывается номер главы и через дефис номер раздела этой главы, в котором называется имя данного русиста и рассматриваются его работы, например: 3-4. В случае Введения и Заключения указание имени имеет вид: 0-1 (Введение) и 0-2 (Заключение). Поскольку имена венгерских лингвистов в книге записываются и по-русски, и по-венгерски, то соответствующим образом эти имена подаются и в Указателе. Так как книга составлена на русском языке, то большая часть имен в Указателе записана по-русски.

Аванесов Р. Е. 6-4. Адягаши К. [Agyagási Klára] 0-2. Акишина А. А. 0-1. Александрова З. Е. 5-1, 6-4. Апресян Ю. Д. 1-2, 2-4, 4-2, 4-4, 6-3. Априли Л. [Áprily Lajos] 7-5. Артынюк Г. С. 7-1. Арутюнова Н. Д. 2-5, 4-1, 4-2, 4-4. Архангельский В. П. 5-1, 5-3. Ахманова О. С. 1-4, 5-1, 6-4, 7-2. Ашукины Н. С. и М. Г. 6-4.

Бабайцева В. В. 2-1. Бабунова М. А. 6-4. Бакони И. [Bakonyi István] 0-2. Балаж Я. [Balázs János] 7-4. Балецкий Э. [Baleczky Emil] 3-3. Банчеровский Я. [Bańczerowski Janusz] 5-3. Барци Г. [Bárczi Géza] 3-3. Барт И. [Bart István] 3-3, 3-4. Бархударов С. Г. 6-4. Бархударова Е. Л. 3-1. Бахтин М. М. 7-4. Белошапкова В. А. 1-2, 2-1. Белянин В. П. 5-3. Берци К. [Bérczy Károly] 7-5. Бобунова М. А. 6-4. Бихари Й. [Bihari József] 1-3. Болла К. [Bolla Kálmán] 0-1, 1-1, 2-1, 2-2, 2-3, 4-1, 6-3, 0-2. Бондарко А. В. 1-2, 1-3, 1-4. Брызгунова Е. А. 1-2. Будагов Р. А. 4-1. Буланин Л. Л. 1-2.

Валгина Н. С. 2-1. Ваха Б. [Wacha Balázs] 1-3. Введенская Л. А. 6-4. Верещагин Е. М. 3-4, 4-1, 6-4. Виноградов В. В. 1-2, 1-3, 2-1, 5-1, 5-2, 6-2, 7-2.

Габор А. [Gábor Andor] 7-4, 7-5. Гадани К. [Gadányi Károly] 6-1, 6-3. Гак В. Г. 1-4, 4-1. Галгоци А. [Galgóczy Árpád] 4-4, 7-5. Галкина-Федорук 1-2, 2-1. Гальди Л. [Gáldi László] 5-2, 7-2. Гаспаров М. Л. 7-3. Гвоздев А. Н. 1-1, 1-2, 2-1, 7-2. Гловинская М. Я. 1-2, 1-3. Гомбоц З. 3-3. Горбачевич К. С. 6-4. Григорьев 7-3. Гундель К. [Gundel Károly] 3-3, 3-4.

Даль В. И. 3-3, 5-1, 6-2, 6-4, 7-5. Дежё Л. [Dezső László] 0-1, 1-3. Дейш Э. [Dési Edit] 1-3. Денисов М. Л. 3-4, 6-4. Дерибас Л. А. 2-1, 6-4. Дерягин В. Я. 6-4. Дубичинский В. В. 6-4. Дубровин М. И. 5-2. Дьёрке З. [Györke Zoltán] 5-1, 5-4, 6-1.

Евгеньева А. П. 4-1, 6-4. Елистратов В. 3-2. Эрдёди Й. [Erdődi József] 3-3.

Жирмунский В. М. 7-3. Жолковский А. К. 2-2, 4-2. Жуков А. В. 5-1, 5-2, 6-4.

Зализняк А. А. 0-1, 6-4. Засорина Л. Н. 6-4. Золтан А. [Zoltán András] 6-2, 0-2. Земская Е. А. 3-1, 3-2.

Ильинская И. С. 7-2. Иорданская Л. Н. 2-2. Исаченко А. В. 1-2, 6-2.

Йонаш Э. Ч. [Cs. Jónás Erzsébet] 0-1, 3-2, 3-4, 4-4, 7-1, 7-4, 7-5.

Караулов Ю. Н. 4-1, 4-4, 5-4. Кардош Л. [Kardos László] 7-2. Квятковский А. 7-3. Кифер Ф. [Kiefer Ferenc] 1-3, 1-4. Кишш К. [Kiss Kálmán] 3-3. Клауди К. [Klaudy Kinga] 4-4, 5-2, 5-3, 7-4. Клюева В. Н. 6-4. Книежа И. [Kniezsa István] 3-3. Козырева Л. Ф. 5-3. Колесников Н. П. 6-4. Комиссаров В. Н. 7-4, 7-5. Комри Б. [Comrie, Bernard] 1-3. Костолани Д. [Kosztolányi Dezső] 7-4. Костомаров В. Г. 1-3, 3-4, 4-1, 6-4. Котелова Н. З. 3-1, 6-4. Крекич Й. [Krékits József] 1-2, 1-3, 2-1, 2-4, 4-3, 5-4. Круди Д. [Krúdy Gyula] 4-4. Крысин Л. Л. 6-4. Кубрякова Е. С. 4-4. Куглер К. [Kugler Katalin] 3-1, Кунин А. В. 5-1.

Лакофф Дж. [Lakoff, George] 4-4. Лацик М. [Laczik Mária] 0-1. Леваи Б. [Lévai Béla] 2-1, 2-4. Лендваи Э. [Lendvai Endre] 3-4, 4-1, 5-1, 5-3, 5-4, 6-1. Лендьелне З. [Lengyel Zoltánné] 2-1. Леонтьев А. А. 6-4. Лихачев Д. С. 4-4, 6-2. Лотман Ю. Н. 7-4. Лёринц Ю. [Lőrincz Júlia] 1-3, 1-4, 4-4. Латор Л. [Lator László] 7-5. Львов М. Р. 4-1, 6-4.

Макаи И. [Makai Imre] 7-4, 7-5. Максимов Л. Ю. 1-2, 2-1. Максимов С. В. 6-4. Марузо Ж. [Marouzeau, Jules] 6-4. Маслов Ю. С. 1-3. Маслова В. А. 4-4. Мельчук И. А. 2-2, 4-2. Мелих Я. 3-3. Милославский 1-4. Митрофанова О. Д. 1-3. Моисеенко В. 6-3. Мокиенко В. М. 6-2. Молотков А. И. 5-1, 5-2, 6-4. Мольнар И. Т. [Molnár T. István] 1-1. Морковкин В. В. 4-1, 6-4.

Никонов В. А. 6-4. Новиков Л. А. 5-1, 6-4. Ньюмаркаи И. [Nyomárkay István] 0-2.

Ожегов С. И. 2-5, 5-2, 6-3, 6-4. Оссовецкий И. А. 6-4.

Падучева Е. В.1-3. Палашти К. [Palásti Katalin] 6-3. Палл Э. [Páll Erna] 0-1, 1-1, 1-3, 2-1, 2-2, 2-3, 4-1, 6-3, 0-2. Папп Ф. [Papp Ferenc] 0-1, 1-1, 1-3, 2-1, 2-2, 2-3, 4-1, 6-3, 0-2. Пете И. [Pete István] 1-1, 1-3, 2-1, 2-3, 4-1, 4-2, 5-1, 5-2, 5-4, 6-1, 6-4. Петер М. 0-1, 1-1, 3-1, 3-2, 7-1, 7-2, 7-3, 7-4. Петерсон Н. С. 2-1. Петров И. В. и Ф. Н. 6-4. Пешковский А. М. 2-1. Пименова М. В. 4-4. Попова З. Д. 4-1, 4-4. Потебня А. А. 3-4. Преображенский А. Г. 6-4. Прохоров Ю. Е. 4-1, 5-4. Пулькина И. М. 1-2.

Распопов И. П. 2-1. Рев М. [Rév Mária] 7-1, 7-4, 7-5. Ревзин И. 2-2. Репаши Д. [Répási Györgyné] 3-1. Розенталь Д. Э. 1-2, 1-3, 4-1, 6-4. Рот Ш. [Rot Sándor] 0-2.

Саламин Э. [Szalamin Edit] 3-1. Сас С. 3-3. Сепеши Э. [Szepesi Emese] 0-1. Секей Г. [Székely Gábor] 1-4, 4-2, 4-3. Сиротинина О. Б. 3-1. Скворцов Л. М. 6-4. Скляревская Г. Н. 3-1, 6-4. Спагис А. А.1-3. Срезневский И. И. 6-2, 6-4. Степанов Ю. С. 4-1, 4-4. Стернин И. А. 4-1, 4-4. Сущинский И. И. 4-2. Тагиев М. Е. 5-1.

Татар Б. [Tatár Béla] 0-1, 5-1, 5-2, 5-4, 6-1, 7-1, 7-4, 7-5. Теленкова М. А. 1-3, 4-1, 6-4. Тихонов А. А. 1-2, 6-4. Толчваи Г. Н. [Tolcsvai Nagy Gábor] 1-4, 4-4. Томашевский Б. В. 7-3. Торда И. 7-5. Тот А. [Tóth Árpád] 7-4. Тот Л. [Tóth László] 1-3. Трочани З. [Trócsányi Zoltán] 3-3. Тынянов Ю.7-3.

Убин И. И. 4-1, 4-2. Удвари И. [Udvari István] 3-3. Уорс Д. С. [Worth, Dean S.] 2-2. Урхеди Э. [Úrhegyi Emília] 3-3. Успенский Б. А. 6-1. Уфимцева А. А. 4-1. Ушаков Д. И. 6-4.

Фасмер М. [Vasmer, Max] 6-2. Фелицина В. П. 5-4, 6-4. Феньвеши И. [Fenyvesi István] 3-2. Филин Ф. П. 6-4. Филмор Ч. 4-4. Фомина М. И. 5-4. Формановская Н. И. 0-1, 5-3. Фортунатов Ф. Ф. 1-2, 2-1.

Хадрович Л. [Hadrovics László] 3-3, 5-2. Хаи Д. [Háy Gyula] 7-4, 7-5. Хайзер Л. [Hajzer Lajos] 3-3, 3-5, 6-3. Хайнади З. 0-2. Холлош А. [Hollós Attila] 3-3. Холшевников В. Е. 7-3. Хомский Н. [Chomsky, Noam] 2-1, 2-2, 2-5. Хорват И. [Horváth Iván] 3-3. Храковский В. С. 1-3. Хуняди Л. [Hunyadi László] 1-3. Хэррис З. [Zellig S. Harris] С. 2-2.

Цамбель Ш. [Czambel Samu] 0-2. Цейтлин Р. М. 6-4.

Черных П. Я. 6-2. Чернявская Т. Н. 3-4. Чути Ш. [Csuti Sándor] 2-1.

Шальга А. [Salga Attila] 0-1. Шанский Н. М. 1-2, 5-1, 5-4, 6-4, 7-2. Шапиро А. Б. 6-4. Шахматов А. А. 6-2. Шведова Н. М. 1-2, 2-5, 7-2. Шелякин М. А. 1-2, 1-3. Шмелев Д. Н. 4-1, 6-3. Шпиро Д. 7-4. Штейнфельдт Э. А. 0-1, 6-4.

Эйхенбаум Л. Н. 7-3. Эльберт Я. [Elbert János] 7-4, 7-5. Эрдеи М. [Erdélyi Mihály] 2-1.

Яношка Ш. [Jánoska Sándor] 0-1. Яранцев П. И. 5-2, 6-4. Ясаи Л. [Jászay László] 1-1, 1-2, 1-3, 1-4, 4-3, 5-3.

Apreszjan J. D. 1-3, 4-1.

Banczerowski J. 4-4. Beke Ödön 6-1. Bencses R. 4-4. Bencze Ildikó 3-4. Bihari József 0-1. Budai Júlia 3-2.

Charman P. L. 3-2. Csuti Sándor 2-1.

Drahos József 4-2, 6-1.

Erdélyi Mihály 2-1. Erdődi József 3-3.

Fenyvesi István 3-2. Ferenczy Gyula 0-2. Fónagy Iván 7-2, 7-3.

Gadányi Károly 6-3. Gáldi László 0-1, 7-2, 7-3. Györke Zoltán 5-4, 6-1.

Hadrovics László 0-1. Hajzer Lajos 3-3, 3-5, 5-4. Hodinka A. 6-2. Hollós Attila 3-3. Horváth Iván 6-1.

Issatschenko Alexandr 6-2.

Jászay László 1-1, 1-2, 1-3. Jónás Erzsébet 4-1, 4-2, 4-4, 5-3, 7-1, 7-4, 7-5, 0-2. Johnson D. B. 0-1. Josselson H. H. 0-1.

Keszthelyi Ernő 5-1, 5-5-4. Kiefer Ferenc 1-4. Kiss Kálmán 0-2. Kiss Tamás 3-2. Klaudy Kinga 4-4. Kocsis Margit 5-1, 6-4. Kövecses Zoltán 4-4. Kozák A. S. 0-1. Krékits József 1-2, 1-3.

Lapteva A. 3-1. Lendvai Endre 3-1, 3-2, 3-4, 5-3. Lengyel Zoltánné 2-1. Lengyel Zsolt 0-2. Lévai Béla 2-5. Lőrincz Júlia 4-4. Lutz D. W. 3-2.

Melich János 6-1. Misky György 6-1. Mojszejenko Vladimir 6-3. Molnár T. István 1-1.

Nyomárkay István 0-2.

O. **N**agy Gábor 5-4.

Páll Erna 1-3. Papp Ferenc 0-1, 4-3. Pete István 1-1, 2-1, 2-3, 4-2, 5-2, 0-2. Péter Mihály 3-2, 7-1, 7-2, 7-3, 7-4, 7-5.

Rákos Ferenc 5-4. Répási Györgyné 3-1. Rév Mária 7-1, 7-4. Rot Sándor 3-3.

Szalamin Edit 3-1. Székely András 4-1. Székely Gábor 4-1, 4-2, 6-1.

Tatár Béla 5-1, 6-1, 6-4. Tolcsvai N. Gábor 4-4. Tóth Imre 0-1. Trócsányi Zoltán 3-3.

Worth D. S. 0-1.

Zoltán András 6-2, 0-2.

Содержание

Предисловие 5
Введение 7
Глава 1 Морфология русского языка 14
1.1. Морфология имени в русском языке (Т. И. Мольнар) 15
1.2. Морфология русского глагола: значение глагола (Й. Крекич) 28
1.3. Значение русского глагольного вида (Л. Ясаи) 49
1.4. Варианты выражения значения русского глагола (Л. Ясаи, Ю. Лёринц) 66
Глава 2 Синтаксис русского языка 75
2.1. Традиционный синтаксис русского языка (М. Эрдеи, Ш. Чути, З. Лендьел, И. Пете) 76
2.2. Формальный синтаксис русского языка (Ф. Папп) 100
2.3. Семантический синтаксис русского языка (Э. Палл, И. Пете) 109
2.4. Побудительные перформативные высказывания в русском языке (Й. Крекич) 112
2.5. Бытийные и локативные предложения в русском языке (Б. Леваи) 124
Глава 3 Лексика русского языка 131
3.1. Русская разговорная лексика (Э. Саламин, Д. Репаши) 132
3.2. Русская сленговая лексика (И. Феньвеши) 143
3.3. Венгерская лексика в русском языке (А. Холлош, И. Хорват) 162
3.4. Венгерская культурологическая лексика на русском языке (И. Барт) 180
3.5. Венгерские топонимы в русском языке (Л. Хайзер) 189
Глава 4 Семантика русского языка 196
4.1. Лексическая семантика русского языка (Э. Лендваи) 197
4.2. Степени сравнения в лексике (Г. Секей) 219
4.3. Грамматическая семантика русского языка (И. Пете) 242
4.4. Когнитивная семантика русского языка (Э. Ч. Йонаш) 263
Глава 5 Фразеология русского языка 273
5.1. Теоретические проблемы русской фразеологии (Б. Татар) 275
5.2. Практические вопросы русской фразеологии (И. Пете) 304
5.3. Русские анекдоты как фразеология русского языка (Э. Лендваи) 323
5.4. Русская фразеология в зеркале венгерской фразеологии (З. Дьёрке) 338
Глава 6 Лексикология русского языка 348
6.1. Состав русской лексикологии (И. Пете) 349
6.2. Историческая лексикология русского языка (А. Золтан) 357
6.3. Русская лексика со значением цвета (К. Гадани) 374
6.4. Русская лексикография (Б. Татар) 390
Глава 7 Язык русской художественной литературы 420
7.1. Преподавание литературы и ее научное изучение (М. Рев, М. Петер, Б. Татар, Э. Ч. Йонаш) 421
7.2. Язык поэм А. Твардовского (М. Петер) 425

7.3. Русское стихосложение (М. Петер).....462
7.4. Переводы драм Чехова на венгерский язык (Э. Ч. Йонаш) 475
7.5. Переводы русской поэзии и прозы на венгерский язык (Э. Ч. Йонаш) 496
Заключение.....507
Указатель имен.....513

Федосов Виктор Александрович (*1936) – доктор педагогических наук, профессор кафедры начального образования Владимирского университета (г. Владимир, Россия). Специальность – методика преподавания русского языка как иностранного.

С 1980 по 1991 г. В. А. Федосов работал сначала деканом, а затем (с 1984 г.) заведующим кафедрой русского языка на Венгерском отделении Владимирского педагогического института, где проходили семестровую стажировку по русскому языку венгерские студенты из всех педагогических институтов Венгрии и педагогического факультета Будапештского университета. На кафедре под редакцией В. А. Федосова издавались русско-венгерские сборники по методике преподавания русского языка в венгерской учебной аудитории. После, в течение 18 лет (1991–2009 гг.), В. А. Федосов преподавал русский язык в Венгрии в педагогическом институте г. Ньиредьхаза, где приготовил и опубликовал 4 учебных пособия по русскому произношению и русской культуре для студентов Венгрии, а также 1 монографию, на основании которой в 1999 г. в Москве в Институте русского языка им. Пушкина защитил докторскую диссертацию по педагогике.

В. А. Федосов – автор свыше 250 публикаций, из которых 4 монографии; последняя монография – на тему преподавания русского языка в Венгрии – вышла в Германии в 2015 г.

В настоящей книге излагается наука о русском языке, как она осуществлялась в Венгрии. Описываются научные исследования в области морфологии, синтаксиса, лексики, семантики, фразеологии, лексикологии, а также языка русской художественной литературы. Адресуется книга научным работникам-филологам, преподавателям русского языка как иностранного как в Венгрии, так и в России. Книга может быть и учебным пособием по спецкурсам на названные темы для студентов-русистов.

9 789631 231182

BBB IV. ◆ В. А. Федосов ● Русский язык в Венгрии (Научные исследования)